Бессердечная
Тамара
18+

Элен Кёрн

Бессердечная Тамара

https://litres.ru/74067543
SelfPub; 2026

Аннотация

Могут ли бессердечная ведьма и её кот воспитать ребёнка? А если им поможет Король Фей?

Бессердечная Тамара (буквально — сердца у неё нет) и её фамильяр Клэр находят в лесу младенца. Они решают, что нет идеи лучше, чем взять мальчика по имени Кир в ученики.

Десять лет они живут вдали от мира людей, пытаясь заменить семью логикой и магией. Но как долго заклинания смогут заменять Тамаре сердце? И что произойдёт, когда прошлое наконец постучит в дверь их тихого домика в Лесу Короля Фей?

Содержание

Пролог 5
АКТ I: Лес фей. Глава 1: Дом ведьмы и её кота 17
АКТ I: Лес фей. Глава 2: Первые шаги 37
АКТ I: Лес фей. Глава 3: В разлуке 53
АКТ I: Лес фей. Глава 4: Социальный конструкт 88
АКТ I: Лес фей. Глава 5: Мужской секрет 123
АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 6: Мальчишник и десятая свеча 151
АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 7: Шу 183
АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 8: От красных ужей к оленям и людям 200
АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 9: Горькое лекарство 235
АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 10: Ценность жизни 261
АКТ III: Царьград. Глава 11: Пойми меня 291
АКТ III: Царьград. Глава 12: Грифон не знает пути домой 305
АКТ III: Царьград. Глава 13: Страсть 329
АКТ III: Царьград. Глава 14: Отец 354
АКТ III: Царьград. Глава 15: Уважение 373
АКТ IV: Храм бога войны. Глава 16: 397

Соловьиный остров
АКТ IV: Храм бога войны. Глава 17: Каменные вены 420
АКТ IV: Храм бога войны. Глава 18: Бог 454
АКТ IV: Храм бога войны. Глава 19: Сердце 480
АКТ IV: Храм бога войны. Глава 20: Песни 499
АКТ V: Юг. Глава 21: Верен 541
АКТ V: Юг. Глава 22: Нут 599
АКТ V: Юг. Глава 23: Имхотеп 633
АКТ V: Юг. Глава 24: Геб 672
АКТ V: Юг. Глава 25: Снова в Шу?! 778

Элен Кёрн
Бессердечная Тамара

Пролог

Что есть сердце и что есть чувства? Что есть человек без чувств? Что есть знание без истины? И что есть сама истина?

— Тамара! — чёрный кот всё никак не замолкал. — Тамара!

Ведьма, чьё имя он неустанно выкрикивал, пытаясь донести до неё важность и необходимость своих слов, продолжала делать вид, что кота, суетливо бегущего у её ног, не существует. Капюшон красного плаща прикрывал её лицо от ударов колючих голых осенних ветвей. Чёрный кот запрыгнул ей на плечо.

— Ну, Тамара! — прокричал он истошно.

— Чего разорался? — ведьма остановилась. — Ноябрь с мартом перепутал?

Хоть из чужих уст эти слова были бы шуткой, голос ведьмы был холоден и ровен, не отражая ни единой эмоции.

— Я говорю, что деревня в другой стороне, — самодовольно заявил кот.

— Куда бы я ни пошла, ты всё время говоришь, что она в

другой стороне. Просто признай уже, что мы ходим кругами, а ты и сам не знаешь, где мы. — Тамара достала из кожаной сумки карту, развернула ладонь кверху, и на ней алым светом появилась стрелка компаса и направления.

— Так у тебя всё это время была карта?! — возмутился кот. — Так почему же мы столько ходили кругами?!

— Потому что кое-кто уверял меня, что он хороший проводник, — отмахнулась Тамара и зашагала вперёд. — Нам не пришлось бы столько ходить, перенеси ты нас, Клэр.

— У меня маны совсем мало осталось, и я голоден! — заныл кот по кличке Клэр. — Ты гоняла меня по всем горам Велеса ради какой-то змеиной шкуры!

— Мне интересно, как чешуя красного ужа повлияет на действие моего снадобья от оленьей оспы, — рассказала Тамара. Красный уж обитает в этих горах, а вот на нижних равнинах его не бывает. Олени в горах здоровы, а на равнинах погибают от болезни. Растительность там примерно одинаковая. Они пьют воду из того же ручья, устье которого начинается из горного источника. Хотя может, всё-таки дело в воде.

— Сдались тебе эти олени, я так устал! — продолжал свою тираду Клэр.

Густые ветви чуть расступились. Тамара вновь остановилась, пока кот Клэр продолжал охать у неё на плече, имитируя смертельную усталость. Она сверялась с картой и компасом на своей ладони. В желтоватом рисунке виднелась река.

— Ты слышишь? — Клэр внезапно выпрямился, навострил уши и зашевелил белыми усами.

— Если это шум воды, то мы на верном пути, — отозвалась Тамара, сравниваясь то с картой, то с компасом.

— Нет же! Тихо! — шикнул Клэр.

Тамара подняла красные глаза на кота. Тот завертелся пуще прежнего, спрыгнул с её плеча, прошмыгнул под густым кустарником и исчез в зарослях. Ведьма безразлично посмотрела на карту, а после опустила руку, и красный магический компас исчез. Она прошла сквозь колючий кустарник, вновь прикрываясь от ветвей капюшоном своего красного плаща. Только хруст от сухих листьев стих, и показалась река. Та, что была обозначена на карте. Значит, до деревни оставалось совсем ничего. Но за шумом воды был и ещё один звук. Писк. Или скорее плач. Ведьма откинула капюшон и огляделась. Её спутник склонился над потрёпанной корзиной. К чёрной морде тянулись маленькие ручки.

— Ребёнок, значит, — безразлично проговорила она.

Заметила Тамара и куриные окровавленные перья, и лапы, и голову, брошенные рядом с корзинкой, чтобы приманить одно конкретное существо.

— Кому в голову пришло оставить здесь ребёнка? — Клэр коснулся лапой детской ручки, словно играя. — Неужто урожай так скуден, что и одного дитя не могут прокормить?

— Он жертва, — внезапно сказала Тамара.

Кот испуганно отпрыгнул от корзинки и огромными гла-

зами посмотрел на ведьму.

— Куриные потроха и голова здесь, чтобы на запах крови прибежал фавн. Посмотри, — Тамара подняла голову. Вдоль реки извилистыми стволами раскинулись деревья. — Это ведь дикие ранетки. Они мелкие, что воробей за раз проглотит, а на вкус горькие и кислые. Обычно они остаются висеть даже на голых ветвях, когда снег выпадает. И так до конца зимы, пока оголодавшие птицы не съедят. Но сейчас начало ноября, а на всех деревьях ни единого плода. Видимо, урожай так скуден, что селяне и их в расход пустили. Олени все околели по весне из-за оленьей оспы. А хищники начали зверьё помельче давить. Ни урожая, ни дичи. Вот и решили фавна приманить, чтобы тот за жертву им помог. Что только не делают с людьми голод и суеверия

Тамара смотрела на младенца, обречённого на смерть, без толики интереса. Зашумел ветер в лесу.

— А вот и приглашённый, — тихо проговорила она, и из её руки вырвалось заклинание.

Клэр рефлекторно бросился к ней. Алые искры заструились в чёрных волнистых волосах ведьмы, неровно обрезанных по самый подбородок. Костлявое чудище, поражённое магией, своим телом сломало ствол дикой ранетки. Сложно было не узнать в нём фавна. Козлиные ноги его были серо-коричневого цвета, а витые рога свидетельствовали о длительном существовании на этой земле. Сопротивляясь алым искрам заклятья, фавн поднялся, стукнув копытом о

землю.

— Что привело тебя в эти земли, Бессердечная ведьма Тамара? — с насмешкой спросил он.

— Обычно фавны не охотны на разговоры с людьми, — ответила ему ведьма.

— Как уж не поговорить с той, что благословлена богом войны и почитаема королём фей, — слащаво заискивал фавн. Тамара ему не ответила: её левая рука всё так же была готова атаковать магией, а правая сжимала меч под плащом.

— Ну так какова же причина твоего здесь присутствия? — повторил свой вопрос фавн, не дождавшись ответа. — Неужто жалость пробрала от вида брошенного дитя?

Тамара усмехнулась.

— Жалость доступна лишь тем, у кого есть сердце. Поэтому ваш род и вымирает. Уж слишком вы глупы, хоть и пытаетесь казаться мудрецами, — ответила она на издёвку нечисти. — Я лишь желала побывать в знакомых местах. На этом нам и стоит разойтись, жадное создание.

— Ты иди, — фавн кровожадно глянул в сторону заливавшегося плачем ребёнка. Может, дитя испытывало страх перед лесным созданием, а может, причиной его слёз были мокрые пелёнки.

— Жаль тебя разочаровывать, но сегодня, Фавн, ты уйдёшь отсюда голодным, — Тамара закрыла собой ребёнка.

— Говоришь, что жалости в тебе нет, так какое же тогда тебе дело до того, съем я это дитя или нет? — засмеялся

Фавн в ответ.

Тамара посмотрела на ребёнка без капли сочувствия в красных глазах.

— Мне нет дела до того, умрёт этот ребёнок от голода или нет, но отдать его тебе я не могу, — заявила она. — Видишь ли, смыслом своей жизни и пути я вижу истину, а приносить ребёнка в жертву, чтобы спастись от голода, — преступление против истины. Я бы назвала это скудностью ума и образования.

Фавн рассмеялся в ответ.

— В чём же противоречие? — зарычал он. — Я заберу ребёнка, а в качестве награды пригоню зверя с гор, а следующий год сделаю урожайным. Да, ребёнок умрёт, но зато добрый десяток селян будут живы и даже сыты. Разве это не истина?

— Гладко стелешь, — за спиной Тамары загорелся магический круг. — Да только не договариваешь. Вы, фавны, создания из леса, и магия ваша от природы, а значит, вы не творите никаких чудес. Ты пригонишь дождевые тучи в эту деревню, а в другой наступит засуха. Во всех ваших чарах важно равновесие. Эта деревня выживет, а другая умрёт под натиском несчастий. Вот в этом истина. А твои слова — лишь красивая обёртка для жажды человеческого мяса.

Фавн затих, встав на четвереньки. Тело его напряглось, разгневанное досадой. Нечисть сорвалась с места, мелькнули зелёными огнями лесные чары, а ворох засохших листьев

заполнил пространство вокруг. Сладкоречивый фавн обратился диким зверем, бросился на Тамару; она извернулась, отбросив магией его чары, а мечом заблокировав удар. Их взгляды встретились. Её — безразличный, его — горящий яростью. Его массивное тело заставляло руку Тамары, державшей меч, подрагивать от напряжения. Из пасти оголодавшей лесной нечисти текла густая слюна.

— Вот теперь ты явил истинного себя, Фавн, — дрожащим от напряжения голосом сказала Тамара.

Алые искры вновь сверкнули вокруг неё. Ведьма пнула чудовище и махом отрубила ему руку. Фавн взвыл, отполз в сторону. Из его раны лилась густая кровь. Тело его вновь ссутулилось, пытаясь казаться меньше.

— Фавны вымирают, так что я не стану тебя убивать. По крайней мере, сейчас, — чары Тамары со звоном распались на осколки, больше не имея необходимости.

— Бессердечная ведьма! — прорычал фавн. — Что ты знаешь о несчастье людей, пострадавших от войны?! Может, и из своего умысла я, в отличие от тебя, хотел им помочь. Этим несчастным людям на краю этого людского государства, пострадавшим от огня войны.

— Проиграл сначала в словах, потом в силе, теперь снова пытаешься зубы заговорить, — устало вздохнула Тамара. — Поистине глупое создание. Война в этих землях окончилась год назад. Царь этой страны направил в помощь золото, людей, семена для новых культур, скот, запасы продовольствия.

Эта деревня могла встать на путь процветания, если бы местные потратили деньги и всё прочее с умом, но их ослепила жадность, они тратились налево и направо, а неурожай их постиг не столько из-за засухи, а скорее из-за того, что они не закупили по весне нужное количество семян. Пустили деньги на дорогие ткани и прочие глупости. Могли бы потратить их на книги и узнали бы, как взрастить богатый урожай. Проложили бы дороги и смогли бы наладить торговлю с соседними городами. Развели бы скот вместо того, чтобы устраивать пышные гуляния, забивая по шесть телят на дню, и сейчас ели бы мясо, а не давились кислыми мелкими ранетками. — Тамара присела перед поверженным фавном. — Если дать тебе сожрать младенца, чтобы ты помог им, они ничему не научатся, привыкнут к тому, что стоит отдать одного сиротку на убой дикой твари, и можно дальше жить, не думая о последствиях. Это не просто наказание за жадность. Это урок, который им необходимо усвоить. Иначе ты разжиреешь, поедая младенцев. Хотя, ты ведь это и без меня знаешь. Ползи уже в чащу, иначе мне может стать интересно, что внутри тела фавна. Вы ведь вымираете. Вдруг, у меня не будет другой возможности.

Фоном всех её слов был разрывающий детский плач. В глазах ведьмы сверкнуло что-то тёмное и зловещее и в то же время абсолютно лишённое чувств. То, что в определённых кругах можно было бы назвать «научным интересом». Фавн испуганно отполз назад, сжимая кровоточащий обру-

бок своей руки; на дрожащих козлиных ногах он поднялся и умчался прочь в чащу. Тамара проводила его взглядом, затем поднялась и откинула плащ, под ним оказался Клэр, вцепившийся когтями в её ногу.

— Он ушёл, отцепись от меня, — сообщила она коту. Клэр нервно усмехнулся и спрыгнул на сухую траву.

— Ну и жуть! — испуганно выдохнул Клэр. — Чуть сердце в пятки не ушло, знаешь ли!

— Не знаю, — равнодушно ответила Тамара. — У меня ведь нет сердца.

Ребёнок продолжал плакать. Близился закат.

— Домой пора, — глядя на небо, заметила Тамара.

— А деревня! — возмутился кот. — Не пойдём туда?!

— Да нечего там уже делать, — пожала плечами Тамара. — Всё ведь и так понятно.

— Ну, знаешь ли! — не утихал Клэр. — Мы полдня по лесу шарахались! А сейчас, когда деревня совсем рядом...! — он остановился на середине фразы, тяжело вздохнул и опустил голову. — Впрочем, ожидаемо. Маны у меня предостаточно, пошли домой. Только вот...

Кот подошёл к плачущему ребёнку.

— Если тут его оставим, та страхолюдина за ним снова придёт, — кот с грустью посмотрел на ребёнка. — Может, в другую деревню тихонько подкинем?

Внезапно зрачки кота испуганно расширились. На щеке младенца проявился маленький ромбик.

— Так вот как, — Клэр поник. — Не получится, значит. И когда эта тварь успела.

Тамара примерно понимала. Когда это произошло. Буквально за момент до того, как фавн обратился чудищем, он поставил на младенце свою метку, обозначив его как свою жертву.

— С такой меткой его ни в одной деревне не примут, да в городе тоже. Люди верят, что она приносит несчастья. Прости, малыш, но похоже, ты обречён, — Клэр сочувственно смотрел на ребёнка.

— У него сильная мана, — внезапно сказала Тамара.

— И на кой она ему сдалась! С таким-то клеймом он и до году не доживёт, — фыркнул Клэр. — Либо фавн его найдёт и сожрёт, либо люди в костёр кинут.

Тамара молча подошла к корзине. Ребёнок был завёрнут в грубую простыню вместо пелёнки. Плакать он, видимо, уже устал и только иногда хлюпал, издавая протяжные звуки. Дитя открыло слипшиеся веки.

— Красные глаза, как у тебя, — подметил Клэр. — В столице немало дворянских родов с красным цветом глаз. Наверное, мать его была чьей-то любовницей, а то и вовсе куртизанкой, забеременела, а его отец отправил её сюда рожать, напев что-то про свежий воздух и так далее. Возможно, мать его мертва вовсе, а отец просто подонок. Идём?

Тамара не ответила. Её руки аккуратно подняли ребёнка. Было заметно, что к такому она непривычна. Малыш затре-

пыхался в её руках, заливаясь новым плачем.

— Что ты делаешь? — удивился Клэр.

— Если оставлю его тут, то суеверия победят, а суеверия противоречат истине, — ответила Тамара.

— Ты так сильно не хочешь проигрывать тому чуду-юду? — скривился кот. — Ну, возьмём мы его, а потом куда денем?

— Никуда, — Тамара попыталась успокоить ребёнка. — У тебя уже достаточно маны, создай портал домой. В лесу короля фей ему ничего угрожать не будет. Ни суеверия, ни фавн.

— Тамара, ты бессердечная ведьма, а я кот. Из нас не выйдет родителей, — вполне справедливо подметил Клэр.

— Очевидно, я не могу быть матерью. У меня ведь нет сердца. У него сильная мана, поэтому пусть будет моим учеником. Кажется, это мальчик.

— Тамара, а что скажет на это король фей? — не уступал Клэр.

— Тебя он терпит, и его потерпит. — На ветви ранетки, шумно взмахнув крыльями, приземлилась ворона. — Нужно имя...

— Тамара, это просто отвратительная идея, — продолжал возражать Клэр.

— У моего ученика ведь не может не быть имени.

— Тамара, ты хоть знаешь, как менять пелёнки? Я вот кот, и у меня лапки... — Клэр продемонстрировал свои розовые

подушечки.

— Ничего в голову не идёт...

— Ка-а-р! — Ворона на ветвях встрепенулась.

— Кар? — задумчиво повторила Тамара.

— Серьёзно? — Клэр просто не мог поверить происходящему. — Ты же не собираешься дать ему имя, потому что у тебя над головой птица орёт.

— Кар как-то странно звучит, — бормотала свои мысли Тамара. — Тогда пусть будет Кир. Да, звучит неплохо.

Клэр разочарованно выдохнул, под его лапами заискрился чёрный магический круг, и перед ними возник портал.

АКТ I: Лес фей. Глава 1: Дом ведьмы и её кота

Феи были существами пугливыми, но при этом суетливыми, шумными и надоедливыми. Ростом они были не больше человеческой ладони, пухлощёкими, телосложением похожи на сдобных ребятишек. Больше всего в своей жизни феи любили пакостить людям. Обладая миловидной внешностью и крайне гадким характером, эти маленькие отвратительные создания пробирались в дома, раскидывали и прятали вещи, выращивали плесень, делали так, чтобы хлебное тесто падало, в огородах выращивали сорняки, а в печные трубы скидывали сор. Случалось им сталкиваться с людьми в лесах, и феи заводили несчастных путников в чащу. Понять их нелюбовь к людям было не сложно. От человеческих рук их народ пострадал знатно. Веками их отлавливали, сажали по клеткам, продавали в качестве домашних животных, заставляли прислуживать, варили из них зелья, которые якобы давали молодость и беспощадно разоряли их дома. И всё же феи были добры и наивны, так что за все эти зверства отплачивали людям не более чем мелкими шалостями. И всё же был один человек на свете, в доме которого они не смели проказничать.

– Эта Бессердечная Тамара вновь что-то странное затева-

ет! – прошептал Ландыш.

– Угу-угу! – вторили ему остальные.

В роду луговых фей малыш Ландыш был самым настоящим главарём банды или же, как их называл чёрный кот Клэр, «мошкары». Ведьма Тамара без сердца, но с котом поселилась в их лесу чуть больше года назад. Все феи относились к ней почти также, как и к остальным людям. Терпеть её не могли, но боялись так сильно, что в её двухэтажном домике на лугу не смели шалить. Разве что пугливо наблюдали, прячась меж дверец её платяного шкафа, книжных стеллажей и кухонных склянок. Тамара то сидела в своём доме безвылазно над гримуарами и котлом, то исчезала, укутавшись в красный плащ. На присутствие их внимания почти не обращала, разве что, когда замечала копошение у окна, оставляла сладости на блюдечке. Маленькие феи не понимали, чем их королю так приглянулась странная ведьма с красными глазами, но пойти против своего покровителя не решались.

– Что это за странные звуки? – фея Герань лениво соскользнула с ветки иссохшего камыша. – Неужто кот раскричался?

– Тоже мне кот! – фыркнул белокурый Ландыш, оттягивая лямки своего зелёненького комбинезончика. – Хоть и в кошачьей шкуре, а всё же человек!

– Да нет же! – воскликнул рассудительный Лютик. – На кота совсем не похоже!

В доме что-то звякнуло, упало, послышалось ругань Клэ-

ра, слова Тамары, похожие на заклинания, и странный незнакомый феям звук сначала начал утихать, а потом и вовсе затих.

– Прекратилось? – задумчиво произнесла Герань.

– Уверен, это что-то неладное! – заявил Ландыш. – Нам немедленно нужно это разведать!

– Да ну, – Герань сонно потянулась и зевнула. – Пошли лучше к водным феям. Они устраивают гонки на лягушках.

– О каких лягушках сейчас может идти речь?! – возмутился Ландыш. – А вдруг Тамара решила устроить какой-то ужасный эксперимент в нашем лесу?! Или какое чудовище притащила! А может она там варит какое-то ужасное зелье, чтобы нас всех поработить и заставить делать всю работу в её доме!

– Сомневаюсь. Тамара слишком талантливая волшебница. Ей не нужны такие малыши, как мы. Она с работой по дому с помощью магии справляется. – отмахнулся Лютик. – Но я бы всё равно проверил. Если она делает что-то запрещённое, нажалуемся королю фей, и его величество погонит её из леса.

– Отличный план! – поддержал Ландыш. – Полетели!

Мальчики сорвались с места немедленно, а Герань неохотно полетела вслед за ними.

– А я бы лучше на лягушек посмотрела, – с досадой пробормотала она себе под нос.

Осенний воздух на улице был уже достаточно прохлад-

ным, поэтому ни единого открытого окна в доме Тамары не было. Дверь тоже была наглухо закрыта, поэтому феям пришлось пробираться в дом через печную трубу. К счастью, хоть дымоход ещё и не остыл после последней топки, огонь в камине разожжён не был. Перепачканные сажей феи пробрались в гостиную на первом этаже, осмотрели кухню, зажевали оставленные как бы невзначай меренги, а затем пролетели вверх по лестнице, в рабочую комнату Тамары. И что же их там встретило? Обычно аккуратная комната была перевёрнута с ног на голову. Гримуары и прочие книги были разбросаны по полу, стенд с чертежами оказался завален непонятными мелкими вещицами, никак не относящимися к обычной деятельности ведьмы Тамары и её спутника Клэра, бутылки из-под молока, игрушки и пеленки, чернильница была опрокинута, и тёмная густое пятно испачкало ценное перо Журавля с золотым кончиком и вместе с ним и ковер. По полу катались склянки из-под зелий, а в центре этого хаоса, словно его эпицентр, стояла колыбель. Сама же ведьма спала на кушетке, испачканной молоком, вместе с Клэром.

Феи испуганно огляделись по сторонам. Лютик предусмотрительно проверил спящих Тамару и кота, и, когда убедился, что дыхание их ровное, а глаза закрыты, поднял большой палец вверх.

– Ой! Что это? – тонким голоском воскликнула Герань, глядя на содержимое колыбели.

– Очевидно! Это страшное чудище, которому проиграла

даже Тамара! – Ландыш смерил боязливым взглядом неизвестное ему создание.

– Смею предположить, что это человеческий ребёнок, – с умным видом подметил Лютик.

– Не думала, что людские детёныши могут быть такими милыми, – Герань присела на край колыбели, любуясь спящим ребенком.

Ребенок беспокойно пошевелился во сне, двинув ручками. Лица фей залились румянцем от умиления. Комната наполнилась беспокойным шушуканье. Чёрный кот Клэр, лежавший рядом со спящей на зелёной кушетке Тамарой, зашевелил сначала ушами, а затем лениво поднял голову, но его сон резко улетучился, стоило ему заприметить фей у колыбели. Младенец всё чаще шевелил ручками во сне и трепыхался. Клэр сорвался с места и одним скачком оказался у колыбели.

– А ну... брысь отсюда! – яростно зашипел он.

Малыш тихо захлюпал и начал медленно открывать глаза. Шерсть кота вздыбилась от испуга, и он тут же бросился к колыбели, упёрся в бортик передними лапами, отчего та начала раскачиваться в ровном темпе.

– Тише-тише, – вторил укачиваниям Клэр. – Засыпай, Кир.

Его взгляд метался от ребёнка к спящей Тамара и обратно. Малыш поначалу вроде даже успокоился, но спустя мгновение тишина разразилась плачем. Кота охватила паника, а

Тамара очень тяжело приподнялась с кушетки. Под её глазами были тёмные круги, а лицо казалось бледнее обычного. Ведьма тяжело вздохнула, подошла к колыбели, не удостоив фей даже взглядом, и подняла ребёнка на руки, малыш, получившие имя Кир, почувствовав её тепло постепенно успокоился, но засыпать не торопился. Тамара тяжело вздохнула, махнула рукой, и с её письменного стола прилетела небольшая корзинка, в которую она тут же уложила ребёнка, а за ней вереница самоцветов. Драгоценные камни выстроились перед ребёнком в причудливые фигуры, и тот, заворожённый зрелищем, застыл.

– Кажется, ему нравится, – ухмыльнулся Клэр, глядя в корзинку, которую Тамара поставила на кушетку, сев рядом. – Слушай, а это разве не камни из сокровищ той русалки, что головой поехала?

– Именно они, – ответила Тамара.

Она махнула рукой вновь. Ребенок приподнялся в воздухе, пеленка, в которую он был завернут, сменилась другой и упорхнула в большую корзину с такими же грязными пеленками, а Кир вернулся в корзинку любоваться камнями. Сор в комнате превратился в пепел, который тут же сама по себе заметала на железный совок метла. Гримуары и книги взлетели, зашелестели страницами и направились на свои места на книжных полках, на одну из книг ловко запрыгнул Клэр, пролетел на ней до стойки с зельями, подхватил небольшой блокнот в кожаном черном переплете и с ним в зубах вер-

нулся к Тамаре. Чернила с ковра и пола мелкими подтеками собрались обратно в чернильницу, а перо самостоятельно обмакнулось в них и стрелой прилетело в руку Тамаре.

– Так они же прокляты, – напомнил Клэр Тамаре, передав ей блокнот.

– Кир мой будущий ученик, ему нужно привыкать работать с проклятьями, да и на камнях оно совсем слабое, – Тамара раскрыла блокнот на нужной странице. – Кормить его пока рано, из книг ясно, что детей нужно кормить по расписанию, кажется самый подходящий для него интервал два часа, то есть нужно будет подогреть молоко где-то минут через двадцать, чтобы к нужному времени оно успело остыть. Нам нужно наладить режим его сна, и тогда мы и сами сможем хоть как-то нормально поспать.

Перо спешно самостоятельно записывало в блокноте слова Тамары. Как вдруг феи вновь решили напомнить о себе.

– Проклятые самоцветы?! – Герань подлетела вплотную к Тамаре.

— Это просто ужасно! – не заставил долго себя ждать громкий Ландыш.

– А вдруг это прекрасное существо пострадает из-за твоих игр, бессердечная ведьма! – не отставал Лютик.

– А ну свалите отсюда! Вредители! – рявкнул на фей Клэр, отчего те испуганно спрятались за кушеткой. – Заявились сюда и устроили переполох! Только-только глаза прикрыли!

– Как я и сказала, проклятие не опасное, я специально

ослабила его. Кир – мой дорогой ученик, я не могу позволить ему пострадать, – заверила Тамара. – Я знаю, что вы не любите людей, но будьте любезны, не потешайтесь пока над Киром. Ваши невинные на первый взгляд шалости могут ему навредить. Подождите уж пару лет пока он не подрастёт.

С этими словами Тамара поднялась, взяв свою записную книжку, а корзинка с ребёнком и большая корзина с его пелёнками поплыли вслед за ней по воздуху. Феи с опаской проследовали вслед за ведьмой, вниз по лестнице, на кухню. Здесь уже орудовала швабра, подтирая разбросанную пробравшимися в дом феями золу. Большая корзина перевернулась над тазом с водой, пеленки принялись самостоятельно тереться о стиральную доску, поднимая мыльную пену. Также самостоятельно они поласкались в другом тазу с чистой водой, а затем отжимались, сушились и ровной стопкой складывались обратно в корзину. Тамара щёлкнула пальцами и в чугунной кухонной печи разгорелся огонь. Сама Тамара рухнула в кресло, а корзинка с ребёнком мягко приземлилась на столик.

– Как обычные люди умудряются растить детей совсем без магии? – сокрушенно спросила Тамара, массируя висок. – Я так хочу спать.

И после этих её слов всё внезапно остановилось. Камешки, отвлекающие малыша, посыпались на столик, бельё рухнуло в таз с водой, швабра со звонким стуком упала на пол. Клэр запрыгнул ей на колени и лапой мягко коснулся её ще-

ки, отчего Тамара вынырнула из лёгкой дрёмы, и чары вновь зашуршали в доме.

– Я так давно не спала нормально, что даже маны не хватает даже на домашнее хозяйство без прямого контроля, – вздохнула она.

Клэр ловко достал сотейник, поставил его со звоном на кухонную печь и опрокинул в него бутылку с молоком.

– Осталось всего на день! – Клэр пересчитал запрятанные бутылки в холодильном шкафу.

– Надеюсь, он быстро вырастет, – задумчиво произнесла Тамара, глядя как Кир тянет ручки к самоцветам.

Феи облепили корзину со всех сторон, заворожённо наблюдая за ребёнком.

– А он вырастет? – удивлённо спросил Ландыш.

– Все дети вырастают, - ответила Тамара, на её ладонь прилетел пузырёк с красной жидкостью и маленький бумажный свиток. – Раз вы здесь, передайте это Аскольду.

– Королю? – удивился Лютик, принимая посылку.

– Да, это лекарство от оленей оспы. Оно не поможет заболевшим особям, только предотвратит беду. К началу зимы я постараюсь разработать и то, что способно вылечить. Кажется, это займет чуть больше времени, – рассказала Тамара.

Сотейник поднялся с плиты и завалился на бок, подогретое молоко перелилось в подготовленную Клэром бутылочку, на которую кот сразу же ловким отработанным движением лап натянул соску.

– А можно мы ещё ненадолго останемся с ним? – спросила Герань улыбаясь. – Он такой хорошенький.

– Ненадолго можно, после еды мы сразу уложим Кира спать. И, может, сами поспим, – ответила Тамара.

– И не смейте больше его будить! – пригрозил Клэр.

– А что с того? – фыркнул Ландыш.

– Детям нужно спать, – в руки Тамары прилетела бутылочка с молоком. – Иначе они могут заболеть.

Феи испугались и залетали по комнате, осыпая Тамару вопросами.

– Как заболеть?

– Это серьёзно?

– Почему?

– Сон так ему нужен?

***

О короле фей знали немногие. Ещё меньше людей с ним были знакомы лично. Его страна была лишь небольшим лесом, а народом – притесненные создания. Ему хватило бы сил сражаться на равных с целой армией магов. Может, он смог потягаться бы и с самим богом войны Харой. Но характер его был ленив и мирен. Люди не совались в его лес из страха, а если кто и пытался, то был обречен скитаться, ведомым иллюзиями, пока жажда и голод не сделают с бренным телом своё дело. Так Лес Короля фей оброс слухами, а сам Аскольд прослыл чудищем и людоедом. Он родился из морской пены и солнечного света пятьсот лет назад. Тогда фей

было гораздо больше, а людей меньше. Ему было суждено править маленькими, наивными феями, что сами велись на льстивые речи людей. Со временем он создал магией этот лес на руинах людского государства, сгубленного войной. Только так он мог защитить фей и спрятаться от назойливых людей. Исключением разве что была для него лишь одна ведьма.

– Я просто хочу, чтобы стук моего сердца достигнул моего отца

Лучи полуденного солнца обожгли веки, и свет заиграл в его золотых глазах. *«Что это? Сон?»* -– скользнула мысль в его голове. Он приподнял голову. Лёгкие шелковые занавесы трепал прохладный осенний ветер. Своим дворцом Аскольд назвал белокаменное изваяние, возведённое когда-то какому-то забытому богу. Иногда приходилось заменять цветные стёкла витражей на обычные прозрачные, а сам дворец всё ещё не рухнул под тяжестью времени, лишь потому что слился с магией Аскольда, став частью леса. В фундаменте проросли корни сосен. Лианы ползли по стенам, скрывая трещины и заполняя отсутствующие камни, плющ обвивал окна. На полу уовром проросли полевые цветы. Некоторые тонкие деревца были разбросаны по всему залу, на их ветвях копошились птицы, а огромный кедр стал центром дворца, пробив стволом верхний этаж и раскинув крону над крышей. К стволу прирос и белокаменный трон, на котором восседал сам Аскольд, точено красивый с волосами болотно-зелёного

цвета. У трона стоял небольшой деревянный стол, забросанный склянками и записями. И всё же, несмотря на всю его красоту, дворец этот был пуст и скучен.

– Ваше величество! – через приоткрытое витражное окно ворвались трое луговых фей.

Речь их была сбивчива и тороплива, а Аскольд даже не пытался прислушаться. Ему вновь хотелось окунуться в тот загадочный сон, что был испуган полуденным солнцем. Веки его тяжелели, пока один из голосов не выдал имя Тамары.

– Помедленнее, – вздохнув, попросил Аскольд. – Герань, говори ты, остальные помолчите.

Герань вылетела вперёд, сначала глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, а потом выпалило на едином дыхании:

– У ведьмы Бессердечной Тамары в доме человеческий ребёнок, и он такой хорошенький! Просто глаз не оторвать! Он мило спит! Мило ест! И даже плачет мило! Но вдруг Бессердечная Тамара навредит ему?! Ваше Величество, отберите у неё ребёнка и отдайте нам!

Аскольд спокойно слушал и кивал, и с каждым словом маленькой Герани на его лице отображалось всё больше заинтересованности.

– То есть Тамара принесла в лес ребёнка и сейчас занимается тем, что растит его? – уточнил Аскольд.

– Да! – хором подтвердили феи.

– А ещё она попросила передать это, – рассудительный Лютик положил на протянутую ладонь Аскольда пузырек с

красной жидкостью и свиток.

Аскольд бегло ознакомился с содержанием записки и отложил пузырёк на стол.

– Ясно, – потерев подбородок, протянул Аскольд. – Пожалуй, начнем с того, что я просил вас перестать называть Тамару «бессердечной Тамарой». Из-за ваших дразнилок теперь все лесные создания, а с ними и нечисть её теперь так и кличут, говорят, даже среди людей слухи поползли.

– Но так у неё же действительно сердца нет! – вполне справедливо заметил Ландыш. – Буквально нет!

– Сердце у неё есть, просто на данный момент оно как бы не при ней, – пояснил Аскольд, массируя переносицу. – В любом случае прекращайте. Да и я вам тут не служба по защите человеческих детей, чтобы отбирать их. Принесла ребёнка Тамара, какое нам дело пока он нам не вредит?

– А если Тамара ему навредит? – беспокойно спросила Герань.

– Что говорит сама Тамара? – поинтересовался Аскольд.

– Она говорит, что взяла ребёнка в ученики, – ответил Лютик.

– Ученики, значит, – задумчиво повторил Аскольд. – Это может быть интересно. Ладно, уговорили, схожу и посмотрю.

– А вас не пришлось особо уговаривать, – усмехнулся Ландыш. – Так и скажите, что просто хотите повидаться с Тамарой.

– Посмотрите на них, вкалываешь тут ради них сутками

напролёт, а они только и делают, что упрекают, – обиженно цокнув языком, сказал Аскольд.

– Да вы только спите сутками напролёт, – хмыкнула Герань.

– За такие слова Вас бы людские цари точно бы казнили, – шикнул на фей Аскольд.

Король фей, не любил спешку. За пятьсот лет жизни он усвоил, что любое событие, будь то смена времён года или визит к ведьме, имеет свой, единственно верный ритм. Поэтому он не стал немедленно срываться с трона. Вместо этого он лениво потянулся, отчего по его волосам болотного цвета пробежали изумрудные искры, взял со стола белую ленту и подвязал волосы, глянув в зеркало на стене.

– Как прихорашивается то, – прошептал Лютик.

– Аж смотреть жалко, – поддержал Ландыш.

Аскольд не обращал на них особого внимания лишь поправил свои широкие белые одежды, а затем махнул рукой, и двери дворца распахнулись.

– Пора навестить мою дорогую Тамару, без которой я бы точно сдох со скуки!

Аскольд шёл по лесу неспешно, наслаждаясь шуршанием листвы под ногами и прохладой осеннего воздуха. Ещё месяц и выпадет снег. Благодаря стараниям Тамары и черного заморыша в кошачьей шкуре теперь можно было не беспокоиться о хвори, что убивала оленей. Часть птиц улетела в более тёплые места, и лес стал пустоват, но по-своему при-

влекателен этой пустотой и тишиной, схожей с мертвенной. Феи, увязавшиеся за Аскольдом, то и дело взволнованно переговаривались, но он сам лишь улыбался уголками губ. Аскольда будоражило что-то, когда привычная рутина его лесного царства нарушалась чем-то необычным. А появление в лесу человеческого ребёнка, да ещё и под опекой Тамары, — событие из ряда вон выходящее. Может, прятать у себя беглую ведьму и не особо умно для правителя, но всё же уж слишком он питал слабость к Тамаре и тому хаосу, что она несла за собой.

Ему вновь вспомнился сон, что он видел на кануне, и тогда перед ним предстала их с Тамарой первая встреча. Она совсем дитя. Сколько ей было? Четырнадцать? Её лицо окроплено чужой кровью, а в красный глазах тоска по любви, которой ей никогда не получить. Любимое дитя бога войны Хары, нелюбимое собственным человеческим отцом. И отцом же этим отправлена на войну. Тогда её сердце было ещё при ней. Но всё, что испытывало это несчастное сердце, - боль и жажда по тому, что она никогда не обретёт.

Дом ведьмы стоял на краю просторной поляны, окружённый старыми елями. Дом этот пришлось чинить и реставрировать в спешке, когда Тамара пришла сюда вместе с Клэром, человеком в шкуре кота, проклятым богиней любви Лёль, она сказала, что хочет постичь истину и суть всего, чего коснётся её взгляд. Как можно было ей отказать? Стены дома были увиты плющом, а из трубы вился тонкий дымок.

Аскольд остановился у калитки, разглядывая жилище. Он не был здесь уже несколько месяцев. С тех пор как Тамара поселилась в лесу, она предпочитала уединение, лишь изредка отправляя ему послания с новыми открытиями или редкими зельями. Она сидела над гримуарами, проводила исследования, а могла просто уйти в компании Клэра, никому ничего не сказав. Ну разве не забавное создание?

Феи, не выдержав напряжения, первыми влетели в приоткрытое окно на втором этаже.

— Ваше величество, подождите здесь! — пискнул Ландыш. — Мы проверим, не опасно ли!

Аскольд лишь хмыкнул и, не дожидаясь приглашения, толкнул калитку. Сад встретил его тишиной и запахом поздних цветов. Цвели буйные краски георгинов, а у ног плелись пушистые бархатцы. Хмельная лоза водопадом спускалась с забора. Дверь дома была приоткрыта. Внутри царила тишина, только огонь трещал в очаге. На кухне всё ещё витал аромат молока и трав. В гостиной прямо в кресле с узорчатой зелёной обивкой спала Тамара. Одежда на ней была не первой свежести, местами в пятнах. На её коленях, свернувшись клубком, дремал Клэр. Но внимание Аскольда сразу привлекла стоявшая на столике корзинка. В ней, усыпанный проклятыми самоцветами, спал младенец. Помнится с месяц назад Аскольд сам просил утихомирить буйную русалку, что устраивала погром в озере на севере леса. Вот какое применение Тамара нашла её сокровищам. Крошечные ку-

лачки младенца были сжаты, а на щеке всё ещё виднелся едва заметный ромб — метка фавна, оставленная лесной нечистью будто бы последняя попытка выйти победителем в их с Тамарой странном столкновении. Аскольд наклонился ниже, рассматривая ребёнка. От него исходила странная, пульсирующая энергия — чистая, необузданная мана. Метку он также заприметил. Вживую подобное колдовство он наблюдал впервые. Не нравились Аскольду фавны. Уж слишком проблемные создания.

— Зачем пришёл? — раздался тихий, но твёрдый голос.

Аскольд выпрямился и встретился взглядом с проснувшейся Тамарой. Её красные глаза смотрели без тени сна, холодно и изучающе.

– Да мне тут птички нашептали, что ты себе ученика взяла, – с дружелюбной улыбкой ответил Аскольд, бросив взгляд на фей.

— У него сильная мана и метка фавна. Оставить его в мире людей — значит обречь на смерть или рабство, я найду его талантам применение получше, – Тамара провела ладонью по шерсти сонно зевнувшего Клэра.

Кот уже открыл глаза, бросил на Аскольда презрительный взгляд и спрыгнул с колен Тамары, дав ей возможность подняться с места.

— Применение получше? — Аскольд изогнул бровь. — Обычно в ученики берут тех, кто способен принести пользу исследованиям. Этот же пока способен лишь пачкать пелён-

ки и мешать тебе спать. Только посмотри на эти мешки под глазами.

Пальцы Аскольда почти коснулись лица Тамары, как Клэр встрепенулся, запрыгнул на её плечо и лапой откинул пальцы Аскольда.

– Эй! Руки при себе держи! – зашипел кот.

– Он у тебя где-то бешенство подхватил? – Аскольд показательно вытер руку.

Внезапно в корзинке послышалось шевеление. Тамара и Клэр моментально замерли, боясь даже дышать. Аскольд посмотрел на них с непониманием. Ребёнок тем временем, медленно открыл глаза. Ещё мгновение и тишина.

– Он не плачет, - изумленно прошептал Клэр.

– Да, – также пораженно ответила Тамара.

– Вы оба совсем умом тронулись, – глядя на них констатировал Аскольд. – Но он мне нравится, у него такие же глаза, как у тебя Тамара. И правда очень милый. Как там его зовут?

– Тамара, – позвал Клэр. – Быстро дай ему эти камни пока он снова не зарыдал.

Тамара аккуратно приподняла руку и самоцветы снова начали складываться в фигуры. Клэр осторожно сел рядом с корзинкой.

– Да, Кир, ты гораздо милее, когда тихий, – выдохнул кот.

– Может, вы двое прекратите меня игнорировать? – спросил Аскольд. – Или мне начать взывать с Вас аренду, чтоб вежливей стали?

***

Ночь медленно прокралась в лес Короля фей, застелив его покрывалом звёзд. Месяц – тонкий как нить – виднелся где-то меж редких облаков. Эта осень была очень сухой. Совсем не такой как прежняя. Клэр рассматривал месяц в далеке, пытаясь прочесть пагоду по звёздам. Год назад ливень застилал всё вокруг. Они с Тамарой только пришли в этот дом. Он был старым и гораздо меньше того, в котором Клэр жил раньше. Крыша тогда протекала, и Клэр расставлял по дому кучу маленьких порталов, которые собирали воду и переносили её на улицу. Не было ещё живых растений, которые им дали в подарок дриады. Не было ни этих ковров, ни перин на кровати Тамары. Дом был полуразрушенным, сырым, в углах селилась плесень, поганки торчали из порогов, а летучие мыши облюбовали водосток. И всё же Клэр был счастлив находится в этом доме. Сейчас же, когда в камине на первом этаже горел огонь, а окна больше не продувало это место и вовсе было чем-то подобно раю. Клэр спрыгнул с окна, приглушил свет керосиновой лампы. В колыбели Кира послышалось движение. Кот уперся передними лапами в её стенки и аккуратно начал раскачивать, ребёнок тут же затих. Зашуршало одеяло в постели Тамары. Она медленно открыла глаза и посмотрела прямо на Клэра.

– Спи, – велел кот. – Я присмотрю тут за всем.

– Прости, – внезапно произнесла она, лениво прикрыв глаза.

– Глупости не говори, – фыркнул кот. – У тебя нет сердца, я знаю, что ты не можешь чествовать вину.

– Я просто подумала, что это то, что мне стоит произнести, – объяснилась Тамара. – Хоть чем-то же мне нужно отплатить за то, что ты всегда помогаешь мне.

– Тамара, -– голос Клэра прозвучал очень серьёзно.

Тамара вновь открыла глаза, борясь со сном. Кот сидел на её кровати прямо перед ней, в его зелёных глазах читалась решимость.

– Тамара, – вновь произнёс Клэр её имя, но уже гораздо эмоциональней. – Я – внезапно он замолчал, будто слова его застряли где-то в горле. – Мне не важно, что ты решишь. Я буду рядом и помогу. Захочешь ты найти затерянные руины храма бога Перуна или змеиную шкуру, если заблудишься, буду искать тебя и помогу выйти с помощью своих порталов. Я помогу, если захочешь воспитывать ребёнка. Мне не важно, что ты решишь и что выберешь. Захочешь спасти мир или уничтожить, я в любом случае буду рядом. Просто положись на меня, – попросил Клэр.

Тамара молча выслушала его, но ничего не ответила. Вместо этого она провела рукой по его голове, кот жадно поддался ласке. И Тамара провалилась в сон.

АКТ I: Лес фей.
Глава 2: Первые шаги

Время шло, осень сменилась зимой, а зима весной. Стоял солнечной апрель. Снег обернулся талой водой, а сочная зелень затянула лес. Одни луговые цветы засыхали, а другие сменяли их так быстро, что смерть первых ничего и не значила. Сад Тамары облагородился после зимы. На грядках медленно стремились ввысь высаженные овощи, а зелень уже была готова пойти в салат. Целебные травы, высаженные отдельно, ещё были не готовы к сбору. Хмель, струившийся по забору, выпускал новые стрелы. В середине сада стоял небольшой плетённый стол, а на стуле рядом восседал сам Король фей Аскольд. На столе стоял чайник с заваренным чаем, а рядом с самим Аскольдом чашка. Кот Клэр тем временем копошился в огороде.

— О, сорняков нет, — удивился Клэр.

— А мы уже всё убрали, — фея Герань указало на небольшое ведёрко с уложенной в него травой и прочим огородным сором.

Ландыш и Лютик вторили ей:

— Угу-угу!

— А я-то думаю, чего пагода так резко сменилась, — с сомнением произнёс Клэр и посмотрел на Аскольда. — Ты

их надоумил?

Аскольд поднял чашку с чаем.

— Они спросили меня, как они могут помочь малышу Киру, а я ответил, что лучшее, что они могут сделать, это не мешать, — усмехнулся Аскольд. — Остальное они сами себе додумали.

Клэр с сомнением посмотрел на фей, а затем на сорняки.

— Ну, спасибо, раз так, — отозвался он.

— Мы ещё пролетели над овощами, урожай будет хорошим, — рассказал Лютик.

— И мы попросили друзей водных фей очистить колодец, чтобы вода всегда была хорошей, — добавил Ландыш. — Им тоже понравился малыш.

— Просто невероятный магнетизм у нашего Кира, — прокомментировал Клэр.

— Он и феям, и дриадам, и в общем всем обитателя леса мил, — добавил Аскольд.

— Ты поэтому здесь тусуешься постоянно? — фыркнул Клэр. — Вали уже к себе!

— Эй! – возмутился Аскольд. —— Я тут вообще-то важным делом занят – за порядком леса слежу! И, между прочим, это мой лес, где хочу, там и хожу!

— Да-да, конечно, — фыркнул кот. — За порядком он смотрит.

— А где Тамара и Кир? — спросила Герань, устроившись на столе.

— Тамара печет печенье, а Кир где-то с ней, — ответил Клэр, срывая зелень и складывая её в корзину.

Прошло полгода с тех пор, как в доме появился младенец. Он стремительно рос, а его магия обретала форму. К проклятым самоцветам добавились прочие игрушки, ранее бывшими магическими инструментами. Им пришлось пережить колики и режущиеся зубки, а ещё шаловливые руки ребёнка, который научился ползать. Порталы Клэра постоянно ловили его, когда Кир так и намеревался грохнуться откуда-то. На маленькой кухне пахло травами и ванилином. Солнечный свет сквозь занавески, покачивавшиеся на лёгком ветерке, заливал пространство ярким светом. Тамара была в домашний коричневый сарафан поверх белой льняной рубашки. Черный корсет стягивал талию, а красный фартук был испачкан в муке. Она периодически отвлекалась от готовки, давая Киру в ручки то одну игрушку, то другую. В книгах Тамара читала, что важно не ограничивать ребёнка от познания мира, чтобы он развивался. Не получится вырастить из него мага, если Кир под постоянным контролем Клэра и его порталов будет сидеть в маленьком манежике, поэтому кот под предлогом огородничества был выпровожен во двор, вместе с фоновым шумом по имени Аскольд. Маленький Кир собирал пирамидку из трёх блоков, когда Тамара поставила противень с печеньем в духовку, тяжело вздохнула и вытерла испарину со лба. Послышалось шевеление со стороны Кира, игравшего у кресла рядом с камином. Тамара

обернулась.

— Что такое? Ты голоден? — Тамара обернулась.

Её ученик, ухватился ручками за кресло и начал медленно переставлять ножки, пока они, шатаясь не уперлись в пол. Тамара подошла ближе и присела на корточки, протянув руки.

— Кир? — позвала она.

Малыш, вставший на ножки, отреагировал на своё имя и отпустил кресло.

— Иди сюда? — Тамара изумленно смотрела на ребёнка.

Малыш начал медленно переставлять ножки ей на встречу и отпустил свою опору. Казалось, он может упасть в любой момент, но он не отрывал глаз от свей наставницы, и, может, именно это давало ему уверенность. Тамара смотрела на Кира, обрамленного солнечными лучами. Лицо его изначально щекастое и пухлое уже начинало обретать свои собственные черты. Внезапно в груди Тамары сжалась пустота. Образ Кира расплылся перед глазами. Рефлекторно она скомкала рубашку на свой груди. Дышать было трудно. Всё вокруг потемнело. Звуки вокруг стали ватными, даже плач её ученика.

Тем временем во дворе кипел колкий разговор между Клэром и Аскольдом, но внезапно кот замолчал. Его уши беспокойно зашевелились, а зрачки расширились.

— Тамара, — испуганно произнёс он и сорвался с места, исчезнув в своём портале.

Тамара почти упала на пол, когда чьи-то тёплые руки пой-

мали её и знакомая ладонь прикрыла глаза.

— Клэр? — позвала она, но тут же провалилась в обморок.

Дверь в дом отварилась. На пороге стоял Аскольд. Кир испуганно плакал.

— Как это понимать? — с угрозой спросил Аскольд.

Посреди кухни стоял молодой человек. За его спиной зиял чёрный портал Клэра. Он был высокого роста и атлетичного телосложения. Волосы его были светлыми средней длинны с подвязанными передними прядями. Мужчиной испуганно глядел на Тамару и закрывал ей глаза ладонью. Дыхание его было сбивчивым. И только зелёные глаза выдавали Клэра.

— Тамара? — позвал молодой челове. — Тише Кир, всё хорошо, не плач.

Ребёнок, услышав знакомый голос перестал плакать, а мужчина легко поднял Тамару на руки.

— Она потеряла сознание. Ты так и собираешься стоять столбом? — спросил он, обращаясь к Аскольду.

Король фей, настороженно глядя на него, подошёл к Тамаре и поднёс пальцы к её лицу.

— Это из-за её сердца, — объяснил Аскольд. — Вернее из-за его отсутствия. Человек физически не может жить без него, как без органа, но магия обычно пытается спасти хозяина. И магия Тамары заменила ей сердце, выполняя его физическую функцию, но чувств магия не может воссоздать. Я в этом не эксперт, но мне кажется, что магия Тамары по-

пыталась воссоздать чувства, но результатом стала фантомная боль. Знаешь, как человек лишившийся ноги иногда чувствует, что она болит, так и Тамара почувствовала, как болит исчезнувшее сердце. Не думаю, что это опасно. Просто ей нужно отдохнуть.

Клэр с грустью посмотрел на Тамару, а потом создал портал, перенёс её в спальню и уложил в кровать. Кир хоть и не рыдал, но продолжал испуганно хлюпать, когда Клэр вернулся, он поднял ребёнка на руки.

— Ты ещё слишком мал, чтобы сдерживать слёзы, — прошептал он Киру, прижимая к себе. — Если хочешь поплакать, то плачь.

И Кир жалобно зарыдал у него на руках.

***

Когда Тамара открыла глаза, стояла уже глубокая ночь. Стрекот кузнечиков с улицы мелодично наполнял чёрную тишину. Тамара попыталась встать, но её плеча коснулась что-то тёплое.

— Клэр? – позвала она.

В темноте загорелись кошачьи глаза.

— Тебе рано вставать, кажется ты перегрелась, — кот зашумел в темноте, смачивая полотенце в тазе с холодной водой.

Через мгновение Тамара ощутила, что мокрая ткань коснулась её лба. Кот чуть отступил назад.

— Перегрелась? — фоном повторила Тамара.

— Весна нынче жаркая, -— подметил Клэр. — Просто отдохни. Кир уже спит. За ним мошка присматривает.

— Хорошо, — Тамара прикрыла глаза. — Он сегодня сделал первые шаги.

— Жаль, что я пропустил, — промурлыкал Клэр.

— Надеюсь, он не сильно испугался. Я буду ужасным учителем, если из-за того, что упала в обморок, он будет бояться ходить, — произнесла Тамара.

— Ничего, — успокоил её Клэр. — Ещё так побежит, что по всему лесу будем ловить.

Тамара провалилась в сон, а с морды Клэра исчезла улыбка. Его зелёные глаза с угрозой загорелись, глядя в окно. На карнизе сидел воробей. К его лапе белой нитью был привязан маленький свёрток с запиской.

***

Аскольд сидел на поваленном дереве. Волосы его были распущенны. Холодный весенний ветер трепал его одежду, но холод его не досягал. В большой луже, оставшейся после таянья снега отражался он сам, облаченный в белые одежды, макушки деревьев и яркие звёзды. В чаще хрустнули сухие ветви.

— Я не сразу тебя признал, — Аскольд перевёл взгляд на тёмную фигуру в лесу.

На свободное от деревьев пространство вышел под свет полной луны Клэр. Только сейчас он был не чёрным котом, а высоким молодым человеком. Аскольд помнил его вовсе

не таким. В его воспоминаниях был щуплый мальчишка с огромными зелёными глазами. Он знал его с наивным взглядом, испуганного войной и всем, что происходило в этом царстве не так уж и давно, но по ощущениям целую вечность назад.

— Клэрис Александрита, младший сын Графа Леонида Александриты. Мне стоит обращаться к тебе, Ваше благородье? — усмехнулся Аскольд.

Клэр не ответил.

— Я в проклятьях богов не особо силён, но проясни уж неверующему, разве проклятый может перекидываться из кота в человека по своему желанию? — с издёвкой спросил Аскольд. — Каковы условия?

— Их нет, — спокойно ответил Клэр.

— Смеёшься? — возмутился Аскольд. — У проклятья нет условий?

— Да, у проклятья есть три правила. Перво, любое проклятье можно снять, главное знать как, способ закладывает сам проклинающий. Второе, временно снять или избавиться от проклятья иным способом нельзя. Третье, проклинать может сам снять проклятье по своему желанию, но, если он умрет, проклятье никуда не денется, — произнес Клэр. — Всё бы это работало, если бы я был проклят.

Аскольд изумленно застыл, не в состоянии даже выдохнуть, а затем почти истерично рассмеялся.

— Так Лёль тебя и не проклинала вовсе! — он прикрыл

глаза ладонью. — Если Тамару благословил бог войны, то ты любимчик богини любви?

Клэр никак не ответил на высказывание Аскольда. Смех короля фей сменился ледяным спокойствием. Он мгновенно помрачнел.

— Почему же это всё меня так бесит? — холодно проговорил он. — Это так меня раздражает, что я даже не знаю, что со всем этим делать.

Аскольд сорвался с места. Огромные лианы нацелились на Клэра. Хаотичные хлесткие удары ветвей окутали пространство. Вёрткий и атлетичный Клэр легко уклонился, выражение его лица почти никак не менялось. Он умело совмещал особенности своих двух тел, кошачьего и человеческого, легко меняя одно на другое, и магические чёрные порталы. Его обвивали чёрные искры. Волосы развивались на ветру, а пыль оседала на одежде. Аскольд наоборот же лишился своей привычной холодности, ярость обуяла его. Лес – живое существо – менялся по его желанию. Клэр провалился в очередной свой портал, оказавшись на широкой поляне. Аскольд последовал за ним, стоя на огромном корне, что двигался по его велению.

— Как бы я вообще мог признать тебя? Кошачья шкура не только твоё лицо скрывает, но и ману, — подметил Аскольд.

Клэр встал на ноги, глаза его почти ничего не выражали, он смотрел на Аскольда, как преступник на судью.

— Маны у меня хватает, но у меня плохо с концентрацией

ещё с детства, — ответил он. — Я на такие сложные заклинания как Тамара не способен. Разве что бытовая магия мне даётся. На войне я выжил только зачёт своего тела и таланта к порталам.

— Только один из тысячи магов может создавать порталы, это сродни природному дару, сколько не учись, а всё равно не овладеешь, — усмехнулся Аскольд. — У меня за пятьсот лет не вышло, да и Тамарина гениальность ей тоже не помогла. В бою всё свою огромную ману ты пускаешь в порталы. Будь у тебя запас, как у нормально человека, ты бы и трёх за раз не осилил. Да ещё и отследить по твоей мане тебя невозможно, обернулся котом и тут же спрятался. Как же странно ты сражаешься. Я не могу понять, ты гений или просто бестолочь. Это ещё больше бесит!

Вся поляна мгновенно заполнилась острыми деревьями и лианами. Клэр исчез в пространстве, заставив Аскольда растеряться. Король фей крутил головой. Только сейчас до него дошёл смысл фразы «искать чёрную кошку в черной комнате». Внезапно рядом открылся портал, на Аскольда полетел кинжал. Король фей ловко и с усмешкой уклонился, но внезапно кинжал исчез портале, вылетел с обратной стороны и оцарапав его лицо, вернулся в руку хозяина, исчезнувшего в портале. Ощущение собственной крови на лице вернула Аскольда в реальность. Корни деревьев улеглись на свое место под землю, а лианы вернулись в лес. Клэр спрыгнул в своей человеческой форме на землю.

— Вот же! — с досадой выдохнул Аскольд. — Чем мы оба вообще занимаемся? Тамара лежит в постели больная, а Кир может в любой момент проснуться.

Клэр никак не отреагировал на его слова, только спрятал кинжал в ножнах за спиной.

— Может мне и пятьсот лет, но боевого опыта у меня маловато, я точно уступаю юнцу, отдавшему своё детство в жертву войне, — с досадой вздохнул Аскольд. — Я только одного понять не могу. Что ты вообще здесь делаешь? Почему ты до сих пор не попытался вернуть Тамаре её сердце?

— Я так и собирался сначала сделать, -— мрачно произнёс Клэр. — Когда Царь Виктор вырвал ей сердце в качестве наказания, мой брат очень сетовал на это. Потому что по указке нашего отца собирался её соблазнить. Мой брат Евгений, как и Царевна Кристина, сестра Тамары, не участвовал в войне напрямую. Мой отец берёг его, как своего наследника, поэтому долг дворянина на поле боя исполнял я. Когда мы встретились, кажется, это было где-то года два назад Точно, да. Я понял, что мы с ним больше никогда не найдём общего языка. Я хотел быть рядом с Тамарой. Любыми средствами и силами. Что бы мне только не пришлось сделать. Я, как младший преданный сын, соглашался всегда и на всё. Помолвка с царевной Кристиной? Конечно. Отправиться на войну? Да, отец. Но когда мой брат с досадой говорил, что моей возлюбленной вырвали сердце и досада его была вызвана лишь тем, что ему теперь будет сложнее пробрать-

ся в её постель, всё это, долг дворянина, честь семьи, прочее просто стали пустым звукам. Если бы мой родной дом в тот момент охватил огонь, я бы не испытал ничего кроме ощущения свободы. Почему я должен был отказываться от возлюбленный и рисковать жизнью, пока эти жирные свиньи подсасывались к царской казне и плясали вальс? — в глазах Клэра, доселе спокойного, загорелась дикая ярость. Я отправился в царский дворец, чтобы разорвать помолвку с Царевной Кристиной и бросить вызов Царю Виктору, чтобы вернуть сердце Тамары, но сначала я хотел увидеть её. Сказать все слова, которые раньше не мог из-за трусости, прикрываясь чушью вроде чести семьи и долга А Тамары там уже не было. Она просто ушла. Царя Виктора не было на месте, а Кристина и её мерзкая мать, не думали бы останавливать Тамару. Я носился по столице, как неприкаянный, и нигде не мог её найти, пока не забрёл в храм Лёль. Я упал на колени и отчаянно молился, сказал, что согласен на всё лишь бы просто быть рядом с Тамарой. Лёль пожалела меня, я потерял сознание, а проснулся уже рядом с Тамарой. Она гладила меня, подумав, что я обычный бродячий кот, а когда заговорил, Тамара подумала, что богиня меня прокляла, я хотел вымолвить своё имя, но внезапно испугался и остановился на середине, превратившись из Клэриса в Клэра. Я не осмелился сказать ей всю правду, но попросил забрать с собой, предложив свою скудную силу в помощь. Чуть позже я предложил помочь Тамаре вернуть её сердце, но она отказалась.

Сказала, что не хочет его возвращать. Сказала, что оставила его как плату за возможность уйти. Так она исполнила свой долг, как Царевна Тамара и стала просто обычной ведьмой. Тамара рассказала, что хочет понять истину, что ей всегда больше хотелось посвящать себя магии, чем бесконечно выпрашивать одобрение отца. И тогда я понял, что, если верну ей сердце, она вновь будет несчастна.

— Глупец, без сердца Тамара никогда не сможет полюбить тебя, — заявил Аскольд. — Твои чувства всегда будут безответны.

— И пусть, -— тихо и мрачно ответил Клэр. — Это моя расплата за трусость.

— Даже так, — всё никак не унимался Аскольд. — Это просто глупо! Котом то зачем притворятся?!

— Эй, Аскольд, — Клэр грустно улыбнулся, и обратился котом. — Пока был человеком, никак не мог произнести то, что так хотелось. Но сейчас, в кошачьей шкуре, я говорю всё, что чувствую. Тамара ищет истину – это её путь, а мой – быть котом.

С этими словами чёрный кот исчез в густых зарослях. Будто и не было никакой битвы. Аскольда посетило странное дурное чувство, Клэр как будто бы не дал ему договорить. Он тяжело вздохнул, лёг на траву и уставился на ночное небо, затем перевернулся на живот и раздосадовано начал биться руками и ногами о землю.

— Да что же это такое! Как же раздражает! Меня бесит! И

порталами ещё пользуется! Да он же даже магический круг нормально не сможет построить!

Также внезапно Аскольд затих и перевернулся обратно на спину.

На другом конце леса. Там, где стоял домик ведьмы, Клэр одним прыжком поймал воробья, птица не успела даже издать предсмертно писка и превратилась в песок. Клэр тут же сбросил шкуру кота, подобрал записку, бегло пробежался глазами, а затем, вернувшись в дом, бросил клочок бумаги в огонь.

***

Прошло пару дней. Тамара немного отлежалась в кровати с книгами, доверив все заботы о Кире и доме Клэру. Фантомная боль исчезла без следа, будто её и не было. Хозяйство вновь начало шевелиться. И вот настал очередной солнечный апрельский день. Аскольд снова сидел за столом в саду Тамары. Сама она хлопотала на кухне, а малыш Кир увлечённо играл на покрывале, расстеленном та траве. Кажется, в этот раз в качестве игрушек у него были руны, зачарованные гномами.

— О, сорняков снова нет, — удивился Клэр, глядя на ровные грядки. — И капуста подросла.

— А это мы, — Герань улыбалась, сидя на краешке ведра с сорняками.

— А вы просто мастера, — поддержал их Клэр. — Только вот

— Что? — хором проговорили испуганные феи.

— Что-то малина плохо отходит после зимы. Как жаль, если Кир заболеет малиновое варенье очень понадобится, — разыгрывая трагедию с мастерством драматурга, Клэр с печалью глянул на кусты в дальнем углу сада.

— Мы поправим! — Ландыш вылетел вперёд, и позвал с собой остальных фей, и те дружной гурьбой улетели в сторону малинника.

Клэр проводил их самодовольным взглядом, запрыгнул на край колодца, обмочил лапы, а затем через портал перенёсся на стол.

— Шарлотка готова, — объявила Тамара, вынося во двор поднос со своим кулинарным шедевром.

Вслед за ней летел поднос с сервизом на трёх персон, блюдцами с вареньем и безе, а ещё тремя совсем маленькими, почти кукольными чайными чашечками. Всё это дружно приземлилось на стол. Из дома, будто не поспевая за всем остальным прилетела миска с кашей, украшенная нарезанными печеными яблоками. Клэр расставил сервиз по местам, а Тамара усадила Кира на детский стульчик, а после разрезала пирог и села за стол сама. Клэр разлил чай по чашкам, а потом ухватился двумя лапами за ложку и принялся кормить Кира.

— Как дела в лесу? – спросила Тамара, отпив глоток чая.

— Да как всегда, дриады недовольны тем, что русалки развели сырость, а русалки недовольны тем, что дриады развели

траву, — Аскольд с удовольствием начал уплетать пирог.

— Разве тебе, как королю, не следует помочь им разобраться? — Тамара подлила чаю подоспевшим феям, которые уже принялись уплетать безе.

— Ой, да толку им от меня, всё равно девчонки передерутся, а меня ещё и крайним оставят. Ничего интересного, — обиженно протянул Аскольд. — То ли дело тут.

Его взгляд привлекло увлекательное зрелище. Кир всё никак не хотел есть кашу, уворачивался от уговаривающего «открывай ротик», вертелся и кривился. Клэр же упорно пытался запихнуть в ребёнка еду, пока мальчик не махнул рукой, отчего жирная клякса из каши приземлилась Клэру прямо на кошачий нос, вызвав этим приступ смеха у Аскольда. Тамара дала раздосадованному Клэру платок. Кот присел на задние лапы и, взяв платок передними лапами, начал вытираться.

— Знаешь, — Аскольд вытер проступившие от смеха слёзы. — В моем лесу триста лет ничего интереснее ссоры двух светлячков не происходило. А у вас тут... цирк каждый день. Я бы даже билет купил.

— Если у нас цирк, то ты тут главный клоун! — взбесился Клэр и в лоб Аскольда прилетела измазанная кашей ложка.

АКТ I: Лес фей. Глава 3: В разлуке

Северный лес гудел. Не от магии или песен дриад, а от мерзкого, непрекращающегося жужжания. Маленькие, но невероятно прожорливые жуки-короеды, мутировавшие под влиянием какой-то древней магии, атаковали деревья. Дриады были в панике, Аскольд ворчал, а Тамара получила то, что любила больше всего, — сложную задачу.

Стоял жаркий июль. Прошло уже полтора года с того дня, как Тамара взяла себе маленького ученика. И именно с этим его возрастом совпало нашествое вредителей. Маленький Кир начал пользоваться магией, превратившись из стихийного бедствия в масштабное стихийное бедствие. Стоило ему расплакаться и стёкла из окон вылетали. Ковёр летал по всему лесу, если малышу становилось скучно, цветы распускались по всему дому в самых неожиданных местах, если Киру было весело. Маленький ураган носился повсюду. Доставалось всем и сразу. Аскольду, не удачно съевшему из всех конфет именно ту, что приглянулась Киру, за что король фей получил грозовую тучу над головой. Клэру с его кашей. Русалкам, дриадам, белкам. В общем всему лесу Короля фей. Детский этап взросления, когда ребёнок ещё не может объяснить словами, чего хочет, но эмоции всё ещё берут вверх, застал Тамару и логику врасплох.

– Хочу кушать пирог! – заявил Кир, стоя прямо перед ней

в её кабинете, где кипели зелья и порхали книги.

Ребёнок топнул ножкой, отчего огонь в камине погас.

– А будешь есть кашу, – сухо ответила Тамара и щелчком пальцев заставила огонь снова зажечься.

– Хочу пирог! – ещё громче выкрикнул Кир, топнул, и огонь снова погас.

– Смеешь спорить с учителем? – Щелчок пальцами, и огонь снова горит.

– Пирог! – Огонь погас.

– Каша. – Снова горит.

– Нет, – Огонь гаснет.

– Да, – Огонь снова горит.

Кир рассердился пуще прежнего, яростно затопал ногами, отчего пламя неестественно разгорелось. Тамара махнула рукой и магической детской игры с огнём как не бывало. Кир яростно надул щёки.

– Просто иди ешь свою кашу, Кир, -– Клэр появился рядом абсолютно внезапно, но невероятно вовремя.

Ребёнок провалился в портал прямо под своими ногами, а Клэр прыжком последовал за ним. С первого этажа послышался звон разбитых окон и детский плач. Тамара тяжело уронила голову на стол. Огонь в камине снова погас.

– Я кому сказала, не спорить с учителем! – Не поднимая головы, она вновь щёлкнула пальцами, заставив огонь разжечься.

Ей и самой не особо то был нужен огонь в середине жар-

кого июля. Просто не хотелось уступать маленькому ученику.

Но больше всего доставалось Клэру. Кот был вечно измазан то в муке, то в чернилах. Ему то подпаливали хвост, то окатывали водой. Тамара начала замечать, что Клэр начал неестественно нервно чесаться. Она не могла уделить Киру достаточно внимания, так как была занята жуками, но при этом не могла достаточно сосредоточиться на жуках, потому что Кир нуждался во внимании. В итоге заботы о Кире ложились на плечи несчастного Клэра.

– О, богиня Лёль, за что мне всё это? – Клэр тяжело заполз в комнату.

Весь он был перепачкан в каше и муке. Тамара взяла его на руки, очистив шерсть магией, и начала аккуратно поглаживать.

– Устал, да?

– Да, погладь меня ещё, пожалуйста, – Клэр растёкся на плече Тамары.

– Знаешь, я тут подумала – осторожно начала она.

– Да? – Клэр очень тихо начал мурлыкать.

– Я не могу так, – призналась Тамара. – Нужно пойти на полевые исследования. Иначе я никогда не смогу найти способ избавиться от жуков.

Клэр медленно отстранился от Тамары, широко раскрыв глаза, уперевшись лапами ей в грудь.

– Ты уйдёшь? Изучать жуков уйдёшь? – речь кота была

совсем сбивчивой и невнятной.

– Нет, Клэр. Мы пойдём изучать жуков, – поправила Тамара. – Я и ты, мы вдвоём пойдём.

– И Кир пойдёт - добавил Клэр.

– Нет, Кир никуда не пойдёт.

– Кир не пойдёт – задумчиво повторил Клэр. – Так! Стой! Если мы вдвоём уйдём, кто будет с Киром?! Что за подвох? Мы же не можем уйти и оставить его.

– Почему же не можем? – Тамара опустила кота на пол. – Очень даже можем. Просто попросим кого-то присмотреть за Киром. Его, например.

Тамара указала на Аскольда, всё это время сидевшего в углу её кабинета и распивавшего чай. Аскольд оглянулся, пытаясь понять кого это там Тамара имела в виду, но к своему шоку никого кроме себя не обнаружил.

– Его? – воскликнул Клэр.

– Меня? – вторил ему Аскольд.

— Его? — прошипел кот, прижимая уши. — Тамара, ты в своём уме? Он же... он же! Он понятия не имеет, с какой стороны к ребёнку подходить! Он даже чай себе налить не может без магии! Да надёжнее корове сено доверить!

— Что-что ты там мяукнул?! — возмутился Аскольд и подскочил с места. — Да я так-то Король фей, если ты не забыл! Я создал этот лес и правлю им уже пятьсот лет! Какое-то дитя мне не помеха! Может, это ты просто у нас хилячек? — с издёвкой добавил он.

— Да ты просто! — Тамара прервала кота на полуслове.

— Так, закончили, — велела Тамара. Её голос был тихим, но в нём звенела сталь. В кабинете мгновенно повисла тишина, нарушаемая лишь жужжанием мухи, случайно залетевшей в окно. — Я думаю, это будет полезно для нас всех. Я займусь решением проблемы с жуками. Аскольд попробует переключиться от дел леса. Кир немного остынет без нас. А ты, Клэр, отдохнёшь.

— Мне не нужен отдых, — самонадеянно заявил кот.

— У тебя глаз дёргается, — Тамара внимательно смотрела ему в глаза. — Говорят котам вредно нервничать, они от этого лысеют.

— Что?! — шерсть на загривке Клэра встала дыбом. Он инстинктивно провёл лапой по боку, проверяя, на месте ли мех.

— Скоро станешь гладким, как червь, — хихикнул Аскольд, явно наслаждаясь моментом.

— Да я тебе сейчас глаза выцарапаю! — Тамара прижала к себе, вырывающегося Клэра и вышла из кабинета.

***

Утро выдалась ясным и спокойным. Тамара передала в руки Аскольда сонного Кира. Мальчик потирал глазки. Его глаза были такими же красными, как у самой Тамары, а волосы светлыми. Кажется, Тамара видела точно такой же цвет волос у кого-то много лет назад.

— Тамара? — позвал Кир.

— Веди себя хорошо, ладно? — Тамара погладила ученика по голове и еле заметно улыбнулась, хоть и глаза её всё ещё оставались такими же стеклянными, как и обычно.

Мальчик кивнул и провалился в сон прямо на руках Аскольда. Король фей держал ребёнка очень странно и непонятно, будто не совсем понимая, что вообще происходит.

— Я оставил тебе кратенькую инструкцию, — Клэр достал из сумки Тамары свиток, запрыгнул ей на плечо, и бумага развернулась до самых ног Аскольда.

Король фей посмотрел на длинный пергамент, исписанный убористым почерком, и его лицо вытянулось.

— Это не «кратенькая», это целая летопись! — возмутился он.

— Там всё самое важное, — невозмутимо парировал кот. — Например, пункт тридцать семь: «Если Кир начнёт петь, немедленно заткнуть уши и бежать в другую комнату, иначе ты будешь напевать эту мелодию следующие три дня». Или вот, пункт пятьдесят два: «Не давать ему смотреть на луну в полнолуние, иначе он попытается построить лестницу из стульев, чтобы её погладить».

Тамара мягко отстранила кота и посмотрела на Аскольда.

— Мы вернёмся через три дня. Не скучайте.

С этими словами она развернулась и быстрым шагом направилась к лесу. Клэр, бросив последний, полный сомнения взгляд на короля с ребёнком на руках, спрыгнул с плеча ведьмы и побежал следом. Через мгновение, оба они исчез-

ли в портале, созданном Клэром.

Аскольд остался стоять на крыльце. Кир мирно посапывал у него на руках. Вокруг порхали феи Герань и Ландыш.

— Ну что, Ваше Величество? — пискнул Ландыш. — Какие планы?

Аскольд расправил плечи.

— Планы? — он посмотрел на спящего ребёнка. — Планы грандиозные. Мы с юным наследником... то есть, с юным Киром... устроим день мужского воспитания!

«Мужское воспитание» началось с того, что Аскольд решил научить Кира «настоящему мужскому занятию» — созерцанию. Он перенёс кресло на лужайку перед домом, усадил в него ребёнка, который тут же проснулся и захныкал, и принялся вещать:

— Смотри, Кир. Видишь этот дуб? Ему триста лет. Он видел войны, смены династий... Он мудр. Учись у него спокойствию.

Кир посмотрел на дуб. Потом на Аскольда. Потом снова на дуб. Его нижняя губа задрожала.

— А он... он меня съест? — спросил мальчик.

— Что? Нет! — Аскольд растерялся. — Это же дерево!

— Оно страшное, — Кир начал хныкать громче.

Аскольд запаниковал. Он помнил наставления кота перед уходом: «Если плачет — дать погремушку». Но где эта погремушка? Он лихорадочно огляделся.

— Смотри-смотри! — он сорвал с куста цветок и превра-

тил его в светящуюся бабочку магией. — Смотри, какая красивая!

Кир перестал плакать и с открытым ртом уставился на бабочку. Его магия отреагировала мгновенно: из земли вокруг куста начали прорастать десятки таких же светящихся цветов и порхающих бабочек. Сад превратился в буйство света и цвета.

Аскольд выдохнул с облегчением.

— Вот видите? – он самодовольно посмотрел в сторону маленьких фей. — Это было несложно...

В этот момент одна из бабочек села Киру на нос и... громко чихнула магической пыльцой. Ребёнок вздрогнул от неожиданности и снова расплакался. А сад, лишившись контроля, начал превращаться в непроходимые джунгли светящихся лиан.

— Упс - выдал Аскольд.

— Кажется, это в планы не входило, Ваше Величество, - заметил Лютик, уворачиваясь от пролетающей мимо светящейся стрекозы размером с воробья.

Аскольд прижал к себе ревущего Кира, который теперь был не только расстроен, но и перемазан светящейся пыльцой.

— Так, спокойно! Я король! Я справлюсь! — он попытался придать голосу уверенности, но вышло не очень убедительно. — Феи! Быстро! Уберите этот... гербарий!

Герань и Ландыш переглянулись.

— Но мы не можем! — воскликнул Ландыш. — Это же магия Кира! Она слишком сильная!

— А в инструкции написано, что, если магия выйдет из-под контроля, нужно... — Герань запнулась, пытаясь вспомнить. — Нужно его обнять и спеть песенку!

— Какую песенку?! — взревел Аскольд. Сад тем временем окончательно превратился в подобие светящегося лабиринта.

— «Спи, мой воробей»! — хором подсказали феи.

Аскольд закатил глаза, но выбора не было. Он прижал Кира к груди и, покачиваясь, как медведь, начал напевать самым грозным басом, на который был способен:

— Спи-и-и, мой воробе-е-ей... У-утро-о-о... ещё далеко-о-о...

Кир от удивления перестал плакать и уставился на короля. Его магия замерла. Лианы перестали расти, бабочки зависли в воздухе. Аскольд продолжал петь, стараясь не сбиться с ритма. Это было самое нелепое зрелище за всю пятисотлетнюю историю леса: могущественный король фей поёт колыбельную перепачканному ребёнку посреди светящихся джунглей.

Когда песня закончилась, Кир сладко зевнул и снова засопел. Сад остался стоять — прекрасный, но совершенно непроходимый.

— Ну вот... — выдохнул Аскольд. — Теперь надо его накормить. А чем его кормить то нужно?

— Может, вам всё же прочесть инструкцию? — предложил Лютик, протягивая свёрток, изрядно пострадавший от буйства детской истерики.

— Отличное предложение, Лютик, — Аскольд принял огромный свиток, развернул его и принялся внимательно рассматривать.

Лоб Короля фей нахмурился, глаза сузились, но внезапно Аскольд обречённо вздохнул и невинно улыбнулся.

— Что ж, это бы действительно помогла, если б я мог это прочесть, — почти беззаботно пропел он.

Феи ошарашенно уставились на своего Короля.

— Ваше Величество — осторожно начал Лютик.

— Только не говорите, что вы не умеете читать,— закончила вместо него Герань.

— Почему же, - возмутился Аскольд. — Читать я вполне умею. Просто Что это Кириллица? Что за бред вообще? Тамара всегда отправляла мне свитки на клинтекском алфавите. Это письменность появилась всего-то лет двести назад. Мне что, по-вашему, каждые пятьдесят лет читать учиться?

Феи переглянулись.

— Боюсь, друзья, мы обречены, — озвучил их общие мысли Ландыш.

***

Северный лес был прекрасен. Своей тишиной. Тамара сказала, что начинать наблюдения лучше с ещё не пораженного края, чтобы понять скорость распространения, а также

какие растения страдают первыми. Свежая зелень заполняла всё вокруг. Огромные деревья кронами закрывали небо, отчего в лесу было приятно прохладно даже в этот удушающе жаркий июль. Под ногами вековой настил леса проваливался, менялся каменистыми участками. Клэр ловко создавал порталы, чтобы они с Тамарой могли перебраться через валы и непроходимые кустарники. Им посчастливилось встретить семейство оленей. Оленья оспа сейчас уже была давно отступившей напастью. Клэр и Тамара аккуратно обошли лужайку, чтобы не спугнуть животных. Птицы над их головами шебаршились в ветвях. Иногда Тамара останавливалась, оглядывая вековые стволы в поисках повреждённых областей.

— Ты сегодня необычно тихий, — Тамара оглянулась на Клэра, смиренно шагавшего за ней.

— О чём ты? — на морде кота читалось искренне непонимание.

— Мы идём уже почти семь часов, а ты даже ни разу не сказал, что у тебя лапки короткие, — Тамара сверилась с наручными часами, и в её холодных глазах промелькнула искра. — Давай сделаем привал.

Они устроились под корнями большой ели. Тамара достала из сумки небольшой свёрток с хлебом, сыром и вяленным мясом. Клэр ловко собрал с куста горстку ягод.

— Здесь очень тихо, — Клэр ухватился двумя передними лапами за бутерброд и смачно откусил.

— Да, точно никак дома, — Тамара тоже принялась за еду.

— Всё прямо как в старые добрые, ещё до того, как мы нашли Кира, — Клэр странно улыбнулся каким-то свои мыслям.

— Тыскучаешь по тем временам? — осторожно спросила Тамара.

Клэр на мгновение задумался. Потом доел свой бутерброд, тщательно прожевал и ответил:

— Сложно сказать, что я скучаю по какому-то конкретному отрезку времени. Думаю, я просто скучаю по тебе.

Тамара замерла, не успев положить ягоду смородины в рот.

— Ну, я хотел сказать — принялся объясняться Клэр, завидев ступор Тамары. — Видишь ли На самом деле, когда мы вместе растим Кира, я думаю, что мы с тобой вместе становимся частями чего-то общего и невероятно масштабного. Мы и раньше с тобой проводили исследования, но с Киром всё по-другому. Я ощущаю, что мы с тобой занимаемся чем-то настолько важным, что вся моя усталость улетучивается, только меня посещает это чувство. И всё же теперь нас в доме стало трое. И мне не хватает просто побыть рядом с тобой и поговорить вот так, как сейчас. Но это вовсе не значит, что я недолюбливаю Кира.

Клэр запрыгнул ей на колени и, уперевшись передними лапами ей в грудь, приблизился к её лицу так сильно, что Тамара ощущала прохладу его мокрого носа.

— Клэр, я знаю... — ответила Тамара, погладив его по ма-

кушке. — Ты хорошо держался всё это время. Ты молодец.

Позже они отправились дальше. Тамара всё чаще останавливалась у деревьев, собирая образцы коры в склянки. Клэр верно подавал ей инструменты и лабораторную посуду. Всё это было как раньше, но совсем по-другому. Ему почему-то вспомнилось очень далёкое прошлое. Что-то подобное Тамара ему уже говорила. Очень давно. Только не совсем ему.

Это было ещё в детстве. До войны. Клэрису в скором времени должно было исполниться девять. Стоял сухой холодный октябрь. Граф Аликсандрита начал слишком часто наведываться в царский дворец вместе с сыновьями. Взрослые обсуждали дела. А детям оставалось разве что слоняться без дела. Евгений, старший брат Клэриса, то ли в силу возраста, а может – характера, быстро адаптировался. Он проводил время в компании светских дам, вклиниваясь в чаепития и впитывая светские разговоры и откровенные сплетни. Он хвастался своей магической эрудицией и начинающими познаниями в алхимии. Иметь двух сыновей магов в дворянской семье сравни божьему дару, но и это не могло утолить жадности Леонида Александриты. Клэрису достался удивительный дар создавать порталы. Возможно, он был единственным в своём времени, кто был на это способен. Вот только даже простоватые магические атакующие заклинания всё никак не выходили у него. Сложные магические круги и вовсе казались загадкой, а алхимия Об алхимии Клэрис даже говорить не хотел. Бытовая магия стала для него внезапным

потолком. Евгений тут же вознёсся на пьедестал. Обладая по истине харизматичным характером, он быстро выставил свои вполне заурядные способности, как великое дарование. Евгений не умел создавать порталов, его мана была меньше, чем у Клэриса, но он владел искусством куда более ценным при дворе – витиеватостью слов. И это Леонид Александрита ценил куда больше. И вот, в очередной раз отчитанный Клэрис сидел под иссохшей яблоней в дальнем углу дворцового сада. Здесь не было прекрасных изгородей и пышных роз. Только ярко-красные, как брызги крови, ягоды шиповника на колючих кустах.

Внезапно кривоватый магический круг у его ног загорелся ярким алым светом, и неровные руны выстроились в совершенно ином, но стройном порядке. У края круга, напротив Клэриса стояла девочка. Её чёрные волосы были уложены в две короткие косички, а красное льняное платье совсем не подходило к прохладе октября.

— Ты перепутал потоки входа и выхода. А вернее, просто сделал два выхода. Магия не берётся из неоткуда. Маной маг лишь придаёт очертания внешнему миру, а не творит волшебство из ниоткуда. — Девочка улыбнулась ярко и очень по-доброму.

Её маленькая лекция была не такой снисходительно-поучающей, как у придворного мага, что обучал Клэриса. Она будто посмотрела своими красными глазами в саму суть вещей и придала этой сути форму словами. Под её чёрными

туфлями распустился розовый куст, бутоны которого мгновенно вспыхнули огнём.

— Почему ты их подожгла? — изумлённо спросил маленький Клэрис.

— Я подумала, что розы обретут новый смысл, если мгновенно сгорят, поэтому добавила огненную руну на выходе. — Под объяснения девочки розовый куст обернулся пеплом. Красные лепестки ещё продолжали тлеть у ног Клэриса. — Да и сейчас совсем не сезон роз.

— Вот как, — произнёс Клэрис одними губами, не отрывая взгляда от незнакомки, платье которой было перепачкано в земле. Пожуй только расшитый жемчугом ободок выдавал в ней дворянскую дочь. — Ты так красиво это сделала. Как?

— Просто собрала конструктор из всего того, что знаю, — девочка задумчиво посмотрела наверх.

— Но как? — не унимался с вопросами Клэрис. — Я учу руны сутками напролёт, черчу круги, не переставая Но всё, что могу

Клэрис ударил локтем по стволу яблони, и поздний, уже побитый ночным морозом плод свалился вниз, но тут же был пойман порталом и приземлился девочке прямо в руки.

— Как ты понимаешь суть того, что говоришь? — Клэрис жадно посмотрел на девочку.

— Невероятно! — воскликнула она, будто не замечая собеседника, и в её глазах загорелся живой огонь. — Я читала

о магии порталов только в книгах. Вот это удача! Увидеть такое зрелище своими глазами! — продолжала восхищаться она. — Ты настоящий гений!

— Гений? — с сомнением в голосе повторил за ней Клэрис.

— А разве не так? — засмеялась девочка. — Сколько не пытаюсь, а порталы создать не получается, это ведь настоящие дарование, никто не может, просто потому что он хороший маг. Возможно, это сам образ мышления, которым мне понять просто не дано. А ты можешь, разве ты не гений?

— Толку мне от этих порталов, если обычный огненный шар создать не могу! — возмутился Клэрис.

Девочка нагнулась и удивлённо заглянула ему в глаза. Клэрис от этого жеста смущённо покраснел. Её губы почти касались его носа.

— А нужно? — спросила девочка. Клэрис почувствовал её дыхание на своём лице и вжался в ствол яблони. — Зачем вообще пытаться, если не просто не получается, а вообще не хочется.

— Не хочется? — Клэрис насупился. — Если бы я не хотел, то не чертил бы эти круги повсюду.

— Но ты не хочешь, — упрямо повторила девочка. — Ты не просто не хочешь. Тебе это даже и не нужно по своей сути. Знаешь, — девочка отстранилась. — Мой наставник по фехтованию рассказывал мне как создаются мечи. Долго и упорно кузнец бьёт по нему молотом, чтобы убрать все при-

меси, и чем чище сталь, тем лучше меч. Ты, наверное, как меч. Тебе не нужны лишние примеси из огненных шаров и роз. — Девочка протянула к Клэрису руку, в которой вновь возникла горящая роза. — Твоя магия такая красивая, что не хочется отрывать взгляд. Она прекрасна в своей прямолинейности и простоте!

В глазах этой маленькой девочки горел неописуемый восторг, и Клэрис, заворожённый ею забыл вообще про всё. Сейчас была только она в этом холодном октябрьском саду. Но эта прекрасная картина, сошедшая с полотен о древних мифах, была прервана шуршанием кустов.

— Царевна! — служанка подбежала к девочке, и восторг пропал из её красных, как шиповник глаз, горящая роза рассыпалась пеплом. — Вас ждёт Царь Виктор! Вам немедленно нужно привести себя в порядок!

— Да, — смиренно ответила девочка и, ведомая служанкой за плечи, исчезла из сада также внезапно, как и появилась, подобно наваждению.

Клэрис ещё какое-то время стоял и смотрел ей вслед, даже когда их со служанкой фигуры исчезли. Даже когда ветер стал холоднее и солнце в закате окрасило небо в апельсиновый цвет.

— Долго здесь стоять будешь? —— холодный голос Евгения заставил Клэриса вернутся в реальность. — Отец сказал, чтобы мы шли к нему. Нас представят твоей невесте.

— Невесте? — сын графа уже давно знал значение этого

слова.

— Да, невесте, — грубо повторил Евгений. — Царевне Кристине.

«Царевне» -— мысленно повторил Клэрис, и тут в его голове возник образ девочки с пылающей розой в руках и глазами цвета шиповника.

Позже тело его само неслось в тронный зал навстречу загадочной невесте и её голосу. Расписные двери отварились. На троне сидел высокий широкоплечий мужчина. Его черты лица были острыми и холодными. Чёрные волнистые волосы чуть прикрывали красные глаза. По обе стороны от него сидели девочки. Клэрис узнал своё наваждение сразу, хоть и сейчас она была совсем другой. Не было того огня и желания. Только ровная осанка в тяжёлом красном шифоновом платье. И была ещё одна. Идеальное создание. Она встала с трона. Прошла вперёд с грацией лебедя, облачённая в изящное скромное розовое плате. Её волнистые русые волосы были уложены в скромную причёску. Она сложила руки в изящном жесте, а после также грациозно присела в реверансе.

— Я Царевна Кристина Рюлель, по прозвищу Священная, дочь Царя Виктора Рюлеля, по прозвищу Победоносного, — представилась девушка.

— А Я младший сын графа Леонида Александрита, Клэрис Александрит, — чуть замешкавшись, представился Клэрис. — Рад встрече с Вами, Царевна Кристина.

Чуть позже Клэрис узнает, что в геральдике Царства Рю-

лель монархам и им прямым наследникам принято давать прозвища. Царь Виктор стал Победоносным после того, как одержал победу в долгой затяжной войне с северной империей Маль. Кристина же получила прозвище «священная» за свой магический дар, сравнимый с порталами Клэриса. Её магия называлась «священной молитвой» и могла исцелить больных и раненых, облагородить неплодородные земли и даже усмирять монстров. Уже тогда сторонники её матери Людмилы, при дворе имевшей статус не выше нахлебницы, после смерти Царицы Наташи – матери Тамары, начинали строить вокруг Кристины образ благородной прекрасной святой. Тамара же обретёт своё прозвище гораздо позже старшей сестры. Она станет Кровавой Царевной Тамарой. В этот момент же Клэрис смотрел на Тамару поверх плеча своей новоиспечённой невесты, совсем не замечая ни её святости, ни грации, ни изящества манер. Одна лишь деталь привлекла в образе Кристины внимание Клэриса. Её глаза. Но и они быстро были лишены его интереса. Они были красными, но не такими же красными, как шиповник глаз Тамары. Они были красными, как приторность барбариса, как губная помада напудренных дам, как красные розы в июне. В тот мент он даже и не понял, что этот холод губной помады поймал Клэриса в самом его пике. Изящное лицо Кристины исказилось всего на мгновение, когда Царевна осознала, что её жених смотрит не неё.

Клэр вернулся в реальность. Он сильно отстал от Тама-

ры, что уже не обращала внимания на пораженные деревья. Больше они не могла принести пользу её исследованию. Клэр сделал несколько прыжков, чтобы нагнать её, но внезапно замедлился, а потом и вовсе остановился. С его тела сбросилась кошачья шкура. И Клэрис Александрита стоял воплоти прямо за спиной Тамары, вновь увлечённой деревом. Его рука потянулась к её руке. Его кожа уже ощутила её тепло, как внезапно Клэр застыл на месте.

— Странно, я не видела, чтобы они ели каменные ивы, пока мы шли сюда, это же что за жуки такие, что могут прогрызть кору каменной ивы, — Тамара провела рукой по коре, а затем обернулась.

Клэр, снова чёрный кот, сидел на небольшом подгнившем пеньке с тоской, глядя на неё.

— Ты уже соскучился по дому? — спросила Тамар.

— Кажется, без Кира я становлюсь слишком жадным. — Клэр спрыгнул с пенька и подбежал к Тамаре. — Ну уж нет, я хочу ещё немного подышать свежим воздухом.

***

А что же Аскольд? Сад перед домом ведьмы напоминал не поле боя, а скорее декорации к безумному балу лесных духов. Светящиеся лианы, толстые, как корабельные канаты, сплелись в непроходимую, пульсирующую стену, наглухо запечатав окна и двери. С ветвей свисали гигантские светящиеся стрекозы, сонно потирающие фасеточные глаза и издающие тихое, умиротворённое гудение. Воздух был густым и

сладким от остаточной детской магии.

В эпицентре этого буйства, на единственном уцелевшем пятачке травы, сидел Король фей Аскольд. Вид у него был такой, будто он только что в одиночку сразил дракона... и проиграл. Его безупречные белые одежды были порваны в нескольких местах острыми краями магических растений, в волосах болотного цвета запутались светлячки, а на щеке красовалась длинная царапина — прощальный подарок от слишком любопытной стрекозы.

На его коленях, вцепившись маленькими пальчиками в расшитый золотом рукав, спал Кир. Ребёнок был перемазан светящейся пыльцой с головы до ног и выглядел как маленький дикий божок, уснувший после сотворения мира.

— Ваше Величество... — пискнул Лютик, осторожно выглядывая из-за листа гигантского лопуха. — Вы... живы?

Аскольд медленно поднял на него взгляд. В его глазах плескалась вселенская усталость.— Я познал истинный ужас, — хрипло произнёс он. — Это не ребёнок. Это концентрированный хаос в пелёнках. Стихийное бедствие с глазами цвета крови.

— Но вы же справились! — с восхищением воскликнул Ландыш, вылетая из-за спины Лютика. — Вы его успокоили! Вы спели ему!

— Я не пел, — мрачно возразил Аскольд. — Я ревел древнее заклинание усмирения природы. Просто оно почему-то сработало как колыбельная. И это было... унизительно.

Внезапно Кир заворочался и что-то неразборчиво пробормотал во сне. Аскольд замер, превратившись в неподвижную статую.

— Кажется, ему снится что-то приятное, — прошептала Герань.

В тот же миг магия вокруг снова пришла в движение, но уже без прежней агрессии. Одна из лиан медленно отцепилась от стены дома и, извиваясь подобно змее, поползла к корзинке с игрушками, которую Аскольд предусмотрительно оттащил подальше. Лиана аккуратно подцепила деревянную лошадку на колёсиках и бережно поднесла её к спящему мальчику.

Кир улыбнулся во сне и обхватил игрушку обеими ручками. Лиана так же осторожно уложила его обратно и отползла на место, свернувшись в тугой, спящий узел.

Аскольд уставился на это зрелище с отвисшей челюстью.

— Оно... оно его слушается? — выдавил он. — Да эти дурацкие лианы даже меня Меня, короля, не слушаются!

— Конечно! — радостно подтвердила Герань. — Они же часть леса! И лес Кира любит!

— Лес любит Кира, — медленно повторил Аскольд, переводя взгляд с умиротворённого ребёнка на хищные заросли вокруг. В его глазах зажегся коварный огонёк. — Лес... любит Кира...

Он аккуратно высвободил рукав из хватки мальчика и поднялся на ноги. Лианы тут же перестали светиться агрес-

сивным светом и замерли в ожидании, словно придворные перед монархом.

— Так-так... — пробормотал Король фей. Он подошёл к непроходимой стене из растений и легонько постучал по ней пальцем. — Уважаемая флора. Я знаю, что вы меня недолюбливаете. Вы постоянно оплетаете мой трон во дворце, а дриады жалуются, что вы крадёте их лучших светлячков для своих «танцев».

Лианы слегка зашевелились, но агрессии не проявили.

— Но! — Аскольд поднял палец вверх. — Видите этого спящего ангела? Он ваш друг. Он вас любит. А я... я его временный опекун. Следовательно, вы должны любить и меня тоже! По крайней мере, пока он спит.

Он сделал шаг вперёд. Стена из лиан зашелестела и... расступилась, образовав узкий проход прямо к входной двери.

Аскольд победно усмехнулся.

— Вот так-то лучше.

Он вернулся к Киру, подхватил его на руки, теперь уже гораздо увереннее, и гордо прошествовал сквозь живой коридор к крыльцу.

— Запомните этот момент! — провозгласил он притихшим феям. — Сегодня я, Аскольд Король фей, покорил дикую магию силой своего обаяния и логики!

Лютик скептически хмыкнул:

— Или просто потому, что они боится разбудить Кира.

Аскольд сделал вид, что не услышал.

Оказавшись внутри дома, который, к счастью, не пострадал от буйства садовой флоры, Аскольд наконец смог выдохнуть. Он уложил Кира в колыбельку, которую феи уже успели вынести из-под обломков магического взрыва в саду.

Ребёнок сладко засопел.

Аскольд рухнул в кресло и вытер пот со лба.

— Ну что ж... — сказал он сам себе. — Первый день прошёл... относительно успешно. Мы не умерли. Мы даже покорили сад. Осталось всего два дня.

В этот момент его желудок издал громкую жалобную руладу.

Аскольд посмотрел на стол Тамары, заваленный свитками и колбами.

— Так... пункт пятьдесят какой-то там от кота зануды: «Кормить строго по расписанию». А что насчёт короля? Королей тоже нужно кормить по расписанию? — он задумчиво почесал подбородок. — Кажется, я видел на кухне пирог с голубями...

За окном сад начал медленно перестраиваться, формируя из светящихся лиан уютную беседку над колыбелью Кира.

***

Ночь в лесу прошла на удивление спокойно. Без плача, без летающих по комнате игрушек, без необходимости вскакивать каждые два часа. Это был не просто сон, это было возвращение к чему-то давно забытому.

— О, Богиня Лёль! Что за невероятное чувство! — ра-

достные крики Клэра разбудили Тамару.

Она открыла глаза и увидела, как кот, подпрыгивая на месте, делает в воздухе немыслимые кульбиты. Тамара откинула верх спальника и, поёжившись от утренней прохлады, умылась холодной дождевой водой, скопившейся в углублении старого пня. Вода пахла мхом и прелыми листьями.

— Я так бодр! Моё тело невероятно лёгкое! — продолжал восторгаться Клэр. Он приземлился прямо перед Тамарой, аккуратно передавая ей чистое полотенце из походной сумки. — Я, кажется выспался! О, как это приятно! Я выспался!

Тамара вытерла лицо и посмотрела на него. В зелёных глазах кота плясали озорные искры, которых она не видела уже очень давно. Он не выглядел уставшим или дёрганым. Исчез тот самый нервный тик, что заставлял его постоянно оглядывать дом, пока Кир спал.

— У тебя глаз больше не дёргается, — заметила она.

— Что? — Клэр инстинктивно провёл лапой по морде. — А ведь и правда! Я чувствую себя таким свободным!

Он сделал ещё один прыжок, перевернувшись в воздухе, и приземлился на ветку чуть выше её головы.

— Знаешь, — задумчиво протянул он сверху, — я только сейчас понял, как сильно устал. Не физически. Устал быть постоянно *на стрёме*. Как будто я не кот, а часовой на крепостной стене, который боится моргнуть.

Тамара кивнула. Она понимала его как никто другой. Её собственное тело, привыкшее к вечному недосыпу и напря-

жению, наконец-то расслабилось. Впервые за долгое время она чувствовала не пустоту или боль, а странную, тихую наполненность.

— Мы вернёмся сегодня? — спросил Клэр уже тише, спрыгивая обратно на землю.

— Да, — ответила Тамара, начиная собирать спальник. — Нам нужно обработать образцы. И Кир наверняка уже скучает.

При упоминании Кира улыбка Клэра не померкла.

— Он чудесный ребёнок, — искренне сказал кот. — Но я бы соврал, если бы сказал, что не рад этой передышке. Это было необходимо.

Они быстро собрали лагерь. Клэр, полный энергии, сам свернул их стоянку магией, уничтожив следы костра и примятую траву.

— Что ж, давай уже поскорее разберёмся с жуками и вернёмся домой, — Тамара улыбнулась.

***

Аскольд с видом полководца, готовящегося к осаде, стоял над высоким детским стульчиком, в котором сидел Кир. На столе перед ним стояла тарелка с чем-то серым и комковатым. Это была каша. По настоянию фей, а вернее инструкции Клэра, которую мог прочесть Лютик, это должно было стать первым шагом к «взрослой» пище.

— Так, — пробормотал Аскольд, беря ложку. Она казалась ему смехотворно маленькой.

— «Предложить ребёнку кашу. Если отказывается, использовать отвлекающий манёвр», – диктовал Лютик.

— Какой ещё манёвр? — скривился Аскольд.

Он зачерпнул ложку каши. Выглядела она неаппетитно, но Аскольд был уверен в своих педагогических способностях.

— Кир! — бодро воскликнул он. — Время покорять кулинарные вершины! За Тамару! За кошака! За... меня!

Он поднёс ложку ко рту ребёнка. Кир скривился так, будто ему предлагали съесть болотную жабу. Он плотно сжал губы и отвернулся.

— Нет-нет-нет, — забормотал Аскольд, пытаясь поймать верткую голову ребёнка. — Это полезно! В этом... в этом сила! Как в древних корнях!

Кир ловко вывернулся, и каша с ложки шлёпнулась Аскольду прямо на расшитую золотом мантию, оставив жирное белое пятно.

— Проклятье! — воскликнул Король фей.

В этот момент в комнату влетели перепуганные Герань и Ландыш.

— Ваше Величество! — пискнул Ландыш. — Что у вас тут происходит?

— Он отказывается от каши! — пожаловался Аскольд, пытаясь оттереть мантию рукавом.

— Угу, — подтвердил его слова Лютик.

— А вы пробовали его отвлечь? — спросила Герань.

— «Отвлекающий манёвр»? — Аскольд оживился. — Точно!

Он отложил ложку и щёлкнул пальцами. Над головой Кира возник маленький, светящийся шарик, похожий на миниатюрное солнце.

— Смотри! — воскликнул Аскольд. — Магия!

Кир действительно отвлёкся. Его глаза загорелись интересом, а рот приоткрылся от удивления. Аскольд, увидев брешь в обороне, мгновенно воспользовался моментом и сунул ложку с кашей ребёнку в рот. Кир автоматически проглотил. Победа!

— Ха! — торжествующе воскликнул Аскольд. — Так-то! Король фей не проигрывает битву за столом!

Но его триумф был преждевременным. Магический шарик над головой ребёнка внезапно мигнул и превратился в маленького, но очень реалистичного светящегося жука, который с жужжанием полетел прямо в тарелку с кашей. Кир, который уже успел прожевать и проглотить первую ложку, увидел это и пришёл в восторг. Он потянулся к тарелке обеими руками.

— Нет, Кир, не... — начал Аскольд, но было поздно.

Ребёнок схватил горсть каши из тарелки и с радостным визгом швырнул её в «жука». Каша пролетела сквозь магическую иллюзию и размазалась по стене.

Аскольд застыл с ложкой в руке. Кир, увидев результат своего действия, решил развить успех. Он схватил ещё одну

горсть.

— Только не... — простонал Аскольд.

Следующие пять минут кухня превратилась в поле боя. Кир методично обстреливал стены, Аскольда и фей кашей. Феи уворачивались, как могли. Герань получила комком прямо в крыло и возмущённо пищала. Когда тарелка опустела, Кир был доволен, а кухня напоминала место побоища.

— Я... я требую... политического убежища... — выдохнул Аскольд, глядя на жирное пятно на потолке. — И новую мантию...

***

Воздух в лесу изменился. Он перестал быть просто свежим и наполнился едва уловимым, но тревожным звуком — тихим, скрежещущим шелестом, похожим на шёпот миллионов крошечных челюстей. Звук был повсюду и нигде одновременно. Клэр замер, его кошачьи уши встали торчком.

— Слышишь? — прошипел он, пригибаясь к земле.

Тамара остановилась и закрыла глаза, прислушиваясь не ушами, а магией. Когда она открыла их снова, в её взгляде не было страха или отвращения. Там горел хорошо знакомый Клэру огонёк — жажда познания.

— Это не просто жуки, — тихо сказала она. В её голосе звучал не ужас, а чистый, неподдельный интерес. — Это... алгоритм. Они не едят хаотично. Они следуют схеме. Это-интересно.

Они ускорили шаг, следуя за звуком. Чем ближе они под-

ходили к сердцу леса, тем явственнее становился запах — сладковатый, гнилостный аромат умирающей древесины. А потом они увидели это. Огромная поляна, ещё вчера бывшая живой и зелёной, теперь была мертва. Деревья стояли серые, словно высеченные из пепла. Их кора была проедена насквозь, образуя причудливые, идеально симметричные узоры. И по этим деревьям, по земле, по воздуху — ползали, летели, копошились они. Жуки-короеды были огромными, с ладонь взрослого мужчины. Их панцири были чёрными и блестящими, как полированный обсидиан. Но самым удивительным был узор на их спинах — сложная руна, светящаяся тусклым зелёным светом.

— О, нет... — выдохнул Клэр. В его голосе смешались тревога и восхищение. — Это не просто заражение. Это... магический миазм.

Тамара уже не слушала. Она шагнула на поляну, её взгляд метался от одного жука к другому, от узора на коре к руне на панцире. Она была похожа на музыканта, который слышит гениальную, но совершенно незнакомую симфонию и пытается её записать.

— Они нарушили естественный цикл распада, — бормотала она себе под нос. — Они не просто потребляют материю... Они перерабатывают магическую энергию дерева. Это... это паразитизм на эфирном уровне. Невероятно.

Она резко развернулась к Клэру. Её глаза сияли.

— Давай-ка, займёмся натуралисткой, Клэр.

Клэр посмотрел на неё и тяжело вздохнул. Он видел этот взгляд сотни раз. Это означало одно: их «отпуск» официально окончен.

— Ну конечно, — проворчал он, хотя в его голосе не было ни капли настоящего недовольства. — У нас же других дел нет. Только спасать лес от неминуемой гибели.

Тамара уже не слушала. Она шагала к центру поляны, создавая на ходу сложные сканирующие чары.

— Мне нужен источник! — крикнула она Клэру. Её голос звенел от возбуждения. — Найди мне эпицентр их колонии! Должен быть своего рода... разумный узел! Матка! Или что бы это ни было!

Клэр не стал спорить. Он лишь коротко кивнул и растворился в чёрном мареве портала. Теперь это было уже не приключение для отдыха. Это была работа. Тамара осталась одна на краю мёртвой поляны. Жуки заметили её. Скрежет стал громче, но они не атаковали. Они просто продолжали свою работу, словно игнорируя вторжение. Их полёт был неестественно ровным и слаженным, словно они были не отдельными существами, а единым организмом. Ведьма подняла руку. Вокруг неё начал формироваться сложный магический круг из алых рун. Это была не боевая стойка. Это была установка для анализа.

— Идите сюда, — прошептала она с хищной улыбкой исследователя. — В чём кроится истинная причина того, что вы тут?

В этот момент из портала за её спиной выскочил Клэр.

— Нашёл! — выдохнул он. — Там что-то вроде... улья в дупле гигантского дуба в центре! И оно... оно огромное! И оно... светится?

Тамара даже не обернулась. Её взгляд был прикован к приближающемуся жуку-одиночке, который летел прямо к ней.

— Отлично. Тогда начнём препарировать с малого образца.

Она опустила руку, и алый луч чистой энергии не ударил, а аккуратно заключил жука в светящуюся сферу, обездвижив его, но не убив.

***

Тамара и Клэр вывалились из портала прямо на порог дома, тяжело дыша. Жуки вымотали их полностью, и от утренней лёгкости не осталось ни следа. Про себя Тамара сделала вывод, что длительный перерыв из-за забот о Кире заставил её и Клэра отвыкнуть от подобных приключений. Она скинула свой плащ и без сил рухнула на спину прямо на деревянный настил крыльца. Клэр, выглядевший как половая тряпка, истошно завёл свою тираду:

— Всё, я больше никогда не выйду из дома! Никогда! Я просто хочу быть домашним декоративным котиком на подушечке и ничего не делать! И чтобы мне чесали пузико! И кормили сливками! И никаких жуков! Никаких порталов в гнилые дупла! Никаких... — он закашлялся, отплёвываясь

от попавшей в рот щепки.

Тамара ему не ответила. Вся её одежда и красный плащ были пропитаны потом, грязью и, судя по запаху, внутренностями гигантских насекомых. Бедолага Клэр и вовсе теперь походил на жертву неудачного магического эксперимента: шерсть слиплась, на боку зияла прореха, а в усах застрял какой-то подозрительный зелёный мох.

Внезапно дверь из кухни со скрипом приоткрылась. На четвереньках, еле переставляя конечности, выполз Аскольд. Его некогда белоснежные одежды были покрыты разноцветными пятнами — от каши, варенья и чего-то, подозрительно напоминающего сажу. Волосы болотного цвета торчали в разные стороны, а на щеке красовался свежий синяк.

— О, богиня Лёль, за что мне всё это? — рыдал Аскольд, уткнувшись лбом в порог. На его спине, словно гордый наездник на боевом коне, восседал Кир.

— Но, коняшка! Но! — Кир грубо подгонял своего скакуна деревянной ложкой, которой до этого, видимо, отбивался от светящихся бабочек.

Аскольд прополз ещё пару метров по направлению к крыльцу и окончательно рухнул на пол, уткнувшись носом в траву.

— Тамара! — воскликнул Кир, заметив наставницу. Он тут же забыл про свою «коняшку» и спрыгнул с королевской спины. — Я так соскучился! Смотри какая у меня коняшка! Большая и сильная! Только ленивая совсем.

С этими словами Кир в очередной раз огрел Аскольда деревянной ложкой по мягкому месту. Король фей издал звук, похожий на стон умирающего кита, но даже не пошевелился.

— Кир, — строго позвала Тамара, не меняя горизонтального положения. Её голос был тихим, но в нём звенела сталь. — О чём мы с тобой говорили?

Кир испуганно спрятал ложку за спину и сделал шаг назад.

— Если Аскольд твоя коняшка, то он зверушка, — начала Тамара монотонным голосом.

— А зверушек обижать нельзя, — послушно продолжил Кир, повторяя заученный урок. Затем он повернулся к распластанному монарху и с искренним раскаянием произнёс: — Прости, коняшка.

Аскольд издал булькающий звук. Клэр, наблюдавший эту картину со ступенек крыльца, медленно сполз вниз и лёг рядом с Тамарой.

— Я думал, мы устали... — прошептал кот, глядя в небо. — Но нет. Вот она — истинная усталость. Смотреть на это.

Тамара прикрыла глаза рукой. Сил не было даже на то, чтобы встать и применить бытовую магию для уборки или лечения синяков ни то, что убирать буйство красок из сада. В доме царила звенящая тишина, нарушаемая лишь сопением трёх взрослых существ и тихим шлепаньем босых детских ног по полу.

Кир же, убедившись, что взрослые временно недееспособны и не представляют угрозы его свободе действий, решил

заняться тем, что у него получалось лучше всего — исследованием мира. Он подобрал свою ложку и с деловым видом направился к ближайшему кусту шиповника.

«Интересно», — подумала Тамара сквозь дремоту, *«а если сложить усталость Аскольда от отсутствия нас и нашу усталость от жуков...»*

Продолжить мысль у Тамары не получилось, она провалилась в глубокий сон без сновидений прямо там же, на пороге собственного дома. Рядом сопел Клэр. Чуть поодаль стонал Аскольд. А маленький Кир уже пытался выкопать яму под кустом шиповника своей ложкой, совершенно не подозревая о том, что Тамара в качестве подарка притащила ему проклятого жука-короеда.

АКТ I: Лес фей. Глава 4: Социальный конструкт

— Тамара, — детский голос прозвенел в её кабинете, словно удар горна.

Тамара обернулась, пытаясь найти источник, отодвинулась и обнаружила под своим столом Кира. Его взгляд был вопрошающим.

— Тамара, — снова позвал ребёнок.

— Что? — Тамара, вздохнув, отложила в сторону записи о миграции птиц за последние три года.

— Ты этому у Клэра что-ли научился? — Тамара взяла ребёнка на руки. — Если что-то хочешь, просто скажи.

— Тамар, — снова повторил ребёнок.

Сентябрь вот-вот должен был смениться октябрём. Клэр хлопотал в огороде над урожаем, помощниками ему были феи и незаменимые наставления Аскольда. Прошло уже почти пять лет с тех пор, как Кир жил с ними. Теперь к дому Тамары стекались все волшебные создания леса. Русалки, дриады, тролли и прочие. Они тащили с собой сокровища, цветы, речные ракушки, жемчуг, фрукты и ягоды, а иногда магические артефакты. Толк от них был. Они брали на себя лишнюю энергию Кира, на которую ни у Тамары, ни у кота, ни тем более у Аскольда сил не оставалось. Кир уже уверен-

но осваивал простые бытовые заклинания, грамоту и арифметику. Теперь он больше не громил дом, да и характер его стал куда спокойней. Метка фавна на его щеке стала совсем бледной, показывая, что отметина хищного создания почти слилась с маной Кира. Она была и его проклятьем, и вполне уместным инструментом, как выяснила Тамара. Это и служило причиной обожания лесными созданиями. Природные чары изменили ману Кира, сделав её ближе к магии лесных духов. Кир рос любознательным мальчиком с добрым и сострадающим характером. Он не был лишён ни страсти к знаниям, ни к тяге иногда шалить и активно познавать мир. Его светлые волосы со временем стали чуть виться, а щёчки уже не были такими пухлыми.

— Почитай мне, — с жалостью в глазах попросил Кир.

— Тебе скучно? — спросила Тамара.

— Нет, я просто хочу, чтобы ты мне почитала, — объяснился Кир.

Он привык к странности своей наставницы. Детскими истериками от неё ничего нельзя было добиться, так что Кир очень быстро научился выжрать свои мысли и чувства словами. Тамара была с ним строга, но терпелива. Всё, что ей нужно было от него, чётко сформированная причина. Кир не удивился её следующему вопросу:

— Почему я?

— Потому что я соскучился по тебе и хочу провести время именно с тобой, — обосновал Кир, не давая возможности

Тамаре на отступление.

Тамара улыбнулась. Кир и это уже приметил. Тамара улыбалась не так как остальные. Было ощущение, что она просто выдаёт эмоцию «на заказ». Иногда Кир представлял, как Тамара репетирует эти «заказные» улыбки перед зеркалом, и его эти фантазии очень печалили. Тамара поднесла его к книжным стеллажам.

— Что почитаем? — спросила она.

— Хочу сказку, — ответил Кир. — Выбери ту, что ты захочешь.

Тамара пробежалась по названиям книг. Её рука коснулась совсем потрепанной обложки, и книга вынырнула из рядов своих ровно составленных подружек. Тамару немного смутило то, что часть детских книг были на верхних полках. Клэр сказал, что так надо. Тамара не совсем понимала зачем, ей казалось, что лучше составить все детские книги на нижних полках, чтобы Кир мог в любой момент взять нужную ему и потренироваться в чтении.

— Эта? — удивился Кир. — Клэр говорил, что она скучная.

Тамара пожала плечами:

— Пока не услышишь историю сам, не сможешь понять, понравится ли она тебе. Но мне она нравилась в детстве.

Вечер уже потихоньку опускался на дом и весь лес. Шум и гам, а с ними и словесные дуэли Аскольда и Клэра перенеслись на кухню. Тамара с Киром на руках заглянула на слад-

кий запах. Клэр сосредоточенно варил малиновое варенье, а Аскольд уплетал шоколадное печенье, приготовленное Тамарой утром.

— Ты голоден? — спросила Тамара, глянув на Кира.

— Я уже ужинал, — заверил её ученик. — И искупался. Уложи меня спать.

— Ладно, — согласилась Тамара. — Клэр, я укладываю Кира спать.

Кот одобрительно что-то ответил с кухни. Тамара поднялась с Киром на руках в маленькую комнату, где стояла кровать, которую украшали живые лианы. В воздухе порхали волшебные бабочки, с крыльев которых сыпалась разноцветна пыльца. Тамара уложила Кира в кровать и накрыла одеялом со звёздным узором. В цветочных горшках буйствовали всевозможные растения. Небольшие магические круги порхали над ними. Так Кир отслеживал их состояние. По всей комнате были расставлены аквариумы, в которых плавали разноцветные рыбки, некоторые из них светились в темноте. Кир поудобнее устроился в кровати, Тамара прилегла рядом с ним. Книга называлась «Собиратель звёзд». Она была о мальчике, родителей которого выкрал злой колдун, а его самого отправил в пустыню. Там мальчик встретил прекрасно нимфу, которая порвала своё ожерелье, и то рассыпалось звёздами. Нимфа пообещала помочь мальчику вызволить родителей, если тот соберёт её звёздное ожерелье. Мальчик бродил по пустыне и неустанно собирал звёзды, а

когда нашёл последнюю был уже совсем взрослым юношей. Нимфа сказала, что им нужно просто прийти в логово колдуна, а родители мальчика будут ждать там. Так и случилось, нимфа и мальчик пришли к огромному замку, где их встретили родители мальчика. Злой колдун за эти годы умер от старости, а мальчик женился на нимфе и остался вместе с ней и своими родителями жить в замке покойного злого колдуна. Тамара закончила читать сказку, но Кир не спал, поражённый услышанным.

— Ещё сказку? — предложила Тамара.

— Тамара, — Кир поднял на неё большие красные глаза. — А мои мама и папа? Где они?

Тамара была застигнута врасплох словами своего ученика.

— Или ты моя мама, а Клэр — папа? Или мой папа — это Аскольд? — всё продолжал сыпать вопросами Кир.

«Так вот почему все эти книги стояли на верхних полках» — осознала Тамара.

— Тамара? — позвал Кир, требуя ответы.

Тамара не могла молчать. Она учитель и наставник. Когда ученик задаёт вопрос, учителю положено отвечать. Это процесс передачи истины, а не его сокрытия. Что-то мягкое приземлилось на кровать. Тамара столкнулась взглядами с испуганным Клэром, прочитавшим название на обложке.

— Клэр, скажи, ты мой папа или Аскольд? — требовательно спросил Кир.

— Что? Папа? — отшатнулся Клэр.

В глазах ребёнка всё больше читалось непонимание и страх.

— Кир, — голос Тамары был ровным и спокойным. Она еле заметно улыбнулась своей «заказной» улыбкой. — Я не твоя мама.

— Тамара, подожди, — попытался вмешаться Клэр.

— И ни Клэр, ни Аскольд не твои отцы, — продолжила Тамара. — Я твой наставник, а ты мой ученик. Пять лет назад мы путешествовали с Клэром и наткнулись на тебя. Ты был один в корзинке, но у тебя была сильная мана, и я решила взять тебя в ученики. Так ты попал к нам. У любого человека есть мама и папа. У тебя они возможно тоже есть, но по каким-то неизвестным нам причинам они не смогли о тебе позаботиться.

— Это, не потому что ты плохой, — поспешил поддержать Тамару Клэр. — Ты очень милый и хороший ребёнок. Просто, возможно, у них были свои обстоятельства.

— Обстоятельства? — переспросил малыш.

— Кир,— - Тамара сокрушенно произнесла его имя. — Не все мамы и папы хорошие, как в этой сказке, бывают и другие люди. Мир многогранен.

— В любом случае, Кир, мы с тобой и любим тебя всем сердцем, не хуже мамы и папы, — Клэр прижался к Киру.

Мальчик не плакал, он просто молча что-то прикидывал в своей голове.

— Хорошо, — согласился Кир и прикрыл глаза.

Клэр и Тамара облегчённо выдохнули, а затем проверив дыхание ребёнка, вышли из комнаты.

— Ну вы и опростоволосились, конечно, — встретил их Аскольд.

Тамара поняла, что Король фей всё это время подслушивал.

— Надо было сделать это по-другому и помягче,— Клэр сокрушенно опустил голову.

— Всё так, как нужно, — возразила Тамара. —— Мы не его родители. Мы договорились об этом ещё в самом начале, когда забрали его из лап фавна. Я бессердечная ведьма, а ты кот. А он пятисотлетний король. Мы можем хоть из кожи вон лезть, но не станем семьёй из сказки, Клэр. Мы просто такие какие есть. Мы старались все пять лет. Нельзя было оттягивать это и дальше. Мы наставники и воспитатели, а не мама и папа. Ты можешь дарить ему всю любовь, на которою способен, но истины это не изменит.

Тамара поднялась по лестнице, чтобы вернутся в свой кабинет.

— Да, мы не мама и папа, — внезапно согласился Клэр. — Но мы семья. Такая, какая есть. Ведьма, кот и король фей. Но это ведь не меняет того факта, что мы меняли его пелёнки, готовили кашу, грели молок, учили его говорить и ходить. Может, мы и не красивая пара с обложки, но всё же семья.

Тамара остановилась.

— Пожалуй, ты прав, — она посмотрела на кота. — «Мама и папа» — лишь красивый социальный конструкт. Наш Кир рос не с людьми, так что каких-то порядков извне он не знает. Надеюсь, он должен принять истину такой, какая она есть. В конце концов, сама я считаю своей семьей вас, а не своего отца и прочих.

Тамара мало помнила о матери. Кажется, у неё были красивые светлые волосы и большие карие глаза. Она не помнила ни черт лица, ни характера, ни прикосновений. У Тамары не было даже её портрета. Всё, что она знала о Царице Наташе можно было свести в ряд сухих фактов:

Её мать была родом с севера. Там она и вышла замуж за её отца.

Она умерла в результате падения с лестницы.

Отец уничтожил после её смерти все портреты, что хранились в дворце.

Тамара всегда знала о существовании баронессы Людмилы и её дочери Кристины. Кристина была старше Тамары всего на год. Вроде как Людмила была невестой её отца, но позже стало любовницей его старшего брата, прежнего Царя Ивана, которого отец сбросил с трона. Кристина была внебрачным ребёнком её отца, а Тамара законной дочерью от покойной Царицы. Но что может дитя, если её отец безразличен ко всему, а матери, чтобы защитить, нет. Тамара росла в рубиновом дворце, в котором исконно селили наследников, а Кристина с матерью – в изумрудном. Сестру Тама-

ра видела также редко, как и отца. О ней заботилась няня, служанка покойной матушки, но и той не стало, когда Тамаре исполнилось семь. У неё рано проявился талант к магии. Чтобы скрасить одиночество, Тамара зачитывалась гримуарами, а деньги, которые выделялись на её содержание, которые принято было тратить на драгоценности и платья, уходили на оборудование, препараты и редкие книги. Это скрашивало скуку между уроками этикета, на которых она слышала дежурную фразу. «Прекрасно для юной барыни, но вполне заурядно для Царевны. Боюсь от Царевны Кристины вы отстаёте не на год, а на десять». Холодная воспитательница повторяла это так часто, что в какой-то момент её голос стал лишь фоновым шумом. Отца Тамара видела лишь на редких приёмах и, когда тот вызывал её к себе в тронный зал. Единственное, чего хотелось её сердцу – это почувствовать на себе его одобрительный взгляд. Хоть раз.

На балу в честь восьмилетия Тамары Людмила объявила важную новость. Её дочь получила прекрасный магический дар. Кристина вышла на балкон в изящных белых одеждах и запела голос её пронизывал весь бальный зал, и зачарованные взгляды были прикованы лишь к Кристине. Заворожённые дворяне аплодировали, и стоило юной Царевне Кристине спуститься с балкона, её обступили со всех сторон. «Но как же Царевна Тамара?» — послышался чей-то сочувствующий шепот — «На дне рождения Царевны Тамары объявить такое». Сочувствие это было покрыто ядом.

В тот день Тамара станцевала свой первый танец с отцом. Она репетировала без устали. Так что ноги приходилось отмачивать в ванне со льдом. Но когда вальс был окончен, Царь Виктор исчез из бального зала. Тамара постоянно задавала себе одни и те же вопросы. «Что мне нужно сделать, чтобы ты посмотрел на меня? Почему ты совсем не смотришь на меня?». Тамара не испытывала зависти к Кристине. Даже со Священной молитвой, поддержкой дворян и прекрасной нежной улыбкой, Кристина не привлекала внимание Царя Виктора. Да и самой Тамары. Тамара вечно будто вела с отцом монолог.

Были и ещё встречи с отцом. Раз в три месяца обеих царевен приводили в тронный зал, и они весь день проводили в компании молчаливого отца. Так они обе должны были продемонстрировать свои знания этикета. Кристина справлялась блестяще. Учитель – когда-то наставница Людмилы – воспевала талант и грацию Кристины, пока Царь Виктор скучающе смотрел в окно.

— Царевна Тамара, — представила её выход учитель. – Она грациозна для барышни её возраста, но, боюсь недостаточно для Царевны.

Царь Виктор лениво повернул голову, смерив младшую дочь взглядом.

— Учись фехтованию, — приказал он.

Учитель и, стоявшая поодаль, Людмила ошарашенно открыли рты.

— Позвольте, Всемилостивый государь — начала тараторить учитель.

— Я уже не могу слушать голос этой старой мыши, — презрительно заткнул её Царь Виктор. – Если не так талантлива в этикете, как вторая, зачем вообще все эти выступления? Алексей!

Из-за портьеры вышагнул личный гвардеец отца. Он был невысок, но крепко сложен. В его тёмно-русых волосах проглядывала седина, а в серых глазах закралась усталость.

— Обучи Тамару фехтованию, — велел Царь Виктор.

— Как прикажите, — послушно ответил Алексей.

— Но отец! — на глазах Кристины блеснули выдавленные слёзы.

— Людмила, — грубо окликнул Царь Виктор женщину. — Научи свою дочь не говорить со мной без разрешения. Не особо то и хороша твоя мышь в обучении манерам, если она орёт на весь зал, как гусыня на убое. Алексей, найди нового учителя по этикету.

— Слушаюсь, — вновь также спокойно ответил Алексей.

— Ступайте все!

Знакомство Тамары с рыцарем Алексеем было неожиданным и совершенно отличным от первого впечатления.

— Я Царевна Тамара... — начала она в суетливом реверансе, одетая в тренировочные брюки и рубашки.

— Царевна Тамара, — мягко позвал Алексей. — Вам это совсем не подходит.

Тамара испуганно подняла голову. Алексей спокойно улыбался. Его улыбка была такой нежной и тёплой, что на мгновение Тамара растерялась. Алексей присел на корточки, отчего уровень их глаз сравнялся.

— Знаете, царевна Тамара, я вообще-то так себе учитель, только мечом махать и умею, — рассмеялся Алексей. — Вы ведь увлекаетесь магией, да? Я, если честно, совсем в этом ничего не понимаю. Так что не старайтесь со всеми этими поклонами для такого невежи как я.

Тамара удивлённо хлопала глазами. Алексей аккуратно закатал штанину на её брюках, чтобы та не мешалась.

— Протяните-ка лучше руку, — попросил он, и Тамара подчинилась. — Телосложение у Вас хорошее, но всё-таки надо немного набрать вес. Мечи, знаете ли, тяжелые.

— Их можно сделать легче с помощью магии, — Тамара спокойно рассматривала своего наставника.

— Я не эксперт, но как-то раз один маг говорил мне, что для сильной магии нужно сильное тело, — ловко парировал Алексей. — Давайте поступим так. Будем заниматься здесь с Вами каждый день. С восьми утра до трёх дня, договорились?

— Ладно, — в Тамаре не осталось и намёка на формализм.

Это продолжалось каждый день. Сначала тренировки казались болезненными и изнурительными. Тамара вместе с Алексеем бегала по плацу, отжималась, приседала. Прошло

не меньше месяца до того момента, когда в её руках оказался деревянный меч. Алексей всегда улыбался и шутил. Он казался тёплым как большой дружелюбный пёс. Когда тренировки заканчивались, он помогал Тамаре обрабатывать ссадины на коленках. Рассказывал про свои боевые заслуги. Иногда он приносил сладости, слушал, как Тамара увлекательно рассказывает про магические трактаты, которые прочла. Спустя несколько месяцев Алексей призвал Тамару пользоваться магией во время тренировок. Сам он был в искусности обделён, но его физическая сила была богоподобной. Он одним ударом своего точного клинка разрубал её детские магические круги.

— Наставник, — позвала Тамара. Алексей, весь потный после тренировки, жадно пил воду из фляги. — А вы давно знакомы с моим отцом?

— Да, достаточно давно, — Алексей улыбнулся и прикрыл глаза, вспоминая о чём-то далёком. — Ещё с тех пор, как была война в Северных землях.

— На этой войне он встретил мою маму? — Тамара и так знала, что это правда.

— Да, твоя мама была очень красивой. Цвет глаз и волос у тебя от Царя Виктора, но лицом ты пошла в мать, — Алексей ласково потрепал её за щёку.

— Наверное, поэтому он и не желает на меня смотреть, — Тамара тоскливо посмотрела глядела в сторону царских покоев. — Неужели, он так сильно её ненавидел, раз сжёг все

её портреты?

— Тамара, — рука Алексея беспомощно опустилась. — Это не так — в его голосе прозвучала тяжелая горечь. – Он очень любил её. Так сильно, что

Алексей застыл на полуслове. Он аккуратно потрепал Тамару по голове.

— Он обязательно посмотрит на тебя, вот увидишь, — пообещал Алексей. — Настанет день, когда Царь Виктор не сможет оторвать от тебя глаз.

Прошёл ещё месяц. На тренировочном плаце появилась ещё одна фигура. Царь Виктор сидел на скамье. Также величественно, как и на троне. Тамара испуганно глянула в его сторону, но перед пугающей фигурой отца оказался её наставник. Алексей по обыденности нежно улыбнулся, говоря этим как бы: «Не переживай, всё будет хорошо». Их привычная тренировка по фехтованию прошла под пристальным взглядом Царя Виктора, как вдруг рядом с Царём оказалась Людмила. Она держала за плечи свою дочь, одетую в тренировочную одежду. Длинные волосы Кристины были собраны в аккуратный хвост длинной голубой лентой, завязанной в изящный бант. Кристина по своему обыкновению держала наивное и добродушное выражение лица.

— Тоже хочешь обучаться фехтованию? — голос Царя прозвучал насмешкой.

Алексей инстинктивно закрыл собой Тамару перед Людмилой. Женщина смотрела на него с высокомерием и на-

смешкой.

— Его превосходительство велел Вам провести урок и для Царевны Кристины, — донесла она волю Царя.

Алексей глянул в сторону скамьи, Царь почти безучастно кивнул.

— Тамара, отдохни пока, — Алексей подтолкнул её в сторону места для отдыха. — Ни о чём не переживай, ладно? — мягко попросил он.

Тамара послушно кивнула и отбежала в сторону. Место для отдыха было расположено так, что Тамара могла видеть всё, что происходит на плаце и на трибунах, но при этом саму её было сложно рассмотреть. Кристина выплыла на плац так же, как она обычно выходила в бальный зал. По её стойке было очевидно, что ранее ей уже приходилось заниматься фехтованием, и меч Царевна держала не впервые.

— Просто заставьте сделать меня хоть один шаг, велел Алексей Кристине. — Нападайте.

Кристина сорвалась с места и кинулась на Алексея. Сейчас он был вовсе не тем добрым учителем, которого знала Тамара. Ей тоже приходилось лежать на земле, но Кристину Алексей откидывал с особой небрежностью. Девочка падала на землю, но продолжала рваться в бой несмотря ни на что, но каждый раз сталкивалась с жестоким парированием и вновь оказывалась на земле.

— Хватит, — раздался приказ Царя Виктора с трибун. Идеальное лицо Кристино покрылось потом, а глаза горели

обидой. — Что скажешь Алексей?

— Хорошо для барышни, но посредственно для царевны, — знакомой фразой ответил Алексей.

— Ожидаемо, — ничуть не удивился Виктор. — Ты, — Царь обратился к Кристине, но даже не посмотрел в её сторону. — Не берись за дело, если не готова отдаться ему со всей страстью.

Царь Виктор скрылся, оставив после себя пустую скамью. Служанки подбежали к Кристине, чтобы помочь ей привести себя в порядок, а разъяренная Людмила, только что идеально державшаяся при Царе, подлетела к Алексея и влепила ему смачную пощёчину.

— Что вы делаете?! — возмутилась Тамара, закрывая собой Алексея.

Людмила глянула на неё, словно та была мышью, выскочившей на её пути.

— Царевна Тамара, — снисходительно начала Людмила. – Видите ли при встрече гвардеец Алексей не выказал мне, баронессе, должного уважения. Те, кто выше по положению, должны учить тех, кто ниже во избежание повторения подобных ситуаций.

Тамара сжала кулаки от гнева, но внезапно застыла на месте.

— Вот как? — Голос Тамары стал внезапно холоден.

Магические нити опутали ноги Людмилы, заставив её рухнуть на колени перед Тамарой, и в следующие мгновение

Тамар залепила пощёчину Людмиле.

— Что? — Людмила хотела возмутиться, но наткнулась на обжигающий взгляд Тамары, так сильно похожий на взгляд Виктора.

— Баронесса Людмила, позвольте заметить, вы не оказали мне, Царевне, должного почтения при нашей встрече, — за спиной Тамары появился атакующий магический круг.

— Мама! — испуганно закричала Кристина, подобно трагичной героине, вырываясь из цепких рук служанок.

— Как смеет обычная баронесса вести себя подобным образом, находясь во дворце? — продолжала Тамара, не отвлекаясь на посторонний шум. — Вы что ставите под сомнение силу царской династии? Мне стоит преподать Вам урок сейчас, чтобы Вы не позволили себе лишнего в дальнейшем.

Бегающие глаза Людмилы искали по плацу хоть какую-то поддержку, но сияющий магический круг Тамары не давал ей отвлечься от фигуры царевны ни на мгновение. Сокрушённая Людмила рухнула лицом вниз.

— Прошу меня простить, Царевна Тамара, — испуганным шёпотом произнесла она.

Тамара стояла над поверженной баронессой, и магический круг за её спиной медленно угасал, но воздух всё ещё был наэлектризован от её силы. Она смотрела на Людмилу сверху вниз, и в её красных глазах не было ни капли жалости — только ледяное, отстранённое спокойствие. Это был взгляд не ребёнка, а хищника, оценивающего добычу.

— Я принимаю ваши извинения, баронесса, — голос Тамары был ровным и тихим, но он прозвучал громче любого крика. — Надеюсь, этот урок научит вас не путать дворцовую иерархию с вашими личными обидами.

Людмила, всё ещё стоя на коленях, лишь мелко закивала, боясь поднять глаза. Её щека горела алым отпечатком ладони Тамары.

Внезапно тишину разорвал громкий всхлип. Кристина, которую служанки наконец отпустили, бросилась к матери и обняла её, глядя на Тамару с неприкрытой ненавистью и страхом.

— Ты чудовище! — выкрикнула она дрожащим голосом. — Как ты смеешь так с моей матерью?!

Тамара перевела взгляд на сестру. На мгновение в её глазах промелькнуло что-то похожее на сомнение или даже вину, но оно тут же исчезло, уступив место маске безразличия.

Слова сорвались с губ раньше, чем она успела их обдумать. Они прозвучали холодно, резко и... правильно. В тот момент это казалось единственным способом заставить их замолчать, заставить их *увидеть*.

— Я не желаю слушать обвинений от бастарда, — ответила Тамара.

Кристина замерла от шока. Впервые кто-то при интригах её матери позволил себе назвать Священную Царевну той, кем она являлась на самом деле.

Но внутри самой Тамары что-то оборвалось. Это была не

победа. Это было падение.

— Пойдём, — руки учителя мягко, но настойчиво легли на её плечи, заставляя отвернуться от сцены, где она только что сыграла роль тирана.

Алексей отвёл её на задний двор, подальше от любопытных глаз и шепота прислуги. Как только они скрылись за углом, вся тяжесть содеянного обрушилась на неё. Решимость, которая ещё секунду назад горела в её груди, испарилась, оставив после себя звенящую пустоту. Руки задрожали, дыхание стало прерывистым и частым. Глаза в ужасе расширились от осознания того, что она натворила.

— Посмотри на меня, — мягко попросил Алексей. Он развернул её к себе лицом и сжал её плечи, заставляя сфокусировать взгляд на нём. – Тамара. Ты молодец. Слышишь меня? Ты всё сделала правильно. Дыши дыши ровно.

Его голос был спокоен, как гладь лесного озера. Его рука мягко и ритмично гладила её по спине, и это простое действие оказалось сильнее любой магии. Дыхание Тамары начало выравниваться, но вместе со спокойствием пришла другая реакция — тело сотрясли беззвучные рыдания, которые тут же перешли в громкий, отчаянный плач.

— Страшно было, да? — Алексей не стал её ругать или читать нотации. Он просто крепко обнял её, позволяя спрятать лицо у себя на груди. — Поплачь. Не держи это в себе.

Тамара вцепилась в его тунику и громко зарыдала. Она плакала не от обиды и не от страха наказания. Она плакала

от того, что впервые в жизни почувствовала вкус настоящей власти — холодной, острой и пугающей. Она поняла, что та сила, которую она так искала, может быть не только щитом, но и мечом, который ранит.

— Ты всё правильно сделала, — шептал Алексей ей в макушку, продолжая гладить по волосам. — Не позволяй никому себя обижать. Никогда. Даже если страшно.

Прошёл год, а за ним другой. Тамаре исполнилось двенадцать. Её талант к магии расцвел как рододендрон. Внезапно, но ярко. Она вытянулась в росте, и уже могла полноценно теснить своего учителя. И всё же простая точная сила его тела ещё могла отразить её магию, которую она с таким упорством изучала. К ней отправляли придворных магов, талантливых, но скупых на фантазию. Тамара изучала руны и создавала из них что-то настолько своё собственное, что выводило из себя совершенно всех.

— Очень хорошо! – Алексей парировал её последний выпад и опустил меч.

На соседней площадке галдел младший гвардеец.

— Кроме вас двоих с младшим сыном Александриты, нет, наверное, во всём дворце таких же упорных детей в фехтовании, — усмехнулся Алексей. — Сейчас юноши обычно проходят базовый курс, а учат их владеть мечом также, как танцевать вальс. Такими темпами наших дворян перебьют. Эй! Заканчивайте там!

Юноша на соседнем плаце ловко создал портал перед сво-

им оппонентом, гвардейским рыцарем, и тот вывалился на землю за его спиной. Клэрис и Тамара встретились взглядами. Юный граф смущённо поклонился. Его щёки залились румянцем. Тамара помахала ему рукой. Алексей же их двоих, и гвардейца, и юного Клэриса, подозвал к себе. Гвардеец поднялся, взявшись за руку Клэриса, отряхнулся, и вдвоём они подошли к Тамаре и Алексею.

— Как оно, учить молодёжь, Дмитрий? — с издёвкой спросил Алексей.

— Неплохо, — самому Дмитрию было не больше двадцати.— – Если кое-кто перестанет меня в порталы швырять.

— Извините, я не специально, — без капли в совести в голосе отзывался Клэрис.

— Нет, продолжай именно в том же духе,— - науськивал Алексей Клэриса.

— Капитан! — возмутился Дмитрий.

— А почему нет? — лениво протянул Алексей. — Тамара вот меня тоже иногда поджигает, как видишь не умер. Это естественное развитие. Нельзя запрещать ребёнку то, что у него хорошо получается.

— Тебе это подходит, — Тамара улыбнулась Клэрису.

— Что подходит? — смущённо спросил юноша.

С их первой встречи он стал выше, а тело его крепче. Светлые волосы он собирал в маленький хвостик на затылке, чтобы те не мешали во время занятий.

— Фехтование, — ответила Тамара. — Как твои успехи с

огненными шарами?

— Никак, — Клэрис стал серьёзнее, но без агрессии, скорее, внезапно, они с Тамарой вдруг заговорили на равных. Он улыбнулся. — Я больше и не пробывал. А вы, Царевна Тамара, всё также поджигаете розы?

У ног Тамары засветился магический круг. Розовый куст расцвёл прямо на глазах и также мгновенно вспыхнул. Она аккуратно двумя пальцами сорвала одну из пылающих роз и протянула Клэрису.

— Разве что иногда.

Клэрис бережно принял розу из её рук.

— Кошмар, Тамара, не припоминаю, чтобы учил тебя быть такой коварной соблазнительницей, — протянул Алексей, но в его голосе не было осуждения, только добродушная насмешка.

Дмитрий, молодой гвардеец, лишь присвистнул и толкнул локтем смущённого Клэриса:

— Смотри, юный граф, а то Царевна тебе сердце прожжёт. В буквальном смысле.

Мужчины расхохотались. Тамара непонимающе смотрела на них. Взгляд Клэриса скользнул по её лицу.

— Напридумывали себе ерунды, старики, — фыркнул он. Его пальцы всё также крепко сжимали розу.

— Старики?! Ты где старика увидел?! Да мне всего двадцать! — возмутился Дмитрий. — Не сравнивай меня с этой рухлядью! — Он с шутливым вызовом указал на Алексея.

Алексей лишь усмехнулся. В его глазах на мгновение мелькнул стальной блеск.

— Что ты там пропищал, сопляк? — спокойно спросил он, делая шаг к Дмитрию и по-отечески кладя тяжёлую руку ему на плечо.

Дмитрий побледнел.

— Ничего! Я... я виноват!

Мгновение — и мир для Дмитрия перевернулся. Алексей ловко провёл приём, перекинув гвардейца через бедро. Дмитрий с глухим *«ух!»* рухнул на утоптанную землю плаца.

— Неплохо для старой рухляди, а? — невозмутимо произнёс Алексей, даже не запыхавшись.

— Простите! Я виноват! – взвыл Дмитрий. – Только отпустите!

Алексей помог Дмитрию подняться и отряхнул его плечо от пыли с видом человека, выполнившего рутинную, но необходимую работу.

— Кстати, я не совсем понял, вы не можете защититься от магических атак Тамары? — Клэрис внимательно рассматривал Алексея, всё ещё сжимая в руке пылающую розу.

— Наставник не пользуется магией, — ответила вместо него Тамара. Она говорила с уверенностью лектора, который знает тему лучше всех в аудитории.

— У него нет маны? — Клэрис вновь перевёл взгляд на Алексея.

— Да у капитана этой маны пруд пруди! — фыркнул

Дмитрий, потирая ушибленную руку.

Алексей лишь пожал плечами и усмехнулся:

— Да я без понятия, как этой вашей магией пользоваться. Круги эти, руны... Сложно как-то. Мне проще кулаком в челюсть дать.

Тамара закатила глаза, но в её взгляде читалась теплота.

— Он не преобразует ману во внешние источники, — объяснила она Клэрису. — У него не хватает... как бы это сказать... пространственного воображения для построения магических кругов. Но он инстинктивно направляет её внутрь своего тела.

Она сделала паузу, подбирая слова.

— Кости и мышцы становятся крепче, слух и зрение обостряются. Я читала о случаях, когда с помощью маны можно даже заменить орган или часть тела. Это тоже магия, но подход совершенно другой. Простая, но крайне эффективная. Назовём это... магия триумфа собственного тела. Даже если я и атакую наставника заклинанием, он получает вовсе не те увечья, что обычный человек. Скажем, любого другого моя атака бы убила, а наставник разве что поцарапается.

Алексей хлопнул в ладоши, довольный объяснением.

— Во! Слышал? У меня умная ученица!

Дмитрий не удержался:

— Видимо, это у неё точно не от вас.

Алексей мгновенно развернулся.

— Видимо, я тебе недостаточно навалял! — рыкнул он и

тут же провёл подсечку, снова отправляя Дмитрия на землю.

Клэрис их почти не слушал. Он внимательно рассматривал собственную ладонь, а затем перевёл взгляд на розу в другой руке. Он сосредоточился, представляя, как энергия течёт не для создания портала в пространстве, а пронизывает его собственные мышцы. Внезапно он услышал голос Тамары. Она стояла рядом и тоже смотрела на его руку. Её глаза, казалось, видели его насквозь.

— Тебе это подойдёт, — тихо сказала она.

Солнце начало клониться к закату. Тамара и Дмитрий отдыхали в тени, а Алексей терпеливо показывал Клэрису базовые стойки для концентрации внутренней энергии. Странно, но Клэрис понимал его несвязную речь, построенную на ощущениях и инстинктах, лучше, чем академические уроки.

На плацу возникло движение. Со стороны изумрудного дворца показалась процессия. Во главе шла Кристина в изящном платье цвета слоновой кости. Она смущённо прикрывала лицо веером, когда смеялась над шутками своих фрейлин — девушек того же возраста.

Алексей и Дмитрий тут же приклонили колени.

— Встаньте, — лениво велела Тамара, как та, кому было позволено отдать такой приказ, даже не повернув головы.

Клэрис заметно задержался с приветствием. Он просто стоял и смотрел на приближающуюся компанию, всё ещё сжимая в левой руке обугленный стебель розы.

— Приветствую вас, Царевна Кристина, — он чуть скло-

нил голову, но не так низко, как того требовал этикет.

Кристина приветливо ему улыбнулась. Её взгляд скользнул по розе в его руках. Красные лепестки уже догорели, оставив после себя лишь обуглившийся бутон.

— Рада видеть вас, юный граф Клэрис Александрита, — поприветствовала она. — Сестра, рада видеть и тебя.

Тамара лениво поднялась на ноги.

— Вижу, ты здорова, Царевна Кристина.

Завидев её, юные фрейлины испуганно присели в реверансе.

— Приветствуем Царевну Тамару!

Внимание Кристины снова переключилось на Клэриса.

— Вы слишком испачкались во время занятия, — она протянула ему белоснежный кружевной платок. Рука её была затянута в белую перчатку.

— Прошу прощения, Царевна Кристина, я не могу принять ваш платок, — спокойно ответил Клэрис. Правая рука его сжимала деревянный меч, а левая — обугленную розу; пальцы были в саже. — У меня не представится случая его вернуть.

— Не вижу ничего плохого в том, что жених оставит себе платок своей невесты, — не отступала Кристина. В её речи не было ни угрозы, ни колкости, лишь лёгкая девичья настойчивость.

— В моём возрасте хранить у себя женские платки слишком вульгарно, — извернулся Клэрис.

— Ох, простите, я не подумала, — Кристина смущённо прикрыла лицо веером. — Но меня радует, что моя рука досталась такому порядочному юноше, как вы. Не желаете ли посетить мой дворец? Я устраиваю музыкальный вечер для юных дам и кавалеров.

Клэрис окинул взглядом обрадованных возможным визитом фрейлин и тяжело вздохнул про себя.

— Боюсь, я слишком плох в развлечении дев, — он вновь окинул взглядом девушек. — Может быть, вам лучше пригласить моего старшего брата? Он куда более галантен и сведущ в светских беседах.

Кристина окинула взглядом обрадованных возможным визитом Евгения спутниц.

— Что ж, я была бы рада и Вашему присутствию, я направлю Вам приглашение.

Она развернулась и «уплыла» обратно к дворцу в сопровождении своей свиты. Клэрис устало выдохнул, пробормотав себе под нос: «Чуть язык не сломал», и кинул деревянный меч Дмитрию.

— Наставник, — обратился он к нему с абсолютно серьёзным лицом. — Шибаните меня хорошенько.

— Вы совсем с дуба рухнули, Ваше благородие? — Дмитрий с сомнением посмотрел на юношу. — Я ж вас покалечу!

— Совсем нет, — возразил Клэрис. — Будет лучше, если синяк будет побольше. Чтобы няньки точно могли сказать матушке, что я прикован к постели из-за травмы на трени-

ровке и никак не смогу посетить их «музыкальный вечер».

— Так сильно не хочешь идти? Там же молоденькие девчонки! Я б в твоём возрасте... — мечтательно протянул Дмитрий.

Тамара щёлкнула пальцами. Тело Клэриса мгновенно покрылось россыпью ярких красных пятен, похожих на сыпь или ожоги от крапивы.

— Не благодари, — усмехнулась она. — Если позовут мага-лекаря, он раскусит подмену и снимет заклинание за минуту, но это хотя бы даст тебе повод не выходить из комнаты пару дней. Скажи, что случайно наткнулся на чьё-то шутливое проклятие. Сойдёт примерно через неделю.

— Спасибо! — облегчённо выдохнул Клэрис, ощупывая «сыпь».

— Кстати, Царевна Тамара, — вклинился Дмитрий. – А почему у Вас нет фрейлин?

— Ну-у-у, — протянула Тамара, а потом оглянулась на Алексея. — Да, почему? — почти удивлённо спросила она.

— Ну, хочешь, я с тобой чаю попью, — предложил Алексей.

— Хочу, — заявила Тамара.

— Тогда пойдёмте все вместе пить чай, — Алексей взял Тамару за руку. Клэрис на фоне расчёсывал предплечья. — Пока его благородье дома не заперли.

Минул ещё год и Тамаре исполнилось тринадцать. В южных землях стало неспокойно. Соседняя страна начала на-

беги на плодородные угодья. Война ещё не началась, но все знали, что она вот-вот начнется.

— Ты пришла? — Алексей посмотрел на неё с улыбкой и грустью в глазах.

Тамара, разодетая после церемонии в шёлковое красное платье, запыхалась. Волосы её растрепались, а глаза горели ужасом. Её наставник уезжает на границу, чтобы обеспечить безопасность крепости.

— Тебе идёт красный цвет, — подметил Алексей, расправляя её волосы.

— Наставник! — выкрикнула Тамара.

— Не переживай, — успокоил её Алексей. — Я достаточно силён, чтобы справиться, так что просто тренируйся дальше и жди меня, хорошо?

— Но — Тамара попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле.

Из коридора выбежал и Клэрис такой же запыхавшейся и разодетый. Дмитрий соскочил с коня и приветливо ему помахал со своей обычной улыбкой.

— Тамара, — Алексей взял её за плечи. — Хорошо питайся и расти здоровой. Практикуйся в магии и ничего не бойся. Не забывай хорошенько отдыхать. Спи не меньше восьми часов в сутки. Ешь побольше овощей и мяса. Продолжай учиться. Твои глаза прекрасны, ты смотришь в саму суть вещей. Защищай себя, если на тебя нападают. Не бойся быть злой или даже плохой. Я знаю, когда ты вырастешь, ты ста-

нешь отличной Царицей. Но — Алексей замолчал, лицо его помрачнело, и он крепко прижал к себе Тамару. — Послушай, если ты поймёшь, что всё это ничего для тебя не стоит, брось всё и поступай так, как сама того хочешь. Поняла меня?

Щекой Тамара почувствовала его слёзы, и всё в груди замерло.

— Капитан, — позвал Дмитрий. — Не пугайте её! Царевна, — обратился он к Тамаре. — Ваш наставник вернётся к Вам в целости и сохранности! Что вы тут устроили, капитан?

— Простите, — Алексей чуть отстранился от Тамары. — Я просто хочу сказать тебе всё, что думаю и чувствую пока не поздно. Вдруг, в какой-то момент я не успею преподать урок. Но ты жди меня, поняла?

Тамара кивнула. Алексей вскочил на коня и махнул ей рукой на прощание. Тамара почувствовала, как рука Клэриса сжимает её дрожащие пальцы.

Больше они не встретились. Зимой на аванпост напали монстры сразу после битвы с бандитами из соседнего Шу. Отец вызвал Тамару к себе, не в тронный зал, а в кабинет. Он передал ей уже вскрытое письмо. Ровными буквами там было сообщено о гибели капитана царской гвардии Алексея. Царь Виктор вышел из комнаты. Тамара рухнула на пол, жадно глотая ртом воздух. Через четыре месяца после отбытия гвардия вернулась в Царьград. Дмитрий, измученный, исхудавший, рухнул перед Тамарой на колени. Его форма, такая

красивая и чистая раньше, была изодрана, из-под грязных бинтов, сочилось кровь. Она сочилась и из обрубка его левой руки, своей уцелевшей правой, Дмитрий протянул Тамаре свёрток с мечом Алексея.

— Мне нет прощения, Царевна Тамара, — дрожащим от слёз голосом произнёс Дмитрий.

Тамара упала на колени рядом с ним и крепко обняла.

— Спасибо — Её платье пропиталась его кровью. — Что вернулся живым.

Ещё через полгода началась полномасштабная война с Южными землями.

***

Тамара проснулась в холодном поту, не понимая ещё до конца, что ей вовсе не тринадцать, а двадцать два. На её ночной сорочке не было пятен крови Дмитрия, и она была уже не в промозглом кабинете отца.

Грудь сжимала режущая боль, казалось, что отсутствующее сердце сейчас взорвётся фантомным импульсом прямо сквозь рёбра. Глаза её, обычно отстранённые и холодные, горели диким, первобытным ужасом. Комната плыла, на мгновение превращаясь обратно в заснеженный сад из её кошмара. Она машинально, не думая, потянулась к тумбочке. Пальцы нащупали холодный стеклянный пузырёк. Она сорвала пробку и залпом выпила всё содержимое. Зелье было горьким, с металлическим привкусом. Постепенно тело и разум начали успокаиваться. Химический холод растёкся

по венам, гася пожар эмоций. Глаза вновь застыли в привычном безразличии, дыхание выровнялось до ровных, механических вдохов и выдохов. Фантомная боль отступила.

Тамара поднялась с постели. Её босые ноги бесшумно коснулись деревянного пола. Она не стала зажигать свет. Тенью проскользнула вниз по лестнице. Дом спал. На кухонном столе, сбившись в мохнатый клубок, дремали феи. Их тихое сопение было единственным звуком в тишине. Тамара остановилась у двери в детскую. Несколько секунд она просто стояла и смотрела на дверную ручку. Затем осторожно, миллиметр за миллиметром, повернула её и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь. В комнате было тепло. Кир спал, сбросив одеяло и раскинув руки. Рядом с ним, свернувшись чёрным калачом, лежал Клэр. Кот дёрнул ухом во сне, будто услышал её шаги, но не проснулся. Тамара стояла в дверном проёме и смотрела на них. Она не двигалась. Не вздыхала. Просто смотрела. Затем её взгляд упал на собственную руку, всё ещё сжимавшую пустой флакон. Тамара так же беззвучно закрыла дверь и вернулась в свою комнату.

Она больше не спала, просто лежала и смотрела в потолок, а поднялась ещё до того, как заблеял рассвет. Тамара разожгла огонь в кухонной печи. Замесила тесто. Из очередных «даров» обитателей она выбрала спелые красные яблоки. Чуть позже к ней присоединился Клэр. Пока Тамара мастерски выкладывала начинку в пирог, кот, орудуя своими

лапами, умудрился организовать яичницу, бекон, салат из помидоров и сыра, а таже поджарить тостовый хлеб. И уже готовил чай.

— Ты стал уж слишком хорош в это, — с досадой подметила Тамара.

— Думаешь? — удивился Клэр, ловко раскладывая по тарелкам яичницу с беконом и салат.

— Определённо, — уверила его Тамара.

Тут же дверь в дом распахнулась, и на пороге оказался Аскольд.

— А я не с пустыми руками! — Он демонстративно показал ведьме и коту баночку с мёдом. — Феи нашли улей и я, используя свою харизму, дипломатию и конечно же осенние цветы, договорился о поставке мёда на зиму.

— Молодец, Аскольд, — похвалила его Тамара, расстелив скатерть на обеденном столе.

Тарелки дружненько прилетели и выстроились по местам, а за ними и чайный сервиз. Из буфета подоспели столовые приборы.

— Ты собираешься кормить меня детьми птиц? — возмутился Аскольд, посмотрев сначала на яичницу потом на кота. В руках у него уже была вазочка с безе.

— К твоему сведенью, безе делают из яичного белка, — сообщил ему Клэр, поправляя столовые приборы.

Тамара достала из печи готовый яблочный пирог. По кухне разлился аромат корицы и печёных яблок. Она устроила

его в центре стола, за которым Аскольд трагично рассматривал безе.

— А ты стала уж слишком хороша в этом, — подметил Клэр.

— Думаешь? — с той же интонацией, что и Клэр ранее, спросила Тамара.

Наверху послышался топот детских ножек и хохотки фей. Взрослые притихли. Послышался шум в ванной комнате, а затем Кир ловко спустился по лестнице, вернее скатился по лазе, подставившейся ему.

— Всем доброе утро! — Мальчик радостно обнял Тамару.

Все, включая саму Тамару, напряглись. Кир устроился за столом.

— Ух ты! Яичница! — Он поставил рядом с собой маленькое блюдце, к которому из окна прилетели трое синиц и начали увлечённо клевать семечки. — И пирог!

Тамара отрезала Киру кусок пирога, тот сосредоточенно зажевал свою яичницу, бекон и ловко принялся за десерт.

— По поводу вчерашнего — вкрадчиво начал Клэр.

— Я ещё думаю об этом, — заявил Кир с набитым ртом.

— Думаешь? — напряженно спросил Аскольд.

— Ну-у-у, — протянул Кир. Он отложил вилку и посмотрел на них серьёзными красными глазами. — Не знаю. Может, у меня где-то и есть мама с папой, но мне и тут хорошо. С Тамарой, Клэром и даже тобой, Аскольд. Вчера я немного расстроился, а потом подумал: мне ведь грустно только из-

за того, что я узнал о том, что у меня вроде как должны быть папа и мама. Раньше мне грустно не было. Потом подумал ещё и ещё И решил в итоге: мне не было грустно, потому что у меня есть вы. Даже если мама и папа бросили меня, пусть так. Зато у меня есть вы.

За столом повисла тишина. Аскольд замер с ложкой у рта. Клэр перестал жевать. Тамара смотрела на своего ученика. В её глазах не было ни теплоты, ни слёз — лишь привычная аналитическая отстранённость. Но она медленно взяла нож и отрезала от пирога ещё один большой кусок.

— Держи ещё пирог, — Тамара положила на его пустую тарелку ещё пирога.

— Но ты же говорила, что мне можно всего один кусочек пирога в день.

— Сегодня можно сколько хочешь, — заверила Тамара.

— Да? Ура!

Кир с энтузиазмом набросился на добавку. Взрослые переглянулись между собой с едва заметными улыбками облегчения.

АКТ I: Лес фей. Глава 5: Мужской секрет

Вот и минуло почти восемь лет с того момента, как в жизни Клэра, Тамары и, конечно, Аскольда появился Кир. Маленький ученик рос стремительно. Он начал читать раньше положенного детям срока, а к своим годам освоил не только кириллицу, которой обучался у Клэра вместе с решившим расширить свой кругозор Аскольдом, но и пару древних языков, а также пока неуверенно начинал изучать два иностранны. Он легко впитывал экономику, географию и прочие мирские науки. Один раз лишь он задал вопрос Тамаре, зачем магу науки, не имеющие отношения к магии. Тамара в своей обычной манере рассказала, что истина распространена далеко за пределами магии.

— Прежде, чем сделать шаг, нужно разобраться. Например, видишь ты крестьянина, которого мучает голод, нужно ли ему помочь? — Тамара листала книгу с формулами, выбирая какую лучше дать Киру.

— Конечно! — заявил Кир. — Вдруг он умрёт от голода?

— Возможно, — согласилась Тамара. – Но если ты изучишь географию и экономику, ты поймёшь, что эта страна процветает, а земли в ней плодородные. И вот вопрос. Ты встретил крестьянина в центре небольшого городка рядом с

картинной галереей. Почему он голодает? — Кир на её вопрос пожал плечами. —— В маленьких городах картинных галерей не бывает, Кир, наше общество пока не так развилось, чтобы просвещать людей в далёких от столицы поселениях. Под картинные галереи или чайные дома обычно маскируют игорные заведения и бордели. Так что крестьянин беден, не потому что жизнь несправедливо с ним обошлась, а потому что он спускает все деньги на распутных женщин или азартные игры. Так стоит ли ему помогать?

Кир призадумался:

— Что с ним будет, если я дам ему денег или еды? — протянул мальчик. — Если дам ему еды? Наверное, он просто поест, а потом снова будет клянчить помощь. А если денег – он снова потратит их на чепуху. Как же тогда ему помочь?

— Никак, — ответила Тамара. — Если ты ему поможешь, он просто продолжит катиться на дно, а если нет — он сам вынесет урок. Возьмётся за голову и займётся хозяйством, а если нет, то это его личный выбор. Не все люди живут жизнь правильно.

— Вот как — Кир снова призадумался. — За этим и нужны мирские науки? Тогда я понял.

— Отлично, — Тамара положила перед ним книгу с простейшими экономическими формулами.

— Только — Кир с интересом посмотрел на Тамару. — Что такое бордели?

Так и продолжалась мирная жизнь в Лесу Короля фей.

Стоило Киру подрасти, и Клэр с Тамарой начали уходить в небольшие путешествия. Иногда на пару дней, чтобы на склонах гор собрать сезонных редких трав. Иногда, на пару недель, чтобы изучить руины древних государств. Каждый раз Кир оставался с Аскольдом и познавал азы «мужского воспитания». Аскольд, к своему собственному удивлению, справлялся очень даже неплохо. Он научился по кулинарной книге Тамары готовить простейшие блюда. Салаты, яичницы, каши. Своим собственных шедевром он считал пирожки, которые обычно готовил к возвращению Тамары. Сложно было не справится с ребёнком, за которым присматривал весь его лес. Вместе они навещали дриад, купались с русалками, наблюдали за троллями. В общем, с возрастом Кир всё же научился созерцанию. Дуб, правда, его так и не впечатлил. Лесные создания принимали ребёнка с охотой, даже учили своим тайным приёмам и заклинаниям.

— Аскольд, — позвал Кир, пока они вместе «созерцали» падающий снег. — А что такое бордели?

Тамара и Клэр как раз ушли, чтобы изучить расщелены, образовавшиеся от недавнего землятресения в горах Валеса.

— Спроси лучше у Клэра, — ответил Аскольд.

— Может, тогда поиграем? — предложил Кир.

— Отличная идея, — поддержал Аскольд. – Будем играть в королевских дружинников. Я – король, а ты – дружинник. Я буду спать, а ты охранять мой королевский покой.

Сказав это, Аскольд широко зевнул. В этот момент в него

прилетел слепленный Киром снежок.

Когда Тамара и Клэр возвращались, то всё становилось на круги своя. Кир выбегал из своей комнаты и бросался к Тамаре. Она всегда спрашивала, чем он занимался пока их не было, и Кир рассказывал:

— Я прочитал книгу, которую ты оставила, а ещё мы с Аскольдом смотрели на снег, и я нарисовал картинку.

Клэр протянул ей листок бумаги, а Клэр с Аскольдом любопытно рассматривали рисунок. На картинке был нарисован сам Кир в центре. Он держал за руки Аскольда и Тамару, а Тамара – Клэра.

— У тебя очень хорошо получается, — похвалила Тамара. — Может, нам стоит начать изучать начертательную геометрию пораньше, чем я планировала.

— Это полное поражение, — Аскольд сокрушённо упал на колени. — Почему Тамара не держит меня за руку? Почему кошака?

— Очевидно, потому что у меня не три руки, — сухо прокомментировала Тамара.

— Не отчаивайтесь, Ваше Величество, — попыталась утешить его Герань. — Как по мне, вы на рисунке выглядите как мама, папа, малыш и их зверушка. Ой! – пискнула она, почувствовав, как была поймана кошачьей лапой.

— Кого это ты там зверушкой назвала? — с яростным блеском в глазах спросил Клэр.

Аскольд же моментально воспрял духом, встал на ноги и

гордо выпрямил спину.

— Слышал, зверушка? — Он победно ткнул в кота пальцем, за что в то же мгновение, получил задней лапой по лицу.

Тамара взяла Кира на руки.

— Развели балаган из-за рисунка, — вздохнула она. — Ох, кажется мне становится труднее тебя поднимать.

— Ну, да! Я ведь росту, — напомнил Кир.

Тамара лишь улыбнулась.

Их вечера после занятий были наполнены тишиной. Клэр выгонял из дома всех лесных созданий, что умудрялись поселиться в нём за время их отсутствия. Феи грызли печенье. Клэр готовил какао, читал Киру сказки и укладывал спать. Дни тянулись равномерно. Разве что одна деталь очень смущала Кира. Иногда Клэр ночью куда-то уходил. Кир начал это замечать окало года назад. Клэр проверял, спит ли Тамара, потом — спит ли Кир, а после выскальзывал на улицу.

Однажды Кир решил проследить за своим опекуном. Клэр по обыденности проверил всех, а затем убежал на улицу. Кир подождал немного, чтобы не быть замеченным. А потом вскочил с кровати и выбежал из дома. Кота и след простыл. Он присел на колени. Малыши водные феи играли с ночной росой.

— Вы не видели чёрного кота? — спросил Кир.

— Он побежал во-о-он туда, — указала феечка.

Кир, следуя указаниям крошечной феи, бесшумно пробирался сквозь ночную чащу. Лес, обычно такой дружелюб-

ный и светящийся магией, сейчас казался таинственным и немного пугающим. Ветви деревьев сплетались над головой, создавая плотный купол, сквозь который едва пробивался лунный свет.

Он искал Клэра уже полчаса, но безуспешно. Следы кота терялись в переплетении корней и опавшей листвы. Кир уже собирался повернуть назад, как вдруг его внимание привлёк тихий, скрежещущий звук. Он не был похож на шорох ночных зверей или шелест ветра. Это был звук чужого присутствия.

Мальчик замер, прижавшись к стволу старого дуба. Из-за соседнего дерева, пошатываясь, вышел фавн. Он выглядел измождённым: его козлиные ноги были покрыты ссадинами, а витые рога казались потускневшими. Но глаза — маленькие, жадные глазки — горели голодным огнём. Кое-что ещё заметил Кир: у этого создания не было одной руки.

Фавн принюхался, его ноздри затрепетали.

— Человечий дух... — прошипел он. — И магия... Сладкая, чистая магия ребёнка.

Кир не побежал. Он помнил уроки Тамары: «Беги, только если знаешь, куда. Иначе станешь добычей». Он остался стоять, молча глядя на лесное чудище. Нужно было оценить обстановку, Клэр говорил, что всегда есть, где спрятаться, даже в чистом поле. Нужно было только понять, насколько быстр фавн. И как действовать.

— А ты не из пугливых, — слащаво протянул фавн, де-

лая шаг вперёд. Его голос был подобен мёду, смешанному с ядом. — Я знаю таких, как ты. Живёте в своём уютном гнёздышке, думаете, что лес вас защитит. Но лес велик, а щели в заборах всегда найдутся. Особенно для того, кто несёт в себе частичку нашей магии.

Он указал на щёку Кира, где под глазом виднелась бледная метка. От присутствия фавна она ярко загорелась зелёным светом.

— Я помню тебя. Ты был таким вкусным комочком магии в той корзинке. Жаль, что ведьма с красными глазами тебя у меня украла. Но ничего... Я терпелив. Я ждал. И вот ты здесь, один.

— Я не один, — спокойно ответил Кир, пытаясь припугнуть фавна. Его голос не дрожал, а глаза цеплялись за всё, что могло помочь.

— Умный мальчик, хочешь запугать меня? — с издёвкой раскусил его затею фавн. — Но что ты, я не желаю тебе зла. Тебе его желает Бессердечная Тамара и Король Фей

— Чушь то не неси, — устало вздохнул Кир, копируя интонацию Клэра. Его взгляд цеплялся за всё, что могло помочь: толстая ветка над головой, узловатые корни под ногами. — Мне по боку что ты там говоришь. Всё языком мелишь и мелишь, аж бесит! — Кир резко сменился в лице, осознав, что вполне сможет справиться. Он ученик ведьмы и любимец леса, а перед ним просто старое оголодавшее чудище. — Я так понимаю, что ты и есть та зверюга, что мне

метку оставила?

Фавн ошарашенно отступил на полшага, но быстро собрался.

— Да, но это лишь для того чтобы вернуть тебя твоей маме

— Конечно-конечно, — перебил его Кир с нескрываемым сарказмом. В этот момент за его спиной из земли бесшумно выползла дикая лиана и начала медленно обвивать его ноги и руку. – А находится она, очевидно, далеко-далеко.

— Ну, что же ты, в конце концов, я единственный, кто может снять твою метку, — всё никак не унимался фавн.

Кир ошарашенно глянул на оппонента, и фавн почувствовал вкус победы. Мальчик на мгновение застыл, словно эта мысль была для него новой и шокирующей. Фавн окончательно уверился в том, что одержал верх, и оскалился. Но улыбка Кира была не испуганной — она была хищной.

— А кто сказал... — прошептал мальчик, и его красные глаза сверкнули в темноте так же ярко, как у его наставницы, — ...что я вообще хочу её снимать?

Фавн взбесился. Он припал к земле и оскалился, готовясь к прыжку. В ту же секунду лес взорвался движением. Лиана за спиной Кира хлестнула по воздуху, а корни деревьев вырвались из-под земли, преграждая путь измождённому созданию. Фавн ловко преодолел все препятствия и кинулся к ребёнку, но прямо перед Киром возник магический круг, из которого вырвался поток острых шипов, откинувших фав-

на назад. От следующего потока фавн увернулся, попытался полоснуть Кира когтями, но мальчик ловко пригнулся и, выросшая из-под земли лиана, огрела фавна по морде. Кир сорвался с места, запрыгнул по лианам как по ступенькам на большую ветвь дерева.

«У него нет левой руки, значит слева – его слабая зона» - сообразил Кир.

Лианы не давали фавну передохнуть и в то же время защищали Кира. Одна из них поднесла к мальчику ивовую ветвь. В руках Кира по ветви пробежались зелёные искры, и та обратилась луком. Спасибо Аскольду и его «мужскому воспитанию». Король Фей рассказал ему как-то и даже показал магию, которой пользовались эльфы. Кир натянул тетиву, и в руках его зажглась яркая стрела из света. Он прицелился. Лианы подкрались к фавну с левей стороны и опутали ему ноги. Стрела должна была попасть прямо в голову фавна.

— Ха! Думаешь одолеть меня! Я вырву тебе сердце также, как Царь Виктор вырвал его твоей ведьме! — зарычал фавн.

Кир от услышанного потерял концентрацию, и стрела вместо головы фавна пронзила лианы, освободив чудовище. Фавн преодолел расстояние одним прыжком и, сбив с ветки Кира, повалил его на землю. Тяжёлый удар пришёлся на спину мальчика, выбив весь воздух из груди. Кир испуганно расширил глаза.

— Хе-хе-хе, — утробно захохотал фавн. — Что? Кончились фокусы?

— - О.. оди — прохрипел Кир.

— Что ты там лепечешь? — усмехнулся фавн.

— Один остался, — с усмешкой прохрипел Кир. – Магия при зыва.

— Глупый мальчишка! – Фавн раскрыл свою пасть.

Кир собрал всю ману в горле и во весь голос закричал, что есть мочи:

— КЛЭР!

Ошарашенный детским криком фавн застыл всего на мгновение, но его хватило. Яркая вспышка портала ослепила Кира. Клэр вылетел из портала и одним чётким ударом ноги снёс чудовище в сторону. Когда пыль осела, а Кир прокашлялся после падения, он увидел перед собой не своего чёрного кота Клэра. Боком к нему стоял высокий, атлетично сложенный мужчина. Передние пряди его светлых волос были убраны с лица простым кожаным шнурком. Зелёные глаза незнакомца горели не просто яростью — в них плескалась холодная, профессиональная сосредоточенность. «Он силён, — пронеслась мысль в голове Кира. — Его мана будто всё вокруг заполнила».

— Тебе, уродец, что? Совсем жить надоело? – с обжигающим холодом в голосе, глядя на фавна, спросил незнакомец.

Фавн тяжело откашлялся, приподнялся, потряс головой, возвращая себе сознание, и тут же бросился на соперника. Прямо перед чудищем возник портал. Портал Клэра. Он перенёс фавна так, что тот со всей своей мощью бросился в

ствол дерева.

— Аскольд! — крикнул мужчина. Король фей возник за спиной Кира. — Позаботься о Кире!

— Это — Кир не смог договорить.

Деревья, ведомые магией Короля фей, обступили Кира и Аскольда, создавая щит.

— Сиди тихо, — велел ему Аскольд.

Тем временем фавн и Клэр, принявший истинную форму, продолжали сражение. Клэр ловко перескакивал между своими порталами, нанося точные, вымеренные движения.

— Да что ты такое?! — проревел фавн, когда его опрокинули на лопатки.

— Домашний котик, — без тени улыбки ответил Клэр, приземлившись прямо над чудищем. – Хочешь промурлыкаю тебе похоронный марш?

Клэр нанёс тяжёлый удар кулаком, но фавн увернулся, и удар проскочил мимо, оставив в земле глубокую яму. Фавн козлиными ногами откинул Клэра прочь, но тот провалился в свой же портал за своей спиной, перепрыгнул в другой, и вновь нанёс фавну удар, отпрыгнул, достав из-за пазухи два кинжала и оба с огромной скоростью запустил в воздух. Клэр сплюнул кровь после пропущенного удара, нисколько не изменившись в лице. Маленькая поляна заполнилась порталами. Кинжалы проносились из одного в другой, нанося фавну порезы. Чудище взвыло, а Клэр вынырнул из одного из множества порталов, подхватил свои кинжалы и одним уда-

ром рассёк фавну спину, отчего тот громко зарычал и упал на колени.

— Последнее слово? — велел Клэр фавну, приставив оба кинжала к его горлу.

Фавн ошарашено смотрел в небо, измученный болью. Его кровь текла к ногам Клэра.

— Катись в ад, божий любимчик! — прорычал фавн, и из его горла вылетел рой насекомых.

Клэр машинально отпрыгнул, прикрывая нос и рот. Фавн подскочил на ноги, собрав последнюю волю и бросился прочь.

— Проклятье! — выругался Клэр. — Не уведёшь!

Он бросился за монстром, но тот подбежал к сваленному дубу, ухватился за траву и поднял грань мироздания леса, словно она была обычной простынёй. Клэр опоздал на доли секунды, фавн исчез.

— Не пытайся! — остановил его Аскольд. — Это брешь, он мог оказаться в любой точке границы с лесом.

Клэр раздражённо цыкнул и убрал кинжалы обратно за пазуху. Наступила тяжёлая тишина.

— Клэр это ты? — позвал Кир.

Щит Аскольда распался на маленьких светлячков. Клэр оглянулся, его взгляд, точный, направленный и холодный мгновение назад сменился испуганным. Он подбежал к Киру, внимательно осматривая его.

— Что случилось? Почему у тебя кровь на подбородке?

— требовательно спросил Клэр.

Кир с силой оттолкнул мужчину. В глазах его застыло странное осознание ситуации.

— Кир? – мягко обратился к нему Клэр.

— Это — тихо произнёс Кир. Его губы дрожали, но не от страха. Шёпот сразу сменился криком, полным детской обиды и ярости. — Как вообще понимать?! Ты разве не проклят?! Тамара знает?!

Клэр виновато потупил взгляд.

— Я — было начал оправдываться Клэр, но всё, что он мог выдать, это отчаянное: — Прости

— Ты за что извиняешься?! — голос Кира сорвался на фальцет от возмущения. Он сжал кулаки. — Что это вообще было?! Ты... ты мне врал! Все эти годы ты был... ты притворялся! И Тамаре ты врал?!

Аскольд с сочувствием посмотрел на Клэра. Он не думал, что правда раскроется именно так.

— Кир я Я всё тот же, — наконец-то вымолвил Клэр. — Я никогда не притворялся, — тихо, но твёрдо сказал Клэр, снова опускаясь на одно колено, чтобы быть на одном уровне с мальчиком. Его голос был хриплым. — Я был котом. Я мурлыкал тебе, когда тебе снились кошмары. Я вытерал слёзы с твоих щёк, когда ты падал и разбивал коленки. Это всё был я. Каждый день. Каждую минуту.

Он протянул руку и коснулся метки на щеке Кира.

— Я защищал тебя. Я учил тебя охотиться на фей. Я был

рядом, когда Тамара была слишком занята своими исследованиями. Это не было ложью. Это была моя жизнь. Моя жизнь с вами. С тобой и Тамарой.

— А я? — вмешался Король фей.

Клэр и Кир одновременно бросили на него злые взгляды и синхронно произнесли:

— Заткнись, Аскольд!

Стоило им двоим это осознать, и они оба рассмеялись. Кир чуть нахмурился.

— Я не понимаю, Клэр, — признался он. — Зачем? Почему ты всё это время притворялся? Что тебя заставляло?

Клэр с грустью посмотрел куда-то в пустоту.

— Я люблю Тамару, — внезапно признался он, и в его зелёных глазах зажегся огонь. — Люблю так сильно, что просто ничего не могу с собой сделать. Я люблю её голос, её мысли, я люблю горящие розы, которые она иногда создаёт из забавы. Я люблю себя рядом с ней. И саму мысль о том, что люблю её.

Кир ошарашенно отпрянул. Он в общих чертах осознавал, что такое любовь между мужчиной и женщиной, но мысль о том, что мужчина и женщина с картинок книг – это Тамара и кот Клэр, шокировала его. А если эти мужчина и женщина Тамара и человек Клэр, то и вовсе выходит какая-то несуразица. А поток слов Клэра просто невозможно было остановить:

— Я люблю её с первой нашей встречи, когда она протя-

нула мне свою горящую розу.

Какое-то странное осознание горело диким огнём в глазах Клэра.

— Знаешь, мне кажется ты болен, — с умным видом прервал его Аскольд. – Может, тебя к лекарю отправить?

— Согласен, — закивал Кир, переглядываясь с Аскольдом. — Наверное, его в бою головой где-то приложило.

Клэр рассмеялся.

— Уж не знаю, болен ли я Но, кажется, я впервые говорю об этом, будучи человеком, — Клэр посмотрел на Кира со своей привычной «кошачьей» усмешкой. — Я так долго держал это в себе, что сейчас как будто бы ожил. Кир, ты знаешь, что такое «долг»?

— Нет, — ответил Кир.

— Ну, да. Ни я, ни Тамара не учили тебя ничему подобному, — Клэр уселся прямо на траву. — Меня зовут Клэрис Александрита, Кир, и я младший сын графа Царства Рюлель. Грубо говоря, я дворянин. Что тебе Тамара рассказывала о дворянах?

— Это привилегированный класс людей в монархическом строе, — повторил выученный урок Кир.

— Если судить по учебникам, то да, — усмехнулся Кир. — Но почему крестьяне, которых гораздо больше до сих пор ещё не свергли дворян, как думаешь?

— Хм-м, может, дело в национальном сознании? — протянул Кир.

— И это тоже, — согласился Клэр. — Но есть и ещё кое-что. Вроде жизнь дворянина прекрасна. Балы, богатая еда, двор Вот только это лишь цена. Рождаясь дворянином, ты становишься должным с твоего первого вздоха. Твоя жизнь обеспечена всеми благами, но за них ты должен платить втридорога. Случилась война? Идёшь отдавать свою жизнь в первых рядах. Голод? Урезаешь в первую очередь своё продовольствие. Брак и любовь? Забудь, ты должен вступить в брак по расчету во благо замыслов. Идея это не плоха. И вполне разумна. Да только в нынешнем мире, где дворяне прогнили. Теперь у них в почёте не фехтование и сильная магия, а красота манер, интриги и витиеватость слов. Я и Тамара родились в таком мире. Ни она со своей силой и тягой к знаниям, ни я, ограниченный в своём понимании мира, не подходили для этой красивой мишуры. Сначала нас убрали с глаз долой на войну, а когда мы пришли с победой

— Царь Виктор вырвал Тамаре сердце? — закончил вместо него Кир.

Клэр с ужасом глянул на ребёнка. Кир опустил глаза.

— Так фавн сказал, — объяснился Кир. — Значит, это правда.

— Мы собирались тебе рассказать, — поспешил оправдаться Клэр.

— И ты рассказываешь сейчас, — Кир смотрел на него без осуждения. — Продолжай, я понимаю, что всему есть своё время, и теперь оно настало. Я хочу знать.

Клэр тяжело вздохнул и продолжил:

— Так и есть. Знаешь, я со всем был согласен, что со мной происходило. Я подчинялся воле своего отца, потому что думал, что это и есть «долг дворянина». Но когда я вернулся с войны, и моей возлюбленной вырвали сердце, я понял, что мы с Тамарой проливали кровь за мир и порядок, а двор всё так же цвёл кружевами и пах слащавыми духами. Я подумал, что для меня этого достаточно. Мой долг перед страной, что все эти годы кормила меня, одевала и оберегала, выполнен. Я пришёл в маленький храм богини Лёль и молился лишь о том, чтобы быть рядом с Тамарой. Мне неважно как. Просто быть рядом. Потом я стал котом, а дальше ты знаешь. Мне просто этого достаточно. Я не хочу заставлять Тамару вспоминать прошлое или отвечать на мои чувства. Мне достаточно быть рядом с ней, с тобой... И с тобой Аскольд, — с раздражением закончил Клэр, заметив немое возмущение Короля Фей.

— Но разве тебе не больно? — с жалостью произнёс Кир. — Не больно от того, что ты держишь всё это в себе и не говоришь Тамаре? Тамара должна знать!

— Нет, — тихо возразил Клэр. — Тамара здесь ни при чём. Это лишь мои чувства к ней, которые я решил сохранить. У меня был выбор. А я выбрал Тамару. Она не должна страдать из-за этого.

— Но Тамара бы с тобой не согласилась, — не отступал Кир. — Она считает, что нет ничего важнее истины. Да, горь-

кая и печальная, но она лучше лжи, что заведёт в ловушку, Клэр. Посему ты вообще решил скрываться? Почему ты так уверен в том, что ты для неё будешь напоминанием, о чём-то плохом? Я не знаю всего, да и не нужно, но ты ведь человек. Ты не функция какая-то, Клэр! Ты же — Кир потупил взгляд. — Я думаю, что Тамара приняла бы тебя. Любым бы приняла.

Клэр нежно погладил Кира по плечу.

— Спасибо, — он улыбнулся. В его улыбке смешались благодарность, вина и теплота. — Но позволь мне, хотя бы пока что остаться котом. Уж слишком я труслив, чтобы говорить с ней об этом прямо сейчас.

— Хорошо, — тяжело вздохнул Кир. Он принял решение Клэра как взрослый, хоть и с явной неохотой. — Я ничего не расскажу об этом, — он окинул взглядом Клэра и Аскольда. — Пусть будет нашим «мужским секретом».

Лица Клэра и Аскольда озарились счастьем.

— Вот оно! Настоящее «мужское воспитание»! — воскликнул Аскольд, хлопнув себя по колену.

— Но! — Кир многозначительно поднял палец вверх, копируя строгую интонацию Тамары. Его детские черты на мгновение стали пугающе серьёзными. — Даже не надейтесь. Когда — он сделал акцент на этом слове, — именно «когда», а не «если», Клэр! Тамара узнает правду, так и знайте, я с вами на дно не покачусь. Пусть она вас двоих в порошок сотрёт, я тут ни при чём, усекли? Я прикинусь, что ни-

чего не знал. В конце концов, я просто невинное дитя, неосознанно втянутое в вашу ложь. Ясно?

Лица Клэра и Аскольда мгновенно помрачнели. Они переглянулись, представив себе гнев Бессердечной Тамары, и синхронно поёжились.

— Ясно... — обречённо протянул Аскольд.

— Предельно, — кивнул Клэр.

Обратно они шли уже с рассветом. Лес наполнился утренним щебетом птиц и запахом влажной земли. Клэр нёс Кира на спине — мальчик устал после ночных приключений и задремал, уцепившись за плечи своего опекуна. Аскольд лениво шагал впереди, насвистывая какую-то фривольную мелодию.

— Ты был так крут с фавном, — вдруг сонно пробормотал Кир, уткнувшись носом в шею Клэра.

— Неужели? — усмехнулся Клэр, стараясь идти ровнее, чтобы не разбудить мальчика окончательно.

Клэр замолчал в ожидании. Он надеялся, что Кир скажет что-то ещё.

— ...я люблю тебя, Клэр, — наконец выдохнул мальчик, окончательно проваливаясь в сон.

Клэр споткнулся на ровном месте. Аскольд резко обернулся и приложил палец к губам, давясь беззвучным смехом.

Клэр остановился. Он посмотрел на спящего ребёнка у себя на руках. В груди у него что-то сжалось от нежности и невыносимой грусти. Он ничего не ответил. Лишь крепче

прижал к себе Кира и пошёл дальше по тропинке к дому, где их ждала Тамара.

Аскольд шёл рядом и видел то, что Клэр старался скрыть: по щеке бывшего графа Александрита катилась одинокая слеза. Но это была слеза не боли или страха. Это была слеза человека, который впервые за долгие годы почувствовал себя по-настоящему живым и понятым.

***

Кир проснулся уже за полдень. За окном требовательно щебетали птицы. Лианы в ожидании ползали по полу. Маленькие рыбки в аквариумах, разбросанных по комнате, жадно прилипли к стеклу. Кир в уже отработанном сценарии открыл окно, высыпав в кормушку горсть семечек из кулёчка, поданного лианами, а затем достал из шкафа банку с кормом для рыб. Герань ландыш и Лютик поочерёдно подлетали к банке в его руках, черпали деревянными ложками корм, а затем, высыпая его, пролетали над каждым аквариумом.

— Надо умыться, — сонно протянул Кир.

Лиана сама поволокла его в ванную, где он минут десять еле-еле сначала чистил зубы, а затем, когда Кир чуть не уснул, лиана затормошила его и заставила ополоснуть лицо холодной водой. От резких ощущений к Киру мгновенно вернулись воспоминания о прошедшей ночи.

«Клэр – человек», - будто приговор пронеслось у него в мыслях. На мгновение Кир застыл перед зеркалом, его кольнула совесть за ложь Тамаре. Ему показалось крайне неспра-

ведливым, что теперь, когда он, Кир, тоже знает секрет Клэра, Тамара единственной оставалась в неведенье. Почему-то у Кира в голове пронеслись моменты, когда Клэр выпрашивал ласку, сидел на коленях у Тамары, забирался к ней под плед, а ещё Клэр иногда спал её в кровати. Кира это всё крайне возмутило! Особенно последние.

— Так вот кто такой «извращенец», — сделал вывод Кир, вытирая лицо полотенцем.

Он вернулся в комнату, переоделся, стараясь не возвращаться к мысли о новой стороне их семьи, а после спустился на кухню. Послышались голоса. Кир осторожно всё взвесил. Стоит ли спускаться сейчас? Или всё же немного подслушать. Аскольд рассказывал о том, как фавн умудрился проникнуть в лес. Из его объяснений стало ясно, что лес вовсе не так неприступен, как кажется на первый взгляд. Он огромен и брешей в защите просто не избежать. На такой случай и существуют иллюзию, что путают сознание людей, если те пробираются в лес. Клэр и Тамара, а также сам Кир – исключения, так как они полноценные жители леса, одобренные Аскольдом, его Королём. Фавн же существо лесного типа. Интуитивная защита выстроена именно против людей, а не лесных созданий, что он не сделает этого снова.

— Что сделаем? – голос Клэра прозвучал озадаченно, Кир понимал, что сейчас тот наверняка смотрит именно на Тамару. – Мы можем не отпускать Кира одного никуда или просто сопровождать его повсюду.

— Нет, — твёрдо отвергла это сомнительное предложение. — Он же не зверушка какая-то, мы не можем посадить его на поводок из-за одной твари. Он всегда бродил по лесу свободно. Если сейчас скажем ему, что так больше нельзя, только поселим в нём ненужный страх. Фавн не самая страшная тварь на свете.

— Лес для него сейчас самое безопасное место, — заверил Аскольд. — Каждый его обитатель обожает Кира. От диких лоз до троллей. Если скажу лесу, что фавн – враг, который хочет навредить Киру, весь лес возненавидит это создание. Если фавн появится, нам сообщат. А если столкнётся с Киром вновь – лес будет помогать Киру и выиграет время =, чтобы мы успели подоспеть.

— Пока это лучший вариант, — поддержала Тамара.

Решив, что никаких больше важных тем, обсуждению которых Кир бы помешал своим присутствием, он бодро спустился по лестнице.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Что на завтрак?

Кир остановился, завидев, как довольно Клэр сидит на коленях Тамары. Кир уверенно подошёл к месту своей наставницы, глянул на кота с призрением, а затем ловким жестом пересадил его на стул.

— Тамара, — мальчик под возмущённым взглядом Клэра раскинул руки. —— Обними меня, я так испугался вчера.

У Клэра и вовсе отпала челюсть от возмущения. Ничего не подозревающая Тамара, хоть и немного удивлённая, уса-

дила Кира к себе на колени.

— Сильно испугался вчера? — Тамара погладила его по голове. — Лесные создания, что видели вчера твоё столкновение с фавном, рассказали, что ты хорошо себя проявил. Ты большой молодец. Вовремя оценил обстановку и не поддался на речи фавна. Эти создания веками учились заводить людей в ловушки. Это был твой первый опыт, но ты отлично справился.

— Да! — Кир обворожительно улыбнулся, бросив взгляд на Аскольда, как на полноценного соучастника преступления.

По чьей же ещё указке лесные создания так «невзначай» опустили невероятное превращение Клэра в человека.

— Но я всё равно, ошибся, если бы не Клэр, я бы точно пострадал, — невинно произнёс Кир.

Аскольд и Клэр поперхнулись чаем.

— Да? — Тамара лукаво глянула на них двоих. — Клэр помог тебе?

-— Да, он перенёс порталом ко мне Аскольда, — вроде, как и не солгал Кир. Клэр ведь действительно перенёс Аскольда, и тот уже защитил Кира щитом, а уж что там Клэр делал с Фавном к делу не относится.

— Да-да, — закивал Аскольд. — Так всё и было.

Тамара вновь пробежалась по ним взглядом.

— Только вот одного понять не могу, — она задумчиво качала чашкой, наблюдая за движением чаинок. – Как вы,

все трое так удачно оказались в лесу?

Все трое: Кир, Клэр и Аскольд испуганно замерли. Тамара же продолжала невозмутимо рассматривать дно чайной чашки.

— У нас был мальчишник! — выпалил Аскольд.

— Да-да, — поддержал его Кир.

— Да, мальчишник, — согласился Клэр.

— Ночью в лесу был мальчишник, — соединила все мысли Тамара.

Все трое осознали абсурдность этой фразы. Не говорить же Клэру и Аскольду, что те иногда «выпускают пар», устраивая дуэли, и Киру уж точно никак не сказать, что он пошёл ночью в лес один без спроса, чтобы проследить за Клэром.

— Мы просто раскинули небольшой лагерь, чтобы понаблюдать за звёздами, — выдал Кир, решив, что если уж и врать наставнице то до победного конца.

— А как ты один оказался поодаль от Аскольда и Клэра в лесу? — всё никак не унималась с допросом Тамара.

— Я — Кир встретился с её требовательным взглядом и ощутил кожей взгляды Аскольда и Клэра. – Я ушёл без спроса один. Прости, Тамара,— - жалобно пискнул Кир.

Аскольд и Клэр облегчённо выдохнули.

— Вы двое не уследили, получается, — Тамара требовательно посмотрела на кота и короля фей.

Аскольд и Клэр снова напряглись.

— Ладно Аскольд, но ты, Клэр, от тебя я точно такого не

ожидала, — в глазах Тамары читался явный укор. — Поцапались с Аскольдом и не заметили, что Кира нет рядом?

Клэр запрыгнул на стол, виновато опустил голову и сел прямо перед Тамарой.

— Прости, я виноват. — Кот сокрушенно прижал уши к голове.

Тамара вздохнула и аккуратно погладила Клэра по голове.

— Ладно, в любом случае, для нас всех это ценный урок. В первую очередь, для тебя, Кир. — Она перевела взгляд на ученика. —— И для нас тоже. Мы растили тебя в лесу, где тебе почти ничего никогда не угрожало и, кажется, воспитали в тебе иллюзию безопасности, да и сами. Запомни, мир не такое доброе место, как тебе всегда казалось. Фавн – это лишь малая его часть, что желает тебе вреда. Ты хорошо себя показал, но и сам понимаешь, что пока что сил тебе не достаёт, чтобы справляться без нашей помощи. Будь осторожнее впредь.

— Да, Тамара, - Кир виновато опустил голову.

— Нас троих это тоже касается, — Тамара обращалась к Аскольду и Клэру. — Мы привыкли к тому, что живём в безопасности.

— Больше никаких мальчишников, — горько усмехнулся Аскольд.

— Я этого не говорила, — ошарашила всех Тамара. — Хотите проводить время в «мужской» компании – пожалуйста, но есть условия. Во-первых, мы обговариваем дату за-

ранее. Во-вторых, я должна знать где вы находитесь хотя бы примерно, когда вернётесь. В-третьих, вы двое не спускаете глаз с Кира. Дома ссорьтесь хоть до потолка. Но пока Кир с Вами, будьте добры фокусировать внимание на том, что действительно важно.

— Поняли, — хором ответили Аскольд и Клэр.

И Кир понял, что теперь он будет чаще видеть Клэра в человеческом облике. Нужно же будет поддерживать «историю» о мальчишнике. Тамара тяжело вздохнула, спустила с Кира с колен и поднялась с места.

— Пойду-ка я прилягу, — она устало потёрла переносицу, а затем взяла Клэра на руки. — Тебе бы тоже передохнуть. Неважно выглядишь.

— Хорошо, я прилягу с тобой, — мурлыкнул Клэр.

— Нет! — Кир возмущённо надул щёки и забрал кота из рук Тамары, но сразу же растерялся.

— Кир, прости, но мы не спали нормально, побудь пока с Аскольдом, — мягко попросила Тамара.

— Но — Кир судорожно соображал, что сказать, лишь бы не позволить Тамаре спать в одной постели с Клэром. — Я тоже не выспался! Пусть Клэр поспит со мной.

— Эм, Кир, это — Клэр пытался выговорить хоть что-то пока им трясут как плюшевой игрушкой. — Ты уже большой мальчик, поспи один.

— Нет! — возразил Кир.

Тамара озадаченно прищурилась.

— Ты боишься спать один? Фавн так сильно напугал тебя? —спросила она.

— Нет! — машинально опроверг её слова Кир, но затем увидев в них спасительную ниточку, сморщил самое невинное выражение лица на свете и щёчкой прижался к меху ошарашенного такой наглой игрой кота. — То есть Да. Мне так страшно. Пусть Клэр поспит со мной.

— Но Кир у тебя на кровати места мало, — попытался выкрутиться Клэр.

— Так, ладно, — Тамара потёрла сонные глаза. — Я пошла спать, моя кровать самая большая. Просто приходите ко мне, когда решите.

С этими словами она развернулась и ушла. Кир и Клэр внимательно прислушивались к её шагам по лестнице пока не закрылась дверь её спальни.

— Так, это что такое?! — возмущённо зашипел Клэр.

— Да! —— также зашипел на него Кир. — Что такое?! Почему это ты спишь с Тамарой?!

— Что в этом такого?! — Клэр вытаращил зелёные глаза, задними лапами пытаясь высвободиться из цепкой хватки ребёнка.

— Девочки и мальчики не спят в одной комнате! — Кир крепче прижал к себе кота.

— Я кот! Мне можно! —— Клэр яростнее начал елозить в его руках.

— То же мне кот! — фыркнул Кир.

— Так, сопля зелёная! — Клэр начал мягко, но яростно бить задней лапой Кира по руке. — Что ты можешь знать о жажде мужчины побыть наедине с объектом своего желания! Пусти немедленно!

— Да ни за что! — шикнул на него Кир.

В итоге всё закончилось тем, что Кир и Клэр спали в комнате Тамары, а Тамара в комнате Кира.

АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 6: Мальчишник и десятая свеча

Одна маленькая ложь про «мальчишник» создала множество последующих «мальчишников». Возможно, Тамаре просто не хватало времени наедине с собой, вот она и выгоняла из дома задающего по тысяче вопросов в минуту Кира, желающего продемонстрировать свою красу Аскольда и, конечно, с его вечными «погладь меня» Клэра. В общем бессердечная Тамара и тут нашла для себя истину. Истину в личном недолгом спокойствии.

Мальчишники представляли из себя соревнование двух мужчин, Клэра в обличие человека и Аскольда собственной персоной, и зрителей в лице Кира, Лютика и Ландыша. Малышей фей из дома выгоняла самолично Герань. Было секретом, чем они там с Тамарой в это время занимаются. Справедливости ради, Тамара и Герань тоже не были в курсе дел «мальчишника».

И так, зародилась эта странная традиция. Иногда Кир, Аскольд и Клэр отправлялись в лес самостоятельно, но чаще инициатором становилась именно Тамара.

— Да что же это такое, — тяжело вздохнула Тамара, положив книгу на колени.

Аскольд пил чай за столом на кухне, параллельно ругаясь с Клэром, который разливал абрикосовое варенье по банкам. Лютик и Ландыш носились по дому, разнося всё на своём пути, а Кир всё никак не мог добиться ответа на свой вопрос, почему ему больше нельзя ночевать в её комнате, а Клэру можно.

Сама Тамара пыталась прочесть какой-то магический труд по травам в Западных землях. Герань иногда помогала ей переворачивать страницы, а Тамара в свою очередь подливала маленькой феечке чай в её кукольную чашку.

— Это просто невозможно, — Тамар подскочила со своего кресла, махнула рукой и входная дверь со скрипом петель распахнулась. — А ну все вон из этого дома!

Лютик и Ландыш застыли, на качающейся люстре, Клэр с испуганной мордой лил варенье мимо банки, Аскольд уронил безе в свой чай, а Кир спрятался за подлокотником кресла.

— Неужели нельзя хоть немного помолчать? — спросила она с холодной яростью в своих красных глазах. — Нельзя, потому что я хочу спать в кровати, а не на полу, — Кир был выкинут из дома магией. — Эта люстра был создана мастером, жившим ещё до рождения вашего Короля. — Ландыш и Лютик одним клубком выкатились за порог. — Достал уже хрустеть безе! — Аскольд приземлился на зелёную траву. — А ты!

Тамара встретилась взглядом с Клэром. Кот нервно хи-

хикнул.

— В погребе уже совсем нет места из-за твоего варенья!

И Клэр выкатился кубарем на улицу.

— До рассвета не возвращайтесь! — велела им Тамара и с грохатом закрыла дверь.

Ошарашенный Клэр сначала застыл от шока, а потом принялся яростно колотить в дверь.

— Нет-нет! — жалобно мяукал он. — Тамара, не прогоняй меня! Хочешь я помурлыкаю?

Кир был просто не в состоянии смотреть на унижения своего кошачьего опекуна, поэтому с сочувствием оттащил его от двери, пока Клэр продолжал жалобно мяукать и проситься назад.

— Тамара-а-а, — взвыл кот, когда его уносили в сторону леса.

Так начался этот очередной мальчишник. Было решено разбить небольшой лагерь в лесу. Аскольд считал, что нет ничего прекраснее, чем спать под открытым небом. Клэр, обратившийся человеком, что он делал каждый раз, был в корне не согласен и решил установить палатку. Его движения были умелыми и чёткими, хоть и было заметно, что его руки данное дело успели подзабыть. Клэр был высоким и хорошо сложен. У него были сильные руки под рукавами белой свободной рубашки. На его бледной коже виднелись старые, успевшие побелеть шрамы. Светлые волосы его падали на лоб, и Клэр улыбался каким-то своим воспоминаниям. Кир

знал, в них была Тамара.

— А Тамара тоже усеет ставить палатки? — спросил он. Было забавно узнать что-то новое об учителе.

— Тамара провела на войне два года. Конечно же она умеет ставить палатки, — Клэр усмехнулся, ловко завязывая узел на верёвке. Его движения были чёткими, отточенными, но в них проскальзывала лёгкая ностальгия. — Получается у неё, правда не очень. Когда война только началась, нам было по четырнадцать. Нас бросили в самый авангард. Вокруг огромные мужики без единого намёка на такт, а мы совсем дети.

Клэр рассмеялся, но в его смехе не было веселья.

— Меня постоянно заставляли сидеть в дозоре, таскать дрова, поить лошадей, а Тамару — он хмыкнул. — Заставляли стирать и готовить на целую роту. Над нами пытались насмехаться, не понимая, что таким образом только дают возможность. Что такое стирка для мага? Так, пара магических кругов и чистое бельё готово за пять минут. А вот эти «герои» тратили на это полдня. Мы использовали их глупость как ресурс.

— А в книгах написано, что дворяне — это привилегированный класс, — задумчиво произнёс Кир, старательно копируя движения Клэра и наматывая узел на забитый колышек.

— Война — место, где границы между классами стираются, — философски заметил Клэр, проверяя натяжение тента.

— Но мы должны были быть там. Общество платило нам за это нашими привилегиями.

— Какой тогда была Тамар? — глаза Кира загорелись любопытством.

— Как и сейчас, — Клэр грустно улыбнулся. — Она была прекрасна.

Через несколько часов лагерь был готов. Ландыш и Лютик были поставлены ответственными за ужин, который готовился в котелке на открытом огне. Рядом с костром готовилась рыба, усаженная Аскольдом на прутики. Уже близилась ночь. Ужин прошёл в тёплой атмосфере. Рыба получилась сочной внутри и хрустящей снаружи, не считая того края, который Ландыш объявил своим трофеем. Аскольд достал из своих бездонных запасов флягу с ягодным вином для взрослых и ягодный морс для Кира.

Когда с едой было покончено, а феи, объевшись крошками хлеба и кусочками рыбы, задремали прямо на плече у Аскольда, Клэр поднялся на ноги и отряхнул штаны.

— Ну что, Ваше Величество? Не желаете ли размять старые кости? Или боитесь проиграть мальчишке? — В его голосе был слышен хмель, он же отражался и на румянце.

«Клэр совсем не умеет пить» — сделал вывод Кир.

— Ты вообще старших не уважаешь? — с наигранной улыбкой ответил ему Аскольд. Ландыш и Лютик, проснувшись слетели с его плеча. — Препадать тебе урок манер?

— Я ставлю на Клэра четыре безе, — с заумным видом

начал их детскую привычную игру Лютик.

— А я ставлю на то, что кот свалится от перепитого вина, — поддержал его Ландыш.

— Ставки приняты, — с видом заправского крупье декларировал Кир.

Тем временем Клэр одним рывком оказался в центре поляны. Его зелёные глаза горели озорством, скулы – румянцем, а лицо украшала усмешка. Он чуть присел, крепче завязал шнурки на своих ботинках, закатал рукава и чуть расстегнул ворот рубашки.

— Начали! — крикнул Кир, отбегая на безопасное расстояние и плюхаясь на траву рядом с феями.

Аскольд не стал тратить время на разговоры. Он щёлкнул пальцами, и из земли у ног Клэра вырвались толстые, как змеи, корни. Они метнулись к человеку, пытаясь оплести его ноги. Но Клэр лишь рассмеялся. Он не отпрыгнул в сторону — он просто провалился в открывшийся у него под ногами чёрный портал и выскочил из такого же портала прямо за спиной короля фей.

Аскольд резко развернулся. Вокруг него мгновенно взметнулась стена из колючих ветвей ежевики, создавая живой щит. Но порталы были повсюду: из одного вылетел кинжал Клэра и вонзился в землю у самых ног Аскольда.

Поляна превратилась в хаос. Чёрные круги порталов вспыхивали то тут, то там. Из одного вылетал кинжал Клэра, целясь в Аскольда, но исчезал в другом, чтобы ударить с со-

вершенно неожиданного ракурса. Король фей отвечал магией леса: лианы хлестали по воздуху, пытаясь сбить противника с ног или хотя бы задеть его; корни пытались подрубить ноги; а трава под портальными вспышками мгновенно высыхала и превращалась в пепел.

— Это нечестно! — выкрикнул Аскольд, отбивая летящий кинжал толстой веткой, которая сама прыгнула ему в руку.

— Это тактика! — парировал Клэр, появляясь на ветке дерева над головой короля.

Он спрыгнул вниз, но Аскольд был готов. Огромный пласт дёрна вздыбился вверх, подбрасывая Клэра в воздух. Тот сгруппировался и приземлился на ноги, но Аскольд уже был рядом. Вокруг него закружились листья и мелкие ветки, создавая плотный вихрь, который с силой ударил в грудь Клэру. Листья оцарапали его лицо, но Клэр ничуть не расстроился, только громче рассмеялся.

Зрители затаили дыхание. Бой перешёл в противостояние чистой скорости и порталов против тотального контроля над пространством поляны.

Клэр сделал ложный выпад, заставив Аскольда сместить блок из сплетённых лиан, и тут же ударил кинжалом... но клинок встретил лишь пустоту. Аскольд успел уклониться и контратаковал мощным толчком сырой земли. Клэр отлетел назад, но не упал — он использовал инерцию, чтобы сделать сальто назад и снова скрыться в портале.

— Я больше не могу ставить на него безе! — взвыл Ландыш. — У меня закончились!

— Ставки отменяются! Это слишком интересно! — вторил ему Лютик.

Клэр вынырнул из портала прямо над Аскольдом и обрушил на него град ударов с воздуха. Король фей создал вокруг себя магический щит из переплетённых ветвей, который с трудом выдерживал натиск.

Внезапно Аскольд топнул ногой. По всей поляне прошла дрожь. Из земли полезли не просто корни, а острые каменные шипы, перекрывая все возможные пути для отступления и создания порталов.

— Попался! — торжествующе воскликнул король фей.

Клэр оказался заперт в каменном круге. Он оскалился и сплюнул кровь на землю.

— Неплохо... для старика.

Клэр закрыл глаза и глубоко вздохнул. Воздух вокруг него задрожал от напряжения. Вместо того чтобы пытаться создать портал внутри ловушки, что требовало огромной концентрации, он сделал единственное возможное: открыл один огромный портал прямо *под* собой и вышел из другого прямо за спиной у торжествующего Аскольда.

Кинжал замер в миллиметре от сонной артерии короля фей.

— Матч-реванш? — ухмыльнулся Клэр.

Аскольд замер, тяжело дыша. Затем медленно опустил

ветку-шест и расхохотался.

— Сдаюсь! Ты всё ещё слишком хорош!

И через мгновение Клэр покачнулся... Рассмеявшись пьяным хохотом... И рухнул лицом прямо во влажный мох уснув непробудным сном победителя прямо посреди поля боя!

— Серьёзно — почти разочарованно Аскольд смотрел на своего оппонента.

«Совсем пить не умеет» — сокрушенно подумал Кир, приложив ладонь ко лбу.

Лютик тихо присвистнул:

— Кажется кот проиграл спор о том, кто свалится первым...

Ландыш согласно кивнул:

— Ставки отменяются... Вечно у них всё не пойми как выходит...

Ночь опустилась окончательно... В палатке было тесно, но тепло: Кир спал посередине, а по бокам от него лежали человек-Клэр и усталый, но довольный Аскольд... А за стенами палатки лес охранял их сон до самого рассвета...

Ночь прошла спокойно. Утреннее солнце, пробиваясь сквозь ткань палатки, безжалостно било в глаза. Кир заворочался, пытаясь спрятаться от назойливого света. Рядом раздался могучий храп Аскольда, от которого, казалось, дрожала земля. Чуть дальше, свернувшись калачиком на мхе, спал Клэр в человеческом обличии. Его рука всё ещё сжимала рукоять кинжала, а на лице застыла блаженная улыбка победи-

теля.

— Просыпайтесь, сони! — Кир пихнул Аскольда в бок. — Тамара нас убьёт!

Аскольд подскочил как ужаленный, запутался в одеяле и рухнул на Кира. Клэр лишь приоткрыл один глаз, сладко потянулся и снова провалился в сон.

— Вставай! — Кир принялся тормошить его. — У нас сегодня праздник! И вообще, я есть хочу! Нормальную еду, а не вашу рыбу!

С горем пополам они собрали лагерь. Клэр, всё ещё пошатываясь от хмеля и недосыпа, накинул свою кожаную короткую кожаную куртку и с третьей попытки превратил палатку обратно в походный свёрток. Аскольд, ворча что-то про «неблагодарную молодёжь», магией навёл порядок на поляне, вернув траве свежесть.

Обратный путь прошёл в сонном молчании. Клэр, обратившись котом залез на плечо Аскольда и причитал что-то про головную боль, а Кир бежал впереди, сгорая от нетерпения.

Когда они вышли из леса на опушку перед домом, их взору предстала удивительная картина. Весь сад был заполнен лесными жителями. Дриады в венках из полевых цветов чинно сидели на траве рядом с троллями, которые с детским любопытством разглядывали цветы, боясь их помять. Русалки расположились у колодца, их хвосты были укрыты сухими листьями. И, конечно же, сотни фей носились в воздухе, как

искры от огромного костра. Сегодня был главный день года в лесу.

На крыльце дома стояли Тамара и Герань. Тамара держала в руках огромный торт с десятью свечами. Герань, сидя на её плече, дирижировала хором фей, которые выводили тонкую, но слаженную мелодию.

— Смотрите, кто соизволил вернуться! — крикнула Герань, перекрывая музыку.

Тамара лишь молча смотрела на них. В её красных глазах не было ни капли сна или усталости. Она выглядела так же безупречно, как и вчера вечером. Клэр тут же привычно спрыгнул с плеча Аскольда и подбежал к Тамаре, требовательно мяукая.

— Простите за опоздание! — выпалил Кир, подбегая к ней. — Мы... эм... изучали звёзды!

— И немного выпили за мужскую дружбу! — добавил Аскольд, пытаясь придать голосу бодрость.

Тамара перевела взгляд с помятого короля фей на «невинного» кота у своих ног. Её губы дрогнули в едва заметной улыбке.

— Я так и подумала. Проходите уже. Все ждут только вас. — Её взгляд вновь метнулся к Клэру. — Устал, мой хороший?

Гости расступились, пропуская их к столу. Кир с восторгом смотрел на это великолепие.

— С днём рождения! — хором грянули лесные создания.

Тамара поставила в центр стола торт — огромный шоколадный шедевр с десятью свечами.

— Это не совсем день рождения в привычном смысле, — сказала она, глядя на Кира с теплотой. — Но это день, когда ты появился в нашей жизни. День, когда мы с Клэром нашли тебя.

Кир молча кивнул.

— Загадывай желание! — пискнул Лютик.

— И дуй сильнее! — добавил Ландыш.

Кир набрал полную грудь воздуха, закрыл глаза и загадал желание. Когда он открыл их, его взгляд был твёрдым и уверенным. Он дунул. Все десять свечей погасли одновременно под радостные крики гостей.

***

Праздник длился до самой ночи. Веселье сменилось приятной усталостью. Тролли укатились дружно в сторону холмов, русалки уплыли через колодец, дриады тихо ушли к своим деревьям, улыбнувшись напоследок, феи разлетелись по разным частям леса. Ландыш и Лютик кучкой уснули на кухонной полке со специями, а Герань помогала Тамаре убирать со стола. Аскольд лениво вытирал тарелки, которые самостоятельно полоскались сначала в мыльной воде, потом в обычной, а затем уже прилетали к нему в руки. Можно было справиться и с помощью бытовой магии, но ему почему-то захотелось сделать вид старательного помощника с полотенцем в руках. Кир и Клэр упаковывали по ящикам украшения.

— О, вспомнил! — Аскольд застыл на месте с блюдом из-под бутербродов с икрой в руках. — Хотя, наверное, лучше завтра об этом.

— Говори уже, что уж, — Тамара махнула рукой, скатерти собрались в кучки, самостоятельно стряхнув с себя лишний мусор и улетели стираться.

— Ну, новость из внешнего мира мне тут принесли, — Аскольд отпустил полотенце, которое принялось самостоятельно натирать тарелки. — Ты же знаешь этих троллей, прикинутся камнями и катаются у деревень, в общем им напели птички, что оленья оспа перекинулась на людей.

— Оленья оспа говоришь — Тамара с помощью магии расставляла бокалы по буфету. — Помнится, в тот год мы нашли Кира.

— Да, — Аскольд как-то совершенно необычно улыбнулся. Грустно и загадочно. — Десять лет уже прошло

— Десять лет, — эхом повторила Тамара.

Её взгляд устремился в сад. Кир звонко смеялся. Клэр запутался в бумажной гирлянде и черным клубком катался по зелёной траве.

— Верится с трудом, да? — Аскольд с пониманием посмотрел на неё. — А вы с Клэром внешне и не особо изменились.

— Моя магия слишком сильна, да и к тому же меня благословил Бог войны Хара. Я проживу куда больше обычных людей, — своим обычным рассудительным тоном объяснила

Тамара.

— Интересно, коты тоже живут так долго — протянул Аскольд.

Внезапно плечи Тамары вздрогнули, и в глазах её проскользнула липкая тень эмоции. Аскольд застыл на месте, осознавая, что ляпнул что-то, о чём не следовало говорить никогда. О скоротечности времени. Тамара оглянулась, и он осознал суть той эмоции. Это был испуг. Она несколько раз моргнула, поправила короткие чёрные волосы. И вновь эти красные глаза стали бесстрастны.

— На юге Рюлеля Оленья оспа перекинулась на людей, — протянула Тамара. — Спустя деять лет болезнь мутировала. На сколько всё серьёзно?

— Не знаю, — Аскольд решил подыграть ей. — На сколько мне известно есть жертвы.

— Это естественное течение эпидемии. Сначала жертв много. Болезнь — она как естественный организм, как дитя. Сначала поражает всех и вся, но позже, взрослеет, осознавая, что выжившие носители смогут распространить её далее. Первый этап – смерть, второй – жертв становится меньше, а зараженных больше, третий – слияние с обществом. Вопрос лишь в том, как долго это будет длится. Как долго болезнь будет «взрослеть». — Тамара улыбалась с хищной жаждой исследователя, глядя на свет от волшебной люстры через прозрачный бокал.

— Хочешь изучить оленью оспу? — почти пораженно вы-

дохнул Аскольд.

— Это ведь очевидно, Аскольд. Болезнь — явление, а его суть в том, чтобы найти лекарство. Это и есть истина.

— Тамара! — кирик Кира разом заполнил комнату. Мальчик подбежал к ней и крепко обнял. — Ты что, собираешься куда-то пойти? Вы опять с Клэром уходите?

Тамара не отпрянула, будто бы немного удивилась, посмотрев на Кира, а затем столкнулась с требовательным взглядом Клэра. Кот молча прошагал в кухню и сел на коврик в центре.

— О чём вы двое говорили? — Клэр с ледяной яростью смотрел на Аскольда.

— Не воображуй тут лишнего! — Аскольд капитулировано вернулся к натиранию тарелок.

— Помнишь оленью оспу? — спросила Тамара.

— Как мы шкуру змеи по горам искали, я прекрасно помню, Тамара, — фыркнул Клэр. — Лапы болят от одного воспоминания.

— Это ведь тогда вы нашли меня, да? — Кир с жадным любопытством смотрел на Тамару огромными красными, как у неё, глазами глазами.

— Да, — Тамара погладила его по голове. — Это болезнь распространялась в равнинных лесах у подножья гор Велеса, когда ты только появился на свет. Она проявлялась в виде особых нагноений на теле. Олени мигрировали и распространяли болезнь. Аскольд тогда попросил меня отыскать

лекарство, чтобы зараза не проникла в лес.

— Помнится, лекарство ты нашла, — Аскольд задумчиво потёр подбородок.

— Да, так и есть, но это было лекарство для оленей, — Тамара передала последний бокал Герани, и та убрала его в буфет.

— Тамара хочет исследовать эпидемию, — выдал её с потрохами Аскольд.

— Так ты хочешь уйти? Надолго? — Кир с нескрываемой обидой посмотрел на неё, а затем заявил: — Я хочу пойти с вами!

Тарелка выскользнула из рук Аскольда и со звоном разбилась. Тишина, повисшая после заявления Кира, была густой и осязаемой. Казалось, её можно было резать ножом. Кир, не ожидавший такой бурной реакции на свою просьбу, растерянно переводил взгляд с одного взрослого на другого. Аскольд так и замер с открытым ртом, глядя на осколки тарелки у своих ног. Первым пришёл в себя Клэр. Его зелёные глаза, обычно тёплые или насмешливые, сейчас метали ледяные искры.

— Нет! — Кот запрыгнул на стол и строго топнул лапой. Хвост его нервно двигался из стороны в сторону.— – Нет, нет и ещё раз нет! Ты никуда не пойдёшь!

— Клэр, — начала Тамара спокойно. Она не повысила тон, но это спокойствие было страшнее крика. — Успокойся.

— Успокоиться?! — голос Клэра сорвался на фальцет от

возмущения. Он резко развернулся к ней, забыв на мгновение о своей роли «защитника». — Ты слышала, что он сказал? Он хочет пойти туда! В мир людей! К этим... этим...

Он не мог подобрать слов, лишь нервно дёргал хвостом и прижимал уши.

— К тем, кто бросает детей в лесу на съедение фавнам? — холодно закончила за него Тамара. Её красные глаза были непроницаемы. — Или к тем, кто вырывает сердца своим дочерям?

Клэр застыл, поражённый её ответом. Он открыл рот, чтобы возразить, но не нашёл слов. Кир испуганно глянул на Тамару. Он уже знал эту историю, хоть Тамара не посвятила его полностью. Кажется, Кир просто не смог найти подходящего момента, чтобы задать подходящий вопрос.

— Мы и так слишком долго держали его в лесу в тайне ото всего мира, — продолжила она, и её голос наполнился убеждённостью. — Кир должен узнать людей. Не из книг. Не из моих рассказов. Он должен увидеть их сам.

— Я хочу пойти! — прокричал Кир. — Тамара, ты всегда говоришь, что важна именно истина. Как я могу познать её, просто сидя здесь? Я понимаю, что мир там, за пределами этого леса очень опасен. Я никогда не видел этого собственными глазами. Для меня голод, война и смерть от болезни лишь слова в книгах. Я не понимаю, почему это плохо, и почему люди продолжают поступать, как поступали веками. Я не понимаю, почему крестьянин тратит свою жизнь в «кар-

тинной галерее». Можно сказать, что он просто глуп, но что есть «глупость»?

Тамара медленно моргнула. В её глазах промелькнуло что-то похожее на удовлетворение. Это была не просто детская просьба. Это был тезис, сформулированный с безупречной логикой её собственного ученика.

— Он прав, Клэр, — её тон был ровным, констатирующим факт. — Познание истины требует эмпирических данных. Наш лес — это стерильная колба. Чтобы получить результат, реагент должен быть помещён в агрессивную среду. Проще говоря, мы не можем останавливать Кира от познания мира.

Клэр посмотрел на неё с отчаянием.

— Но он же ещё...

— Он мой ученик, — отрезала Тамара. — А ученику положено знание, а не вечное ожидание.

Тамара положила руку на плечо Кира. В её взгляде читалась гордость, но в то же время и едва уловимая тоска. Клэр спрыгнул со стола и обречённо вздохнул, выпустив когти в деревянный пол.

— Ладно... — проворчал он, глядя на Аскольда так, словно это была вина Короля Фей. — Но если он простудится или подцепит эту вашу оспу...

— То ты будешь ворчать громче всех и сваришь ему самый противный целебный отвар в мире, — с едва заметной тенью улыбки закончила за него Тамара. Но затем она вновь посмотрела на Кира уже строго и серьёзно. – Нам нужно се-

рьёзно всё обговорить. Лес фей и мир снаружи два разных мира. Поверь мне, я выбрала этот дом именно по этой причине, Кир. Я искала покоя после долгих лет, проведённых среди людей. Мы отправимся в Южные земли Рюлеля. Всего за пару лет до твоего рождения – эти места были отдельным, хоть и слабым, государством. Я не знаю всей картины, что там сейчас происходит. Могу сказать лишь одно, люди там несчастны в своём невежестве и бедности. Не хочу напоминать, но ты и сам прочувствовал это на себе, хоть и был совсем мал. Ты понимаешь это?

Кир чуть потупил взгляд.

— Да, — шёпотом ответил он.

— К тому же, мир людей устроен иначе, — продолжала Тамара. — Пользоваться магией направо и налево, как в лесу там нельзя. Мне и самой это не нравится, но правда такова. Там есть деньги и социальные нормы.

— Да, — вторил Кир.

— Мы обсудим правила отдельно, а на сегодня, пожалуй, всё. Время позднее. Пора в кровать.

***

— Что ж, — Тамара накинула на плечи Кира зелёный плащ. — Кир, мы никогда не говорили тебе, что твоя метка фавна это что-то неправильное. Это просто маленькая часть тебя, как самая обычная родинка. Но люди считают её греховным знаком несчастья, поэтому начнём с первого правила.

— Никому не показывать метку, — декларировал Кир.

— Всё верно, но нам стоит внести замечание, — вклинился Клэр, запрыгнув на плечо Тамары, на которой уже был её привычный красный плащ.

— Да, Клэр, всё верно, — поддержала Тамара. — Кир, что бы не случилось, помни, ты ни в чём не виноват, и ты никакой не «вестник несчастья». Всё это лишь суеверия, не имеющие отношения к истине.

— Хорошо, — послушно ответил Кир.

Тамара наклеила на его щёку широкий белый пластырь.

— Я зачаровала его, — объяснила она. — Он не отклеится даже если намочить. Помни, это не только маскировка, но и защита. Фавн знает, где ты. И всегда будет знать. В Лесу Короля Фей ему сложно до тебя добраться, но в человеческом мире он как рыба в воде. Помни это. Что ты должен делать, если ты встретишься с фавном вновь?

— Оценить обстановку, а потом дать сигнал о помощи и тянуть время, — ответил Кир.

— Отлично, — похвалил Клэр. — Что ты ответишь, если тебя спросят о нас с Тамарой?

— Я не должен называть Тамару по имени, — Кир выпрямился. — Мы просто странствующие маги, которые решили изучить эпидемию. Если меня спросят, откуда мы родом, я скажу, что моя наставница по имени Светлана обедневшая дворянка из северных земель, а я сын крестьянина, отданный ей в подмастерья, а ты, Клэр, фамильяр Тамары Ой, то

есть Светланы!

— Есть куда расти, — тяжело вздохнул Клэр. Он спрыгнул с плеча Тамары и метнулся куда-то вглубь дома.

— Что касательно леса?— – Тамара продолжала задавать наводящие вопросы.

— Ничего не говорю ни о лесе, ни о феях или Аскольде и прочих, — всё также уверенно отвечал Кир.

— Почему? — не отставала Тамара.

Кир заметно призадумался. Было видно, что вопрос застал его врасплох.

— Ну — Кир нахмурился, пытаясь выдать хоть что-то, а затем тяжело вздохнул: — Почему?

— Многие до сих пор верят, что если они съедят мясо русалки, то получат вечную молодость, — объяснила Тамара. — А отвар из частей тела феи, якобы, может исцелить самые страшные болезни. Место, в которое мы идём, сломлено эпидемией. И в лучшие времена нашлись бы те, кто попыталась выбить из тебя способ пробраться в лес, а в текущем положении, это равносильно тому, чтобы натравить на лес фей целую армию людей, ищущих панацею. Голод, бедность и болезнь способны превратить людей в самых страшных чудовищ. Теперь перейдём к нормам поведения. Старайся поменьше говорить и побольше наблюдать, и слушать. Я пойму, если ты захочешь сблизиться с кем-то из людей, это естественно. Люди создания социальные. Но помни, новые друзья могут причинить вред твоим друзьям в лесу, так что вос-

принимай их как разные сферы своей жизни, которым вовсе не нужно соприкасаться. Ещё одна важная вещь. Помнишь, мы говорили про деньги?

— Да, это ценность, за которую люди получают разные товары и услуги, — Кир прекрасно усваивал уроки экономики в теории.

— В масштабном смысле ты прав, — Тамара погладила его по светлой макушке. — Но это рассуждение ученного, попробуй взглянуть на монеты с точки зрения обычного человека. В мире людей у всего на свете есть владелец. Даже у камня, который будет валяться у чьего-то крыльца. Прежде чем к чему-то прикоснуться, вспомни об этой мысли.

— Хорошо, — задумчиво ответил Кир. — Тамара, куда мы вообще направимся?

— В город, — Тамара развернула перед учеником карту. – Аскольд попросил троллей рассказать о том, как продвигается эпидемия. Южные земли чуть более десяти лет назад были объединением нескольких княжеств, непрерывно враждующих между собой, сейчас это полноценная часть Царства Рюлель, откуда я родом. Южные земли развивались своеобразно. А сами княжества по сути Полюса.

— Метрополия? — уточнил Кир.

Тамара с одобрением посмотрела на своего ученика.

— Да, всё верно, — Тамара прошлась пальцем по карте. — Южные земли — это четыре крупных города, которые когда-то подчинили себе близлежащие деревни. Каждый город

имел свою дружину, которая собирала со всех этих поселений налоги, а в случае опасности, войны или набегов монстров — оберегала. Система эта вполне хороша. Только эти города: Геб, Нут, Шу и Имхотеп – не забывали постоянно воевать друг с другом. Расширяли дружины, а после окончания очередной междуусобицы – распускали лишние войска. Также в культуре Южных земель сложено так, что дети наследуют образ жизни и промысел родителей. Таким образом, населения, предназначение которого было держать меч, стало слишком много. Распущенные войны начинали собираться в банды. Эти объединения грабили местных селян, а потом, когда у местных крестьян ничего не оставалось, нападали на Рюлель. Периодические набеги успешно отбивались почти лет сто. Как думаешь почему это так долго не переросло в полноценный военный конфликт?

— Шла война с Империей Маль на севере? – предположил Кир. – Все ресурсы государства были направлены именно туда.

— Именно, — вновь похвалила Тамара. — Не было возможности сосредотачиваться на небольших бандитских набегах. Но тридцать лет назад Маль развалилась из-за внутренних распрей, а также активных военных действий Царя Виктора Рюлеля, тогда ещё Царевича. Сейчас Маль не более, чем герцогство. На данный момент там налажена сталелитейная промышленность и добыча пушнины. Изначально планировалась, что после победы Царевича Виктора в той

войне, он займет место герцога и начнет род, который будет править Севером. Земли эти богаты рудой, но зимы там суровы, отчего ни скота, ни пахотных земель не развести. При этом ещё и враждебных монстров достаточно. Местное население привыкло к этим условиям. Они талантливые мореплаватели, рыбаки и охотники. Но новым наместникам до сих пор тяжело справляться с местной экономикой. Раз в пять лет там стабильно вспыхивают бунты. Присутствие потомка царской крови укрепило бы положение, но политика пошла по иному пути. Царевич Виктор выступил против своего брата Царя Ивана. Казнил его, и сам стал Царем.

Кир слушал рассказ Тамары сосредоточенно. Он не понимал, почему его наставница говорит о истории так спокойно. Кир знал, что именно Царь Виктор вырвал сердце Тамары. Он всё порывался спросить, правда ли это, иногда вопрос уже крутился на языке, но что-то его останавливало. В ушах Кира звучала фраза его наставницы: «Не все мамы и папы хорошие, как в этой сказке, бывают и другие люди». Он слышал это в своём раннем детстве, но тогда Кир ещё не понимал, что именно опыт самой Тамары породил их.

— Царь Виктор — Голос ученика звучал как-то печально, почти трагично, что совсем ускользнуло из внимания Тамары. — Он тиран? — осторожно закончил свой вопрос Кир.

Тамара задумалась, потирая подбородок и прикидывая формулировки и теории в свое голове.

— Смотря как определять тиранию, — она подняла палец

вверх. — Изначально в ранних текстах Тирания — форма государственной власти, основанная на единоличном правлении, установленная незаконным, как правило, насильственным путём. Если рассматривать в этом ключе, то да, нынешний Царь Рюлеля – тиран. Он пришёл к власти путём государственного переворота. Но если мы дадим этому слову более «современное» определение из трактатов философов Эладинского королевства, существовавшего окало восьмисот лет назад на равнинах где-то между исконным царством Рюлель и Южными землями, то получается, что Тирания — злоупотребление правом принуждения в условиях отсутствия верховенства законов. Это может быть связано с правлением диктатора и бесправным положением граждан, а то и вообще с террором. Нынешняя система законов Рюлеля перестроена именно ранним правлением Царя Виктора. Самые главные изменения: отмена насильственных наказаний в виде отрубания рук и прочего за преступления лёгкой и средней тяжести. Ещё буквально тридцать лет назад крестьянин мог лишиться руки за то, что украл ложку. Или мог получить удары розгами за то, что проявил неуважение к дворянину. Сейчас подобные дела рассматриваются с престольным вниманием. К тому же, ранее раздельные системы законов и суда для дворян и простолюдинов, теперь объединены. Острота классовых различий стала гораздо меньше. Земли Рюлеля не знают голода и нищеты. В этом случае мы уже не можем назвать Царя Виктора Рюлеля тираном. Важно не только по-

ложение дел, но и формулировка.

— А как же тогда Южные земли? — не унимался Кир. — Разве они не страдали от голода, когда ты меня нашла?

— Ты задаешь правильные вопросы, — Тамара довольно щёлкнула пальцами. — Как мы с тобой ранее и говорили, Южные земли когда-то представляли из себя четыре города Полюса. Мы выяснили, что Рюлель был слишком занят затяжным конфликтом с Маль, поэтому не имел ресурса на открытую конфронтацию с Югом. Но что же стало причиной войны?

— Падение Имхотепа, — вздохнув, ответил Кир. — Нут и Шу объединились и уничтожили один из Полюсов. Это стало явной угрозой безопасности Рюлеля.

— Верно, — ответила Тамара. — И всё же Рюлель промедлил, и на границе, в городе Верен, произошло столкновение. Рюлель потерял часть земель из-за того, что не успел вовремя подвести войска. Первый год войны был потрачен именно на отражение удара. Но зачем было продолжать войну? Разве недостаточно было просто отразить удар и продолжить активную внутреннюю политику, которой в основном и занимался Царь Виктор? Зачем было так рисковать ослабленными войсками?

Кир немного потупил взгляд, было видно, что он пытается прикинуть разные причины, но всё никак в его голове не выходило чёткой картины.

— Я не знаю, — честно признался он.

Тамара улыбнулась. Вновь она улыбнулась своей «заказной» улыбкой.

— Представим, что всё пошло бы именно по сценарию «мало затратности сил». Как бы всё развивалось?

— Войска Нута и Шу распались бы, Геб, который всё это время не вмешивался в конфликт, наверняка напал бы и на Шу, и на Нут — задумчиво протянул Кир.

— Ну и что с того? — пожала плечами Тамара. — Какое дело царству Рюлель до этого?

Кир снова нахмурился.

— Если так подумать, то никакого, — выдал он. —— Шу и Нут были бы уничтожены, а Геб занял бы все земли или Я не могу понять.

— Дело в империи Тарха, — подсказала Тамара. — Если бы Рюлель не занял Южные земли, то их бы заняла Тарха, которая активно наращивала мощь.

— И Тарха очень негативно настроена против империи Рюлель. Из-за религиозных причин, — Кир ошарашенно раскрыл глаза. — Дело в религии и истоках магии. Рюлель верит в пантеон богов, а Тарха покланяется Единому богу! Если бы Рюлель не занял Южные земли, их бы заняла Тарха. Сейчас у этих двух государств нет общих наземных границ. Но если преодолевать путь по морю, то из-за особенности течений, лучше всего было бы устроить порт именно в Гебе! — Кир победно тыкнул пальцем в портовый город Геб.

— Всё верно, Кир, — поддержала Тамара. — Именно из-

за этого Рюлель превратил оборонительную войну в наступательную и занял Южные земли. Это обеспечило многовековую безопасность. Ведь сейчас Геб – это развивающийся порт, где есть верфи, оборудован спуск на воду военных судов, а также обучаются профессиональные моряки. Этот город из скотоводческой столицы Южных земель превратился в полноценный щит Рюлеля.

— Но как же голод? — всё никак не мог смириться с мыслью Кир.

— Это уже история об отсутствии контроля, — тяжело вздохнула Тамара. — Рюлель не стал порабощать Южные земли, наоборот туда вливались огромные средства, чтобы развить их, но, к сожалению, местные жители из-за долгих междуусобиц привыкли к жизни одним днём. Эти бесконечные междуусобицы стали причиной отставания в социальной сфере. Люди юга очень суеверны, а таже жадность в них преобладает, потому что много лет им приходилось неравно делить ресурсы. Если бы голода десять лет назад не случилось, Рюлель мог бы столкнуться с тем, что Южные земли стали бы бездонной ямой. Смертность была не так велика, чтобы это стало национальной трагедией, но население всё же осознало главную мысль – полагаться на фавнов, кикимор и прочую нечисть в решении сиюминутного вопроса – это ненадёжное решение. Они были вынуждены научиться вспахивать земли по технологии, разводить скот, а не забивать весь ради сиюминутного удовлетворения, сократить до-

лю собирательства и охоты в пользу земледелия и скотоводства, а также отказаться от наследования неэффективных ремёсел в пользу актуальных. Например, теперь в бывшем Шу процветает гончарное дело. Иногда, голод и болезнь уроки для человека. Это способ общества познать истину, чтобы переродиться и прийти к процветанию.

— Способ общества познать истину, — эхом повторил Кир.

Ему хотелось обидится в этот момент, но он не мог выбрать на кого. На Царя Виктора, который вырвал его наставнице сердце? На Тамару, которая сама не могла познать глубину своей боли? А может на тех южан, что сами стали жертвами своей «глупости»? Киру хотелось деть это чувство хоть куда-то. Направить его хоть на что-то, но его разум метался от одного к другому и каждый раз сталкивался с отрицанием.

Серое предрассветное небо начало обретать краски. Повеял свежий ветер. Лес начал стремительно просыпаться ото сна. Послышалось пение кукушки, встречающей новый день. Клэр вернулся к ним и своенравно запрыгнул Тамаре на плечо. Вскоре с опушки леса к дому начал приближаться Аскольд. Его сопровождал высокий белый олень, на котором восседали несколько фей. Малыши были совсем заспанные, но всё же явились, чтобы проводить Кира, Клэра и Тамару в путь. Они пообещали присмотреть за домом, кормить рыбок в его аквариуме, птиц, а также поливать растения. Герань необычно нежно прижалась к щеке Тамары, а та аккуратно

хоть и со своей обычной холодностью погладила маленькую феечку по головке.

Они в сопровождении Аскольда отправились вглубь леса. На прощание Киру помахали русалки, выглянув из озера. Дриады забросали их лепестками календулы, что на их своеобразном языке означало пожелание удачи. В стороне катились камни-тролли, а гномы всучили Киру несколько качественно обработанных магических самоцветов.

Постепенно магических созданий на пути становилось всё меньше, а солнце вступало в свои права над небом, прозрачным и голубым.

— Пришли, — Аскольд с улыбкой посмотрел на Кира.

Перед ними оказалась огромная сосна. Ствол её был кривым, ветви редкими лысыми. Корни дерева поднимались над почвой создавая проход под человеческий рост. Эта дыра была абсолютно прозрачной, но Кир чувствовал, это был выход. Выход из его колыбели. Проход в мир из Леса Короля Фей.

— Выглядит совсем обычно,— - поразился Кир.

— Иногда, поражающие вещи скрыты под пеленой обыденности, — усмехнулся Аскольд. — Клэр, начинай.

Кир удивлённо глянул на кота, лениво сползающего с плеча Тамары.

— Лес фей обширен, но в мире людей его можно определить локально, — начла свой полевой урок Тамара. — Если же соединить выход с порталами Клэра, то можно создать

проход в абсолютно любую точку, где Клэру приходилось бывать. Мы отправляемся в Шу, а Лес Короля Фей находится где-то на старых границах Рюлеля. Благодаря Клэру, мы сэкономим где-то с три дня пути.

Клэр тем временем подошёл к проходу под корнями сосны, и от его лап потянулась чёрная концентрированная мана, подобная чернильному пятну, она медленно заполнила собой проход. Кир инстинктивно отпрянул.

— Идём, — Тамара подтолкнула его вперёд.

И Кир, собравшись с духом, закрыл глаза и шагнул в проход.

Всё пролетело моментально. Вот, только что, вокруг горела жизнь леса, только-только облачавшегося в осеннюю листву. Осенний, заряженный прохладой утра воздух приятно щекотал кожу. И вдруг! Ощущение покоя покинуло Кира. Он испуганно открыл глаза. Вокруг были огромное море сухой коричневой колючей травы с островами угловатых уродливых замшелых серых валунов. Над головой – тяжёлое свинцовое небо без единого пятнышка голубизны. Ветер, холодный, порывистый и оглушающий. И запах Мерзкий запах дыма и огня. Кир ошарашенно стоял посреди этой новой реальности. А Тамара Она смотрела на деревья. Это были дикие ранетки. Стоял конец ноября. Приближалась зима. И черные ветви ломились от обилия красных плодов.

— Они кислые и горькие. Совсем мелкие, — Тамара улыбнулась в этот раз искренне, но грустно, рассматривая

ранетки. — Просто отвратительные на вкус

Она посмотрела на Кира. Её глаза были цвета этих диких ранеток.

АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 7: Шу

Дорога под их ногами была шрамом на теле земли, но шрамом свежим, говорящим о жизни, а не о смерти. Грубая брусчатка, уложенная совсем недавно, лежала криво и неумело — один камень выбивался из ряда, другой просел в грязь, но дорога была. Это была не древняя ровная кладка центральных земель Рюлеля, где каждый булыжник помнил поступь легионов. Это была работа местных рук, и в этой кривизне было больше надежды, чем во всей выверенной геометрии дворцовых мостовых.

Кир шёл, пиная носком сапога мелкие камешки. Клэр, как и всегда в присутствии Тамары, трусил рядом с ней чёрным котом, изредка поглядывая на хозяйку снизу вверх. Он молчал, но его кошачьи глаза внимательно осматривали горизонт. После Леса фей этот простор казался пустым и незащищённым. Казалось, хрупкость этого странного деструктивного в своей непропорциональности мира, может разрушить единое дуновение сменившегося ветра.

— Смотри, — голос Тамары был тихим, но в нём звенел исследовательский энтузиазм. Она не указала рукой, а лишь слегка кивнула подбородком в сторону полей, раскинувшихся по обе стороны от дороги.

Кир послушно перевёл взгляд. Поля раскинулись по обеим сторонам кривой дороги. Они не были диким разнотравьем, как на заброшенных землях у гор Велеса. Они были разделены. Четырьмя широкими полосами они уходили к самому горизонту.

— Раньше, — продолжила Тамара, и в её голосе не было ни капли ностальгии, лишь сухой анализ, — здесь всё росло вперемешку. Пшеница могла соседствовать с сорняками в локоть высотой. Земля истощалась за пару лет, и её бросали, уходя выжигать новый участок. Это было варварство.

Она сделала паузу, давая Киру время рассмотреть детали.

— А теперь? — спросил он, уже понимая, что увидит подтверждение её слов.

— А теперь они используют севооборот.

Она была права. Поля были разделены на четыре чёткие части. На двух из них торчала стерня скошенной пшеницы — основа жизни. На третьем уже ссохлись под первыми заморозками низкие кустики бобовых. А на последнем, самом ближнем к дороге, рос густой клевер, усеянный росой. И там же паслись свиньи — целые выводки хрюкающих, довольных животных, которые мирно подрывали корни и плыли наеденным за лето и осень жиром.

— Они научились чередовать культуры, — Тамара говорила с невероятным восхищением, с каким иногда обращалась к Киру. — Пшеница забирает из земли одни соки, бобовые — другие. Клевер же... он не просто корм. Он обога-

щает почву. Видишь свиней? Они едят клевер прямо здесь. Их навоз — лучшее удобрение для следующего цикла. Это замкнутая система.

Иногда свинопас лениво погонял свиней, когда те, громко хрюкая, просовывали огромные рыла ме брёвен своего загона. Кир молчал, переваривая информацию. Он видел не просто поля. Он видел логику. Сложную, выверенную логику выживания. Кир будто познал саму суть слов Тамары. Голод и эпидемия – лишь ценные уроки. Что видела Тамара в этих людях? Может, они были подобны в её красных глазах лишь этим свиньям, что жадно щипали клевер?

— Южные земли... — Тамара обвела рукой горизонт. Воздух здесь был суше и теплее, чем в центральном Рюлеле. — Они куда более пригодны для земледелия, чем центральные чернозёмы или, тем более каменистые, почвы Севера. У них длиннее лето. Здесь можно снимать по два урожая в год. Заморозки не бьют по плодовым деревьям. Нападения монстров обходят из-за Велесовых гор, что преграждают гоблинам путь. К тому же, благодаря этим дорогам, они могут торговать излишками урожая.

— Тогда почему раньше было так плохо? — Кир нахмурился. Вопрос был логичным продолжением её урока.

Тамара остановилась и посмотрела на него своими красными глазами. В них не было жалости к прошлому этих земель. Ни к умирающим от голода на плодородных землях людям, ни к принесённым в жертву младенцам.

— Потому что им не хватало двух вещей: трудолюбия и знаний. Они жили одним днём. Грабили друг друга в междоусобицах вместо того, чтобы пахать землю. Считали ниже своего достоинства копаться в грязи.

Тамара снова посмотрела на поля.

— Теперь у них есть и то, и другое. Голод был жестоким учителем. Он заставил их ценить каждый колосок. А новые законы Рюлеля... дали им знания и защиту от набегов собственных же бывших дружинников.

Кир снова посмотрел на свиней в клевере.

— Значит... голод был не зря? — спросил он тихо.

Тамара ответила не сразу. Она поправила воротник своего красного плаща и плотнее закуталась в него от ветра.

— Голод — это явление природы, Кир. Как гроза или засуха. Он не бывает «зря» или «не зря». Он просто есть. И если общество достаточно сильно, чтобы усвоить урок, оно становится лучше. Сильнее. Эффективнее. В этом сама суть человека. Приспосабливаться и меняться.

Она отвернулась от полей и зашагала дальше по дороге.

— А если нет... то общество просто исчезает.

Клэр, всё это время внимательно слушавший и наблюдавший за реакцией Кира, тихо мяукнул и потёрся о ногу Тамары, словно напоминая о своём присутствии и о том, что их путь ещё не окончен. Безумный огонь в глазах Тамарах застыл и медленно угас. Она, уже его Тамара, вновь улыбнулась, как прекрасная скульптура из мрамора, взяла своего

черного кота на руки и, чуть приобняв, погладила. Клэр довольно замурлыкал, а Кир еле слышно, прикрыв глаза, выдохнул.

Впереди, за последним пологим холмом, мир окончательно сдался. Лес, поля, даже кривая дорога — всё это осталось позади, словно принадлежало другому, более честному в своей суровости миру. Перед ними раскинулся Шу.

Город не встречал их ни фанфарами, ни враждебными криками. Он просто был. Существовал и находился. Он расползался по равнине, словно куча мокрого песка, прибитая дождями, но песок этот был не серым, а цвета охры — густой, глинистый оттенок пожухлой травы и сухой земли. Дома, сложенные из самана и дерева, глинобитные стены с соломенной крышей — всё это сливалось в единый, монотонный пейзаж. Дым из труб не поднимался к небу стройными столбами, а лениво стлался по крышам, смешиваясь с низкими, набухшими тучами, придавая охре грязноватый, болезненный оттенок. Воздух здесь пах не влажной землёй и клевером, а дымом, навозом и чем-то кислым, застарелым. Он был подобен высохшему болоту в жаркий не дождливый год.

У ворот их ждали стражники. Двое мужчин в начищенных, но помятых кирасах сидели на грубо сколоченной скамье. Один из них, с лицом, похожим на плохо пропечённый каравай, лениво ковырял в зубах щепкой. При виде путников он нехотя поднялся, звякнув амуницией. На поясе у него болтался меч, ножны которого покрылись местами ржавчи-

ной.

— Кто такие? Что здесь ищете? — голос был сиплым, лишённым всякого интереса.

Тамара выступила вперёд. Красный плащ пятном озарил тусклый фон. Её осанка стала ровнее, а в голосе появились мягкие, но властные нотки.

— Я — Светлана. Странствующая чародейка из северных земель. Это мой фамильяр, — она кивнула на Клэра, который сидел у её ног с видом скучающего аристократа, — а это мой ученик.

Кир выпрямился, стараясь выглядеть как можно более незаметным и послушным. Стражник с «каравайным» лицом окинул их цепким, но усталым взглядом.

— Чародейка? — он хмыкнул. — В такое-то время? Ну-ну. В городе карантин. Вы знаете об этом?

— Мы слышали об эпидемии по дороге, — спокойно ответила Тамара. — Именно поэтому мы здесь. Я изучаю подобные явления.

Второй стражник, до этого молчавший, сплюнул на землю.

— Изучайте... Четыре села вымерло подчистую. В самом городе пока держимся, но... — он махнул рукой в сторону улиц. — Сами увидите. Проходите уже. Только денег у нас тут не заработаете.

— Посмотрим, - лукаво усмехнулась Тамара.

Они прошли под низкой аркой ворот. Звук их шагов по

дорожной пыли мостовой казался оглушительно громким в повисшей тишине.

Город был пуст. Не безлюден, а именно пуст. Словно из него выкачали саму жизнь. Окна многих домов были наглухо заколочены досками крест-накрест. На верёвках, протянутых между зданиями цвета сухой глины, не висело бельё. Не слышался детский смех или крики торговок.

— Зачем они заколачивают окна? — спросил Кир, дёрнув Тамару за руку.

— Думают, что причиной болезни служат миазмы в воздухе, — ответила его наставница, окидывая взглядом улицы.

— Миазмы? При чём здесь болезнь? — Кир с сомнением глянул на заколоченные ставни. — Да и миазмов здесь вовсе нет.

Магическое поле города было безмолвно пусто, как и сам Шу.

— Они и не знают, что миазмов нет, — Клэр почесал за ухом. Звякнул золотой медальён на его черном кожаном ошейнике, надетый Тамарой перед путешествием. – Миазмы – это остатки выплеснутой магии, как если бы кто-то рисовал картинку на листе бумаги, а краски брызгали по всей комнате. Но представь, что ты рисуешь невидимыми красками нет, если бы ты рисовал красками, которые видны только определённым людям. А остальные так бы и опасались испачкаться в этой невидимой для себя краске ещё долгое время. Даже после того, как рисунок был окончен, кто-то помыл пол.

— Я так понимаю, что люди уверены, что причиной болезни, являются отголоски войны, — объяснила Тамара.

Те немногие жители, что попадались на глаза, двигались быстро и целеустремлённо, прижимая к себе узлы или корзины, глядя строго себе под ноги. Их одежды были блеклыми, выцветшими на солнце до того же оттенка охры. На рыночной площади, которая должна была быть сердцем города, стояло всего три-четыре прилавка.

— Свежая репа! Всего полмедяка!

— Горшки! Прочные горшки! Налетай!

Зазывные крики торговцев звучали жалко и одиноко. Их голоса вязли в пыльном воздухе цвета глины, не находя отклика. Никто не спешил делать покупки.

Кир чувствовал на себе взгляды. Из-за щелей в заколоченных окнах. Из-за приоткрытых дверей. Глаза были разные: испуганные, усталые, но чаще всего — враждебные. В них читалось не любопытство к путникам, а глухое подозрение. Кто они? Зачем пришли? Не принесут ли они с собой беду?

Клэр на руках у Тамары прижал уши и тихо зашипел.

— Они пахнут страхом и отчаянием, — прошептал он ей едва слышно.

Тамара ничего не ответила. Она лишь крепче прижала кота к себе и пошла вперёд по главной улице, её взгляд был устремлён куда-то вглубь города, туда, где над охристыми крышами возвышалась покосившаяся колокольня и здание ратуши.

— А что такое ратуша? — спросил Кир, стараясь не отставать от её широкого шага. Пыль цвета охры поднималась облачками при каждом шаге.

Тамара на мгновение задумалась, подбирая слова.

— Это... сердце города. Место, где принимаются решения. Здесь живёт правитель города, городничий, и совет старейшин. Здесь хранят казну, ведут учёт рождений и смертей, записывают законы и собирают налоги.

Кир нахмурился, пытаясь сопоставить новое понятие с тем, что он знал.

— Как... как Король Фей? — неуверенно предположил он. — Аскольд ведь тоже решает, кому жить в лесу, а кому нет. Он следит за порядком.

Тамара едва заметно улыбнулась уголком губ.

— В каком-то смысле да. Но Аскольд — это *дух* места. Он и есть лес. Ратуша же — это просто здание. Камень и дерево. А люди внутри... они лишь временно занимают свои места. Они могут быть глупыми, жадными или трусливыми. Аскольд же и есть мудрость леса.

Кир помолчал, переваривая ответ. Он смотрел на приближающееся здание — массивное, но обветшалое, с облупившейся охристой штукатуркой.

— А зачем нам туда? — задал он главный вопрос, который вертелся у него на языке с момента выхода из леса. — Мы же просто идём мимо?

Тамара остановилась и посмотрела на него сверху вниз. Её

красные глаза в полумраке улицы казались двумя тлеющими углями.

— Кир, — мягко, но с нотками стали сказала она. — Ты задаёшь правильные вопросы. Но иногда истина подобна сложному механизму. Я не могу просто рассказать тебе, как он работает. Ты должен увидеть его детали сам. Узнаешь всё на месте.

Она отвернулась и продолжила путь.

— Держись рядом и помни всё, чему я тебя учила про деньги и людей.

Клэр на её руках тихо вздохнул и ткнулся мокрым носом ей в подбородок, словно говоря: «Не будь с ним так строга». Тамара машинально почесала его за ухом, не отрывая взгляда от дверей ратуши.

Это здание было самим отражением слова «карикатура». Если бы ратуша города Шу была существом, то это был бы колосс на глиняных ногах. Одновременно и массивное, и хрупкое. Гордое и жалкое. Центр власти, который умирал от страха. Как и у всех зданий в городе, основным материалом для ратуши был саман. Где-то на этих величественных стенах цвета всё той же густой неоднородной охры виднелись отпечатки чьих-то ладоней, лепивших глину и торчащие из стен соломинки. Местами глина потрескалась от солнца и времени, обнажив более светлые, песчаные слои. Там, где нужна была прочность, углы здания, дверные проёмы и основание, строители использовали дерево или, реже, грубо

отёсанный камень, который со временем потемнел до цвета мокрой земли. Огромная, нависающая крыша из тростника и соломы была апогеем абсурда этого «кривого величия». Она не была остроконечная, как в архитектурных атласах, который читал Кир о северных и центральных землях, а пологая, чтобы выдерживать вес осенних дождей. И сладковатый прелый запах, что будто пытался замаскироваться под городским смрадом, выдавал, что эта соломенная крыша начинала подгнивать снизу.

Центральная часть ратуши имела два этажа и была украшена портиком (крытым крыльцом с колоннами). Однако колонны были вовсе не из мрамора, а из толстых, обожжённых на костре глиняных столбов, которые уже пошли трещинами. Попытка соблюсти симметрию была провалена. Левое крыло чуть ниже правого, а пристройка сбоку выглядела так, будто её добавили наспех лет пять назад, когда потребовалось больше места для хранения зерна. Справа от основного здания возвышалась покосившаяся башня. Часов на ней не было, но наверху висел колокол. По ржавому основанию его было понятно - колокол этот никогда не звонит.

Массивные, двустворчатые двери, обитые полосами железа, сейчас были приоткрыты, но на створках виднелись свежие царапины — следы, оставленные людьми, которые в панике ломились внутрь.

В отличие от жилых домов, окна ратуши не были заколочены. Узкие, как бойницы, и расположенные высоко от зем-

ли, эти странные окна с бычьим пузырём вместо стекла были похожи на маленькие мерзкие глазки насекомого.

На фасаде под самой соломенной крышей можно было разглядеть остатки старой росписи. Когда-то там были изображены гербы княжеств Шу. Их тени проглядывали сквозь тусклую охру. Сейчас поверх них был вывешен флаг Царства Рюлель. Черный с тремя вертикальными полосами разной длинны. Символ прошлого высокомерия превратился в грязную мазню, наспех прикрытую флагом нового государства.

— А Царь Виктор не хочет выделить денег на новую ратушу? — разочарованно глядя на строение, спросил Кир.

Тамара медленно повернула к нему голову. Её взгляд был непроницаем.

— А зачем? — спокойно ответила она. — Это здание выполняет свою функцию. Оно стоит. В нём есть стены и крыша. Для Царя Виктора эти земли — не жемчужина короны, а щит. На щит не тратят золото и мрамор. На щит ставят то, что не жалко. То, что можно заменить.

Она сделала паузу и добавила чуть тише:

— Или потерять. Пока Шу не продемонстрировал свою ценность, чтобы заслужить регалий.

Бросив эти последние слова, Тамара шагнула в двери ратуши. Они прошли по тёмному коридору. Межкомнатных дверей здесь не было. Их заменяли шторы, сделанные из маленький деревянных бус, нанизанных на тонкие верёвки.

Это сочетание бус образовывало невероятно изящный в своей дикости и этничности яркий узор, заставивший Кира на мгновение застыть, чтобы рассмотреть его. Клэр, заметив его реакцию слегка улыбнулся. Тамара рукой раздвинула бусы, отчего те с весёлым стуком ударились друг о друга, наполняя пространство жизнью.

В просторном кабинете ратуши стоял грубый стол, заваленный бумагами, черепяные стены покрывали гобелены. Это были прекрасные вышитые сюжеты об охоте, посевах, приходе весны, о бравых сражениях и прекрасные пейзажи. На деревянном полу лежал круглый ковёр, пестрящий узором, а с потолка свисали деревянные лампы с заряженными магией кристаллами. Здесь были огромные вазы, глиняные горшки разных форм и человек. Он сидел над бумагами. Это был крепко сложенный мужчина. Не той крепости, как была у Клэра, атлетичного война. Его тело было сильно в своём покое. Будто бы дикий хищный зверь присел отдохнуть у дерева. Он был кудряв и черноволос. Кожа его была немного смуглой. Плечи широкими. Его лицо покрывала небольшая щетина. Глаза были узковатые и карие. Его ладонь была испачкана чернилами. Рукав рубашки нуждался в ремонте, на вороте отсутствовали несколько пуговец. Широкие грубые коричневые штаны давненько не видели стирки. Мужчина поднял глаза:

— Чем могу Вам — Его взгляд столкнулся с Тамарой. — Помочь?

Кир с сомнением глянул на Тамару, а потом заметил, как ощетинился Клэр. Его шерсть вздыбилась, но вовсе не так бы Клэр реагировал, будь этот мужчина угрозой безопасности. Кир вновь тревожно глянул на мужчину.

— Добрый день! — Тамара улыбнулась на заказ и чуть склонила голову. — Меня зовут Светлана, я прибыла в город сегодня, и хотела бы переговорить с Вами.

Кир знал, что Тамара женщина, но Кир до этого момента вовсе не задумывался о её красоте именно как женщины.

— Я Закир, — спешно представился мужчина, прибирая в сторону грязную глиняную посуду, что всё это время стояла у него не столе. — Вы уж извините, у меня здесь беспорядок

Он неловко рассмеялся. А потом резко подскочил, вежливо пододвигая стул для Тамары. Закир было порывался снять плащ с плеч Тамары, но его рука была жестоко отбита когтистой лапой Клэра.

— Ох, это? Милая кошечка, — с добротой посмеялся Закир, глядя на Клэра. — Кис-кис, хочешь молока?

В ответ ему прозвучало злое шипенье.

— Клэр у нас не особо любит незнакомцев, — спокойно с лёгкой улыбкой Тамара почесала взъерошенного кота за ушком.

— Не желаете чая? А ваш младший брат? — «младшим братом» Закир назвал Кира с большой надеждой в глазах.

— Этот ребёнок мой ученик, — ответила на горящий в его глазах вопрос Тамара. — Не откажемся, господин город-

ничий. Это ведь вы?

— Я не особо на него похожу, да? — Закир неловко почесал затылок, потом подошёл к очагу у стены.

Это был не привычный Киру камин или кухонная печь. Это было круглое сооружение, в центре которого горел огонь. Чтобы дым уходил на улицу, был предусмотрен дымоход, представляющий из себя встроенный в крышу глиняный цилиндрический проход. Над огнём была установлена металлическая конструкция в виде треноги, с которой Закир и подхватил чайник, надев плотную кожаную рукавицу. Он залил кипяток в кувшин с крышкой и ручкой, а уже после кинул в него небольшой шарик.

— Почему же? — Тамара внимательно наблюдала за его действиями. — Этому городу вы подходите в качестве городничего, даже больше, чем птице подошло бы гнездо.

Тамара пересадила Клэра к себе на колени, который вцепился когтями в её плащ. Закир разлил чай по чашкам. Это были не те фарфоровые чашки из дома Тамары. Это были глиняные цилиндрические сосуды. Кир с опаской взял один из них в руки и с удивлением заметил, что стенки сосуда еле тёплые.

— Не бойся, — Закир мягко ему улыбнулся. — Это специальная толстая глина. Она плохо проводит тепло.

Кир понюхал, полученный чай, а затем сделал глоток. Шарик, который Закир ранее кинул в кувшин, оказался клубком трав, склеенных между собой мёдом. Тамара приняла

чашку из рук Закира под возмущенным взглядом Клэра.

— Что же привело Вас в Шу? — дружелюбно спросил городничий.

— Эпидемия, — Тамара с вежливой улыбкой посмотрела на Закир.

Кир почувствовал, как его сердце пропустило удар. Закир внезапно нахмурился. Его дружелюбие, как рукой смахнуло, улыбка исчезла, а спина выпрямилась.

— Я не терплю в этом городе тех, кто приходит сюда дурить людям головы панацеями в виде отваров из фей и прочего, — голос его стал беспристрастным.

— Приятно это осознавать, — Тамара достала из сумки мешок с монетами.

— Что это? — взгляд Закира, брезгливый и холодный, метнулся к мешочку.

— Деньги, — спокойно ответила Тамара уже без вежливой улыбки. — За дом с просторной кухней, гостиной, двумя спальнями, — она загибала пальцы перечисляя условия: — Также хочу небольшой сад и, пожалуй, чтобы не сильно людно было. Да это всё. Аренда примерно на три месяца. Денег хватит?

Спустя несколько мгновений молчания Закир наконец-то произнёс:

— Что?

«Он проиграл» — вынес вердикт своему новому знакомому Кира, а затем сделал ещё один глоток странного, но вполн-

не вкусного чая.

— А что? — Тамара чуть удивлённо наклонила голову. — Нет у меня никакой панацеи. Да и ни у кого её нет. К каждой болезни положено подбирать своё лекарство. Я даже конкретно к той, что сейчас вижу, лекарства не имею. Какая ещё там панацея?

— Что? — снова повторил свой вопрос Закир.

— Я здесь, чтобы найти лекарство, а не продать его, господин городничий, — Тамара устало вздохнула, будто говорила с умалишённым. — Я учёный и маг, а не гадалка, чтобы со всем готовым всегда приходить, знаете ли.

— Но госпожа — неуверенно начал Закир. — Вы с ребёнком, а в городе бушует эпидемия. Как вы представляете себе жизнь здесь? Вам стоит немедленно покинуть этот город.

— Ну, знаете ли, — не унималась Тамара. — Уже принял залог, а теперь гонит из города. Что за произвол?

— Да что вы — Закир шумно поставил чашку на стол, и о глиняное дно что-то звякнуло.

Городничий удивлённо в глиняную чашку. На дне, прикрытая чаинками лежала золотая монета. Закир обречённо вздохнул.

АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 8: От красных ужей к оленям и людям

Шу не был мёртв. Он был болен. И в этой болезни, как в кривом зеркале, отражалась не смерть, а извращённая, отчаянная воля к жизни. Пока Тамара, Кир и Клэр шли по охристым улицам вслед за Закиром, город медленно, со скрипом, показывал им, что ещё способен дышать, а не просто волочить своё существование, как казалось у самых ворот.

— Смотрите, — голос Тамары был тихим и загадочным, но в нём зазвенела нота приятного удивления. Она не указала рукой, как и ранее на полях, а лишь слегка кивнула подбородком в сторону небольшой площади.

Кир послушно повернул голову. На первый взгляд — хаос. Но, присмотревшись, он увидел систему. У колодца стояла бочка, от которой исходил резкий, бьющий в нос запах. Рядом с ней на крюке висел глиняный ковш. Несколько женщин, кутаясь в платки так, что видны были только усталые глаза, терпеливо ждали своей очереди. Прежде чем набрать воду, каждая тщательно ополаскивала ковш и свои руки в бочке.

— Спирт, — констатировала Тамара. — Примитивно, но эффективно. Люди дезинфицируют поверхности, замедляя

распространение болезни. Прекрасный подход.

Чуть дальше, у входа в один из домов, на верёвке висели полоски ткани, вымоченные в том же растворе. А на пороге другого дома сидел человек в маске. Это было жутковатое зрелище: конструкция из кожи и стекла, похожая на морду насекомого, закрывала всё его лицо. Он не двигался, лишь изредка поворачивал голову, наблюдая за улицей.

— Это «могильщики», — тихо пояснил Закир, заметив их интерес. — Добровольцы. Они ухаживают за теми, кто подвергся болезни. Многие из них — жители центральных земель. Они же и предложили использовать спирт и карантин.

«Царь Виктор не бросил Южные земли. Просто направил оптимальную помощь, чтобы не навредить остальному Рюлелю» — эта мысль промелькнула в голове Кира, когда он столкнулся взглядом с одним из «могильщиков». В глазах того, сквозь стекло маски, читалась лишь бесконечная усталость. Кир обратил внимание на его неестественно опущенную левую руку. Будто бы она ему вовсе не принадлежала.

— Не слишком ли мрачное название? — спросил он, обратившись к Закиру.

— Это жители Шу придумали, — вздохнул Закир, кутаясь в грубый коричневый плащ. — Мне тоже не нравится, но люди у нас суеверные и не особо образованные. Крестьяне центрального Рюлеля не могут сдержать восторга, когда могут отправить ребёнка постигать грамоту, а наши старики запирают детей дома, чтобы те не ходили в школу. Таких

становится меньше со временем, но всё же их достаточно. Так и с противооспной командой получилось. Защита от болезни у них своеобразная. Да и большинство больных всё же умирают... а те их хоронят. Так и стали «могильщиками».

— Они догадались про воздушно-капельный путь? — Тамара удивлённо приподняла бровь.

— Не знаю про «путь», — пожал плечами городничий. — Знаю, что, когда кто-то рядом кашляет кровью, лучше не дышать этим воздухом.

Тамара промолчала, но её взгляд стал острее. Суеверия всё ещё были здесь, но большинство всё же отказались от них. В этот раз, люди уже не бежали приносить детей в жертву. Теперь они лишь бросали грубое «могильщики» и всё равно обрабатывали руки и дома спиртом, а лица прикрывали тканью. Кир посмотрел на свою наставницу с любопытством. В её глазах было уважение?

— Болезнь изменилась, — продолжил Закир, когда они двинулись дальше. Его голос стал глуше. — Раньше она убивала только оленей. Когда мы только начали... ну... по-настоящему пахать землю. Олени дохли стадами. Мы думали — проклятье.

— Это не было проклятьем, — отстранённо произнесла Тамара. — Просто оленья оспа совпала с весенней миграцией оленей. Стада объединялись для размножения, обменивались болезнями, мигрировали и распространяли оленью оспу по всему ореолу своего обитания.

Закир неловко кашлянул, услышав слово «размножение». Тамара же выглядела так, будто сложила в голове последний кусочек мозаики.

— Значит... — протянула она задумчиво, глядя прямо на Закира. — Эпидемия среди людей началась после того, как вы начали массово разводить скот? Олени контактировали с вашими свиньями и коровами?Закир остановился и посмотрел на неё с удивлением.

— Да... Кажется, так и было.

— Оленья оспа совершила межвидовой скачок, — заключила ведьма уже для себя. — От диких животных к домашним, а затем к человеку. Ей понадобилось десять лет.

— Но олени ведь перестали так массово умирать, — с подозрением подметил Закир.

— Ну, так олени, в отличие от вас, жили с оспой десять лет, — Тамара подняла глаза на Закира. Её взгляд был холодным и аналитическим. – В среднем олень в дикой природе живёт пять лет. Господин городничий, от момента начала оленьей оспы и по сей день сменилось два поколения оленей. Олени умирали, но не все. Выжившие давали потомство, которое было устойчиво к болезни, как и их родители. А следующее потомство было ещё устойчивее. За эти десять лет оленья оспа для самих оленей стала не более чем простуда для людей. Их численность сначала сократилась втрое, но они перебороли этот кризис естественным отбором, и вновь восстановили стада.

— Вы хотите сказать... что сейчас в вопросе этой болезни люди слабее оленей? — Закир напрягся. В его голосе послышалась нотка обиды.

— Вы спросили, я ответила, — Тамара лишь пожала плечами. – Не ищите истину, если не хотите её знать, господин городничий.

Она отвернулась и пошла дальше по улице с видом человека, у которого есть дела поважнее чужих обид.

Они остановились перед зданием, которое резко выделялось на фоне низких глинобитных домов. Это была башня — узкая, трёхэтажная, сложенная из обожжённого кирпича цвета тёмной охры. У неё не было углов, она была идеально круглой, словно гигантский колодец.

— Вот, — Закир неловко махнул рукой. — Дом старого гончара. Он... потерял всех. С тех пор тут никто не живёт.

Помимо входа в дом была и лестница. Она представляла из себя встроенные в основание грубые деревянные доски. Лестница обвивала здание до самой крыши.— А на крышу можно попасть прямо с улицы? — с детским любопытством спросил Кир.

— Да, — кивнул Закир. — Там площадка. Удобно сушить травы или просто смотреть на звёзды.

Внутри дом оказался ещё более странным. На первом этаже располагалась одна большая комната — кухня-гостиная. В центре неё находился круглый очаг-камин, от которого вверх уходила толстая дымовая труба, пронизывая все эта-

жи насквозь и уходя в крышу. Воздух был спёртым и пах застарелой гарью. Стены были увешаны коврами с геометрическими узорами и гобеленами, которые хоть немного защищали от холода кирпичных стен. Повсюду стояла глиняная посуда: миски, кувшины с узкими горлышками, чашки цилиндрической формы. Межкомнатных дверей не было и в помине. Проёмы на второй и третий этажи были занавешены шторами из деревянных бус, нанизанных на тонкие верёвки. При малейшем движении они постукивали друг о друга, наполняя мёртвую тишину дома робким звуком жизни.

— Две комнаты наверху, — пояснил Закир. — Изолированные.

Он неловко потоптался на месте и, пробормотав что-то про дела в ратуше, поспешил уйти. Тамара вежливо кивнула ему на прощание, отчего на его щетинистых щеках не мгновение заиграл румянец. Клэр проводил Закира шипением.

Как только за ним закрылась дверь, Кир с восторгом побежал осматривать новое жилище. Он взбежал по внешней лестнице на крышу, а затем спустился внутрь.

— Смотрите! — воскликнул он с порога.

На его плече и капюшоне плаща виднелись крошечные зелёные усики и пара семечек.

— Лесная лоза? — Клэр принюхался и фыркнул. — Ты что, притащил с собой сорняки?

Тамара подошла ближе и аккуратно сняла с его одежды одно семечко.

— Это не сорняки, Клэр. Это преданность капризной флоры Леса Фей. Лес признал тебя, Кир, своим настолько, что даже растения готовы последовать за тобой в чужой мир.

Она разжала пальцы, и семечко упало на глиняный пол.

— Пусть растёт здесь. Будет напоминать о доме.

Тамара глубоко вздохнула и закрыла глаза. Её руки плавно поднялись, и по дому пронёсся невидимый ветерок. Пыль исчезла, словно её и не было. Потухший очаг в центре комнаты сам собой вспыхнул ровным, магическим пламенем, которое не давало дыма. Глиняная посуда на полках выстроилась в идеальные ряды. Кир с восхищением наблюдал за наставницей.

— Теперь это наш дом? — спросил он тихо.

— Это наша временная лаборатория и база для наблюдений, — поправила Тамара ровным голосом, но в её красных глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение от проделанной работы.

Клэр запрыгнул на широкий подоконник единственного окна-бойницы и посмотрел на пустую улицу цвета охры.

— Ну что ж... — протянул он. — Добро пожаловать в реальный мир. Надеюсь, ты готов к тому, что здесь никто не будет приносить тебе самоцветы просто потому, что ты милый ребёнок с меткой фавна.

Кир только улыбнулся в ответ:

— Я готов учиться истине.

За окном Шу продолжал жить своей больной, измучен-

ной жизнью. А в круглом доме с очагом посередине началась новая глава их странной семьи. Клэр быстро обустроился на новой кухне. Тамара и Кир тем временем сходили на рынок, где Тамара наглядно объяснила Киру практическую ценность денег, и сколько в товарном соотношении стоит каждая монета.

— Тамара? — Кир приоткрыл перед наставницей дверь, когда они возвращались в дом. – А откуда у тебя деньги?

— Ну, — Тамара поставила корзину полную продуктов на кухонный стол. Клэр тут же принялся разбирать их к ужину. – Когда мы с Клэром оставляли тебя на попечение Аскольда, мы продавали часть редких трав, магических артефактов или брали подработки в виде истребления монстров. Так потихоньку и скопили. Тратить то их нам всё равно особо не на что было.

— Вот как, — задумчиво произнёс Кир.

— Теперь твоей обязанностью будет ходить за продуктами, — велела Тамара. — Сначала я или Клэр будем тебе помогать, а потом уже будешь справляться сам.

— Да, — уверенно и послушно ответил Кир.

Клэр тем временем закинул на большую широкую сковороду несколько яиц и ломтиков бекона. Нож под руководством Тамары нарезал хлеб и сыр, которые самостоятельно соединялись в бутерброды и укладывались на блюдо. Клэр попутно разложил яйца и бекон по глиняной посуде, которая тут же отправилась на обеденный стол, застеленный льняной

скатертью, вместе с бутербродами и приборами из меди. Кир уселся за стол. Лоза продолжала играть на его одежде, подавая ему то салфетки, то приборы. Тамара заварила чай. Тот самый в виде шариков трав, склеенных мёдом.

— А теперь поужинаем и поговорим о болезни, — заявила Тамара, скинув красный плащ на спину стула и ополоснув руки в глинном тазу с водой.

— Угу, — Кир жадно жевал яичницу, заедая её бутербродом. — Аскольд рассказывал, что ты победила оленью оспу на подходе к лесу фей.

— Именно так, — Тамара поставила на стол маленький пузырёк с красной жидкостью. — Мы начнём именно с этого.

— Что это? — Кир внимательно посмотрел на пузырёк.

— Прививка, — с хитрой усмешкой объяснила Тамара. — Первый шаг – это не вылечить болезнь, а прекратить её распространение. Это освободит ресурсы города. Здоровые люди уже не будут прятаться по домам за заколоченными окнами, а вернутся к торговле, ремеслу и земледелию.

— Это нормализует экономику, — тут же сделал вывод Кир.

Тамара довольно погладила его по голове.

— Именно, — поддержала она. — Мы получим деньги, еду, а также свободные руки для борьбы с оленей оспой.

— Так чем же нам поможет красная жижа? — Кир с подозрением вновь посмотрел на пузырёк.

— Что ж, начнём из далека, — Тамара запихала в рот бутерброд и развернула на столе карту.

— Поешь нормально,— - отругал её Клэр, но Тамара лишь отмахнулась.

— Местные жители ошибочно предполагает, что первые заражённые — олени, но это вовсе не так, — она обвила две области на карте, горы Велеса и равнины. – Первыми были красные ужи.

Кир удивлённо раскрыл рот, отчего кусок бекона вывалился обратно на тарелку.

— Ужи? — с сомнением переспросил он.

— Да, ужи, — гордо повторила Тамар. — В год, когда мы тебя нашли, олени как раз начали заражаться. Аскольд попросил меня разобраться, чтобы избежать паники в лесу. Тогда мы с Клэром отправились на исследования и выяснили вот что! Олени на вершинах не болели, а на равнинах — да. Хотя контактировали между собой, ели примерно одну и ту же пищу, и даже пили почти одну и ту же воду. Только олени в горах пили воду из устья, а олени на равнинах – дальше по течению. Так в чём же разница?

— Ужи не обитают на равнинах? — вспоминая рассказы из раннего детства, ответил Кир.

— - Абсолютно верно! — поддержала Тамара. — И больше! Ужи имеют привычку скидывать кожу у воды. Я понаблюдала за ужами, некоторые особи были покрыты характерными оспинами. По сути, болезнь для них не была так

страшна. Покрылись оспинами – переболели и скинули кожу, а потом дальше поползли. А теперь олени! Олени в горах пили воду рядом со сброшенными шкурами и получали малую дозу болезни. Их организмы учились переносить её, и когда позже оспа перешла в новую стадию и заразила оленей с равнин, горные олени уже не заражались ей повторно.

— Получается, цепочка такая, — Кир задумчиво поднял глаза вверх. — Слабая болезнь поражала красных ужей, потом перекинулась на оленей, став чуть сильнее, потом развилась и поразила домашний скот, а после уже ударила по людям. Как только старый вид привыкал к болезни, поражался новый.

— Именно так! — подержала Тамара. — Чтобы лесные олени не пострадали, мы с Аскольдом взяли эссенцию из змеиной чешуи, смешали её с другими полезными травами, чтобы снизить последствия ослабленной болезни, а потом напоили ею всех лесных оленей. Так Лес Короля Фей вновь остался тихой гаванью. Мы привили оленей от болезни. Теперь нам нужно сделать то же самое с людьми.

Кир с серьёзным видом отодвинул тарелку, а затем откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Если всё так просто, — сердито начал Кир. Его детские черты на мгновение стали пугающе взрослыми. — Зачем мы, блин, вообще сюда пришли?

— Ну, знаешь ли, — фыркнула Тамара, даже не поднимая глаз от карты. Она постучала пальцем по пузырёчку с крас-

ной жидкостью. — Люди — не олени в лесу Короля Фей. Их чутка больше будет, если ты не заметил. Арифметику вроде проходили.

Клэр тихо хмыкнул в усы, оценив иронию.

— Если производить вакцину таким образом, как я это делала ранее, — продолжила Тамара, и в её голосе зазвучали лекторские нотки, — то никаких ужей не хватит. Нужно выделить конкретный патоген болезни, а затем размножить его в лабораторных условиях, купировать его опасность и уже после этого распространить среди людей. Нам понадобится недели две только на это.

Кир молчал, переваривая информацию. Он понял. Это было не простое «пришли и вылечили», как в сказках. Это была работа. Сложная, кропотливая и неблагодарная работа исследователя.

— Две недели... — тихо повторил он.

— Именно, — кивнула Тамара. Она наконец оторвалась от карты и посмотрела на него. В её красных глазах не было ни капли снисхождения, только холодное уважение. — И всё это время мы будем жить здесь. В этом доме. В этом городе. Ты будешь ходить на рынок. Ты будешь дышать этим воздухом. Ты будешь учиться истине не из книг, а из самой жизни.

Клэр спрыгнул со стола и потёрся о ногу Кира, словно говоря: «Я же предупреждал».

Кир посмотрел на пузырёк на столе, затем на карту, испещрённую пометками Тамары, и наконец — на саму настав-

ницу.

— Я готов, — сказал он уже без прежнего возмущения, но с твёрдой уверенностью.

***

Первая неделя прошла вся в поту и заботах. Дни в Шу слились в единый, напряжённый ритм, похожий на биение сердца, ускоренное лихорадкой. Прошла неделя, а для Тамары, Кира и Клэра это время измерялось не восходами и закатами, а количеством отфильтрованных растворов, высушенных трав и страниц, исписанных алхимическими формулами.

Каждое утро, едва солнце касалось крыши их круглого дома, они отправлялись в Велесовы горы. Путь был неблизким, но Клэр, используя магию порталов, сокращал его до нескольких минут. Там, среди пожухлой травы и влажных камней, они искали то, что не росло на равнинах: редкие горные мхи, кору вековых сосен и, конечно же, их главную цель — красных ужей.

Кир быстро научился обращаться со змеями. Его руки, ещё по-детски тонкие, но уже ловкие, аккуратно держали скользкие тела. Он приносил их домой в плетёных корзинах, устланных мягким мхом, и заботился о них, как о питомцах. В одной из комнат на втором этаже Тамара соорудила для них террариумы — большие глиняные чаши с водой и подогревом от магических кристаллов.

— Они не домашние котики, Кир, — ворчал Клэр, наблю-

дая, как мальчик осторожно меняет воду ужу с особенно яркими чешуйками.

— Но они тоже живые, — упрямо отвечал Кир. — И им страшно в чужом месте.

На крыше башни, под слабым, но всё ещё греющим ноябрьским солнцем, кипела своя жизнь. Кир, руководимый инстинктами, перенятыми от лесных духов, и помощью Лозы, которая теперь гордо оплетала один из углов крыши, разбил небольшой огород. С помощью бытовой магии Тамары им удалось создать на глиняных плитах крыши тёплый кокон. Здесь, вопреки сезону, зеленели ростки целебных трав: календулы, шалфея и зверобоя.

— Ты превратил наш дом в ферму, — смеялся Клэр, сидя на краю крыши и свесив хвост вниз.

— Это стратегический запас! — важно отвечал Кир, рыхля землю маленькой лопаткой. — Нам нужно будет из чего-то делать укрепляющие отвары, если мы не вылечим город до зимы!

Внизу, в большой комнате-гостиной, которая окончательно превратилась в лабораторию, стоял резкий запах спирта, травяного настоя и чего-то кисловатого. На столе громоздились колбы, реторты и перегонный куб. Кир был не просто наблюдателем. Он стал ассистентом.

— Осторожно! Не тряси-и! — шипела Тамара, когда мальчик передавал ей колбу с мутным раствором. Её волосы были убраны под косынку, а на щеке красовалось зелёное

пятно от какого-то неудачного эксперимента.

— Прости! — Кир замирал, боясь дышать.

Он научился толочь корни в ступке до состояния тончайшего порошка, фильтровать отвары через сложенную в несколько слоёв ткань и даже записывать под диктовку результаты опытов. Его почерк становился всё более уверенным.

Иногда их уединение нарушал Закир. Он приходил под вечер, усталый и пропахший дымом городских печей. Он молча садился в углу, брал чашку с травяным чаем, которую ему всегда наливала Тамара, и просто наблюдал. Он смотрел, как Кир кормит ужей, как Клэр ловко приносит прошенные его ведьмой инструменты, как Тамара колдует над своими склянками.

В один из таких вечеров он нарушил тишину:

— В городе говорят о вас... — начал он неуверенно. — Говорят, что ведьма с красными глазами варит зелье в башне.

— И что же говорят? — холодно спросила Тамара, не отрываясь от записи в журнале.

— С надеждой говорят, что вы вылечите их.

Тамара подняла на него взгляд. Впервые за всё время в её глазах не было холодного анализа. В них было лишь сосредоточенное спокойствие человека, который видит цель и знает путь к ней.

— Тогда пусть говорят дальше. А мы будем работать.

Работа продолжалась. Они были близки к созданию вак-

цины. Но город Шу пока об этом не знал.

В один из вечеров, когда Кир вернулся с рынка, в доме повисла непривычная тишина. Он вошёл, стараясь не поднимать головы, и молча прошёл к своей комнате. Клэр, дремавший у очага, приоткрыл один глаз и тут же насторожился.

— Что случилось? — тихо и испуганно спросил кот, спрыгивая с полки.

— Ничего, — буркнул Кир, но его голос предательски дрогнул.

Тамара, одетая в своё обычное домашнее платье, вышла из лаборатории на звук его шагов. Она замерла, увидев его лицо. Под левым глазом мальчика наливался тёмно-фиолетовый синяк, а губа была разбита. Глаза Тамары яростно округлились.

— Что случилось? — её голос был ровным и требовательным.

— Ничего! — огрызнулся Кир, отшатнувшись от её протянутой руки. — Просто... упал.

Он скрылся в своей комнате, громко стукнув шторкой из деревянных бус. Клэр посмотрел на Тамару, но та лишь едва заметно покачала головой и вернулась к своим колбам. Сейчас было не время для расспросов.

Вечером, как обычно, пришёл Закир. Он неловко топтался на пороге, держа в руках букет из георгинов, возможно, последних в этом году. Кир, понимая, что Тамара, поглощённая своими исследованиями, не скоро отреагирует на приход

гостя, вышел из комнаты, бросив уставший взгляд на Закира. Завидев георгины, Кир раздражённо вздохнул.

— Не надоело зря стараться? — вдруг выпалил он.

Закир опешил, но потом добродушно рассмеялся, приняв это за детскую шутку, да и огромный синяк под глазом Кира казался ему основной причиной его угрюмости.

— Эх, юность... — протянул он и, желая разрядить обстановку, потянулся к Клэру. — А ты, пушистый, тоже любишь георгины?

Кот всё это время сидел на бортике очага, раскладывая травы, которые должны были пойти в специи. Рука Закира замерла в сантиметре от кошачьей головы. Клэр медленно повернулся. В его зелёных глазах не было привычного лукавства или сонливости. Там горела холодная, концентрированная ярость. Воздух в комнате словно сгустился.

— Я вырву твоё сердце и брошу его собакам, — прошипел кот низким, утробным голосом, который никак не мог принадлежать обычному животному.

Кир застыл на месте. Он только сейчас заметил: аура Клэра в этот момент была плотной и тяжёлой, точь-в-точь как в его человеческой форме во время боя с фавном. В этот миг на Закира смотрели не кошачьи глаза Клэра, а сам Клэрис Александрита, готовый порвать его на куски.

В этот же миг сверху послышались лёгкие шаги. На лестницу сквозь шторку из бус вышла Тамара. Клэр мгновенно преобразился. Он спрыгнул с края очага, подбежал к ней и с

громким мурчанием стал тереться о её ноги, требовательно заглядывая в лицо.

— Мой хороший, ты соскучился? — ласково спросила она, наклоняясь и почёсывая его за ухом.

Клэр издал протяжный «мур» и запрыгнул ей на руки, жадно потираясь головой о её щёку. Закир стоял бледный как мел. Он натянуто улыбнулся Тамаре, пытаясь скрыть испуг. Яркие красные бутоны георгинов контрастировали с его бледностью. Закир чувствовал, как волосы на его спине зашевелились. Одарив Клэра достаточной по мнению Тамары лаской, она, не выпуская кота из рук, подошла к Закиру. Он невольно глянул на кота. Тот же не отрывал восхищённых зелёных глаз от своей хозяйки.

— Георгины на языке цветов означают признательность и дружбу, — Тамара коснулась бутонов. — Нам с вами подходят.

Она приняла цветы, и из кухонного шкафа к ней полетела глиняная ваза, по дороге наполнившись водой из стоявшего рядом ведра. Тамара поставила цветы в воду, и ваза сама приземлилась на кухонный стол.

— Спасибо за приятный жест, — Тамара вновь почесала довольного Клэра за ухом. — Отужинайте с нами, расскажите, как дела в Шу. Клэр, накрой на четверых, пожалуйста.

— Хорошо, мур-р-р... — Клэр в последний раз прогладился о щёку Тамары, а затем спрыгнул с её рук и направился к очагу, где уже почти было готово мясное рагу из говядины.

Закир, всё ещё бледный после «демонстрации» со стороны Клэра, неловко присел за стол. Он пытался скрыть дрожь в руках, сжимая чашку с травяным чаем. Клэр, вернувшись в образ идеального фамильяра, ловко накрывал на четверых, раскладывая по глиняным мискам дымящееся рагу из говядины.

— Заражение постепенно удаётся сдерживать, благодаря стараниям «могильщиков» и обработке, — начал Закир, пытаясь вернуть разговор в деловое русло. Он благодарно кивнул Тамаре, когда та поставила вазу с георгинами в центр стола. — К сожалению, в Шу только один человек производит спирт, и она постоянно завышает на него цены. Ратуша выкупила большую часть запаса, чтобы раздать особо нуждающимся, но недавно на склад попытались забраться. Видимо, кто-то настолько отчаялся или решил выгодно перепродать спирт. Замки успели подпилить, но, к счастью залаял сторожевой пёс.

Тамара слушала его вполуха. Пока Закир говорил, она встала из-за стола и подошла к Киру. Не говоря ни слова, она взяла его за подбородок холодными пальцами и аккуратно промокнула разбитую губу чистой тряпицей, смоченной в каком-то едко пахнущем растворе.

— Щиплет? — её голос был лишён эмоций, он звучал как у полевого хирурга.

Кир помотал головой. Он уже немного остыл после вспышки гнева и теперь смотрел на наставницу с насторо-

женным любопытством. Боль от обработки раны странным образом успокаивала, возвращая его в привычный мир, где были четкие причины и следствия.

Внезапно громкий и требовательный стук в дверь оборвал разговор. Клэр замер с половником в лапе и глухо зарычал. Тамара отпустила Кира и выпрямилась, её лицо снова стало непроницаемой маской.

На пороге стояла та самая тучная женщина с рынка, а рядом с ней переминался с ноги на ногу мальчишка Миша. В руках он держал черепки от разбитого кувшина.

— Вот! — взвизгнула женщина, бесцеремонно протискиваясь в дом. Закир вскочил, но Тамара остановила его одним коротким, ледяным взглядом. — Вот этот ваш... у-че-ник! – последнее слово источало яд каждой буквой. — Напал на моего сына! Из-за него разбился ценный кувшин! Достался ещё от свекрови! Я требую справедливости!

Тамара холодно оглядела сначала мальчишку с взъерошенными русыми волосами. На парнишке было лишь пару царапин. Потом взгляд её метнулся на синяк под глазом её дорого ученика. Она быстро поняла, что Кир, как и она наставляла не стал применять магию в конфликте. Брови её на мгновение нахмурились, а зубы сжались. Но почти сразу, Тамара прикрыла глаза и склонила голову, и её почти неосязаемое спокойствие вновь вернулось. Она склонила голову.

— Я приношу извинения за поведение моего ученика, госпожа... — спокойно начала Тамара.

— Но! – попытался вставить слово Кир, но Тамара взглядом остановила его.

— Ты тоже извинись, Кир,— она не поднимала головы.

Кир, получивший удар в самый центр своего чувства справедливости, испуганно смотрел на опущенную голову своей наставницы. Его плечи опустились, мальчик развернулся к женщине, а затем подобно Тамаре склонил голову:

— Мне очень жаль, госпожа, — скрипя сердцем, выдал Кир извинения.

— Жанна! Я Жанна! Владелица пивоварни! И вы мне заплатите! И за молоко, и за кувшин!

Тамара молча выслушала её тираду. Она не стала спорить, не стала выяснять, кто прав, а кто виноват. Она просто уточнила сумму, достала из кармана платья небольшой мешочек и передала женщине. Даже Кир, ещё не до конца осознающий ценность денег, понял, что сумма уж слишком велика. Жанна жадно схватила деньги. Уже уходя, женщина обернулась и бросила через плечо слова, полные яда:

— Гулящая девка с приплодом! Ученик, говорит, — она усмехнулась. — Думаете, если вы из столицы, вам всё можно?! Понаехали тут!

Дверь захлопнулась с грохотом, от которого звякнула посуда на полках. В доме повисла тяжёлая тишина. Кир вскочил, его кулаки были сжаты:

— Но она врёт! Это он меня толкнул! Я ничего не сделал!

Тамара мягко положила руку на его плечо. Лицо её было

расслаблено, уголки губ чуть приподняты.

— Я знаю, — Пальцы Тамары коснулись синяка Кира, помазанного лекарством.

— Это неправдиво! — Кир просто не мог смириться с поражением своей наставницы. — И в этом истина?! Да я просто извинился за свой синяк под глазом!

— Да, — ответила Тамара. — Ты извинился за свой синяк. И сохранил репутацию.

— Репутацию?! — удивился Кир.

— Именно, — Тамара подтолкнула его обратно к столу. – Садись и ешь.

— Какая ещё репутация? — не унимался Кир.

Тамара вернулась за стол и принялась за свою порцию рагу.

— Репутация – это то, что защитит тебя в следующий раз, когда с Жанной или её сыном что-то да случится. Никто не подумает на тебя. А с женщиной, что так бездумно бросается словами, да ещё и завышает цены на спирт, обязательно что-то да случится — она сделала паузу, перемешивая рагу в миске. Уголки её рта вновь приподнялись в едва заметной улыбке. — ...обязательно что-то да случится.

Она перемешала рагу, а потом вновь посмотрела на Кира.

— Ешь. Этой ночью мы идём в горы. Нужно найти сияющие мухоморы. Они нам понадобятся позже, но, если не соберём сейчас — пропустим сезон.

Тамара перевела взгляд на Закира.

— Закир? Проводите нас до ворот?

***

У ворот города Закир неловко топтался на месте, кутаясь в свой грубый плащ. Ночной воздух был сырым и холодным, а свет единственного фонаря выхватывал из темноты лишь небольшой круг грязной земли.

— Вы... точно пойдёте? Ночь на дворе, — в его голосе слышалось искреннее беспокойство.

— Мухоморы нужно собирать при луне, — спокойно ответила Тамара, застёгивая фибулу на вороте своего красного плаща. — Это важно для исследований.

— Будьте осторожны. И... — он посмотрел на Кира, который стоял, скрестив руки на груди и глядя в темноту, потом перевёл взгляд на Тамару. — Если что, знайте, что вы можете рассчитывать на ратушу.

Тамара едва заметно кивнула, принимая его слова.

— Спасибо за ужин и за новости.

Тамара благодарно склонила голову. Она сделала едва заметный жест Киру и Клэру, и все трое отступили глубже в тень, подальше от света фонаря у ворот. Кир подошёл к тёмному краю городской стены. Он всё ещё был обижен. Слова Жанны и собственное унижение жгли его изнутри, а спокойная реакция Тамары казалась ему предательством их общей правды. Он уже собирался шагнуть в темноту, когда почувствовал лёгкое прикосновение к своим волосам. Тамара подошла сзади и мягко погладила его по голове, взъерошив

светлые пряди. Кир замер. Это был редкий, почти забытый жест ласки.

— Ты всё сделал правильно сегодня, — тихо сказала она. — Ты проявил сдержанность. Я горжусь тобой.

Обида Кира, которая казалась ему такой огромной ещё минуту назад, вдруг съёжилась и исчезла. Он поднял на неё глаза.

— Правда?

— Правда, — её голос был всё так же ровен, но в нём появились тёплые нотки. — И чтобы ты не думал, что я совсем бесчувственная...

Она наклонилась к его уху и заговорщически прошептала:

— Можешь забрать домой всю живность, которую найдёшь. Ящерицу, жабу, необычное хищное растение... даже раненую птицу. Только не приноси медведя.

Кир широко раскрыл глаза, а потом его лицо озарила улыбка — искренняя и мальчишеская.

— Спасибо! — выдохнул он. – А что мы скажем Клэру? Он точно будет против.

Они вдвоём бросила взгляд на заскучавшего кота.

— Я с ним договорюсь, — произнесла Тамара с едва заметной усмешкой.

Кир и Тамара посмотрели друг на друга и тихо рассмеялись. В этот момент они были не грозной ведьмой и её учеником, а просто сообщниками в маленькой шалости.

В этот момент из темноты донёсся тихий хлопок воздуха

— звук открывающегося портала. Кир шагнул вперёд и исчез в темноте переулка. Следом за ним бесшумной тенью скользнул Клэр. Тамара посмотрела на лениво сопящих стражников и убедилась, что Закир ушёл, а затем и сама шагнула в портал.

Портал выплюнул их на каменистый склон Велесовых гор. Воздух здесь был разреженным, колким от холода и пах влажной землёй и прелой листвой. Кир поёжился и плотнее закутался в плащ, который Тамара зачаровала от ветра.

Луна, огромная и бледная, висела над острыми пиками, заливая мир призрачным серебром. Под её светом всё казалось нереальным: камни отбрасывали длинные, нечёткие тени, а кривые, низкорослые деревья тянули к небу узловатые ветви, похожие на скрюченные пальцы.

— Туда, — коротко бросила Тамара, указывая на узкую расщелину между двумя валунами, откуда тянуло сыростью и запахом грибов.

Клэр, оставаясь в облике крупного чёрного кота, бесшумно двинулся первым. Его глаза горели в темноте двумя изумрудами, а хвост служил отличным балансиром на скользких камнях. Кир шёл за ним, стараясь не отставать. Они спустились по осыпи в небольшую, почти идеально круглую лощину, со всех сторон закрытую скалами. Здесь было тихо. Ветер не задувал сюда, и казалось, что само время течёт медленнее. И тут Кир увидел их.

У подножия замшелого валуна росла целая колония гри-

бов. Их шляпки, широкие и плоские, испускали мягкое, пульсирующее бледно-голубое свечение. Оно было похоже на свет гнилушек, но живее, чище. Грибы словно дышали в такт неслышной музыке ночи.

— Сияющие мухоморы, — прошептала Тамара. Её голос в этой тишине прозвучал почти кощунственно. — Очень редкий вид. Растут только там, где мана земли сочится на поверхность.

Кир присел на корточки рядом с одним из грибов. Он был заворожён. Свечение отбрасывало на его лицо причудливые тени.

— Они красивые...

— И очень полезные, — деловито заметил Клэр. Но вот только его голос был не кошачьим. А таким каким обычно он говорил, будучи Клэрисом.

Кир от неожиданности вздрогнул и чуть не уронил короб, который держал в руках. Тамара резко обернулась к коту.

— Что ты сказал?

Клэр невозмутимо посмотрел на неё снизу вверх.

— Мяу? — невинно переспросил он, прокашлявшись.

— Показалось, — вздохнула Тамара и покачала головой. — Видимо ветер.

— И очень полезные... — передразнил кота Кир шёпотом, но тут же получил мягкий, но увесистый удар лапой по ноге.

— Они красивые... — снова сказал Клэр уже привычным голосом кота, глядя на Тамару невинными кошачьими гла-

зами. — ...Мяу.

Тамара лишь фыркнула и достала из складок своего плаща небольшой серебряный серп с рукоятью из тёмного дерева.

— Кир, будешь складывать. Только аккуратно, не повреди шляпки.

Следующий час они работали в сосредоточенном молчании. Клэр с удивительной для кота ловкостью срезал грибы с помощью магии, маленькие чёрные круги порталов под каждым грибом позволяли ему «откусывать» их у самого основания. Тамара принимала их у него и передавала Киру, который с величайшей осторожностью укладывал светящиеся трофеи в короб, переложенный мягкими листьями папоротника. Это была простая, почти домашняя работа. Тишина гор успокаивала. Кир чувствовал усталость после долгого дня и эмоциональных потрясений, но эта усталость была приятной.

Когда короб был почти полон, Клэр выпрямился, насколько это возможно для кота, и потянулся, выгнув спину дугой.

— Всё. Этого хватит с лихвой.

Тамара кивнула и выпрямилась, разминая затёкшую спину.

— Отлично поработали. Теперь домой?

— Домой? — переспросил Кир с надеждой в голосе.

— В башню, — поправила себя Тамара с лёгкой улыбкой. — Домой.

— Но сначала — Кир довольно поставил перед Тамарой отдельную корзинку, где уже сидела вся компания: жаба, две ящерицы, несколько жуков оленей и, конечно же (куда без них) несколько кустов венериной мухоловки, заботливо пересаженные с почвой в маленькие мешочки. — Можно их забрать?

Огромные жалостливые глаза Кира смотрели прямо на Тамару. Она тяжело вздохнула, приложив ладонь ко лбу. «Слава Хара, не медведь» — подумала она и под ворчание Клэра разрешила. И никто из них не заметил тонкой струйки дыма, поднимающейся над южным горизонтом в стороне спящего города Шу.

Клэр открыл портал неподалёку от городски ворот с внешней стороны. Им пришлось чуть обогнуть стену, чтобы стражники их заметили и вежливо поприветствовали. Тамара также вежливо кивнула мужчинам в ответ. Кир уже предвкушал, как будет устраивать свой новый «зверинец» в комнате наверху, когда его нос уловил знакомый, но здесь неуместный запах. Дым. Не ароматный дым очага, а едкая, химическая вонь горелого масла и дерева.

— Пахнет... — начал он, но не успел закончить.

Внезапно тишину ночи разорвал оглушительный набат. Тяжёлый, ржавый колокол на ратуше, который, казалось, не звонил десятилетиями, теперь грохотал так, будто хотел разбудить самих богов. Ему вторили крики, доносившиеся с окраин города.

Тамара замерла на месте. Тусклый предрассветный солнечный свет осветил её лицо, и Кир увидел её приподнятые уголки губ. Она резко втянула носом воздух, будто наслаждалась ароматом весеннего цветка.

— Это не просто пожар. Это горит спирт.

Кир испуганно посмотрел на неё.

— Пивоварня Жанны... — прошептал он, и ужас осознания отразился на его лице. — Тама Наставница?

Она не ответила. Её взгляд был устремлён в сторону южного района, откуда валил густой чёрный дым, подсвеченный снизу зловещим оранжевым заревом.

- А теперь - Пожар отразился в красных глазах Тамары. – Нам нужно побежать и помочь!

Её голос, лишённый всякой паники, прозвучал как удар хлыста. Это была не просьба и не предложение, а приказ. Кир вздрогнул, сбрасывая оцепенение. Клэр рванул вперёд, его когти заскрежетали по брусчатке.

Они бежали по просыпающимся улицам. Город, ещё минуту назад спавший, теперь выл и кричал. Из окон высовывались испуганные лица, кто-то в ночной рубахе тащил наспех собранный узел с пожитками. Запах гари становился всё невыносимее, он забивал нос и горло, смешиваясь с запахом расплавленного металла и чего-то сладковато-приторного — запаха горелого зерна. Когда они свернули на улицу, ведущую к пивоварне, Кир увидел, что соседние склады тронуты лишь копотью, но пламя их не коснулось. Весь ад

был сосредоточен в одном месте.

Пивоварня Жанны была полностью охвачена ревущим пламенем. Огонь бушевал внутри, вырываясь из окон и проломленной крыши. Это был не просто пожар, это был погребальный костёр. Соседние здания, склады с зерном и тканями, остались нетронутыми — лишь горячий воздух и искры долетали до их стен.

— Смотрите, — выдохнул Кир, указывая на соседние постройки. — Они... они не горят!

Тамара даже не повернула головы. Её взгляд был прикован к эпицентру огня.

— Конечно, не горят, — спокойно ответила она. — Я контролирую потоки воздуха. Огонь получает столько кислорода, сколько нужно, чтобы уничтожить цель, но не больше. Он задохнётся сам собой, как только прогорит всё внутри.

Её руки были опущены вдоль тела, но Кир видел, как напряжены её плечи. Она управляла пожаром на расстоянии, словно дирижёр — огромным и страшным оркестром.

— Но зачем... зачем нам помогать? — с ужасом прошептал Кир. Он всё ещё не мог понять эту холодную логику.

— Потому что мы должны быть теми, кем кажемся, — отрезала Тамара, не глядя на него. — Мы — добрые соседи. Мы пришли на помощь.

Она резко развернулась к нему.

— Кир! Бери ведро! Клэр! Найди Закира. Нам нужны люди для оцепления, чтобы огонь не перекинулся по крышам

от искр!

Сама она не стала хвататься за вёдра. Вместо этого Тамара вскинула руки к небу. Вокруг неё воздух начал дрожать и сгущаться, в волосах пробежали красные искры. Над несколькими колодцами, разбросанными по площади, один за другим начали появляться вертикальные ряды магических кругов — сложных алхимических символов, светящихся тусклым красным светом.

— Отойдите! — крикнула она.

И огромные потоки воды хлынули из колодцев, подчиняясь её воле. Вода не просто падала вниз — она изгибалась дугой, формируя сплошную стену, и обрушивалась прямо на пивоварню. Это был не хаотичный ливень, а контролируемое уничтожение. Потоки били в самые горячие точки, сбивая пламя и превращая остатки здания в шипящее облако пара.

Кир замер с ведром в руках, заворожённый этим зрелищем. Он видел силу Тамары и раньше, но никогда — в таком масштабе и с такой холодной точностью. Она не тушила пожар. Она исполняла приговор.

— Госпожа Светлана! — раздался задыхающийся голос.

К ним, спотыкаясь, бежал Закир. Он был помят так, будто и правда только что вскочил с кровати: одна штанина заправлена в сапог, а другая нет, рубашка застёгнута криво, на щеке отпечатался узор от подушки, а волосы стояли дыбом. В руках он сжимал свой плащ, который так и не успел накинуть.

— Как... как вы так быстро оказались здесь?! — воскликнул он, задыхаясь после бега и с ужасом глядя на дымящиеся руины. Его взгляд метнулся от Тамары к магическим кругам над колодцами, которые медленно гасли.

— Мы только вернулись в город, — ответила Тамара, чуть улыбнувшись. — Увидели пожар и решили помочь.

Её ответ ещё не успел повиснуть в воздухе, как из толпы, собравшейся поглазеть на пожар, раздался визгливый, полный ненависти голос:

— Это она! Ведьма! Я видела! Это её рук дело!

Расталкивая зевак, к ним пробилась Жанна. Её платье было прожжено в нескольких местах, лицо и руки покрыты копотью. Рядом с ней, испуганно озираясь, семенил Миша.

— Ты! — Жанна ткнула грязным пальцем в Тамару. — Ты подожгла мою пивоварню! Из-за того кувшина! Пришла и отомстила!

Толпа на мгновение затихла, ожидая ответа ведьмы. Но Тамара даже не изменилась в лице. Она лишь слегка приподняла бровь. Однако первой ответила не она.

— Врёт она, господин городничай! — раздался басовитый голос одного из стражников, которые стояли у ворот, они покинули посты, чтобы помочь с тушением. Он выступил вперёд, снимая шлем. — Мы сами видели, как госпожа Светлана с учеником и котом только-только в город вошли. А пожар уже вовсю полыхал, крышу аж у ворот видать было!

— Точно! — поддержал его второй стражник.

Толпа зашумела. Люди начали перешёптываться.

— А ведь и правда...

— Видели их у ворот...

— Не могла она...

Жанна побагровела. Она поняла, что её обвинение рушится.

— Да вы... да вы все с ней в сговоре! — взвизгнула она.

И тут вперёд вышел Закир. Его взгляд был холодным и тяжёлым.

— Госпожа Светлана только что прошла через ворота, когда пожар уже бушевал, — громко и чётко произнёс он, обводя взглядом толпу. — Стража это подтвердит. Я лично проводил их до ворот минувшим вечером.

Он повернулся к Жанне, и в его голосе зазвучали стальные нотки:

— Госпожа Жанна. Снова хочешь заработать денег на невиновных? Сначала спросила с неё за разбитый кувшин, хотя это твой сын побил её ученика, а теперь за свою пивоварню? Очевидно, что хватало тех, кто хочет с тобой расквитаться за твои... дела.

Толпа взорвалась криками. Теперь уже в сторону Жанны и её сына летели не камни, а слова:

— Завышала цены на спирт!

— Жадная тварь!

— Так ей и надо!

Жанна задохнулась от возмущения. Она хотела что-то

сказать, но лишь хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Миша испуганно спрятался за её спину. Тамара молча наблюдала за этой сценой. Когда крики толпы стали стихать, она сделала шаг вперёд. Её голос прозвучал тихо, но его услышали все.

— Я соболезную вашей потере, госпожа Жанна. Это страшная трагедия.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла прочь. Кир и Клэр поспешили за ней, провожаемые взглядами толпы и стражи. Когда они отошли достаточно далеко, и шум города стих, Кир тихо спросил:

— Наставница... как?

Тамара шла, глядя прямо перед собой.

— Огненные камни. Очень полезная вещь. Они разгораются не сразу, а через несколько часов. А когда догорают, рассыпаются в пыль. Никто не поймёт, что пожар был магическим.

Кир посмотрел на Клэра. Кот шёл рядом с Тамарой с невозмутимым видом, словно ничего не произошло. Но Кир всё понял. Камень не мог сам по себе переместиться в пивоварню. Клэр был её прямым соучастником.

— Кир, — позвала Тамара. — Мне не нравится этот способ, — призналась она. — Я ненавижу интриги и хитросплетения. Это просто противоречит моей натуре. Я хочу искать истину, а не устраивать постановки на площадях.

— Я знаю, — Кир взял её за руку. — Прости, что из-за

меня

— Нет, Кир, — перебила его Тамара, — Это ты прости мне мою неосмотрительность. Я должна была лучше защищать тебя. Как я и сказала, мне всё это не нравится, но, если кто-то укусит меня, тебя или Клэра первым, я это сделаю.

Кир ничего не ответил. Они направлялись в сторону дома, их лица освещал рассвет.

АКТ II: За пределами зачарованного леса. Глава 9: Горькое лекарство

Солнечный свет с трудом пробивался сквозь мутные окна ратуши. Закир выглядел измотанным. Последние дни были похожи на бесконечный бег по кругу: жалобы горожан, нехватка спирта, страх в глазах людей. Всё превратилось в один сплошной кошмар из нужды и тревоги, охватывавшей город. Пару дней назад городская стража обнаружила мёртвую пожилую пару. Они умерли от нехватки воздуха, как сказал лекарь. Они настолько боялись миазмов, что замуровались в собственном доме. Отсутствие спирта усиливало панику.

Когда Тамара вошла в его кабинет, отчего шторка из деревянных бус создала мелодию из стука, держа в руках небольшой, но увесистый бочонок, он даже не сразу понял, что происходит.

— Что это? — он поднял взгляд от вороха бумаг, устало потирая переносицу.

— Решение главной проблемы, — голос Тамары был ровным и деловым. Она поставила бочонок на стол. По кабинету тут же разнёсся резкий, запах чистого спирта. — И вашей личной головной боли.

Закир принюхался, и в его глазах впервые за неделю зажёгся огонёк интереса, смешанный с недоверием.

— Жанна?

— Больше не монополист, — отрезала Тамара, присаживаясь на край стола. — Я научила старого Августа делать спирт. Его винодельня на востоке города не самая прибыльная. Вино здесь роскошь, пиво куда популярней из-за доступности. Так что, когда я предложила ему продавать спирт по своей технологии, он с превеликой радостью согласился. Вино сейчас – недопустимая роскошь, а вот дешёвый спирт для дезинфекции — необходимость.

— И какова цена? — Закир прищурился. Он слишком хорошо знал, что за всё в этом мире приходится платить.

— Два условия, — ведьма загнула пальцы. — Первое: весь спирт для меня лично — бесплатно. Это не обсуждается. Второе: я взяла с Августа клятву не задирать цены для горожан. Также он будет продавать спирт ратуше по себестоимости. А вы, господин городничий, будьте добры снизить старику налоги до конца эпидемии.

Закир откинулся на спинку кресла и расхохотался. Это был горький, но облегчённый смех.

— Вы... вы просто разорили её экономически. Уничтожили дело всей её жизни! Жанна просто этого не переживёт.

— Я решила проблему системно, а не точечно, — пожала плечами Тамара. — Глупо тратить ресурсы на месть, когда можно извлечь пользу. Теперь у города есть спирт. А у нас

есть всё необходимое для следующего шага.

Она щёлкнула пальцами, и в кабинет вошёл Кир. В руках он держал небольшой стеклянный флакон, наполненный жидкостью рубинового цвета, которая, казалось, слабо светилась изнутри.

— Это? — голос Закира стал тише.

— Прививка, — ответила Тамара. Она взяла флакон из рук Кира и поставила его перед городничим. — Мы выделили патоген. Купировали его активность. Теперь болезнь будет протекать в лёгкой форме, вырабатывая иммунитет. Важно. Это не исцелит больных, просто остановит эпидемию, потому что новых заболевших не будет.

Закир смотрел на флакон так, будто это был мифический артефакт.

— Даже только это спасёт нас от гибели. И вы... продаёте это?

— Я продаю это вам, господин городничий. И рецепт тоже входит в стоимость. Ратуша сможет производить его самостоятельно через пару недель.

Закир колебался. Он перевёл взгляд с флакона на спокойное лицо ведьмы.

— Светлана... как я могу быть уверен? Вдруг это пустышка? Или яд? Вы чужаки...

Тамара усмехнулась уголком губ. Это была не улыбка, а констатация факта.

— Посмотрите в окно, Закир.

Он непонимающе нахмурился, но подошёл к узкому окну-бойнице. Тамара встала рядом.

— Видите тот район? Башня старого гончара. Наш дом.

Закир кивнул.

— Люди там не болеют, Закир. Ни один из них. Ни мы с учеником, ни соседи... Знаете почему?

Закир припомнил статистику по заражениям в Шу. Это было правдой. В районе, где жили ведьма и её ученик, не было не единого заражённого за последнюю неделю. Она сделала паузу, дожидаясь, пока до него дойдёт.

— Я заразила их. Ослабленным штаммом, через воду. Это был единственный способ проверить действие вакцины в реальном времени, не теряя недели на уговоры добровольцев. Я добавила зелье в колодец окало недели назад. Это был контролируемый эксперимент. Мы живое доказательство того, что это работает.

Закир застыл. Его спина напряглась так, будто он увидел призрака за своим плечом. Он медленно повернул голову и посмотрел на Тамару уже совсем другими глазами. В них больше не было усталости или простого интереса. Там плескался первобытный ужас... смешанный с чем-то ещё. С трепетом.

Он смотрел на неё так, как человек смотрит на грозу или на горный обвал — явление природы, которое невозможно остановить и которому невозможно противостоять.

— Вы... — его голос сорвался на шёпот. — Вы использо-

вали их как подопытных...

Тамара лениво перевела на него взгляд своих красных глаз. В них не было ни капли раскаяния или злорадства. Лишь бесконечная усталость учёного, которому в сотый раз приходится объяснять очевидное.

— Да, — она не стала отрицать. — И этим спасла им жизни.

В этот момент Закир понял всё. Он понял пропасть между ними. Он был человеком: он чувствовал вину за то, что не может спасти всех сразу; он боялся принимать решения; он пытался быть справедливым и милосердным. А она... она была выше этого. Она была истиной в чистом виде. Беспощадной и прекрасной. Его страх перед ней испарился, уступив место чему-то гораздо более глубокому и болезненному. Это было благоговение. Он молчал ещё несколько долгих секунд, глядя то на флакон на столе, то на её холодное лицо у окна. Затем он резко развернулся к ней всем телом. Решение было принято.

— Я покупаю всё. Весь запас. И рецепт.

Он решил заключить сделку с прекрасным дьяволом, потому что высокомерный милосердный ангел не обратил на него своего взора. Тамара кивнула Киру. Мальчик достал из сумки свиток и положил его рядом с флаконом.

— Деньги вперёд, — холодно добавила ведьма.

Закир не стал спорить. Он подошёл к столу, глядя ей прямо в глаза с этой новой смесью страха и восхищения. Тяжё-

лый кошель глухо ударился о столешницу. Этот звук оборвал повисшую тишину. Для Тамары это был просто звук завершённой сделки. Для Закира — первый удар колокола, возвещающий о конце эпидемии... и о том, что его сердце отныне и навсегда принадлежит женщине, которая была страшнее любого монстра из сказок.

Взгляд Закира вдруг столкнулся со взглядом ученика Кира. Мальчик смотрел на него со смесью насмешки и лёгкого призрения, как будто говоря: «Ну что? Понял наконец?». Кир перевёл взгляд на наставницу, увлечённо рассматривавшую узор смазанной охры на потолке.

— Что дальше? — спросил он с интересом.

— Ну, мы преодолели первый этап, — задумчиво произнесла Тамара. — Заражение остановлено. Теперь пора бы приступить к методам лечения. Нужно осмотреть больных, пока господин городничий займётся вакцинацией населения.

Они вдвоём беседовали так. Будто Закира здесь не было. Или, может, он просто не имел значения для них. Это был священный ритуал между учителем и учеником. Процесс передачи истины. А Закир в нём не более, чем просто элемент фона. Интерьер. Часть мебели.

— Понятно, — кивнул Кир.

— Было бы неплохо, проводи вы нас в отрезанный район Шу, — Тамара перевела взгляд на Закира.

Они вышли на улицу, и Кир невольно замедлил шаг. Воз-

дух здесь был другим — плотным, пропитанным запахами дыма и спирта. Он сделал несколько шагов назад, отстав от Тамары и Закира. Кир обернулся и посмотрел на ратушу. С этого ракурса кривизна её стен и покосившаяся башня были видны особенно отчётливо. Здание казалось не просто старым, а уставшим, больным, словно оно страдало от той же хвори, что и весь город. Оно было частью этого пейзажа, его логичным завершением. Грубое, несовершенное, но... живое. Тамара заметила его заминку. Она остановилась, позволив Закиру пройти чуть вперёд, и едва заметно улыбнулась уголками губ. В этой улыбке не было тепла — лишь удовлетворение учителя, видящего правильный ответ на доске.

— Ну что? — её голос был тихим, чтобы не привлекать лишнего внимания. — Ты всё ещё считаешь, что эту ратушу стоит перестроить? Сделать её ровной, гладкой... похожей на центральные?

Кир смотрел на здание ещё несколько секунд. Он думал о том, что говорила ранее Тамара. О щите. О том, что на щит не тратят мрамор.

— Нет, — наконец ответил он твёрдо. Его голос прозвучал неожиданно взросло. — Она такая, какая есть. В этом городе. Кривая и уродливая, но всё же... гордая в своей истории.

Он перевёл взгляд на Тамару. В его красных глазах плясали искры понимания.

— Ей положено отстоять до тех пор, пока время не срав-

няет её с землёй. Только тогда ей положено измениться. Но она не должна быть как ратуши в центральном Рюлеле. Наоборот. Она должна быть ратушей Шу. Но уже не такой кривой. К тому моменту, как нынешняя ратуша перестанет существовать... — он сделал паузу, подбирая слова, — ...люди здесь уже достаточно освоят ремёсла, чтобы возвести что-то прекрасное, но в то же время особенное.

Тамара смотрела на него молча несколько долгих секунд. А затем её рука взметнулась вверх и мягко, почти нежно, опустилась на его светлую макушку.

— Отлично сказано, ученик, — произнесла она без тени иронии. В её голосе звучала неподдельная гордость.

Она убрала руку и снова посмотрела на здание. Её взгляд стал отстранённым, словно она видела не глину и солому, а будущее этого города.

— Знаешь, почему я так строга к людям? — спросила она, не глядя на Кира. Её голос был тихим. — Потому что я верю в них. Сейчас они способны на большее, чем десять лет назад. А ещё через десять лет будут способны на большее, чем сейчас. Всё, что для этого нужно — это вскрыть их проблемы и отсечь всё неэффективное естественными препятствиями и испытаниями.

Она наконец повернулась к нему. Её красные глаза сверкнули.

— Мы можем им помочь. Но нам нужно точно осознавать последствия своей помощи. Помощь должна быть помощью,

а не чудом, иначе это уже яд.

Ветер растрепал волосы Кира. Он грустно улыбнулся, и в его глазах сверкнул тот же алый огонек, что и у наставницы.

— Яд обычно сладкий, — произнёс он тихо. — Лекарство же всегда горькое на вкус.

Тамара ничего не ответила. Она лишь едва заметно кивнула, и в этом кивке было больше гордости, чем во всех словах похвалы. В этот момент из переулка вылетел чёрный вихрь.

Клэр, запыхавшийся и явно раздражённый тем, что пропустил самое интересное, пулей промчался мимо Закира, намеренно задев его ногу хвостом и одарив городничего самым холодным взглядом, на который только был способен кот. С грацией хищника он запрыгнул на плечо Тамаре и требовательно ткнулся мокрым носом ей в шею. Закир лишь вздохнул и отвернулся.

Они двинулись дальше по улице. Шли молча. Кир всё ещё переваривал похвалу наставницы, её слова о «яде» и свою роль во всех этих истинах, Тамара была погружена в свои мысли, а Закир просто старался не отставать от этой странной компании. Внезапно тишину нарушил громкий, надтреснутый голос:

— Покайтесь! Гнев Богов пал на вас за грехи ваши! Оспа — это кара!

Из-за угла дома вышла процессия. Это были люди в грубых серых хламидах с капюшонами, скрывающими лица. На их шеях болтались амулеты из дерева и кости. Их было

немного — человек десять, не больше — но шли они решительно, преграждая путь и бормоча под нос заунывные молитвы. Во главе процессии шагал высокий худой мужчина с всклокоченной седой бородой. В руках он держал грубо вырезанный из дерева посох, которым он то и дело стучал по брусчатке, словно пытаясь разбудить спящих богов.

— Вы видите эти язвы? — он ткнул пальцем в сторону заколоченного окна дома, мимо которого они проходили (хотя видеть что-либо сквозь доски было невозможно). — Это метка греха! Только вера в Священную Царевну Кристину может очистить вас! Молитесь! Приносите дары! Ибо она есть свет, а вы погрязли во тьме!

Культисты начали окружать их небольшой, но плотной группой. Один из них, дёрганый парень с бегающими глазами, попытался схватить Кира за рукав.

— Дитя! Твои глаза! Они цвета крови! Ты отмечен скверной!

В этот момент воздух словно сгустился. Клэр на плече Тамары яростно зашипел, а сама Тамара резко остановилась. Она не повернула головы, но её рука метнулась в сторону, как змея. Пальцы сомкнулись на запястье дёрганого фанатика. Сжала она с такой силой, что парень вскрикнул и рухнул на колени. В чёрных волосах ведьмы заплясали алые искры, похожие на крошечные капли крови.

— Ты, ничтожество, — голос Тамары был холоднее льда. Она даже не повысила тона, но казалось, что температура

вокруг упала на несколько градусов. — Какая ещё скверна? У твоей «Святой» глаза точно такого же цвета.

Она разжала пальцы так же внезапно, как и схватила. Фанатик отшатнулся, баюкая онемевшую руку и глядя на Тамару с животным ужасом. Клэр спрыгнул с плеча Тамары и встал перед Киром, низко прижав уши и шипя на всю процессию, словно живой щит. Тамара же, как ни в чём не бывало, поправила подол своего красного плаща и перевела взгляд на седобородого проповедника.

— Что это за чудики? — её голос был ровным, почти скучающим. Она обращалась к Закиру так, будто только что не демонстрировала магию и жестокость.

Закир, который сам был напуган этой вспышкой, нервно сглотнул.

— Культ Священной Царевны Кристины, — Закир почти выплюнул фразу. — У нас в Шу их не так много. Да и появились уже после начала оспы. Кажется, они пришли вместе с «могильщиками».

— Она уже и культом успела обзавестись, — Тамара продолжала рассматривать рукав своей белой рубашки.

Закир молчал несколько секунд, собираясь с мыслями. Ему, как человеку практичному, было неловко за поведение своих сограждан.

— Не судите их строго, Светлана, — наконец произнёс он, глядя прямо перед собой. — Люди напуганы. Когда смерть ходит по улицам, а лекари только разводят руками... надежда

на чудо — это всё, что у них остаётся. Это... по-человечески.

Тамара лениво пожала плечами, не сбавляя шага. Красный плащ колыхался в такт её шагам, словно живое пламя.

— По-человечески — значит иррационально. Я не сужу. Я констатирую факт: страх делает людей глупыми.

— Мы сами их не жалуем, — продолжил Закир, и в его голосе появилась нотка злости. — Местные жители гоняют их палками, когда культисты пытаются собирать «пожертвования» у колодцев. Они говорят, что те приносят неудачу.

Тамара впервые за весь разговор проявила настоящий интерес. Она чуть склонила голову и посмотрела на Закира с любопытством.

— Вот как? — в её голосе прозвучало приятное удивление. — Люди сопротивляются суевериям? С помощью суеверия? Это даже... обнадёживает.

— Они говорят, что настоящая помощь пришла не от далёкой Святой, а от вас, — Закир кивнул в сторону Кира. — От вас и вашего ученика. От той, кто живёт здесь, дышит тем же воздухом и рискует так же, как и все. Кристина где-то там, в своём дворце. А вы — здесь.

Он замолчал на секунду, а затем задал вопрос, который, видимо, мучил его самого:

— Но всё же... если бы сила Кристины была здесь, она бы помогла?

Тамара ответила не сразу. Она посмотрела на облупившуюся стену дома, мимо которого они проходили.

— Да. Помогла бы. Карантинный район бы мгновенно выздоровел. Все язвы бы затянулись, жар спал.

Она сделала паузу, и в этой паузе чувствовалось неизбежное «но».

— Но... — Закир подался вперёд, ожидая продолжения.

— ...вновь бы заболел. Через неделю. Через месяц. Год.

Закир непонимающе нахмурился.

— Почему?

— Потому что магия Кристины — это очищение, а не обучение, — объяснила Тамара ровным тоном лектора. — Она убирает симптом, но не учит тело бороться. Коллективного иммунитета нет. Болезнь вернётся. Например, её вновь принесут олени с весенней миграцией.

Она остановилась и посмотрела Закиру прямо в глаза. Её взгляд был пронзительным и абсолютно безразличным одновременно.

— Я предлагаю решение. Не утешение. За утешением вам к Святой Царевне, а не ко мне. – Тамара лукаво улыбнулась, и с этими словами она отвернулась и продолжила путь к карантинному району, оставив Закира размышлять над её словами.

Кир же шёл рядом с ней молча. Он слушал весь диалог очень внимательно. Слова о «сладком яде» и «горьком лекарстве» эхом отдавались в его голове. Теперь он понял всё самостоятельно. Исцеление Кристины было бы быть мгновенным и приятным, но бесполезным в долгой перспективе

— сладким ядом. Прививка Тамары была трудной и требовала времени, но давала настоящую защиту — горькое лекарство. Он посмотрел на наставницу с новым уважением и... лёгким страхом. Она видела мир не так, как другие. Она видела его на десять шагов вперёд.

Спустя час они вошли в карантинную зону.

Воздух здесь был другим. Он был густым, тяжёлым и пах не просто дымом и болезнью, а смертью. Это был запах мокрой золы, немытых тел, гноя и чего-то сладковато-приторного, от чего к горлу подкатывал ком.

Карантинная зона представляла собой лабиринт из наспех сколоченных деревянных бараков и палаток из грубой ткани. Повсюду сновали люди в чёрных кожаных одеждах — «могильщики». Их лица были скрыты за жуткими масками из кожи и стекла, делавшими их похожими на гигантских насекомых. Но самым страшным был звук. Это не были крики или стоны. Это была тишина, нарушаемая лишь глухим кашлем, хриплым дыханием и мерным треском огромного костра, горевшего в центре площади. Больной Шу был хоть и болен, но жив. Карантинная зона была смертью в её самом наглядном выступлении.

Кир остановился как вкопанный. Его взгляд был прикован к костру. В пламени, облизывавшем почерневшие брёвна, он увидел не просто дрова. Там были тела. Обёрнутые в грубую ткань, они лежали на вершине погребального костра, ожидая своей очереди быть поглощёнными огнём. Он

осознал страшную и циничную правду. Тел так много, что хоронить их просто некогда. Мальчик побледнел. Его рука непроизвольно сжалась в кулак.

— Кир, — голос Тамары прозвучал неожиданно мягко. Она не кричала и не приказывала. Она просто положила свою руку ему на плечо. Прикосновение было твёрдым и тёплым. — Дыши. Смотри, но не позволяй этому парализовать твой разум.

Её красные глаза встретились с его. В них не было жалости, только холодное понимание.

— Ты ещё ребёнок, которому рано видеть подобное. Но я вижу, что ты справишься. Ты сильнее, чем кажешься.

Кир судорожно кивнул, сглатывая подступившую тошноту. Он заставил себя отвести взгляд от костра и посмотреть на наставницу с упрямой решимостью.

Они двинулись дальше. Картина была кошмарной. Люди лежали прямо на земле, на соломенных подстилках. Их тела были покрыты страшными оспинами — гнойными язвами, из которых сочилась сукровица. Кожа вокруг них была воспалённой и багровой. Многие бредили от жара, их дыхание было поверхностным и хриплым. Но посреди этого ужаса царил порядок.

«Могильщики» работали слаженно, как единый механизм. Они не просто ждали смерти. Они разделяли больных. В одной части зоны лежали те, у кого был шанс — их поили водой с травами, обтирали влажной тканью. В другой

— умирающие, которым уже ничем нельзя было помочь. Им просто облегчали последние часы. Тамара окинула взглядом небольшое маковое поле.

— Опиум, значит, — произнесла Тамара.

Кир посмотрел на наставницу. Она что-то вспомнила. Не знание или факт. Она вспомнила что-то из прошлого, в котором не было Кира. Мальчик осторожно взял её за руку.

— Что такое опиум? — спросил он.

— Отрава, которая уменьшает боль смерти, — ответила Тамара. — Ею поят и тяжело раненных людей, — Тамара вновь посмотрела на красные маки. – Опиум хорош как срочное решение здесь и сейчас. Его дёшево производить, но он также и вызывает страшную зависимость. Если этим людям повезёт пережить муки болезни. В будущем они могут стать зависимыми от опиума. И это будет одним из самых страшных последствий оленьей оспы.

Тамара отвела взгляд от маков, поддерживаемых чьей-то слабой магией в начале зимы. Будто-то бы пытаясь найти утешение, она переключила внимание на «могильщиков».

— Смотри, — тихо сказала Тамара Киру. — Несмотря на весь этот кошмар... они поступают эффективно. Помещения проветриваются. За больными ведётся уход. Это не слепая паника. Это система выживания.

Кир заставил себя смотреть не на лица умирающих, а на то, как им помогали. Он видел логику там, где царил хаос. Тамара и Кир разошлись по разным группам больных. Она

действовала как хирург: быстро, точно и безэмоционально. Она осматривала язвы, щупала пульс на шее, заглядывала в глаза.

— Этих поить каждые два часа... — бормотала она себе под нос, переходя к следующему больному. — Этих держать в тепле... Этих изолировать от остальных...

Кир старался копировать её действия, хотя его руки дрожали. Он собирал образцы — склянки с кровью из вены, Тамара показала ему как, мазки слюны с губ больных. Запах гноя был невыносим. Клэр всё это время оставался безмолвной тенью за плечом Тамары. Его кошачьи глаза цепко следили за всем происходящим: за больными, за «могильщиками», за Киром. Внезапно его взгляд замер.

На крыльце одного из бараков сидел мужчина в маске «могильщика». Он устало прислонился к стене и смотрел прямо на них. Что-то в его позе было до боли знакомым. А потом Кир заметил его левую руку. Пустой рукав черного плаща был заправлен за пояс.

Взгляд мужчины встретился со взглядом Клэра. Всего на мгновение. В глазах незнакомца в маске промелькнуло узнавание — дикое, неверящее... а затем он резко отвернулся и натянул капюшон глубже на лицо, словно пытаясь спрятаться. Клэр замер каменным изваянием. Зрачки кошачьих глаз расширились.

— Хватит, — голос Тамары прозвучал резко, немного устало, вырывая Кира из оцепенения. — Мы собрали доста-

точно образцов. Здесь больше нечего делать.

Она подошла к ученику и мягко, но настойчиво повела его прочь от бараков — обратно к выходу из этого ада на земле. Клэр бросил последний взгляд на сгорбленную фигуру на крыльце и бесшумной тенью последовал за ними. Его хвост нервно подрагивал.

***

Прошло ещё две недели. Город Шу гудел, как растревоженный улей. Перед ратушей выстроилась огромная очередь, тянувшаяся через всю площадь. Люди стояли плечом к плечу, молчаливые и напряжённые. Это была очередь за надеждой. «Могильщики» и стражники организовали процесс: вход через одну дверь, выход через другую. Каждый, кто получал свою порцию рубинового зелья, выходил с бледным лицом, но с твёрдой решимостью в глазах. Тамара и Кир наблюдали за этим издалека, стоя на крыше своего дома-башни. Отсюда очередь казалась тонкой чёрной змеёй, ползущей по серой брусчатке.

— Как скот в загоне, — тихо произнёс Кир, кутаясь в плащ. Декабрьский ветер пробирал до костей.

— Эффективный загон, — кивнула Тамара, не отрывая взгляда от толпы. — Закир справляется. Теперь у нас есть время заняться главным.

«Главным» была лаборатория на крыше. Под магическим куполом, сохранявшим тепло, Кир ухаживал за своим «огородом», календула, шалфей тянулись к небу несмотря на зи-

му, а всё остальное пространство было заставлено алхимическим оборудованием. В центре внимания стояли два больших стеклянных сосуда с отваром из мухоморов, собранных в ту роковую ночь, когда Тамара провернула своё идеальное преступление.

— Наставница, — Кир помешивал варево длинной стеклянной палочкой. — Я всё думаю... Мы видели там много ужей. И ты говорила про их чешую. А мухоморы? Они ведь тоже росли рядом с водой.

Тамара, сидевшая над кипой исписанных формулами листов, подняла голову. В её глазах зажегся исследовательский огонёк.

— Верно мыслишь. Красные ужи почти не умирают от оспы. Они много времени проводят в сырых расщелинах. А там... — она сделала паузу для эффекта, — ...растут грибы.

Она подошла к котлу и принюхалась к пару.

— Об обеззараживающих свойствах грибов известно не одному поколению травников. Но... — она вздохнула и посмотрела на Кира, — ...проблема ровно та же, что и с вакциной.

— Никак не хватит на всех? — закончил за неё Кир.

— Именно. Никакой опушки леса не хватит, чтобы сварить зелье для целого города. Это вспомогательное средство, не лекарство.

Кир отложил палочку и сел на деревянный ящик, выглядя совершенно подавленным.

— Тогда почему мы сначала занялись вакциной, а не лекарством? — спросил он с горечью в голосе. — Если бы лекарство было готово раньше...

Тамара отложила свои записи и села рядом с ним. Она не стала сразу отвечать на вопрос. Она смотрела на него так, будто видела его насквозь.

— Ты винишь себя? — её голос был неожиданно мягким.

Кир вздрогнул и отвёл взгляд.

— Мы могли бы работать быстрее...

Тамара покачала головой.

— Мы здесь совершенно ни при чём, Кир. Мы — залётные птицы. Не наша вина, что люди не ценят медицину. Будь в этом городе хоть дюжина среднёхоньких лекарей, мы могли бы поручить им вакцинацию и заниматься только исследованием лекарства. Но их нет.

Она взяла его за подбородок и заставила посмотреть ей в глаза.

— Послушай меня. Я не бог. Я просто человек без сердца и с магией. Все знания я добывала сама, всю свою жизнь. А потом учила тебя, и ты учился так же старательно. Мы не должны чувствовать себя виноватыми из-за того, что можем помочь.

Она отпустила его подбородок и выпрямилась.

— Мы можем не спать сутками и не есть неделями. Но почему мы должны страдать? Никогда не вреди себе, чтобы спасти того, кто оказался в опасности из-за своей глупости,

Кир.

Она наклонилась к нему ближе и понизила голос:

— К тому же... если мы свалимся от усталости, мы рискуем сами заболеть. А это приведёт к ещё большим жертвам.

Кир молчал, обдумывая её слова. Логика вновь была холодной, но справедливой.

Внизу, в тёплой кухне, Клэр занимался хозяйством. Он ловко орудовал ножом, нарезая овощи для рагу, готовить он действительно научился отменно. Тишину нарушал лишь треск поленьев в очаге.

Внезапно в окно что-то ударилось. Тихо, но настойчиво. Клэр поднял голову и увидел маленького воробья, который бился крыльями о стекло с той стороны. На лапке птицы была привязана тонкая полоска ткани.

— Он вообще не собирается сдаваться? — тяжело вздохнул Клэр.

Он перевёл взгляд на воробья. В кошачьем теле на птицу смотрел уже не домашний кот, а Клэрис Александрита.

— Скоро ужин Прочь!

Птица встрепенулась, словно услышав угрозу в его шипении, и улетела обратно в сторону города. Клэр ещё несколько секунд смотрел ей вслед, а затем молча вернулся к своему занятию. Он принялся раскладывать дымящееся рагу по мискам, словно ничего не произошло.

***

Ночь укрыла Шу плотным, тяжёлым одеялом. На крыше

башни, под куполом защитной магии, было тихо. Кир спал в своей комнате на втором этаже, свернувшись калачиком под тёплым одеялом. В главной комнате-гостиной, у остывающего очага, на широком матрасе спала Тамара. Рядом с ней, свернувшись огромным чёрным клубком и уткнувшись носом ей в плечо, дремал Клэр. Его кошачий слух был невероятно чуток. Сквозь сон он уловил тихий, но настойчивый стук. Не звук шагов и не треск ветки. Это был стук маленького клюва о магический барьер, окружавший их дом.

Клэр приоткрыл один глаз. Воробей. Тот самый.

Инстинкт сработал быстрее разума. Кот бесшумно спрыгнул с кровати, не потревожив Тамару. Он мягко приземлился на четыре лапы и замер, глядя на птицу через окно. Воробей бился о невидимую стену барьера, пытаясь прорваться внутрь.

— Прочь, — прошипел Клэр.

Воробей на мгновение замер, а затем резко развернулся и полетел прочь от башни, в сторону лабиринта тёмных переулков Шу.

Решение было принято мгновенно. Это была не просто птица. Это был вызов.

Кот выскользнул через приоткрытую дверь на внешнюю лестницу. Холодный ветер ударил в морду. Он не стал тратить время на осторожность. Сбросив с себя кошачью шкуру прямо в прыжке, он обратился в человека. Белую рубашку пронизывал холодный зимний ветер. Он приземлился на

крышу соседнего дома и бросился в погоню. Для него это была не погоня за птицей, а охота. Он перепрыгивал с крыши на крышу, его движения были отточены годами тренировок и войны. Он был хищником, загоняющим добычу.

Воробей юркнул в узкий проулок между двумя высокими зданиями. Клэр последовал за ним без раздумий. Его пальцы сжали хрупкое тельце птицы. Приземлившись в тёмном тупике, он выпрямился во весь рост. Его светлые волосы растрепались, зелёные глаза горели яростью в темноте.

— Выходи! — прорычал он в пустоту.

Тишина. А затем — шорох плаща и тихий смешок из самого тёмного угла.

— Я так и знал, что это ты.

Из тени шагнула фигура. В слабом свете луны блеснула знакомая сталь нагрудника под грубой одеждой «могильщика». Фигура была крепкой, но один рукав плаща был пуст и заправлен за пояс.

Клэр не стал разговаривать. Он атаковал первым. Это была короткая, яростная схватка. Двое мужчин, когда-то бывших братьями по оружию, теперь кружили в смертельном танце в грязном переулке. Но Клэр был быстрее, злее и не обременён одной рукой. Он провёл обманный выпад, подсёк ногу противника и повалил его на землю, прижав коленом грудь и приставив кинжал к горлу.

— Снимай маску! — приказал Клэр хриплым от ярости голосом.

Мужчина уцелевшей правой рукой стянул защитную маску со своего лица. Клэрис знал, кем он окажется уже сейчас, но в груди всё равно что-то укололо. Лицо его осунулось, морщины прокрались в уголки глаз, а носогубная складка стала отчетливее. Грубая щетина покрыла щёки, а в черных волосах в лунном свете блестели редкие седые волосы. Голубые глаза Дмитрия всё, что осталось от него. Эти прозрачнее, как лёд глаза.

— Что ты здесь забыл? — голос Клэра прозвучал глухо и устало. Ярость схлынула так же быстро, как и появилась.

Дмитрий глубоко вздохнул, глядя на лезвие у своего горла.

— Мы не «добровольцы», Клэрис... Мы — Гвардия Царя Виктора.

Клэр прищурился, но нож не убрал.

— Продолжай.

— Нас прислали сюда с двумя приказами. Первый — помочь с эпидемией... — Дмитрий горько усмехнулся. — Второй — если эпидемия обернётся бунтом... подавить его.

Клэр молчал, ожидая продолжения. Его зелёные глаза горели в лунном свете холодной яростью убийцы.

— Но тебе нечего бояться, Клэрис... — Дмитрий посмотрел ему прямо в глаза. — Только я знаю вас с ней в лицо. Остальные... это просто юнцы из столицы. Они никогда не видели ни Кровавой Царевны, ни её верного пса, Клэриса Александриты.

Клэр медленно убрал кинжал, но продолжал смотреть на своего учителя с той же яростью. Наступила долгая пауза. Дмитрий смотрел на высокого светловолосого мужчину перед собой — того самого юношу, которого он когда-то учил держать меч.

— Ты можешь не рассказывать мне ничего о том, что было с вами после того, как вы покинули Царьград... — тихо сказал он наконец. — Просто ответь мне на один вопрос...

Он сглотнул, словно боялся услышать ответ:

— Этот ребёнок... Ваш?

Вопрос повис в воздухе как лезвие гильотины. Он спрашивал: «Это ваш с Тамарой сын?». Клэр смотрел на него сверху вниз. Он видел боль в глазах старого друга и воина. Он чувствовал инстинктивно: правда его убьёт. Правда разрушит то хрупкое облегчение, которое сейчас теплилось во взгляде Дмитрия.

И Клэр солгал.

— Да.

Слово упало в тишину переулка как камень в воду. Эффект был мгновенным и сокрушительным. Лицо Дмитрия исказилось. Но это не была гримаса боли или ярости. По его щекам покатились слёзы. Сначала беззвучно, а затем они сменились громкими, надрывными рыданиями. Он закрыл лицо единственной рукой и трясся всем телом.

— Какое счастье... — прошептал он сквозь слёзы. — Какое же.. счастье... Значит... всё было не зря...

Он плакал от счастья и облегчения. От того, что дети войны, которых он любил как своих собственных, смогли найти счастье и построить семью вдали от этого проклятого дворца и кровавых интриг. Клэр стоял над ним молча. Он смотрел на плачущего друга и чувствовал лишь холодную пустоту внутри там, где должно было быть сердце. Он только что солгал человеку, который был готов умереть за них обоих много лет назад. И эта ложь была самой горькой пилюлей из всех возможных. Клэрис молча встал на ноги и побрёл прочь. За его спиной тишину разрывали рыдания Дмитрия.

— Капитан... — простонал гвардеец, глядя не на уходящую спину Клэра, а в холодную темноту переулка. Его взгляд был устремлён в никуда, в точку рядом с Клэром, где должен был стоять его старый друг. — Ты видишь? Ты видишь, Алексей? У них всё получилось... У них есть сын.

АКТ II: За пределами зачарованного леса.
Глава 10: Ценность жизни

Шу выздоравливал. Это был медленный, почти незаметный процесс, похожий на то, как весной под коркой грязного льда начинает журчать первый ручеёк. Город, ещё недавно похожий на больного в лихорадке, начал дышать ровнее. Словно по закону простой человеческой логики, которую Тамара так ценила, на улицы возвращалась жизнь. Воздух, ещё недавно пахнущий лишь дымом погребальных костров и страхом, теперь разбавлялся ароматами свежей выпечки и жареного мяса.

Очередь за вакциной у ратуши, хоть и не исчезла совсем, стала спокойнее, организованнее. Люди, получившие свою защиту, не спешили разбегаться по домам. Они останавливались, чтобы поговорить с соседями, которых не видели неделями из-за карантина. На рыночной площади, где ещё месяц назад царила гнетущая тишина, теперь снова зазвучал надтреснутый голос торговки репой и басовитый смех кузнеца.

Но это была лишь половина правды. Врата в карантинную зону всё ещё были наглухо закрыты, иногда они приоткрывались, словно чёрный зев, ведущий в другой мир. Никто не входил туда по своей воле, и лишь редкие фигуры в чёр-

ных кожаных плащах «могильщиков» пересекали эту границу, чтобы вынести очередное тело к погребальному костру или принести воду тем, кто ещё цеплялся за жизнь. Вакцина была щитом для здоровых, но для больных она оставалась бесполезной.

Для Кира этот шум был непривычным и немного пугающим. Он вырос в тишине Леса фей, где единственными детьми были озорные феи. Здесь же, в Шу, дети были повсюду. Они носились стайками между прилавками.

— Эй, ты! — крикнул один из мальчишек, когда Кир проходил мимо с корзиной овощей. — Ты тот самый ученик ведьмы? А правда, что у тебя глаза светятся в темноте?

Девочка в драном платьице пнула мальчишку, отчего тот запрыгал на одной ноге. Кир лишь ниже опустил голову и ускорил шаг. Он знал про свою метку и цвет глаз, но не был готов к тому, что это станет предметом обсуждения на рыночной площади.

На крыше башни было тепло и тихо. Магический купол, созданный Тамарой, удерживал декабрьский холод снаружи, создавая внутри оазис вечной осени. Воздух пах шалфеем и календулой — Кир умудрился заставить свои лечебные травы цвести даже под снегом.

По разным углам купала были раскинуты вертикальные столбы, сделанные из мешков с торфом, землёй и мхом. Основой для них служили оси из деревянных палок. Это было личной гордостью Кира. Он научился выращивать мухомо-

ры. Ночью они озаряли купол голубоватым сиянием. Вещество, которое лечило оленью оспу выявить и изъять получилось, да вот только его нельзя было пустить на массовое производство. Тамара тогда обречённо вздохнула, а Кир предложил, если не получается создавать вещество, то можно просто растить грибы. Теперь исследования были направлены на то, чтобы усилить действие грибов и переработать их в максимально действенное лекарство, а также полученный сорт должен быть окультурен настолько, что даже малограмотный крестьянин справится с его выращиванием.

Под глазами Тамары залегли тёмные круги. У неё на коленях лежал огромный чёрный кот. Клэр дремал, свернувшись клубком, и лишь изредка подёргивал ухом или выпускал когти, когда Тамара слишком резко двигала рукой с пером.

— Если ты меня поцарапаешь... — сонно пробормотала ведьма.

Клэр приоткрыл один зелёный глаз:

— То ты превратишь меня в жабу. Я помню. Спи.

И после его слов, Тамара, как околдованная с глухим стуком лицом рухнула в бумаги.

Внезапно эту идиллию нарушил звук. Внизу, у входной двери, кто-то настойчиво стучал. Звук был ритмичным и громким — стук кулаком по дереву.

Кир, который как раз поднимался по внешней лестнице с полными корзинами, только что вернувшись с рынка, замер и посмотрел наверх.

— Наставница? — позвал он.

Тамара вздрогнула и выпрямилась так резко, что Клэр недовольно мявкнул и свалился на пол.

— Я открою! — крикнул Кир прежде, чем она успела возразить.

Он быстро сбежал вниз по лестнице. Клэр уже сидел на бортике крыши и смотрел вниз с ленивым любопытством.

— Кто там? — спросил кот.

— Это Закир! — донесся снизу голос Кира. — И у него корзина!

— Вот же нечистая принесла! — ругнулся Клэр.

Тамара потерла глаза ладонями, пытаясь прогнать сон. Она слышала голоса внизу: низкий бас Закира и звонкий голосок Кира. Затем послышались шаги по лестнице и стук деревяных бус — кто-то поднимался в дом. Кир появился в проёме крыши первым. Он улыбался во весь рот. Один из его передних молочных зубов отсутствовал.

— Наставница! Смотрите! Закир принёс нам угощения!

Следом за ним поднялся городничий. Он выглядел непривычно смущённым. В руках он действительно держал большую плетёную корзину, накрытую белоснежным льняным платком с вышивкой по краю. Таких чистых вещей Кир в Шу ещё не видел. Было очевидно, что платок с вышивкой Закиру точно принадлежать не мог.

— Я... эм... решил зайти с благодарностью от лица города, — начал Закир, переминаясь с ноги на ногу. Он протянул

корзину Киру. — Это... это традиция такая. В знак признательности за спасение Шу.

Он окончательно смутился под внимательным взглядом красных глаз Тамары. Кир уже сдёрнул платок. Из корзины пахнуло корицей и мёдом. Там лежали маленькие пирожки с вареньем, засахаренные орехи и медовые пряники.

— Ого! — выдохнул Кир.

Тамара медленно поднялась из-за стола. Она посмотрела на Закира долгим взглядом.

— Это... любезно с вашей стороны, — произнесла она ровным голосом. — Но совершенно излишне.

Клэр спрыгнул с бортика крыши и подошёл к корзине. Он принюхался к пирожкам и одобрительно мурлыкнул:

— Наконец-то нормальная еда.

Тамара вздохнула и перевела взгляд на Кира. Мальчик уже запустил руку в корзину.

— Что ж... — сказала она наконец. В её голосе не было теплоты к Закиру, лишь констатация факта о необходимости соблюдения социальных ритуалов. — В таком случае... Закир? Не желаете ли чаю? У нас как раз есть тот самый травяной сбор с мёдом.

Закир просиял так, будто ему предложили корону Рюлеля:

— С превеликим удовольствием!

Вечер прошёл удивительно тепло для людей столь разных судеб. Закир сидел у очага, пил чай из глиняной чашки и

рассказывал городские новости: как оживает торговля на юге Шу, где раньше была пивоварня Жанны, как «могильщики» начали обучать молодёжь основам медицины. Молодые умы страстно заинтересовались в выборе стези лекаря из-за эпидемии.

Кир уплетал сладости за обе щёки и задавал десятки вопросов о празднике Нового года, который в Шу праздновали совсем иначе, чем в лесу фей. А Клэр... Клэр просто лежал у ног Тамары и делал вид, что дремлет.

Тамара молчала большую часть вечера. Её взгляд иногда скользил по фигуре городничего, но в нём не было ни капли личного интереса — лишь анализ его слов как источника информации о состоянии города. Настоящее тепло в её глазах появлялось лишь тогда, когда она смотрела на Кира или когда её рука машинально опускалась, чтобы погладить мягкую шерсть кота у своих ног. В эти моменты её лицо теряло привычную маску отстранённости.

— Светлана... — начал Закир после долгой паузы, ставя чашку на стол. Его лицо стало серьёзным. — Завтра совет старейшин хочет обсудить с вами... вопрос карантина. Вернее, того, что будет после него.

Тамара поставила свою чашку чуть резче, чем требовалось:

— И что же они хотят обсудить? Снять оцепление?

Закир покачал головой:

— Нет. Они хотят... — он понизил голос, покосившись на

Кира, который замер с надкушенным пряником в руке, — Предложить Вам остаться здесь.

В доме повисла тишина. Такая, что были слышны шевеления «питомцев» Кира в их террариумах. У самого Кира печенье вывалилось изо рта. Клэр медленно поднял голову и посмотрел на Тамару и внутренне сжался, увидев её лицо. Её красные глаза расширились и горели в полутьме. Тени от огня очага плясали на её бледном лице.

— Остаться? — её голос был тихим и ровным. — Здесь?

Закир принял её вопрос за интерес и воодушевлённо закивал:

— Да! Шу нуждается в вас! Не только как в лекаре! Вы мыслите иначе! Вы видите суть вещей! С вашим умом вы могли бы стать... советницей при ратуше! Вы могли бы помочь нам перестроить город! Сделать его лучше! Чтобы больше никогда...

Закир сделал шаг вперёд и вдруг сделал то, чего никто не ожидал: он настойчиво положил ладонь на руку Тамары, лежавшую на подлокотнике кресла. Она отпрянула от шока так резко, будто её ударило молнией.

— Послушайте, Светлана... вы ведь не только учёный! — заявил Закир с неожиданной твёрдостью в голосе. Его глаза горели отчаянной надеждой. — Вы – мать!

В доме повисла гробовая тишина. Даже огонь в очаге, казалось, перестал трещать. Кир застыл с открытым ртом. Клэр медленно поднялся на лапы и зашипел так низко и утробно,

что это больше походило на рычание дикого зверя из Леса Фей. Все присутствующие оцепенели.

— Киру будет лучше расти здесь! — продолжил Закир торопливо, боясь упустить момент. Слова лились из него потоком: отчаяние смешалось с надеждой. — Он подружится с местной детворой... будет также помогать вам... В конце концов... мальчику нужен отец!

Он сделал паузу и набрал в грудь воздуха:

— И я я мог бы стать им! Поверьте мне! Мне не важно ваше прошлое! Я приму вас любой! Я буду заботиться о Кире как о своём сыне... а о вас — как о жене! Я подарю вам двоим счастливое будущее!

Сумбурную речь городничего прервал тихий яростный голос Клэра:

— Отцом говоришь станешь?

Кот поднялся на лапы во весь свой рост и зашипел прямо в лицо Закиру так яростно и громко, что тот отшатнулся на шаг назад от ошеломлённой Тамары.

— Я менял ему пелёнки и варил кашу! — прошипел Клэр голосом полным яда и ледяной ярости. Его зелёные глаза горели пламенем лесного пожара. — А ты тут отцом решил стать?! Ничтожество!

— Хватит Клэр, — тихо велела Тамара. — Иди ко мне, котик.

Одно слово прозвучало как удар хлыста или щелчок пальцев мага. Клэр застыл на месте как вкопанный и медленно

обернулся к своей хозяйке. Тамара медленно подняла глаза от руки Закира, на которой всё ещё горел отпечаток её магии, и посмотрела прямо ему в лицо. Её взгляд был холоднее льда Северного моря.

— С чего вы вообще взяли... что Кир мой незаконнорождённый сын? — её голос был тихим и смертельно опасным.

Закир опешил от этого прямого вопроса в лоб. Он моргнул пару раз, а затем тяжело вздохнул, словно признавая поражение в споре с самим собой:

— Сложно не признать в нём вашего сына... Вы уж слишком похожи с ним...

Тамара лениво сложила руки на коленях поверх красного домашнего фартука. Её лицо вновь стало маской безразличия.

— Никогда не замечала такого сходства... — протянула она ровным тоном учёного-аналитика. — Закир... я нашла этого ребёнка младенцем в корзине посреди леса во время эпидемии оленьей оспы десять лет назад. Я без понятия кто и где его родители. Я растила его и учила магии по мере сил своих... но матерью по определённым причинам стать не могла физически или психологически — мне это не дано природой или судьбой. Я его наставница. Не мать.

Она сделала паузу и посмотрела вниз на кота у своих ног:

— А Клэр — воспитатель. Он кот и отцом быть не мог по определению биологического вида...

Её взгляд снова метнулся вверх и впился в лицо городни-

чего:

— Десять лет мы справлялись с этим вдвоём, я и Клэр, посвящая этому делу всех себя без остатка...

А затем воздух вокруг неё начал дрожать от жара её гнева:

— А сейчас вы говорите мне что мы лишь какая-то неполноценная семья? Что мы ущербны? Что отец и мать — это некий необходимый социальный инструмент для жизни ребёнка? Мы семья такая какая есть! Из кота, проклятого богиней Лёль, ведьмы без сердца и ученика-мага!

Она встала во весь рост:

— И вас в эту семью с вашей помощью никто не зовёт! Идите прочь!

В волосах Тамары заметались алые искры чистой магической энергии. Воздух в комнате стал густым и тяжёлым от напряжения. Закир стоял бледный как полотно перед ней — маленький человек перед лицом стихийного бедствия в человеческом обличье. Она была здесь чужой силой природы — как ураган или засуха.

Он молча развернулся и направился к выходу из башни гончара так тихо и быстро, как только мог его нести страх перед этой женщиной.

Когда за ним закрылась дверь внизу и стук деревянных бус затих, Кир осторожно спросил:

— Тамара... ты злишься?

Тамара не обернулась к нему или коту у своих ног, который смотрел на неё с тревогой. Она смотрела на темнеющий

город Шу через узкое окно-бойницу.

— Нет, Кир... Я просто констатирую факт: люди всегда пытаются запереть истину в клетку своих желаний...

Она замолчала на полуслове. Её взгляд был устремлён вниз, на улицу за окном башни гончара... К дому приближалась процессия из нескольких человек в серых хламидах с капюшонами... Культ Кристины вернулся в город...

Клэр подошёл к ней сзади, так близко он мог быть только к ней, и ткнулся мокрым носом ей в ладонь — единственный жест поддержки, который он мог себе позволить без лишних слов о своей тайне...

Тамара машинально почесала его за ухом:

— Иди спать, Кир, - Тамара подняла кота на руки и прижала к себе. - Котик... мой хороший...

***

Близился день Нового года. Снег робко опускался на землю и тут же таял, превращая кривые улочки Шу в лабиринт из грязи и талой воды. Но город, казалось, не замечал непогоды. Шу выздоравливал. Это был уже не робкий ручеёк подо льдом, а полноводная река, сметающая остатки страха и отчаяния. Лекарство, созданное Тамарой и Киром, творило чудеса. Там, где ещё неделю назад лежали умирающие, теперь раздавались голоса выздоравливающих. «Могильщики» снимали свои жуткие маски, и под ними оказывались просто уставшие, но счастливые люди. Рынок гудел. Торговка репой, та самая, что кричала надтреснутым голосом, те-

перь басовито хохотала, торгуясь с покупателем за медяк. В воздухе пахло не только дымом и навозом, но и свежей сдобой. Город праздновал жизнь.

Закир, городничий, старался не попадаться на глаза Тамаре. После его неуклюжего предложения и её ледяной отповеди он чувствовал себя провинившимся мальчишкой. Он видел её издалека — высокую фигуру в красном плаще, стремительно идущую по улице, — и тут же сворачивал в переулок. Пока отвергнутый мужчина принял выжидательную позицию.

Культ Священной Царевны Кристины, лишившись главного козыря — страха перед неизлечимой болезнью, — залёг на дно. Их серые хламиды больше не мелькали на площадях. Суеверия отступали перед лицом реальной, доказанной помощи.

В круглом доме гончара было непривычно тихо. Кир спал в своей комнате наверху, утомленный дневной прогулкой на рынок. Клэр дремал у очага, положив голову на лапы и чутко поводя ушами.

Тамара спала. Она лежала на узкой кровати в своей комнате, и даже во сне её лицо сохраняло привычную строгость. Но сон, который ей снился, был чужд этой строгости.

Солнечный свет. Он лился сквозь резные листья деревьев в дворцовом саду Царьграда. Воздух был густым и сладким, пах цветущими розами и свежескошенной травой. Маленькая Тамара, которой было не больше четырех лет, сидела на

мягкой зелёной лужайке.

Рядом с ней на плетеном стуле сидела женщина. У неё были светлые, почти белые волосы, которые падали на спину тяжелой волной. Тамара не помнила её лица — сон был слишком нежен для четких деталей — но она знала, всем своим детским существом чувствовала: **это мама**.

Няня — строгая женщина с поджатыми губами — принесла фарфоровый чайник и налила чай в крошечную чашку для мамы. Мама улыбнулась няне, и эта улыбка была такой теплой, что Тамара засмеялась от счастья.

Кто-то подошел сзади. Чьи-то большие, сильные руки подхватили её и легко подняли в воздух. Мир перевернулся, и Тамара оказалась прижата к широкой груди.

Она подняла глаза. Перед ней было лицо мужчины. Не холодное и отстраненное, как она привыкла видеть в тронном зале. Это лицо улыбалось. Искренне, открыто, с нежностью и гордостью.

— Папа? — прошептала маленькая Тамара во сне.

Виктор смотрел на неё сверху вниз и улыбался. В его красных глазах не было ни скуки, ни холода. В них плясали смешинки.

— Ты только посмотри, какая ты у меня ловкая! — сказал он голосом, который она никогда не слышала в реальности — мягким и бархатистым. — Настоящая воительница.

Он прижал её к себе еще крепче, и Тамара уткнулась носом в расшитый золотом воротник его камзола. От него пах-

ло порохом далеких сражений и чем-то еще... домом.

Тамара проснулась не от резкого толчка или крика, как обычно бывало после её кошмаров. Она проснулась медленно, словно выныривая из теплой воды. На её губах играла едва заметная тень улыбки.

Это было странное чувство. Не шок от пережитого ужаса, а светлая, щемящая грусть. Словно ей показали дверь в волшебный сад, а потом захлопнули её перед самым носом. Она упустила что-то невероятно важное и прекрасное.

Дверь в её комнату тихо скрипнула. На пороге стоял Клэр. Он не спал. Его зелёные глаза были широко раскрыты и полны тревоги.

— Тамара? — тихо позвал он.

Она села на кровати. Она посмотрела на кота. Её красные глаза были ясными, но в них плескалась незнакомая ему эмоция.

— Я... — начала она и осеклась.

Что-то горячее скатилось по её щеке и упало на ворот ночной рубашки. Ещё одна капля. И ещё.

Клэр испуганно вскочил на лапы.

— Тамара? Что с тобой?! Ты ранена? Это яд? Где болит?!

Она непонимающе смотрела на суетящегося кота. Затем медленно подняла руку и коснулась своей щеки пальцами. Они стали мокрыми.

— Слёзы... — прошептала она так тихо, что даже чуткий слух Клэра едва уловил звук. В её голосе не было паники

или боли. Только бесконечное удивление ребёнка, который впервые увидел чудо.

Она посмотрела на свои мокрые пальцы так, будто они принадлежали кому-то другому.

— Я... я не понимаю... — сказала она уже громче, обращаясь скорее к себе, чем к нему.

Клэр замер, перестав метаться. Он сел прямо и внимательно посмотрел ей в лицо. Он видел эти слёзы. И он понимал их причину лучше, чем кто-либо другой в этом мире.

Он медленно подошёл к кровати и запрыгнул на край матраса. Не говоря ни слова, он ткнулся мокрым носом ей в колено — единственный жест утешения, который он мог себе позволить.

— Клэр... — Тамара посмотрела прямо на кота. Её голос был тихим и задумчивым. – Мне приснился чудесный сон. Такого просто не могло быть... но есть ощущение, что когда-то так и было.

Кот потёрся головой о её щёку, его мягкая шерсть утирала солёные дорожки.

— Ничего... — промурлыкал он так тихо, что это было больше похоже на шёпот человека. – Иногда так случается. Может, это то, что ты просто давно забыла?

— Не знаю... — Тамара откинулась на подушку, веки её вновь стали тяжёлыми от усталости. – Я просто не помню.

И она вновь провалилась в сон, уже не тот, что видела прежде. Этот сон был пуст, но в пустоте его плескалось спо-

койствие. Клэр остался сидеть на краю кровати, охраняя её покой до самого утра.

***

Шу не просто ожил. Он воскрес. Утро празднования Нового года выдалось на удивление ясным. Снег, выпавший ночью, укрыл город чистым, белым одеялом, скрыв уродство кривых улочек и покосившихся стен. Воздух звенел от детского смеха и запаха жареного мяса — город готовился к пиру.

В круглом доме гончара царил упорядоченный хаос. Кир сидел за столом, заваленным свитками, и с серьезным видом водил пером по пергаменту.

— Тамара, — позвал он, не отрываясь от записей. — Если мы потратили на ингредиенты для вакцины сорок золотых монет, а получили от ратуши за рецепт и поставки сто двадцать... то наша чистая прибыль...

— ...составляет восемьдесят монет, — скучающим тоном закончила за него Тамара. Она стояла у окна, глядя на просыпающийся город. — Ты правильно усвоил урок.

Клэр, который дремал у очага в своём кошачьем обличье, приоткрыл один глаз. Услышав про деньги, он лениво потянулся, выгнув спину дугой, и громко, насмешливо фыркнул.

— Я же говорил, что надо было просить больше! Мы спасли целый город! Это стоит как минимум двести!

— Мы здесь не для того, чтобы наживаться, — отрезала Тамара, не поворачиваясь. — Истина не имеет цены. А день-

ги... это просто инструмент.

— Угу, — буркнул Клэр, снова сворачиваясь клубком. — Инструмент, которого у нас теперь чуть больше.

— Когда думаешь возвращаться в Лес? — спросил Клэр у Тамары.

— Как только закончим с отчётностью, — ответила она. — Нам здесь больше нечего делать. Эпидемия остановлена, лекарство работает. Ничего интересного нее осталось.

Внезапно эту деловую атмосферу нарушил громкий стук в дверь. Не вежливый стук гостя, а нетерпеливое «бум-бум-бум» детских кулаков.

Кир удивлённо поднял голову. Клэр мгновенно насторожился и спрыгнул со стула. Он запрыгнул на край стола, выгнул спину и зашипел в сторону двери.

Дверь распахнулась. На пороге стояла ватага местных ребятишек — человек пять, все чумазые, в шапках набекрень и с горящими от предвкушения праздника глазами.

— Эй, ты! Ведьмин ученик! — крикнул самый смелый из них, тыча пальцем в Кира. — Пошли с нами сегодня! На площади костёр жечь будем! И чучело старухи-зимы сжигать!

Кир инстинктивно вжался в стул. Его щёки предательски покраснели.

— Я... эм... — промямлил он, бросив испуганный взгляд на Тамару. — Сначала я должен спросить у наставницы, — строго сказал Кир детям, пытаясь скрыть смущение за официальным тоном.

Дети переглянулись.

— А-а-а... Ну ладно. Мы на закате будем у большого колодца! Не опаздывай! — крикнул предводитель ватаги, и вся компания с грохотом умчалась вниз по улице.

Дверь закрылась. В доме повисла тишина.

Клэр спрыгнул со стола и подошел к Тамаре. Он встал прямо перед ней, преграждая путь и глядя на неё снизу вверх с самым суровым видом, на который только был способен кот.

«Нет», — говорил его взгляд. — «Ни за что».

Тамара посмотрела на него сверху вниз. Её красные глаза были спокойны. Она едва заметно покачала головой.

«Почему нет?» — спрашивал её взгляд. — «Это именно то, ради чего мы здесь».

Клэр прижал уши и раздраженно дернул хвостом. Он перевел взгляд на Кира, который сидел тише воды, ниже травы, и снова посмотрел на Тамару.

«Он там один не справится! Они его обидят!»

Тамара вздохнула и мягко положила руку на голову кота, взъерошив ему шерсть на затылке. Это был жест окончательного решения. Клэр понял, что проиграл этот молчаливый спор. Он обреченно вздохнул и отошел в сторону, всем своим видом выражая крайнюю степень недовольства.

Тамара перевела взгляд на Кира. Мальчик сидел, уставившись в пол и ковыряя пальцем столешницу.

— Кир? — мягко позвала она.

Он вздрогнул и поднял на неё глаза.

— Ты хочешь пойти? — прямо спросила она.

Кир замялся еще сильнее. В его взгляде боролись два желания: отчаянное любопытство и панический страх перед незнакомой толпой.

— Ну... я не знаю... Может быть... Я не уверен... — залепетал он.

Тамара подошла к столу и присела на корточки рядом с его стулом, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Послушай меня внимательно, Кир, — её голос был тихим и серьезным. — Я не против, если ты пойдешь.

Кир удивленно моргнул.

— Правда?

— Да. Это часть твоего обучения. Помнишь наш разговор в лесу? Праздник с местными детьми — это тоже своего рода урок. Ты должен научиться быть среди них. Не как ведьмин ученик или странный мальчик с красными глазами, а как обычный ребенок.

Она выпрямилась и добавила с едва заметной улыбкой:

— К тому же... я думаю, тебе будет полезно завести друзей своего возраста. Только будь осторожен и возвращайся до темноты.

Кир смотрел на неё широко раскрытыми глазами. Он не мог поверить своему счастью. Он перевел взгляд на Клэра, который демонстративно отвернулся к окну и делал вид, что его это вообще не касается.

— Спасибо! — выдохнул Кир и вскочил со стула, готовый бежать собираться прямо сейчас.

Тамара лишь кивнула и вернулась к своим записям у окна. На её губах играла легкая улыбка. Она смотрела на город Шу, который они спасли, и чувствовала странное удовлетворение от того, что её «горькое лекарство» сработало не только для больных, но и для её собственного ученика.

***

Солнце, похожее на начищенный медный таз, медленно клонилось к закату, окрашивая снег в розовые тона. На главной площади Шу царило веселье. Это был не просто праздник — это был выдох облегчения целого города.

Кир никогда в жизни так не веселился. Он забыл, что он ученик ведьмы, носитель метки и «ведьмин котёнок». Здесь, в кругу галдящей, смеющейся детворы, он был просто Киром.

Они слепили огромного снеговика, который был больше похож на кривобокого тролля, и теперь закидывали его снежками под громкий хохот. Кто-то сунул Киру в руки горсть липких медовых тянучек, и он с восторгом принялся их жевать, пачкая щеки и нос.

— Давай на санки! — крикнул ему вихрастый мальчишка, указывая на длинный склон, ведущий к замерзшему пруду.

Кир с разбегу плюхнулся на старые деревянные санки. Ветер засвистел в ушах, морозный воздух обжёг лицо, и на мгновение ему показалось, что он летит. Это было чистое,

незамутнённое счастье.

В какой-то момент его санки вынесли его к краю площади, где толпа была реже. Он остановился, чтобы отдышаться, и вдруг наткнулся взглядом на высокую фигуру в чёрном кожаном плаще. «Могильщик». Эпидемия только закончилась, но эта фигура уже казалась тенью прошлого.

Мужчина стоял к нему спиной, но Кир узнал его мгновенно. По пустой левой руке, заправленной за пояс. Сердце мальчика пропустило удар от страха и странного чувства узнавания. «Могильщик» словно почувствовал его взгляд и медленно обернулся.

Под маской из кожи и стекла Кир не мог видеть его лица, но в прорези для глаз мелькнуло что-то мягкое. Мужчина не отшатнулся, не зашипел. Он просто подошёл ближе и, к удивлению Кира, мягко, почти по-отечески, погладил его по светлым волосам своей единственной рукой. Жест был настолько неожиданным и добрым, что Кир замер. А затем фигура в чёрном растворилась в толпе так же бесшумно, как и появилась.

— Эй! Кир! Ты чего застрял?! — закричали друзья.

Он тряхнул головой, прогоняя странное наваждение, и побежал обратно к ним. Вечер продолжался. Они ели сладости с пряностями, которые пахли корицей и имбирем. Когда стемнело, взрослые выкатили на середину площади огромное соломенное чучело, одетое в рваные тряпки — символ зимы и всех болезней.

— Гори-гори ясно! — грянула толпа.

Огонь мгновенно охватил солому. Искры взлетели высоко в чёрное небо, смешиваясь со звёздами. Кир стоял в первом ряду детей и завороженно смотрел на пламя. Он чувствовал жар на лице и единение с этими людьми. На секунду ему показалось, что он мог бы жить здесь, с ними.

Праздник начал стихать. Родители звали детей домой, грозя отмороженными носами. Двоим из его новых друзей было с ним по пути. Мальчишки шагали по улице, расспрашивая Кира о том, какого это – учиться у ведьмы. Кир лишь весело смеялся. Они завернули в переулок, чтобы сократить путь до башни гончара, как внезапно что-то налетело на Кира.

— Смотри, куда прёшь! — раздался знакомый гнусавый голос.

Кир потёр ушибленное плечо и подняла глаза. Перед ним стоял Миша. Сын Жанны. Его лицо было красным от мороза или злости, а глаза смотрели с неприкрытой ненавистью.

— Ты... — прошипел Миша. — Ты всё испортил! Из-за тебя и твоей ведьмы моя мама потеряла всё!

Кир отступил на шаг назад. Маленькая Лаза на его плаще незаметно приняла оборону. Кир постарался говорить ровно и бесстрастно, помня об уроках репутации:

— Я ничего не делал...

— Врёшь! — Миша шагнул вперёд, сжимая кулаки. — Вы её разорили! Вы её сожгли!

Двое мальчишек, сопровождавших Кира, не остались в стороне и выступили вперёд.

— Эй! Отстань от него! — крикнул один из них, хватая Мишу за рукав.

— Да! Он наш друг! — подхватил второй. – Врёшь ты всё!

На крики начали оборачиваться прохожие. Из толпы вынырнула знакомая фигура в грубом коричневом плаще.

— Что здесь происходит? — требовательно спросил Закир, тяжело дыша после бега.

Миша вырвался из рук мальчишек. Его глаза горели мстительным огнем.

— Он не друг! Он монстр! Грязный приплод ведьмы! — взвизгнул Миша и, прежде чем кто-то успел среагировать, бросился вперёд и вцепился пальцами в пластырь на щеке Кира. – Что у тебя там, а? Наверняка ты не человек вовсе!

Резкая боль обожгла лицо. Пластырь оторвался с противным звуком.

Толпа ахнула и отшатнулась. Все взгляды были прикованы к щеке мальчика. Там, под левым глазом, тускло светилась в вечерних сумерках бледно-зелёная метка фавна — острый ромб.

Наступила гробовая тишина. Было слышно только потрескивание догорающего костра где-то вдали.

— Метка... — прошептал кто-то в толпе.

— Вестник несчастья... — выдохнула женщина, крестясь.

- Я же говорил! – прокричал Миша. – Грязный приплод

ведьмы!

Закир смотрел на Кира так, будто увидел призрака. Ужас в его глазах сменился внезапным озарением.

— Эти красные глаза... И светлые волосы... Светлана сказала, что нашла тебя в лесу... — прошептал он побелевшими губами. Голос его сорвался на крик: — Ты тот самый ребёнок из моей родной деревни!

Воздух вспыхнул чёрными искрами портала Клэра. Кот выпрыгнул первым, а за ним Тамара. Больше не было смысла утаивать магию Клэра. Красный плащ Тамары казался кровью на фоне белого снега, укрывшего Шу. Она с холодной яростью окинула толпу взглядом, заслоняя собой ребёнком.

— Ты был прав, Клэр, — внезапно произнесла ведьма, и её голос прозвучал в наступившей тишине как удар хлыста. — Я оплошала.

— Я хочу получить объяснения, — голос Закира дрожал, но он старался говорить твёрдо. Он выступил вперёд, сжимая и разжимая кулаки.

Тамара медленно перевела на него взгляд своих красных глаз. Её губы изогнулись в презрительной усмешке.

— Угрожаете моему дорогому ученику, — протянула она, делая шаг вперёд. Клэр зашипел громче, — а теперь ещё и объяснений требуете? Совсем совесть потеряли? Наверное, стоило просто дать вам сдохнуть от оленьей оспы, а не тратить силы зазря на такой мусор.

Толпа ахнула и отшатнулась ещё дальше. Но Закир не от-

ступил. Он смотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде больше не было ни смущения, ни симпатии. Только холодная решимость.

— Скажи-ка, Светлана... — начал он медленно, чеканя каждое слово. — Ты нашла Кира в лесу с восточной стороны? У Велесовых гор? В степи, где десять лет назад вымерла целая деревня?

Тамара задумчиво потёрла подбородок. На её лице не дрогнул ни один мускул.

— Да. В той стороне было тихо. И очень много... падали. Скажи, Клэр? — обратилась она к коту, не глядя на него.

— У меня плохо с картами, но вроде... Какое тебе вообще дело? — фыркнул кот.

Закир проигнорировал их игру. Он начал давить, его голос набирал силу:

— Светлана... Ты забрала ребёнка? Зная, что он принесён в жертву? Ты не выбрала путь «одна жертва ради сотни». Ты спасла одного ребёнка, убив этим три сотни жителей моей деревни! Они ели друг друга, чтобы выжить! Я был в Рюлеле на обучении! А когда вернулся... там были только гниющие трупы!

Он почти кричал, указывая пальцем на Кира.

— Это всё из-за него! Из-за твоего милосердия!

Тамара спокойно выслушала его тираду. Она не перебивала. Когда он закончил, она посмотрела на него с жалостью, как на надоедливое насекомое.

— Твоя логика ущербна, Закир, — её голос был ровным и ледяным. — Фавн не «спас бы их за жизнь ребёнка». Фавн убил бы *другую* деревню за жизнь этого ребёнка. Это уже не принцип «одна жизнь за сотню». Это принцип «одна жизнь здесь и сейчас ценой многих жизней где-то ещё». Это не спасение. Странния у тебя арифметика, конено.

Она сделала ещё один шаг к нему.

— К тому же... — она усмехнулась, и в её глазах заплясали алые искры. — Принесение жертв — это суеверие. А я не трачу время на суеверия. И я не собираюсь слушать морализм от того, кто готов был принести в жертву младенца, чтобы спасти какую-то пару-тройку сотен невежд, что дохли от собственной жадности.

Закир испуганно отступил на шаг. Его лицо исказилось от гнева и страха. Он понял: перед ним не странствующая чародейка Светлана. Перед ним стояло само воплощение безжалостной логики.

В ярости он выхватил из-под плаща тяжёлый двуручный меч — оружие городничего. Клинок со свистом рассёк воздух, целясь ей в голову.

Тамара даже не подняла рук. Она просто выставила ладонь вперёд. Меч со звоном ударился о невидимую стену и отлетел назад, едва не выбив Закиру плечо.

Её магия вспыхнула. Не алым пламенем, а абсолютной чернотой с красной каймой. Воздух вокруг неё задрожал. Люди в панике бросились врассыпную. Но они больше не

могли. Они падали в животном ужасе, и даже Закир рухнул на колени от этого давления. Он поднял взгляд на Тамару. Она смотрела на них как бог, проклинающий человечество за непочтительность. Этим даром абсолютной власти одарил её сам бог войны Хара, как своё любимое дитя. Клэр инстинктивно закрыл собой Кира. Мальчик сидел, еле дыша.

— Кровавая Царевна — раздался хриплый голос из толпы.

Искалеченный шрамами старик пытался уползти в сторону.

— Кровавая Тамара! — прохрипел он.

Тамара бросила в его сторону испепелительный взгляд.

— Ты что? — холодно произнесла она. —— Выживший из города Нут? Так и знала, надо было убить тогда всех.

Её магия новой волной ударила по всей толпе, заставляя ниже припасть к земле.

Закир поражённо замер. Светлана никогда не существовала. Перед ним стояла Кровавая Царевна Тамара. А за её спиной — проклятый ребёнок из старой легенды.

Из переулков начали выбегать люди в чёрном. Но это были не просто зеваки или стража. Это были гвардейцы. Гвардейцы Царя Виктора. Они сбросили маски «могильщиков», под которыми оказались стальные нагрудники и наивные лица юнцов, никогда не знавших крови битвы на вкус.

Старик кричал им:

— Здесь Кровавая Тамара! Она пришла забрать наши

жизни!

— Да заткнись ты уже, — Тамара направила магию на старика, и тот, кашлянув, припал к земле. – Раздражаешь.

Гвардейцы упали на колени. Только один остался на ногах. Тот, кого Тамара в своей памяти не успела признать врагом. Их с Дмитрием взгляды пересеклись. Вместо левой руки у него был магический протез.

Тамара не стала ждать. Она сделала короткое, неуловимое движение рукой, и Закир рухнул на снег без сознания – удар рукоятью его собственного меча по затылку. Тамара медленно обнажила свой меч – наследие своего наставника Алексея. Магия Бога Войны отпустила жителей, и те без сознания рухнули в снег.

Тамара смотрела на Дмитрия, чуть улыбнувшись. Он атаковал первым — рефлексы воина взяли верх над шоком. Но это был удар в полсилы. Он не собирался её убивать. Уж слишком дорого ему было это дитя, которое он не смог уберечь. Дмитрий смотрел на неё, а затем перевёл взгляд на ребёнка с меткой фавна рядом с ней. Осознание ударило его как молния: Клэр ему солгал про сына.

Кто-то из гвардейцев крикнул, хрипя:

— Ребёнок! Этот ребёнок! У него красные глаза и светлые волосы! Точь-в-точь как у пропавшего Царевича!

Тамара чуть заинтересованно поверх плеча Дмитрия.

— Какой ещё Царевич? — она чуть склонила голову, вновь глядя на Дмитрия. — Я тут немного занята была, под-

скажи-ка, неужели Кристина родила или Людмила таки уложила папашу в постель?

— Кто ребёнок рядом с тобой, Тамара? — крикнул Дмитрий сквозь шум толпы, держа меч наготове, будто и не услышал её вопроса.

— Мой ученик, — спокойно ответила она, заслоняя Кира собой.

Дмитрий сделал шаг назад и тихо, так, чтобы слышала только она, прошептал:

— Беги... Оттолкни меня и бегите...

Он смотрел ей прямо в глаза. В его взгляде была мольба старого друга: *«Не дай мне тебя схватить»*.

Тамара чётко уловила его мысль, крикнув:

— Клэр!

Она провалилась в портал прямо под своими ногами, вместе с ребёнком, оставив после себя лишь хаос. Дмитрий сокрушенно опустил меч. Вокруг него жители и гвардейцы постепенно начали приходить в себя. За его спиной городничий утешал рыдающего старика. Дмитрий обернулся и сделал несколько шагов к ним, а затем присел перед безумцем.

— Эй, старик, — холодно позвал он. — Ты, что? Выживший из города Нут?

— Да, господин, — дрожащими руками старик ухватился за рукав Дмитрия. — Эти демоны Кровавая Тамара и её пёс Александрита Я помню, как будто это было вчера.

— Да неужели? — Дмитрий рассматривал руку старика,

держащую его рукав. И во взгляде его читалось презрение.
— Старик, а скажи-ка, тебе жить-то вообще не стыдно?

Дмитрий расплылся в жуткой усмешке. Закир оттолкнул его от старика.

— О чём вы говорите?! Дедушка и так пострадал, чего вы ещё от него хотите?! — возмутился он.

— Эй, городничий, — Дмитрий почти безвольно лежал в мокром снегу. — А ты знаешь, как пал Нут?

По взгляду своего собеседника Дмитрий понял, что он не знал. Ничего удивительного, это ведь решили не распространять, чтобы не усиливать распри на Юге.

— Тамара и Клэрис сожгли его до тла. До основания. Камня на камне не оставили, — голубые глаза Дмитрия засветились в полумраке. — Мы все тогда были в ярости. Такой сильной, что даже не описать. Потому что мы пришли в город, где не осталось ни одного гражданского. Войны Нута убили всех своими руками. Они принесли их в жертву богу войны Хара, надеясь, что тот усмирит свою крёстную дочь. Да только

Дмитрий вновь посмотрел на старика.

— Бог войны Хара человеческих жертв не принимает, старик, — Он вновь смотрел на выжившего из Нута. – Так что я снова спрошу. Тебе жить то не стыдно, старик?

АКТ III: Царьград.
Глава 11: Пойми меня

Воздух в лесу фей был пропитан запахом хвои и влажной земли — запахом дома. Но для Кира он пах лишь пеплом и страхом. Порталы Клэра схлопывались один за другим, перенося их из заснеженных улиц Шу в спасительную тишину Леса. Последним прыжком кот перенёс не только их самих, но и весь их быт: из портала с грохотом посыпались вещи. Тяжёлые алхимические инструменты со звоном ударились о деревянный пол, следом рухнули стопки книг и рукописей, а стеклянные террариумы с «питомцами» Кира чудом уцелели, лишь жалобно звякнув.

Клэр, приземлившись на четыре лапы, тут же обессиленно рухнул на бок. Кошачья форма, идеальная для скрытности и коротких перемещений, высосала из него остатки маны после долгого и напряженного бегства. Его бока тяжело вздымались, а розовый язык вывалился из пасти.

Кир стоял посреди этого хаоса, не двигаясь. Он смотрел на свои руки так, будто они были чужими. На него лавиной обрушились все эмоции, которые он сдерживал там, в Шу, чтобы выжить. Дыхание сбилось, стало прерывистым. По щекам, обжигая холодную кожу, покатились слёзы.

Тамара шагнула к нему. Её красный плащ был испачкан

сажей и талым снегом. Волосы её спутались, последние алые искры в прядях потухли.

— Кир? — её голос был ровным, но в нём проскальзывали нотки тревоги, которые мог уловить только тот, кто знал её всю жизнь. — Я напугала тебя? Мне надо было показать тебе раньше, в более спокойной обстановке, как работает магия бога войны.

— Нет! — выдохнул он, и слова полились потоком, смешиваясь с рыданиями. — Я не понимаю! Ничего не понимаю! Почему ты спасла меня?! Почему они... они обозлились?! Закир... он же... он же кормил меня сладостями! Просился в отцы! А сегодня... сегодня он хотел нас убить! Я ничего не сделал! Я это понимаю! Но мне больно!

Тамара протянула руку, но Кир отшатнулся.

— Давай просто успокоимся и поговорим, — её голос был ровным, как и всегда, и это спокойствие било больнее ножа — Я рядом. Я помогу.

— Да как ты можешь помочь?! — крик Кир сорвался на визг. Метка на его щеке вспыхнула тусклым зелёным светом. — Как?! Ты ведь не знаешь, что я чувствую! У тебя нет сердца!

Слово «сердце» ударило Тамару наотмашь. Она замерла, её лицо побледнело ещё сильнее. Рука метнулась к груди, пальцы судорожно сжали ткань плаща.

— Тамара? — испуганно прошептал Кир.

Он застыл на месте, осознавая, что сказал то, что не сто-

ило говорить. Слёзы прекратили литься градом. Теперь он видел Тамару перед собой. Её красные глаза застыли рубинами в холодном ужасе, глядя сквозь него.

— Прости! Я не хотел... – жалобно пролепетал Кир.

Но было поздно. Фантомная боль, дремавшая глубоко внутри её магического контура, взорвалась ослепительной вспышкой. Воздух вокруг задрожал. Тамара начала задыхаться, хватая ртом пустоту.

— Нет... — испуганно мяукнул Клэр, пытаясь подняться.

Он бросился к ней в облике кота, но Тамара его словно не видела. Её взгляд стал стеклянным. Она споткнулась о разбросанные книги и начала падать навзничь без чувств. Клэр среагировал мгновенно. Кошачья шкура сползла с него лоскутами тьмы. Человек подхватил падающее тело ведьмы на руки.

— Тамара!

В этот момент дверь распахнулась от мощного удара. На пороге возник Аскольд с корзиной лесных даров. Фрукты и цветы рассыпались по полу.

— Я тут с гостин... — начал он бодро, но осёкся.

Король фей мгновенно оценил ситуацию: бледная Тамара на руках Клэра и Кир, застывший у стены с ужасом в глазах.

— Что случилось?! — рявкнул Аскольд, бросаясь к ним.

Клэр лишь крепче прижал Тамару к себе. Он не видел ни Аскольда, пытающегося добиться ответа, ни Кира у стены. Его взгляд был прикован только к бескровному лицу ведь-

мы. Он шептал ей что-то неразборчивое, пытаясь привести в чувство.

Кир же остался один. Оцепеневший от шока мальчик стоял посреди разгромленной кухни. Он только что причинил боль единственному человеку, который всегда был для него опорой. И в этой оглушающей тишине собственного ужаса он понял: слова Тамары о том, что мир людей жесток — это не просто урок. Это приговор.

***

Шу. Город всё ещё пах дымом, но это был уже не запах пожара, а аромат жареного мяса и свежей выпечки. Эпидемия отступила, и люди, ещё вчера прятавшиеся за заколоченными окнами, вышли на улицы, чтобы жить. Жизнь возвращалась в город, как вода возвращается в пересохшее русло.

Закир сидел на той же самой скамье у ратуши, где всего несколько дней назад угощал Светлану чаем. Его лицо осунулось, а под глазами залегли тени. Вокруг суетились люди: убирали мусор, чинили заборы. Никто не пострадал в той магической буре, что устроила ведьма, но городничий чувствовал себя так, будто его душу выжгли дотла.

Он вспоминал. Испуганное лицо Кира. Безжалостную справедливость Тамары. И то, как легко рассыпалась в прах его мечта о семье. Светлана... Нет, не Светлана. Кровавая Царевна Тамара. Пропавшая наследница трона.

— Господин городничий! — звонкий детский голос вырвал его из мрачных мыслей.

К нему подбежала ватага местной детворы — те самые ребята, что звали Кира на праздник. Их щёки раскраснелись от мороза и беготни.

— А где Кир? — спросил самый смелый из них. — Он обещал показать нам, как выращивать светящиеся грибы!

Закир посмотрел на их чистые, любопытные глаза и почувствовал укол совести.

— Он... уехал. Далеко.

— Почему? — хором спросили дети.

— Потому что он... плохой? — робко добавила девочка с косичками.

Закир открыл рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. «Он проклят»? «Он вестник несчастья»? Эти слова казались грязью на языке. Он не мог сказать это детям, которые ещё вчера ели с Киром пряники.

— Он не плохой, — раздался низкий, усталый голос.

К скамье подошёл Дмитрий. Он уже снял маску «могильщика», и теперь было видно его лицо — суровое, покрытое шрамами.

— Тогда кто он? — дети окружили его, забыв про Закира.

Дмитрий тяжело вздохнул и сел на край скамьи, отстёгивая крепления протеза. Механическая рука с тихим гулом легла на землю рядом с ним.

— Он ученик Ведьмы, — просто сказал гвардеец. — А Ведьма... она не просто странница Светлана.

Он посмотрел на Закира, и в его взгляде читался немой

укор: «Расскажи им правду».

— Она — Царевна Тамара, — выдавил Закир хрипло. — Та самая.

Дети переглянулись. Для них это имя было лишь строчкой из сказок.

— И что? — пожал плечами один из мальчишек. — Ну и что она сделала?

Закир растерялся. «Сожгла деревни»? «Убила сотни людей»? Это была правда для взрослых, но для детей это были просто страшные слова без смысла. Дмитрий снова взял слово. Его голос был спокоен и твёрд:

— Она выиграла войну.

Дети притихли. Это они понимали. Война между Южными землями и Рюлелем была в их учебниках.

— Рюлель никогда не признавал её преступницей, — продолжал Дмитрий, глядя куда-то вдаль. — Она просто ушла. Взяла и исчезла из дворца однажды ночью. Искали её долго... А потом перестали. Простой люд сам напридумывал себе не весь что.

— Но почему она напала на нас? — спросил тот же мальчишка.

Дмитрий перевёл взгляд на детей и чуть усмехнулся:

— А кто на кого напал? По-моему, это Шу первым напал на её ученика.

Дети задумались, ковыряя носками сапог мёрзлую землю. Логика была железной.

— А почему Шу напал на Кира? — наконец спросила девочка.

Закир снова попытался ответить:

— Потому что у него метка! Это знак проклятия! Фавн...

Слова выходили бессвязными и жалкими. Дети смотрели на него с недоумением. Они не боялись фавнов из сказок так, как боялись взрослые. Они отвернулись от Закира и снова посмотрели на Дмитрия. «Дяденька могильщик» казался им куда более надёжным источником. Дмитрий подобрал свой протез и положил тяжёлую руку на плечо одного из мальчишек.

— Метка фавна — это не проклятие для города. Это шрам на теле жертвы. Нечисть ставит её, чтобы знать, кого преследовать. Видимо, Кир когда-то стал жертвой фавна. Ему повезло выжить... но тварь всё ещё идёт по следу.

Дети слушали внимательно.

— А почему тогда взрослые говорят про проклятье? — не унимался мальчик.

Дмитрий вздохнул:

— Потому что взрослые боятся того, чего не понимают. Они боятся фавна. И чтобы оправдать свой страх перед ребёнком, они придумали сказку про «проклятье». Проще обвинить того, кто слабее, чем признаться себе, что ты боишься монстра из леса.

Дети молчали, переваривая услышанное. В их головах рушилась привычная картина мира, где взрослые всегда правы

и всё знают лучше.

— Теперь я вообще ничего не понимаю... — прошептал один из них.

И тут девочка с косичками сделала шаг вперёд и ткнула пальцем в сторону Закира:

— Вы... вы просто злые! Вы напали на Кира! А он ничего не сделал! Он сам страдает! Его преследует чудище! И вообще Если бы на меня напали злые дяди или фавн какой-нибудь страшный прибежал бы за мной гоняться моя мама тоже бы меня защищала! Может, не магией, как Царевна Ведьма, но уж точно бы в обиду меня не дала!

Остальные дети согласно загудели. Они обвиняли не монстра из леса и не ведьму из легенд. Они обвиняли своего городничего и всех взрослых Шу в жестокости и глупости. Девочка надула покрасневшие щёки, развернулась и убежала обратно в переулок. Остальная детвора с топотом последовала за ней вслед, за их новой героиней. Закир проводил их взглядом полным отчаяния и стыда, а затем повернулся к «могильщику».

— Ты вообще на чьей стороне? — спросил он.

Дмитрий перебирал крепления своего магического протеза с абсолютно невозмутимым видом.

— Я? – он почти удивлённо посмотрел на городничего с насмешливой искрой в голубых глазах. – Я всего-то ворчливый мужик без руки, который любит повспоминать старые добрые времена, — его взгляд грустно обратился к небу. —

Как одна девчушка постоянно поджигала розы, говоря, что так они обретают новый смысл, а мальчишка за ней благоговейно наблюдал. Один безмозглый капитан постоянно над ними смеялся и валил меня на лопатки... Там было хорошо Пока эти милые дети не попали в ад и сами не стали демонами, чтобы выжить.

Дмитрий пристегнул свой протез, щёлкнув замком, и пошагал в сторону временного лагеря гвардейцев Рюлеля твёрдой походкой человека, проводившего расследование о появлении Царевны Тамары и предполагаемого Царевича Руслана.

***

Дворец Аскольда был не похож на привычный дом. Здесь не было стен из живого дерева и уютных углов. Это было царство холодного камня, витых колонн и высоких сводов, уходящих во тьму. В центре огромного тронного зала, на гигантском листе, который Аскольд магией выстлал вместо ложа, лежала Тамара.

Её тело казалось невесомым. Магические огни, похожие на застывшие капли света, медленно кружили над ней, создавая кокон из мягкого сияния. Герань, самая храбрая из фей, сидела на подушке рядом с её лицом и тихо плакала, прижимаясь к холодной щеке ведьмы.

Аскольд стоял у изголовья. Его тело напряженно подрагивало, а лицо выражало крайнюю степень сосредоточенности. Он водил ладонью над Тамарой, не касаясь её, пытаясь счи-

тать потоки маны.

— Это замкнутый круг... — бормотал он себе под нос. — Проклятая петля.

Рядом с троном, прямо на холодном полу, сидел Клэр. Он был в человеческой форме. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, а сами глаза были красными от недосыпа и сдерживаемых слёз. Он не спал уже три дня.

— Что с ней? — хрипло спросил он, не поднимая головы. – Почему она не просыпается? Аскольд, скажи. Я полный дурак в этих ваших формулах и потоках.

— Её магия... — начал Аскольд, подбирая слова. — Это не просто заклинание. Это искусственное сердце. Сложнейшее переплетение магических кругов. Они выстроены так, чтобы имитировать все функции живого органа.

— Пульс... Тепло тела... — глухо отозвался Клэр. — Я помню. Когда мы были детьми, она что-то говорила об этом. О том, что магией можно заменить любой орган.

Аскольд кивнул:

— Верно. Но здесь есть ловушка. Все эти процессы абсолютно интуитивны. Она не может управлять ими сознательно. «Дышать», «источать тепло», «жить» — это базовые команды для её магии.

Он сделал паузу, глядя на бледное лицо Тамары.

— Сбой произошёл в тот момент, когда ей понадобились чувства. Магия не может осознать эмоцию и встроить её в работающий механизм как новую деталь. Это всё равно что

пытаться вставить квадратный штырь в круглое отверстие на полном ходу.

— Фантомные боли... — прошептал Клэр.

— Именно. Магия пыталась встроить в уже сложенный механизм ломаный и неправильный круг. В итоге получалась не любовь или сострадание, а боль от сердца, которого нет.

Клэр сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— А сейчас? Что происходит сейчас?

Аскольд тяжело вздохнул:

— Сейчас этот процесс достиг своего пика. Тамара испытала такую сильную потребность чувствовать... что этот ломаный круг повредил всю систему. Магическое сердце пытается восстановиться, но тут же разрушается вновь, потому что не соответствует её истинной потребности. Она застряла в ловушке собственного идеала магии и жажды истины Это её упрямство! Просто истинная крёстная дочь Бога Войны!

В тёмном коридоре, ведущем к тронному залу, за массивной колонной сидел Кир. Он обхватил колени руками и дрожал, хотя в зале было тепло. Он слышал каждое слово.

К нему тихо подошёл Клэр. Он двигался бесшумно, но Кир всё равно вздрогнул от его прикосновения, когда большая рука легла ему на голову и начала мягко гладить по волосам.

— Ты ни в чём не виноват, Кир... — голос Клэра был усталым, но спокойным.

Кир поднял на него глаза, полные непролитых слёз и от-

чаяния.

— Иди домой, — продолжил Клэр. — Покорми своих питомцев. Они ждут. А потом тебе нужно лечь спать. Приготовь себе что-то простое, как я тебя учил.

Кир слушал его молча. Ему хотелось, чтобы Клэр обвинил его. Чтобы накричал: «Это ты виноват! Ты убил её своими словами!». Тогда было бы проще. Гнев можно понять, с ним можно бороться или принять его. Но это спокойное сочувствие било сильнее любого кнута. Оно выжигало изнутри. Кир чувствовал себя ещё более виноватым от того, что его пытаются утешить.

Он молча кивнул и, не говоря ни слова, побрёл по коридору прочь от сияющего зала, где умирала его наставница. За его спиной раздались тихие всхлипы. Это был Клэр, прижавшийся лицом к руке Тамары.

***

Кир, как и велел Клэр, вернулся домой. Дом встретил его немым укором. Всё вокруг было неестественно тихим и мрачным, но до боли знакомым. Воздух, обычно наполненный звоном склянок, запахом зелий и тихим мурчанием Клэра, теперь казался густым и неподвижным, как желе. Тишина давила на уши.

Кир, стараясь не смотреть на лестницу, по которой никто не спускался, механически принялся за дела. Это был единственный способ удержать себя от того, чтобы не закричать.

Сначала он отнёс новые приобретения в свою комнату.

Жаба была посажена в старый аквариум, ящерицы — в террариум с подогретыми камнями, а венерины мухоловки аккуратно заняли место на подоконнике рядом с остальными растениями. Покормил рыбок и насыпал семечек синицам, которые тут же прилетели на зов.

Затем он спустился на кухню. Достал яйца, бекон и хлеб. Он пытался готовить так, как учил его Клэр, но руки дрожали. Яичница подгорела с одного края, бекон остался сырым внутри, а хлеб он чуть не сжёг, задумавшись. Получилось далеко не так хорошо, как у Клэра. Даже у Аскольда с его пирожками выходило лучше.

Кир сел за стол с этой жалкой пародией на ужин. Ему мерещилось, что сейчас скрипнет половица, и по лестнице спустится Тамара. В его голове звучал её ровный голос: *«Ты опять сжёг бекон?»* или *«Что это за месиво у тебя в тарелке?»*. Но вокруг была лишь ужасная, оглушающая тишина.

Кир уронил голову на стол, и его плечи затряслись. Он больше не мог сдерживаться. Рыдания вырвались наружу, смешиваясь с запахом гари от неудавшегося ужина.

В его голове эхом звучали слова Аскольда: *«Магическое сердце... оно не способно заменить настоящее»*.

И тут его посетило озарение. Холодное, ясное, как лёд.

Он не знает, где сейчас сердце Тамары.

Но он знает, кто его забрал.

Кир резко выпрямился. Глаза были красными, но в них больше не было детской обиды. В них горела решимость. Он

не будет ждать, пока магия «самовосстановится». Он не будет сидеть и смотреть, как она умирает из-за его глупых слов. Он вскочил и начал действовать. Собрал небольшую походную сумку: флягу с водой, пару кусков хлеба с сыром (остатки ужина), тёплый свитер и нож. Проверил содержимое карманов — пара самоцветов от гномов всё ещё была при нём.

Он направился к границе леса. К той самой сосне с кривым стволом. Сердце колотилось где-то в горле.

— Пожалуйста... — шептал он, продираясь сквозь кустарник. — Пусть портал ещё работает.

Вот она. Сосна. Её корни вздымались над землёй, образуя тёмный проход. Кир замер на мгновение, прислушиваясь. Воздух здесь едва заметно дрожал.

Клэр забыл снять свою магию с границы леса. Портал всё ещё вёл в Шу.

— Тамара, — Кир позвал её. — Я собираюсь сделать глупость. Останови меня, если можешь.

Лес ответил ему тишиной.

— Прости, я так хотел, чтобы ты меня поняла, — прошептал Кир. — Но, если честно, я тоже хочу тебя понять. Я хочу понять, почему ты покинула дврец и отправилась искать истину, я хочу понять, что тебя держало там столько лет и что привело в лес.

Кир утёр слезу, бежавшую по щеке.

— Я пойму тебя, Тамара.

Он решительно шагнул в темноту портала.

АКТ III: Царьград. Глава 12: Грифон не знает пути домой

Воздух в Шу был другим. Он больше не пах страхом и спиртом, а дымом от печей, свежим хлебом и мокрой, подтаявшей землёй. Кир, затаившись в тёмном углу повозки торговца тканями, осторожно выглянул наружу. Он спрыгнул на землю, как только телега свернула на рыночную площадь, и тут же вжался в тень между двумя домами.

Город гудел. Но это был не тревожный гул эпидемии, а шум обычной, возвращающейся к жизни толпы. И разговоры... Разговоры были совсем не те, что он ожидал услышать.

— А я тебе говорю, дураки мы были! — басил один мужик другому, поправляя лоток с овощами. — Она ж нас от мора спасла! Всех! А мы? На дитя её с кулаками!

— Да тише ты! — шикнул второй, оглядываясь. — Гвардейцы-то всё ещё тут. Услышат — не сносить нам головы. Но по правде сказать... стыдно мне. Ребёнка-то за что?

Кир замер, не веря своим ушам. Он ожидал увидеть сожжённые дома или разъярённую толпу, ищущую ведьму. А вместо этого город... стыдился? Дети, бегавшие по площади, только подтвердили его догадку. Их игра была странной и показательной.

— Я буду Кровавой Царевной! — кричала одна девочка,

размахивая палкой как мечом. — А ты будешь моим верным псом Клэрисом!

— Я не хочу быть псом! — возмущался её товарищ. — Я хочу быть рыцарем, который попросит её руки!

— Дурак! — авторитетно заявляла девочка. — Рыцари все глупые. А Царевна — она сильная! Она бы любого рыцаря победила одной левой!

Кир смотрел на это, открыв рот. Его метка фавна, скрытая под зачарованным пластырем, больше не была символом проклятия в детских играх. Она стала знаком силы. В этих играх на площади, мальчик, что отыгрывал его роль побеждал чучело фавна.

Внезапно чья-то тяжёлая рука легла ему на плечо. Кир вздрогнул и резко обернулся, готовый бежать или драться.

— Тихо! — прошипел знакомый голос.

Это был Закир. Городничий выглядел измотанным, но его хватка была железной. Он быстро затащил Кира в узкий проулок, подальше от чужих глаз.

— Ты что здесь делаешь?! — прошипел Закир, оглядываясь по сторонам. — Ты с ума сошёл?! Уходи немедленно! Гвардейцы ищут тебя и твою... наставницу.

Кир прищурился. Он видел слабость Закира и решил сыграть на ней.

— А чего мне бояться? — нагло спросил он, копируя интонации Тамары. — Вижу, Шу не так уж и враждебно настроен. Скорее наоборот.

Закир на мгновение растерялся, но тут же нахмурился.

— Не твоего ума дело! Ты ребёнок! Тебе здесь опасно!

— Но люди же говорят... — не унимался Кир. — Они благодарны. Они поняли. Кажется, я стал ближе к истине в душе Тамары.

Закир тяжело вздохнул и привалился спиной к глиняной стене дома. В его глазах мелькнула застарелая боль.

— Люди Шу не забывают доброты, малыш, — тихо сказал он. — И зла тоже. Мы помним, что стало с моей деревней... Я не могу принять тебя полностью. Не могу забыть то, что было сделано там.

— Но ты хочешь понять Тамару, — закончил за него Кир, внимательно глядя на городничего.

Закир вздрогнул.

— Я хочу понять её... Светлану... Тамару... Не ту легенду, которой пугают детей, а её саму. Почему она так поступила? Почему она такая?

Кир смотрел на этого взрослого, сильного мужчину и видел лишь наивного в своём почти детсом упрямстве человека, мечтающего о внимании холодной Царевны. Как же сильно Закир отличался от молчаливой верности Клэра в его глазах. Он усмехнулся, и эта усмешка была совсем не детской.

— На что ты надеешься? — холодно спросил Кир словами, что когда-то слышал от Тамары. — Ты для неё... лишь свинья на поле с клевером, за которым она наблюдает.

Закир побледнел.

— Что?

— Ты просто часть пейзажа, за которым она наблюдает из интереса, — безжалостно продолжал Кир. — Ты ешь свой клевер и думаешь, что важен. А она смотрит и думает о севообороте.

Кир оттолкнул опешившего Закира и шагнул обратно на свет рыночной площади.

— Гвардейцы всё ещё здесь? — бросил он через плечо.

Закир кивнул, всё ещё переваривая оскорбление.

— Скинули маски «могильщиков». Расследуют появление Царевны Тамары... И юного Царевича Руслана.

Кир застыл на месте. Имя резануло слух. Он никогда его не слышал. Но оно звучало опасно. Ему бы стоило спросить, но было чувство, что пока не время. Он молча развернулся и скрылся в толпе, оставив Закира стоять в тёмном проулке с выражением полного смятения на лице.

***

Лагерь гвардейцев Рюлеля раскинулся на окраине Шу, у самой городской стены. Это было не хаотичное скопище палаток, а строгий военный порядок. Ровные ряды шатров, патрули, негромкий звон металла — здесь всё дышало дисциплиной. Кир наблюдал за ними из-за полуразрушенной стены старого склада. Он видел, как сменяются часовые, как «могильщики» — теперь уже без масок — занимаются своими делами.

У него не было карты. У него не было плана. Он был про-

сто ребёнком в чужом городе. Но он был учеником Тамары. А значит, он умел думать.

«Я не могу спрятаться от них», — думал Кир, кусая губу. — «Я не могу убежать. Но что, если... они сами отвезут меня туда, куда мне нужно?»

Он глубоко вздохнул, поправил сумку на плече и вышел из своего укрытия. Не таясь, он направился прямо к центру лагеря. Несколько гвардейцев заметили его почти сразу. Один из них, парень с едва пробивающимися усиками, удивлённо вскрикнул и схватился за меч.

— Эй! Ты кто такой?! А ну стой!

— Ой, вот только не надо в меня этим тыкать, — скучающим тоном бросил Кир. Одно движение его пальцев — и из-под плаща вырвалась Лоза. Она стремительно опутала ноги гвардейца, и тот с грохотом повалился на землю, роняя меч.

Кир не остановился. Он шёл прямо к большому шатру в центре, над которым развевался флаг Рюлеля.

— Я ученик ведьмы ой, тьфу ты, блин! Я ученик Царевны Тамары! — крикнул он во всё горло, так что его голос разнёсся по всему лагерю. — Я требую встречи с вашим командиром! Я тут! Совсем беззащитный ребёнок!

На мгновение повисла тишина. А затем лагерь взорвался движением. Гвардейцы выскакивали из палаток, хватаясь за оружие. Вокруг Кира мгновенно образовалось плотное кольцо из стали и суровых лиц.

— Взять его! — рявкнул кто-то.

— Это он! Тот самый!

— Мальчишка! Как он прошёл?!

Кир стоял в центре этого стального круга. Он ожидал удара, грубого захвата, крика. Но ничего не происходило. Гвардейцы смотрели на него не с яростью, а с каким-то священным трепетом и... страхом.

А затем, один за другим, они начали опускаться на одно колено. Бряцание металла о промёрзшую землю слилось в единый гул. Десятки воинов склонили головы перед одиноким ребёнком.

Кир смотрел на это, открыв рот. Он был ошеломлён. Мальчик был уверен, что его схватят, чтобы допросить. А вместо этого... ему оказывали почести?

Из-за спин коленопреклонённых гвардейцев вышел высокий мужчина в тёмном плаще. Он двигался плавно, но в каждом его движении чувствовалась скрытая мощь. Он подошёл к Киру и остановился в двух шагах от него.

Это был Дмитрий. Он внимательно осмотрел мальчика с ног до головы: его светлые волосы, упрямый подбородок и красные глаза, так похожие на... другие глаза, которые он видел много лет назад в тронном зале Царьграда. Дмитрий медленно снял капюшон. Его лицо было суровым и покрытым шрамами.

— Рады приветствовать Вас, Царевич Руслан, — произнёс он ровным голосом.

В его словах не было ни радости, ни удивления. Лишь кон-

статация факта и едва заметная, усталая обречённость в голосе.

***

В шатре пахло кожей, оружейной смазкой и дорожной пылью. Кир сидел на складном стуле, вцепившись в глиняную миску с горячей похлёбкой так, будто от этого зависела его жизнь. Он ел быстро, обжигаясь, но не жалуясь. Дмитрий молча наблюдал за ним, сидя напротив. В его взгляде смешались усталость, любопытство и что-то похожее на жалость.

— Хватит, — наконец сказал он, когда миска опустела. — Ты сейчас язык проглотишь.

Кир виновато посмотрел на него и облизал ложку.

— Я не ел... нормально... пару дней, — признался он, шмыгнув носом.

Дмитрий кивнул, словно это всё объясняло.

— Пойдём. Пора ехать.

Он откинул полог шатра и жестом поманил Кира за собой. Снаружи уже смеркалось. Лагерь жил своей жизнью, но при виде Дмитрия и мальчика, идущего за ним, гвардейцы вытягивались в струнку и отдавали честь.

Они вышли за пределы лагеря, на широкую поляну. Там, в сумерках, стояло существо, при виде которого у Кира отвисла челюсть.

Это был грифон. Огромный, размером с боевого коня, он был величественен и страшен одновременно. Тело льва, покрытое серо-бурым мехом, мощные когтистые лапы, способ-

ные разорвать человека пополам. А вместо шеи и головы — орёл. Его огромные крылья сотрясали вечерний воздух Шу.

— Это... это же... — прошептал Кир, забыв обо всём на свете.

— Грифон, — спокойно подтвердил Дмитрий. — Его зовут Зефир.

Существо повернуло свою орлиную голову и уставилось на мальчика. Кир ожидал увидеть в этих глазах угрозу, но увидел лишь любопытство. Он сделал робкий шаг вперёд.

— А можно... погладить?

Дмитрий усмехнулся уголком губ.

— Попробуй. Только не делай резких движений.

Кир медленно подошёл к грифону. Тот наклонил голову, позволяя мальчику коснуться тёплого, мягкого пуха на шее. Кир провёл рукой по перьям, которые на ощупь были как шёлк и сталь одновременно.

— Он такой... тёплый, — выдохнул Кир с искренним восторгом. — Тамара никогда не разрешала мне завести такого! Говорила, что это бессмысленно! Мол, у нас есть порталы Клэра, а эту тварь постоянно кормить надо...

Он говорил быстро, взахлёб, делясь сокровенным с этим грозным созданием. И чудо произошло. Грифон Зефир, боевой зверь царской гвардии, который за свою жизнь видел лишь кровь и войну, вдруг издал звук, похожий на мурлыканье огромного кота. Он ткнулся клювом Киру в плечо, словно прося ещё ласки.

Дмитрий смотрел на эту картину с непроницаемым лицом, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Грозный хищник рядом с этим странным мальчиком превращался в огромного, неуклюжего котёнка.

— Хватит фамильярничать с царским транспортом, — строго сказал он, хотя в голосе не было злости. Он подошёл и легко подсадил Кира в седло на спине грифона. — Держись крепче за ремни.

Кир устроился поудобнее, всё ещё не веря своему счастью. Дмитрий ловко запрыгнул в седло позади него и перехватил поводья.

— Я собираюсь отвезти Царевича в Царьград! — объявил Дмитрий. — Валентин!

Гвардеец с проступающими усиками, который ещё недавно потерпел поражение от Лозы, гордо выступил вперёд.

— Вы остаётесь здесь! — велел Дмитрий. — Вам положено искать следы Царевны Тамары, чтобы вернуть её по указу Царя домой!

— Да, капитан! – ответил Валентин. — Но, позвольте Отправлять только Вас сопровождать Царевича Руслана

— Щенок! — в глазах Дмитрия отражался огненный свет последних солнечных лучей. – Смеешь сомневаться в своём капитане?

— Никак нет! — ответил Валентин и склонил голову. На его лбу проступила испарина.

Зефир присел на задние лапы, готовясь к прыжку, а за-

тем мощным толчком взмыл в воздух. Кир вцепился в ремни седла так, что побелели костяшки пальцев. Мир внизу — крошечные палатки, игрушечные фигурки гвардейцев, извилистые улочки Шу — стремительно уменьшался. Ветер засвистел в ушах, выбивая слёзы и заставляя щеки гореть от холода и восторга.

Это было не похоже на порталы Клэра. Портал — это мгновенная вспышка, дезориентация и вот ты уже там. Полет на грифоне был живым. Кир чувствовал, как напрягаются могучие мышцы под седлом с каждым взмахом огромных крыльев. Он ощущал запах перьев и звериного тепла. Это было чувство абсолютной свободы и скорости.

— Он великолепен! — закричал Кир, перекрывая шум ветра. Он наклонился вперед и, рискуя выпасть, погладил Зефира по мощной шее. — Ты лучший! Самый быстрый!

Грифон издал громкий, трубный клёкот, который, казалось, сотряс само небо, и сложил крылья, переходя в крутое пике сквозь облака. На мгновение их окутала влажная, холодная белизна, а затем они вырвались на ослепительный свет.

Они летели над бескрайним белым полем. Облака теперь были не над головой, а под ногами, словно пуховое одеяло, укрывшее землю.

— Долго лететь до столицы? — спросил Кир, всё ещё тяжело дыша от восторга.

— Мы не летим в столицу, — голос Дмитрия за спиной

был ровным и холодным.

Кир резко обернулся, насколько позволяли ремни.

— Что? Но ты же сказал

— Я везу тебя домой. К Тамаре и Клэрису. Получать заслуженный нагоняй за побег.

— Нет! — Кир дернулся в седле. — Мне нужно в Царьград! Мне нужно вернуть сердце Тамары!

— Это слишком опасно для ребёнка.

— Я не ребёнок! Я её ученик!

— Ты сбежал из дома, подверг себя смертельной опасности и теперь ещё смеешь спорить? — в голосе Дмитрия зазвенел металл. — Ты немедленно вернёшься и извинишься перед наставницей!

Кир глубоко вдохнул. Он чувствовал, как внутри разгорается упрямство, так похожее на упрямство самой Тамары. Он посмотрел Дмитрию прямо в глаза.

— И как ты планируешь отвезти меня домой? — спросил он с ядовитой логикой. — Как ты отвезёшь меня туда, если ты даже не знаешь, где я живу?

Дмитрий осёкся. Он открыл рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Он молчал несколько долгих секунд, пока грифон парил в восходящих потоках воздуха. Капитан гвардии Рюлеля только сейчас осознал простую истину: этот ребёнок был прав. Он понятия не имел, где всё это время прятались Тамара с Клэрисом и где жил этот мальчик. Он тяжело вздохнул, закатив глаза.

— О, Хара О, Лёль. Я так жаловался пока росли Тамара и Клэрис. Я молился каждый день, называя их самыми неугомонными детьми на свете. И так вы решили меня наказать? Вы отправили ко мне это безрассудное дитя, в котором смешались упрямство Тамары и острый язык Клэриса, — сокрушался Дмитрий. – За что все эти несчастья на мою седую голову!

Кир смотрел на него с победной улыбкой. Но Дмитрий не закончил. Он сжал поводья так, что побелели костяшки.

— Нет. Так не пойдёт. Я не могу везти тебя в Царьград просто по твоей прихоти.

Не говоря больше ни слова, он резко дёрнул поводья. Грифон издал недовольный клёкот и начал снижаться по широкой спирали. Они спикировали в сторону горного хребта, приземлившись на каменистой площадке у подножия ревущего водопада. Брызги воды оросили их лица.

Зефир тут же забыл о своей грозной миссии. Он с радостным клёкотом вбежал под струи воды, отряхиваясь и играя, словно огромный щенок.

Дмитрий повернулся к Киру. Его лицо было суровым.

— Говори. Где твой дом?

Кир упрямо сжал губы и помотал головой.

— Нет.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас происходит? — голос Дмитрия сорвался на хриплый шёпот. — Ты хоть представляешь, что сейчас творят Клэрис и Тамара? Они же тебя

обыскались! Глупый мальчишка! Они с ума сходят!

— Я не могу вернуться! — крикнул Кир, его голос дрожал от обиды и злости. — Не могу, пока не верну сердце Тамары!

Дмитрий шагнул к нему, нависая грозной тенью.

— Она одиннадцать лет без него жила и не переживала сильно! Чего тебя сейчас-то за ним потянуло?!

Кир осёкся. Его победная улыбка сползла с лица. Он побледнел и опустил голову.

— Потому что... это я виноват... — прошептал он едва слышно за шумом водопада.

Он рассказал всё. Про ссору в лесу. Про свои крики. Про то, как Тамара упала без чувств после его слов о сердце. Дмитрий слушал молча, его лицо каменело с каждым словом.

Когда Кир закончил, он стоял перед капитаном, маленький и раздавленный горем.

Дмитрий долго молчал, глядя на играющего грифона. Затем он тяжело вздохнул и положил огромную руку мальчику на плечо.

— Послушай меня, Кир... или Руслан... кто бы ты ни был. Ты действительно виноват в том, что наговорил лишнего в гневе. Но... это лишь часть правды. А вся правда в том, что ты просто ребёнок. Очень добрый ребёнок, который любит свою наставницу больше всего на свете.

Кир поднял на него глаза, полные слёз. Дмитрий говорил спокойно, без злости.

— И она... она бы не впала в такое состояние просто от слов обиженного ученика. Это случилось потому... что твои слова попали в цель. Потому что она тоже тебя любит. Больше всего на свете.

Кир не выдержал. Он уткнулся лицом в кожаный плащ Дмитрия и разрыдался — уже не от обиды или страха, а от облегчения. Капитан неловко погладил его по голове своей единственной рукой.

Спустя несколько минут Кир успокоился. Он вытер слёзы рукавом и посмотрел на Дмитрия с упрямым блеском в глазах.

— Так ты отвезёшь меня?

Дмитрий обречённо вздохнул. Огляделся по сторонам, будто ища надежду, но вскоре ответил:

— Отвезу... Тебя нужно доставить к Царю Виктору?

— Да, только он знает, где сердце Тамары, — кивнул Кир.

— И то верно, — Дмитрий почесал затылок, его суровость окончательно уступила место усталой задумчивости. — Вашу встречу несложно устроить... учитывая, что ты, предположительно, пропавший Царевич Руслан.

— Я всё спросить хотел, — Кир нахмурился и склонил голову набок, как любопытный щенок. — Что вообще за Царевич Руслан?

***

Дворец Аскольда, обычно наполненный тихим шелестом листвы и магическим гулом, теперь казался склепом. В трон-

ном зале, на гигантском листе, лежала Тамара. Её дыхание было таким слабым, что его можно было принять за игру света от парящих магических огней.

Клэр сидел на полу рядом с ней. Он так и не смог поспать. Его лицо стало совсем серым, а рука, лежавшая на краю листа, безвольно свисала вниз. Он смотрел на бледное лицо Тамары и не видел ничего, кроме своей вины. «Это я должен был быть там», — билась в его голове единственная мысль. — «Я должен был защитить его».

Внезапно тишину разорвал топот маленьких ног и взволнованное бормотание. В зал ворвалась делегация гномов — четверо крепких бородачей в кожаных фартуках, перемазанных рудой.

— Король Аскольд! — хрипло выдохнул старший из них, пытаясь отдышаться. — Беда! Мы видели... видели, как он ушел!

Клэр даже не поднял головы.

— Кто ушел? — голос Аскольда был подобен грому.

— Мальчишка! Кир! — гном отчаянно жестикулировал короткими руками. — Он подошел к границе... к той кривой сосне! И... и шагнул в проход! Один!

Имя «Кир» подействовало на Клэра как удар молнии. Он резко вскинул голову. В его зеленых глазах, полных отчаяния, вспыхнул яростный огонь.

— Что?! — прорычал он, вскакивая на ноги. — Один?

Аскольд мгновенно оказался рядом с ним и крепко схва-

тил друга за плечи.

— Клэр! Стой! — рявкнул Король Фей так, что задрожали стены. — Всё! Хватит сидеть здесь и убивать себя! Этим ты ей не поможешь!

Клэр дернулся, пытаясь сбросить его руки, но хватка Аскольда была железной.

— Послушай меня! — Аскольд встряхнул его. — Ты нужен сейчас не здесь, чтобы посыпать голову пеплом. Ты нужен там! Нужно найти Кира, пока с ним ничего не случилось! Подумай о Тамаре, она нам головы оторвёт, если с ним что случится!

Слова Короля Фей прорвались сквозь пелену горя. Клэр замер, тяжело дыша. Аскольд продолжил уже тише, но с непререкаемой властью:

— Я останусь с ней. Я сделаю всё, что в моих силах. А ты... ты найди его. Верни его домой.

Клэр посмотрел на Тамару, затем на Аскольда. В его взгляде читалась мольба и решимость.

— Я найду его, — Клэр подхватил свою кожаную куртку с пола. – Найду устрою ему настоящий разнос!

В этот момент маленькая фигурка метнулась к нему из темного угла и вцепилась в штанину.

— Возьми меня с собой! — пискнула Герань. Её крылышки дрожали от волнения.

Клэр наклонился и попытался отцепить её руку.

— Нет. Это слишком опасно для тебя. Мир людей жесток.

Оставайся здесь, с Тамарой.

— Но ты не найдешь его без меня! — Герань упрямо топнула ножкой. — Я могу отследить его ману! Ты же даже дракона со свими способнаостями не почуствуешь!

Аскольд подошел к ним и присел на корточки перед феей.

— Она права, Клэр, — серьезно сказал он. — Герань — самая ответственная из фей. Если кто и может помочь тебе в мире людей, так это она.

Клэр посмотрел на маленькую фею, затем на Короля Фей и тяжело вздохнул. Он видел в их глазах лишь искреннее желание помочь.

— Ладно... — нехотя согласился он.

Герань тут же оживилась и проворно запрыгнула в нагрудный карман его куртки.

— Только не высовывайся без надобности, — буркнул Клэр.

Он бросил последний взгляд на Тамару. Аскольд кивнул ему, давая молчаливое благословение.

Клэр развернулся и широкими шагами покинул тронный зал. Герань выглянула из кармана, провожая взглядом прощаясь с не подвижным телом ведьмы. Впереди их ждал мир людей и путь по следу сбежавшего ученика.

***

Зефир летел высоко над облаками. Ветер здесь был ледяным и чистым, а солнце, отражаясь от бескрайнего белого поля внизу, слепило глаза. Кир сидел в седле, вцепившись в

ремни, и молча слушал.

Дмитрий говорил ровным, лишенным эмоций голосом, словно читал скучный отчет. Но каждое его слово било Кира сильнее любого кнута.

— Царевич Руслан... — начал капитан. — Он родился через год после того, как Тамара покинула дворец. Его матерью была Людмила, мать Царевны Кристины. Отцом — Царь Виктор.

Кир нахмурился. Он никогда не слышал этого имени в контексте своей жизни.

— Людмила обожала сына. Тот факт, что она родила мальчика Виктору, возносил её в глазах двора на вершину. Но... — Дмитрий сделал паузу, подбирая слова. — Спустя всего месяц после его появления на свет, младенец бесследно пропал из колыбели. Просто исчез ночью.

Кир молчал, ожидая продолжения.

— Злые языки при дворе... — продолжил Дмитрий, и в его голосе впервые проскользнула нотка презрения к дворцовым интригам. — Они говорили, что это дело рук Тамары. Что она вернулась, чтобы отомстить, и украла или убила ребенка. Царь Виктор же её вины никогда не признавал.

Кир резко повернул голову, насколько позволяли ремни. Его красные глаза сверкнули гневом.

— Это неправда.

— Я знаю, что это неправда, — спокойно ответил Дмитрий, глядя вперед. — Но это почти официальная версия для

тех, кто любит искать виноватых. А теперь послушай меня внимательно.

Он посмотрел на Кира с неожиданной серьезностью.

— Я хочу знать: почему ты так уверен, что Тамара не могла его украсть? Ты ведь понимаешь, что если ты и есть Руслан... то это ставит её под удар?

Кир глубоко вздохнул. Он не кричал. Он говорил с той же холодной логикой, которую перенял от наставницы. Он начал загибать пальцы, перечисляя аргументы:

— Начнём с первого и самого главного. Мотив. У Тамары его нет. Жизнь двора ей была настолько неинтересна, что она даже не знала о существовании Царевича Руслана. Да и о какой мести может идти речь, если у Тамары буквально нет сердца? Она просто не чувствавала потребности в ней. Второе, доказательство на лицо, в прямом смысле. Метка. Если мы будем исходить из того, что я и есть Царевич Руслан, то это лишь докажит её невиновность. У меня метка фавна. Зачем Тамаре красть ребенка из дворца только для того, чтобы потом позволить нечисти пометить его и сделать своей жертвой? Это лишено всякого смысла. Третье. Свидетель. Так себе свидетель, скорее косвенный, но всё же. Я сам встречал фавна два года назад. И тот факт, что я выжил и встретил Тамару — это не похищение, а спасение. Фавн сам сказал это мне, что я был жертвой, а Тамара меня спасла. Четвёртое. Второй свидетель. Он куда более надёжный, чем лесная тварь. Закир. Городничий Шу узнал во мне ребенка из сво-

ей деревни. Это доказывает, что у меня была какая-то жизнь до леса. Он отдалённо, но знал эту жизнь. И знал, что меня принесли в жертву селяне. Тамара нашла меня уже после того, как я стал жертвой. Ощущаешь картину? Я жил младенцем в деревне. Там начался голод, и селяне принесли меня в жертву. После меня от фавна спасла Тамара. Эта картина логичная. А так, о которой говоришь ты, - нет. Какая тогда цепочка? Тамара как-то почуствовала желание мести без сердца, потом выкрала меня, подкинула в деревню, где меня принесли в жертву, а затем спасла. Понимаешь глупость этой версии?

Кир замолчал и посмотрел на Дмитрия.

— Вывод прост: даже если я и есть Царевич Руслан... то похитила меня точно не Тамара. Скорее выглядило всё так. Если конечно мы будем исходить из версии, что именно я Царевич Руслан, то выглядеть это будет так: кто-то выкрал меня из дворца, спрятал в деревне, там начался голод, селяне принесли меня в жертву фавну, а Тамара спасла. Вот это уже звучит логично.

Дмитрий долго молчал. Грифон мерно взмахивал крыльями, неся их над спящим миром облаков.

— Логично... — наконец признал капитан с уважением в голосе. — Очень логично. В тебе действительно её склад ума и острый язык Клэриса.

Он поправил поводья и задал вопрос, который мучил его самого:

— А ты... не хочешь узнать? Кто были твои настоящие родители? Даже если это не Людмила и Виктор.

Кир посмотрел на проплывающие внизу облака. Его ответ был тихим, но твердым.

— Нет. Мне это не нужно.

Он повернулся к Дмитрию, и в его глазах была мудрость, не свойственная ребенку.

— Подумай сам. Я был один в лесу. Как я сам только что доказал — меня бросили или потеряли. Значит, мои родные родители либо мертвы... либо они не любили меня настолько, чтобы оставить себе... либо они были слишком слабы, чтобы меня защитить.

Он сжал кулак.

— Я — ребенок с сильной маной и меткой фавна на щеке. Я не могу тратить время на поиски призраков. На поиски родителей, которые ничем не смогут мне помочь. Если они где-то и есть... или были... то пусть просто переживут эту потерю и живут дальше.

Он посмотрел на Дмитрия с упрямой решимостью.

— Неважно, просто они плохие родители или слабые... я простил их зло и их слабость. Я хочу быть с Тамарой и Клэром. А не с иллюзией семьи из прошлого.

Дмитрий ничего не ответил. Он лишь крепче сжал поводья Зефира, глядя на горизонт, где уже показались далекие шпили Царьграда.

— Ты называешь Клэриса Клэром? Это прозвище такое?

— вдруг спросил Дмитрий, пытаясь перевести дух после тяжелого разговора и сменить тему.

— Не совсем — протянул Кир, хитро прищурившись. — Если встретишь Тамару, не говори ей про Клэриса, ладно? Видишь ли, Клэр... он... притворяется проклятым котом.

Дмитрий медленно повернул голову и уставился на мальчика. Его лицо, обычно суровое и непроницаемое, вытянулось от удивления.

— Что, прости?

— Ну да, — как ни в чем не бывало продолжил Кир. — Он говорит, что это его самая удачная маскировка за всю жизнь. Говорит, что так проще всего следить за ней и не вызывать подозрений. А еще ему нравится, когда она его гладит.

Дмитрий моргнул. Один раз. Второй.

— Хара всемогущий... — пробормотал он себе под нос, глядя куда-то вдаль. — Я думал, что я повидал всё на своем веку...

Его плечи начали трястись от хохота.

— У него было одиннадцать лет! — сквозь смех проговорил он, и на глазах сурового капитана гвардии выступили слёзы. — Одиннадцать лет! А он ей так и не признался?

Кир смотрел на него с недоумением, а потом тоже робко улыбнулся. Впервые за долгое время атмосфера между ними стала легкой.

Внезапно мощный порыв ветра ударил в лицо. Мимо них, на огромной скорости, пронёсся другой грифон. Белоснеж-

ный, он был крупнее Зефира и летел с хищной грацией. Кир лишь на мгновение успел поймать взгляд всадника. У того были пронзительные зелёные глаза. Точно такие же, как у Клэра.

— Евгений... — процедил Дмитрий сквозь зубы, и его лицо мгновенно окаменело, стирая остатки улыбки. Он проводил белого грифона мрачным взглядом. — Брат Клэриса.

— Брат? — удивился Кир. — Но я думал...

— Он полетел в Шу, — перебил его Дмитрий, возвращая Зефира на прежний курс. — Официально — чтобы руководить поисками Тамары. На деле... у него совсем другие цели.

Дмитрий помолчал, подбирая слова.

— Видишь ли, за эти одиннадцать лет многое изменилось. Сторонники Людмилы и её дочери Кристины... взяли верх при дворе. Они прогнули под себя всю царскую гвардию. Евгений... заключил помолвку с Кристиной, когда Клэрис исчез вслед за Тамарой и освободил место.

Кир начал понимать.

— А Тамара...

— ...угроза, — жёстко закончил Дмитрий. — Угроза всему, чего они добились. Появление Тамары спустя одиннадцать лет рушит их планы. Кристина не сможет занять трон, пока жива истинная наследница. А если Тамара вернётся со вторым наследником... — он многозначительно посмотрел на Кира. — ...то о планах Евгения и власти Кристины можно будет забыть.

Кир сглотнул. Он вспомнил фанатичный блеск в глазах проповедников культа Кристины в Шу.

— Значит, Евгений полетел туда не спасать Тамару?

Дмитрий горько усмехнулся.

— Нет, парень. Он полетел туда, чтобы найти её и убедиться, что она никогда не вернётся в Царьград.

АКТ III: Царьград.
Глава 13: Страсть

Воздух пах розами и свежескошенной травой. Это был запах, который Тамара помнила из смутных, почти стёртых детских воспоминаний. Но сейчас она не была ребёнком. Она стояла на балконе рубинового дворца, созерцая сад.

Внизу, на лужайке, играл её отец. Царь Виктор, ещё молодой, без привычной суровости на лице, подбрасывал в воздух маленькую девочку. Девочка смеялась — звонко, заливисто. Это была она, Тамара. Её красные глаза горели на солнце, как пламя.

Рядом с деревом, скрестив руки на груди, стоял высокий мужчина в форме гвардейца. Алексей. Он не улыбался, но его взгляд, устремлённый на играющих, был полон молчаливой нежности и преданности.

— Хорошее зрелище, да? — Голос был мягким, мелодичным и звучал прямо над ухом.

Тамара резко обернулась.

На балконе, прямо позади Тамары, стояло плетёное кресло из ротанга, которого секунду назад там не было. В нём сидела женщина. У неё были длинные светлые волосы, струящиеся до самой талии, и пронзительные карие глаза.

— Ты... — прошептала Тамара. Образ был знаком ей, хоть

и по ощущениям она уже давным-давно его забыла. — Мама? Нет... Вы не она Богиня Лёль.

Женщина весело рассмеялась. Звук её смеха был похож на трель птиц весной. Вокруг неё заклубился лёгкий розовый туман. Когда он рассеялся, перед Тамарой сидела совсем другая фигура.

Её волосы стали длиннее и нежно-розовыми, как лепестки вишни. Глаза изменили цвет на глубокий кварцевый. На ней была струящаяся голубая туника.

— Как ты поняла? — спросила богиня с любопытством учёного, наблюдающего за интересным экспериментом.

— Ваши пальцы, — ответила Тамара. Её взгляд был прикован к рукам богини — изящным пальцам с фалангами цвета утренней зари. — В культуре северных народов Рюлеля вас чаще называют Розовоперстой богиней.

Лёль улыбнулась, и в этой улыбке было одобрение.

— Ты всегда была внимательной девочкой. Мне это в тебе нравилось.

Богиня изящно взмахнула рукой, и сцена в саду изменилась. Теперь это было воспоминание.

В сад вышла Наташа. Настоящая мать Тамары. Она была прекрасна той тихой красотой, которая не кричит о себе, а просто существует. Она нежно поцеловала Виктора в щеку и уселась за кованый столик, где уже стояла чашка чая.

— Я расскажу тебе историю их любви. Одну из самых любимых мною, — голос Лёль стал тихим и задумчивым. —

Историю о том, как война и сострадание рождают королей.

Сад вспыхнул розовым светом, сменившись театральной сценой. Актёры – родители Тамары и прочие, кто был ей знаком.

— Юный девятнадцатилетний Виктор был отправлен на войну с Империей Маль. Он был солдатом, а не полководцем. Но он был храбр. — Богиня говорила, а под её голос люди на сцене двигались. - Однажды он получил письмо от своей невесты Людмилы. Она разорвала помолвку с ним. А на следующий день он встретил её. Наташу. Она была из обедневшего дворянского рода, сирота. Из чистого сострадания она работала в лазарете и лечила раненых. Она спасла его. Не только от раны на плече, но и от отчаяния. Он влюбился в неё с первого взгляда в первый день зимы. А к первому дню осени следующего года – война была окончена. Ему потребовался всего год — год любви и вдохновения — чтобы победить там, где генералы топтались годами. Они поженились в день его победы. Когда жизнь Тамары, то есть твоя, уже зародилась под её сердцем.

Сцена снова сменилась. Теперь Виктор ехал в Царьград. Он вез домой невесту и будущее дитя.

— Он отправился в Царьград, чтобы представить невесту своему старшему брату, Царю Ивану, — продолжала Богиня Любви. — Но то, что он увидел по пути... Голодные деревни, разрушенные мосты, сборщики налогов, обирающие крестьян до нитки. Иван упивался властью, спускал казну на

пышные пиры и женщин. Одной из этих женщин была Людмила. Виктор принял решение свергнуть брата. Армия пошла за ним — ведь он принес им победу над Маль. Иван был казнен собственными гвардейцами по приказу Виктора. Виктор принял корону. Приближался день рождения Тамары. Дворец готовился к празднику. И тогда во дворец явилась она. Людмила. Она принесла на руках годовалую девочку — Кристину. Она заявила, что это дочь Виктора.

Тамара не отрывала взгляда от постановки. Декорации всё менялись, а лица мелькали беспрерывно. А Богиня всё рассказывала.

— Виктор всё понял сразу. Кристина была похожа на покойного Ивана. Она была дочерью его брата. Виктор хотел прогнать самозванку прочь. Но Наташа... добрая душа... уговорила его оставить Людмилу и девочку при дворе. Мол, дитя не виновато в грехе родителей. Виктор согласился. Но поставил жесткое условие: трон Рюлеля займет только их с Наташей ребенок.

Сцена снова дернулась, как полотно на ветру. И стала кошмаром. Наташа спускалась по парадной лестнице дворца. Она несла стопку белья для малышки Тамары или просто шла по своим делам... Лестница была скользкой от воска для полировки? Или кто-то подтолкнул её? Она упала. Разбила голову о мраморные ступени. Последнее, что увидела Тамара – это яростный взгляд Людмилы, прикрытый веером.

— Нет! — вскрикнула Тамара, грудь снова сжало болью

— Это... это была она? — голос Тамары дрожал от ярости и горя, которые копились в ней одиннадцать лет. — Людмила? Она убила мою мать?

Лёль медленно покачала головой. В её кварцевых глазах плескалась вековая мудрость и печаль.

— Ведь ты сама это видела, — Богиня Лёль лукаво улыбнулась. — Не сейчас и не здесь, крёстное дитя моего дорогого возлюбленного Хара. Ты ведь была тогда там.

Тамара раскрыла глаза. Всё это. Шёлк жёлтого платья. Испуганное лицо мамы. Кровь на каменном полу.

Тамара крепче сжала ткань своей белой блузы на груди, пытаясь ровно дышать. Плечи её внезапно перестали дрожать. Она выпрямилась, и тело ей расслабилось.

— И что с того? – голос Тамары внезапно стал ровным и спокойным. – Моя мама мертва больше двадцати лет. Она уже призрак прошлого, как и мой отец. Я не могу вечно гнаться за прошлым, иначе упущу то, что мне дорого сейчас. Я должна заботиться о Кире. В этом истина.

— Истина? — эхом повторила Лёль. — Тамара, истина в том, что сейчас ты лежишь без сознания. Ты достигла своего предела.

— Не достигла, — Тамара повернулась к Лёль. — Не знаю, отчего Вам так нужно, чтобы я вернулась в Царьград, но я вернусь. Своего предела в воспитании Кира я вовсе не достигла. Просто одной детали мне не хватает, чтобы продолжать быть его наставницей. Я вернусь в Царьград, но не для

того, чтобы копаться в грязном белье интриг, мести и смертей. Я вернусь за своим сердцем, а потом продолжу учить Кира.

— Вот как ты решила поступить, — Лёль улыбнулась.— - Тебе подходит. Только не обожай моё любимое дитя. Котёнку и так нелегко пришлось.

***

Воздух в тронном зале дворца Аскольда был тяжёлым, пропитанным запахом озона и магического истощения. Огромные витражные окна пропускали тусклый свет зимнего дня, рисуя на полу разноцветные, но блеклые узоры.

На гигантском листе-ложе, парящем в центре зала, лежала Тамара. Её тело было неподвижно, а кожа — бледной, как алебастр. Над ней медленно кружили магические огни, похожие на застывшие капли света, но их сияние было слабым и неровным.

У подножия трона, сплетённого из живых корней, дремал Аскольд. Король фей выглядел измождённым до предела. Его волосы болотного цвета спутались, а под глазами залегли глубокие тени. Он сидел, склонив голову на грудь, и его дыхание было хриплым и прерывистым. Поддерживать жизнь в теле Тамары, заменяя функции её магического сердца своей силой, было титанической задачей даже для пятисотлетнего владыки леса.

Внезапно магические огни над Тамарой вспыхнули в последней, отчаянной вспышке, а затем один за другим нача-

ли гаснуть, словно угасающие звёзды. Аскольд вздрогнул и резко поднял голову. Его глаза расширились от ужаса и надежды.

— Тамара? — хрипло прошептал он.

Её веки дрогнули. Она открыла глаза, но в них не было узнавания. Это был дикий, животный взгляд существа, ведомого единственным инстинктом — выжить и выполнить свой долг. Боль в груди вернулась с утроенной силой, разрывая магические каналы, но Тамара не издала ни звука. Она лишь судорожно втянула воздух.

Под её спиной на каменном полу начал проявляться сложный алый магический круг. Он пульсировал в такт несуществующему сердцу.

— Стой! — Аскольд вскочил на ноги, его голос сорвался на крик. — Ты не в себе! Тебе нужно вернуться в кокон! Я почти стабилизировал поток!

Тамара не ответила. Она лишь перевела на него тот же дикий взгляд, и магический круг оторвал её тело от листа, увлекая по воздуху к выходу из дворца. Аскольд бросился за ней, но его силы были на исходе. Он спотыкался, его движения были медленными и неловкими.

Когда Тамара влетела в свой дом, Аскольд нагнал её уже у лестницы. Он протянул дрожащую, ослабевшую руку, пытаясь остановить её:

— Тамара, это безумие! Ты убьёшь себя!

Она резко обернулась. В её красных глазах не было ни

капли сомнения — лишь холодная, чуждая решимость, от которой Аскольду стало не по себе. Из её ладоней вырвались цепи, сотканные из чистой алой магии. Они с лязгом обвились вокруг тела Аскольда и намертво пригвоздили его к стене.

— Не мешай мне... — в её голосе была лишь холодная и дикая суровость. — У меня мало времени.

Она закашлялась. На губах выступила кровь, тёмная и густая. Аскольд посмотрел на неё с ужасом и отчаянием.

— Прекрати! Ты себя убьёшь! Это глупо! Вернись в кокон!

Тамара его не слушала. Её взгляд метался по разгромленной лаборатории, пока не остановился на небольшом кожаном футляре на столе. Она доковыляла до него, рывком открыла крышку и достала оттуда старые карманные часы на серебряной цепочке. Механизм был простым, но прочным.

— Нет... — прошептал Аскольд, осознав её намерение. — Тамара, нет...

Она не обратила внимания. Свободной рукой она начертила в воздухе сложный рунический круг прямо над своей грудью. Затем она сжала часы так сильно, что костяшки пальцев побелели. Магия хлынула из неё потоком, вплавляясь в металл, перестраивая шестерёнки и пружины.

— Я обещала Клэру... — прошептал Аскольд разбитым голосом. — Обещал защитить тебя...

Тамара приставила зачарованный механизм к груди, туда,

где должно было биться сердце. На мгновение она замерла, глядя прямо перед собой невидящим взглядом. А затем резким движением вдавила часы внутрь своего тела.

Раздался звук — не крик боли, а сухой механический щелчок, который слился с её хриплым, рваным вздохом. Магический круг на её груди вспыхнул ослепительным светом и погас. Часы в её груди начали мерно тикать. Тик-так. Тик-так. Этот звук казался оглушительным в наступившей тишине.

Тамара, снова закашлялась, сплюнув сгусток крови на деревянный пол. Но её осанка выпрямилась. Дикий блеск в глазах начал угасать, уступая место привычной холодной сосредоточенности.

Алые цепи, удерживавшие Аскольда, рассыпались искрами и исчезли. Король фей сполз по стене на пол, сражённый не физической болью, а страшным осознанием того, что только что произошло. Тамара повернулась к нему. Она выглядела ужасающе: бледная, с кровью на губах и тикающим механизмом в груди, но её взгляд был ясным.

— Благодарю за заботу, Аскольд, — её голос был ровным и спокойным. — Теперь я могу идти.

Она сделала шаг к нему и строго спросила:

— Что происходит? Где Кир? Аскольд, ответь, пожалуйста, побыстрее. У меня примерно семьдесят два часа Потом я умру.

***

Рассвет в Шу был серым и промозглым. Воздух пах мокрой землёй, дымом и тревогой. Клэр шагал по пустынным улицам, и его тяжёлые ботинки гулко стучали по брусчатке. Он был в человеческом обличье — высокий, широкоплечий, с бледной кожей, на которой старые шрамы казались белыми нитями на холсте. Светлые волосы были убраны в небрежный хвостик на макушке, нижние пряди спускались по шее, не доставая плеч, а зелёные глаза горели неестественным, диким огнём.

Рядом с ним невидимая для всех, кроме него, порхала Герань. Она была напряжена до предела, её крылышки трепетали от усилий.

— След... след обрывается здесь! — пискнула она, зависнув в воздухе над рыночной площадью. — Он был здесь... а потом... пахнет грифоном!

Клэр сжал кулаки так, что побелели костяшки. Его магия клубилась вокруг него тёмной аурой, воздух потрескивал от напряжения.

— Он улетел? — голос Клэра был низким, утробным рычанием. В нём не было ничего человеческого.

— Нет! — Герань метнулась в сторону переулка. — Он пошёл пешком! Сюда! К ратуше!

Они свернули в узкий проулок и едва не налетели на человека. Закир, городничий Шу, стоял, прислонившись к стене глиняного дома. Он выглядел измученным и помятым бессонной ночью. Увидев высокого светловолосого мужчину с

горящими глазами, он вздрогнул и инстинктивно потянулся к поясу, где обычно висел меч.

Клэр среагировал мгновенно. Одним смазанным движением он оказался рядом с Закиром, впечатал его в стену с такой силой, что глина пошла трещинами, и приставил к горлу кинжал. Лезвие было холодным и острым, оно коснулось кожи, оставляя тонкую красную линию. Закир замер, боясь вздохнуть. Он смотрел в глаза Клэру и видел там не разум человека, а ледяную ярость загнанного в угол зверя.

— Где он?! — холодно спросил Клэр. Его голос вибрировал от едва сдерживаемой магии. — Где Кир?!

Закир узнал его. Он видел этого мужчину в первый раз, но образ чёрного кота с медальоном на ошейнике был выжжен в его памяти.

— Ты... ты кот Светланы... — выдохнул он.

— Я Клэрис Александрита, — холодно прочеканил Клэр, усиливая давление клинка. — И если ты сейчас же не скажешь мне, где мой ученик, я вскрою тебе глотку от уха до уха!

Закир понял: этот человек не блефует. Он был готов убить его прямо здесь, посреди улицы, не моргнув глазом.

— Он у гвардейцев! — затараторил Закир. — Я видел его вчера! Капитан Дмитрий увёз его на грифоне!

Клэр прищурился. В его взгляде шла молчаливая борьба: убить свидетеля или использовать его? Животный инстинкт требовал крови, но холодный расчёт (остатки разума) под-

сказывал: этот человек может быть полезен.

— Веди меня к ним, — процедил Клэр, убирая кинжал от горла Закира, но не отпуская его воротник. — И молись всем богам, чтобы с мальчиком всё было в порядке.

Они шли к окраине города в сером свете утра. Клэр тащил Закира за собой, как тряпичную куклу. Герань пряталась в кармане его куртки, чувствуя, как его тело вибрирует от сдерживаемой энергии.

Впереди показался лагерь гвардейцев Рюлеля: ровные ряды палаток, часовые на постах. На огромной смотровой башне из брёвен стоял высокий мужчина в белоснежном плаще. Его светлые волосы были идеально уложены в кудрявой прическе, а лицо выражало холодное презрение.

— Брат... — прошептал Клэр так тихо, что услышал только сам себя.

Евгений поднял руку, требуя тишины. Гвардейцы внизу замерли.

— Солдаты Рюлеля! — его голос разнёсся над лагерем. — Мы собрались здесь по страшному поводу! Чудовище вернулось! Кровавая Царевна Тамара вновь ходит по нашей земле!

По рядам гвардейцев прошёл ропот.

— Она — демон войны! Она несёт лишь смерть и разрушение! Она не может существовать рядом со святостью нашей Царевны Кристины! Я объявляю охоту! Найти её! Найти её ученика! И казнить обоих без суда и следствия!

Гвардейцы ответили одобрительным гулом.

Клэр вышел из тени ближайшего дома на открытое пространство перед лагерем. Больше он не прятался.

— Евгений... — его голос прозвучал спокойно, но в этой тишине он был подобен грому.

Евгений обернулся. Их взгляды встретились через весь лагерь. Евгений узнал его мгновенно.

— Клэрис? — в его голосе смешались удивление и насмешка. — Неужели это ты? Пропавший младший братец? Я слышал ты сбежал со своей хозяйкой, верная псина. Какая... жалкая участь для Александриты.

Клэр сделал шаг вперёд.

— Что ты собираешься сделать с Тамарой?

Евгений усмехнулся:

— Казнить, разумеется. А что ещё делают с монстрами? Ты уж пойми, война прошла, такие как Тамара или как ты этому миру больше не нужны. Я просто утилизирую отходы прошлого.

В этот момент Клэр незаметно разжал пальцы и коснулся кармана куртки, давая Герани знак. Феечка бесшумно выскользнула наружу и юркнула за большой валун у края лагеря.

Евгений продолжал насмехаться:

— Что? Думаешь остановить меня? Ты ведь всегда был неудачником, Клэрис. Один-единственный талант — эти твои дешёвые фокусы с порталами. Парадная шпага против походного меча...

Это стало последней каплей. Клэра накрыла волна ледяной ярости. Его глаза вспыхнули инстинктивной жаждой.

— Ты прав, братец, — прошипел он. — У меня всего одно заклинание. И то я посвятил Тамаре.

Мир для гвардейцев превратился в ад. Первый упал раньше, чем успел моргнуть — портал открылся прямо под ним и вышвырнул его тело высоко в воздух, чтобы оно рухнуло с высоты десяти метров на острые колья частокола.

— В атаку! — велел Евгений, вскинув шпагу.

Второй попытался поднять арбалет, но чёрный круг портала поглотил болт и выплюнул его обратно с утроенной скоростью прямо в глаз стрелявшему. Клэр двигался как вихрь из тьмы и стали. Он не сражался. Клэр уничтожал. Кинжалы появлялись из порталов за спинами врагов и исчезали обратно окровавленными. Он использовал порталы как щит, как оружие, как ловушку. Это была работа палача: быстрая, методичная и абсолютно безжалостная. Лагерь тонул в крови за считанные минуты. Тела гвардейцев падали одно за другим. Пространство поляны заполнилось множеством порталов. Он исчезал в одним и появлялся в другом, каждый раз забирая чью-то жизнь. Его одежда всё больше пропитывалась кровью. И вот трупы заполнили палаточный лагерь.

Клэр взлетел по стене башни за несколько прыжков через порталы. Евгений встретил его с мечом наголо, но это было бесполезно.

— Да, братец. Как ты вообще мог надеяться одолеть ме-

ня? — Клэр говорил без тени эмоций в голосе, прижимая брата к стене башни и приставляя кинжал к его горлу. Лезвие дрожало от магической энергии. — Я меч без примесей, закалённый в горниле войны. А ты всего лишь тупая золотая парадная шпага, усеянная драгоценностями.

Он нанёс удар — быстрый и точный, целясь в артерию на шее брата. Евгений успел среагировать в последний момент — лезвие распороло ему щёку и плечо вместо горла. Взвыв от боли и ярости, он оттолкнул Клэра и бросился к своему грифону, который был привязан на вершине башни. Белым пятном чудище взмыло вверх, оставив брызги крови Евгения на вершине башни. Клэр не стал преследовать его. Он оценил ситуацию холодным взглядом убийцы: погоня отнимет время, а время сейчас дороже крови Евгения.

— Я всё равно заберу твою жизнь, — Клэр вытер кинжал о белый плащ одного из мёртвых гвардейцев.

Он спрыгнул с башни так же легко, как забрался на неё, и направился обратно к Закиру и Герани. Закир стоял на коленях посреди поляны смерти. Вокруг лежали тела гвардейцев в лужах застывающей крови. Ни один из них не остался в живых. Закир смотрел на Клэра с ужасом человека, увидевшего конец света.

— Ты убил их... — прошептал он дрожащими губами. — Даже не подумав...

Клэр перевёл на него свой ледяной взгляд.

— Они хотели навредить моей женщине, — просто отве-

тил он голосом, лишённым всяких эмоций.

Фея вернулась в его карман, а Закир остался сидеть на земле. Слова Кира прозвучали в его голове:

«Ты для неё... лишь свинья на поле с клевером, за которой она наблюдает».

***

Воздух рассекался со свистом. Могучие крылья Зефира били по облакам, и Кир, вцепившись в ремни седла, чувствовал, как желудок подкатывает к горлу. Внизу, сквозь разрывы в облачной пелене, уже виднелись шпили Царьграда — золотые иглы, пронзающие свинцовое небо.

— Держись крепче, — голос Дмитрия за спиной был мрачен. Он напряжённо всматривался в горизонт.

Кир проследил за его взглядом. Вдали, среди серых облаков, мелькнула белая точка. Грифон. Он летел параллельным курсом, держась на почтительном расстоянии, но не отставая.

— Нас ведут, — процедил Дмитрий, не оборачиваясь. — Птички Кристины.

Зефир начал снижаться широкими кругами. Они приземлились на огромной круглой площадке посреди дворца, сложенной из белого камня. Ветер здесь был ещё холоднее, он трепал плащ Кира и пытался сбросить его с седла.

Кир едва успел спрыгнуть на каменные плиты, как его окружила стража в начищенных доспехах. Но они не спешили хватать его или направлять оружие. Они просто стояли

стеной, отсекая от внешнего мира.

А затем толпа расступилась. К нему шла девушка. Нет, не шла — она словно плыла над заснеженным садом, не оставляя следов на белом покрывале. Она была абсолютно прекрасна.

Её кожа была так чиста и бледна, что казалось, будто она светится изнутри мягким, жемчужным светом. Глаза — красные, как рубины, но в них не было яростного пламени Тамары. В них застыла вековая скорбь, будто она плакала по всем страданиям мира. Волосы приятного русого оттенка, напоминающего печенье, струились по плечам мягкими волнами до самой талии. Лицо покрывала тончайшая прозрачная вуаль.

Кир застыл. Перед его мысленным взором тут же возник другой образ: Тамара на площади Шу. Подобно нимфе, рождённая из стали, огня и крови. Истина во плоти, суровая и беспощадная. Тьма и допотопный ужас.

А эта женщина была светом. Невинностью. Милосердием.

— Руслан! — её голос был подобен нежному переливу струн кифары.

Она преодолела разделяющее их расстояние за пару шагов и заключила его в объятия. Кир почувствовал аромат душистого мыла и чего-то сладкого, как мёд.

— Мой милый младший брат! — прошептала она ему на ухо. — Как я молилась о твоём возвращении! Как рыдала ночами!

Она отстранилась, держа его за плечи. Её руки были тёплыми и нежными. Она расцеловала его щёки — один раз, другой.

— Теперь всё будет хорошо! Мы снова вместе! Семья воссоединилась!

Её пальцы коснулись пластыря на его щеке — там, где под кожей тускло пульсировала метка фавна.

— Не бойся, мой милый братик, — её улыбка была полна нежности мадонны. — Я сниму это проклятие. Я очищу тебя от скверны.

Она взяла его под руку, и они пошли через сад. Дмитрий молча следовал за ними в нескольких шагах позади.

— А как... как Тамара? — спросила Кристина так легко, словно речь шла о погоде.

— У неё всё хорошо, — сухо ответил Кир, стараясь скрыть дрожь в голосе и не поддаваться её обаянию.

— Заблудшая сестрица... — вздохнула Кристина с нежной грустью. — Я была так невнимательна к ней в юности... Оттого она и ступила на тёмный путь одиночества.

Она повернулась к нему, и на её щеках заиграл лёгкий румянец смущения.

— А... Клэрис? Как он поживает?

Кир замер на полсекунды. Он помнил рассказы о том, что изначально именно Клэр был помолвлен с этой святой девой. Инстинкт, холодный и острый, как кинжал самого Клэра, подсказал ему ответ.

— Я не знаю никого с таким именем, госпожа, — солгал он ровным голосом.

Лицо Кристины на мгновение исказилось тенью досады или... гнева, но она тут же вернула себе маску скорбной святости и опустила глаза.

— Понимаю... Что ж, вот мы и пришли!

Она завела его в роскошные покои: спальня с огромной кроватью под балдахином, кабинет с книжными шкафами до потолка и гостиная с мягкими диванчиками у кофейного столика.

— Отдыхай, дорогой брат. Я навещу тебя, как только освобожусь от государственных дел.

Она отошла, оставив после себя шлейф аромата душистого мыла, мёда и ещё чего-то сладкого. Кир остался один посреди этой кричащей роскоши. Он подошёл к полированному столу из красного дерева; его взгляд упал на золотую вазу. Присмотревшись к своему отражению в начищенных стенках, он увидел бледного мальчика с красными глазами в зелёном плаще, сшитом Тамарой.

И тут он увидел *её*.

Кристина стояла в дверном проёме, который он считал пустым. Она думала, что он её не видит. Улыбка исчезла с её лица как по волшебству. На него смотрел хищник. В её рубиновых глазах плескалась такая концентрированная ненависть и презрение, что Кир почувствовал могильный холод, сковавший внутренности. Её взгляд обещал медленную и

мучительную смерть прямо здесь и сейчас. Кир сглотнул и заставил себя медленно отвернуться от отражения с безразличным видом.

Дверь закрылась с мягким щелчком замка. С другой стороны тут же раздались удаляющиеся лёгкие шаги святой Царевны.

Ноги Кира подкосились. Он рухнул на колени на мягкий ковёр, тяжело дыша, словно пробежал марафон с лесными духами.

В комнату тихо вошёл Дмитрий и встал над ним.

— Всё нормально? — спросил капитан с искренним беспокойством.

Кир поднял на него глаза. В них больше не было детского восторга или страха перед неизведанным. Там был лёд Тамары и насмешка Клэра.

— Нормально? — выдохнул он с горькой усмешкой. — То же мне... Святая. Да она настоящая гарпия в овечьей шкуре.

***

Воздух на границе Леса Фей был пропитан запахом озона и влажной земли. Тамара шла быстро, её красный плащ развевался за спиной, как знамя. Часы мирно тикали, отмеряя остатки её жизни. Рядом с ней шагал Аскольд. Он выглядел нелепо в своём коричневом кожаном костюме и свободной белой блузе воротничком. Тамаре казалось, что свой прикид он нашёл где-то в склепе.

— Что вообще ты напялил? — наконец не выдержав,

спросила она, окинув показательным взглядом Аскольда.

— Когда я в последний раз был в мире людей, это было на пике популярности, — Аскольд со всем своим королевским достоинством поправил полы своего плаща.

— Когда ты в последний раз был в мире людей? Лет двести назад? — усмехнулась Тамара.

Аскольд лишь хитро улыбнулся, заметив, что её лицо теперь отражает куда больше эмоций, чем прежде.

— Мода циклична, — невозмутимо парировал Король Фей, вновь поправляя воротник. — Всё новое — это хорошо забытое старое.

Они вышли из-под тени деревьев. Впереди, за холмами, лежал Шу. След Кира уже успел остыть. Им не хватало чуткости малышки Герани, чтобы уловить каждый шаг сбежавшего ученика.

— Что это? — Тамара прищурилась. – Я не чувствую маны Кира, зато чувствую Клэрис!

Тамара сорвалась с места. Путь лежал не к городу, а к востоку от городской стены. Тамара свернула с основной вымощенной дороги, запрыгнула на красный магический круг, и тот понёс её по воздуху. За спиной она слышала Аскольда, что пытался остановить её. Часы на её груди нервно затекали громче.

Перед ней открылась картина, что могла бы привести в ужас любого человека. Поляна была залита кровью. Запах гари и смерти ещё висел в воздухе. Повсюду лежали тела гвар-

дейцев в белоснежной форме. Но Тамара будто и не видела всё это. Её взгляд приковал он. В центре этого хаоса, спиной к ним, стоял человек. Высокий, светловолосый. Этот человек медленно повернулся на звук её тикающих часов.

Это был Клэр. В человеческом обличье.

— Клэр, — позвала Тамара.

Звук её голоса, произносящего это простое имя, сработал как удар хлыста. Мужчина вздрогнул всем телом. В его глазах вспыхнул первобытный ужас. Не раздумывая ни секунды, он развернулся и бросился бежать в чащу леса.

— Клэрис! — крикнула Тамара уже другое имя.

Она рванула за ним с нечеловеческой скоростью. Аскольд остался стоять на поляне, лишь покачав головой. Он видел этот ужас в глазах своего старого друга — ужас человека, которого поймали на самой страшной лжи.

Тамара настигла его через сотню метров. Она не стала кричать или уговаривать. Её магия вспыхнула алым светом, и из земли вырвались светящиеся цепи. Они обвили запястья Клэриса и с силой припечатали его к стволу векового дуба.

Он был прикован, распят на дереве. Он тяжело дышал, глядя на неё глазами загнанного зверя, ожидая приговора.

Тамара подбежала к нему и, не дав ему опомниться, резко прижала его своим телом к стволу. Она тяжело дышала после бега. А затем она сделала то, чего Клэр никак не мог ожидать.

Она не ударила его. Не закричала. Она просто обмякла. Её руки осторожно обвили его плечи, а лицо уткнулось ему

в ключицу. Он чувствовал, как она дрожит.

«Может, она не догадалась, и мне просто послышалось?» — промелькнула надежда в мыслях Клэра.

— Когда я проснулась... — её голос был глухим и надломленным. — Я открыла глаза, и тебя не было рядом. И Кира не было. В доме стояла тишина. И я почувствовала... дикую пустоту.

Клэр застыл. Его руки, скованные над головой, напряглись до хруста в суставах. Она не догадалась. Она знала всегда. Он боялся пошевелиться, боялся дышать. Он ждал гнева, но вместо этого получил объятие.

— Как давно? — хрипло прошептал Клэр, боясь разрушить этот хрупкий момент. Его голос дрожал.

Тамара медленно подняла голову и посмотрела ему в глаза. Она была бледна, губы её потрескались, но в глазах Клэра она была по-особенному прекрасна в этот момент. В её красных глазах не было гнева. В них была усталость и что-то ещё... что-то похожее на нежность.

— Глупо было бы не догадаться, — спокойно сказала она. — Видеть твои порталы из ниоткуда. Видеть, как ты помнишь обо мне то, что я никогда не говорила своему чёрному коту. Слышать слова такие знакомые, хоть и произнесённые чужим голосом. И уж тем более знать тебя с нашей первой встречи в Царьграде.

Скулы Клэра медленно, но, верно заливались румянцем. В голове его всё продолжали мелькать сцены от шуток про

лапки и шипения до просьб погладить, посидеть на коленях и заканчивая совместным сном. Клэр всегда думал, что, когда Тамара узнает правду он умрет от её рук, а не от стыда. Она слабо усмехнулась.

— Назваться «Клэром» было вдвойне глупо. Но я приняла твою ложь.

— Почему? — выдохнул он.

— Потому что я думала, что у тебя есть свои причины, — ответила она честно. — Я уважаю чужие тайны... до поры до времени. Я была готова играть в хозяйку и кота и дальше, если бы ты этого хотел.

Она сжала его плечи крепче, её взгляд стал острым и требовательным.

— Но сейчас мне нужен не кот. Мне нужен Клэрис Александрита. Потому что Кир где-то там один. А у меня... — она коснулась тикающего механизма в своей груди, — ...не так много времени.

— Что ты сделала с собой? – с болью в голосе спросил Клэр под ровный тик часов.

Тамара лишь отвела взгляд и произнесла:

— Прости, я не могла просто лежать и ждать. В конце концов я не Спящая Царевна, а Кровавая, Клэр.

Клэр смотрел на неё сверху вниз. На девушку, которая знала всё с самого начала и всё равно приняла его таким, каким он притворялся. На девушку, которая сейчас была слаба, ранена и нуждалась в нём по-настоящему. Ужас и стыд в его

глазах сменились чем-то другим — яростной решимостью.

— Я здесь, — твёрдо сказал он уже своим настоящим голосом — голосом Клэриса Александриты. — Я больше не убегу.

Цепи выпустили его, и Клэрис опустился на одно колена. Его глаза горели во тьме зелёным светом. Он прижался лбом к её ладони, принося клятву верности.

— Я, Клэрис Александрита, буду служить тебе, как было впредь, есть сейчас и будет до тех пор, пока существует этот мир и я в нём, будучи котом или человеком.

Тамара прикрыла глаза на мгновение, а затем рухнула на землю на колени рядом с ним и вновь уже с силой обняла его, расслабившись в этих объятиях, впитывая эту клятву всем телом. Его руки сначала нерешительно, а затем со всем, сдерживаемым рвением прижали её к себе.

— Тогда не будем терять времени, — прошептала она и отстранилась, разрывая контакт.

Впереди их ждал мир людей и поиски сбежавшего ученика. Но теперь они вновь были вместе, как в детстве, как на войне в юности.

АКТ III: Царьград. Глава 14: Отец

Воздух на границе Леса Фей всё ещё пах озоном и влажной землёй, но теперь к нему примешивался запах гари с поляны, где Клэрис «поговорил» с гвардейцами. Аскольд, всё ещё одетый в свой нелепый кожаный наряд, с интересом наблюдал за парой.

Тамара стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на север, в сторону далёкого Царьграда. Часы в её груди тикали мерно и громко, отсчитывая семьдесят часов. Рядом с ней Клэрис — уже не кот, а высокий светловолосый воин — чертил в воздухе светящиеся схемы. Его подчерк был по-детски круглым и кривоватым.

— ...таким образом, — его голос был ровным и деловым, словно он читал лекцию по военной тактике, а не планировал незаконное проникновение в столицу. — Основной расход маны идёт не на количество порталов, а на их «полезную нагрузку» и дистанцию. Переместить яблоко в соседнюю комнату — это базовый расход. Переместить нас троих на триста вёрст — это уже серьёзная работа.

Он сделал паузу и посмотрел на Тамару.

— Мой резерв позволяет совершить прыжок до Царьграда прямо сейчас. Но это истощит меня до дна. Нам придётся отсиживаться где-то сутки, пока я не восстановлюсь. Это сделает нас уязвимыми.

Тамара кивнула, не отрывая взгляда от горизонта.

— Значит, мы прыгнем сейчас. Найдём безопасное место, затаимся, а завтра отправимся во дворец. Время — единственный ресурс, которого у нас нет.

С ближайшего дерева спорхнула Герань. Она зевнула, потянулась всеми четырьмя крылышками и приземлилась прямо на плечо Аскольда. Король Фей вздрогнул от неожиданности, но тут же принял невозмутимый вид.

— Я смотрю, вы тут всё распланировали, — протянул он, поглаживая феечку по спинке. Герань тут же свернулась клубочком и снова задремала. — А как вы собираетесь попасть в сам город? Ваши лица... скажем так, известны.

Тамара усмехнулась уголком губ. Это была холодная, пугающая усмешка.

— Слухи — мощное оружие. Я — Кровавая Царевна. Он — мой верный меч и пёс. Нас не объявляли в розыск официально. Мой отец слишком горд для этого. Но стоит нам появиться на главной площади, как начнётся паника. Мы не можем войти через парадные ворота.

Клэрис хмыкнул.

Спустя несколько часов магического перехода через вереницу порталов они стояли на окраине Царьграда. Город встретил их шумом стройки и запахом мокрого камня. Снег здесь почти растаял, превратив улицы в грязное месиво.

Они сняли небольшой домик на самой окраине ремесленного квартала. Хозяин — седой, заметно лысеющий мужчи-

на, лицом и походкой похожий на гуся.

— Туризм сейчас не идёт, — жаловался он, принимая у «купцов» (Тамары и Клэриса) и бродячего актёра (Аскольда) плату за три дня вперёд. — Конец зимы! Но при Царе Викторе мне грех жаловаться. Налоги для нас, постоялых дворов, в этот сезон снижают. Куда лучше стало жить, чем при Царе Иване упокой Хара его душу. Тогда-то мы все по миру пошли...

Хозяин с настороженностью посмотрел на Аскольда, которого крайне сильно заинтересовал самовар.

— Дружок Ваш, ребятки, странный немножко, — он покрутил пальцем у виска. — Вы б с ним поосторожнее. Знаете, любят к молодым парочкам, как вы, всякие оборванцы приставать.

Тамара и Клэр неловко переглянулись, а затем неловко приняли от старика розовый чай с шиповником, которым по легенде Лёль поит своего возлюбленного бога Хара, когда тот приходит к ней, как пожелание счастливого брака. После, к облегчению их двоих, хозяин ушёл, пообещав принести «ужин с пылу с жару».

— Надо было мне котом обратиться, прости, — выдохнул Клэрис, всё держа в ладонях коробочку с чаем.

— Да ладно, — Тамара пожала плечами. — Не то чтобы я была против выпить с тобой розового чая с шиповником.

Домик был скромным: одна общая комната с очагом, две спальни и кухня. Пахло сушёными травами и старостью.

— Это что? Бублики? – Аскольд показал вылетевшей из кармана Клэра Герани связку с баранками.

Тамара сняла плащ и устало опустилась на скрипучий стул у окна. Часы в её груди разбивали тишину тиканьем.

— Нам нужно решить один вопрос, — начала она, глядя на Клэриса, который разжигал огонь в очаге. Аскольд уже завалился на лавку, а Герань перебралась с его плеча на подушку.

Клэрис обернулся.

— Какой?

— Когда мы найдём Кира... — она сделала паузу, подбирая слова. — Нам придётся как-то объяснить ему изменение твоей... формы.

Аскольд поперхнулся воздухом. Клэрис, который как раз подносил лучину к дровам, замер. Огонь в очаге вспыхнул чуть ярче от его магии.

Тамара продолжила, не замечая их реакции:

— Мне не хочется скрывать от ученика правду. И я не хочу, чтобы ты продолжал жить в напряжении рядом с ним. Он должен знать своего воспитателя в лицо.

В комнате повисла тишина. Было слышно только тиканье часов Тамары и тихое сопение Герани. Аскольд медленно сел на лавке, глядя на Тамару выпученными глазами. Клэрис медленно опустил руку с лучиной. Его лицо медленно заливала краска.

Тамара нахмурилась и перевела взгляд с одного на друго-

го.

— Что? Я сказала что-то не то?

Клэрис сглотнул и посмотрел на Аскольда в поисках поддержки. Король фей лишь беспомощно развёл руками. Тамара прищурилась. Её взгляд стал острым как бритва.

— Постойте... Вы что... он уже знает?

Она встала со стула и подошла к Клэрису вплотную. Тот инстинктивно сделал шаг назад и упёрся спиной в стену у очага.

— Ты... — её голос стал тихим и очень опасным. — Ты заставил моего ученика лгать мне?

Клэр понял: игры кончились. Он посмотрел в её красные глаза и увидел там не гнев, а ледяное разочарование наставницы. Это было хуже любой казни. Он покорно опустился перед ней на колени, склонив голову так низко, что светлые волосы упали ему на лицо.

— Прости, мне очень жаль, — не смея поднимать глаз, произнёс Клэр.

Тамара перевела суровый взгляд с Клэриса на Аскольда.

— Я так понимаю — медленно чеканила она. — всё началось с вашего первого «мальчишника»

Аскольд, опустив голову, смиренно подошёл к Клэру и рядом с ним сел на колени.

— Умоляю, Тамара, — вымолвил Аскольд. — Пощади

Тамара смотрела на него сверху вниз ещё несколько долгих секунд. Затем её губы дрогнули в едва заметной улыбке.

— Встаньте, — её голос смягчился. — Ваше раскаянье похвально хоть и запоздало.

— Нам очень жаль! – хором повторили Аскольд и Клэр, отчего переглянулись, удивившись собственной синхронности.

Тамара фыркнула от смеха — редкий звук, который заставил Аскольда удивлённо приподнять бровь — и наконец, прикрыв улыбку рукой ответила им:

— Не ожидала, что вы так споётесь.

***

Кир не мог усидеть на месте. Роскошные покои, которые выделила ему Кристина, душили его. Золото на стенах, мягкие ковры, запах розовой воды — всё это казалось фальшивым, как улыбка его «святой» сестры. Он пришёл сюда не для того, чтобы быть Царевичем Русланом. Он пришёл за сердцем Тамары.

— Я хочу видеть Царя Виктора, — заявил он Дмитрию, который молчаливой тенью стоял у двери. — Сейчас.

Дмитрий смерил его долгим, оценивающим взглядом. В глазах старого воина промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Упрямишься, как она, — хмыкнул он. — Хорошо. Следуй за мной. Есть от меня прок, знаешь ли. Капитан гвардии может посещать Царя без предварительной записи.

Они шли по тускло освещённому коридору. Мраморный пол был выложен узорчатой, но довольно старой плиткой,

кое-где потрескавшейся от времени. Стены были украшены фреской с древним сюжетом о становлении Рюлеля, но краски давно поблекли. Свет магических кристаллов местами был тускловат, что говорило о необходимости подпитки. Этот тусклый свет иногда давал разглядеть потрёпанные временем гобелены с гербами регионов. Самыми новыми здесь были два: Герцогства Маль, который принёс Царь Виктор и красный, пылающий во тьме, герб Южного региона. Его одиннадцать лет назад принесла сюда Тамара.

— Забавно, — нарушил тишину Кир, глядя под ноги. — Царь Виктор не то что не тратится на ратушу в Шу. Он даже на собственный дворец направляет средства лишь по минимуму.

Дмитрий кивнул, не сбавляя шага.

— Первый ремонт был в Алых Палатах, для приёмов. Второй — в Рубиновом дворце, когда родилась Царевна Тамара. А эти коридоры... они внутренние. По мнению Царя, тратить деньги на помпезность там, где не видят гости, не имеет смысла.

— Интересно, — протянул Кир. — Это рациональность или скупость?

Кир невольно вспомнил ратушу Шу. Там каждая монета была на счету, но город дышал жизнью. Здесь же сам воздух казался пропитанным вековой пылью.

Внезапно Дмитрий остановился и положил тяжёлую руку на плечо Кира, заставив его замереть.

— Стой.

Из-за поворота им навстречу вышла женщина. Она двигалась быстро, почти бесшумно, словно тень. У неё были волосы такого же русого оттенка, как у Кристины, но уложенные в аккуратную, строгую причёску. Она была старательно напудрена и напомажена, но под слоем косметики угадывалась усталость. На ней было дорогое, но скромное платье нежно-голубого цвета. Единственными украшениями служили лишь тонкая золотая цепочка на шее и одно-единственное кольцо с большим прозрачным камнем на пальце.

Она увидела Кира, и её глаза расширились. Грудь её вздымалась от сбивчивого дыхания, которому мешал тугой корсет. Она подхватила пышные юбки и кинулась к Киру, упав перед ним на колени прямо на холодный мрамор, словно её ноги подкосились.

— Сынок! — выдохнула она, и её голос сорвался на рыдание. – Руслан Мой дорогой Руслан!

Тишину коридора разорвали глухие, надрывные всхлипы.

— Мой дорогой мальчик... Мой Руслан... Как же тяжело мне было без тебя! О, Лёль, ты услышала мои молитвы!

Кир застыл как вкопанный. Он ожидал чего угодно: допроса, холода, угроз. Но не этого. Тушь под её глазами начала течь чёрными дорожками по напудренным щекам. Она протянула к нему руки и обняла его колени.

Ему стало её жаль. Искренне жаль. Эта женщина выглядела такой сломленной, такой одинокой в этом мёртвом двор-

це. Он не оттолкнул её, когда её руки взметнулись вверх и начали гладить его по волосам, как маленького.

— Эта ведьма... — шептала Людмила между всхлипами, и в её голосе появилась злоба. — Эта мерзкая девка... Тамара... Она держала тебя вдали от меня! От твоей настоящей семьи! Бессердечная тварь... Мой дорогой мальчик! Как ты себя чувствуешь? Ты ранен? Она обижала тебя?

Её пальцы зарылись в его волосы на затылке, а затем скользнули вниз, к щеке. Она коснулась его лица с огромной, почти болезненной нежностью и прошептала:

— Мой маленький царь...

В этот момент что-то внутри Кира оборвалось. Жалость сменилась ледяным отвращением. Он инстинктивно дёрнулся назад и оттолкнул её руку. Она действительно была несчастна в своей одержимости.

Женщина испуганно отшатнулась, глядя на него снизу вверх мокрыми, полными боли глазами.

Кир посмотрел на неё. На её напудренное лицо, на потёкшую тушь, на дрожащие губы. Он вспомнил Тамару — её суровую честность, её холодную логику, её готовность идти по трупам ради истины. Вспомнил Клэра — его ворчливую заботу и абсолютную верность.

— Мне тут говорят, что я жил с бессердечной ведьмой... — голос Кира прозвучал в тишине коридора неожиданно громко и по-взрослому холодно. Он обвел взглядом Дмитрия и испуганную Людмилу. — ...но я не увидел в этом двор-

це ни одного человека, кто испытывал бы хоть одно чистое чувство, не испачканное ни жадностью, ни гордыней.

Он повернул голову к Дмитрию. В его красных глазах не было ни страха, ни сомнения. Лишь тоска.

— Скажи... ты точно привёз меня в Царьград? Или мы свернули не туда и попали в ад?

Дмитрий тяжело вздохнул и посмотрел на рыдающую женщину у ног Кира.

— Нет... — ответил он тихо и горько. — Уже как лет одиннадцать этот дворец именно таков.

Кир брезгливо вытер руку о полу своего плаща, словно пытаясь стереть прикосновение Людмилы. Он больше не смотрел на неё.

— Тогда идём к Царю Виктору. Я хочу забрать то, за чем пришёл, и убраться из этого склепа как можно скорее.

— Сынок? — испуганно позвала Людмила.

Кир оглянулся на неё, и в этом взгляде Дмитрий узнал юную Тамару. Смесь из насмешки и надменнасти плескалась там.

— Матушка, — Кир усмехнулся, как это сделал бы Клэрис. — Я назову Вас так лишь раз. Я прощаю Вас. И благодарю за то, что подарили мне жизнь. Но отныне прошу Вас не звать меня Русланом или своим сыном. Мне не нужна мать. У меня уже есть наставница. Прощайте.

Он развернулся и твёрдым шагом пошёл по коридору в сторону тронного зала. Дмитрий молча последовал за ним,

оставив Людмилу рыдать в одиночестве на холодном мраморном полу.

Коридор казался бесконечным. Кир шёл за Дмитрием, и его шаги гулко отдавались от высокого потолка. Воздух здесь был другим — сухим, пахнущим старой бумагой, пылью и чем-то неуловимо-горьким, как остывший пепел мертвого очага. Он ожидал увидеть золотые врата, стражу в сияющих доспехах, шум и блеск. Но вместо этого на мраморной тумбе перед деревянной дверью стоял медный таз, в котором была вода с ароматными маслами. Рядом на медном штыре висело чистое белое полотенце.

— Стой, — тихо скомандовал Дмитрий. Он подошёл к тумбе, медленно и методично умыл руки, затем так же тщательно вытер их полотенцем. — Это древняя традиция. Перед тем как предстать перед Царём, ты должен очистить руки от пыли пути. Так было заведено ещё при Петре – прадеде нынешнего Царя.

Кир молча кивнул. Он повторил ритуал. Вода была ледяной. Он вытер ладони о грубую ткань полотенца, чувствуя, как странное спокойствие разливается по телу. Это был не страх, а скорее предельная концентрация.

Дмитрий подошёл к неприметной деревянной двери. Она была узкой, почти сливалась со стеной. Капитан гвардии отодвинул тяжёлую бархатную портьеру и жестом пригласил Кира войти.

— Это путь для своих, — пояснил он.

Дверь бесшумно открылась, и они шагнули в полумрак.

Тронный зал был огромен, но скупо освещён. Узкие окна от пола до потолка пропускали тонкие лучи лунного света, которые выхватывали из темноты лишь фрагменты мозаичного пола. Кир только сейчас понял, что уже глубокая ночь. Дворец спал.

В центре зала, на массивном каменном троне, сидел человек. Кир ожидал увидеть Царя в сиятельном наряде, увешанного драгоценностями, как статую бога. Но реальность оказалась прозаичнее и оттого — страшнее.

Царь Виктор был одет в простой чёрный камзол без единого украшения. Его короткие, волнистые волосы были черны, как у Тамары. Красные глаза, похожие на выветрившееся на солнце вино, казались усталыми и пустыми. Под ними залегли глубокие тёмные круги. Он был широкоплеч, но худощав.

Перед троном стоял простенький деревянный стол, заваленный пергаментами. Яркий кристалл света парил над ним, освещая судебные сводки, налоговые отчёты и карты с пометками. Царь Виктор не сидел без дела. Он орудовал пером с усердием писаря, перебирал бумаги, делал пометки. Он правил страной прямо сейчас, глубокой ночью.

Кир не выдержал. Вся его ярость, накопленная за встречу с Людмилой и это бесконечное ожидание, вырвалась наружу. Он яростно шагнул в центр светового пятна от кристалла и громко заявил:

— Эй! Отвечай! Где сердце Тамары?!

Царь Виктор даже не вздрогнул. Он медленно и устало поднял глаза от бумаг.

— А, это ты, Руслан? Подожди, я ещё не закончил.

И он вернулся к своим отчётам.

Это простое пренебрежение просто взорвало Кира изнутри. Он не мог поверить своим глазам. Его магия откликнулась мгновенно. Под ногами вспыхнул мощный атакующий круг, из которого вырвались толстые, хищные лианы, устремившиеся к трону.

Царь Виктор лениво, почти не глядя, махнул рукой. Магия Кира рассыпалась в прах ещё на полпути.

— Я же сказал: подожди, пока я не закончу, — повторил Виктор ровным голосом и вновь погрузился в чтение.

Кир задохнулся от унижения и ярости. Внезапно невидимая сила ударила его сзади под колени. Деревянный стул, стоявший у стены, сам собой подлетел к нему и с силой сбил с ног, заставив сесть. В следующий миг его тело обвили серые цепи с тусклой красной аурой.

— Я же сказал... — снова начал Виктор.

— Да с ним же невозможно разговаривать! — в отчаянии закричал Кир, поворачиваясь к Дмитрию. — Он прямо как Тамара, когда она своими исследованиями занята!

Он осёкся на полуслове.

Сказав это вслух, Кир застыл. Страшная истина пронзила его сознание холодным лезвием. Он медленно повернул го-

лову обратно к Виктору и внимательно посмотрел на то, как тот занимается бумагами. На его сосредоточенное лицо без единой эмоции.

— Ты... как Тамара... — прошептал Кир уже тише. — У тебя нет сердца. В прямом смысле... У тебя нет сердца.

В тронном зале повисла тишина. Только скрип пера о пергамент нарушал её несколько долгих секунд. Затем Виктор отложил перо. Впервые за всё время он посмотрел на Кира не как на досадную помеху, а как на равного собеседника. В его глазах мелькнула тень заинтересованности.

— Хм... — он впервые позволил себе что-то похожее на улыбку. — А ты проницателен для своего возраста... Руслан.

— Я Кир! — огрызнулся мальчик.

Виктор сделал последний росчерк пера, а затем небрежным жестом отодвинул стол в тёмный угол зала.

— Ну что ж... Приветствую тебя во дворце, мой потерянный сын.

Кир сглотнул ком в горле.

— Почему ты так уверен, что я твой сын? Я даже не похож на тебя.

Виктор пожал плечами:

— У тебя лицо моей любимой жены.

— Я не нашёл у себя сходств с той женщиной в коридоре...

Виктор поморщился так, будто съел что-то кислое:

— Ты про эту? Эту отвратительную кукушку Людмилу? Не говори ерунды. Она мне не жена... И тебе не мать.

Он откинулся на спинку трона и начал рассказывать. Его голос был ровным, лишённым эмоций, словно он читал лекцию по истории налогов:

— Наташа умерла... Беременная тобой. Когда Тамара ушла... я понял одну вещь. Я обещал Наташе, что именно наш ребёнок унаследует трон Рюлеля. Наш ребёнок был ключом к миру после войны.

— И ты решил не рисковать? — тихо спросил Кир.

— Верно. Я взял плод... тебя... И пересадил в тело Людмилы. Внушил ей память о ночи страсти. Она была счастлива родить «наследника». Её козни тебе не угрожали так, как угрожали Тамаре интриги при дворе.

— Стоило так стараться ради наследника? — горько усмехнулся Кир. — Если у тебя уже была Кристина?

— Кукушонок? — Виктор фыркнул с нескрываемым презрением. — Да, вроде так её звали... Постоянно забываю: Ирина, Кристина. Зачем мне запоминать имя бастарда моего брата? Моя добрая Наташа пригрела змею на груди... А эта, Ирина

— Кристина, — поправил Кир.

— О, да какая разница вообще, — отмахнулся Виктор от её имени как от надоедливой мошки. — Она вечно пыталась затмить мою Тамару своими реверансами... Какая мне разница до её манер, когда на юге страны разгорается война? Тамара всегда знала цену каждому своему действию... Ещё этот культ Святой Надо же было выдумать

— Ты говоришь о Тамаре как о дочери, которую ценил! Тогда почему?! Почему она оказалась с вырванным сердцем?! — Кир задыхался от возмущения.

Виктор посмотрел на него долгим взглядом. В его глазах не было ни капли раскаяния.

— Потому что она была несчастна. Я не мог смотреть на то, как моя дочь страдает так же, как страдал я после смерти её матери. Я не мог дать ей то, чего она жаждала получить от меня... Признания? Любви? Я не понимал этого. Но я видел её боль.

— И ты решил помочь?!

— Да! — голос Виктора впервые дрогнул от едва сдерживаемого раздражения. — Я избавил её от этой боли! Она пришла ко мне после победы над Югом... Требовала награды. Я предложил ей брак с достойным лордом... Она посмотрела на меня с яростью... Спросила: «Неужели я мало сделала? Неужели недостаточно заслужила твоей любви?» И я понял: ей больно. А если ей больно... то я должен ей помочь!

— Это не помощь! — закричал Кир со слезами на глазах. — Скажи мне! Где её сердце?!

— Зачем? — Виктор наклонился вперёд. — Вернёшь ей сердце — и она снова начнёт страдать! Это сердце слишком чувствительно для этого мира! Оно слишком сильно умеет любить, Руслан!

— Я Кир! И без сердца Тамара... — По щеке Кира скатилась одинокая слеза. — Без сердца Тамара умирает!

Слово «умирает» повисло в воздухе как удар колокола. Виктор застыл на месте. Его рука, лежавшая на подлокотнике трона, непроизвольно дёрнулась. Он побледнел ещё сильнее. Кир поражённо смотрел на него и видел то же самое выражение лица, которое было у Тамары в лесу перед обмороком — гримасу дикой внутренней боли от несуществующего органа. Киру было это уже знакомо. Царь Виктор испытал фантомную боль.

Виктор молчал несколько долгих секунд, глядя куда-то сквозь Кира.

— Я... ошибся?.. — прошептал он едва слышно самому себе.

Он медленно поднял руку и магией притянул со стола к Киру свёрнутый в трубку пергамент — карту.

— Оно там... В храме бога войны Хара. Я подумал: нет места надёжнее для сердца моей дочери, чем храм её Крёстного отца...

Цепи спали с Кира и со звоном рассыпались по полу. Виктор перевёл тяжёлый взгляд на Дмитрия:

— Когда-то я доверил свою дочь капитану гвардии Алексею... Теперь я доверяю капитану гвардии Дмитрию своего сына. Сопровождай его куда бы ни пошёл этот ребёнок. Это мой прямой приказ как Царя.

Кир молча взял карту из воздуха и подошёл к Дмитрию. У самого выхода он остановился и обернулся к фигуре на троне.

— Спасибо...

Виктор не ответил. Он сидел неподвижно, закрыв лицо ладонью и спрятав глаза под изгибом локтя. Его плечи едва заметно дрожали.

Уже сидя на спине Зефира высоко над облаками, Кир грустно смотрел в пустоту перед собой. Дмитрий молчал рядом, давая ему время прийти в себя.

— Что ты чувствуешь? — наконец спросил капитан гвардии.

Кир долго не отвечал.

— Он единственный здесь... у кого чувства незапятнанные, — тихо сказал мальчик. — Но они так глубоко похоронены под всем этим грузом власти и боли... что просто не смогли достичь Тамары тогда... Я бы хотел... чтобы она их услышала и приняла...

Дмитрий хмыкнул:

— Ты ошибаешься насчёт «одиночества» твоей наставницы все эти годы... У неё был Алексей, Клэрис и, не буду стесняться, я. Но всё-таки она была дочерью своего отца до мозга костей... Она хотела получить ответ на свои чувства напрямую от него самого...

Кир кивнул:

— Я тоже сказал ей о своих желаниях напрямую... Но она не вырвала мне сердце... Она решила перестроить своё собственное из-за меня... И вот чем это закончилось...

Он коснулся груди там, где билось его собственное сердце.

Его щёки загорелись огнём.

АКТ III: Царьград.
Глава 15: Уважение

Ворота дворца возвышались над ними, словно неприступная скала из белого камня. Три фигуры стояли в тени соседнего здания, скрытые от глаз стражи мерцающей пеленой магии Аскольда. Воздух был пропитан запахом мокрого камня и тревоги.

— Мы на месте, — голос Тамары был тихим, но в нём звенела сталь. Часы в её груди тикали в унисон с её голосом, отсчитывая последние мгновения перед бурей. — План остаётся в силе. Мы не идём через парадный вход. Мы идём внутрь. Прямо в тронный зал.

Она окинула взглядом своих спутников. Аскольд, всё ещё нелепый в своём кожаном стариковском наряде, стоял, скрестив руки на груди, и его глаза горели золотым озорством. Клэр — уже не кот, а высокий воин — был напряжён, как сжатая пружина, готовый в любой момент открыть портал. Его взгляд – сосредоточенный и чистый.

— Нас ждут три препятствия, — продолжила Тамара, её красные глаза сверкнули в полумраке. — Первое — дворцовая стража. Аскольд, они твои.

Король Фей молча кивнул. Его губы тронула едва заметная хищная улыбка.

— Второе — Кристина. Она будет пытаться сбежать или позвать на помощь. Евгений Александрита после встречи с тобой, Клэр, отправился вероятно не во дворец, а в графство Александрита, чтобы поднять дружину Графа Леонида. И его дружина не хилая дворцовая стража, оставленная без попечения гвардии. Граф Леонид имеет привычку собирать у себя в дружине талантливых магов всех сословий. Если они всем скопом окажутся здесь, то это нас значительно задержит, — объяснила Тамара, а затем постучала по часам в своей груди. — А этого мы себе позволить не можем.

Тамара повернулась к Клэру. На её бледном лице появилась редкая, почти нежная улыбка.

— И третье... отец.

Она подняла руку, готовясь начертить в воздухе магический круг. Но прежде чем её пальцы коснулись пустоты, она обернулась к Клэру. Её взгляд был прямым и ясным.

— Клэр... Не убивай.

Это был не приказ, а просьба. Мольба. На секунду в его зелёных глазах искрой пролетело удивление. Он посмотрел на неё, опустил взгляд и медленно кивнул, принимая это условие.

В тот же миг тишина взорвалась.

Под покровом невидимости на воротах вспыхнул огромный алый магический круг. Он пульсировал, наливаясь силой, а затем с рёвом взорвался, обратив створки ворот в облако раскалённой пыли и щепок. Взрывная волна ударила по

площади, сбивая с ног ничего не подозревающих гвардейцев.

Под покровом дыма и хаоса фигура Клэра метнулась вперёд. Он был первым, кто ворвался в пролом. Его магия откликнулась мгновенно, окутав его фигуру чёрными искрами: воздух вокруг него зарябил, и из клубов дыма вырвалась вереница чёрных порталов.

Клэр, стремительный, как тень летящей высоко над землёй птицы. Он исчезал в одном портале и появлялся в другом, за спинами стражников. Его кинжалы мелькали смазанными тенями, выбивая оружие из рук и нанося оглушающие удары по доспехам. Он не забирал жизни, как его и просила Тамара; он создавал хаос. Стражники падали один за другим, сбитые с толку его невозможной скоростью и тактикой.

Дым и пыль начали оседать. Из серого марева выступили ещё две фигуры. Тамара шагнула вперёд, её красный плащ развевался на ветру от взрыва. Рядом с ней шёл Аскольд, чья фигура, казалось, стала выше и величественнее.

Оставшиеся на ногах стражники с криками бросились на них, занося мечи и копья. Но их оружие встретило не плоть, а живую стену. Из мраморных плит пола вырвались толстые корни деревьев и хищные лозы. Они обвивали ноги гвардейцев, вырывали оружие из рук и отбрасывали их прочь, словно надоедливых насекомых. Аскольд правил здесь каждым пробившимся сквозь трещину мрамора цветком.

Тамара не смотрела на стражу. Её взгляд был устремлён вверх, на балкон второго этажа тронного зала.

Там стояла она. Кристина.

Их взгляды пересеклись через весь зал. В глазах «Святой» не было ни святости, ни скорби — только холодный ужас и ненависть.

Тамара улыбнулась, не отводя взгляд от сестры, а Кристина, будто бы опомнившись, сменила лицо на невинное и испуганное.

— Клэр, — позвала Тамара спокойным голосом, ветер, поднятый магией трепал её волосы. — Убери Кристину.

Она раскрыла ладонь. На ней виднелся порез. Кровь сочась из него поднялась, извернулась в два круга, а затем застыла, два тонких золотых браслета, испещрённые сложными рунами. Браслеты эти связывались почти невесомой золотой нитью.

— Поймай её.

Клэр ловко поймал артефакты на лету. Он молча кивнул Тамаре и исчез в портале, оставив после себя лишь лёгкое колебание воздуха. Его цель была ясна: не дать Святой Царевне поднять панику во дворце и привести помощь.

Теперь путь был свободен. Осталось последнее препятствие. Тамара и Аскольд переглянулись и направились к освободившемуся входу во дворец. Вокруг стонали от боли сраженные стражники.

Клэрис Александрита не бежал. Он преследовал. Для Кристины, мчащейся по дворцовым коридорам, это было одно и то же. Её белое платье, символ чистоты и святости, пре-

вратилось в грязные лохмотья. Аккуратная причёска рассыпалась, и русые волосы, похожие на печенье, теперь липли к мокрому от пота и слёз лицу. Вуаль слетела ещё в самом начале этой безумной гонки.

Она была ланью, за которой гнался дикий зверь. И зверь этот не знал усталости.

— Священный Град! — выкрикнула она, резко развернувшись в одном из коридоров.

С её воздетых рук сорвался поток ослепительно-белого света, способный испепелить обычного человека. Клэр даже не изменился в лице. За долю секунды до того, как свет коснулся его, перед ним открылся чёрный круг. Поток магии вошёл в портал и тут же вырвался из другого, прямо за спиной Кристины. Она едва успела пригнуться, и её же собственная атака превратила в пыль изящную колонну изумрудного дворца.

— Ты играешь нечестно! — взвизгнула она, подхватывая подол платья и снова бросаясь бежать.

Клэр появился из портала прямо перед ней, отрезая путь. Его зелёные глаза горели холодным огнём.

— Война — это не дуэль, — бросил он, его голос был подобен скрежету стали. — Здесь нет чести. Есть только победа.

Он атаковал. Не чтобы убить — приказ Тамары был ясен — но чтобы ранить и обездвижить. Кинжал в его руке был продолжением воли. Лезвие скользнуло по её плечу, разры-

вая шёлк и оставляя на коже тонкий алый порез. Кристина вскрикнула не столько от боли, сколько от ужаса.

— Стой! Ты не понимаешь, что делаешь! — закричала она, пятясь назад. Её безупречный образ рушился с каждой секундой.

Клэр не слушал. В его мире существовала только одна цель: выполнить задачу и вернуться к Тамаре. Всё остальное было шумом.

Он загнал её в просторную синюю спальню, принадлежавшую, судя по убранству, одной из фрейлин. Кристина в отчаянии схватила со столика тяжёлую шкатулку и швырнула в него.

— Исчезни!

Шкатулка вошла в портал и исчезла, чтобы через мгновение с грохотом упасть где-то в другом крыле дворца. Следом за ней полетели подсвечник, книга, флакон с духами. Всё исчезало в его чёрных кругах.

— Да почему именно ты?! — её крик сорвался на истерический визг.

Она стояла посреди комнаты, растрёпанная, с царапиной на щеке и диким, безумным блеском в глазах. Она больше не была Святой. Она была загнанной в угол ланью, понимавшей, что ей вот-вот перегрызут шею.

— Почему ты так поступаешь со мной?!

Клэр медленно подошёл к ней. Он не спешил. Лишнее движения могут стоить жизни.

— Просто ты мешаешь, — ответил он ровным голосом. — Ты бы спросила у врага на войне, почему он так поступает с тобой?

Он сделал выпад. Кристина попыталась защититься магией, но её силы были на исходе. Страх и паника выжгли всё остальное. Она была слаба. Клэр выбил остатки сопротивления из неё одним точным ударом эфеса кинжала плашмя по затылку. Она бессильно упала на ковёр и разрыдалась.

Её плечи тряслись. Она больше не кричала. Она лишь шептала проклятия в адрес той, кого ненавидела больше всего.

— Это всё она... Она... забрала у меня всё... И тебя... Тебя она забрала тоже... Ведь ты всегда смотрел только на неё!

В глазах Кристины вспыхнуло старое яркое воспоминание. Настолько яркое, что прожгло когда-то её душу.

Дым застилал небо. Воздух пах гарью, кровью и смертью. Шестнадцатилетняя Тамара стояла на вершине холма из трупов врагов. Её чёрная военная форма была прожжена в нескольких местах, лицо испачкано сажей и чужой кровью. Вокруг неё бушевал магический огонь. Рядом с ней стоял Клэрис. Его форма была изодрана, но осанка оставалась прямой. Он смотрел на неё с восхищением и преданностью.

Они были детьми войны. Пока Евгений рассуждал о политике на приёмах в тылу, а Кристина пела молитвы для поддержания боевого духа лишь в редких военных госпиталях в Царьграде, эти двое выживали и побеждали.

Тамара получила благословение Хара за свою безжалостную эффективность. «Кровавая Царевна» — шептались солдаты. Она поднималась по карьерной лестнице так быстро, что слухи о том, что именно она унаследует трон, начали ходить даже среди простолюдинов.

Кристина видела это. Страх сжал её сердце. В сопровождении Евгения она прибыла на фронт, чтобы увидеть всё своими глазами.

Она увидела финал битвы в Гебе. Тамара на вершине горы трупов. Горящий магический круг под её ногами. И Клэрис — её верный меч, её идеальная тень, что смотрел на неё, не сводя взгляда.

В тот момент Кристину обуял дикий страх. Но у неё кое-что да оставалось на фоне этой ужасной девчонки, залитой кровью.

В отчаянии она решила действовать. Она вышла вперёд и запела священную молитву — самую сильную свою магию. Свет залил поле боя. Это была самая прекрасная песня, что Кристина могла бы исполнить в своей жизни.

«Ну же! Посмотри на меня!» — мысленно велела она Клэрису. «Вот она я! Я Священная царевна! Просто посмотри на меня и поймёшь, что именно я здесь прекрасна!»

Но Клэрис не посмотрел. Его зелёные глаза были всё также прикованы к Тамаре. Она была, как богиня, что рождена на поле брани средь смерти, огня, крови и стали. Ветер трепал ей чёрные волосы, а глаза святились восторг-

гом от обретённой победы. Она улыбнулась Устало повернула голову к Клэрису и, будто бы играючи, прямо на трупах взрастила розовый куст. Алые бутоны расцвели и тут же вспыхнули. Тамара сорвала одну розу и протянула её Клэрису через весь этот ад.

И Клэрис бросился к ней. Не к Кристине, прекрасной и Священной. А к Тамаре, ужасающей и Кровавой. Он принял горящую розу из её рук так же естественно, как принимал свою судьбу. Как новобрачный надевает кольцо, принося молчаливую клятву.

— Почему ты смотрел только на неё?! — прокричала Кристина, подняв голову.

Клэр молча достал из кармана золотые браслеты, которые дала ему Тамара. Они тускло блеснули в свете магических кристаллов.

— Я твоя невеста! — вскрикнула Кристина, изливая рыдания, её слёзы капали на гранитный пол синей спальни.

Клэр подошёл к Кристине, и её рыдания начали стихать, сменяясь тихими, судорожными всхлипами. Он не стал церемониться. Клэр схватил её за запястье, и его хватка была железной, безжалостной, он защёлкнул на её руке один из браслетов. Второй конец артефакта он прикрепил к массивной, резной ножке высокого стола из тёмного дерева. Кристина дёрнулась, но магия браслетов уже сработала, пригвоздив её к месту. Она была скована, но не магией подавления, а физически — как ценная, но опасная вещь, которую нужно

было привязать.

— Она сделала с тобой что-то?! — голос Кристины был хриплым, полным отчаяния и безумной надежды. — Околдовала?! Ты не был таким! Ты был... моим! Твой отец обещал мне тебя!

Клэр медленно выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. В его зелёных глазах не было ни жалости, ни гнева. Только холодное, усталое презрение.

— Кристина, — его голос был тихим и острым, как один из его кинжалов. — Не надо делать вид, будто ты страдаешь от несчастной и неразделённой любви. Подумай хорошенько.

Он сделал шаг вперёд и грубо, но без лишней жестокости, сжал её подбородок пальцами, заставляя смотреть ему в глаза.

— Ты захотела меня лишь потому, что я был единственной вещью, которая тебе не досталась. Ты как избалованное дитя, которое съедает все сладости с праздничного стола, но рыдает лишь из-за того, что ему не досталась одна несчастная лакричная конфета. Твоя жадность уже просто не знает границ. Ты уже задыхаешься от всего того восхищения, которое тебя окружает, но продолжаешь требовать ещё.

Он отпустил её подбородок так резко, что её голова мотнулась в сторону

— Мне мерзко смотреть на твоё фальшивое горе.

Клэр перевёл взгляд на стол. На его полированной поверх-

ности стояла искусно вырезанная шахматная доска. Фигуры были расставлены для партии, которая так и не началась. С яростным, презрительным жестом Клэр одним ударом руки перевернул доску.

Деревянные и костяные фигуры — короли, ферзи, пешки — с глухим стуком посыпались на пол перед Кристиной.

— Считай нас перелётными птицами, — произнёс он, глядя на рассыпавшиеся фигуры. Его голос был полон спокойствия. — Мы лишь заскочили к вам на пути. А когда уйдём, просто продолжайте играть в ваши виртуозные игры, переставляя фигуры на доске. Только не надо строить тут трагедию лишь оттого, что кто-то отказывается быть твоей игрушкой.

Он наклонился, поднял с пола одну из упавших фигур — чёрного коня — и с силой воткнул его остриём в щель между плитами пола прямо перед скованной Кристиной.

Не сказав больше ни слова, он развернулся и ушёл. Его фигура растворилась в портале, оставив Кристину одну в пустой комнате. Она сидела на полу, прикованная к столу, окружённая поверженными шахматными фигурами, и смотрела на воткнутого в пол чёрного коня. В её глазах больше не было слёз. Там осталась лишь пустота и горькое осознание полного унижения.

***

Дворец встретил их не тишиной, а хаосом. Грохот падающих камней и крики стражи эхом разносились по коридо-

рам. Аскольд, чья магия уже сплеталась с корнями деревьев, лишь коротко кивнул Тамаре. Часы в её груди тикали, отсчитывая не только её жизнь, но и время до неизбежной бури. Она шла по коридору, по которому совсем недавно вёл Кира Дмитрий. Вот гобелен с гербом Южного региона, который она принесла сюда одиннадцать лет назад. Воспоминания детства нахлынули волной: вот здесь она споткнулась и порвала платье, а отец, тогда ещё молодой и суровый, лишь молча поднял её. Улыбка тронула её губы — горькая, ностальгическая. Впереди уже показалась неприметная деревянная дверь.

Внезапно из-за поворота, словно призрак прошлого, возникла фигура. Людмила. Она выглядела жалко. Её дорогое голубое платье было помято, лицо искажено гримасой ярости и безумия. Она больше не была величественной интриганкой. В её руке не было оружия, лишь слепая ярость. Она попыталась вцепиться Тамаре в лицо ногтями, выкрикивая бессвязные обвинения:

— Воровка! Ты украла моего сына! Моего Руслана!

Тамара даже не сдвинулась с места. Она лишь слегка выставила руку, и невидимая сила отбросила Людмилу назад.

— Ты забрала его! Ты ведьма! Вы забрали у меня его! — её голос сорвался на визг. — Ты сделала это из мести?! Из-за того, что я... я...

Тамара медленно повернула голову и посмотрела на медный таз с ароматной водой у стены. Она подошла к нему, взя-

ла чистое полотенце и неторопливо смочила его. Вода пахла розами и лавандой — запах дворца. Он пах не только пудрой, духами и алкоголем, но и этими маслами – отражением древней традиции.

— Не припоминаю, чтобы я что-то делала, — голос Тамары был пугающе спокоен.

— Посмотри на себя! — выплюнула Людмила. — Натуральная ведьма! Одетая не пойми во что!

На Тамаре действительно было не придворное платье, а практичный наряд из Шу: короткое платье со шнуровкой на корсете и высокие и узкие сапоги. Поверх был накинут её неизменный красный плащ.

— Ты так думаешь? — Тамара улыбнулась. — В Шу это в последнее время модно. Мне понравилось, что юбки стали короче, вот и прикупила себе пару нарядов. Я на одежду не особо падкая, но и у меня есть предпочтения.

— Рассуждаешь здесь о моде?! Воровка детей! — Людмила брызгала слюной.

— Я повторяю: не припоминаю, чтобы я делала что-то подобное, — терпеливо сказала Тамара. — Людмила... Если мой дорогой ученик Кир — это твой сын Руслан... то у меня для тебя плохие новости. Рядом с тобой кто-то уж очень сильно желал тебе зла. Потому что я нашла Кира в лесу одного. Брошенного на съедение фавну. Но если мой ученик пожелает быть твоим сыном... я не стану держать его против воли. Я обязательно спрошу его об этом... когда найду.

Тамара сделала паузу, наблюдая за реакцией. Людмила поражённо опустила плечи. Она поняла. Кир уже отверг эту женщину. Слова повисли в воздухе как приговор.

Тамара выпрямилась во весь рост. Она видела перед собой не врага. Она видела руины человека. Её взгляд упал на сложную причёску Людмилы.

Она подошла вплотную и быстрым, резким движением выдернула одну из шпилек. Затем вторую. Третью... Все они со звоном падали на пол. Волосы Людмилы рассыпались по плечам грязно-серой волной. Обнажилась седина у корней и жуткие проплешины на темени — следы ядовитой косметики. Людмила взвизгнула и попыталась закрыть лицо руками, но Тамара была быстрее. Она грубо схватила женщину за подбородок одной рукой, а второй прижала к её лицу мокрое полотенце.

— Людмила... — голос Тамары стал тихим и задумчивым. — Когда совсем недавно я вспомнила о том, что ты убила мою мать... меня на мгновение охватила жгучая ярость. Я думала о том, что сделаю с тобой при встрече.

Она с силой провела полотенцем по щеке Людмилы, смывая пудру и румяна.

— Но сейчас я смотрю... и понимаю, что всё самое страшное с тобой уже сделали время... и ты сама.

Под толстым слоем косметики проявилась истинная картина: дряблая кожа в пигментных пятнах, глубокие морщины вокруг глаз и губ — печать ядовитой моды двора. Тамара

отпустила её лицо и брезгливо вытерла руку о полотенце.

— Ты просто отвратительна... Всю жизнь так гналась за красотой и статусом... что превратилась в это ещё до пятидесяти лет.

Она отступила на шаг, окидывая Людмилу холодным взглядом с головы до ног.

— Ты была мне угрозой всё детство... но сейчас я вижу лишь безумную, слабую женщину... которая потеряла абсолютно всё в погоне за своей жадностью.

Тамара говорила без злобы, как родитель объясняющий очевидную истину бестолковому ребёнку:

— Ты ведь могла выбрать другой путь? Вышла бы замуж... даже с дочерью на руках. Или попросила бы у отца земли... растила бы Кристину в любви... А если не могла — оставила бы её здесь и устроила бы свою жизнь в достатке... может быть... даже любви.

Её голос стал жёстче:

— Тогда ты бы не стала безвольной куклой собственной Священной дочери. От тебя сейчас осталась лишь оболочка.

Тамара развернулась к ней спиной.

— Просто существуй так и дальше. Мне на потеху.

Она бросила мокрое полотенце на пол рядом с Людмилой и пошла к двери. Коридор был пуст, стража либо разбежалась, либо стала удобрением для корней Аскольда. Её саму интересовала лишь эта маленькая неприметная деревянная дверь.

Из чёрного портала, пахнущего озоном и тенью, шагнул Клэрис. Его зелёные глаза быстро пробежались по коридору, оценивая обстановку, и остановились на Тамаре. Лишь на секунду он задержался, оценив размазанную фигуру Людмилы. Клэр был спокоен. Задание выполнено. Кристина устранена.

Тамара стояла у стены. Перед ней, на мраморной тумбе, всё так же стоял медный таз с водой, от которой поднимался пар и аромат розового масла. Она методично, без лишней спешки, умывала руки в тёплой воде, а затем вытерла их о мягкое хлопковое полотенце.

Клэрис молча наблюдал за ней несколько секунд. Затем уголок его губ дрогнул в намёке на усмешку.

— Серьёзно? — его голос был тихим, но в гулкой тишине коридора прозвучал отчётливо. — Мы буквально взяли дворец штурмом, а ты моешь руки перед тем, как войти в тронный зал?

Тамара не обернулась. Она аккуратно сложила полотенце и вернула его на место.

— Это традиция, — ответила она ровным голосом. Её красные глаза отражали тусклый свет магических кристаллов. — Очиститься от пыли пути. Так было заведено ещё при прадеде моего отца.

Она кивнула на таз.

— Ты тоже умой руки.

Это был не вопрос и не просьба. Это была констатация

факта. Часть ритуала. Клэрис посмотрел на неё, затем на таз. Он не стал спорить или иронизировать. Он просто вздохнул, закатил глаза, а затем подошёл, закатал рукава и повторил её действия.

Аромат масел казался неуместно сладким после запаха гари и крови боя.

Когда Клэр закончил и выпрямился, Тамара уже стояла у двери. Их взгляды встретились. Никаких слов больше не требовалось. Они были готовы.

Заклинание Тамары с грохотом вынесло створки, обратив их в облако щепок и пыли. Дым и каменная крошка ворвались в помещение, обволакивая трон и одинокую фигуру за столом.

Виктор даже не вздрогнул. Он лишь устало поднял глаза от пергамента, который держал в руках, и посмотрел на незваных гостей поверх очков.

— Конечно, ломай, — произнёс он сухим, лишённым эмоций голосом. — Не тебе же за это платить.

Пыль медленно оседала, открывая их друг другу. Тамара стояла в дверном проёме, высокая и прямая, её красные глаза горели в полумраке. Клэрис материализовался из портала справа от неё, его кинжалы уже были в руках.

— Рада видеть тебя в здравии, отец, — голос Тамары был бодрым, почти игривым. Она сделала шаг вперёд, и её сапоги гулко ударили по мрамору. — А теперь говори. Где мой ученик?

Её взгляд, только что бывший насмешливым, в одно мгновение стал ледяным. Воздух в зале сгустился от напряжения.

Виктор медленно отложил перо. Он посмотрел на дочь, затем на её спутника, и его губы тронула едва заметная усмешка.

— А если не скажу?

Тамара улыбнулась в ответ, слегка прищурившись. Это была улыбка, что подходила самой настоящей ведьме.

— Тогда придётся мне из тебя выбить ответ.

— Что ж, так тому и быть... — Виктор тяжело поднялся с трона. В нём не было страха, лишь бесконечная, вековая усталость.

Он выпрямился во весь рост, и казалось, сам стал шире, заполняя собой пространство зала. В его руке из ниоткуда возник огромный чёрный меч, исписанный рунами. Магия вокруг него вспыхнула багровым светом — того же оттенка, что и у Тамары, но более тёмного, цвета запекшейся крови. Вековая усталость в его глазах сменилась еле уловимым интересом.

Они стояли друг напротив друга. Тамара с Клэром и Царь Виктор. Мгновение. И они все сорвались с места. Из потолка и пола по воле Виктора выскакивали цепи, мечи и копья, пытаясь пронзить незваных гостей. Стены дрожали. Воздух сгустился, вспыхивая заклинаниями.

Тамара атаковала магией, создавая огненные круги и копья из чистой энергии. Клэрис двигался как тень, его кинжа-

лы искали брешь в защите Царя, появляясь из порталов там, где их меньше всего ждали.

Клэр и Тамара действовали идеально слаженно. Будто читали мысли друг друга. Стоило Тамаре бросить заклинание, а Виктору уклонится, Клэрис тут же перекидывал его обратно в Виктора порталом, добавив удар от себя.

«Она совсем не прикрывает себя, когда атакует, потому что знает, что его порталы защитят её от всего» — подметил Виктор, с трудом парируя удар мечом, — «Это помогает ей направлять все силы в атаку».

На него обрушился шквал ударов. Меч Тамары сталкивался с его клинком, высекая искры, а в следующую секунду за его спиной возникал Клэрис, заставляя Царя уходить в глухую оборону.

«Он предлагает ей абсолютную преданность, а она отвечает непоколебимым доверием» — вновь подумал Виктор. Их было невозможно отследить. Каждое движение было слаженным, но абсолютно непредсказуемым. Их глаза горели жаждой битвы и невероятной сосредоточенностью.

Виктор вспомнил слова Алексея, сказанные ему много лет назад: *«Рано или поздно ты не сможешь оторвать от неё глаз»*. Прежний капитан оказался прав. Виктор не мог оторвать взгляда. В волосах Тамары пылали алые искры, глаза горели яростным огнём. На мгновение Виктора охватил сакральный ужас, заставивший его улыбаться как безумца.

«За мной будто пришли демоны из самого ада, чтобы на-

конец-то покарать» — пронеслось у него в голове.

Силы были на исходе. Он парировал удары из последних сил. Финальный аккорд. Тамара мощным ударом отбросила меч Виктора в сторону, заставив его открыться. Клэрис тут же возник за его спиной, приставив два кинжала к шее Царя. Тамара стояла спереди, острие её клинка замерло у его горла.

Сопротивляться больше не имело смысла. Виктор медленно разжал пальцы. Его огромный меч со звоном упал на пол. Багровые цепи, удерживавшие тронный зал в тисках магии, рассыпались в прах. Он капитулировал, подняв руки.

— Сдаюсь, — произнёс он тихо. — Мальчик в храме Хара. Он отправился туда за твоим сердцем.

— Как удачно, — ответила Тамара, опуская меч. Клэрис убрал кинжалы и отступил на шаг. — Я ищу и то, и другое. И оба они в одном месте.

Виктор смотрел на них снизу вверх. Он тяжело дышал.

— Тебя одиннадцать лет не интересовало твоё сердце. Почему ты решила забрать его именно сейчас?

Тамара сделала шаг назад, разжала ладонь, и меч, когда-то принадлежавший её наставнику, засияв красным, исчез.

— Оно нужно мне не для меня, — объяснила она. — Оно нужно мне как наставнику Кира.

Виктор непонимающе нахмурился

— Кир задал мне вопрос... а я не смогла ему ответить, именно потому что у меня не было сердца. Так нельзя. Ученику положено задавать вопросы, а наставнику — отвечать.

Иначе это уже не обучение, а лишь избирательная передача фактов. Я забираю своё сердце сейчас... чтобы продолжать быть его наставником, отец. А ещё — Взгляд Тамары немного помутился. — Есть много слов, которые я бы хотела высказать своей семье, но я не могу придать им форму без чувств и сердца. Это будут лишь фальшивые речи, вместо той истины, которая так для меня важна.

Виктор молчал долго. Затем он медленно кивнул и опустился обратно на трон.

— Вот как...

В этот момент огромные парадные двери тронного зала с грохотом распахнулись. На пороге стоял Аскольд. За его спиной виднелись неподвижные тела стражников. Сам Король Фей выглядел так, будто только что вышел на прогулку, а не сражался со всей стражей дворца.

Виктор посмотрел на них — на свою дочь, на её верного друга и на лесного духа.

— Почему ты дала ему такое имя? — спросил он вдруг, когда Тамара и Клэрис уже направились к выходу вслед за Аскольдом.

Тамара остановилась. Она обернулась через плечо и задумчиво потёрла подбородок.

— Вроде тогда ворона каркнула на дереве... Клэр сказал, что «Кар» звучит не очень... поэтому Кир, — ответила она с лёгкой улыбкой. А потом посмотрела на отца в упор: — А почему ты назвал его Русланом?

Виктор пожал плечами:

— Я открыл книгу мужских имён на случайной странице... Там было это имя.

Тамара тихо рассмеялась.

— Не такие уж мы и разные...

Аскольд хмыкнул у двери:

— А у вас семейное — так безразлично относиться к имени ребёнка?

Тамара не ответила ему. Она снова посмотрела на отца. Подошла чуть ближе к выходу и остановилась.

— Отец... — позвала она вдруг.

И низко поклонилась ему в пояс.

— Спасибо.

Виктор поражённо замер на троне.

— Что? Что... Почему?

Тамара выпрямилась лишь наполовину, всё ещё не поднимая головы.

— Может, ты и не любил меня так, как положено отцам... Но ты поселил меня в рубиновый дворец, самый просторный и красивый. Когда я оказалась плоха в этикете. Ты не упрекнул меня за неумелые танцы и не стал сравнивать с Кристиной... а отправил учиться фехтованию, которое подходило мне больше. Ты дал мне капитана Алексея... который заботился обо мне. Спасибо за книги по магии... И даже за то, что отправил на войну... Там я стала сильнее... поняла, чего на самом деле хочу и что мне действительно дорого.

Её голос стал твёрже:

— Спасибо тебе за всё это. Я больше не собираюсь ничего просить у тебя и винить в чём-то... Я хочу поблагодарить за то, что ты дал мне в меру своих сил. Я хочу жить свободной от прошлых обид и сожалений.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Когда мне самой пришлось растить Кира... Клэр и Аскольд прикрывали мои слабые стороны... Поэтому Кир рос счастливым. Тебе было гораздо сложнее без мамы... хоть Алексей и пытался прикрыть тебя... Но без неё тебе было очень сложно... Ты молодец... потому что делал всё, что мог. Спасибо тебе за это... И прощай. Может, встретимся вновь...

Она развернулась и ушла не оглядываясь. Двери закрылись за ней и её спутниками.

Тронный зал начал возвращаться в исходное состояние с тихим гулом магии. Сорванная люстра поднялась к потолку и встала на место. Трещины в стенах и плитке на полу срастались, словно живые. Выбитые стёкла, повисев в воздухе мгновение, вернулись в оконные проёмы, а пыль и каменная крошка, оставшиеся от заклинания Тамары, втянулись в щели пола, послужив материалом для восстановления. Тронный зал возвращал свой первозданный, стерильно-идеальный вид, будто ничего и не произошло.

Виктор остался один. Он сидел на троне, но его поза больше не была позой правителя. Плечи опустились, спина ссутулилась. Он смотрел на закрытую дверь, за которой скры-

лась его дочь.

В его памяти вспыхнул образ из далёкого прошлого. Маленькая девочка с красными глазами и чёрными, как у него самого, волосами. Она сидела у него на коленях и что-то увлечённо рассказывала, смешно жестикулируя. Он слушал вполуха, занятый государственными делами, но на его губах играла лёгкая, почти незаметная улыбка.

«Может, ты и не любил меня так, как положено отцам...»

Слова Тамары эхом отдавались в пустой голове. Боль, которую он так долго и успешно игнорировал за грудой бумаг и логистических выкладок, вдруг прорвала плотину. Его грудь сдавило тисками. Это была живая, настоящая агония.

Он согнулся пополам, упираясь руками в подлокотники трона, и тяжело, надрывно задышал. По его суровому, измождённому лицу катились слёзы. Он не пытался их вытереть.

Он смотрел на свои руки, которые подписывали указы о казнях и строили планы войн. Руки, которые когда-то осторожно гладили маленькую девочку по волосам. И он плакал. Плакал о дочери, которую не смог понять. О жене, которую не сберёг. О себе, который был слишком глуп и горд, чтобы просто обнять своего ребёнка.

АКТ IV: Храм бога войны.
Глава 16: Соловьиный остров

Боги — существа, что не нуждаются в одобрении, и им абсолютно безразлично презрение. Они просто есть. Просто существуют, как деревья, камни и люди. Но и они склонны к привязанности. Их прельщают места, и боги решают поставить там свои храмы. Они питают интерес к людям и делают их своими крестными детьми.

В Рюлеле не было чёткого единого вероисповедания. Царство строилось на присоединении соседних близлежащих государств и разрозненных земель. Каждый век, а то и чаще Рюлель присоединял территории. В центре его поклонялись богу войны Хара, чуть севернее и в совсем юном герцогстве Маль — богине Любви Лёль, запад предпочитал бога искусств и медицины Барока, южные племена славили больше всех Велеса — бога плодородия, а предприимчивый восток молился Макоши, что благоволила ремеслу и торговле.

Рюлель рос и распространялся, верования эти мешались, иногда сталкиваясь друг с другом, но всё же сосуществовали и перетекали друг в друга. Люди молились Лёль и на юге, благоволили Хара на востоке, благодарили Велеса на западе, просили совета у Макоши в центре и не забывали обращаться с молитвами к Бораку на севере.

В отличие от Единого, которого славила Империя Тархa, что раскинулась по всему соседнему континенту, Пантеон Рюлеля не был предвзят друг к другу. Войны были меж людьми, а не богами. Хотя и у богов своих споров хваталоБоги созерцали. Не вмешивались. Лишь изредка их рука касалась мира людей. Они выбирали себе Крестных детей. Таких как Тамара или Клэр. Чем они руководствовались, что их привлекало — никто не знал. Это было лишь данностью.Храм бога Хара был когда-то возведён именно его Крестным сыном. Великолепное сооружение это находилось на Соловьином острове, что был центральной точкой в Срединном проливе меж центром и восточными территориями Рюлеля, стоявшими на островном архипелаге.

Остров этот был назван Соловьиным, потому что по легенде, когда царя Бориса, четвёртого правителя Рюлеля вынесло на его безжизненные берега, и тот уже готовился к смерти, соловьиная стая принесла сюда плоды с его родины. Это дало Царю Борису возможность дожить до того, как его спасут. Сам Борис спустя десять лет возвёл здесь храм и дал имя острову. Соловьи, кстати, действительно здесь пролетали. Это было их место отдыха во время весенней и осенней миграций.

Сюда и лежал путь Кира и Дмитрия. Здесь хранилось сердце Тамары.

Зефир плавно наклонился, пикируя на берег. Вокруг были лишь серые скалы, покрытые редким мхом, по которому

ползали сине-зелёные крабы, вынесенные последним приливом. Шум волн. Редкие крики чаек. Под ногами Дмитрия и Кира хрустела галька. Пахло сыростью и солью.

— Да-а, — протянул Кир. — Не так я себе поездку на море представлял.

Он разочарованно вздохнул, осматривая серые острые камни. Он искал хоть какой-то признак жизни: яркое пятно мха, цветок в трещине, крик чайки, который не звучал бы так тоскливо. Но остров был мёртв. Он был правдив. Он не пытался казаться лучше, чем он есть. Зефир шумно фыркнул, играясь лапой с довольно смелым для своих размеров крабом.

— Ну так что ты хотел от восточного моря? — Дмитрий развёл руками. — Ещё и от Срединного пролива. Не зря моряки, что в нём работают, от пьянства дохнут как мухи. Попробуй смотреть на это каждый божий день. Хочешь не хочешь — запьёшь!

Он хмыкнул, глядя на краба, который с упорством карабкался по его сапогу. Дмитрий сделал короткое, экономное движение носком сапога, словно сбрасывая с лезвия меча налипшую грязь после боя. Зефир тут же сорвался с места, приняв ракообразное за игрушку.

— Южное море гораздо лучше для отдыха, — поделился Дмитрий уже более миролюбиво, провожая взглядом своего грифона. — Закончу с тобой, возьму отпуск и укачу в Геб. Там голубая вода, тепло и белый песочек. Буду весь день ва-

ляться и ничего не делать.

Дмитрий закончил говорить и посмотрел на своего юного спутника. Тот стоял неподвижно, вглядываясь в серую линию горизонта, где вода сливалась с низким, свинцовым небом. Огромный горбатый серый кит, внезапно на мгновение показался на поверхности. Он ударил своим исполинским хвостом, подняв брызги. Исполин оставил после себя морскую пену и восторг в глазах Кира.

— Невероятно, — произнёс мальчик.

— А-а-а кит, их стало больше, — Дмитрий тоже провожал морского зверя взглядом. — Когда я был маленьким, примерно твоего возраста. Их почти истребили в этом проливе. Сюда они обычно приплывают, чтобы создать семьи и родить свой выводок. И здесь же их поджидали китобои. Потом, когда Царь Виктор пришёл к власти, Царица Наташа узнала о судьбе китов, она разрыдалась прямо на аудиенции в Восточных землях. Тогда Царь Виктор запретил охоту на китов, а наказанием за нарушение стала смертная казнь. Торговцы придумали аналоги китовому усу и кости. И вот сейчас они больше не вымирают.

Дмитрий посмотрел на Кира и внезапно застыл на месте. Мальчик рыдал. По его щекам катились огромные солёные слёзы. Они капали на серый гравий, а затем их слизывали волны, и они смешивались с Восточным морем. Кир пытался вытереть их рукавами, но слёзы всё лились и лились.

— Красиво — прошептал он. – Здесь так красиво, Тамара.

Ему вспомнились её глаза, что смотрели на деревья, увешанные ранетками. Такими горькими и кислыми, что даже птицы их не ели. Он вспомнил охристые улицы Шу и ратушу.

— Мир Он меняется... — Кир продолжал рыдать. — Он становится лучше Он лучше, чем был десять лет назад, а ещё через десять лет станет ещё лучше, чем сейчас Вот что хотела объяснить мне Тамара.

Мальчик зарыдал в голос от тоски по своей наставнице, сражённый красотой истины и этого сурового края. Дмитрий чуть улыбнулся и погладил его по спине.

— Ты прав, — продолжал мягко улыбаться капитан гвардии. – Тут очень красиво. Холодно, серо, но красиво.

Когда Кир успокоился, а кит окончательно скрылся за горизонтом, они направились к храму.

Храм бога Хара не стоял на острове — он был островом. Это была не постройка, а титаническая скала, отполированная ветрами и временем, в теле которой люди (или сам бог через своих крестников) вырубили проходы. Никаких шпилей, куполов или резьбы. Только серый, неприступный гранит, уходящий вершиной в свинцовое небо.

Единственным входом служила узкая вертикальная щель в скальной породе, которую за века прозвали «Путём Воина». Она выглядела не как ворота, а как шрам на теле каменного гиганта.

Кир и Дмитрий остановились перед этим тёмным провалом. Воздух здесь был неподвижным и холодным, пахло ве-

ковой пылью, солью и чем-то древним, не имеющим названия. Казалось, сам камень задержал дыхание в ожидании их решения.

— Ну, — нарушил тишину Дмитрий. — Вот и пришли.

Он достал из поясной сумки небольшой кристалл на цепочке и встряхнул его. Тот вспыхнул тусклым, холодным белым светом, выхватывая из мрака шершавые стены из необработанного гранита.

— Смотри под ноги, — велел капитан.

Кир сглотнул, вглядываясь в темноту за границей света. Под ногами был не ровный пол, а узкий, вырубленный в скале карниз. Слева — гладкая каменная стена. Справа — бездонная чернота.

Они шагнули внутрь.

Шаги гулко отдавались в тишине, но эхо вело себя странно. Иногда звук шагов возвращался мгновенно, будто отражаясь от стены в метре от них. Иногда эхо запаздывало на несколько секунд, приходя из глубины лабиринта, куда они ещё не сворачивали.

— Как мы найдём дорогу? — прошептал Кир, стараясь не смотреть в черноту справа. Ему казалось, что там, внизу, кто-то есть.

— Никак, — отрезал Дмитрий. Его лицо в свете кристалла выглядело суровым и бледным. — Это не просто храм, малыш. Это... испытание. Лабиринт.

Он обвёл свободной рукой стены.

— Его высекли не для красоты. Каждый поворот — это выбор. Каждый тупик — это ошибка. Говорят, здесь можно ходить кругами вечность. Твой разум начнёт играть с тобой злые шутки...

Они блуждали уже целую вечность. Или, может, всего десять минут. В лабиринте храма Хара время теряло смысл. Коридоры сменяли друг друга с удручающим однообразием: серый камень, узкий карниз под ногами и бездонная тьма справа. — Это проклятое место насмехается над нами.

— Мы ходим по кругу, — наконец не выдержал Дмитрий, останавливаясь. Его голос был хриплым от пыли и раздражения. — Это проклятое место насмехается над нами.

В этот момент они услышали движение.

Это был не шорох крысы и не осыпь мелких камней. Это был тяжёлый, уверенный шаг человека, который точно знает, куда идёт. Шаги приближались из бокового коридора, который они только что миновали.

Дмитрий резко вскинул руку с кристаллом, словно оружие. Свет выхватил из темноты поворот, но там никого не было. А затем... кристалл в его ладони мигнул и погас. Погрузив их в пустую тьму.

Но темнота не продлилась и секунды. По стенам лабиринта, одна за другой, вспыхнули чадящие факелы. Их неровный, оранжевый свет отбрасывал на каменные стены уродливые, пляшущие тени, которые казались живыми.

Из-за поворота вышел воин.

Он был высок и широкоплеч, его фигура заполняла собой весь коридор. Он был одет в простой, но прочный кожаный доспех, потёртый от времени и битв. Лицо его было скрыто грубой деревянной маской с двумя узкими прорезями для глаз и простым узором, похожим на шрам. Голова была накрыта глубоким капюшоном, тень от которого полностью скрывала маску в полумраке.

Он остановился в нескольких шагах от них, молча разглядывая незваных гостей.

— Ты... Хара? — голос Кира дрогнул, но он заставил себя говорить твёрдо.

Воин медленно качнул головой. Из-под маски донёсся глухой, спокойный голос:

— Нет. Я лишь задержавшийся гость в его доме. Бог ждёт вас.

Дмитрий фыркнул, его раздражение прорвалось наружу:

— Отлично! Где ждёт? Покажи нам дорогу, раз он такой гостеприимный!

Воин медленно развёл руками, словно обнимая бесконечные каменные коридоры вокруг:

— Я без понятия, где искать. Он скрывается где-то в лабиринте.

Дмитрий открыл рот, чтобы выпалить очередную гневную тираду, но осёкся на полуслове. Его лицо, освещённое неровным светом факелов, изменилось. Раздражение сменилось шоком, а затем — глубоким, почти суеверным ужасом.

Он смотрел на воина так, словно увидел призрака.

— Кто ты? — прошептал Дмитрий. Его рука, сжимавшая бесполезный кристалл, задрожала. — Я чувствую... я знаю тебя...

Воин не ответил. Он лишь медленно повернул голову, и взгляд и тёмных щелей маски впился в капитана гвардии. А затем он издал звук. Это был не смех в привычном понимании. Это был короткий, сухой смешок, похожий на треск ломающейся ветки.

Дмитрий вздрогнул, как от удара. Воин отвернулся от него так же внезапно, как и посмотрел.

— У тебя всегда была сильная интуиция, — бросил он через плечо. — Идёмте. Я провожу вас к началу пути.

Он сделал шаг в боковой коридор и остановился, ожидая их.

***

Портал за их спинами исчез с тихим, влажным хлопком, оставив после себя лишь запах озона и пустоту. Они стояли на том же сером, безжизненном берегу, что и Кир с Дмитрием. Вокруг — лишь скалы, покрытые редким мхом, и неумолчный шум прибоя.

Тамара медленно сняла капюшон плаща и глубоко вдохнула сырой, солёный воздух. Волосы её трепал влажный морской ветер. Её взгляд был устремлён не на храм-скалу, а куда-то за горизонт.

— Я была здесь лишь однажды, — тихо произнесла она,

скорее для себя, чем для спутников. — Один раз. Очень давно.

Король Фей поправил свой нелепый кожаный воротник и кашлянул:

— Ты никогда не рассказывала о том, где пропадала в первые дни после... ухода.

Тамара слабо улыбнулась, но в её красных глазах не было тепла. Только отблески старых воспоминаний.

— Я не рассказывала. Потому что рассказывать было нечего. Когда отец вырвал мне сердце, я проснулась в рубиновом дворце и поняла, что устала до глубины души. И просто ушла Я не особо помню первые дни. Я спала, где приходилось, а вкус еды даже не ощущался. Потом я нашла Клэра.

Она посмотрела на воина рядом с собой. Тот едва вздрогнул, услышав своё имя, и прикрыл лицо, пряча румянец.

— Я нашла его на улице в каком-то захолустном городке верст за десять от Рюлеля. Он был без сознания, избитый в кровь. Я не знала, кто он. Просто... меня вдруг обуял порыв подождать, когда он очнется. Мы пошли вместе. И в итоге оказались здесь.

Она обвела рукой монолитную скалу храма.

— Мы блуждали по лабиринту около недели. Без воды, почти без еды. Я уже тогда плохо чувствовала усталость, но он... он был на пределе. Ворчал просто не переставая.

Аскольд хмыкнул, его глаза блеснули золотым озорством:

— Узнаю нашего упрямца. Даже будучи при смерти, он

бы ворчал, что ты идёшь слишком медленно.

Тамара позволила себе лёгкую усмешку.

— В один из дней... мы нашли его. Сад.

Её голос изменился, стал тише, почти благоговейным.

— Это было невозможно. Мы шли по голому камню, по коридорам, высеченным в скале. А потом за очередным поворотом... воздух изменился. Он стал тёплым, пахнущим землёй и цветами. Мы вошли в огромный грот, и там, под высоким потолком, где сквозь трещину пробивался луч света, рос сад. Деревья с густой листвой, виноградные лозы, оплетающие колонны, и цветы... Я никогда не видела таких цветов. Они светились мягким белым светом. Соловьи порхали меж плодовых деревьев.

Клэр молчал, но его взгляд был прикован к лицу Тамары. Он тоже помнил.

— Это было место Хара? — спросил Аскольд уже без тени веселья.

— Да, — кивнула Тамара. — Его святилище. Но самое странное... его там не было. Самого Хара. Только сад. Как будто он создал это место для кого-то... или для чего-то, что должно было здесь храниться. А потом просто ушёл. Оставил сад пустовать.

Она замолчала, глядя на тёмный провал входа в храм.

— Тогда я поняла одну вещь. Даже боги могут быть одиноки. И даже они могут создавать красоту там, где царит война. Хотя, может, он лишь отлучился по своим делам. В лю-

бом случае, мне показалось, что рано или поздно он туда вернётся. Тогда, остановившись на несколько часов в этом саду, я вспомнила про твой лес, Аскольд, и о том предложении в нашу первую встречу. Так что потом мы отправились к тебе.

Она повернулась к своим спутникам. В её взгляде читалась стальная решимость.

— Идёмте. Кир уже внутри. И если сад всё ещё там... возможно, это знак. Если получится, я бы хотела и с Крёстным повидаться.

Часы на её груди продолжали идти. Ей оставалось меньше суток. Клэр не отрывал взгляд от неумолимо бегущих стрелок.

— Кир здесь точно не один, - Тамара смотрела на дремавшего на камне грифона.

Зефир лениво потянулся и приоткрыл глаз, взглянув на незваных гостей. Клэр подошёл к нему и потрепал по загривку, создание довольно заурчало.

— Давно не виделись, малыш, — поздоровался Клэр. — Где же твой хозяин?

Грифон не ответил, лишь подставился под новую ласку. Аскольд вопросительно посмотрел на Тамару.

— Это грифон Дмитрия, — объяснила она. — Он был одним из наших с Клэрисом наставников в юности. Это внезапно успокаивает. Я боялась, что Кир в этом мире сейчас совсем один, но с ним по-настоящему надёжный спутник.

Тамара перевела взгляд на Клара, ласкавшего грифона,

на расщелину, а затем пересадила малышку Герань со своего плеча на шерсть грифона.

— Подожди нас тут, — мягко велела она. — За нами могут последовать. Так что, если увидите здесь кого-то кроме нас, прячьтесь.

Грифон не ответил никак, а Герань кивнула. Тамара шагнула ко входу в храм вместе с Аскольдом и Клэром.

***

Их проводник двигался по лабиринту с уверенностью, которая раздражала Дмитрия и одновременно странным образом успокаивала Кира. Мальчик не мог отделаться от ощущения, что этот воин, чьё лицо было скрыто маской, знает об этом месте нечто большее, чем показывает. Он казался незыблемым, как сама скала.

Воин остановился так внезапно, что Дмитрий едва не врезался ему в спину. Перед ними открылся огромный зал.

— Единственное, что я знаю, — проскрежетал голос из-под маски, — так это то, что нам стоит начать отсюда.

Пространство напоминало тронный зал, высеченный в сердце горы. По периметру стояли статуи воинов в древних, покрытых пылью и трещинами доспехах. Их пустые глазницы были устремлены на центр зала. А на массивном троне из чёрного камня восседала самая большая фигура — скелет в истлевшей короне и мантии. Пустые глазницы короля, казалось, следили за каждым их движением.

— Хотя бы всё не так сложно, — пробормотал Дмитрий,

вытирая пот со лба. Он указал на маленькую, едва заметную арку-проход за троном скелета. — Очевидно, что нам нужно туда.

Они осторожно двинулись вперёд, ступая по пыльному полу. Эхо их шагов гулко разносилось по залу. Когда они достигли центра, Кир почувствовал, как по полу прошла едва уловимая вибрация.

— Назад! — рявкнул Дмитрий, но было уже поздно.

С сухим треском скелеты в доспехах начали шевелиться. Сначала медленно, словно просыпаясь от векового сна, а затем всё быстрее. Они синхронно повернули черепа в сторону незваных гостей. Король на троне поднял костлявую руку, и армия мёртвых с лязгом обнажила ржавые мечи.

— Защищаем мальчишку! — крикнул воин, принимая боевую стойку.

Скелеты бросились в атаку. Дмитрий и воин встали плечом к плечу, образовав живую стену перед Киром. Зазвенела сталь. Скелеты были медлительны, но их было много, и они не знали усталости. Кир лихорадочно чертил в воздухе атакующие круги, его магия отбрасывала врагов назад, но не могла уничтожить их полностью. Рассыпанные кости в мгновение ока собирались обратно и мчались в атаку. Силы были не равны.

Внезапно Кир заметил кое-что важное. Скелеты атаковали хаотично, но каждый раз, когда король на троне поднимал руку, их удары становились слаженнее и опаснее. Они были

марионетками, а он — кукловодом.

Взгляд Кира метнулся по полу. Среди костей и пыли лежал обломок деревянного древка — всё, что осталось от копья или посоха павшего воина. Решение пришло мгновенно.

Верная Лаза тут же выскочила из-под мантии, обвивая находку. Кир подхватил деревяшку, принесённую верным помощником. Сконцентрировавшись, он призвал магию Аскольда. Древко окуталось зелёным светом, его концы вытянулись и загнулись, превращаясь в идеальный лук. В другой руке материализовалась стрела из чистой энергии того же изумрудного цвета.

Воин и Дмитрий, увидев это, усилили натиск, работая мечами с удвоенной скоростью, давая Киру секунду передышки. Кир натянул тетиву до предела. Стрела засияла ослепительным светом. Он выдохнул и отпустил её.

Зелёный росчерк пронзил сумрак зала и ударил скелета-короля прямо в центр груди. Костяная фигура на троне рассыпалась в прах. В тот же миг все остальные скелеты замерли и с сухим треском повалились на пол грудой бесполезных костей.

Тяжело дыша, Дмитрий и воин опустили мечи.

— Ты большой молодец! — Дмитрий, всё ещё не отдышавшись, потрепал Кира по волосам своей огромной ладонью. — Что это? Я про такие луки только в сказках про эльфов читал.

— Аскольд меня научил! — гордо ответил Кир, его щёки

порозовели от похвалы и усталости.

— Это ж откуда он сам-то его узнал? — с искренним восхищением спросил воин.

— Он хоть и лентяй, но король фей, конечно, он много знает! — почти обиженно за Аскольда ответил Кир, но внезапно осёкся и с ужасом прикрыл рот ладонью. — Ой!

Дмитрий расхохотался, его смех гулко разнёсся по опустевшему залу.

— Так значит, в Лесу Фей живёшь? — хитро прищурился он, припоминая старое поражение от Кира в небе над Шу.

Кир насупился и надулся, глядя в пол.

— Теперь хоть знаю, куда тебя возвращать, когда снова сбежишь! — закончил Дмитрий с улыбкой.

***

Соловьиный остров не был приспособлен для высадки целой армии. Его скалистые берега не знали причалов, а единственная узкая полоса гальки могла вместить лишь несколько шлюпок за раз. Но армия графа Александриты не была обычной армией.

С небес, раскинув огромные белые крылья, спускались пегасы. Десятки пегасов. На их спинах, в сияющих латах, сидели воины и маги. Воздух наполнился хлопаньем крыльев, ржанием коней, скрипом сбруи и резкими командами офицеров.

Зефир, спрятавшийся в глубокой расщелине между валунами, прижал уши и тихо зарычал. Он чувствовал запах ле-

тающих коней, на которых в дикой природе охотились грифоны, но сейчас они были не едой. Это был запах врагов. Он был приучен к дисциплине и приказу Тамары, поэтому лишь плотнее вжался в тень.

На его спине, вцепившись в жёсткую шерсть, сидела Герань. В отличие от грифона, она не испытывала страха. Только холодное, расчётливое любопытство. Она была феей, что прожила бок о бок с Тамарой и её странным котом больше десяти лет, но никогда она не ощущала той жажды крови, что исходила от этих людей.

Её огромные глаза внимательно изучали прибывших.

Маги. В центре строя, на спинах самых крупных крылатых коней, сидели фигуры в тёмно-синих мантиях. Их ауры были тусклыми, но Герань чувствовала пульсацию сырой, неконтролируемой силы. Это были не боевые маги, а «живые артефакты» — сосуды, наполненные энергией для подпитки более сильного заклинателя. Опасные, но хрупкие инструменты.

Рыцари. Простые воины. Их латы были начищены до блеска, но Герань видела в них лишь безмозглую, послушную силу. Они были угрозой только в ближнем бою. Или простой закуской для Клэра.

Офицеры. Вот кто был по-настоящему интересен. Они носили цвета Александритаы — глубокий синий с серебром. Их взгляды были острыми, а осанка выдавала выучку гвардии Виктора. Это были убийцы, натасканные на кровь.

А затем она увидела их. Всего несколько грифонов в стаде коней. С одного из грифонов на землю спрыгнул Евгений Александрита. Его щека была перечёркнута ещё не зажившей, воспалённой раной — розовой полосой на бледной коже. Он двигался с преувеличенным достоинством, поправляя кружевные манжеты, словно пытаясь отвлечь внимание от своего унижения.

Рядом с ним шла Кристина. Её некогда белоснежное платье было измято и испачкано в пыли после путешествия. Волосы выбились из причёски. Но её осанка была прямой, а подбородок вздёрнут. Только чуть покрасневшие глаза выдавали в ней обиду от унижения, что совсем недавно было преподнесено ей Клэрисом.

Последним на землю ступил сам граф Леонид Александрита.

Он был немолод, его виски тронула седина, но его фигура излучала спокойную, абсолютную власть. Он был одет не в доспехи, а в практичный дорожный костюм из дорогой ткани. На его поясе висел меч, блеск гарды выдавал мастерскую работу кузнецов зачарователей. Он вёл эту армию не приказами и криками, а единым лишь дыханием, которому подчинялся каждый.

Он окинул взглядом скалистый берег, храм-скалу и произнёс лишь одно слово:

— Начинайте.

Один из магов-артефактов тут же рухнул на колени. Его

тело выгнулось дугой в беззвучном крике. Из его глаз и рта хлынул поток ослепительно-белого света. Свет ударил в небо, формируя гигантскую светящуюся карту острова прямо над головами солдат.

На этой карте лабиринт храма был виден как на ладони: все повороты, все тупики и... несколько крошечных, пульсирующие точек, разбросанных по этому лабиринту.

— Они там, — прошептал Евгений, указывая дрожащим пальцем на одну из точек. — И... там тоже кто-то есть? Кто-то ещё?

Граф Леонид даже не взглянул на карту. Его холодный взгляд был устремлён на вход в храм.

— Не имеет значения. Все, кто встанет на нашем пути — враги Рюлеля. А враги... подлежат уничтожению.

Он повернулся к Кристине и Евгению:

— Вы двое. Идите за мной. И не смейте больше позориться перед какими-то отступниками.

Евгений побледнел от такого пренебрежения, но покорно кивнул. Кристина лишь молча сжала кулаки. Армия пришла в движение. Сотня воинов и десяток магов начали организованно входить в тёмный провал Пути Воина.

Герань посмотрела на Зефира и тихо пискнула. Грифон тихо фыркнул в ответ. Им оставалось только ждать и надеяться, что их союзники внутри успеют закончить свои дела до того, как здесь станет по-настоящему жарко.

***

Лабиринт, казалось, дышал. Стены сужались и расширялись, воздух становился то горячим и сухим, то ледяным и сырым. Аскольд был в своей стихии. Он то и дело останавливался, прикладывал ладонь к камню и шептал что-то на древнем языке фей. Иногда из-под его пальцев выбивался крошечный росток, который тут же увядал, не найдя почвы.

— Невероятно... — бормотал он себе под нос. — Эти стены... они живые. Они помнят. Слышите? Они поют о битвах столетней давности...

— Аскольд, — в голосе Тамары проскользнул укор, но она слегка улыбнулась, давая понять, что она бы сама с удовольствием поползала вместе с Аскольдом по полу, чтобы понять структуру этого лабиринта. — Мы не на экскурсии. Сосредоточься.

Король Фей виновато улыбнулся, но его глаза продолжали гореть детским восторгом исследователя.

Внезапно коридор впереди закончился, открываясь в огромный круглый зал. И в тот же миг пол задрожал. Тяжёлый, утробный гул наполнил воздух. Из темных боковых проходов, один за другим, начали выкатываться големы. Не особо умные существа, сотканные из материи и небольшой дозы магии, чтобы заставить их двигаться, выполняя ряд самых простых приказов.

Их было около дюжины. Они двигались неуклюже, переваливаясь, но их вес сотрясал пол при каждом шаге. Но самое главное было не в их размере. В центре их каменных гру-

дей, в специально выдолбленных нишах, пульсировал тусклый, жёлтый свет — волшебные самоцветы, служившие им ядром и источником силы.

— Уязвимая точка — самоцвет в груди, — коротко бросила Тамара, её глаза сузились, анализируя врага.

Оне кричала команд. В этом не было нужды. Они знали друг друга уже много лет, чтобы понять без лишних слов.

— Аскольд! — её голос был сигналом.

Его невинность улетучилась, в болотных волосах пробежали зелёные искры. Король фей шагнул вперёд, его руки запорхали в воздухе, сплетая сложное заклинание.

— Корни! — выкрикнул он.

Это было сигналом Клэру, чтобы тот знал, как ему двигаться. Пол под ногами големов взорвался. Толстые, жилистые корни, твердые как железо, вырвались из камня и оплели каменные ноги исполинов. Големы споткнулись, несколько из них с грохотом рухнули на пол, расколов плиты. А Клэр уже был в движении.

Он не бросился в лобовую атаку. Он двигался как тень — быстро, экономно, используя каждый выступ на телах поверженных големов как опору для прыжка. Его кинжалы вспыхивали в тусклом свете самоцветов.

Заклинания Тамары цепями сковывали созданиям руки, не давая им атаковать Клэра. Магия то ослепляла их, то взрывалась, не давая достать до цели.

Клэр приземлился на грудь ближайшего упавшего голема.

Тот попытался неуклюже махнуть рукой-булавой, но Клэр был быстрее. Два точных, выверенных удара — и самоцвет в груди голема треснул, а затем взорвался снопом бесполезных осколков. Голем замер навсегда.

Методично, одного за другим, он уничтожал ядра. Прыжок — удар — смена позиции. Тамара держала щит, отражая редкие атаки и случайные обломки. Аскольд удерживал остальных на земле, не давая им подняться и окружить Клэра.

Последний голем рухнул на колени, его самоцвет погас. В зале наконец-то повисла тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием троих воинов и оседающей пылью.

Тамара опустила щит.

— Отличное начало, - прокомментировала она, рассматривая останки голема.

Аскольд с удивлением заметил, что их тела поросли мхом и плесенью.

— Давно они здесь видимо, — Король фей коснулся груды камней, и на них расцвели полевые цветы.

— Они не особо хорошо сделаны, — подметила Тамара. – И это не магия Хара. Вероятно, какой заблудший маг лет восемьдесят назад оставил.

— А вот и он сам, — Клэр стоял чуть поодаль от них

У его ног лежали чьи-то останки. Кости были обернуты в почти истлевшую одежду. Один сапог безымянного мага пропал. В костяной руке он держал небольшой одноручный

меч. Клэр сорвал несколько цветов, выращенных Аскольдом, и положил их на колени почившему страннику.

— Люди постоянно пытались покорить этот лабиринт, — Тамара подошла ближе к Клэру, взяв его за руку. — Кто-то верил, что их ждут богатства в его центре, а кто-то желал получить таким образом благословение Бога Войны.

— И вот чем они расплатились — Аскольд тоже подошёл к ним. — Не слишком ли Хара жесток с ними.

— Ты ведь и сам не любишь, когда кто-то пытается пробраться в твой лес, — напомнил ему Клэр.

— Просто не стоит тревожить Бога, — Тамара поправила свою одежду. — Он такое же существо с простыми желаниями. Побыть одному или не пускать всех подряд в свой дом. Люди гонят из своего дома вредителей. Почему бы и богу не гнать из своего Храма незваных гостей?

АКТ IV: Храм бога войны.
Глава 17: Каменные вены

Проводник вёл их по лабиринту с той же пугающей уверенностью, что и раньше. Кир уже перестал пытаться запоминать повороты. Он просто шёл, доверившись двум мужчинам, которые прикрывали его с флангов. Воздух здесь был сухим и пах пылью веков.

Внезапно коридор закончился глухой стеной из гладкого серого камня. Воин остановился, подняв руку.

— Я думаю, нам сюда, — неуверенно проскрежетал он из-под маски

Стена перед ними с низким гулом разошлась в стороны, открывая проход в огромный круглый зал. Как только последний из них переступил порог, дверь за их спинами так же бесшумно закрылась.

— Ну да, конечно, — проворчал Дмитрий, проводя рукой по затылку. — А как же иначе.

Центр зала занимал гигантский механизм. Это было огромное каменное колесо, вмонтированное прямо в пол, диаметром в три человеческих роста. По его ободу были вырезаны восемь глубоких ниш, похожих на гнёзда. Семь из них были пусты, а в восьмой покоился крупный, мутно-белый самоцвет.

Вокруг колеса, на полу, были выложены мозаикой восемь символов: стилизованное пламя, волна, гора, облако, молния, лист, капля воды и спираль ветра.

— Что это вообще такое? — удивился воин, подходя ближе к механизму. Его голос впервые прозвучал с ноткой живого интереса.

— Да уж, не проводник, а балбес нам достался, — снова проворчал Дмитрий, а затем присел на корточки, рассматривая символы. — Похоже на детскую загадку, с которой было принято играть лет двадцать назад. У нас в городе турниры по ним устраивали. Дурацкая забава.

— То есть, ты знаешь, как её разгадать? – уточнил воин.

— Нет конечно, — Дмитрий усмехнулся и с сомнением посмотрел на символы. — Это было для умных детей придумано. Я только мечом махать умею.

— Кажется, Тамара показывала мне что-то такое... — протянул Кир. Он подошёл к механизму и коснулся холодного камня колеса. В его памяти всплыл один из вечеров в кабинете их небольшого дома в Лесу Фей. Тамара тогда объясняла ему логику стихий не как магическую теорию, а как простую детскую игру.

На полу, рядом с механизмом, лежали семь оставшихся самоцветов: красный, как кровь; синий, как лёд; жёлтый, как сера; коричневый, как земля; и другие.

— Ну что ж, давайте попробуем... — начал Кир, наклоняясь к камням.

В этот момент тишину зала разорвал пронзительный визг. Из боковых проходов, которых Кир раньше не замечал, хлынула орда существ. Они были невысокого роста, коренастые, с серо-зелёной кожей и маленькими злыми глазками. Из-под нижней губы у них торчали кривые клыки, а вместо носов – свиные рыльца. Гоблины. Но эти казались более массивными и... упитанными.

— Какие малыши! — поражённо воскликнул Кир, невольно делая шаг назад.

— Ага, малыши, — усмехнулся воин, поудобнее перехватывая меч. — Знаешь ли ты, чем свиногоблины отличаются от обычных гоблинов?

Кир мотнул головой, не сводя глаз с наступающей толпы.

— Эти жрут больше и вообще всё подряд, — ответил вместо него Дмитрий, становясь в боевую стойку рядом с воином. — И от этого они злее!

— Защищаем мальчишку! Пусть решает! — крикнул воин.

Свиногоблины бросились в атаку. Дмитрий и безымянный воин встали плечом к плечу перед Киром, образовав несокрушимую стену. Зазвенела сталь о примитивные дубины и ржавые мечи гоблинов.

Бой был хаотичным и яростным. Свиногоблины не отличались тактикой или мастерством фехтования. Их сила была в животной ярости и количестве. Они лезли напролом, визжа и размахивая своим грубым оружием.

Дмитрий работал как идеально отлаженный механизм. Его меч сверкал в воздухе, отбивая удары и находя бреши в доспехах врагов. Он не делал ни одного лишнего движения.

Воин рядом с ним сражался иначе — более размашисто, но не менее эффективно. Он орудовал, мечом и кулаками сразу. Казалось и меч ему вовсе не нужен. Будто бы он был силён своим собственным телом. От его ударов монстры превращались в месиво из крови и мяса.

Кир старался не оборачиваться. Он лихорадочно расставлял камешки по нужным прорезям. Верная Лоза откидывала от него, нападавших гоблинов. Внезапно над его головой просвистел топор, отчего мальчик присел и воткнул камень не в ту прорезь.

Кир вскинул руку и магией отшвырнул свиногоблина в сторону Дмитрия. Пол задрожал. Плиты застучали и посыпались вниз одна за другой. Дмитрий и воин успели отскочить в сторону, монстры же всей гурьбой посыпались вниз.

Под ногами Кира что-то хрустнуло.

— Ой! —— только и успел вскрикнуть он.

Мальчик повалился вниз, но чья-то рука успела ухватить его за капюшон. Над своей головой Кир услышал облегчённый вздох. Он посмотрел наверх. Его держала крепкая, но будто бы не живая правая рука Безымянного Воина.

— Кир! — позвал Дмитрий. – Скорее! Куда красный?!

В памяти всплыли слова Тамары: *«Огонь — это не только разрушение. Это ещё и молния, что его вызывала, когда*

Перун посылал её на землю».

— В молнию! — выкрикнул Кир. — Это же очевидно!

Воин подхватил мальчишку на руки. Дмитрий уже вставил камень в нужное отверстье. Пол продолжал обрушаться прямо под ними. Дверь впереди открылась, и они бросились к тёмному проходу.

Стоило им пробежать, и пол окончательно рухнул. Кир бросил последний взгляд на бездонную яму, в которой он мог оказаться. С каменным скрежетом ворота закрылись.

Воин поставил Кира на землю. Все трое пытались отдышаться. Казалось, опасность миновала, но что-то щёлкнуло под правой ногой Дмитрия. Все трое замерли, затаив дыхание. Кир и Воин испуганно оглянулись на тяжёлый звук за их спинами.

— Только не говорите мне, что там огромный валун, — нервно рассмеялся Дмитрий, а затем обернулся.

С ярким звуком лопнули канаты. Треснули деревянные доски. И к ним покатился огромный валун, сметая всё на своём пути. Все трое сорвались с места. Воин подхватил Кира подмышку.

— Конечно же это огромный валун! — зло закричал Дмитрий, не сбавляя бега. — Да что это вообще за ерунда такая! У Хара вообще фантазии нет?!

— Не надо подавать ему идей! —— крикнул в ответ безымянный воин.

***

Для армии графа Александриты лабиринт бога Хара не был испытанием. Он был могилой, в которую они все шагнули по собственной воле.

Коридоры, которые для команды Кира были просто каменными проходами, вели себя как живые враги. Стены, медленно сжимались, заставляя строй солдат идти плотнее, создавая давку. Пол под ногами был предательски нестабилен: то одна, то другая каменная плита с грохотом проваливалась в бездонную тьму, унося с собой кричащих людей.

Ловушки срабатывали с механической точностью. Из стен вылетали отравленные стрелы, пронзая доспехи. С потолка срывались лезвия, рассекая строй. Это была не битва с врагом, а методичная жатва.

— Держать строй! — голос графа Леонида Александриты был холоден и ровен, как будто он отдавал приказы не на поле боя, а на параде. Он шёл во главе колонны, его походка была уверенной, а взгляд — устремлён только вперёд. Потери его совершенно не тревожили. Солдаты были лишь расходным материалом на пути к цели.

— Граф! — к нему подбежал один из офицеров, бледный и с дрожащими губами. — Мы потеряли уже почти два десятка человек! Лабиринт... он живой! Нам нужно отступить и перегруппироваться!

Леонид даже не повернул головы. Он просто сделал молниеносное движение рукой. В воздухе сверкнула сталь, и офицер рухнул на камни с ножом в горле.

— Трусость карается смертью, — спокойно произнёс граф, перешагивая через тело. Его голос был слышен всем. — Вперёд.

Евгений шёл чуть позади, в окружении личной охраны. Его щека, отмеченная шрамом от удара Клэра, дёргалась от нервного тика. Он постоянно озирался, словно ожидая, что из стены вот-вот выпрыгнет сам бог войны.

— Это безумие... — шептал он себе под нос. — Отец сошёл с ума...

Кристина брела в самом центре колонны, окружённая кольцом магов-артефактов. Её некогда белоснежное платье было подобно флагу, принимающему поражение. Упрямо вздёрнутый подбородок под вуалью был ей защитой от недовно пережитого унижения.

— Святая! — окликнул её Леонид, не оборачиваясь. Его голос эхом отразился от стен. — Ваш черёд.

Кристина вздрогнула, но не остановилась. Она знала, что отказ равносилен поражению. Она никогда не считала этого человека своим союзником. Они были скорее в своеобразном симбиозе, основаном на страсти к власти.

— Пой, — тихо сказал ей Евгений, избегая её взгляда. — Твоя молитва... поможет.

Щека Кристины под вуалью дёрнулась от презрения. Прежде она никогда не питала к Евгению отвращения. Кристина всегда считала его крайне приятным кавалером, что в любой момент мог развлечь беседой и её саму, и её фрейлин.

Сейчас же, когда воспоминание о Клэрисе ещё не успело затуманится, она ненавидела в нём всё: этот мерзкий шрам, что она не смогла исцелить, бегающий взгляд, манжеты на его рукавах. Всё в нём было ей отвратительно. Взгляд Евгения метнулся к Кристини, и она мгновенно изменилась в лице. Под её вуалью засияла нежная улыбка. Она сложила руки в скорбной молитве и запела, как того от неё все и желали.

Её голос, чистый и сильный, взмыл под своды лабиринта. Это была Священная Молитва — гимн защиты и исцеления. Её желало каждое государство. Древние народы славили её. Воздух вокруг Кристины засветился мягким белым светом. Солдаты, находившиеся в радиусе действия её магии, почувствовали прилив сил. Их раны затягивались, усталость отступала. По войску туманом пронеслась светлая надежда, что дарила именно Кристина. Их Святая Царевна.

Но это была лишь иллюзия спасения.

— Смотрите! — крикнул кто-то из солдат. — Свет привлекает их!

И правда. Из темноты боковых проходов на свет магии хлынули паукообразные создания с острыми клешнями, которых раньше не было видно в темноте. Твари жадно щёлкали жалами.

— Пойте громче! — велел Леонид, игнорируя обитателей лабиринта. — Нам нужно пробиться!

Кристина пела до тех пор, пока её голос не сорвался на хрип. Она пела, глядя, как её Святость ведёт солдат на вер-

ную смерть, приманивая монстров как фонарь — мотыльков. Но сама Кристина считала, это правильным. Нет смерти благороднее для солдата, чем смерть под ореолом святости.

Она пела и ненавидела их всех: солдат, которым нужна была её защита, Леонида и его мерзкий голос, Евгения, что был не так хорош, и, главное, Тамару, из-за которой ей пришлось оказаться здесь, и этого сопляка, которому просто нужно было вовремя сдохнуть и не мешаться сейчас. И одновременно она любила. Всё вокруг, как иположено Святой Деве. И этой любовью обещала им смерть.

***

Аскольд, Тамара и Клэр вышли в просторный круглый зал, который был почти точной копией того, где Кир решал свою головоломку. В центре возвышался гигантский механизм, но этот был сложнее: вместо простых стихийных символов его колесо было испещрено сложными руническими письменами, которые переплетались в узлы.

— О, — протянул Аскольд, его глаза загорелись исследовательским азартом. — Это же древнеэладинская система! Смотри, Тамара, здесь сочетание рун «Воды» и «Пустоты» даёт эффект «Поглощения», а если добавить сюда «Гром»...

— Дорогой Крёстный Отец, как ты мог заметить, — перебила Тамара Аскольда и коснулась часов на своей груди, от которых по коже расходилось красное свечение. — У меня нет на это времени!

На массивных каменных воротах, перекрывавших выход,

вспыхнул огромный алый магический круг. Он пульсировал в такт с её сердцем. Руны были просты и грубы.

— Отойдите, — бросила Тамара.

Онас размаху ударила кулаком в центр круга. Магия взорвалась ослепительной вспышкой, и ворота разлетелись на тысячи осколков. Пыль ещё не успела осесть, а Тамара уже шагала в следующий коридор.

— А нам точно за это ничего не будет? — удивлённо спросил Аскольд, перепрыгивая через обломки.

— Не знаю, — пожала плечами Тамара, не оборачиваясь.

Следующий зал был огромен и пуст. В самом его центре, в нескольких сантиметрах от пола, парила фигура. Это была девушка в военной форме Рюлеля времён войны с Югом с мечом в руке.

Это была сама Тамара в её юные годы. Гипсовая копия, идеальная до мельчайших деталей.

Фигура ожила мгновенно. Она крутанулась на месте, скрипнув каменными суставами, её меч со свистом рассёк воздух там, где секунду назад стояла настоящая Тамара.

— Это ещё что такое?! — Клэр попытался атаковать лже-Тамару сбоку, но та быстро развернулась и пнула его ногой в живот. Клэр отлетел к стене и сполз по ней на пол.

— Кажется, мой Крёстный отец наказал меня за непослушание, — спокойно прокомментировала Тамара, парируя очередной удар гипсовой копии. Их клинки высекали искры. — Он всегда был сторонником... наглядных уроков.

Силы были неравны. Гипсовая Тамара не знала усталости. Она не чувствовала боли. Она была куклой, созданной для одной цели — убивать.

— Почему ты не можешь сама себе взбучку устроить?! — зашипел на неё Аскольд, прячась за колонной и пытаясь сплести заклинание. — Ты же сильнее!

— Потому что если буду использовать магию на полную мощь, сокращу своё время, — объяснила Тамара, уклоняясь от пинка и перекатываясь за другую колонну. Она выглянула из укрытия. — А я не для того возвращаю сердце, чтобы тут же умереть.

Клэр тяжело поднялся на ноги, отряхивая пыль с одежды. Он посмотрел на лже-Тамару, которая методично пыталась достать Аскольда.

— У меня есть план, — сказал он. — Даже у тебя, Тамара, есть слабости.

Клэр тяжело вздохнул. Он просто вышел из-за укрытия на открытое пространство. Его фигура уменьшилась, одежда обратилась черной шерстью. Через мгновение перед ними стоял знакомый за многие годы черный кот.

Клэр-кот спокойно вышел на середину зала, сел прямо на пути гипсовой Тамары и... замурлыкал. Громко, требовательно. Затем он завалился на спину, подставив беззащитный пушистый живот.

Гипсовая Тамара замерла. Её красные глаза уставились на кота. Она наклонилась, её рука с мечом безвольно опусти-

лась. Копия смотрела на кота так, словно пыталась решить сложнейшее уравнение мироздания.

В этот момент настоящая Тамара беззвучно выскользнула из-за колонны у неё за спиной и одним точным ударом меча срубила голову гипсовой копии.

Голова со стуком покатилась по полу. Тело рухнуло и рассыпалось в белую пыль.

Клэр-кот тут же перевернулся, встал на лапы и превратился обратно в человека. Аскольд уже не мог сдерживаться. Он согнулся пополам и захохотал во весь голос, вытирая выступившие слёзы.

— Не смей ничего говорить! — зло предупредил его Клэр, поправляя одежду и стараясь не смотреть на пыльное пятно на месте поверженного врага.

Но Аскольд уже не мог остановиться.

— Котик! Мур-мур! Дай почешу животик! — передразнивал он, задыхаясь от смеха.

Последнего Клэр не выдержал и с силой хорошенько приложил Короля Фей в бок, отчего тот закашлялся. Тамара оглянулась на них.

— Клэр, — позвала она.

Тот обернулся. Его щёки вновь заливал румянец, который он пытался прикрыть тыльной стороной ладони.

— Не позволяй кому-то гладить себя кроме меня, — в её голосе была слабая нотка обиды.

— Ты — начал Клэр, но не рискнул закончить.

— Просто подумала, что мне не приятно будет смотреть, — объяснилась Тамара.

Щёки Клэра стали раскраснелись пуще прежнего.

Тамара шагнула в сторону выхода из зала, как всё вокруг затихло. Что-то начало меняться.

Это началось без предупреждения. Не с грохота, а с мелкой, едва уловимой дрожи, пробежавшей по каменному полу. Кир, который только что отдышался после побега от огромного валуна, замер.

— Что это?.. — начал он.

И тут лабиринт ожил.

Это было похоже на пробуждение гигантского каменного зверя. Пол под ногами пошёл волнами, как вода. Стены застонали, и по гладкому граниту побежали трещины. Кир видел, как коридор впереди начал сжиматься, словно гармошка, а потолок — медленно опускаться.

— Кир! — крик Дмитрия утонул в грохоте.

Одна из плит пола перед мальчиком внезапно перевернулась вертикально, превращаясь в новую стену. Кир отшатнулся, но было поздно. Он потерял равновесие и провалился в открывшуюся за плитой тьму.

— Кир! — Дмитрий бросился вперёд, но его остановила тяжёлая рука Воина.— Поздно! — проревел тот. — Лабиринт забрал его!

Дмитрий с яростью ударил кулаком по новой стене, оставив на камне трещину. Он и Воин оказались отрезаны от Ки-

ра в этом новом, перекроенном пространстве.

В другом зале Тамара только что отвернулась от покрасневшего Клэра, когда мир вокруг неё взорвался движением.

— Берегись! — крикнул Аскольд.

Стена, у которой они стояли, просто... исчезла. На её месте открылся зияющий провал. Аскольда отбросило в одну сторону потоком пыли и мелких камней, Клэра — в другую. Тамара успела сгруппироваться и приземлилась на ноги в совершенно незнакомом коридоре.

Она оглянулась. Ни Аскольда. Ни Клэра. Только тишина и пыль.

Для армии графа Александрита перестройка лабиринта стала апокалипсисом.

Строй, который Леонид удерживал железной дисциплиной, мгновенно рассыпался. Коридор шириной в десять человек сузился до ширины одного. Солдаты кричали, пытаясь выбраться из ловушки. Стены сдвигались, перемалывая доспехи и кости с ужасающим хрустом.

Леонид шёл вперёд, не обращая внимания на хаос вокруг. Его взгляд был прикован к цели, что была известна ему одному. Но Евгений, который шёл следом, споткнулся о провалившуюся плиту и упал. Когда он поднял голову, отца уже не было видно. Вокруг были лишь рушащиеся стены и крики умирающих солдат.

Кристина, чьё платье уже превратилось в лохмотья, оказалась прижатой к стене падающей колонной. Она видела, как

Леонид безжалостно шагал дальше по телам своих же людей. Она видела, как Евгений исчез в клубах пыли.

А потом всё стихло.

Лабиринт замер. В воздухе висела густая пыль. Коридоры теперь вели в совершенно других направлениях. Игра Бога Войны объявила о новом раунде.

***

Коридоры лабиринта давили на Кира со всех сторон. Камень, казалось, высасывал тепло и надежду. Он был вымотан. Каждая мышца ныла, а в груди поселился холодный, липкий страх.

Ещё меньше получаса назад ему казалось, что они почти добрались до цели. Что они — команда. А теперь... Он был один. Совершенно один. Без защиты. Без направления.

Кир остановился, тяжело дыша, и прислонился лбом к холодной стене. Страшное осознание накрыло его с головой. Весь его путь за сердцем Тамары до этого момента был пройден вовсе не самостоятельно. Он был ведомым. Защищённым. Дмитрий прикрывал его спину с самого начала. Виктор дал ему направление. Даже безымянный воин... был его опорой.

А что теперь? Теперь он был просто испуганным ребёнком в каменной могиле.

Вспоминая уроки Аскольда, он положил ладонь на стену, пытаясь уловить вибрацию земли, чтобы не терять направление. Нужно было идти. Просто идти вперёд.

Внезапно справа от себя Кир уловил движение. Он резко обернулся и замер.

В полумраке коридора стоял высокий мужчина в дорогом дорожном костюме. Граф Леонид Александрита. Кир не видел этого мужчину никогда в своей жизни, но по сходству с Клэром быстро понял, кем он является. Его взгляд был холоднее ветра над Восточным морем.

— Попался, — спокойно произнёс граф и бросился в атаку.

Всё произошло мгновенно. Кир не успел даже вскрикнуть. Верная Лаза выскочила из-под его мантии, обвивая ноги, заставляя его отшатнуться. Меч Леонида просвистел в сантиметре от его горла.

Паника придала сил. Кир выбросил руку вперёд, выпуская волну сырой, необузданной магии. Огненный круг взорвался в коридоре, заполняя всё дымом и жаром.

Но Кир уже был вымотан. Его магия была слабой, неточной. Леонид даже не запыхался. Он просто шагнул сквозь пламя, словно это был лёгкий туман. Одним взмахом меча он отбил следующую атаку Кира, а затем его тяжёлый кулак врезался мальчику в солнечное сплетение.

У Кира потемнело в глазах. Воздух выбило из лёгких. Он почувствовал, как сильные руки поднимают его за грудки, отрывая от пола. Холодное лезвие меча прижалось к горлу.

— Не мог просто спокойно умереть от голода в той деревне, куда мы заботливо отправили тебя? — голос Леонида

был скучающим, словно он обсуждал погоду.

— Так вот по чьей воле я там оказался... — прохрипел Кир, пытаясь вдохнуть.

— А ты думал, тебя феечки из замка выкрали? — хладнокровно спросил граф. — Когда та баба Людмила разродилась под старость лет, все планы пошли под откос. Мой старший сын уже был обручён со Священной Царевной, а Царевна Тамара очень удачно по своей воле вышла из игры. Ты был лишней помехой.

Он встряхнул Кира, как тряпичную куклу.

— К счастью, наша Красавица Царевна Кристина была только рада помочь. Евгений предложил сохранить тебе жизнь — вдруг пригодишься, если с Кристиной что-то случится. Я отдал тебя няньке и отправил вас в Южные земли. Кто знал, что та помрёт от голода, а ты исчезнешь? Я всё это время думал, тебя те деревенщины с голодухи из тебя холодец сварили... А ты, значит, с Кровавой Царевной был? Интересная штука — судьба.

Кир из последних сил попытался собрать остатки маны для заклинания. Леонид с презрительной лёгкостью ударил его затылком о каменную стену. Кир почувствовал вкус крови во рту.

— Кончились фокусы? — спросил граф.

— Один... остался... — выдохнул Кир сквозь кашель. – Магия призыва

Он закрыл глаза. Он не мог использовать магию. Не мог

драться. Но у него оставалось то, чего не было у графа. Кир сосредоточил всю оставшуюся ману не в руках для заклинания, а в голосовых связках. Он собрал всю свою волю, весь свой страх и всю надежду в один-единственный крик:

— КЛЭР!

Звук был не просто громким — он был магически усилен, пронзая стены лабиринта насквозь. И ответ пришёл мгновенно.

Воздух в коридоре зарябил, сворачиваясь в чёрный портал. Из него вылетела тёмная фигура. Клэр появился молниеносно. Он не стал доставать кинжалы. Он просто атаковал. Четким ударом ноги по лицу своего отца.

Удар был молниеносным и жестоким. Граф Леонид Александрита, человек, привыкший повелевать армиями, рухнул на каменный пол лабиринта, словно мешок с зерном.

Клэр даже не сбил дыхание. Он стоял над поверженным врагом, его зелёные глаза горели холодной яростью, которая была страшнее любого крика. В одной руке он всё ещё держал Кира за шиворот, как нашкодившего котёнка.

— Привет... Клэр... а я тут, это... — голос Кира дрожал, он пытался улыбнуться, но выходила лишь болезненная гримаса.

Клэр посмотрел на него. Не с яростью, а с тяжёлым, всепонимающим укором. Этот взгляд был красноречивее любых слов.

— Прости... — понурив голову, прошептал Кир, чувствуя

себя виноватым не столько перед врагом, сколько перед своим спасителем.

— Я тебе дома такую взбучку устрою, что на всю жизнь запомнишь, понял? — прорычал Клэр, встряхнув ребёнка.

Кир виновато сжался, кивая. Клэр вздохнул и, не выпуская мальчика из рук, шагнул в открывшийся чёрный портал. Через мгновение они оказались в небольшом тупичке, где стены казались чуть менее враждебными. Клэр аккуратно опустил Кира на пол.

— Сиди тихо, — велел он. — Не двигайся.

Клэр вернулся в коридор. Леонид уже успел подняться на одно колено, тяжело опираясь на меч. Его дорогой дорожный костюм был порван и испачкан в пыли, но взгляд оставался таким же надменным.

— Сначала прошлялся не пойми где одиннадцать лет, а теперь при встрече бьёшь отца по лицу?! — зло проревел он, его голос эхом разнёсся по каменному мешку.

— Рот закрой, — холодно ответил ему Клэр.

В его голосе не было ни гнева, ни обиды. Только ледяное презрение человека, который смотрит на насекомое в своей чашке с чаем.

— Я воспитываю ребёнка. Ты мешаешь.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Леонид замер. Его лицо исказилось от ярости и непонимания.

— Совсем страх потерял?!

Он бросился вперёд, замахиваясь мечом. Это был отча-

янный, неуклюжий рывок человека, чьё достоинство было растоптано. Клэр даже не стал доставать оружие. Он просто сместился в сторону и нанёс один точный удар кулаком в челюсть. Леонид снова рухнул.

— Ты только орать что ли можешь? — безразлично спросил Клэр, глядя на него сверху вниз. — Строишь тут из себя полководца, хотя обе войны на своём веку в поместье отсиделся, старая рухлядь.

Это было слишком. Леонид подскочил, ведомый яростью. Но это было яростью неумелого пьяного мужика в таверне. Клэр легко уклонялся от его тяжёлых и предсказуемых ударов, нанося свои, быстрые хлёсткие и болезненные.

Он не пытался убить. Он калечил. Удар кинжалом по сухожилиям на ногах — и Леонид с воем упал на колени, больше не в силах стоять. Удар рукоятью по запястьям — и меч со звоном покатился по полу. Руки графа повисли бесполезными плетями.

Клэр подошёл к поверженному врагу. Он медленно, почти театрально вытер лезвия своих кинжалов о белый плащ отца, счищая с них кровь и пыль. Он смотрел на Леонида с нескрываемым презрением.

— Ты сошёл с ума! — задыхаясь в собственной крови и слюне, прохрипел Леонид. — Чем ты вообще занимался эти годы?! Ты же просто мерзкий отброс! Ещё приползёшь ко мне!

— Эй, — Клэр чуть склонил голову, наконец-то посмот-

рев ему в глаза. — Просто не надо было трогать моего ребёнка.

Леонид яростно ёрзал по полу, пытаясь ухватиться за Клэра, но тот на него уже даже не смотрел. Он развернулся и пошёл обратно к Киру.

Мальчик сидел там же, где его оставили. Он прижимал руку к животу, его лицо было бледным. Кир попытался заглянуть Клэру за плечо, чтобы увидеть поверженного врага.

— Не смотри, — мягко велел ему Клэр, подходя ближе и опускаясь перед ним на одно колено. Он мягко улыбнулся, осматривая Кира на предмет более серьёзных травм. — Больно?

— Немного, — Кир виновато опустил взгляд. — Клэр... это же твой... отец?

Клэр бросил безразличный взгляд через плечо на стонущую фигуру на полу.

— Он? — переспросил Клэр так, будто речь шла о незнакомце. — И что?

Он легко поднял Кира и посадил его себе на спину.

— Плевать на него. Пошли искать Тамару.

— Тамару? Она проснулась? — голос Кира оживился.

— Да, но она не в порядке, поэтому нам надо поспешить.

— А тебе не надо котом обратиться? — с детской непосредственностью спросил Кир.

Клэр тяжело вздохнул:

— Нет. Больше не надо.

— Что?! — Кир от удивления даже забыл про боль в животе и вцепился в плечи Клэра крепче.

— Долго объяснять. Сначала найдём Тамару и Аскольда.

— И ещё Дмитрия! И дяденьку воина! — добавил Кир с надеждой.

Клэр на секунду задумался:

— М?... Ладно. Но сначала Тамара.

Он двинулся вперёд по новому коридору лабиринта, неся на спине своего ученика и полностью игнорируя хриплые проклятия графа Александита.

***

Дмитрий и Безымянный Воин стояли спина к спине в круглом зале, заваленном телами монстров. Воздух был густым от запаха гари и крови. Дмитрий тяжело дышал, его меч был опущен острием вниз.

— Чтоб я ещё раз согласился на эту авантюру... — прохрипел он, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони, оставляя на коже кровавый след.

Внезапно сверху, с потолка, который начал расходиться в стороны после перестройки лабиринта, с визгом свалилось что-то мелкое и визжащее. Это был Евгений. Он рухнул на гору трупов монстров, подняв облако пыли, и остался лежать, жалобно скуля.

— Юный Граф? — Дмитрий шагнул к нему, опуская меч. — Что тыт забыл?

Евгений, дрожа, поднялся на ноги. Его дорогой камзол

был порван, кружевной воротник висел лохмотьями.

— Дмитрий! Слава Хара! Я думал, мне конец! — затараторил он. — Леонид здесь! И Кристина! Моя дорогая невеста! И эта... ведьма! Кровавая Тамара! Они все здесь! Это ловушка! Они убьют нас всех!

— Где Кир? — рявкнул Дмитрий, хватая Евгения за грудки и встряхивая. — Где мальчик?!

— Я... я не знаю! Я его не видел!

Внезапно Евгений перестал дрожать. Его взгляд стал холодным и расчётливым. Он резко ударил Дмитрия коленом в пах и выхватил из его ножен кинжал.

— Ты всегда был слишком предсказуем, капитан! — прошипел он, замахиваясь, бросая огненный шар.

Но Дмитрий ожидал подвоха с самого начала. Он увернулся от атакующей магии и перехватил руку Евгения и одним резким движением вывернул её, заставляя юного графа выронить кинжал и упасть на колени.

— Сладкие речи — в битве не помогут, Евгений, — сплюнул Дмитрий, связывая ему руки обрывком его же портупеи. — Ты даже предать толком не можешь.

Он хорошенько стукнул Евгения по затылку, и тот, охнув, повалился на землю. Оценив обстановку, Дмитрий решил, что если юного графа Александрита съедят монстры, то гвардия наконец-то избавится от горе-начальника. Дмитрий усмехнулся этой мысли и обернулся к соратнику.

— Ну что, воин? Пора...

Слова застряли у него в горле. Деревянная маска со стуком упала на деревянный пол, обожжённая магией Евгения. Дмитрий смотрел в лицо человека, которого считал мёртвым тринадцать лет. В лицо своего старшего товарища. Его меч со звоном упал на каменный пол.

— Кто ты? — прошептал Дмитрий. Его голос сорвался. Он поднял меч снова, но теперь его острие было направлено на Алексея. — Кто ты такой?!

Алексей не стал поднимать оружие. Он просто стоял и смотрел на своего младшего.

— Я тот, кого ты видишь перед собой, Дмитрий.

— Что ты несёшь?! — голос Дмитрия сорвался на крик. Слёзы брызнули из глаз. — Я видел, как ты умер! Я принёс твой меч Тамаре! Я видел всё своими глазами!

— Ты видел, как орки окружили меня, — спокойно ответил Алексей. — Ты видел, как их вожак проткнул меня насквозь. Но ты не видел, как я умер. И тела моего потом ты не нашёл. Только меч.

Дмитрий сделал шаг назад. Его колени подогнулись, и он рухнул на пол. Меч выпал из его ослабевших рук. Он закрыл лицо руками, и его плечи затряслись от беззвучных рыданий.

Алексей подошёл к нему и положил руку на плечо.

— Ты молодец, Дмитрий. Ты хорошо держался всё это время.

— Но как?.. — выдохнул Дмитрий сквозь слёзы.

Алексей вздохнул и скинул с плеч плащ. Под ним стала

видна его правая рука — она была не из плоти и крови, а из тусклого серого металла с магическими рунами. У него не было левого глаза. Пустоту закрывала черная повязка.

— В тот день я лишился правой руки, обоих ног, левого лёгкого и части печени. Глаза, как видишь, у меня тоже нет. Кишки вываливались наружу. Я умирал, честно говоря. Моей огромной маны, как назло, тогда не хватало.

Он постучал себя по груди.

— Но Хара по какой-то своей прихоти решил меня спасти. Принёс сюда. Мои ноги и рука — это магические протезы. Ты ведь и сам прекрасно понимаешь это устройство.

Дмитрий поднял на него заплаканные глаза и посмотрел на свою левую руку. Она была точно такой же.

— Когда я умирал, я вспомнил слова Тамары о том, что магией можно заменить даже органы. Мне эта логика подошла. Так что моя печень и одно лёгкое работают исключительно на магии. Глаз воссоздать не получилось. Дурак я всё-таки для таких сложностей.

Алексей глупо улыбался, не сводя глаз с Дмитрия.

— Не стоит беспокоиться. Я выжил. И это главное.

Он посмотрел на младшего товарища с теплотой.

— Прости, что не связывался с вами. Хара запретил. Сказал, что мне положено до поры до времени оставаться слугой и гостем в этом храме... Я не понимал, о чём он толкует. Но кажется, сейчас понимаю.

Дмитрий молчал, только тихо всхлипывал.

— Тяжело тебе пришлось? — мягко спросил Алексей.

— Мне-то что... — выдохнул Дмитрий. — Дети... которые росли у нас на глазах. Их боли не было конца... А я смотрел и ничего не мог сделать. И вот когда они наконец-то обрели покой... я снова не смог помочь. Даже их ученика не уберёг... Кир там один...

Алексей рассмеялся. Это был тёплый, живой смех.

— У них есть ученик! Значит, всё хорошо! Они смотрят в будущее! Просто представь: у наших учеников есть свой ученик! Я себя почти дедом ощущаю!

Дмитрий резко поднял голову. В его глазах мелькнула искра жизни сквозь слёзы.

— Нашёл время!

Он со всей силы врезал Алексею кулаком в живот.

— Надо найти Кира! Иначе эти двое нам головы открутят!

Алексей охнул и согнулся пополам, а затем расхохотался ещё громче.

***

Тамара брела по каменным венам лабиринта, и с каждым шагом тишина становилась всё более давящей. Она чувствовала его. Лабиринт был живым. Он дышал, едва заметно пульсируя, словно гигантское каменное сердце билось где-то в глубине. Стены, казалось, наблюдали за ней, оценивая каждый её шаг.

Вокруг была лишь тишина, которую нарушал неумолимый, громкий стук. Тик-так. Тик-так. Часы в её груди отсчи-

тывали не просто время — они отсчитывали её жизнь. Она прикинула: осталось не больше шести часов. Шесть часов на то, чтобы найти сердце или, возможно, умереть, но уже на своих условиях.

Коридор вывел её в огромный грот, больше похожий на природную пещеру, чем на рукотворные залы, что открывались ей ранее. С высокого потолка свисали гигантские сталактиты, между которыми копошились двухметровые пауки с хитиновыми панцирями. Они не были злом, они были просто... частью экосистемы этого места. Падальщики. Они ели всё, что умирало.

При виде Тамары пауки замерли. Они чувствовали её мощь, ауру древней и опасной магии. Монстры боялись её и не смели атаковать.

Внезапно тишину пещеры нарушил звук рвущейся ткани и тихий, полный достоинства стон. В зал вошла ещё одна фигура.

Кристина. Её некогда белоснежное платье превратилось в грязные лохмотья, подол был изорван и испачкан в пыли и крови. Но её осанка оставалась прямой, а подбородок был гордо вновь вздёрнут.

Тамара даже не замедлила шаг. Она просто прошла мимо сестры, словно та была ещё одним сталагмитом.

— Твоя гордыня всегда была самой отвратительной твоей чертой! — бросила ей в спину Кристина.

На выходе из грота путь Тамаре преградили выжившие

солдаты Леонида и маги-артефакты. Они выглядели потрёпанными и напуганными, но всё ещё держали оружие. Раны их были перевязаны обрывками платья Кристины.

Тамара обернулась на сестру, и в её красных глазах мелькнуло раздражение.

— У меня нет времени на это. Просто пой свои молитвы, как раньше. Чего ты вообще прицепилась?

— Ты... — Кристина задохнулась от возмущения. — Ты устроила резню в городе Нут! Уничтожила несколько селений! Тебя должно покарать за эти преступления! Люди хоронили своих отцов и сыновей, а ты осталась безнаказанной!

— Я выполняла приказы Царя, — спокойно ответила Тамара, даже не глядя на неё. — Мой орден за заслуги найдёшь в Рубиновом дворце. Дарю, оставь себе на память.

— Ты напала на Шу! — не унималась Кристина.

— Никто не умер и не пострадал, ущерб не был нанесён. Такие действия не квалифицируются как нападение. Учитывая вооружённое нападение на моего ученика, я могу затребовать у города компенсацию.

— Ты напала на дворец!

— Все стражники живы, а отец простил мне весь ущерб и отпустил. Споришь с волей Царя?

Кристина осеклась. Логика Тамары была безупречной и оттого ещё более унизительной. Она пыталась судить палача по законам, которые тот сам же и писал.

— Сколько мне ещё стоять тут и объяснять тебе элемен-

тарные вещи? — голос Тамары стал холоднее, и в нём скользнула угроза. Вокруг неё начали разгораться алые искры магии. — Я же сказала: у меня мало времени!

Кристина дала знак магу-артефакту. Тот, дрожа от страха и переполнявшей его чужой силы, подлетел к Тамаре. Его тело выгнулось дугой в беззвучном крике. Из его глаз и рта хлынул поток ослепительно-белого света, формируя гигантское копьё чистой энергии.

Маг взорвался с грохотом, от которого задрожали сталактиты. Поднялась густая пыль. Когда она начала оседать, Кристина увидела невероятное: вокруг места взрыва мерцал алый магический щит. Тамара стояла абсолютно невредимая.

Она медленно повернулась к Кристине. Её глаза горели не просто яростью — в них было глубокое, почти брезгливое презрение.

— Это ещё что... За уродство?

Тамара даже не стала доставать меч. Она просто подняла руку, и алые магические круги вспыхнули на полу перед солдатами и магами. Один удар чистой силы — и преграда перестала существовать. Маги-артефакты превратились в пыль, солдаты отлетели к стенам, лишившись сознания.

Она подняла глаза на Кристину.

— Что за мерзость вы притащили в Храм моего Крёстного отца? — её голос был тихим, но он эхом отдавался от стен грота. — Магия — это искусство, в котором смешива-

ется мощь мироздания и научные доводы. Использовать живых людей как источники энергии... Это преступление против истины и магии. Вы здесь все умом тронулись?

— Они сами идут на этот шаг ради веры в меня! В наши идеалы! В будущее! — гордо ответила Кристина, складывая руки в молитвенном жесте. — Я молюсь за каждую из жизней, что они отдают ради святого государства, что мы построим, когда я займу трон!

— Отвратительно.

— Нет ничего отвратительного в самопожертвовании! Они смотрят на мою Священную Молитву и видят в ней будущее!

Тамара помрачнела ещё больше.

— Кристина, мне-то тут мозги пудрить не надо.

Она сделала шаг вперёд.

— Твоя магия — это как порталы Клэриса. Особая врождённая природная уникальность. Ей невозможно обучиться или получить от бога. Концепция твоей магии вовсе не в святости, а в отделении патогенов. Твоё исцеление — это либо отсечение болезни от организма, либо насильственное сращивание тканей. Твоя «молитва» на плодородие — это лишь обогащение почвы маной. Даже твои атакующие заклинания — не более чем отделение и уничтожение энергии.

Она говорила чётко, как ученый и маг, опыт которого не мог сравнится с даром одного единственного заклинания.

— У твоей молитвы есть концепция (отделение), которую

я только что объяснила, и катализатор — твой голос. Поэтому ты поёшь или выкрикиваешь названия заклинаний перед атакой. По сути, это создание резонанса магического поля... И это не делает твою магию священной. Она получила такое название лишь потому, что философы раннего Эландийского королевства объяснили её как могли через призму своей веры. Только незнание не делает истину священной. Называть её «священной» так же неразумно, как называть порталы Клэра «дьявольскими».

— Заткнись! — взвизгнула Кристина.

Её гордость была растоптана. Тамара только что убила всю её веру одной лекцией по магической теории.

— Столпы света! — Кристина атаковала слепой яростью, выплёскивая поток белого света, лишь подтвердив этим словаТамары.

Тамара даже не двинулась с места. Она просто выставила руку, и алый круг заблокировал атаку.

— Ты! Ты вечно мешаешься мне! Посмотри на свою магию! — прокричала Кристина, продолжая атаковать.

Красные искры закружились вокруг Тамары водоворотом.

— Посмотри на всю себя! Ты же просто... натуральная злодейка из сказок!

Лицо Кристины исказилось гримасой безумия. Она больше не была Святой. Она была просто девушкой, которую загнали в угол и заставили признать, что вся её жизнь была построена на лжи.

— Ты просто злодейка, которая должна сдохнуть, чтобы я, главная героиня, прожила долго и счастливо! — её голос сорвался на визг. — Это мне всё достанется! Мне! Трон! Красивые платья! И любовь! Всё будет моё! Потому что я главная героиня!

Тамара даже не стала парировать очередную атаку. Она просто шагнула сквозь неё, словно призрак. Оказавшись вплотную к сестре, она нанесла один-единственный, выверенный удар эфесом меча в челюсть.

Кристина отлетела в стену, ударилась о камень и сползла на пол, оставляя за собой грязный след. Её глаза были широко открыты, но в них больше не было ни святости, ни гнева. Только пустота и горькое осознание полного поражения.

— Ты просто невероятно ограниченная, — тихо произнесла Тамара, глядя на поверженную сестру сверху вниз. Меч исчез растворившись в алом свете маны.

— Кто же тебе мешал-то? — добавила она с ноткой усталости в голосе. — Жила бы и дальше, строила из себя главную героиню. Чего ко мне-то прицепилась со своим спектаклем?

Тамара отвернулась. Пауки, её безмолвные соседи по гроту, уже начали свой пир. Они деловито спускались по нитям, облепляя бездыханные тела солдат. Тамара смотрела на это со странным чувством отстранённости. Это был естественный порядок вещей. Смерть питает жизнь. Истина была горькой на вкус. А Тамаре в принципе больше нравилось

горькое, чем сладкое.

Внезапно тишину нарушил хриплый, булькающий смех. Кристина, лёжа на полу, из последних сил подняла дрожащую руку. В её ладони начал концентрироваться последний, отчаянный сгусток света. Её палец указывал прямо на грудь Тамары.

— Главная... героиня... всегда... побеждает... — прохрипела она, вкладывая в атаку последние крохи своей магии и своей веры. — Потому что... она... права!

Луч света ударил прямо в часы на груди Тамары.

Мир взорвался болью. Тамара почувствовала, как механизм внутри неё содрогнулся, как хрустнула кость под ним. Она упала на одно колено, тяжело кашляя. Изо рта потекла струйка тёмной крови.

Кристина безумно рассмеялась, глядя на результат своей атаки. Её тело больше не могло поддерживать сознание. Смех перешёл в хрип, а затем затих.

Тамара медленно выпрямилась, вытирая кровь с подбородка тыльной стороной ладони. Она посмотрела на тело сестры, затем на пауков, уже подбиравшихся к нему. Она поняла, что времени у неё осталось совсем мало. Критически мало.

Не говоря ни слова, Тамара развернулась и, пошатываясь, побрела к выходу из грота. Она не стала добивать Кристину. Пусть её тело станет частью этого места, как и тела тех, кого она привела с собой.

Тамара прислонилась к стене коридора, пытаясь отдышаться. Боль в груди была невыносимой.

«Просто... дойди... до конца...» — стучало у неё в висках в унисон с часами.

Она оттолкнулась от стены и пошла дальше в темноту лабиринта.

АКТ IV: Храм бога войны. Глава 18: Бог

Тишина лабиринта давила на уши. Она была абсолютной, звенящей, нарушаемой лишь звуком собственных шагов и гулом от сердца в груди Кира. Мальчик сидел на спине у Клэра, вцепившись в его плечи. Он устал, ему было больно, но сейчас он чувствовал странное, иррациональное спокойствие. Он был не один.

Они вышли в огромный круглый зал, от которого, словно спицы колеса, расходились четыре абсолютно одинаковых тёмных коридора. В центре зала, у одной из арок, спиной к ним стояли две фигуры.

Алексей, оставшийся без своей маски, стоял, скрестив руки на груди, и внимательно изучал каменную кладку стены, словно пытаясь прочесть в трещинах карту.

— ...удивительно, — задумчиво произнёс он, не оборачиваясь. — Я, конечно, тупоголовый, и как Тамара о магии рассуждать не могу со всякими там формулами, но даже мне кое-что да понятно. Магия здесь не просто течёт, она спит. Никогда раньше столько по лабиринту не ходил. Сегодня старикан разбушевался, конечно.

Дмитрий, присев на корточки, водил пальцем по пыльному полу, чертя какие-то схемы.

— И мы в брюхе спящего зверя, — проворчал он, не поднимая головы. — И мне это чертовски не нравится. Никогда не любил, когда на меня смотрят и не моргают.

Кир, услышав знакомый ворчливый тон, встрепенулся.

— Дмитрий! — крикнул он так громко, что эхо его голоса заметалось между стен.

Две фигуры резко обернулись.

Дмитрий вскочил на ноги так быстро, что его металлическая рука лязгнула о каменную стену. Его лицо, обычно суровое и непроницаемое, на мгновение стало совершенно беззащитным от шока и облегчения.

— Кир! — выдохнул он, делая шаг вперёд. — Ты... ты жив, мелкий паршивец!

Алексей, напротив, не сдвинулся с места. Он лишь медленно повернул голову, и его единственный глаз, казалось, впитал в себя весь свет в зале. Он смотрел не на Кира. Он смотрел поверх его плеча, на высокую фигуру своего ученика.

Клэр замер. Его рука инстинктивно легла на рукоять кинжала. Он не сводил взгляда с лица Алексея. С лица человека, которого они с Тамарой и Дмитрием похоронили тринадцать лет назад.

Кир же, не замечая ни шока своего воспитателя, ни оцепенения Дмитрия и Алексея, сорвался с места, оставив Клэра позади, и со всех ног бросился к своим недавним спутникам.

— Вы живы! Вы оба живы! — он обхватил Дмитрия за по-

яс, уткнувшись лицом в его пыльный чёрный кожаный плащ.

Дмитрий крякнул от неожиданности, а затем его суровое лицо дрогнуло. Он неловко, но крепко похлопал мальчика по спине своей живой рукой.

— Ну-ну, малыш... Конечно, живы. Куда мы денемся?

Алексей молчал. Он просто смотрел на своего ученика. На Клэра. На того, кого он знал как Клэриса. Мальчик вырос и превратился в мужчину, чьё лицо скрывало множество тайн.

— Привет, Клэрис, давно не виделись, — Алексей беззаботно улыбнулся. — А ты неплохо так подрос.

— Алексей..? — голос Клэра был едва слышен. В нём смешались недоверие, радость и... что-то похожее на страх.

Это имя прозвучало как удар грома.

Аскольд появился из третьего прохода последним и застал эту сцену на середине. Он остановился и с недоумением оглядел всех присутствующих: двух незнакомых мужчин, к которым вполне расположен Кир, самого Кира и Клэра, напряжённого как струна.

— Так! — он шагнул вперёд, уперев руки в бока. — Я требую объяснений! Что здесь происходит?! Кто все эти люди?! Почему Кир с ними фамильярничает?! И почему этот одноглазый тип ведёт себя так, будто вы тут все старые друзья?!

В зале повисла неловкая пауза. Все взгляды обратились на Клэра.

— Аскольд! — счастливый Кир бросился обнимать уже

Короля фей.

— Ты сам то, кто такой? — скрестив руки, подозрительно посмотрел на него Дмитрий.

— Эй! — возмутился Аскольд – Клэр, сам всё объясняй! А ты, сопляк, будешь у меня три недели в качестве наказания рис от гречки отделять!

Аскольд потрепал Кира по голове, еле заметно выдохнув. Клэр же стушевался и убрал руку от кинжала.

— Это... долгая история, — буркнул он, раздражённо закатив глаза.

— У нас нет времени на долгие истории! — отрезал Дмитрий, первым приходя в себя от шока. Он бросил быстрый, извиняющийся взгляд на Алексея. — Сейчас не время для семейных воссоединений! Мы в лабиринте бога войны! Здесь враги! Всё плохо!

Он быстро ввёл всех в курс дела:

— Мы с Алексеем отбились от монстров и потеряли Кира из-за перестройки лабиринта.

— Мы с Киром столкнулись с графом Леонидом Александритой, — сухо добавил Клэр. Его взгляд всё ещё был прикован к Алексею. — Он обезврежен и больше не представляет угрозы.

— А мы встретили Евгения! — подхватил Алексей, выглядывая из-за спины Дмитрия с невинной улыбкой. — Он тоже связан!

Аскольд кивнул:

— Я никого не видел и никого не слышал, но у меня главный вопрос. Где Тамара? — Он перевёл взгляд с Алексея и Дмитрия на Кира и Клэра.

По их лицам было понятно, что ответа у них не было.

— Враги всё ещё здесь, — напомнил Алексей. Его единственный глаз обследовал темноту коридоров с холодной внимательностью хищника.

— Согласен, — поддержал его Дмитрий. — Леонид вряд ли пришёл с небольшой группой. Наверняка с ним его личное войско. Не удивлюсь, если он с собой даже бардов притащил, чтобы те воспели его подвиги.

— Значит, нужно найти Тамару и убираться отсюда к чёртовой матери, — уверенно заключил Клэр. – У меня очень плохое предчувствие. Если она воспользовалась магией, то её время точно сократилось.

— Время? — испуганно переспросил Кир. — Какое время? Что с Тамарой?

— Кир, — Клэр положил руку на его плечо.— – Я бы хотел всё объяснить тебе, но времени действительно очень мало. В первую очередь, его мало у Тамары.

Кир понурил голову. Горло сдавила тревога, но он уже знал, чего могут стоить его слова, брошенные невпопад. Мальчик кивнул.

Дмитрий указал на четыре коридора:

— Мы пришли оттуда, — он ткнул пальцем в левый проход

— Мы оттуда, — Клэр указал на правый.

— А я пришёл с этого, — Аскольд, не глядя, указал большим пальцем на проход за своей спиной.

Остался один путь. Тот, по которому никто не ходил.

— Логика проста, — сказал Алексей, и в его голосе вернулись командирские нотки, которые Дмитрий так хорошо помнил. — Если Тамара жива и движется, она либо пошла назад, либо выбрала новый путь. Проверим тот, что остался.

Он указал на последний, тёмный и неприветливый коридор. Никто не стал спорить.

Стоило им пройти под аркой, как проход за ними тут же закрылся.

— Да что же это такое! — возмутился Дмитрий.

Запахло сыростью. Коридор осветился уже не факелами, а небольшими группками сияющих кристаллов. Взгляд Кира скользнул по ним. Зелёные, красные, синие, бирюзовые. Они светились не из-за минерального состава, а из-за того, что были заряжены маной. Чистой и природной, чем-то напоминающую ману Тамары. Меж кристаллов порхали мотыльки и стрекозы. Вся эта картина совсем не подходила Богу Войны Хара. «Он создал этот проход не для себя» — тут же заключил Кир. Это был приветственный вход для кого-то особенного, кого Хара очень хотел впечатлить.

Они шли по коридору в тишине, нарушаемой лишь мягким звоном кристаллов и жужжанием стрекоз. Воздух здесь был другим — чистым, свежим, наполненным энергией, ко-

торая не давила, а, казалось, наоборот, придавала сил.

Внезапно прямо перед ними, словно соткавшись из света и тени, возникла массивная дубовая дверь. Она была лишена ручек или замков, а на её гладкой поверхности светилась золотистая надпись:

«Приглашён лишь Клэрис Александрита. Остальным велено идти дальше».

— Выглядит как ловушка! — тут же заметил Аскольд, отступая на шаг.

— Согласен, — мрачно кивнул Дмитрий. Его рука легла на эфес меча. — Слишком очевидно. Хара хочет разделить нас.

Клэр замер перед дверью. Он не сводил с неё глаз, словно пытаясь увидеть, что находится по ту сторону. Его лицо было напряжено.

— Хара Крёстный отец Тамары. Он не сделает что-то ей во вред, —произнёс Клэр, не отводя взгляда от манящей двери.

— Хочешь пойти? — голос Алексея прозвучал мягко, с глубоким пониманием. Он встал рядом с Клэром.

— Тамара там, — тихо, но твёрдо ответил Клэр. — Я просто чувствую это.

Он перевёл взгляд на Кира. В его глазах читалась мучительная борьба. Он не мог оставить мальчика одного. Не снова.

Клэр с сомнением протянул руку, словно хотел взять Кира

за плечо, но тот сделал шаг назад.

— Я собираюсь забрать сердце Тамары у Бога Хара, — голос Кира дрожал, но в нём звучала юношеская решимость. — Сначала я заберу сердце Тамары, а потом... потом я вернусь к ней.

— Это работа для взрослых, Кир, — попытался убедить его Клэр, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

— И всё равно, — Кир сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки. В его глазах блестели слёзы, но он держался. — Я хочу посмотреть Тамаре в глаза. И... извиниться. Она всегда заботилась обо мне, а я наговорил ей грубостей. Я хочу сначала помочь ей. Ты ведь сам сказал, что времени нет. Это же как-то связано с тем, что говорил Аскольд? Что её магия зашла в тупик? Тамара что-то сделала с собой, чтобы оказаться здесь?

Он смотрел на Клэра с такой мольбой и болью, что у того сжалось сердце. Алексей мягко шагнул вперёд и положил свою тяжёлую руку на плечо мальчика.

— Конечно сделала, малыш, — сказал он тихо и веско. — Она же твой наставник. Ты ещё юн, но знай: наставник ради своего ученика готов пойти на многое. Даже отдать жизнь. Тамара здесь не потому, что у неё есть сердце. А потому что её чувства к тебе сильны. Ей не нужно сердце, чтобы любить тебя. Она делает это всем своим естеством. Так что не трать её время на самобичевание.

— Кир... — Клэр снова попытался подойти.

— Иди к Тамаре! — велел ему Кир, и в его голосе прозвучала недетская властность. — Только ты сможешь её найти! А я найду её сердце!

Клэр застыл. Он посмотрел на Алексея, на Дмитрия, на Аскольда

— Не беспокойся, — Аскольд успокаивающе положил руку на плечо Клэру. Его взгляд был серьёзным и мудрым. — Я буду с Киром здесь. И эти двое тоже. Мы сопроводим его. Найди Тамару и следуйте за нами.

Клэр посмотрел в глаза своему ученику в последний раз. В этом взгляде было всё: прощание, обещание и безграничная вера. Он отпустил все сомнения. Клэр шагнул к Киру и крепко обнял его.

— Будь осторожен, — прошептал он ему на ухо.

А затем он кивнул Алексею, Дмитрию и Аскольду, будто принимая их безмолвное обещание. Клэр развернулся и уверенным, твёрдым шагом направился к двери. Та бесшумно распахнулась перед ним, пропуская внутрь и тут же закрываясь за его спиной. В коридоре снова стало тихо.

— Да, когда-нибудь он ей да признается, — протянул Дмитрий, нарушив тишину.

— В следующей жизни? — Аскольд с пониманием посмотрел на гвардейца.

— А они всё ещё не вместе? — удивился Алексей.

— Ты не поверишь, он одиннадцать лет притворялся котом, -— просветил старого товарища Дмитрий.

Все они пошли дальше по коридору.

— Мало того,— - Аскольд хитро улыбнулся, как тётушка, узнавшая свежую сплетню. — Тамара всё это время знала, что её кот – это Клэрис Александрита.

— Да ладно! — воскликнул Дмитрий.

— Серьёзно? Тамара знала?! — Кир поражённо открыл рот.

— А ещё она знает, что ты от неё это скрывал, так что тебе и за это прилетит, — добавил Аскольд.

— Какой кошмар! — ещё не отошёл от шока Дмитрий.

— Да, эти дети меня точно когда-то обратно в могилу сведут, — вздохнул Алексей.

***

Тишина лабиринта была не просто отсутствием звука. Она была физической, давящей субстанцией, которая забивалась в уши, в нос, в лёгкие. Каждый шаг отдавался гулким эхом, которое, казалось, приходило не от стен, а из глубины собственного сознания.

Часы в груди Тамары тикали. Нет, не тикали — скрипели. Стрелки, раньше двигавшиеся с неумолимой точностью, теперь царапали разбитое стекло циферблата, словно пытаясь вырваться наружу. Этот звук был единственным в мире. Он отсчитывал не минуты, а последние удары её жизни.

У неё оставалось меньше часа. Может, минут сорок. Тело двигалось с трудом, каждый вдох давался с болью, словно сами лёгкие были сделаны из битого стекла. Она уже не шла

— она брела, придерживаясь за холодные, влажные стены коридора. Пальцы скользили по склизкому камню.

В голове была только одна мысль: *«Найти их. Найти Кира. Найти Клэра. Найти Аскольда»*. Но с каждым шагом эта мысль становилась всё более тусклой, растворяясь в накатывающей волне апатии и воспоминаний.

Тамара уже почти и не помнила того дня, когда впервые встретила Аскольда.Мир был наполнен пением птиц и шелестом листвы. Аскольд сидел на берегу реки, созерцая покой. Его мантия была расстелена на траве, а маленькие феи порхали вокруг него, как любопытные светлячки. Внезапно идиллия нарушилась. В кристально чистой воде появилось тёмное пятно. Кровь.

Аскольд нахмурился и поднялся на ноги. Маленькие феи тревожно зажужжали, но он жестом велел им оставаться на месте. Он пошёл вверх по течению, следуя за алой струёй.

За густыми зарослями папоротника, на фоне грохочущего водопада, он увидел её.

Девочка. Нет, скорее девушка-подросток. Худощавая, бледная, с острыми чертами лица. Её грудь только-только начала округляться под белой нательной сорочкой, заправленной в чёрные узкие брюки. Доломан из тёмной ткани лежал рядом на траве. Она ожесточённо смывала кровь с рук и лица.

— Чья это кровь? — голос Аскольда прозвучал спокойно, но властно.

Девчушка даже не вздрогнула. Просто медленно повернула голову. Её глаза были пустыми и уставшими. В них не было ни страха, ни удивления. Только бесконечная эта усталость и осознание, что сегодняшний кровавый день повторится вновь.

— Не моя, — ответила она ровным голосом и вернулась к своему занятию.

Аскольд подошёл ближе. Он слышал, что неподалёку люди ведут войну, но увидеть следы так близко... Он оценил её позу: расслабленная, но готовая к броску. Опасный зверёк.

— Как тебя зовут?

Она устало подняла на него взгляд.

— Я Царевна Тамара.

— Не Рюлель случайно? — он позволил себе лёгкую улыбку. — Наверное, ты дочь Царя Антона.

— Я его правнучка, — поправила она сухо. — Сейчас правит мой отец Царь Виктор.

— Вот как... Людские Цари так быстро сменяются.

— А ты, должно быть, Аскольд — Король Фей, — подметила Тамара, не прекращая своего занятия.

— В точку! — похвалил Аскольд. — Откуда ты узнала?

— В библиотеке моего рубинового дворца есть книга о Короле Фей.

— Вот как... — глаза Аскольда сверкнули хищным блеском. — Если уж знаешь, кто я, неужели не страшно?

Тамара перестала обмывать руки. Медленно она поверну-

лась к нему всем телом. В её пустых глазах на мгновение мелькнула искра.

— Когда война только началась, я боялась любого вражеского... Нет, любого солдата боялась. Даже своих. Но сейчас... — она окинула его оценивающим взглядом с головы до ног. — Я понимаю, кого стоит бояться, а кого нет. Вот сейчас смотрю на тебя и понимаю... Хоть маны у тебя огромный запас, но... я могу тебя убить.

Она вернулась к умыванию лица.

— Если могу убить, то и бояться не стоит.

На мгновение Аскольда охватил страх, но он быстро сменился жгучим интересом. Он видел перед собой не сломленного ребёнка войны, а нечто... иное. Интересное в своей тоске и безразличаи.

— Неужели тебя благословил сам Бог Войны Хара?

— Да. Так и есть, — Тамара отжала волосы от воды.

— И всё же... как ты попала сюда? Обычно все, кто приходят в этот лес, чего-то хотят и здесь ищут исполнения своих желаний.

— Ты про ту чушь с мясом русалки и отваром из фей? — в её голосе прозвучало почти детское презрение. — Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы знать, что это просто глупые мифы. Не люблю суеверия.

— Забавно... Так есть ли у тебя желание?

— Помыться? — она плеснула водой в себе лицо.

Аскольд усмехнулся и подошёл ближе.

— А не опрометчиво ли сидеть в таком откровенном виде перед мужчиной?

Тамара впервые посмотрела на него с едва заметной тенью эмоции — то ли насмешки, то ли отвращения.

— Я думаю, что вряд ли великий Король Фей имеет подобные мысли по отношению к ребёнку.

Аскольд лишь хмыкнул, оценив её холодный, недетский расчёт. Он не стал спорить. Вместо этого он молча оторвал широкую полосу ткани от своей мантии, смочил её в ледяной воде реки и, подойдя ближе, начал аккуратно стирать остатки засохшей крови с её шеи, лба и спутанных тёмных волос.

Тамара не отстранилась. Она просто замерла, позволяя ему это делать, и смотрела прямо перед собой, на грохочущую стену водопада. Её лицо не выражало ничего.

— И всё же, — снова заговорил Аскольд, его движения были на удивление мягкими и заботливыми. — Мне интересно, какое истинное желание в тебе сидит? Не мыться же. Это слишком... просто.

Глаза Тамары, до этого абсолютно пустые, на мгновение ожили. В них мелькнула такая глубокая, такая детская и отчаянная тоска, что даже Аскольд, повидавший за свои века немало, замер.

— Я — её голос дрогнул. Она сглотнула, словно боясь произнести это вслух. — Я просто хочу, чтобы стук моего сердца достиг моего отца

Аскольд замер. Его рука с мокрой тканью остановилась

на полпути. Он смотрел на эту девочку, на Царскую дочь, на Крёстную дочь Бога Войны, и видел перед собой лишь бесконечно одинокого ребёнка, который хотел не трона, не власти, а простой отцовской любви. Той любви, которой у неё никогда не было.

Он опустил руку.

— Хорошо, — тихо ответил он. — Это хорошее желание. Жаль я не могу его исполнить.

Тамара резко встала, накидывая на плечи свой доломан. Она снова была Царевной — холодной, собранной и опасной.

— Мне пора идти. Клэрис, наверное, меня уже потерял.

— Хорошо, — повторил Аскольд.

Она уже направилась к водопаду, но остановилась и обернулась.

— Я прошла через этот водопад, — сказала она, указывая на бьющий поток воды. — Заделай проход. Не хотелось бы, чтобы люди уничтожили такое тихое место.

— Так и поступлю, — кивнул Аскольд.

Она уже почти скрылась за пеленой воды, когда он внезапно окликнул её.

— Послушай если в мире людей тебе всё внезапно надоест У меня в этом лесу есть один домик. Маленький, но двухэтажный. Я законсервировал его магией, чтоб он окончательно не порушился. Не знаю зачем, просто захотелось. Но теперь, пожалуй, я сохраню его для тебя. Если поймёшь,

что снова хочешь отдохнуть от людского мира то приходи и оставайся сколько захочешь. Я буду ждать, когда ты повзрослеешь.

Тамара выглянула из-за водопада. На её лице не было улыбки.

— Тоже мне Король Фей. Обычный развратник.

Аскольд возмущённо фыркнул, но не рассердился.

— Да я не это имел в виду!

Тамара смотрела на него ещё секунду.

— Хорошо. Если так случится и я вспомню об этом месте я приду.

И она окончательно исчезла за шумной завесой воды.

Тамара резко выдохнула и открыла глаза. Она снова была в лабиринте. В полной темноте. Часы скрипели в груди.

Она сидела на холодном полу, привалившись спиной к стене. Мысли о том покое, что ей дарил лес Аскольда, были как бальзам на душу. Лес стал ей домом. И домом Клэра. А затем и домом Кира. Как хорошо было бы сейчас просто вернуться туда Спрятаться от всего мира в маленьком домике на поляне.

Она с трудом поднялась на ноги. Нужно было идти. Найти их. Спасти Кира И, наверное, наконец-то поблагодарить Аскольда за эту тишину и дом.

Но тело её не слушалось. Ноги подкосились, и она начала падать лицом вперёд, в черноту коридора.

Её поймали чьи-то сильные руки. Чьи-то до боли знако-

мые руки.

— Тамара?! — голос Клэра прозвучал как гром среди ясного неба.

Она подняла взгляд и увидела его лицо прямо над своим. Обеспокоенное. Родное.

Её рука сама собой поднялась и коснулась его щеки. Кожа была тёплой.

— Что с тобой случилось?! — в его голосе звучала паника.

— Я столкнулась с Кристиной и пропустила атаку, — ответила Тамара. Слова давались ей с трудом. — Кажется это всё. У меня чуть меньше часа.

Она закашлялась. Изо рта потекла тонкая струйка тёмной крови. Клэр подхватил её на руки так легко, словно она ничего не весила.

— Всё будет хорошо! Слышишь?! Всё будет хорошо!

Но Тамара его почти не слышала. Она смотрела в темноту над его плечом и думала о том, что он прав. Всё было хорошо. Очень долго. По её щеке скатилась одинокая слеза. Она думала о том, что это всё — Лес Фей, их странная семья, Кир — было настоящим счастьем. И это счастье стоило любой цены. Если бы Тамаре вновь надо было отдать за него сердце, она бы, не раздумывая, согласилась.

***

Коридор казался бесконечным. Воздух был густым от пыли и магии. Кир, которого Дмитрий тащил за руку, спотыкался на каждом шагу. Алексей шёл впереди, его механиче-

ская нога лязгала по каменному полу, задавая изнурительный ритм.

— Долго ещё? — прохрипел Дмитрий, оглядываясь назад.

— Я... я не уверен, — выдохнул Алексей, не сбавляя шага. — Лабиринт изменился. Я чувствую... его волю.

Внезапно тишину разорвал знакомый, леденящий душу звук: топот сотен ног и лязг доспехов. Армия Леонида. Потрёпанная, поредевшая, но всё ещё смертоносная.

— Они нас догоняют! — крикнул Кир.

Аскольд, шедший последним, резко остановился. Он развернулся лицом к преследователям, его фигура заслонила узкий проход, словно живая стена.

— Идите вперёд! — крикнул он, не оборачиваясь. В его руках уже формировались магические круги. — Я закончу тут и сразу за вами! Нет времени толпиться всем тут вместе!

Дмитрий и Алексей переглянулись. Всего мгновение сомнения промелькнуло в их глазах. Дмитрий схватил Кира за шиворот и рывком поставил перед собой.

— Бежим! — скомандовал он.

Алексей кивнул, и они втроём бросились прочь по коридору, оставив Аскольда одного против надвигающейся волны врагов. Позади них раздался оглушительный грохот, крики солдат и вспышки боевой магии — Аскольд вступил в свой бой.

Они бежали, не чуя под собой ног. Алексей вдруг резко остановился перед гладкой золотой стеной, которой ещё се-

кунду назад не было.

— Нам сюда, — выдохнул он, тяжело опираясь на стену.

Дмитрий не стал спорить. Он буквально втолкнул Кира в появившийся проём, и они втроём ввалились внутрь. Золотая дверь бесшумно исчезла за их спинами, отрезая звуки боя.

Тишина. Они оказались в месте, которое никак не могло существовать в подземелье Храма бога Войны. Это был изящный сад. Солнечный свет лился сквозь витражные окна, раскрашивая плитку под ногами во все цвета радуги. Плодовые деревья, усыпанные спелыми фруктами, склоняли свои ветви над дорожками. В листве копошились соловьи, их трели наполняли воздух. По клумбам были раскиданы цветы всех мыслимых оттенков, а по узорчатой плитке скакали разноцветные пушистые кролики. Повсюду журчали маленькие фонтаны, где купались птицы.

В центре этого изящества, за кованым столиком, сидел мужчина. У него была загорелая кожа, коротко стриженные вьющиеся волосы цвета тёмного шоколада и серые, как сталь, глаза, в которых играл солнечный магический свет. На столе перед ним стоял расписной фарфоровый сервиз на двоих. Он был одет в бежевую тунику, что будто бы ему и не особо подходила.

Мужчина медленно повернул голову и пристально посмотрел на Алексея.

— Принёс? — спросил он спокойным, глубоким голосом.

Алексей устало вздохнул и из сумки за пазухой достал небольшую картонную коробку.

— Это шоколадные конфеты с трюфельной начинкой, — сказал он, ставя коробку на стол. — Самая популярная сладость сейчас среди женщин на Востоке.

Мужчина посмотрел на конфеты без особого интереса.

— Лёль больше нравятся ягодные начинки.

— Это было бы резонно, будь она сейчас здесь, господин Хара, — ответил Алексей с ноткой ворчания в голосе.

— Да, она снова не пришла, — Хара наблюдал за играми соловьёв в ветвях дерева. Его голос был полон лёгкой меланхолии. — Сегодня так много гостей, что весь лабиринт дрожит. Не мог их разогнать, Алексей?

— Этот Ваш лабиринт чуть меня не прихлопнул... — с досадой сообщил Алексей. — Надо же было Вам меня туда отправлять.

— А как бы ты тогда проводил ученика моей Крёстной дочери? — Хара наконец-то перевёл внимание с Алексея на остальных.

Его взгляд остановился на Кире. Мальчик стоял, поражённый до глубины души. Он никогда не видел ничего подобного и уж тем более не думал, что Бог Войны может выглядеть как... отдыхающий аристократ.

Дмитрий же и вовсе замер соляным столпом. Он смотрел на бога с благоговением и страхом, боясь даже дышать.

Хара перевёл взгляд с Алексея на мальчика. Его серые,

как сталь, глаза, казалось, видели Кира насквозь, читая каждую его мысль. Он слегка кивнул, подзывая его к себе.

Кир, помедлив всего секунду, осторожно подошёл к столу. Он вежливо поклонился.

— Здравствуйте, господин Хара.

— Присаживайся, — голос бога был мягким, как бархат. — Угощайся. Конфеты с Востока, говорят, чудо как хороши.

Кир посмотрел на коробку. Есть в присутствии бога ему казалось кощунством.

— Благодарю вас, но я не голоден.

Хара улыбнулся. Это была не хищная улыбка, а тёплая, почти отеческая.

— Скажите, сердце Тамары... Оно у вас? — голос Кира дрогнул от волнения.

Улыбка Хара стала шире. Он не ответил сразу. Вместо этого его взгляд упал на маленькую фарфоровую шкатулку, стоявшую на краю стола. Он лениво пододвинул её к центру и открыл крышку.

Внутри, на бархатной подушке, лежало оно. Сердце Тамары. Ярко-алое, пульсирующее в ровном, спокойном ритме. Оно было прекрасно.

— Красивое, да? — спросил Хара, глядя на мальчика с улыбкой.

— Очень... — выдохнул Кир, не в силах отвести взгляд.

— Твоя наставница оставила его мне одиннадцать лет назад, — начал Хара, закрывая шкатулку. — Вернее, его оста-

вил её отец. Виктор принёс его ко входу в лабиринт и попросил сохранить. Сказал, что так будет безопаснее для всех. И я ждал. Все эти годы я ждал. Одиннадцать лет.

— Почему вы не вернули его Тамаре сразу? — спросил Кир, нахмурившись. Ему казалось это несправедливым.

Хара тихо рассмеялся.

— А надо было?

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на соловьёв в ветвях.

— Понимаешь, мальчик... Тамара постоянно страдала. Буря эмоций обуревала её и сковывала. Она не могла с ними справиться. Но когда сердца не стало... она наконец-то осознала их причину. Она просто устала.

Он говорил медленно, словно рассказывая старую сказку.

— Всё детство она выживала при дворе. Усердно тренировалась, пытаясь заслужить одобрение отца. Потом посвятила всю себя войне. Никогда в её жизни не было простой передышки. Остановиться и полюбоваться на цветы — на это у Царевны времени не было. Когда же сердца не стало... она наконец-то осознала свою усталость. Она оставила дворец, отца, сводную сестру и её мать. Ей хотелось понять истину всего, что происходило вокруг неё. Тамара отправилась искать её. Сначала она путешествовала со своим котом. Потом поселилась в Лесу Короля Фей, где и обрела тот самый покой, которого ей так не хватало. Первый год она изучала истину и путешествовала, а когда уставала — возвращалась

в свой дом в лесу фей. А потом она нашла тебя... и посвятила себя наставничеству.

Хара посмотрел Киру прямо в глаза.

— Она была счастлива и без сердца. Но сейчас... она наконец-то достаточно созрела, чтобы жить со всеми своими чувствами. Она добралась до очередной истины — равновесия и целостности души, тела и разума. Теперь ей самое время его вернуть.

— Значит... всё было так, как должно было быть? — удивлённо спросил Кир.

— Да, — кивнул Хара. — Это был её путь становления. Теперь ей пора отправиться в новый.

— Вы... отдадите мне сердце Тамары? — задал Кир решающий вопрос.

Хара поднял указательный палец.

— С одним условием. Понимаешь ли... есть ещё кое-кто, кому бы пора вернуть своё сердце.

— Царь Виктор? — догадался Кир.

— Верно мыслишь. Но с ним всё гораздо сложнее. Царь Виктор вырвал себе сердце, когда умерла Царица Наташа. В определённом контексте её можно считать твоей матерью. В тот момент своей жизни Виктор не мог пережить утраты. Сейчас же ему пора исцелиться. Он готов оплакать возлюбленную.

— И где же мне искать сердце Виктора?

— Повсюду, — загадочно ответил Хара. — Он был нело-

вок, когда извлекал его. Настолько неловок, что разбил его на куски, — закончил Хара, и в его голосе прозвучала нотка ироничного сочувствия. — И теперь оно разлетелось по миру. Я примерно знаю, где осколки. Тебе же положено их собрать. Согласишься, и я отдам тебе сердце Тамары.

Кир посмотрел на шкатулку, затем на самодовольное лицо бога. Он чувствовал себя так, будто его только что ловко загнали в угол.

— Я думаю, Тамара справится с этим лучше, чем я, — осторожно заметил он.

— Возможно, — Хара задумчиво потёр подбородок, глядя на купающихся в фонтане птиц. — Но мне этот вариант не подойдёт.

— Что? — Кир почувствовал, как внутри поднимается волна негодования. — Почему?

— Видишь ли, этот сад я создал не для себя, — Хара щёлкнул пальцами, и на его протянутый указательный палец тут же приземлилась маленькая пёстрая птичка. — Я жду одну гостью.

— Богиню Лёль? — догадался Кир.

— Да, — Хара едва заметно улыбнулся, и птица снова вспорхнула в небо. — Мы знаем друг друга не один век. Но как-то мы с ней решили развлечь себя спором. И так увлеклись, что в процессе... поругались.

Он вздохнул, и в этом вздохе смешались вековая усталость и мальчишеское упрямство.

— Если честно, мне уже неважно, кто из нас выйдет победителем в нём. Просто я хочу, чтобы этот спор сдвинулся с мёртвой точки. Поэтому и пригласил тебя сюда.

— Не проще ли просто извиниться перед Богиней? — прямо спросил Кир, глядя ему в глаза.

— Нет, конечно, — ответил Хара с таким невинным видом, будто речь шла о погоде. — С чего бы мне извиняться? Я ничего плохого не делал.

Кир уставился на него, не веря своим ушам.

— Если так любите её, просто извинитесь, — настаивал он. — А не устраивайте тут гонки с поиском сердец!

Хара резко выпрямился. Благородная маска спала с его лица в одно мгновение. Перед Киром сидел не величественный бог, а упрямый, капризный ребёнок.

— Так, сопляк! — рявкнул он, и соловьи испуганно притихли. — Тебе нужно сердце Тамары или нет?!

— Конечно нужно! — крикнул Кир в ответ.

— Так забирай! Но потом ты пойдёшь за сердцем Виктора! Ясно?!

Кир раздражённо зарычал и сжал кулаки.

— Да я ведь просто хотел забрать сердце Тамары и пойти домой! Я не хочу искать какие-то осколки!

— Да Тамара же нам потом головы открутит! — поддержал его Дмитрий, который всё это время молча слушал диалог.

— Просто извинитесь перед Лёль и дело с концом! —

вставил Алексей.

— Не буду! — упрямо отрезал Хара, скрестив руки на груди.

Кир снова раздражённо зарычал. Он посмотрел на шкатулку с сердцем, потом на упрямого бога. У Тамары мало времени. У него нет выбора.

— Ладно! — наконец сдался он, и это слово прозвучало как плевок. — Согласен! Вернём мы Царю Виктору его чёртово сердце! Только отдайте сердце Тамары!

Кир решительно протянул Хара руку для рукопожатия. Бог посмотрел на маленькую ладонь мальчика, затем быстро и крепко пожал её.

— Договорились! — воскликнул он с хищной радостью.

В тот же миг Хара толкнул шкатулку по гладкой поверхности стола прямо в руки Киру. Мальчик едва успел её поймать, как под его ногами провалилась земля.

Кир вскрикнул, но было поздно. Он заскользил вниз по тёмному туннелю, похожему на гигантскую игровую горку. Шкатулку с сердцем он крепко прижимал к груди.

Последнее, что он услышал, был голос Хара, донёсшийся сверху:

— Но помни, не стоит нарушать данное слово богу!

А затем всё стихло.

АКТ IV: Храм бога войны. Глава 19: Сердце

Клэр нёс её на руках, словно она была легче пёрышка. Его шаги были быстрыми, но не паническими — они были выверенными, как у хищника, знающего свою берлогу. Он бежал к двери, через которую вошёл. Он знал, что за ней — безопасность. Он знал, что там он сможет ей помочь.

Но двери не было.

Там, где секунду назад был проём, теперь возвышалась сплошная, грубая каменная стена. Клэр замер, не веря своим глазам. Он осторожно, словно боясь уронить драгоценную ношу, коснулся стены свободной рукой. Камень был холодным и реальным.

— Нет... — выдохнул он.

Паника, которую он так долго сдерживал стальной волей, прорвала плотину. Он метнулся влево — стена. Вправо — стена. Назад — тупик. Он был заперт в каменном мешке с умирающей девушкой на руках.

— Клэр — тихо прохрипела Тамара. – Хватит

— Как ты можешь просить меня остановиться?! — его голос сорвался на хриплый шёпот, полный боли. Он прижал её к себе ещё крепче, словно пытаясь согреть своим телом. — Я... я не могу! Тамара... Как мне... Проси меня о чём угод-

но! Только не об этом! Не проси меня тихо ждать, когда ты умрёшь!

Он попытался разрезать пространство порталом, но тщетно. Что такое усилие человеком перед магией бога? В его глазах плескался ужас. Ужас не перед смертью — он видел её слишком часто. Ужас перед беспомощностью. Перед тем, что он ничего не может сделать. Что все его кинжалы, вся его скорость и магия сейчас бесполезны. Всё, что он посвятил Тамаре оказалось лишь пылью сейчас.

Тамара медленно подняла руку и коснулась его щеки. Её ладонь была холодной.

— Прекрати... — её голос был тихим, едва громче дыхания. В нём не было упрёка, только бесконечная усталость и что-то похожее на нежность. – Клэр, мне так хорошо сейчас.

— Что ты такое вообще говоришь? — Клэр сжал зубы. По его щекам катились крупные слёзы.

Стрелки часов в её груди царапали стекло циферблата. Тамара дышала глубоко и медленно.

— Вот бы обнять Кира, — произнесла она.

— Обнимешь! — пообещал Клэр. — Столько раз обнимешь, сколько захочется, ясно?!

— Клэр Только не вини себя, — Тамара подняла дрожащую руку и коснулась его лица. — Спасибо тебе Если бы не ты, наш дом не был бы таким замечательным.

— Тамара, пожалуйста, — Клэр упал на колени, прижавшись лбом к её макушке.

— Я бы правда хотела выпить с тобой — Ей глаза начали медленно закрываться. — розового чая

Стрелка часов в её груди скрипнула в последний раз. И циферблат застыл. Рука Тамары безжизненно упала, а лицо расплылось в тихой улыбке.

Что-то внутри Клэра прекратило существовать. Он застыл, сидя на полу, не отпуская тела Тамары.

— Тамара — позвал он. — Открой глаза

Но в ответ ему была лишь тишина. Без таканья часов воздух вокруг стал тяжёлым и холодным.

— Тамара — Клэр начал чаще дышать. — Прекрати

Грудь его сдавило страшной силой, горло сжалось, а руки задрожали.

***

Туннель был похож на гигантскую кроличью нору, по которой Кир летел, не в силах остановиться. Он кувыркался в темноте, крепко прижимая к груди драгоценную шкатулку, как самое большое сокровище в мире. Вокруг него, сплетаясь с его тоннелем, неслись другие.

— А-а-а! — донёсся до него полный первобытного ужаса вопль Дмитрия.

— Ха-ха-ха! — вторил ему безумный, почти детский смех Алексея.

Кир успел заметить, как сверху, размахивая руками и ногами, в их клубок туннелей влетел Аскольд.

— Да чтоб вас всех! — только и успел выкрикнуть Король

Фей, прежде чем они все столкнулись.

Это было похоже на игривое детское падение кучи-малы, только в исполнении взрослых, потрёпанных войной мужчин, Короля Фей и одного мальчика. Они свалились в одну большую яму, образовавшуюся в центре круглого каменного зала. Охая, кряхтя и сыпля проклятиями, они начали расползаться в стороны.

Кир оказался сверху, приземлившись прямо на широкую спину Дмитрия. Он быстро вскочил на ноги, отряхиваясь и судорожно оглядываясь по сторонам. В зале было темно, лишь кристаллы в стенах давали тусклое, призрачное свечение.

— Где же Тамара? — прошептал он, крепче сжимая шкатулку.

Аскольд, Алексей и Дмитрий, охая и ворча, поднимались с каменного пола, потирая ушибленные места.

— Тамара? Клэр? — позвал Кир дрожащим голосом

Его взгляд упал на тёмную фигуру в углу зала. Она не двигалась. Просто стояла на коленях, словно статуя, вырезанная из тени.

Кир сделал шаг вперёд, но Аскольд резко схватил его за плечо.

— Стой... — выдохнул Король Фей. В его голосе был ужас.

Кир замер. Во тьме он наконец-то разглядел Клэра. Он сидел на полу, прижимая к себе бездыханное тело Тамары. Его голова была опущена, но даже в полумраке было видно, как

по его телу разбегаются крошечные чёрные искры, похожие на разряды тёмной энергии. Это была магия горя, неконтролируемая и опасная.

Алексей сделал шаг вперёд. Один. Второй. Он шёл бесстрашно, как человек, которому нечего терять. Он положил тяжёлую руку на плечо своего ученика. Чёрные искры с треском ударили его в ладонь, но он не убрал руки.

Клэр медленно поднял голову. Его глаза были красными от слёз и горели такой ненавистью к миру, таким отрицанием реальности, что у Кира перехватило дыхание.

— Ты молодец, — сказал Алексей тихо, но его голос эхом разнёсся по залу. — Ты нашёл её. Только ты мог её найти.

Из глаз Клэра хлынули новые слёзы. Алексей медленно повернулся и подозвал Кира подойти ближе.

— Посмотри сюда, — сказал он мягко. — Ваш ученик справился. Мы можем её спасти.

В глазах Клэра что-то изменилось. Ненависть и отрицание начали таять, уступая место робкой, отчаянной надежде. Его лицо расслабилось, а слёзы продолжали течь по щекам. Он шумно, прерывисто выдохнул.

Алексей открыл шкатулку. Внутри ярко-алое сердце билось в ровном, спокойном ритме.

— Лучше бы тебе отойти, — сказал он Клэру. — Хара что-то там говорил о магическом импульсе... Тебе может быть больно.

— Больнее мне уже не будет, — ответил Клэр глухо, не

отпуская Тамару.

Алексей кивнул с пониманием. Он аккуратно достал сердце из шкатулки. Оно пульсировало в его механической руке, живое и горячее. Полное страсти. Сердце Тамары.

— Тогда держи крепче.

Он приложил сердце к груди Тамары.

Всё вокруг озарилось мягким алым светом. Магические узоры заплясали по стенам и полу. От тела Тамары во все стороны разошлась волна красных искр. Они били в Клэра, вонзались в его кожу, но он лишь крепче сжимал зубы и держал её, принимая всю боль на себя.

Свет становился всё ярче и ярче... а потом так же внезапно погас. Тишина была оглушающей. На мгновение показалось, что всё было зря. Клэр не отрывал взгляда от застывшего в воске смерти лица Тамары.

Ресницы её дрогнули. Она медленно открыла глаза и с хрипом втянула в себя воздух, словно вынырнув из-под воды, но тут же закашлялась.

Кир не выдержал. Он шмыгнул носом раз, другой... а потом разрыдался в голос. Громкие, судорожные всхлипы сотрясали его плечи. Он закрыл лицо руками, но продолжал смотреть на Тамару сквозь пальцы, не в силах поверить своим глазам.

Аскольд, стоявший рядом, шумно выдохнул и привалился к стене, словно у него подкосились ноги от облегчения. Дмитрий, всё ещё потирающий ушибленный бок, просто

стоял и смотрел на открывшуюся картину с выражением безграничного, почти детского удивления на суровом лице.

Клэр не двигался. Он так и замер, прижимая Тамару к себе. Его тело, до этого напряжённое как струна, наконец расслабилось. Он уронил голову ей на грудь, и его собственные плечи затряслись от беззвучных рыданий. Руки, которые только что были готовы сокрушать камень, теперь обнимали её с невероятной, почти болезненной нежностью.

— Наставник... — прохрипела Тамара, её голос был слабым, но в нём звучала привычная ирония. Она повернула голову и посмотрела на Алексея. Её взгляд был расфокусированным, но живой.

— Больно, да? — усмехнулся Алексей, его единственный глаз подозрительно блестел. — А ты как хотела? Без сердца-то столько жить?

— Было... весело... — прохрипела она в ответ и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла кривой и слабой, но это была её улыбка.

— Тебе всё лишь бы хиханьки да хахоньки, — проворчал Алексей, но в его голосе не было ни капли осуждения, только тёплая насмешка.

Он посмотрел на Кира.

— Твой ученик хочет тебе что-то сказать.

Кир медленно, на дрожащих ногах, подошёл ближе. Он остановился в шаге от них, глядя на Тамару. Слёзы текли по его щекам, капали на каменный пол.

— Тамара... прости меня... — начал он, но эмоции сдавили горло железным обручем, и из его груди вырвались только новые рыдания.

Тамара медленно, с видимым усилием, подняла руку. Она коснулась его мокрой щеки, а затем с неожиданной силой притянула мальчика к себе и прижала к груди — туда, где только что снова забилось сердце.

Кир уткнулся лицом в её плечо и разрыдался ещё сильнее.

— Как я рада... что ты цел... — прошептала она ему в макушку.

В груди у неё была огромная тяжесть, каждый вдох давался с трудом, но она обнимала своего ученика так крепко, насколько хватало сил.

Кир продолжал заливаться слезами, но теперь это были слёзы облегчения. Он обнял её в ответ, вцепившись в её одежду так, будто боялся, что она снова исчезнет.

Вокруг них стояла тишина, нарушаемая лишь плачем мальчика и тихим дыханием вернувшейся к жизни Царевны. Они были вместе. Они были живы. И для этого момента больше ничего не имело значения.

***

Прошло несколько часов. Тишина подземелья больше не давила, а убаюкивала. Кир, сидя у стены, взахлёб рассказывал о своих приключениях. Он размахивал руками, изображая полёты на грифоне, и его глаза горели восторгом, который бывает только у детей.

Тамара и Клэр сидели рядом, прислонившись к стене. Она положила голову ему на плечо, а он обнимал её одной рукой, слушая рассказ мальчика. Это был момент хрупкого, выстраданного покоя. Дмитрий и Алексей стояли чуть поодаль, молча наблюдая за этой семейной сценой.

— ...и тогда грифон сделал «вжух»! — Кир изобразил рукой крутой вираж. — А я ему: «Давай ещё!».

Тамара слабо улыбнулась. Силы медленно возвращались к ней, а вместе с ними — и привычная ирония.

— Ты, я смотрю, времени зря не терял. Надеюсь, ты хотя бы кормил его? Грифоны очень привередливы в еде.

— Конечно! — с гордостью ответил Кир. — Я делился с ним вяленым мясом из запасов!

Тамара тихо рассмеялась, и этот звук был для всех них как музыка.

— Что ж... кажется, у меня достаточно сил, чтобы стоять на ногах. Пора возвращаться домой.

Она попыталась встать, и Клэр тут же поддержал её. Дмитрий и Алексей переглянулись. Они заметно напряглись.

— Домой — это хорошо, — протянул Алексей, бросив быстрый взгляд на Кира.

— А... Тамара... Кстати, об этом... — начал Кир, поворачиваясь к наставнице.

Но он не успел закончить.

Мир вокруг них взорвался движением. Пол под ногами задрожал, а затем пришёл в движение, словно морская вол-

на. Каменные плиты заскользили, образуя крутой бугорок.

— Что за...?! — только и успел выкрикнуть Дмитрий.

Кир, Алексей и Дмитрий потеряли опору и понеслись куда-то по коридору, оставшись на каменных островках плитки и камня.

— Кир! — закричала Тамара, вскакивая на ноги.

Клэр среагировал мгновенно. Он не побежал по полу — это было бы слишком медленно. Он нырнул в тень и начал перемещаться короткими порталами, пытаясь догнать мальчика. Тамара и Аскольд побежали следом по обычному полу, используя магию для ускорения. Под ногами Тамары засиял магический круг и поднял её в воздух.

Туннель вывел их в огромный круглый зал. Стены были украшены гигантскими фресками, изображавшими батальные сцены: осады крепостей, столкновения армий, магические дуэли. Кир с ужасом узнал в некоторых фигурах Тамару и Клэра во времена войны с Южными землями.

Пол опустил их троих в самый центр зала. Они оказались внутри идеально ровного магического круга, светящегося тусклым синим светом.

— Мы в ловушке! — прорычал Дмитрий, пытаясь выбраться за пределы круга, но невидимая стена отбросила его назад.

Тамара и Клэр ворвались в зал через другой проход.

— Кир! — Тамара бросилась к краю круга.

Клэр снова использовал порталы. Он появился с одной

стороны круга, затем с другой, его руки были вытянуты вперёд, пытаясь дотянуться до Кира. Тамара уже подлетела к кругу, и вместе с Клэром они уже почти дотянулись до ученика

Внезапно магический круг вспыхнул ослепительным белым светом.

— Нет! — закричала Тамара.

Свет поглотил Кира, Алексея и Дмитрия. На мгновение они застыли в сиянии, а затем просто... исчезли.

Руки Тамары и Клэра коснулись лишь пустоты. Они оба свалились на пол по инерции.

Вновь обретённое сердце Тамары бешено колотилось в груди, норовя выскочить наружу. Паника накрыла её ледяной волной.

— Нет... — прошептала она, не в силах подняться. Её глаза лихорадочно осматривали зал, ища хоть какой-то знак, хоть что-то. — Нет, нет, нет! НЕТ! — её крик эхом отразился от стен.

Она подняла взгляд к потолку, к безмолвным фрескам.

— Отдай его! — её голос сорвался на хрип. Она обращалась к тому, кто всё это устроил. — Отдай его мне!

Но бог войны молчал.

По щекам Тамары катились слёзы. Клэр приземлился рядом с ней на одно колено. Его лицо было мертвенно-бледным, но он изо всех сил пытался держать себя в руках ради неё.

Она подняла на него глаза, полные ужаса и слёз.

— Где он? Где наш Кир? Я... я так много хотела сказать ему...

Клэр обнял её, крепко прижимая к себе. Его собственное сердце разрывалось от страха за ученика, но сейчас он не мог позволить себе паники на глазах у Тамары.

— Мы найдём его, — твёрдо пообещал он ей на ухо. — Клянусь.

В зал вбежал запыхавшийся Аскольд.

— У нас проблемы! — выдохнул он. — Лабиринт снова меняется! Стены сдвигаются! Кажется, нас сейчас просто вышвырнет отсюда!

Мир не просто изменился — он сломался.

Лабиринт перестал быть каменным сооружением. Он превратился в живое, дышащее полотно, трёхмерную картину, написанную безумным художником. Стены изгибались, как змеи, пол проваливался и вздымался волнами, потолок тек вниз расплавленным воском. Всё это перестраивалось прямо в моменте, не давая глазу ни за что зацепиться.

У них не было выбора. У них даже не было времени на страх. Их не вышвыривали — их смывали, как ненужные мазки краски с холста.

— Держись! — крикнул Клэр, и Тамара почувствовала, как его рука стальной хваткой сжала её ладонь.

Она не могла лететь — магия была нестабильна, она билась в ней, как птица в клетке. Но она могла удержать осталь-

ных. Её пальцы сплелись с пальцами Клэра, а свободная рука метнулась к Аскольду. Из её ладони вырвалась алая магическая цепь.

— Аскольд! — прокричалаона.

Король Фей не стал спорить. Он просто схватился за цепь, и в тот же миг Тамара притянула его к себе, обвязывая её вокруг его талии.

Они втроём повисли в воздухе, посреди абсолютного хаоса. Камень, свет, тьма — всё смешалось в один вихрь.

А затем всё сменилось темнотой. Резкой, оглушающей тишиной.

Тамара открыла глаза. Воздух пах гарью, кровью и потом. В ушах стоял звон стали и крики тысяч людей. Она стояла на поле боя. Вокруг неё кипела битва с Южными землями. Люди в знакомых доспехах её армии носились в пылу сражения, сталкиваясь с ордами врагов.

И в центре этого хаоса стоял он. Хара.

Её Крёстный отец выглядел именно так, как она его помнила из старых легенд и собственных воспоминаний. Он был облачён не в тунику для чаепитий, а в простой кожаный доспех воина. В его руках был огромный, тяжёлый меч, по лезвию которого стекала чужая кровь. Он был воплощением войны — не жестокой или злой, а просто неизбежной.

Он повернулся к ней, и на его лице не было удивления. Лишь лёгкая, отеческая улыбка.

— У тебя отличный ученик, — сказал он спокойно, слов-

но они обсуждали погоду за чашкой чая.

— Отдай его! — голос Тамары сорвался на рык. Её сердце, которое она только что вернула, бешено колотилось в груди, причиняя почти физическую боль. Она уже и забыла, что это такое — настоящая боль в сердце. — Верни Кира!

Хара вздохнул и шагнул к ней, переступая через тела павших воинов. Его взгляд был полон нежности, которая казалась неуместной на поле брани.

— Моя дорогая крёстная дочь... Иногда взрослым нужно побыть наедине, пока дети резвятся в песочнице.

— Что за бред! — выдохнула Тамара. Она чувствовала, как магия рвётся из неё наружу от бессильной ярости. Её грудь сдавило тисками. — Он мой ученик! Я за него отвечаю!

— Ты слишком много на себя берёшь, — мягко упрекнул её Хара. — Ты же не превратишься в курицу-наседку от того, что вернула сердце? Ты думаешь, Дмитрий не справится? Или... Алексей?

При упоминании наставника Тамара вздрогнула.

— У меня не было возможности спросить... — прошептала она. Боль в груди стала невыносимой. — Я думала... Думала, что предоставится случай получше... Но Наставник...

Хара кивнул с пониманием.

— Верно думаешь. Теперь он мой жрец. Служит при храме. Это его плата мне за то, что я спас его жизнь. Прости, ты пролила много слёз по своему дорогому наставнику.

Тамара ничего не ответила. Она просто смотрела на него, и по её щекам катились слёзы — смесь горя от потери, которая оказалась ложной, и ярости от бессилия.

Хара отвернулся и посмотрел на бушующую вокруг битву.

— В любом случае... Я не собираюсь говорить тебе, где они. Но запрещать искать тоже не могу. Это было бы нечестно по отношению к твоему упорству.

Он снова посмотрел на неё, и в его стальных глазах мелькнула гордость.

— Привыкай к сердцу, мой любимый ребёнок. Оно приносит не только радость. Пока твой ученик ищет сердце Виктора, что нигде и везде, учись сама. В следующий раз, когда придёшь навестить меня, скрести со мной меч, чтобы я не покрылся вековой пылью. Ах Да — Хара задумчиво посмотрел наверх. — Убери вредителей из моего Храма. Он нужен мне для отдыха и встреч, а не для уродства, что тащит сюда каждый встречный.

С этими словами Хара развернулся и пошёл прямо в гущу сражения, его меч снова взлетел для удара. Его фигура становилась всё более размытой, прозрачной... В глазах Тамары всё расплывалось от слёз и магического света исчезающего видения. Поле боя таяло, уступая место... Чему-то новому.

***

Они пришли в себя у подножия Храма. Воздух был свежим, пах солью и морем. Вход в лабиринт возвышался за их спинами — тёмный, безмолвный и чужой. Они были выбро-

шены из него, как гости, которые уж слишком долго просидели за чаем. Но они были не одни.

Перед ними, на каменистой равнине острова, выстроилась армия. Потрёпанная, поредевшая, но всё ещё многочисленная. В центре стоял граф Леонид Александрита. Его дорогой костюм был изорван в лохмотья, на лице запеклась кровь, но взгляд оставался таким же надменным и полным холодной ярости. Рядом с ним стояла Кристина. Её белое платье превратилось в грязные лохмотья, волосы были спутаны, а на щеке виднелась паутина, но подбородок был всё так же упрямо вздёрнут.

Чуть поодаль стоял Евгений. Он выглядел самым целым из всех, если не считать шрама на щеке, который он теперь бессознательно прикрывал ладонью.

Клэр, Тамара и Аскольд медленно поднялись на ноги. Они были измотаны, потеряны и переполнены ужасом от исчезновения Кира. Вся эта армия казалась им не более чем досадной помехой — мусором на пути к их главной цели.

— Мне некогда, — тихо, но так, что услышали все, произнесла Тамара.

Кристина, видимо, приняла это за слабость. Она вскинула руку, её голос зазвенел над равниной:

— О, отважные воины! Перед вами ведьма и отступница, что несёт лишь кровь и разрушения! Покарайте её! А после мы избавимся от лжецаревича Руслана, которым прикидывается её ученик!

Тамара медленно повернула голову. Её взгляд упал на Кристину, и в нём не было ни капли гнева. Только бесконечная усталость и ледяное презрение.

— О, Хара... — прорычала она, обращаясь к своей сестре. — Как же ты меня достала.

Армия двинулась вперёд. Десятки мечей и копий были направлены на троих у Храма.

В тот же миг всё изменилось. Вокруг Тамары начала расходиться аура. Она не была похожа на её обычную магию. Это была смесь абсолютной черноты и кроваво-красного цвета. Это было не заклинание. Это было благословение — первозданный ужас, исходящий от самой дочери Бога Войны.

Воины замерли. Их лица исказились гримасами страха. Они падали на колени, роняя оружие. Их души охватил такой первобытный ужас, что ноги отказывались их держать.

Под ногами Тамары, Аскольда и Клэра вспыхнул алый магический круг. Он медленно поднял их в воздух на несколько метров.

Аскольд и Клэр смотрели на происходящее с почти бесстрастными лицами. Они видели это и раньше. Они знали, кто она такая на самом деле.

— Вы посмели пойти против законной Царевны Рюлеля! — голос Тамары разнёсся над островом, усиленный магией. Он был спокоен и холоден, как и всегда. — А также намерены причинить вред Царевичу Руслану! Моему дорогому

младшему брату и любимому ученику!

Небо над островом начало затягиваться алыми тучами.

— Вы явились в святыню святынь! В Храм моего дорогого Крёстного отца, Бога Войны Хара! Осквернили его своей мерзкой магией, что превращает людей в ресурс! И нарушили его покой!

В небе начали формироваться сотни алых магических мечей. Они висели в воздухе, ожидая приказа.

— За это я, его Крёстная дочь, как и мои предшественники... — она сделала паузу и плавно опустила руку ладонью вниз, — ...караю вас здесь и сейчас.

Мечи рухнули с небес сплошным потоком. Это не была бойня. Это была экзекуция. Клинки пронзали доспехи и плоть, но не убивали. Они приносили страшную агонию — боль без милосердия смерти. Люди кричали, корчась на земле.

Клэр смотрел на это без эмоций. Он понимал: это был последний акт милосердия от Тамары. Она не убивает их, чтобы вселить настоящий ужас. Чтобы каждый выживший унёс этот страх с собой на материк и распространил его подобно чуме. Её имя снова станет легендой — куда более страшной легендой о живом боге войны.

Его взгляд скользнул по врагам и остановился на отце и брате. Леонид смотрел на него с ненавистью преданного отца. Евгений смотрел со стыдом и злобой, прикрывая шрам на щеке — символ своего окончательного поражения.

Дождь из клинков затих так же внезапно, как и начался. Тамара посмотрела на Кристину. Её защищали маги-артефакты, принявшие удар на себя.

— В следующий раз... — голос Тамары был тихим шёпотом, но он прозвучал громче любого крика. — Я не стану читать тебе лекций и что-то объяснять. Я просто заберу твою жизнь. Потому что ты мне искренне надоела со своей манией преследования.

Она указала рукой в сторону материка.

— Иди в Царьград. Громко пой свои молитвы. Забирай трон. Просто... не мешайся под ногами.

Клэр открыл портал — тёмную воронку в воздухе. Аскольд шагнул в него первым. Тамара бросила последний взгляд на поле боя и последовала за ним. Последним в портале исчез Клэрис Александрита.

АКТ IV: Храм бога войны. Глава 20: Песни

Воздух пах гарью, кровью и влажной землёй. Битва за Нут была выиграна. Выиграна быстро, безжалостно и, как говорила Тамара, эффективно. Благословение Хара, полученное Тамарой полгода назад, превратило её армию в неудержимую силу. Враги сдавались или бежали, едва завидев алый отблеск в её глазах. О ней говорили, гудели и кричали. Её имя было опутано паутиной страха и отчаянья.

Теперь над полем стоял гул другого рода: стоны раненых и пьяный смех победителей. Всё это ночь покрывала одеялом прохлады.

У одного из походных костров собралась группа офицеров. Они были ветеранами — мужчины и женщины, годившиеся пятнадцатилетним Тамаре и Клэрису в отцы и матери. Их доспехи были помяты, лица черны от копоти и грязи, но в руках они держали кружки с дешёвым пивом, и их смех разносился по лагерю.

Клэр сидел с ними. Он был самым молодым здесь, но держался с достоинством, которое не позволяло старшим подтрунивать над ним слишком уж зло. Его голова немного кружилась от густого перегара.

— Слышал я в тылу, — гоготал усатый офицер, подливая

себе ещё, — что нашу Царевну теперь не иначе как «Кровавой» кличут.

— А этого красавчика, — подхватила женщина с перевязанной рукой, кивнув на Клэра, — её верным псом!

Грянул новый взрыв хохота. Клэрис лишь слегка поморщился, но его взгляд остался твёрдым. Он уже давно привык к таким разговорам. О чём ещё болтать этим людям кроме как о сплетнях.

— А что? — не унимался капитан. — Верность — дело хорошее! Верный пёс защищает хозяина! Верно я говорю, парень?

— Я согласен и на такое, — спокойно ответил Клэр, глядя в огонь. — Лишь бы помочь ей победить. Плевать, кем там меня называют. Просто хочу, чтобы эта война уже закончилась.

Смех на мгновение стих. В словах подростка было столько холодной решимости, что даже пьяным ветеранам стало не по себе.

В этот момент из темноты к свету костра шагнула фигура. Офицеры резко замолчали и подобрались. Тамара была одета в простой походный доломан, её лицо было усталым, но чистым. В руках у неё была пустая деревянная миска.

Она отправилась на войну угловатым четырнадцатилетним подростком. Сейчас же она вытянулась в росте. Её волосы были всё также не совсем ровно обрезаны обычным ножом. Фигура её становилась по-женски изящней, а лицо на-

чинало приобретать взрослые черты.

Она не стала их отчитывать за пьянство во время дежурства. Она просто подошла к общему котлу, висевшему над огнём, и молча налила себе густой мясной похлёбки. Запах чеснока и мяса на мгновение перебил запах гари и перегара.

Она стояла к ним спиной, но все чувствовали на себе её взгляд. Тишина стала почти осязаемой. Наконец, она повернулась. Её взгляд нашёл Клэриса среди остальных. Пугающе быстро. Будто самой душой юная Царевна всегда знала, где ей его искать.

— Знаешь... — тихо сказала она, глядя прямо ему в глаза, не стесняясь того, что её слышат и другие. — Мне не нравится, что тебя называют моим псом.

Клэр удивлённо вскинул голову. Он ожидал чего угодно: приказа, похвалы или выговора за то, что сидит с солдатами. Но не этого.

— Почему же? — спросил он. Его голос чуть дрогнул от смущения, но он не отводил от неё взгляда.

— Как бы сказать... — Тамара отхлебнула из миски, не разрывая их зрительного контакта. В её глазах плясали отблески костра. — Наверное, «верный пёс» мне не подходит. Я предпочитаю кошек.

С этими словами она едва заметно улыбнулась и развернулась, чтобы уйти обратно в темноту, к своему командирскому шатру.

Клэр остался сидеть у костра. Он смотрел ей вслед. Во-

круг него снова загомонили голоса офицеров, кто-то толкнул его в плечо:

— Ну что? Теперь ты у нас кот?

Но он их не слышал. Он смотрел на тёмный силуэт у шатра и чувствовал, как по лицу расползается глупая, счастливая улыбка.

***

Гостевой домик на окраине Царьграда до самого потолка, где были развешены травы, отгоняющие вредителей, пропитался отчаяньем, усталостью, тревогой и остывшим травяным чаем. Неделя. Прошла уже целая неделя. Семь дней, что казались вечностью. Столица шумела, и уличные торговцы, прибывшие с востока купцы, играющие дети и простые прохожие не подозревали, что в этом небольшом гостевом домике на окраине двое отчаянных героев былой войны медленно сходили с ума от бессилия и ужаса.

Тамара сидела на полу, окружённая картами Рюлеля, чернилами разных цветов, перьями, что сами по себе делали заметки, смятыми листами бумаги и справочниками, купленными в ближайшей книжной лавке. Все заметки и стрелки вели в никуда. Пустые кружки из-под чая выстроились неровным рядком у стены. Она не переодевалась толком все эти дни — лишь меняла одну блузку и отдавала в стирку жене хозяина другую. Её волосы спутались, а под глазами залегли тёмные тени от недосыпа.

Тамара механически водила пальцем по линиям на карте,

пытаясь найти хоть какую-то логику в божественном абсурде.

Клэр сидел напротив, на низком табурете. Он выглядел не лучше. Его зелёные глаза, обычно яркие и живые, потускнели. Он смотрел не на карты, а на неё, и в его взгляде мешались вина, страх и глухая тоска.

— ...и тогда он сказал, что грифон ест только вяленое мясо, — тихо, почти шёпотом, бормотал он в сотый раз. Это был их ритуал. Попытка воссоздать прошлое по крупицам. — А ещё он жаловался, что Зефир начинат линять....

Тамара подняла на него пустой взгляд.

— Это не поможет, Клэр, — её голос был хриплым от усталости. — Хара мог отправить их куда угодно. Если бы они отправились самостоятельно на грифоне, мы бы хоть по траектории полёта и необходимых для этого зверя остановках могли проложить маршруты. А так

Она с силой провела рукой по лицу и снова уткнулась в карту.

— Единственное, что нам удалось понять со слов Хара, так это то, что он отправил их за сердцем отца. А куда? «Нигде и везде» — тоже мне указание!

Внезапно её рука сжалась в кулак, сминая хрупкий пергамент.

— Я ничего не вижу! — выкрикнула она, и этот крик был полон такой боли, что Клэр вздрогнул. — Я не знаю ни одной зацепки! Я даже не знаю, ради чего всё это! Что тако-

го важного в этом сердце для самого Хара? Почему именно сейчас?!

Клэр молча поднялся и подошёл к окну. Он отдёрнул плотную штору и выглянул на улицу, словно надеясь увидеть там ответ. В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь шелестом карт.

— До этого всего мы даже не знали, что у Царя Виктора нет сердца, — наконец произнёс он, не оборачиваясь. Его голос звучал глухо. — А я-то думал, что твой отец просто ворчливый старик. И всё же Тамара. Твоё сердце было в конкретном месте. Может, нам стоит начать искать не от Храма бога войны, а чуть раньше?

Рука Тамары, сжимавшая пергамент, медленно разжалась. Смятый лист упал на пол, но она этого даже не заметила. Её взгляд, до этого блуждавший по карте невидящим взором, внезапно сфокусировался. Он застыл на одной из её собственных старых заметок, сделанных в первый день поисков.

— Чуть раньше... — эхом повторила она слова Клэра. Её голос был тихим, но в нём уже не было ноток истерики. В нём появилось озарение. — Гораздо раньше...

Её разум, обычно холодный, наконец-то переключился из режима паники в режим анализа, что был её куда больше привычен. Она не искала ответ «где?». Она начала искать ответ «когда?» и «почему?».

Она резко вскинула голову и схватила чистый лист бума-

ги, лежавший рядом с чернильницей. Перо само прыгнуло в её руку.

— Мы считали своей отправной точкой Храм Хара, — быстро заговорила она, её рука летала над бумагой, чертя новую схему, новую линию времени. — Но если мы немного отстранимся... Хара сказал, что Кир будет искать сердце Виктора. Но как отец лишился сердца? Я ничего не знаю об этом. Но Кир... он догадался ещё раньше. Я почти уверена, Кир понял это, стоило ему взглянуть на отца.

Она остановилась и подняла глаза на Клэра. В них горел лихорадочный огонь мысли.

— Вопрос не в том, куда делось сердце отца, а когда. И как это произошло? Если мы начнём реконструировать события не от начала исчезновения Кира, а от исчезновения сердца отца... мы сможем хотя бы понять саму картину.

Клэр смотрел на неё, и на его лице медленно проступало понимание. Он видел, как она собирала осколки логики из полного хаоса.

— Нам нужно во дворец, — закончил он за неё. Это был не вопрос, а утверждение.

Тамара тяжело вздохнула и откинулась назад, прислонившись спиной к ножке стола. Энергия озарения на мгновение покинула её, оставив лишь свинцовую усталость.

Это был самый сложный разговор из всех, что им предстоял. Но другого пути не было.

***

Пока в душном гостевом домике двое сходили с ума от бессилия, Аскольд изучал город. Ему это давалось проще. Его лицо, не тронутое печатью знатности или славы, было идеальным прикрытием. Он был просто ещё одним путником в пёстрой толпе столицы.

Он волновался о Кире и Малышке Герани, но странное, фаталистическое спокойствие владело им. Они вместе. А значит, смогут помочь друг другу. В конце концов, с ними ещё и наставники Тамары и Клэра, да ещё и грифон.

Рынок Царьграда встретил его оглушительным шумом. Воздух был густым, пропитанным сотнями ароматов: свежей выпечки, жареного мяса, пряностей с Востока и, конечно, навоза. Это был запах жизни, который не менялся веками.

Аскольд был одет уже не в старомодный наряд лесного отшельника. На нём был изысканный тёмно-зелёный камзол, на котором серебряными нитями были вышиты народные узоры центрального Рюлеля. Его длинные волосы были аккуратно собраны белой лентой. Он выглядел как зажиточный купец или мелкий дворянин, решивший прогуляться.

Он остановился у лавки, заваленной диковинными фруктами. Шипастые розовые плоды, фиолетовые шары размером с кулак, золотистые груши, светящиеся изнутри.

— А вот редкость из самого Геба! — зычно кричал купец, вытирая потный лоб. — Пять лет как порт отстроили! Верфь работает день и ночь! Корабли идут караванами! Теперь и до нас диковинки доходят!

Аскольд с детским любопытством взял в руки один из светящихся плодов.

— И что это? — спросил он.

— Лунная груша! — гордо ответил купец. — Сладкая, как мёд! Говорят, в Гебе теперь жизнь ключом бьёт!

Неподалёку от них, прислонившись к стене дома, сидел бард. Он лениво перебирал струны лютни, но, услышав оживление у лавки, заиграл громче и запел:

— А я вам спою о Кровавой Царевне,О дочери Бога, чей гнев так суров!На острове дальнем, где ветер так вётер,Она покарала презренных врагов!

Аскольд замер. Он бросил барду монету. Тот ловко поймал её на лету и склонил голову в благодарном поклоне.

— Что это была за песня? — спросил Аскольд с хитрой улыбкой.

— О! — воскликнул бард, глаза его загорелись. — Я посвятил её Кровавой Царевне Тамаре! Буквально неделю назад я был приглашён графом Леонидом на Соловьиный остров, чтобы воспеть его подвиги. Но как же я был удивлён! Граф Леонид посмел оскорбить самого Хара, беспардонно вторгшись в Храм Бога Войны. И тут! Просто представьте, прекрасная Царевна Тамара появилась среди толпы этих грязных солдат и вознеслась в воздухе! Небо затянулось красным, как её глаза, и на землю рухнули сотни мечей! Они карали грешников за то, что те посмели оскорбить её Крёстного отца! Это было ужасающе и прекрасно! Я наблюдал за

этим, дрожа от ужаса и восторга, сидя в маленькой парусной лодке. И в тот момент она была подобно нимфе! Музе, что одарила меня вдохновением!

— Разве Царевна Тамара не преступница? — с той же хитрой улыбкой спросил Аскольд.

— О что вы! — Бард казался оскорблённым. — Я был пятнадцатилетним мальчишкой, когда шла война в Южных землях. Тогда все говорили, что Кровавая Царевна Тамара займёт трон. Помнится, после войны она больше не объявлялась на людях. Ходили сплетни, будто бы отец прогнал её со двора. Но как по мне — всё это чушь!

— Слухи эти распускали поклонники Священной Царевны Кристины, как я помню, — рассмеялся купец из-за прилавка.

— Так вы с ними не согласны? — вновь спросил Аскольд.

— Послушай, юнец, — Купец хлопнул Аскольда по плечу с такой силой, что Король Фей едва устоял на ногах. — Я сам был простым солдатом на войне в Южных землях, когда Царевна Тамара вела нас в бой. Совсем юная дева, но она будто бы родилась в стали, крови и огне!

— Вот-вот! — поддержал бард. — Разве не таким должен быть правитель! Она ведёт в бой и карает всех отступников!

— Я слышал слухи о Соловьином острове, — подхватил купец. — Помнится, там никто и не погиб от рук .Царевны... но солдаты из армии графа Александриты бродят по улицам и рассказывают о Царевне Тамаре, что их покарала. Поде-

лом им! Что за святотатство! Устраивать подобное в Храме Бога Войны! Глупцы! Разве Царевна Тамара могла подобное стерпеть?! Хара ведь её Крёстный отец!

— Не могли бы вы мне рассказать о годах войны? — бард с восхищением посмотрел на купца. — Я бы хотел ещё воспеть подвиги Кровавой Царевны Тамары.

— С удовольствием! — ответил купец. — Я, может, просто старый сухарь... но мне никак не понять этого культа Священной Царевны. Что толку от веры, если она ничего не даёт? Война ужасна... но вы только посмотрите на эти фрукты! В Гебе отстроили порт и верфь! Я был проездом в Шу... говорят, Царевна Тамара и там побывала! Она спасла город от эпидемии. Люди восхваляют её... а не дрожат, как рассказывает Культ Священной Царевны! Спой-ка свою балладу ещё разок!

Купец бросил барду крупную золотую монету. Солнечные лучи сверкнули в глазах Аскольда, отразившись от начищенного золота. Бард прокашлялся, его рука легко коснулась струн, и он запел:

— На сером берегу, где Храм в туман одет,Стоял граф Леонид, храня надменный бред.«Сметём отступников!» — таков был их приказ.Но из врат Хара шёл навстречу смерти час.

Три тени вышли к ним, измучены вконец,И во главе — она.Её рубин — венец.Не крикнула она, не подняла клинка,Лишь тишина её была острей штыка.

Аскольд осторожно поспешил покинул их круг. Он шёл обратно к гостевому домику сквозь толпу. Люди на площади уже начинали активно обсуждать услышанное. Голос барда заполнил площадь:

— И голос Дочери, как рокот дальних гроз,Прорвался в мир: «Вы тронули моё.За дерзость вашу, за осквернённый храмЯ прокляла вас. Бойтесь гнева Хара!».

И дрогнул свод небес, и с алых облаковНа войско Леонида рухнул дождь клинков.

Аскольд пробирался сквозь толпу. Люли стягивались к лавке купца с заморскими фруктами. Они роптали. Мелодия всё никак не заканчивалась.

— Они кричали. Но их крик был немощен и тих.Их души корчились в сетях видений злых.А Дочь Войны лишь повела усталою рукой:«Иди в свой град. Играй престол. Но бойся встретиться со мной».

Люди вспоминали слухи, прибывшие из Шу с караваном купцов. Они говорили о годах войны. О исчезнувшей Царевне Тамаре. Кто-то ставил под сомнения молитвы Святой Кристины. Их мнения расходились: кто-то шептал о «чудовище», кто-то с восторгом пересказывал балладу барда.

Аскольд слушал этот шёпот города и понимал одну простую вещь: Тамару это вовсе не обрадует.

***

Воздух в гостевом домике всё ещё был пропитан запахом остывшего чая и отчаяния, но теперь к нему примешивал-

ся новый аромат — терпкий, пряный запах душистых масел. Неделя хаоса подошла к концу, уступив место холодной, расчётливой решимости.

Тамара стояла перед старым, потрескавшимся зеркалом. Она выглядела несравнимо лучше, чем несколько часов назад. Она приняла ванну, и её кожа всё ещё хранила аромат заморских масел. Её тёмные волосы, обрезанные неровным каре до подбородка, были ещё влажными после мытья. Она не стала их укладывать или закалывать — просто провела по ним пальцами, убирая пряди с лица. На ней было одно из тех простых красных платьев, что она купила в Шу — короткое, практичное, но удивительно ей идущее. Узкие чёрные сапоги доходили до колена. Она больше не походила на измученную беглянку.

Клэр стоял рядом, спиной к ней, застёгивая пуговицы чёрного жилета поверх ослепительно белой льняной рубашки. Он сменил свои привычные походные одежды на более цивильный наряд — кожаные туфли вместо сапог, жилет вместо куртки. Он выглядел бы как столичный аристократ, если бы не едва заметная скованность в движениях.

— Ты так и не научился справляться с пуговицами? — с лёгкой усмешкой спросила Тамара. Её голос уже не был хриплым от крика, в нём снова звучали знакомые стальные нотки.

Клэр обернулся через плечо и посмотрел на неё с наигранным возмущением.

— Я отвык от всех этих бытовых вещей, пока был котом, — проворчал он. — У кошек всё проще. Потёрся о ногу — и тебя покормили.

Тамара тихо рассмеялась. Этот звук был таким редким в последние дни, что казался почти чужим. Она подошла к нему и, встав на цыпочки, убрала влажную прядь волос с его лба.

— Ты и сейчас иногда забываешь, что не можешь пролезть в щель под дверью, — поддразнила она.

Клэр ощутил кожей тепло её дыхания. Всё внутри него сжалось от восторга, и его лицо еле заметно покраснело.

В этот момент дверь домика с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель. На пороге стоял Аскольд. Он выглядел взъерошенным и взволнованным, его щёки раскраснелись то ли от быстрой ходьбы, то ли от услышанного на рынке.

— Вы не поверите, что я... — начал он с порога, но закончить фразу не успел.

Раздался робкий стук в дверь.

Тамара среагировала мгновенно. Её рука метнулась к Клэру, и их обоих окутала едва заметная дымка маскирующей магии. Теперь для любого постороннего взгляда они были просто обычными постояльцами.

В комнату заглянул хозяин дома — добродушный старик с седой бородой. Его взгляд скользнул по комнате и остановился на Аскольде.

— О! Смотрите-ка, что столица делает с людьми! — вос-

кликнул он с широкой улыбкой. — Немного приоделся и уже красавчик! Жених прям! У меня там, кстати, две дочери на выданье, познакомить? — он добродушно пихнул Аскольда в бок кулаком.

Аскольд поморщился и отстранился.

— Немного не до тебя, старик, — фыркнул он.

Хозяин перевёл взгляд на Тамару и Клэра.

— Хозяин, — вежливо обратилась к нему Тамара. — Мы сейчас собирались навестить моего отца, поэтому ужин на нас не готовьте.

Старик хитро прищурился, переводя взгляд с «невесты» на «жениха».

— Хотите познакомить с будущим тестем? В таком случае... удачи тебе, юнец! Крепись! Мой тесть меня до самой смерти терпеть не мог! — он громко расхохотался собственной шутке.

Хозяин ещё раз подмигнул Аскольду и, посмеиваясь, удалился. Когда его тяжёлые шаги окончательно затихли вдали, Тамара сняла чары.

Она повернулась к Аскольду, скрестив руки на груди. Её взгляд был прямым и требовательным.

— Ты вовремя. Мы снова собираемся брать дворец штурмом. Ты с нами?

Аскольд поправил свой новый камзол и усмехнулся, в его глазах заплясали озорные искры.

— Как можно отказаться от такого веселья?

***

Ночь в Царьграде была их союзником. Тени от дворцовых башен, словно чёрные пальцы, тянулись по мощёным улицам, скрывая три фигуры, что двигались к сердцу власти с целеустремлённостью хищников.

Тамара шла первой. Её походка была ровной, но Аскольд, шагавший рядом, видел, как едва заметно напряжены её плечи. Клэр скользил бесшумной тенью чуть позади, его взгляд безостановочно исследовал тёмные арки и ниши в поисках патрулей.

Они остановились в густой тени у массивных дворцовых ворот. Два стражника, закованные в начищенные латы, лениво переговаривались, сжимая в руках алебарды. Кажется, недавнее проникновение во дворец их ничему не научило.

— Ты бы это видела! — возбуждённо зашептал Аскольд, пользуясь моментом. — На площади! Там был бард... Он пел балладу! О том, как ты карала мечами с небес! Как ты вознеслась в воздухе! Как... как муза гнева! Люди слушали, разинув рты!

Тамара тяжело вздохнула. В этом вздохе смешались усталость и глухое раздражение.

— Это было не так уж и просто сотворить, Аскольд.

Она остановилась и повернулась к ним. В тусклом свете магических фонарей дворцовой стены её лицо выглядело изможденным.

— Благословение Хара отнимает множество сил. Моя ма-

на до сих пор не восстановилась до конца. Я чувствовала себя опустошённой.

Она подняла руку, и на её ладони на мгновение вспыхнул и погас алый огонёк

— К тому же, оно имеет множество условий. Я могу творить подобную магию лишь тогда, когда я на «войне». То есть вокруг должно быть множество «врагов». Настоящая армия. В дуэли один на один подобная магия просто не сработает. Хара ведь бог войны, а не бог битвы или поединка.

Она опустила руку и посмотрела на Аскольда с укором.

— И мне это воспевание ни к чему. Я хочу поскорее разыскать Кира, вернуться домой и... — она на мгновение замолчала и перевела взгляд на Клэра, который стоял рядом с непроницаемым лицом. — В общем, мне не особо интересно становление героиней.

Тамара лишь фыркнула, отмахнувшись от его слов. Она вышла из тени на свет, прямо перед воротами. Стражники её тут же заметили и схватились за оружие, но было уже поздно.

Раздался оглушительный скрежет металла о камень. Массивные ворота, способные выдержать удар тарана, сорвались с петель. Они медленно, словно в кошмарном сне, оторвались от креплений и плавно отлетели в стороны, открывая широкий проход. Ни один камень не упал со стены, ни один стражник не был задет. Они просто стояли, парализованные ужасом, глядя на то, как их непреодолимая преграда исчезает по воле одной лишь девушки. Путь был свободен.

— Так быстрее, — сухо прокомментировала Тамара, отряхивая ладони от невидимой пыли. — Идёмте.

Путь через дворцовый сад был на удивление тих. Там, где раньше на каждом шагу стояли патрули, теперь царила почти зловещая пустота. Но у самых дверей, ведущих во внутренние покои, их ждала группа стражников.

Десять человек. Они не спали, они были на посту. Но при виде Тамары они не схватились за оружие. Вместо этого они синхронно, словно по беззвучной команде, опустились на одно колено, склонив головы. Их алебарды со стуком упали на каменные плиты.

Из их рядов вышел старший смены. Это был мужчина с сединой на висках, его правая рука была неумело перебинтована окровавленной тканью.

— Царевна Тамара... — его голос был хриплым от волнения и боли. Он поклонился так низко, как только позволяла рана. — Мы... мы не признали вас сразу. Мы... мы слышали... Мы просим прощения за нашу слепоту. Мы готовы принять любое наказание.

Тамара даже не замедлила шаг. Она просто прошла мимо него, словно он был лишь ещё одной статуей в этом огромном дворце. Клэр и Аскольд последовали за ней, не говоря ни слова. Никто из стражи не посмел поднять на них взгляд, не говоря уже о том, чтобы преградить путь.

Они шли по знакомым коридорам, которые Тамара и Клэр помнили ещё с юности. Воздух здесь был спёртым, пах вос-

ком и пылью веков. Наконец, они остановились у той самой неприметной деревянной двери в боковом коридоре, что вела в тронный зал.

Тамара подошла к небольшому медному тазу, стоявшему на постаменте для омовения гостей тронного зала. Она медленно и методично вымыла руки, словно смывая с них пыль дороги и усталость.

— Умойтесь, — бросила она через плечо. — Мы идём к Царю.

Аскольд и Клэр молча выполнили приказ. Вода в тазу была всё такой же тёплой.

Закончив, Тамара вытерла руки о подол платья. Она не стала стучать. Она просто подошла к массивной деревянной двери и положила на неё ладонь. Раздался знакомый скрежет, но на этот раз он был тише, более контролируемым. Дверь сорвалась с петель и рассыпалась в щепки, подняв пыль.

Тронный зал был таким же, каким Тамара его помнила: огромный, холодный, с высокими сводчатыми потолками, где эхом отдавался каждый шаг. В центре, на массивном троне из камня, сидел Царь Виктор. Он был погружён в бумаги, его лицо, изрезанное морщинами, выражало крайнюю степень усталости и сосредоточенности. Всё также, как и неделю назад.

Он даже не поднял головы, когда дверь за их спинами перестала существовать.

— Так сложно просто открыть дверь? — спросил он, не отрываясь от чтения. Голос был ровным, лишённым удивления. — Толкнуть и открыть, Тамара. Не обязательно сносить её с петель. Она открывается.

Тамара прошла в центр зала. Её каблуки звонко цокали по мраморному полу. Она не кланялась, как в детстве, и не встала в позу просительницы перед троном. Вместо этого она сделала небрежный жест рукой. Тяжёлое деревянное кресло, стоявшее у стены, со скрипом проехало по полу и остановилось ровно напротив трона. Она опустилась в него, закинув ногу на ногу.

— Если я просто войду, ты же так и продолжишь сидеть над своей писаниной, — ответила она, копируя его спокойный тон. — Просто найми себе помощника. Что это?

Один из листков на столе Виктора вдруг зашевелился. Магическое перо, лежавшее рядом, взлетело в воздух, и листок, подхваченный невидимым ветром, плавно перелетел через зал и опустился в руки Тамары.

Она быстро пробежалась по нему глазами.

— Результаты налогообложения за последний сезон урожая? Серьёзно? Ты мог просто нанять человека с подходящими знаниями, который бы составил тебе подробный отчёт. Это бы сократило твой рабочий день втрое.

Виктор наконец-то отложил перо и посмотрел на дочь. В его взгляде не было гнева за сорванную дверь или за бесцеремонное поведение. Там было лишь усталое раздражение.

— Надо же какие умные мысли, — проворчал он. — Вот и занялась бы этим.

— Нет уж, — цыкнула Тамара, возвращая ему листок. — Сам тут над своими бумажками сиди.

— Я занимаюсь важной реформой, — начал оправдываться Виктор, но уже без прежнего запала. Он знал этот тон. Спорить было бесполезно. — Маль уже как двадцать восемь лет присоединён к Рюлелю, но там до сих пор используется валюта сгинувшего государства. Нужно решить вопрос с переходом.

— Даже шестилетка с этим справится, — Тамара закатила глаза и откинулась на спинку кресла. — Маль — регион северный, там с сельским хозяйством не очень. Поэтому он покупает зерно.

Она говорила быстро, чётко, словно учила экономике Кира, а не беседовала с Царём целого государства.

— Частично освободи Шу от налогов в обмен на поставку зерна напрямую в царские запасы. Часть оставляй себе на случай кризиса, а остальное продавай Маль за их старую валюту. Валюту эту переплавляй сразу же в валюту Рюлеля. Полученную валюту с издержками за перечеканку используй для покупки пушнины из Маль и продавай её на Восток. Таким образом, монеты Рюлеля практически естественным образом вытеснят монеты Маль. При этом Шу разовьёт ремесло, а у тебя ещё какая-никакая прибыль останется.

В тронном зале повисла тишина. Виктор молча слушал её.

Магическое перо само собой снова взлетело и начало стремительно записывать каждое её слово на чистый пергамент.

Царь задумчиво потёр подбородок, затем откинулся на спинку трона и посмотрел на неё с уважением, смешанным с досадой.

— Отличная идея, — наконец оценил он.

Тамара выпрямилась в кресле. Вся её расслабленность исчезла. Она подалась вперёд, её взгляд стал острым как кинжал.

— А теперь говори, — её голос был холодным и прямым, как сталь. — Где твоё чёртово сердце?

Тишина, повисшая в тронном зале после демонстрации силы, была густой и вязкой, как смола. Виктор, сидевший на троне, наконец отложил перо. Он не смотрел на обломки двери. Его взгляд был прикован к дочери, которая сидя в деревянном кресле, закинула ногу на ногу с видом наглой гостьи, а не мятежницы, ворвавшейся во дворец.

— А ты, вижу, вернула своё, — произнес он ровным голосом. В нем не было ни удивления, ни радости. Лишь констатация факта.

— Отвечай, — потребовала Тамара, не изменив тона голоса.

Виктор тяжело вздохнул. Его взгляд метнулся по залу — от невозмутимого лица Клэра до любопытного Аскольда — и вернулся к дочери. Он выглядел загнанным в угол зверем, который слишком устал, чтобы огрызаться.

— Не знаю, — наконец выдавил он.

Тамара моргнула. На мгновение её маска непоколебимости дала трещину.

— Что? — переспросила она с ноткой недоверия.

— Не знаю, — повторил Виктор громче, словно убеждая самого себя. — Это было двадцать три года назад.

Клэр раздраженно выдохнул через нос и отвернулся к разбитому дверному проему, всем своим видом показывая, что они снова в тупике. Аскольд же был почти сражен такой непринуждённостью правителя целого континента по отношению к собственному сердцу.

— Я не особо осведомлен в этом вопросе, — подал голос Король Фей, — но разве это не то, что стоило бы поберечь? Это же... сердце.

Тамара не повернула головы в его сторону. Её взгляд был прикован к отцу.

— Со стороны физиологии сердце качает кровь и потоки маны, — начала она лекционным тоном, словно отвечая на экзамене. — Орган необходимый для жизни. Магией его можно заменить, но при условии, что поток маны стабилен. Это требует невероятного контроля и большого магического потенциала. И всё же... сердце всё ещё важно. Я прикидывала варианты. Его можно использовать в качестве... скажем так, преобразователя. Если поместить сердце в определённо сложенный магический круг, то можно использовать внешнюю ману мира, преобразовывая её в источник энергии. Ар-

тефакты требуют подзарядки извне, сердце сильного мага — это что-то из разряда научного прорыва.

Она сделала паузу и добавила тише:

— Но я считаю, что данное открытие миру знать не нужно. Для людей это будет вредным уроком.

— Ты правда думала об этом? — внезапно спросил Клэр. В его голосе прозвучало искреннее удивление.

Тамара едва заметно пожала плечами.

— Когда Кир был совсем ребёнком, мне было сложно контролировать бытовую магию из-за постоянной усталости. Тогда я подумала, как бы можно было её автоматизировать. Тогда и пришла в голову эта мысль.

— Да, воспитание детей выматывает, — с горькой усмешкой подхватил Виктор.

— Тебе бы лучше помолчать, — осекла его Тамара. В её голосе не было злобы, лишь холодная усталость. — В любом случае, отец. Что это за глупый ответ? Как можно не помнить, где твоё сердце?

Виктор выпрямился на троне, его глаза сверкнули прежним огнем.

— Кто бы говорил! Сама своим одиннадцать лет не интересовалась, а теперь меня упрекаешь?

— Не переводи тут стрелки! — голос Тамары стал жестче. — Где твоё сердце?

Виктор закатил глаза и откинулся на спинку трона.

— Вот прицепилась... Какое тебе вообще дело?

— Такое! — глаза Тамары вспыхнули алым магическим светом. Воздух в зале сгустился от напряжения. — Мой многоуважаемый Крёстный отец — Бог Войны Хара — отправил за твоим сердцем моего ученика! То есть неизвестно куда!

Имя бога и упоминание ученика заставили Виктора вздрогнуть. Тень удивления промелькнула в его глазах.

— Зачем? — спросил он уже другим тоном. В нем звучала тревога. — Руслан один?

— Нет! Кир вместе с Дмитрием и Алексеем! — отрезала Тамара. — Но это не меняет факта: мой ученик неизвестно где ищет твоё сердце!

Виктор замолчал. Он медленно сложил руки на коленях и опустил взгляд. Его плечи ссутулились под невидимой тяжестью. Он погрузился в тяжелую задумчивость, словно пытаясь выудить воспоминания из глубокого омута забвения. Прошла минута. Другая.

— Когда умерла Наташа... твоя мама... — наконец начал он хрипло. Каждое слово давалось ему с трудом. — Я... не совсем помню... Мне казалось, что это всё неправда. Что она просто... упала с лестницы и умерла? Я не мог поверить... Кажется тогда я... прижимал к себе её тело несколько дней... Пока её служанка Дарья не подошла ко мне. Она была потом твоей няней... если помнишь...

Его голос сорвался.

— Дарья сказала тогда: «Так нельзя. Её нужно проводить в последний путь». Но я не мог... Я просто...

Лицо Виктора внезапно исказилось гримасой невыносимой боли. Он согнулся пополам, словно невидимый кулак сжал его лёгкие. Скрюченные пальцы вцепились в ткань камзола на груди так, что костяшки побелели.

— Отец?! — Тамара подскочила с кресла так быстро, что оно с грохотом рухнуло на пол.

Виктор не отвечал. Он хрипел, пытаясь вдохнуть воздух, которого его легкие больше не чувствовали.

— Клэр! Дай мою сумку! Живо! — велела Тамара.

Клэр среагировал мгновенно. Он уже стоял рядом, протягивая ей кожаную сумку. Тамара сунула руку внутрь по локоть, словно ныряя в бездонный колодец, и её пальцы тут же нащупали холодный стеклянный пузырёк.

Она подбежала к трону и насильно разжала челюсти отца, вливая содержимое пузырька ему в рот. Виктор дернулся, закашлялся и обмяк. Его взгляд затуманился, а затем снова стал непроницаемым и стеклянным.

Тамара внимательно всмотрелась в его лицо, держа его за плечо.

— Так ты тоже... да? — произнесла она с горечью в голосе. — Как давно?

Виктор медленно поднял на неё глаза. В них плескалась вековая усталость.

— В первый раз... когда ты закричала на меня после Южных земель... Потом — когда ты ушла... Иногда мне снятся сны о ней... Я просыпаюсь, и это происходит...

Тамара медленно кивнула, отпуская его плечо. Она достала из сумки горсть маленьких стеклянных пузырьков с зельем и положила их на подлокотник трона рядом с ним.

— Это фантомные боли, — сказала она тихо. — У меня они начались, когда Киру было где-то полтора года. То есть больше восьми лет назад. Но недавно они достигли пика... Я оставлю рецепт зелья и эти запасы. Оно поможет при приступах. Но не навсегда... Такими темпами ты скоро достигнешь своего предела без возможности вернуться назад. Тебе нужно изолировать себя от причин этих приступов.

Виктор молчал, глядя на пузырьки так, словно они были ядовитыми змеями.

— Не хочу, — наконец ответил он глухо. В его голосе не было ни злости, ни упрямства. — Нет смысла в том, чтобы просто существовать в этом тронном зале дальше... Чтобы просто быть...

Тамара внимательно посмотрела на него долгим взглядом. В нём смешались жалость, понимание и решимость. Она сделала шаг вперед, наклонилась и крепко обняла его за плечи. Виктор замер. Его тело одеревенело от шока. Он был готов ко всему: к гневу, к обвинениям, к магии. Но не к объятию дочери.

— Тогда... чтобы ты выжил... тебе нужно вернуть сердце, другого пути нет, — прошептала Тамара ему на ухо голосом полным холода и мягкости одновременно.

Виктор молчал несколько долгих секунд, уткнувшись

взглядом в её красное платье.

— Есть ли смысл в том, чтобы жить? — спросил он тихо-тихо. Так тихо, что даже Клэр едва расслышал. — Наташа умерла... Ты ушла прочь из дворца... И мой сын... которого я заставил появиться на свет по воле судьбы... оказался с тобой... Я просто корона... Фигура на троне... что заполняет эти бумаги...

Тамара отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть ему в глаза снизу вверх.

— Хочешь просто сбежать в могилу? — спросила она прямо.

Виктор вздрогнул от этих слов.

— Я уже говорила тебе в свой прошлый визит: я не собираюсь тебя винить ни в чём, — продолжила она твердо. — Кир уже рассказал мне о тайне своего рождения через Людмилу... Я почти не помнила лица мамы, но теперь поняла: мы с Киром очень похожи на неё внешне... И мы похожи на маму

Она сделала паузу:

— В появлении Кира на свет я тоже не стану тебя осуждать или винить за то решение с Людмилой. Это было логично и правильно в твоей картине мира. Без наследника государство долго не просуществует. Но даже так

Её голос стал мягче:

— Тебе есть за что отвечать. Мама умерла двадцать три года назад. Я не помню её толком, а Кир и вовсе никогда её

не знал. Мы, её кровные дети, не сможем почтить её память. А ты за двадцать три года так и не оплакал её как следует. Я думаю, она достойна большего.

Виктор смотрел в пол перед собой молча принимая слова дочери как истину, которую он сам от себя скрывал все эти годы под ворохом государственных дел реформ налогообложения за урожайный сезон среди присоединённых территорий.

— Я понимаю, у тебя совсем не осталось сил, чтобы искать своё сердце. Поэтому я и Кир, как дети, которым ты подарил жизнь, сделаем это вместо тебя, — Тамара слегка улыбнулась. — Просто... — её голос дрогнул, утратив стальную твердость, — ...просто скажи мне, что случилось с тобой после её смерти

Виктор замолчал. Его взгляд стал стеклянным, расфокусированным. Он смотрел не на дочь, не на тронный зал, а куда-то сквозь стены, в прошлое, которое он так долго и успешно забывал. Он говорил медленно, тяжело, словно каждое слово приходилось выталкивать из себя через силу.

— Это был... дождливый день, — начал он глухо. — Ты болела. У тебя был сильный жар. А Рюлелю... Рюлелю нужно было много внимания. Из-за недавно присоединённого Маля. Казна была пуста, как дырявый карман нищего. Дыры в бюджете... они сильно трепали нас.

Тамара слушала, не перебивая, но её пальцы, лежащие на подлокотнике трона, побелели от напряжения.

— Наташа... — Виктор запнулся, и его голос дрогнул. — Она постоянно заботилась о тебе. Не отходила ни на шаг. А в тот день... В тот день Людмила пришла в мой кабинет. Мы тогда ещё не переехали работать в тронный зал, помнишь? С ней была её дочь.

Он замолчал, пытаясь поймать ускользающее воспоминание.

— Мы говорили о... О чём же? Точно... Людмила говорила, что хочет получить более высокий статус. Якобы, придворные дамы её унижают. Просила за дочь. Я тогда сказал ей... что подумаю об этом после зимы. Что сейчас не время. Людмила ушла... Девочка... — Виктор нахмурился, пытаясь вспомнить. — Тогда она попросила что-то... Вспомнил! Она пожаловалась, что в Изумрудном дворце неуютно. И что она хочет в Рубиновый.

Тамара переглянулась с Клэром. Желание Кристины жить в Рубиновом дворце — там, где жила истинная наследница — теперь выглядело не просто детской прихотью, а частью куда более сложного плана.

— Я сказал ей, что это невозможно, — продолжил Виктор. — Потому что в Рубиновом живут Тамара и моя жена. Потом я закончил дела... Уже была ночь. Я был вымотан до предела. И я отправился в Рубиновый дворец. Хотел повидать тебя и Наташу перед сном.

Его лицо на мгновение исказилось мучительной гримасой.

— И потом...

Воздух в зале словно сгустился. Даже Аскольд перестал дышать.

— Наташа лежала на лестнице... — голос Виктора сорвался на шепот. — Было так много крови... Она была везде. На мраморе... на её платье... А ты... Ты сидела рядом с ней и плакала. Тихо так... беспомощно.

Виктор закрыл глаза, словно пытаясь отгородиться от этого видения.

— Дарья... Дарья забрала тебя. Унесла на руках. Прибежал лекарь. Он склонился над ней... А потом выпрямился и просто покачал головой. Он сказал... он сказал, что Наташа... Она умерла.

Он открыл глаза, но в них не было слез. В них была лишь бесконечная, выжженная пустыня боли.

— Я плохо помню, что было потом. Вроде несколько дней прошло... или недель? Время перестало существовать. Наташа... она лежала в своих покоях. Она стала холодной. Дарья подошла ко мне и сказала... что нужно Наташу похоронить. Что нельзя так... Нельзя держать её здесь.

Виктор говорил всё быстрее, словно пытаясь проскочить самый страшный момент.

— Потом тоже не помню... Всё как в тумане. Придворные поднимали шум. Говорили, что надо приниматься за дела. Что страна не может ждать, пока Царь скорбит.

Он замолчал. В тронном зале повисла гробовая тишина.

— А что с твоим сердцем? — голос Тамары прозвучал тихо и хрипло. Она уже знала ответ, но должна была услышать его из его уст.

Виктор медленно поднял руку и прижал ладонь к груди, туда, где под одеждой и плотью не билось живое сердце.

— Было больно, — прошептал он. — Так больно, что дышать было нельзя. Словно внутри меня разорвалось солнце. Тогда я его и...

Он не смог закончить фразу.

— Ты вырвал себе сердце, — закончила за него Тамара. Это был не вопрос.

— Да... — выдохнул Виктор. — Я просто подумал... что так надо сделать. Я просто убрал его... а оно...

Он запнулся, глядя на дочь с внезапным проблеском паники в глазах.

— Куда же оно потом делось? Куда... Никуда, — прошептал он сам себе.

— Как понять «никуда»? — подалась вперед Тамара.

Внезапно лицо Виктора прояснилось. Озарение было похоже на вспышку боли.

— Оно взорвалось! Точно! Взорвалось же! — воскликнул он с нотками безумия и восторга одновременно от того, что вспомнил. — Просто рассыпалось и огнями разлетелось! Так всё и было! В пыль! В прах! В осколки света!

Он бессильно уронил руку на колени и посмотрел на Тамару с усталой обреченностью человека, вспомнившего

слишком много.

Тамара положила ладонь на его руку и слегка сжала его пальцы. Она смотрела на его осунувшееся лицо, на седые пряди в волосах, которых не замечала раньше. А затем её взгляд, всё ещё влажный от эмоций, вдруг стал острым, как скальпель. Она отстранилась.

— Хорошо, что ты вспомнил хоть что-то, — произнесла она, бросив взгляд на бумаги на его столе. — Я думаю, тебе стоит немного отдохнуть сегодня.

Виктор проследил за её взглядом.

— Останься на сегодня, — внезапно попросил он. — Я ничего не менял в Рубиновом дворце.

Тамара посмотрела ему в глаза.

— Хорошо.

Она и сама не поняла, как так быстро согласилась.

Они ещё немного посидели в тишине тронного зала. И перед рассветом, расстались. Молодой слуга проводил Виктора в покои. Он держался достойно. Тамара смотрела ему вслед, а затем направилась к выходу. Клэр и Аскольд последовали за ней.

— Правда останемся? — спросил Аскольд.

— Да, — Тамара уверенно шла по коридору.

Ноги будто сами несли её в сторону Рубинового дворца. Её ученик всё ещё был непонятно где. Аскольд и Клэр продолжали следовать за ней. Они прошли через двор, усыпанным талым снегом. Воздух был влажным. Приближалась вес-

на.

Тамара подошла ко входу в Рубиновый дворец. Стражники отдали ей честь. Не как даме, а как генералу, что когда-то вёл армию. Тамара даже не бросила на них взгляда.

В Рубиновом дворце было тепло. Будто бы всё это время эти стены просто ждали её. Тамара смотрела на лестницу. На ту саму, где умерла её мать.

Обзор ей загородили несколько служанок. Совсем девочки, которым только-только исполнилось по шестнадцать. Они мялись и дрожали. Тамара лениво повернулась к ним.

— Подготовьте две спальни для моих друзей, — попросила она. — Я остановлюсь в своей старой комнате.

— Прикажите подать ужин? — спросила рыжая девчушка.

— Да, — Тамара кивнула. — Что-то сытное Только не в столовой. Там слишком много места. Лучше в библиотеку рядом с моей спальней.

Служанки кивнули и убежали. Тамара зашагала вверх по лестнице. Нужно было придумать, как искать сердце Виктора. Нужно было найти Кира. Она завернула в библиотеку и скинула красный плащ на спинку кресла. Библиотека была кристально чистой. Не тронутой. Тамара посмотрела на письменный стол. На нём лежала книга по рунам. Эту книгу она читала здесь в день своего ухода. Тамара небрежно оставила её на столе, и так она и лежала здесь все эти одиннадцать лет.

«Интересно, Кристина пыталась вновь занять Рубиновый дворец?» — подумала Тамара.

Рыженькая служанка подала чай. Она смущённо бросила взгляд на Клэра и Аскольда, сказала что-то про ужин и убежала. Тамара поставила книгу о рунах на нужное место, откуда взяла её одиннадцать лет назад.

Её руки коснулось что-то тёплое. Клэр аккуратно сжимал её пальцы, глядя куда-то в сторону окна. Тамара в ответ крепче обхватила его руку свой. Аскольд принялся за чай.

— Как ты? – спросил Клэр, не глядя на Тамару.

Тамара пожала плечами. Её глаза блестели в свете зажжённых ламп библиотеки.

Спустя час подали ужин из утки и жаренных овощей. Служанки сначала потоптались у входа, будто бы не зная совсем, как им себя вести, а затем удалились.

— Может показаться, что вся эта история нам ничего не дала, — Тамара ровным подчерком выписывала цепь событий на листе бумаги. — Но это вовсе не так. Отец, вероятно, извлёк своё сердце почти интуитивно. Обычный человек от такого умер бы, но отец идеально подходил под все категории того, кто бы мог заменить своё сердце магией. Но! Он делал это в состоянии стресса и не особо умело, при извлечении сердца, он нарушил потоки маны, что окружают сам орган.

— Потоки маны? — Аскольд держал в руках чашку с чаем.

— Смотрите! — Тамара раскрыла перед Клэром и Аскольдом анатомический атлас.

Возможно, атлас этот стоил целое состояние. На дорогой бумаге было нарисовано человеческое сердце, а на соседней странице схема его расположения в теле взрослого мужчины. Изображение было цветным и детальным.

Тамара провела пальцем по нарисованной артерии.

— В нашем мире мана есть везде. От камня на дороге до божества. Во всём есть мана. В живых существах потоки маны по своей сути совпадают с кровеносной системой, — палец Тамары продолжал скользить по бумаге. — При создании заклинаний мы выбрасываем ману из своего тела во внешний мир.

— Это основы, — Аскольд закатил глаза. — Мана — явление постоянное. Сначала мы творим магию и выбрасываем её наружу, а потом она восстанавливается внутри нас, впитывая эфир внешнего мира. По этой же причине, Клэр например не може разорвать врага по полам своим порталом. Его мана струится спиралью, образуя портал. Когда кто-то входит в него, то его мана тела идёт по этой спирали на другую сторону портала. Ну, а если Клэр поптыается создать портал сквозь другое живое существо, то потоки маны этого существа просто развалят спираль портала. Впрочем, с неживыми существами проще, потому что у камня, например, все потоки статичны.

— О, так вот почему не получалось! —искренне удивился

Клэр.

Тамара и Аскольд странно посмотрели на него.

— Не верю, — произнёс Аскольд. — Так ты действительно пытался?

— Вернёмся к делу, — Тамара постучала ногтем по бумаге. — Всё верно, Аскольд! Потоки маны есть везде, и это основы. А теперь представь сердце, как часть этой единой системы. В ней существуют кровеносные сосуды, и по ним льётся мана.

Клэр внимательно наблюдал за движениями Тамары, но в его глазах читалось всё меньше и меньше понимания её теоретических объяснений. Тамара взяла двумя пальцами маленькую ягоду брусники, которой был украшен медовик, поданный на десерт.

— А теперь смоделируем ситуацию, — Тамара внимательно рассматривала ягоду, зажатую между её большим и указательным пальцами. — Отец вырывает себе сердце, но он направляет свою ману не по контуру органа, чтобы аккуратно отсечь ткани, а билатерально — прямо сквозь него. Он создал встречный поток. Представьте реку, течение которой в один момент развернули вспять. Когда он извлек орган, внешнее давление маны и внутреннее, запертое в сердце, схлопнулись. Произошла аннигиляция потоков

Тамара сжала пальцы. Красный сок брызнул, оставив пятна на её коже.

— Сердце взрывается, — закончила она.

Аскольд восхищенно цокнул языком.

— Изящно. Жестоко, но изящно. Как идеально выверенный удар. А дальше то что?

Он отодвинул блюдце с медовиком от Тамары к себе и взялся за вилку.

— Знаешь про миазмы? — усмехнулась Тамара.

— Ну, да, — Аскольд с удовольствием уплетал медовик. — Остаточный след от магии. Но в случае с Виктором, этой магии больше двадцати лет.

— Ошибаешься, — Тамара вытерла руку о салфетку. — Эта магия работает до сих пор. — Магия отца реконструирует процесс вырывания его сердца. Это отображается траекторией магических кругов. В моём случае они были идеальными и чётко выстроенными. Моё сердце отец удалил куда бережнее, чем своё. А вот в его случае на кругах остались небольшие отметины – траектории полётов осколков его сердца.

Аскольд со звоном положил вилку на белое блюдце, на котором остались лишь крошки.

— То есть, если мы поставим Виктора в то самое место, где он вырвал себе сердце и создадим проекцию магических кругов, которые заменяют ему сердце, то мы получим карту, — подытожил Аскольд. — Логика божественна, Тамара. Ты только что превратила трагедию одного человека в карту для спасения Кира и решения наших проблем. Это... это достойно баллады

-— Я ничего не понял, но у нас есть карта, — Клэр рассматривал рисунок человеческого сердца. — Неплохо.

***

Рубиновый дворец спал. Тишина здесь была иной, чем в гостевом домике — она была густой, бархатной, пахнущей старым деревом, пылью веков и едва уловимым ароматом сухих роз, которые слуги, видимо, по привычке меняли в вазах каждый сезон. Но Тамаре эта тишина не давала уснуть.

Она лежала в своей старой спальне, глядя в темноту высокого потолка. Солнце уже медленно окрашивало небо в серй цвет. За стенами шуршали и шептались служанки, что уже приступали к работе. Балдахин над кроватью был расшит золотыми нитями, но в сером свете, пробивающемся сквозь витражное окно, узоры казались причудливыми шрамами. Комната была идеально чистой. Слишком чистой. Будто время здесь застыло, ожидая её возвращения.

В голове роились мысли. Она думала о Викторе. О его словах. О его боли. *«Я просто подумал, что так надо сделать»*.

И она думала о том, что не сказала ему. Людмила. Улыбка за веером. Взгляд, который Тамара видела в последний момент перед падением матери. Она знала. Всегда знала. Но Виктор... он был сломлен. Если сказать ему сейчас, что женщина, которой он столько лет позволял оставаться рядом, хладнокровно убила его жену... Он сорвётся. Он уничтожит всё, что осталось от его рассудка.

«Нет», — решила Тамара, переворачиваясь на бок. —

«Некоторые истины слишком опасны, чтобы служить лекарством. Я расскажу ему позже».

Воспоминания накатывали волнами. Вот Дарья, её няня, читает ей сказку на ночь. Теплые руки. Запах сдобных булочек. Частичка мамы, которая осталась с ней. А вот отец — ещё молодой, без вечной печати усталости на лице. Он заходит в детскую, хмурится, глядя на разбросанные игрушки, но потом его взгляд теплеет, и он подхватывает её на руки, кружит...

Сон не шёл. А тело требовало отдыха. Тамара была слишком измотана эмоционально, чтобы расслабиться.

Внезапно матрас рядом с ней едва заметно прогнулся. Что-то мягкое и теплое запрыгнуло на кровать. Послышались тихие, почти неслышные шаги лап по одеялу. Знакомое ощущение.

Тамара не открыла глаза. Она просто протянула руку и почувствовала, как маленькое тельце ткнулось ей в ладонь. Кошачья голова боднула её пальцы.

— Мрр? — раздалось тихое, вопросительное мурлыканье.

Тамара резко распахнула глаза и одним молниеносным движением подхватила кота на руки, крепко прижимая к груди и не давая ему шанса сбежать или возмутиться.

Клэр в облике кота издал сдавленный «Мяу!», полный крайнего изумления и возмущения. Его зеленые глаза стали размером с блюдца.

— Попался, — тихо выдохнула Тамара с облегчением.

Она зарылась лицом в его мягкую черную шерсть. От него пахло домом, безопасностью и чем-то неуловимо успокаивающим. Домом. От него пахло домом. Напряжение, копившееся весь день и вечер, начало медленно отпускать её плечи.

— Обратись человеком, — попросила она тихо, не выпуская его из объятий.

Клэр молчал в ответ. По его шерсти пробежала рябь черных искр. Воздух вокруг сгустился, и через мгновение над ней в кровати навис уже не кот, а человек. Клэр упирался руками в матрас по обе стороны от её головы, его волосы щекотали ей лоб. Он был так близко, что она чувствовала тепло его тела даже сквозь одежду и простыни.

Тамара не отстранилась. Вместо этого она одной рукой обвила его шею и притянула к себе, заставляя лечь рядом. Клэр уткнулся лицом в подушку рядом с её головой и отчаянно покраснел в полумраке.

— Останься, — прошептала она ему на ухо. Её голос дрогнул. — Не уходи... когда я усну.

— Мы же не можем... в одной кровати спать... — тихо пробормотал он куда-то ей в плечо.

Тамара хмыкнула — устало и немного горько.

— Котом ты спал со мной в кровати одиннадцать лет... Что тебя сейчас так смущает?

Клэр открыл рот, чтобы возразить, но не нашел слов. Логика была убийственной. Он просто неловко лег рядом на подушку, чувствуя себя совершенно беспомощным перед этой

женщиной.

Тамара снова уткнулась лицом ему в грудь — теперь уже не в шерсть, а в грубую ткань рубашки. Она закрыла глаза.

— Я всё решила... — прошептала она так тихо, что он едва расслышал. — Я не скажу ему... про маму... по крайней мере, сейчас

Клэр почувствовал, как ткань его рубашки на плече стала мокрой и теплой. Тамара плакала. Беззвучно, сдерживая рыдания так же крепко, как держалась за него.

Он неловко обнял её в ответ, прижимая к себе крепче. Его ладонь легла ей на затылок, пальцы зарылись в спутанные волосы.

— Спи... — прошептал он так же тихо. — Я никуда не уйду.

И впервые за долгое-долгое время Тамара позволила себе поверить этим словам всем своим возвращенным сердцем.

АКТ V: Юг. Глава 21: Верен

Воздух сгустился, пахнуло кровью, ржавой сталью и горелой древесиной, а затем мир просто... выплюнул их. Портал за спиной схлопнулся с влажным, чавкающим звуком, похожим на лопнувший мыльный пузырь. Ни ловкости, ни точности Клэра. Прочто неумелое перемещение делитанта!

Кир, Алексей и Дмитрий кубарем выкатились из пустоты на усыпанный щебнем и битым кирпичом пол. Дмитрий приземлился неудачно, проехавшись металлической рукой по камню и высекая сноп искр.

— Кошмар! — выдохнул он, лёжа на спине и глядя в потолок, сквозь дыры в котором проглядывало голубое, прозрачное небо. — Это просто катастрофа! Мы все умрём! Тамара и Клэрис просто сотрут нас в порошок! Сначала вздрючка, а потом стирание в порошок!

Кир, который упал рядом, лишь глухо застонал, уткнувшись лицом в пыльный пол.

— Это просто ужасно! — проскулил он, не поднимая головы. — Тамара лишит меня сладкого на целый год! Нет! На всю жизнь! До самой старости я буду есть только капусту! Капусту! Как козёл!

Алексей, оказавшийся самым удачливым из троицы, приземлился на ноги, выпрямился и отряхнул свой кожаный доспех от пыли. Он запрокинул голову и громко, заразительно

расхохотался. Его смех гулким эхом отразился от стен полуразрушенного здания.

— Эй! — крикнул он спутникам. — А ну собрались! Где ваш дух приключений?

— Просто помолчи! — прорычал Дмитрий, не меняя позы. — Твой дух приключений сейчас получит сапогом по роже!

Внезапно рядом с грохотом и хлопаньем крыльев приземлился Зефир. Грифон был явно раздосадован: он встряхнулся, обдав всех облаком пыли, и недовольно фыркнул. На его спине, вцепившись в жёсткую шерсть, сидела Герань.

Фея тут же спрыгнула вниз и подлетела к Киру. Она упёрла крошечные ручки в бока насколько и начала яростно жестикулировать, сопровождая это потоком возмущённого писка:

— Как ты мог сбежать из дома! Ты хоть понимаешь, как Тамара, Клэр и Его Величество о тебе переживали?!

— Да-да, я знаю, — обречённо вздохнул Кир, поднимая голову. — Я ушёл из дома. Я очень-очень плохой ученик. Она меня убьёт.

Внезапно в глубине здания, из темноты, куда не доставал тусклый свет с улицы, раздался голос. Он был глубоким, мощным и совершенно не вязался с окружающей разрухой.

— Я дал вам немного времени отдышаться, а теперь пора исполнять обещание.

Все четверо замерли. Дмитрий медленно сел, его лицо

стало серьёзным. Алексей положил руку на эфес меча. Из густой тени между двумя рухнувшими колоннами что-то двинулось. Что-то маленькое и... пушистое.

Оно вышло на свет и остановилось, с любопытством глядя на них чёрными бусинками глаз.

— Это морская свинка? — с детским восторгом в голосе спросил Дмитрий, мгновенно забыв про панику.

Он подался вперёд, его суровое лицо разгладилось от удивления.

— Определённо, это морская свинка, — спокойно кивнул Алексей, присаживаясь на корточки, чтобы лучше рассмотреть зверька.

Пушистое создание тяжело вздохнуло совсем по-человечески и село на задние лапки.

— Вот, блин, — произнёс голос Хара, исходящий из маленького тельца. — Хотел же в волка превратиться. Не получается у меня с этими перевоплощениями. Это Лёль у нас в таком мастерица.

Морская свинка сделала несколько неуклюжих шажков вперёд, но тут же остановилась.

— Ох, устал, — пожаловалась она. — Лапы короткие.

Кир, который всё это время наблюдал за происходящим с открытым ртом, наконец пришёл в себя. Он осторожно подполз к зверьку и взял его на руки. Свинка даже не сопротивлялась.

— А вы не можете попробовать во что-то другое пре-

вратиться? — с искренним любопытством спросил мальчик, разглядывая божественного грызуна.

— Не могу, — ответила свинка голосом Хара. — Моё основное тело спит. Я много сил на вас в этом лабиринте потратил, знаете ли. А теперь... — зверёк повернул голову и посмотрел Киру прямо в глаза. — Пора искать сердце твоего отца. Или деда... Как лучше сказать-то? Сложная у вас семейка. Короче, потопали за сердцем Виктора! И покорми меня! Есть хочу!

***

Свинка-Хара, сидя на руках у Кира, с громким хрустом дожевывала салатный лист, который Алексей, порывшись в сумке, нашел для божества. Дмитрий все еще смотрел на зверька с плохо скрываемым детским восторгом, словно боялся, что тот сейчас исчезнет.

— Это Храм Велеса, — деловито пояснил Хара, вытирая пушистую усатую морду лапкой. — Сам старик сейчас в отлучке. Но уже скоро должен вернуться. Сезон урожая на носу, а он такие вещи не пропускает.

— Велес? — переспросил Алексей, его единственный глаз прищурился, словно что-то вспоминая. — Бог скота и полей?

— Он самый, — кивнула свинка. — Древний, как сами горы. Гораздо старше меня и остальных из Пантеона. Но при этом он... странный. И удивительно добрый. Бродит себе по полям, играет с овцами в загонах, пробирается в амбары,

чтобы проверить, не завелись ли мыши. Добрейшей души старикан.

Хара вздохнул.

— Он позволил мне воспользоваться его храмом для перемещения. Сказал, что раз уж я все равно «вечно воюю», то могу иногда и его «тихую гавань» использовать для своих целей.

Кир, который до этого внимательно слушал, вдруг спрыгнул со спины грифона Зефира, оставив морскую свинку на его голове и подошел к полуразрушенному входу в храм. Он глубоко поклонился, коснувшись ладонью земли.

— Эй, ты чего? — пискнул Хара.

— Ну-у... — протянул Кир, выпрямляясь. Его щеки слегка покраснели от смущения. — Мы ведь потревожили дом дедушки Велеса. Я хочу отдать ему уважение и благодарность. К тому же... получается, я за многое должен быть ему благодарен... Если он бог урожая и скота... В конце концов, я всегда жил сытой жизнью.

В воздухе повисла тишина. Даже Дмитрий перестал улыбаться, глядя на мальчика с немым уважением. Алексей одобрительно хмыкнул.

Свинка-Хара уставилась на Кира своими черными глазками-бусинками и издала звук, подозрительно похожий на смешок.

— Интересный ты ребенок, — пробормотал бог войны.

Внезапно морская свинка застыла. Хара понял как жадно

на него смотрел всё это время грифон. Зефир хищно облизнулся.

— Даже не думай, зверь, — пригрозил ему Хара.

Но грифон скинул его с хохолка, а затем бросился в погоню за добычей. Морская свинка ловко скакала меж травы, крича и ругаясь:

— Уберите это чудище немедленно! Кир! Объясни ему, что я не еда!

Хара запрыгнул на руки Кира и зарылся в его одежде. Кир жестом остановил грифона. Зефир послушно сел, виляя хвостом.

— Нельзя, — Кир покопался в сумке и бросил грифону вяленое мясо.

Зефир поймал угощение на лету и махом проглоти, а затем вновь уставился на Кира, ожидая, что следующим в пасть к нему полетит Хара.

— Это не еда, — Кир вытянул вперёд, вырывающегося Хара.— – Это наш друг. И ты наш друг. Вам надо дружить. Ясно?

Грифон виновато опустил морду. Кир передал Хара в руки Дмитрию, который наконец-то получил шанс потискать пушистика, а затем погладил Зефира по голове.

— Я понимаю, что ты хищник, и для тебя естественно хотеть съесть мышь

— Я морская свинка! — возмущенно поправил Хара.

— морскую свинку, — Кир бросил на существо усталый

взгляд, а затем вновь повернулся к Зефиру. — Но попробуй, пожалуйста, потерпеть пока мы не закончим искать сердце Царя Виктора.

Грифон прогладился в ответ о руку Кира, и тут же получил ещё кусок вяленного мяса. Алексей с интересом наблюдал за всей этой сценой. За годы службы в гвардии ему так и не удалось приручить грифона, Кир же справился с этим в свои десять лет чуть ли не играючи. Это вызвало у Алексея улыбку. Он прикрыл свой единственный глаз и подошёл ближе.

— Если я правильно помню, храм Велеса находится недалеко от Верена. Давайте отправимся туда. Нужно пополнить запасы и передохнуть, — сказал он, погладив Кира по голове.

— Погодите, — Хара подал голос из рук Дмитрия, который с явным наслаждением чесал ему животик. — Ты сказал, ему потерпеть, пока мы не закончим искать сердце Виктора. В смысле потом ему можно меня сожрать?!

***

Они шли по грунтовой дороге прочь от храма. Снег здесь уже почти полностью сошел, обнажив черную, влажную землю, и первая робкая зелень уже пробивалась сквозь пожухлую траву. В воздухе пахло ранней весной, сыростью и сладостью почек деревьев.

Алексей шел впереди, его механическая нога оставляла четкие отпечатки на размякшей дороге. Он уверенно вел от-

ряд.

— Верен – это исторические южные границы Рюлеля, он был самым южным городом до присоединения Южных земель, — бросил он через плечо. — Он крупный и люди там живут в основном, сельским хозяйством.

— Город? — оживился Кир. — Значит... там будет еда? Нормальная еда? Не вяленое мясо? Типа там молоко, яйца, овощи?

Дмитрий, который шел сзади, мрачно хохотнул:

— Только не вздумай там объедаться. А то Тамара не только сладкого лишит, но и ужина.

— Верен — хороший город, — неожиданно подал голос Хара из-за пазухи Кира, куда мальчик переложил его для удобства. — Спокойный. Велес присматривает за ним. Там можно будет перевести дух и... — он снова захрустел чем-то, нашел в кармане Кира семечко, — ...и найти первый осколок сердца Виктора.

Команда двинулась в сторону города. Впереди их ждала неизвестность нового приключения, но сейчас у них была цель — Верен. И это было уже что-то.

Путь от храма Велеса занял несколько часов. Лесная дорога сменилась просёлочной, а затем и вовсе вывела их на открытое пространство. Странная компания из двух ветеранов, ребёнка и живности, состоящей из морской свинки, грифона и маленькой Герани, что уснула в кармане Кира, вышла из пролеска, и все они дружно замерли, поражённые от-

крывшимся видом.

Перед ними раскинулись бескрайние поля, уходящие за горизонт. Воздух здесь был густым, пах влажной землёй и свежим навозом. По полям, словно муравьи, сновали человеческие фигурки. Кто-то шёл за плугом, который тянула пара волов, кто-то вручную разбрасывал зерно из больших корзин.

— Посевы, — тихо пробормотал Кир, вспоминая уроки Тамары. — Моя наставница рассказывала о севообороте... Но здесь... здесь это куда масштабнее.

Алексей, шедший впереди, остановился и указал рукой вдаль.

— Смотрите.

На горизонте возвышалась гигантская серая круглая стена, обносившая город. Это была не хлипенькая стена города Шу, которую Киру приходилось созерцать раньше, монументальное сооружение из грубо отёсанного камня и обожжённого кирпича. Даже отсюда было видно, что она не была монолитной: в некоторых местах шли строительные работы, поднимались клубы пыли — рабочие ремонтировали кладку.

— Великая Южная Стена, — с ноткой уважения в голосе произнёс Алексей. — Её начали строить около четырёхсот лет назад. Тогда в Южных землях правили не города-государства, а дикие кочевые племена. Они приходили из степей, грабили деревни, угоняли скот. Жители Верена и близлежа-

щих селений решили, что с них хватит. Так появилась она. С тех пор при появлении угрозы, будь это война или большой набег монстров, все жители Верена и округи прячутся за стенами. Да, поля они не спасают, но пока живы люди, которые могут их обработать вновь, это не страшно. Войны заканчиваются, монстры уходят, а земля остаётся здесь.

Они подошли ближе. Кир с детским восторгом разглядывал циклопическое сооружение. Он видел рабочих на лесах, слышал их крики и стук молотков. Это была не просто стена. Это был символ труда и воли тысяч людей.

— Отсюда и началась та война, — неожиданно глухо произнёс Дмитрий. Он шёл чуть позади, его взгляд был устремлён на крепостные башни, видневшиеся за стеной. — Нут и Шу объединились и напали на эти крепости. Хотели откусить кусок от плодородных земель. Южный регион почти не знает бед, кроме монстров. Те регулярно устраивают набеги на поля, поэтому здесь стоят самые крепкие Легионы Стражи.

Он замолчал на секунду, а затем добавил тише:

— Именно здесь я... мы... потеряли Алексея.

Дмитрий с немым укором посмотрел на старшего товарища. Алексей ответил ему виноватой улыбкой.

Кир же повернулся к Алексею, в его красных глазах горело любопытство:

— Вы так много знаете об этом месте.

Алексей усмехнулся, и в его единственном глазу мелькну-

ла тёплая искра.

— Ну, так я же здесь родился.

— Правда? — Кир был поражён. — А ваша семья? Они всё ещё здесь?

Алексей кивнул, его взгляд стал мягче, обращаясь к воспоминаниям.

— Мои отец и матушка были простыми крестьянами. И, честно говоря, не особо радовались, когда их младший сын взялся за меч вместо плуга. Мои братья и сёстры остались здесь, продолжили их дело. Растят хлеб, как и сотни лет до них.

Он сделал паузу.

— Я же сначала подался в местную Стражу, а потом отправился в Маль. Там я познакомился с Царём Виктором. Он позже помог мне продвинуться по службе... И я стал капитаном Гвардии. До Дмитрия.

Кир слушал, затаив дыхание. История оживала перед его глазами.

— Неужели? — выдохнул он. — И каким был Царь Виктор тогда?

Алексей задумчиво посмотрел на стену, словно видел сквозь неё события тридцатилетней давности.

— Тамара когда-то тоже спрашивала, — ответил он с лёгкой улыбкой. — Что я могу ответить? Он был влюблённым по уши юнцом. Влюблённым в Царицу Наташу.

— Ого... Вот оно как было...

Кир посмотрел на суровый профиль Алексея, а затем перевёл взгляд на величественную стену. История его родителей — та самая Наташа и Виктор — казалась ему сейчас чем-то из другой жизни. Не то чтобы ему было неинтересно... Просто он до этого ещё не дорос. Сейчас его больше волновали стены города и обещание нормальной еды.

Они вошли в город через массивные ворота. Под их сводами гулко отдавались шаги и цокот когтей Зефира по камню. Воздух здесь пах иначе: дымом очагов, свежим хлебом и кислым молоком. Со стен за ними следили десятки пар глаз — легионеры на посту не дремали.

Верен встретил их шумом, гамом и смехом. Это был город, построенный не из холодного камня, а из тёплого, пахнущего смолой дерева. Дома здесь были в основном одноэтажные и двухэтажные, с резными наличниками и покатыми крышами. Город кипел жизнью.

Взрослых на улицах было на удивление мало — все они сейчас трудились в полях, готовя землю к новому сезону. Зато город принадлежал молодёжи. По улицам сновали стайки подростков, в воздухе царила суматоха подготовки к чему-то грандиозному.

— Смотрите! — Кир указал на старую липу, ветви которой были сплошь увиты разноцветными лентами. Подростки, смеясь, карабкались по приставным лестницам, развешивая украшения. Девочки внизу плели венки из первых полевых цветов.

— Город готовится к празднику Весны, — с ноткой ностальгии произнёс Алексей. Он шёл уверенно, явно узнавая родные места. — Здесь его отмечают с особым размахом. Так они доедают последние запасы с прошлого года, чтобы те не испортились, и делятся ими друг с другом... и со всеми путниками.

Кир жадно сглотнул слюну, услышав про запасы.

— Но главное, — подхватил Дмитрий, с интересом наблюдая за шумной толпой молодёжи, — этот праздник важен для юношей и девушек. Говорят, что пары, созданные на весеннем празднестве, самые крепкие. Здесь они знакомятся, узнают друг друга, а к осени уже женятся. К следующей весне многие уже готовятся стать родителями.

Алексей кивнул:

— У крестьян всё просто и практично. Понравилась девушка — женился и завёл с ней детей. Не то что у знати с их интригами и долгими ухаживаниями.

— И котом одиннадцать лет притворяться не надо, — внезапно, с абсолютно каменным лицом, добавил Дмитрий.

Кир не выдержал и прыснул со смеху. Алексей, прикрыв свой единственный глаз ладонью, тихо затрясся от хохота. Даже Хара в кармане Кира завозился, пытаясь понять причину веселья.

— Эй вы! Чурбаны! — раздался писклявый голос бога войны. Он высунул усатую морду из кармана и возмущённо уставился на людей. — Вы просто не понимаете глубины

чувств этих двоих! Моя дорогая Крестница прекрасна, она само воплощение стихии, хоть и неловка в любви! А мальчишка Лёль... он нежен в своих чувствах настолько, что был готов даже котом притворяться! Их любовь вам не роман пастушки и конюха!

— Зато пастушка и конюх говорят друг с другом открыто, — тут же подковырнул Дмитрий, подмигнув Алексею.

Хара фыркнул так сильно, что из его ноздрей едва не полетели искры.

— Может быть, я не Лёль, чтобы о красоте и простоте любви рассуждать! — огрызнулся он. — Потопали! Есть хочу! И вообще! Вам двоим престарелым холостякам вообще бы ртов не открывать!

— Сказал тот, кто перед своей возлюбленной нормально извинится не может, — Кир определённо попал в цель.

Хара вновь возмущённо фыркнул.

— Так! Это другое! — воскликнул грызун. — Я кому сказал топать! Вперёд-вперёд, человечишки!

Смеясь и перешучиваясь, они направились к центру города, откуда доносился самый аппетитный запах жареного мяса и свежего хлеба — в сторону постоялого двора.

Постоялый двор «Пьяный Бык» встретил их волной тепла, запахом жареного мяса, свежего эля и крестьянского пота. Это было приземистое деревянное здание с покатой крышей, из трубы которой валил густой дым. Внутри стоял такой гул, что Кир на мгновение замер, оглушенный.

— За мной, — скомандовал Алексей, уверенно лавируя между столами, заставленными деревянными кружками и тарелками.

Им повезло: в углу нашелся свободный стол, достаточно большой, чтобы вместить всю их странную компанию. Зефира пришлось оставить у входа, где ему тут же поставили на пол огромную миску с дымящимся тушеным мясом. Грифон принялся за еду с урчанием, от которого дрожали кружки на соседних столах.

Кир, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на лавку. Перед ним тут же материализовалась тарелка с густым рагу из кабачков, картофеля и моркови с щедрыми кусками говядины. Рядом легла деревянная плошка со свекольным салатом и, венец всего, огромная сырная булка, от которой шел умопомрачительный пар.

— Ешь, — усмехнулся Алексей, видя голодный блеск в глазах мальчика. — Но не торопись, а то плохо станет.

Совет пропал втуне. Кир набросился на еду с яростью оголодавшего волчонка. Он ел так, словно это была его первая и последняя трапеза в жизни. Ложка мелькала с бешеной скоростью.

Дмитрий, сидевший напротив, только хмыкнул и покачал головой:

— Тамара его не только сладкого лишит, но и ужина на месяц вперед. Смотри, как бы тебя не стошнило прямо на стол.

Алексей лишь молча наблюдал за этим пиршеством с добродушной улыбкой. Его механическая нога глухо стукнула о пол, когда он сменил позу.

В это время Герань, испугавшись шума и обилия людей, юркнула в сумку Кира и теперь осторожно выглядывала оттуда, грызя маленькое сдобное печенье, которое мальчик ей предложил.

На столе, прямо между тарелок, восседал Хара. Он с громким хрустом грыз морковку, которую ему принесла подавальщица, очарованная «диковинным зверьком». Что удивляется? Морские свинки в Верене не водились.

Тарелки Кира пустели с пугающей скоростью. Он уже доедал булку, вытирая жирные руки о штаны.

К их столу подошел хозяин постоялого двора. Это был мужчина средних лет, высокий и худощавый, с небольшой козлиной бородкой и цепким взглядом человека, который привык оценивать гостей с первого взгляда. Он окинул странную компанию профессиональным взглядом: два прожженных жизнью воина, один из них явно аристократ или командир, ребенок с красными глазами и звери... а потом его взгляд упал на морскую свинку, нагло сидящую на столе.

— А вы тут у нас надолго? — спросил он, пытаясь скрыть любопытство за маской вежливости.

Алексей повернул голову. На его губах играла легкая, ностальгическая улыбка.

— Матвей? — тихо спросил он.

Хозяин замер. Улыбка медленно сползла с его лица. Глаза расширились. Поднос с пустыми кружками, который он держал в руках, выскользнул из пальцев и с грохотом рухнул на пол. Кружки разлетелись вдребезги, но никто из посетителей даже не обернулся — слишком шумно было в зале.

— Алексей? — голос Матвея дрогнул. Он побледнел так, что его бородка стала казаться еще чернее на фоне белой кожи. — Но ты же... ты же...

— Мертв? — закончил за него Алексей, вставая из-за стола. Его единственный глаз смотрел на брата с теплотой и виной. — Как видишь, слухи о моей смерти были сильно преувеличены.

Матвей молчал секунд десять. В его голове явно шла титаническая работа по переосмыслению реальности.

— Матвей... — начал Алексей, делая шаг к брату. — Я могу все объяснить...

— Объяснить?! — голос Матвея сорвался на фальцет. — Ты можешь объяснить?! Ты тринадцать лет был мертв! Мать выплакала все глаза! Отец поседел! А ты можешь... объяснить?!

В зале повисла тишина. Все посетители уставились на странную сцену в дальнем углу.

— Я... — Алексей виновато опустил голову. — Я не мог вернуться раньше. Это... долгая история.

Матвей глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Он посмотрел на брата, на его шрамы, на механическую ногу...

и гнев в его глазах сменился чем-то другим. Облегчением? Усталостью?

— Ладно... — выдохнул он наконец. — Ладно. Не здесь. И не сейчас.

Он обвел взглядом компанию за столом: Дмитрия, который невозмутимо пил эль; Кира, который наконец-то отложил ложку и сидел тише воды; грифона у входа; морскую свинку на столе...

— Вы идите наверх. Вторая комната слева по коридору — ваша. Я распоряжусь насчет горячей воды.

Алексей благодарно кивнул.

— Спасибо, брат.

Комната была простой, но чистой: две кровати, стол у окна и запах свежего дерева, смешанный с ароматом сушёных трав, пучки которых висели под потолком. Это был запах покоя, которого Кир не чувствовал уже очень, очень давно.

Дмитрий, не говоря ни слова, проверил окно, дверь и, удовлетворённо хмыкнув, начал стаскивать с себя сапоги и плащь. Он двигался с механической точностью человека, привыкшего быть готовым к нападению в любую секунду. Он устало отстегнул свою механическую левую руку. Кир уже догадался, что за возможность иметь замену руки приходится платить расходом маны.

Мальчик, едва сняв плащ, рухнул на ближайшую кровать. Матрас был не соломенным тюфяком и не жёсткой землёй в лесу, а настоящим, мягким, набитым чем-то упругим. Он

утонул в нём с блаженным стоном.

— Я дома... — пробормотал он в пустоту, уже чувствуя, как тяжелеют веки.

— Ты в трактире, — флегматично поправил его Дмитрий, который уже сидел на своей кровати в одних штанах и рубахе. — Но да, после скитаний в лесу и лабиринтам богов это почти одно и то же.

— Слушай, Дмитрий, — Кир перевернулся на спину. — А ты магией совсем не пользуешься, да?

— Не то, чтобы, — Дмитрий отложил механическую руку. — Просто мана у меня слабоватая на выходе.

Он раскрыл ладонь, в которой лежало маленькое бело пёрышко вылетевшее из подушки. Перо заискрило серым, и обратилось малышом воробьём. Птица подлетела к Киру и уселась на спинку кровати.

— Единственное, что я усвоил из магии, — усмехнулся Дмитрий. — Другого не умею.

Кир устало рассматривал воробья. Его веки становились всё тяжелее.

— Красивая магия — произнёс мальчик и засопел.

Он уже спал, свернувшись калачиком и подложив руку под щёку. Его сон был глубоким и безмятежным. Впервые за долгое время ему не снились ни монстры, ни гнев Тамары.

Дмитрий посмотрел на спящего мальчика, и на его суровом лице промелькнуло что-то похожее на нежность. Он встал, бесшумно подошёл к Киру и укрыл его тяжёлым шер-

стяным одеялом до самого подбородка. Затем так же тихо вернулся к своей кровати и через минуту сам провалился в сон.

Внизу, в общем зале таверны «Пьяный Бык», разговор двух братьев был в самом разгаре. Алексей сидел за столом напротив Матвея. Перед ними стояли две кружки с элем, к которым почти не притронулись.

— Значит, ты теперь капитан гвардии? — Матвей всё ещё не мог прийти в себя. Он смотрел на брата так, будто боялся, что тот исчезнет, если моргнуть.

— Бывший капитан, — поправил Алексей. — Теперь я... скажем так, вольный наёмник при особом поручении. В общем, я был повышен до жреца при храме.

— И это поручение — вот это? — Матвей кивнул в сторону стола, где Хара доедал уже вторую морковку. Морская свинка проигнорировала его взгляд, сосредоточенно умывая мордочку лапками.

— Это... сложно объяснить. Скажем так: судьба Рюлеля зависит от того, найдём ли мы одну очень важную вещь.

Матвей тяжело вздохнул и потёр переносицу.

— Ты всегда был таким. Даже когда мы были детьми и ты сбежал из дома в городскую стражу, ты говорил о долге так, будто это что-то осязаемое. Будто это важнее семьи.

— Прости, — голос Алексея был тихим и искренним. — Я не мог вернуться. Тогда, мне даже двух маленьких дорогих мне детей пришлось бросить.

— А сейчас? Ты ведь понимаешь, что отец... он не простит тебя так просто. Он похоронил тебя, Алексей. Дважды.

— Я знаю. И я готов к этому разговору. Но сначала — дело.

Снаружи доносился лишь приглушённый смех гуляк с соседней улицы. Внутри же повисла тишина, густая и звенящая. Матвей смотрел на брата. На шрам, пересекающий глаз. На механические ноги. На человека, которого он похоронил тринадцать лет назад.

— Значит... ты теперь жрец? — наконец спросил он, пытаясь найти хоть какую-то опору в этом новом, незнакомом Алексее.

— Что-то вроде того, — уклончиво ответил тот.

— И... эти люди с тобой? Тот суровый капитан и... мальчик? Он твой?

— Дмитрий — мой старый товарищ. А Кир... — он на мгновение замялся, подбирая слова, которые будут понятны брату. — Он ученик моей ученицы. И её Крёстный отец попросил меня за ним присмотреть.

Матвей внимательно посмотрел на него, ожидая продолжения. Но его не последовало.

— И всё? — в голосе старшего брата прозвучала нотка обиды. — Ты возвращаешься из мёртвых после тринадцати лет и говоришь мне про «учеников» и «крёстных отцов»? Ты не можешь рассказать мне больше?

Алексей вздохнул и посмотрел брату прямо в глаза. В его

взгляде была бесконечная усталость.

— Могу, Матвей. А нужно? Твой мир — кружки с элем и гости в трактире. Мой... мой теперь другой. Если я расскажу тебе всё, ты больше никогда не сможешь спать спокойно.

Матвей открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. Он увидел в глазах брата не упрямство, а глухую стену. Алексей уже принял решение за них обоих.

— Ты всегда был таким, — горько произнёс Матвей. — Решал за всех.

— Я просто родился под своей звездой, — тихо ответил Алексей.

Он подхватил кружку с элем со стола. Вкус был таким же как в его юности. Ему показалось очень приятным это маленькое постоянство. Где-то над их головами крепко спали Кир и Дмитрий. Алексей думал о Верене, о скором празднике Весны. А ещё о своих учениках, которые, как он был уверен, сейчас были в абсолютном бешенстве.

***

Выйдя из «Пьяного Быка», они окунулись в атмосферу города, который гудел, как растревоженный улей. Верен готовился к празднику Весны. Это чувствовалось во всём: в запахе свежей краски, которой обновляли ставни, в звуках молотков, доносившихся с площади, где сколачивали помосты для танцев, в смехе детей, с визгом носящихся по улицам.

Солнце, наконец, пробилось сквозь тучи, и его лучи заиграли на вымытой мостовой. Город казался вычищенным и

нарядным, словно хозяйка перед приходом важных гостей.

— Может, хочешь поиграть с детьми? — неожиданно спросил Дмитрий.

Он кивнул в сторону стайки мальчишек, которые, вооружившись деревянными мечами, устроили шуточную битву у колодца. Их звонкие голоса и беззаботный смех разносились по улице.

Кир проводил их взглядом. На мгновение в его глазах мелькнула тень зависти — простой, детской зависти к нормальной жизни. Но она тут же погасла.

— Нет, — тихо, но твёрдо ответил он. — Я хочу домой.

В его голосе не было капризов. Это была констатация факта. Домом для него теперь был не этот чужой город, а Лес Фей. Место, где была Тамара. Где был Клэр.

Кир коснулся своей метки, скрытой под пластырем, что когда-то дала ему Тамара. Он жил с ней так просто. Всегда. Как с родинкой живёт любой другой человек. Но всё же Кир помнил Шу. Может, позже, люди в нём и поменяли мнения, но если та ситуация повторится, она станет просто задержкой на пути. Задержкой на пути Кира домой. К Тамаре, Клэру, Аскольду, русалкам, феям, дриадам, гномам и троллям.

Алексей, шедший чуть впереди, услышал его слова и едва заметно кивнул. Он понимал мальчика как никто другой. У него было два дома: один — этот, с запахом эля и свежего хлеба, а второй — там, где долг и война.

В этот момент Хара, сидевший на плече Дмитрия и до-

едавший найденное где-то яблоко, резко дёрнулся.

— Стоп! — пискнул он. — Туда! Магия! Там что-то есть!

Божественный грызун вытянул лапку, указывая на узкий переулок между двумя домами. Переулок выглядел грязным и заброшенным: бочки с мусором, покосившийся забор.

— Ты уверен? — Алексей с сомнением посмотрел на свинку. — Это больше похоже на тупик для вывоза помоев.

— Я — Бог Войны! — возмутился Хара, чуть не подавившись яблоком. — Я чую потоки маны лучше, чем ты запах эля! Осколок там! Я чувствую след... он похож на тот взрыв. Нестабильный, рваный.

Дмитрий аккуратно снял Хара с плеча и посадил себе на ладонь.

— Ну что ж, — хмыкнул он. — Если наш пушистый компас говорит «помойка», значит, идём в помойку.

Они свернули в переулок. Праздничный шум города мгновенно стих, сменившись гнетущей тишиной и запахом сырости. Верен показал им своё другое лицо — не нарядное и улыбающееся, а скрытое и грязное. Но именно там, в тени, их ждала первая зацепка.

Они свернули в переулок, и праздничный шум Верена мгновенно стих, сменившись гнетущей тишиной и запахом сырости. Здесь город показывал своё другое лицо. Это был мир узких проходов, покосившихся заборов и бочек с мусором, ждущих вывоза. Под ногами хлюпала грязь, а в тёмных углах, попискивая, разбежалась стайка крыс, прервав-

шая свою грызню при виде чужаков.

— Тьфу ты, мерзость, — пробормотал Дмитрий, брезгливо глядя на жирных грызунов, скрывшихся в щели между камнями.

— Не отвлекайтесь, — пискнул Хара с плеча Алексея, куда он пересел после того, как Дмитрий в переулке едва не споткнулся о ржавое ведро. — Магия! Она пульсирует... там!

Божественный грызун вытянул лапку, указывая не на стену или подвал, а на свет. В конце этого грязного, вонючего коридора виднелся яркий прямоугольник — выход в другой двор. Свет был неестественным, он словно просачивался сквозь саму реальность, окрашивая края проёма в багровые тона.

— Это оно, — тихо сказал Алексей.

Они ускорили шаг и вышли на свет. Он на мгновение ослепил их, заставив зажмуриться. Когда глаза привыкли, они увидели, что стоят в небольшом, идеально чистом внутреннем дворике. Он был вымощен гладкими плитами, а в центре стоял старый колодец, увитый первыми весенними цветами. Это место казалось оазисом спокойствия, отрезанным от суеты города и грязи переулка.

У колодца, спиной к ним, сидела девочка. На вид ей было лет десять-одиннадцать. Её простое платье было чистым, а тёмные волосы аккуратно заплетены в косу. Она была полностью поглощена своим занятием: сосредоточенно и ловко плела венок из полевых цветов, которые лежали рядом с ней

на тряпице. В её руке был зажат небольшой багровый камешек, который она то и дело подносила к глазам, словно любуясь им, а затем возвращала к работе.

Вокруг было тихо. Все звуки праздника доносились откуда-то издалека, из-за стен. Здесь время словно остановилось.

— Этот камешек... — прошептал Хара. Его голос дрогнул от волнения. — Это он. Осколок. Я чувствую его ритм.

Кир сделал шаг вперёд раньше, чем Алексей или Дмитрий успели его остановить. Он действовал интуитивно, движимый простым детским любопытством и важностью их миссии.

— Привет! — окликнул он девочку.

Она не отреагировала. Лишь продолжила увлечённо плести свой венок в полной тишине.

Кир подошёл ближе и осторожно коснулся её плеча. Девочка вздрогнула всем телом и резко обернулась. В её глазах плескался первобытный испуг. Она прижала венок и камешек к груди, словно защищаясь.

— Прости! — тут же воскликнул Кир, отшатнувшись. — Я не хотел тебя пугать! Мне просто... мне очень нужен этот камешек!

Он говорил быстро и сбивчиво, но девочка лишь смотрела на него с тем же испуганным непониманием. В её взгляде не было ни агрессии, ни злости — только растерянность.

Внезапно её взгляд метнулся вниз, на землю у их ног. Она быстро наклонилась, подняла с земли короткую палку и на-

чала что-то чертить на песке, которым были присыпаны плиты.

Кир и остальные подошли ближе.

На песке было написано: *«Прости, я тебя не слышу»*. Рядом с надписью она нарисовала ухо и перечеркнула его крест-накрест.

А потом она подняла голову и улыбнулась. Это была робкая, извиняющаяся улыбка человека, привыкшего к тому, что его недуг вызывает неудобство у других.

Кир замер. Он почувствовал, как к щекам приливает горячая волна стыда. Он всё понял. Он был бестактен не только потому, что напугал её, но и потому, что требовал что-то от человека, который не мог ему ответить.

Он взял палку из её рук. Его пальцы коснулись её ладони — тёплой и немного шершавой.

Он стёр старую надпись и начал писать свою:

«Привет. Меня зовут Кир. Прости, что побеспокоил тебя. Мне очень нужен твой камешек».

Алексей и Дмитрий стояли за спиной Кира и молча наблюдали. На их суровых лицах читалось удивление и что-то похожее на гордость.

Девочка прочитала. Несколько секунд она смотрела на надпись, потом перевела взгляд на Кира. В её глазах больше не было страха. Там был только спокойный интерес. Она не стала спрашивать «Зачем?». Она просто кивнула, словно понимая важность его просьбы, разжала пальцы и протянула

ему багровый камень.

Кир принял его с величайшей осторожностью. Камень был тёплым на ощупь. Но что-то не давало ему уйти просто так. Он чувствовал необходимость сделать что-то взамен.

Его взгляд упал на небольшую деревянную дощечку, прислонённую к колодцу — возможно, кто-то оставил её здесь для игр или как крышку. Рядом валялся простой грифельный карандаш.

Идея пришла мгновенно. Кир достал из своей сумки маленький нож и аккуратно заострил кончик карандаша. Затем он прикрыл глаза и зашептал слова заклинания — одно из первых бытовых заклятий, которым его учила Тамара для заточки перьев. Карандаш в его руках засветился мягким золотым светом.

— Что ты делаешь? — тихо спросил Алексей.

— Подарок... — прошептал Кир в ответ.

Он проверил дощечку: золотистые буквы ложились на дерево легко и красиво, а обратной стороной карандаша их можно было стереть без следа.

Он написал: *«Спасибо. Мне правда был очень нужен этот камешек. Пусть это тебе поможет»*.

Он отдал дощечку и волшебный карандаш девочке. Она приняла дар с удивлением. Сначала она недоверчиво коснулась букв пальцем, а затем быстро написала в ответ: *«Спасибо. Меня зовут Ева»*.

Она подняла голову и улыбнулась Киру уже по-настояще-

му — широко и открыто. Кир улыбнулся в ответ и помахал ей рукой на прощание.

«До свидания», — написала Ева на дощечке и тоже помахала ему рукой.

Они уходили из дворика молча. Уже когда они снова свернули в шумный переулок, Дмитрий положил тяжёлую руку Киру на голову и потрепал его по волосам с несвойственной ему нежностью.

— Молодец, парень.

Они вышли на главную улицу. Город снова кипел жизнью.

— Странно... — задумчиво произнёс Алексей, глядя перед собой невидящим взглядом. — Такая юная девочка... И уже умеет читать и писать. Причём почерк у неё красивый и ровный...

— И что? — не понял Кир.

— В крестьянском обществе это не дар, а проклятие, — вздохнул Алексей. — Она слишком умна для них. К тому же с недугом. Родители не смогут отдать её замуж за простого пахаря или ремесленника. Для них она будет слишком... непонятной. Слишком чужой.

Кир резко остановился. Его красные глаза вспыхнули решимостью.

— И пусть не отдадут! — воскликнул он звонким голосом. — Ева сильная! Она научилась читать и писать не просто так! Она сделала это, чтобы понимать мир и донести свои слова до него! Она достаточно сильная, чтобы изменить этот

мир так, чтобы он понял её!

Алексей посмотрел на мальчика с грустной улыбкой мудрого старика и ничего не ответил. Он лишь подумал о том, что его ученик унаследовал от своей наставницы не только магический дар, но и её упрямое желание менять мир.

***

Небо над Вереном было цвета мокрого пепла. Рассвет только занимался, но город, уставший от недельного разгула, ещё спал. Лишь изредка доносился пьяный смех запоздалых гуляк или стук ведра у колодца.

Кир, свернувшись калачиком на тёплой спине Зефира, спал так крепко, что даже не пошевелился, когда грифон переступил с лапы на лапу. Мальчик выглядел умиротворённым. Впервые за долгое время он спал не на земле и не в страхе, а в безопасности, укрытый плащом.

Алексей и Дмитрий уже закончили сборы. Они стояли у выхода со двора постоялого двора, проверяя ремни на сумках. Алексей молча протянул Дмитрию его механическую руку. Капитан гвардии принял её с коротким кивком и начал крепить протез к культе. Щелчок замка прозвучал в утренней тишине неестественно громко.

— Пора, — тихо сказал Алексей, бросив последний взгляд на тёмные окна комнаты, где они недавно ночевали.

Дмитрий кивнул и направился к Зефиру, чтобы разбудить мальчика.

В этот момент скрипнула калитка. На пороге стоял Мат-

вей. Он был одет в простой дорожный кафтан, а не в привычный фартук трактирщика. В руках он держал небольшой свёрток — видимо, еда в дорогу. Он выглядел уставшим, словно не спал всю ночь. Алексей обернулся на звук. Его единственный глаз при виде брата потеплел, и на губах появилась лёгкая, немного грустная улыбка.

— Счастливого пути, блудный младший брат, — голос Матвея был хриплым от недосыпа и волнения. Он не кричал, говорил тихо, но слова прозвучали отчётливо.

Алексей ничего не ответил вслух. Он просто шагнул к брату и крепко обнял его. Объятие было коротким, мужским — без лишних сантиментов, но в нём отразились тринадцать лет разлуки, невысказанная вина и прощение. Отстранившись, Алексей посмотрел брату в глаза.

— Спасибо. Я загляну ещё.

Он не обещал «скоро». Он не лгал надеждой. Он просто констатировал факт своего будущего возвращения в этот мир, в эту жизнь. Матвей лишь кивнул, не в силах вымолвить ни слова. В его горле стоял ком.

Алексей развернулся и пошёл к грифону. Дмитрий уже подсадил сонного Кира в седло и теперь проверял подпругу Зефира. Команда была готова к отправлению.

Они уходили молча, растворяясь в серой предрассветной дымке. И тогда Матвей не выдержал. Он крикнул им вслед так громко, как только мог. В этом крике смешались вся боль потери и вся радость обретения.

— Не умирай больше!

Слова повисли в холодном воздухе. На глазах трактирщика блестели слёзы облегчения и отчаянной надежды.

Алексей остановился на мгновение. Он не обернулся. Просто поднял руку и коротко помахал брату на прощание. А затем он запрыгнул на спину грифона позади Кира и Дмитрия.

Зефир расправил крылья, разбежался по пустой улице и взмыл в серое небо. Матвей стоял и смотрел им вслед, пока силуэт гигантской птицы не растворился в облаках. Лишь тогда он позволил себе закрыть лицо руками и выдохнуть.

Впереди его ждал новый день: трактир, кружки с элем и гости. Но сегодня всё было иначе. Потому что сегодня он знал, что его брат жив. И этого было достаточно.

***

Рубиновый дворец остался позади, превратившись в тёмную тень на горизонте. Впереди лежала дорога на юг. Карта, которую Тамара с таким трудом начертила, используя фантомные боли Виктора как координаты, не оставляла сомнений. Первый осколок был в Верене.

Виктор дал им в дорогу двух грифонов из царского выводка. Чёрная Хурма принадлежала ему самому, а серый Перл, когда-то был любимцем Наташи. Также он передал Тамаре пять реганов – серебряных крупных монет с гербом Рюлеля. Раган можно назвать инструментом в жизнь. С ним можно прийти ко дворцу и попросить Царя о любой просьбе в рам-

ках разумного. Также Виктор выделил денег. Тамара хотела отказаться от всего этого, но не стала. Ей показалось, что это было его актом странной заботы. Она решила позволить ему приложить руку к поискам Кира, чтобы хоть как-то успокоить его тревожную душу.

— Я ненавижу это место, — голос Тамары был ровным, лишённым эмоций, но Клэр, ехавший рядом с ней на Хурме, слышал в нём стальные нотки.

— Это просто город, — флегматично заметил Аскольд, который с любопытством оглядывал окрестности. Его новый камзол и аккуратная причёска резко контрастировали с суровостью пейзажа. — Стены как стены. И поля как поля.

— Для тебя — «просто город», — тихо ответил Клэр, не глядя на Короля Фей. — Для нас — это ворота войны.

Тамара не вступала в разговор. Она смотрела вперёд, туда, где на горизонте вырастала серая полоса. Великая Южная Стена. С каждым шагом их ездовых зверей она становилась всё больше, заслоняя собой небо.

Для Кира и Алексея эта стена была символом защиты. Монументом, построенным для спасения жизней. Для Тамары и Клэра она была надгробием.

Они помнили её другой. В их памяти, затуманенной годами покоя, стена была живой. Она дышала огнем и смертью. По её гребню, словно муравьи, ползли штурмовые лестницы врагов. Снизу доносился не стук молотков ремонтников, а грохот таранов и крики умирающих. Вместо спокой-

ных стражников в блестящих кирасах здесь были израненные легионеры, которые держали оборону из последних сил.

Тамара видела это так ясно, словно это было вчера. Им с Клэром было всего по четырнадцать лет. Спустя неделю перехода армии из Царьграда до Верена, где были кашель подхвативших что-то в пути солдат, пот, усталость от палящего летнего солнца и невероятная жажда, они вдвоём оказались здесь. Люди, шутившие над ними всего несколько часов назад, падали с откосов и разбивались подобно переспелым плодам, оставленных после сбора урожая. Подожжённые магические стрелы сжигали их тела, оставляя лишь обугленные кости. Будучи Царевной во дворце, Тамара не считала себя счастливой, но в тот момент, в свои четырнадцать она хотела лишь поскорее вернуться во дворец. Пусть без любви и в холоде, но зато живой. Все её потребности человека сузились до одной точки – выжить.

Клэр накрыл её дрожащие руки, сжимавшие поводья, своими. Чёрная Хурма, почувствовав её страх ощетинилась. Клэр осторожно сжал запястья Тамары, и её руки расслабились.

— Здесь мы чуть не погибли, — прошептал Клэр, словно прочитав её мысли. Он забрал поводья у Тамары и остановил Хурму. Грифон недовольно фыркнула.

Они подъехали достаточно близко, чтобы рассмотреть детали. Стена была исполинской. Она не просто окружала город — она давила на него своей массой и историей.

У её подножия кипела работа. Строители в кожаных фар-

туках деловито чинили кладку. Стук их молотков разносился по округе мерным, мирным ритмом. Это был звук созидания. Тамара помнила другой звук: хаотичный звон стали о сталь. Звук разрушения.

Аскольд присвистнул:

— Впечатляет. Хотя я бы добавил пару башен для красоты... И флюгеры. А ещё на мой вкус не хватает жизни, плюща, там, или дерева здесь, неплохо бы и мох смотрелся.

— Тебе бы везде плесень вырастить, — Клэр смотрел наверх.

Тамара тоже подняла взгляд. На широких площадках стены, через каждые пятьдесят шагов, стояли стражники. В начищенных кирасах и шлемах они действительно напоминали бдительных воронов. Они стояли неподвижно, опираясь на алебарды, и их взгляды были прикованы к приближающимся путникам.

В их позах не было усталости или расслабленности. Это была выправка профессиональных солдат. Они видели многое.

— Они смотрят на нас как на врагов, — заметил Аскольд.

— Мы и есть чужаки, — отрезала Тамара.

Она пришпорила Хурму, направляясь к воротам. Клэр отпустил её руки и вновь охватился за её талию, стараясь не быть ближе, чем позволено. Аскольд повёл Пёрла за ними. В отличае от своей чёрной гордой подружки, серый грифон, когда-то принадлежавший Царице Наташе, был очень дру-

желюбен даже с незнакомцем Аскольдом. Видимо его радовала сама мысль наконец-то хоть кого-то прокатить на своей спине после долгих лет жизни без хозяйки. Ранее Тамара рассказала, что чёрные грифоны из особой пароды. Они были выведены специально для Царской семьи. В дикой природе такие не водятся. Грифоны сами по себе обладают сварливым характером, чёрные же были настолько вредны, что возили только представителей Царской крови, чуя кровь родственников своего наездника.

Когда они подъехали к массивным деревянным створкам ворот, путь им преградили двое легионеров. Их лица были суровы и лишены эмоций.

— Имена и цель визита в Верен? — спросил один из них голосом, похожим на скрип несмазанных петель.

Тамара выпрямилась в седле. Её взгляд был холодным и прямым.

— Тамара Рюлель. А это мои спутники. У нас дело к городу

Стражник окинул её цепким взглядом. Он видел перед собой девушку с короткими волосами и холодными глазами цвета рубина, её магия слегка пульсировала под кожей. Рядом с ней на одном грифоне – аристократичного вида молодой человек, а на другом грифоне чудак. Его взгляд вернулся к девушке. Тамара смотрела на него чуть устало. Чёрный грифон прямо говорил о её происхождении. Доказательства были не нужны.

— Простите, Царевна Тамара, Капитан Клэрис, — обратился он к двоим на черном грифоне. – Зрение в последние годы подводит.

Клэр окинул взглядом мужчину. Его чуть осунувшееся лицо и худые плечи.

— Фёдор, рад видеть тебя в строю, — Клэр слегка улыбнулся. — Ещё не на пенсии?

— Решил, что буду стоять на этой стене пока ноги держат, — ответил стражник. — Рад видеть Вас вновь.

Тамара присмотрелась к стражнику. Ей понадобилось больше времени, чтобы выцепить из неприятных воспоминаний его лицо. Более молодое и не такое уставшее. Этому стражнику она была обязана жизнью. В их первой битве Тамара не рассчитала силы и в панике потратила всю ману. Клэрис прикрыл её собой, и так получил свой шрам на лице под глазом. А этот стражник зарубил врага у них на глазах и помог отойти в укрытие. К глазам Тамары подступили слёзы, но так и не пролились, она с тёплой улыбкой посмотрела на стражника.

— В этом городе я рада снова встретить вас, — произнесла она.

— Моя радость куда больше, Царевна Тамара. Вы уж простите подслеповатого старика за грубость, — попросил он.

— Спасибо за твою верность долгу, — ответила Тамара.

— Проезжайте, — Фёдор отошёл в сторону, освобождая путь. — Но будьте осторожны в городе. Праздник Весны

привлекает всякий сброд.

Они въехали в город. Верен встретил их шумом и суетой подготовки к празднику. Но для Тамары этот шум звучал фальшиво. Он не мог заглушить эхо прошлого: звон мечей, стоны раненых и крики командиров.

Она смотрела на украшенные лентами улицы и видела лишь грязь и кровь поля боя. Тамара смотрела на смеющихся детей и видела призраки своих павших товарищей-ветеранов Южного фронта.

Город пытался забыть войну, празднуя Весну.

— Интересно, что бы они испытали, увидев это? — шёпотом произнесла Тамара.

Клэр смотрел только на неё. Он знал имена и лица тех, о ком она сейчас говорила.

— Надежду, — ответил он уверенно.

Тамара обернулась, чтобы посмотреть на него.

— Если умираешь, то лучше думать о том, что кошмар, в котором ты встречаешь смерть, закончится рано или поздно.

Клэр смотрел Тамаре прямо в глаза, произнося все эти слова. Её тело медленно расслабилось, и спиной она прислонилась к его груди, почувствовав, как его сердце начало биться быстрее. Она прикрыла глаза, а затем вновь посмотрела на город. Ветер трепал разноцветные ленты на деревьях. Дети носились между домов. Весеннее солнце ласкало кожу. На площади была слышна музыка. Мелодия непонятная, грубая, неумелая и живая. Что-то в этом городе напомнило

ей лес фей. Аскольд принял из рук маленькой девочки букетик ромашек, перевязанный цветными нитями. Девочка застеснялась и убежала к подружкам.

— Надежда, — Тамара слегка улыбнулась. — Звучит, неплохо

Въехав в город, они без труда нашли «Пьяного Быка». Трактир стоял на главной площади, и даже с улицы доносились запахи жареного мяса и свежего хлеба. У коновязи переминался с ноги на ногу серый грифон Перл, а рядом с ним, гордо задрав клюв, стояла Хурма. Она уже успела отпугнуть пару местных собак, которые подошли слишком близко.

Когда Тамара, Клэр и Аскольд вошли внутрь, гул в зале на мгновение стих. Все взгляды устремились на них. Не на Аскольда с его модным камзолом, а на Чёрную Хурму. Грифон царской семьи в Верене — это было событие. Это было напоминание о власти, о войне и о той, кого здесь когда-то называли «Кровавой Царевной».

Из-за стойки вышел Матвей. Он вытирал руки о фартук, но, увидев гостей, замер. Его взгляд скользнул по Тамаре, и в нём промелькнуло что-то странное. Узнавание? Сомнение?

— Добро пожаловать в «Пьяного Быка», — его голос был профессионально приветлив, но глаза оставались настороженными. — Я Матвей, хозяин. Вы... должно быть, устали с дороги.

— Нам нужна комната, — голос Тамары был ровным и холодным. Она не стала называть свой титул. В этом не было

нужды.

Матвей кивнул.

— Конечно. Но... — он замялся, бросив быстрый взгляд на Клэра. — Для персоны вашего... статуса, госпожа, возможно, было бы уместнее обратиться к городскому совету или остановиться в замке барона Феофана. У нас здесь просто трактир.

Тамара едва заметно усмехнулась. В её усмешке не было веселья, только стальная усталость.

— Не переживайте о моём комфорте. Просто дайте мне такую же комнату, как и другим вашим гостям. Я не буду ворчать на матрас из соломы. Для меня и он будет приятен после сна на земле.

В её словах прозвучала такая простая и суровая правда, что Матвей лишь опустил голову в поклоне.

— Как пожелаете... госпожа. Я всё подготовлю.

Он не узнал её. Но её лицо, её манера держаться и особенно этот холодный, властный тон показались ему мучительно знакомыми. Он списал это на слухи о «Кровавой Царевне», которые до сих пор ходили по городу.

— Ваши звери будут накормлены, — добавил он, кивая в сторону грифонов за окном.

— Им нужно свежее тушёное мясо, — бросил Клэр через плечо уже на ходу. — Не кости и не помои.

Матвей лишь снова поклонился и поспешил отдать распоряжения.

Комнаты оказались на втором этаже. Поднимаясь по скрипучей лестнице, Тамара чувствовала себя выжатой как лимон. Эмоциональная встряска у стены отняла все силы.

Матвей остановился у одной из дверей.

— Я взял на себя смелость подготовить для вас лучшие покои... смежные комнаты для важных гостей.

Он распахнул дверь. За ней оказалась не одна комната, а две, соединённые дверью. Но главное — там была одна большая кровать с пуховой периной и резными спинками.

Матвей понял свою оплошность слишком поздно. Он побагровел и начал кланяться так низко, что едва не стукнулся лбом о дверной косяк.

— Тысяча извинений! Я... я не имел в виду ничего дурного! Я просто подумал... слухи... что вы... что вы пара!

— Что-то из тех речей про то, что я опозорила свою сестру и увела её жениха? — Усталость Тамары отступила.

Но сменилась она вовсе не яростью, а каким-то странным восторгом и едва уловимым озорством. Тамара посмотрела на кровать, потом на пунцового Матвея, потом на Клэра, который стоял с абсолютно непроницаемым лицом.

— Я немедленно распоряжусь — начал Матвей, но Тамара прервала его на полуслове.

— Не стоит, — спокойно ответила она. — Видимо, для всех это очевидно.

Она повернулась к Клэру. В её взгляде было что-то мягкое, чего он давно не видел.

— К тому же... мне будет спокойнее, если ты будешь рядом.

Клэр моргнул. Он снова не уловил намёк. Он лишь коротко кивнул:

— Конечно. Как скажешь.

Матвей, бормоча извинения, поспешил удалиться и принести горячей воды. Как только за ним закрылась дверь, Клэр неловко кашлянул:

— Я... выйду на минуту. Тебе нужно... переодеться.

Он выскользнул за дверь ещё до того, как Тамара успела ответить. Она осталась одна. Тишина комнаты давила на неё после шума города. Еле собрав, последние силы, Тамара сняла с себя дорожную одежду, сменив её на ночную рубашку. Обтерла тело влажной тканью, а затем рухнула на кровать лицом в подушку. Глаза закрылись сами собой. Эмоциональное истощение взяло своё, и она провалилась в глубокий сон.

Клэр вернулся через пять минут. Он тихо приоткрыл дверь, боясь потревожить её покой. Тамара лежала на кровати в той же позе — лицом в подушку, одна рука свесилась вниз. Она спала глубоким, ровным сном человека, который наконец-то оказался в безопасности.

Клэр тихо вздохнул. Он посмотрел на второе кресло в комнате, но оно казалось таким неудобным и далёким...

Он принял решение за секунду. Воздух вокруг него сгустился от чёрных искр его магии трансформации. Миг — и

на полу сидел уже не человек, а чёрный кот.

Кот бесшумно запрыгнул на кровать. Он потоптался немного на одеяле, стараясь не касаться спящей Тамары, а затем аккуратно свернулся калачиком на соседней подушке. Это было его законное место, заработанное за одиннадцать лет их совместной жизни. И сегодня он не видел ни причин, ни оснований его менять на какое-то там кресло.

***

Утро ворвалось в комнату «Пьяного Быка» полосой пыльного солнечного света, пробившейся сквозь щель в ставнях.

Тамара проснулась не от света, а от тяжести. Что-то тёплое и пушистое лежало на подушке рядом с её лицом, нагло примяв её щёку. Она приоткрыла один глаз. На белоснежной наволочке, свернувшись калачиком, спал большой чёрный кот. Он тихо урчал, и от этого урчания вибрировала вся подушка.

Её первой инстинктивной реакцией было желание хорошенько шлёпнуть это пушистое создание. Просто чтобы восстановить попранную справедливость и личное пространство. Но она сдержалась. Бить животных было ниже её достоинства, даже если это животное — её самый верный и порой самый невыносимый спутник.

Из смежной комнаты, соединённой с их покоями широкой аркой, донесся тихий шорох. Дверь приоткрылась ровно на дюйм, и в проёме показалась голова Аскольда. Его волосы были идеально уложены, а на лице играла загадочная улыбка.

Он увидел, что Тамара не спит, и сделал ей приглашающий жест рукой: «Выходи».

Тамара тихо, чтобы не разбудить «кота», выскользнула из-под одеяла. Накинув на плечи шаль, она босиком прошла в комнату Аскольда и плотно прикрыла за собой дверь.

— Я верю в тебя! — прошептал Аскольд, и его улыбка стала ещё шире. Он протянул ей небольшой, аккуратно перевязанный бечёвкой свёрток. — Купил вчера вечером.

Тамара с любопытством приняла подарок. Развернув плотную бумагу, она увидела мягкую, дорогую ткань — алый сарафан и белую льняную рубашку.

— Спасибо, — с искренней улыбкой ответила она. — Я воспользуюсь.

Аскольд лишь подмигнул и, приложив палец к губам, кивком указал на дверь. Было очевидно, что Аскольд решил вновь себя развлечь чем-то увлекательным.

Тамара вернулась в свою комнату и скрылась за старой деревянной ширмой в углу. Кот на кровати лишь дёрнул ухом, но не проснулся.

Спустя какое-то время тишину комнаты нарушил громкий кошачий зевок. Клэр потянулся, выпустив когти и впившись ими в подушку, и сонно потоптался на месте, устраиваясь поудобнее. Он открыл глаза, щурясь от утреннего света.

Первое, что он увидел, заставило его сон исчезнуть мгновенно.

Перед небольшим зеркалом у окна стояла Тамара. На ней

был праздничный крестьянский наряд: белая рубашка с воздушными короткими рукавами, приспущенными так, что были видны её белые плечи, поверх — ярко-алый сарафан. Но главным элементом был тугой чёрный корсет, который она сейчас безуспешно пыталась застегнуть на спине, выворачивая руки под немыслимым углом. Клэр замер. Он смотрел на неё во все глаза.

— Проснулся? — не оборачиваясь, спросила Тамара. В её голосе слышалась лёгкая насмешка.

— А ты... когда... прямо при мне... переоделась? — выдавил из себя Клэр.

Он всё ещё был котом и сейчас чувствовал себя особенно глупо.

— Я же не настолько смелая, — с улыбкой ответила она. — За ширмой, конечно.

Она наконец оставила попытки справиться с корсетом самостоятельно и вздохнула.

— Лучше помоги мне. Не могу справиться с этой проклятой штукой. Крючки совсем мелкие.

Клэр почувствовал, как его кошачье сердце пропустило удар.

— Может... может, лучше я кого из девочек с кухни позову? — неловко предложил он, спрыгивая с кровати. — Это... это было бы правильнее... Да и я У меня лапки!

— Клэр, — голос Тамары стал твёрже. — Сейчас утро Праздника Весны. Постоялый двор полон гостей. Девушкам

с кухни сейчас точно не до знатной дамы, которая не в состоянии застегнуть свой корсет. Просто помоги мне.

Это был не вопрос и не просьба. Это был приказ. Клэр понял, что отступать некуда. Воздух вокруг него сгустился от чёрных искр магии трансформации. Миг — и на полу стоял уже не кот, а человек. Он медленно подошёл к ней, чувствуя себя скованно и неловко.

— Повернись немного, — попросил он севшим голосом.

— Как? — невинно переспросила Тамара, прикидываясь дурочкой.

Клэр стиснул зубы так, что на скулах заходили желваки. Он сделал шаг вперёд и положил руки ей на талию. Прикосновение было мимолётным и аккуратным, но для него оно было подобно удару молнии. Он аккуратно развернул её к себе спиной.

Теперь Тамара смотрела на их отражение в зеркале. Она видела своё довольное лицо и напряжённое лицо Клэра за своим плечом. Она видела его руки — такие сильные и уверенные в бою — как они неловко возятся с маленькими крючками корсета.

Она видела всё это и думала о том, что у Аскольда действительно безупречный вкус.

Клэр работал в полной тишине, стараясь даже не дышать. Он чувствовал тепло её тела через тонкую ткань рубашки. Его пальцы касались её обнажённой спины чуть выше корсета каждый раз, когда он тянулся к новому крючку. Он застё-

гивал их мучительно медленно, словно каждый крючок был неподатливым замком на сокровищнице.

Наконец последний крючок был застёгнут. Тамара посмотрела на себя в зеркало ещё раз и осталась довольна.

— Спасибо... котик, — с лукавой улыбкой сказала она.

Клэр отшатнулся от неё так резко, будто его обожгло, и вылетел из комнаты под её тихий смех. За соседней дверью был совсем не тихий смех. Аскольд выглянул, утирая слёзы.

— Превосходно! — он захлопал в ладоши. — На бис!

Тамара не стала ругать его за подглядывания, она лишь подобрала подол платья и присела в насмешливом реверансе.

Утренняя трапеза в «Пьяном Быке» проходила в непривычной тишине. Праздничная суета схлынула, оставив после себя запахи подгоревшего масла и остывшей сдобной выпечки.

Клэр хмуро ковырял вилкой яичницу с беконом. Аскольд, напротив, с любопытством наблюдал за грифонами, которые были привязаны у коновязи.

— Они беспокоятся, — заметил Король Фей, отпивая травяной отвар. — Хурма и Перл. Они чуют сородича. И не просто чуют... они знают его. Он был здесь совсем недавно.

Клэр поднял голову от тарелки. Его взгляд мгновенно стал острым, как лезвие.

— Зефир, — выдохнул он. Имя грифона прозвучало как приговор.

В этот момент по лестнице спустилась Тамара. На ней был тот самый алый сарафан и белая рубашка, подарок Аскольда. Волосы, как всегда, оставила распущенным и в небольшом беспорядке. Она выглядела не как Царевна, а как уставшая, но решительная женщина, у которой пропал ребёнок.

— Что-то не так? — спросила она, подходя к столу и чувствуя повисшее в воздухе напряжение.

— Зефир был здесь, — коротко ответил Клэр, отодвигая тарелку. Аппетит пропал окончательно. — А значит, здесь были и они. Алексей, Дмитрий... и Кир.

Тамара резко развернулась к стойке, за которой Матвей усердно протирал и без того чистые кружки. Его движения были суетливыми, а спина — неестественно прямой. Он чувствовал их взгляды.

— Хозяин? — её голос был обманчиво мягок.

Матвей вздрогнул и чуть не уронил кружку.

Клэр отреагировал молниеносно. Он не встал — он провалился в портал, оказавшись рядом с Матвеем за долю секунды. Его рука стальной хваткой сжала плечо трактирщика и припечатала его к деревянной стойке.

— Говори, — прошипел Клэр. В его голосе не было гнева, только леденящая решимость. — Где они?

Тамара подошла к ним и мягко, но твёрдо положила ладонь на сжатый кулак Клэра.

— Клэр, прошу тебя. Не так.

Она отпустила его руку и повернулась к Матвею. Её

взгляд был прямым и спокойным, но в глубине красных глаз плескалась тревога.

— Простите моего спутника за грубость. Мы здесь не для того, чтобы причинять вред. Мы ищем моего ученика. Это мальчик десяти лет, у него светлые волосы, красные глаза и пластырь на лице... Мы с ним похожи. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить.

Матвей сглотнул. Он смотрел то на спокойную Тамару, то на разъярённого Клэра. В их глазах он видел не угрозу власти Царевны, а страх родителей за своего ребёнка. И это обезоруживало больше любых угроз.

Он вспомнил слова Алексея: *«Он ученик моей ученицы»*.

— Мой брат... Алексей... — начал он неуверенно. — Он сказал, что тот ребёнок — ученик его ученицы.

Клэр тут же отпустил плечо Матвея и сделал шаг назад. Он коротко и резко поклонился.

— Примите мои извинения за грубость.

— Вы брат наставника? — уточнила Тамара.

Матвей смотрел на него с удивлением. Перед ним стоял дворянин, человек из другого мира. Тридцать лет назад такой человек мог бы приказать выпороть его просто за косой взгляд. А сейчас он извиняется перед простым трактирщиком.

— Да... Алексей мой младший брат, — неловко подтвердил Матвей, потирая плечо. — Они появились внезапно... Он отказался мне что-то рассказывать. Вроде как что-то ис-

кали в городе... а потом собрались и улетели.

— Кто с ним был? — голос Тамары стал требовательным.

— Мужчина... его звали Дмитрий, кажется. Мальчик. Грифон... и какой-то зверёк. Что-то между белкой и крысой.

В зале повисла тишина.

— Зверёк? — одновременно переспросили Аскольд и Клэр с одинаковым выражением недоумения на лицах.

Тамара закрыла глаза и медленно выдохнула, потирая переносицу жестом бесконечной усталости.

— О нет... Только не говорите мне, что мой Крёстный отец сейчас шляется по Рюлелю в образе то ли крысы, то ли белки...

— Вы знаете, куда они отправились? — Клэр вновь подался вперёд, но уже без агрессии.

— Нет, — честно ответил Матвей. — Брат ничего мне не сказал.

Тамара развернулась, чтобы уйти. Казалось, надежда угасла так же быстро, как и появилась. Но Матвей остановил её.

— Царевна Тамара... Подождите!

Она обернулась с усталой улыбкой и бесконечной грустью во взгляде.

— Конечно, — мягко улыбнулась она. — Вы брат моего наставника. Общайтесь со мной проще.

Матвей выпрямился, словно сбрасывая с плеч груз своего простого статуса.

— Вы правда ученица моего младшего брата?

— Да, — кивнула Тамара и указала на Клэра: — И он тоже, если так можно сказать.

Матвей посмотрел на них новым взглядом.

— Вы дорожите моим братом?

Тамара на мгновение задумалась. В её глазах мелькнула обида, смешанная с нежностью.

— Мне очень обидно от того, что он притворялся мёртвым тринадцать лет... и мне хочется хорошенько приложить его пару раз. Но ещё больше... я хочу просто обнять его и сказать, как я по нему скучала. Он наверняка снова засмеётся как дурак... и тогда я ему и тресну.

Матвей не выдержал и рассмеялся — искренне и тепло.

— Видимо, вы любите его так же сильно, как и он вас.

Он вытер проступившие слёзы, и лицо его стало серьёзным.

— Послушайте... Мой зять работает в городской страже. Всех, кто прилетает в город на грифонах или других магических существах, регистрируют на воротах или у дозорной башни... Я попрошу его узнать по записям, в каком направлении они полетели.

Тамара посмотрела на него с такой искренней надеждой, что у Матвея защемило сердце.

— Правда? Вы сделаете это для нас?

— Да, — твёрдо кивнул он. — Только пообещайте мне одну вещь...

— Всё что угодно!

— Пообещайте... что когда найдёте брата... хорошенько приложите его и от меня тоже.

***

Ожидание в душной комнате постоялого двора было невыносимым. Каждая минута тишины била по нервам сильнее, чем грохот битвы. Клэр сидел у окна, неподвижный, как статуя. Тамара мерила шагами комнату. Аскольд наблюдал за ними с лёгкой усмешкой, но даже его неуёмная энергия начала давать сбой.

— Так нельзя, — наконец заявил он, вскакивая на ноги. — Мы здесь состаримся раньше, чем что-то узнаем.

— И что ты предлагаешь? — фыркнула Тамара, даже не обернувшись.

— Жить, — просто ответил Аскольд. — Мы в Верене. Здесь Праздник Весны. Город гуляет. Мы будем гулять с ним.

Спорить с ним было бесполезно. Через десять минут они уже шли по главной улице. Аскольд купил у уличного торговца три палочки с нанизанными кусочками жареного мяса и овощей, истекающих ароматным соусом.

— Ешьте, — скомандовал он. — На сытый желудок и ожидание легче.

Тамара нехотя откусила кусочек. Вкус был потрясающим. На одной из площадей, украшенной лентами и цветами, к ним подбежала девочка лет восьми. В руках она держала маленький букетик ромашек. Это была та же девочка, что по-

дарила Аскольду такой же букетик, когда они прибыли в Верен.

— Это вам, — застенчиво сказала она и протянула цветы Аскольду.

Король Фей принял дар с изящным поклоном.

— Какая прелесть! — воскликнул он. — Юная леди, не окажете ли вы мне честь? Потанцуете со стариком?

Девочка хихикнула и кивнула.

— А это вам, — она повернулась к Клэру и Тамаре и протянула им венок, сплетённый из красных анемонов. Цветы были яркими, как кровь или рубины.

Клэр неловко взял венок. Он повертел его в руках, не зная, что с ним делать. Его взгляд упал на Тамару. Она смотрела на него с лёгкой, едва заметной улыбкой. Клэр медленно подошёл к ней и, стараясь не касаться волос, аккуратно надел венок ей на голову.

— Тебе идёт, — тихо сказал он.

Цветы были того же цвета, что и её глаза.

Музыка на площади стала громче. Люди начали водить хоровод. Девочка снова схватила Аскольда за руку и потянула его в круг. Она бесцеремонно втащила за собой и Тамару с Клэром.

Хоровод распался на пары. Аскольд, танцуя со своей юной партнёршей, ловко провернул манёвр: через мгновение Тамара оказалась в паре с Клэром, а он сам — с девочкой.

Клэр замер. Его руки застыли в воздухе, не решаясь кос-

нуться её талии. Тамара ждала.

«Просто веди», — говорили её глаза.

И что-то в нём сломалось. Его обычная ледяная сосредоточенность, его верность долгу — всё это отступило перед простым желанием быть рядом с ней. Он положил руку ей на талию, а вторую сжал в её ладонь. Они начали двигаться.

Это был не чинный танец дворцового бала. Это был простой, живой танец на пыльной площади провинциального города. Они никогда не танцевали так в Царьграде. Но здесь, в Верене — городе, где было похоронено их детство и пролито столько крови, они кружились в танце, забыв обо всём.

Музыка стихла так же внезапно, как и началась. Клэр и Тамара остановились. Они стояли друг напротив друга, очень близко. Воздух между ними был наэлектризован до предела. И вдруг Тамара заметила что-то за его плечом. Её взгляд стал острым.

На скамейке под старым деревом сидела маленькая девочка. Она была полностью поглощена рисованием в альбоме. Но Тамару привлекло не это. От девочки исходила тонкая, едва уловимая магическая аура. Магия Кира.

Она схватила Клэра за руку и потянула его за собой. Девочка их не замечала. Она увлечённо водила карандашом по бумаге. Тамара опустилась перед ней на корточки и заглянула в альбом. Её сердце пропустило удар.

На рисунке были изображены трое: мальчик с красными глазам, смеющийся Алексей и капитан с механической ру-

кой — Дмитрий. У девочки был несомненный талант для её возраста. Тамара осторожно коснулась плеча девочки.

— Привет... Подскажи, где ты видела этих людей?

Девочка подняла на неё глаза без тени понимания в них. Она посмотрела на Тамару так, словно та была пустым местом, а затем её взгляд упал на дощечку для письма, лежавшую рядом на скамейке.

— Это же Царевна Тамара! — Ропот прокатился по праздную толпе.

Вперёд выбежала женщина и упала перед Тамарой на колени.

— Вы простите нас! У неё недуг! Не наказывайте! Она не слышит ничего и не говорит!

Девочка спокойно протянула Тамаре дощечку. На ней было написано: «Здравствуйте, меня зовут Ева. Я ничего не слышу. Пожалуйста, можете написать?».

Тамара прочитала надпись, и её лицо, до этого напряжённое и холодное, смягчилось. Она посмотрела на мать девочки, затем на Еву, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение.

— Не говорит? — переспросила она, и в её голосе не было ни капли жалости, только искренний интерес. — Почему же? Как по мне, она вполне хорошо говорит. Я ведь могу её понять.

Тамара взяла из рук девочки карандаш и перевернула табличку. На чистой стороне она написала аккуратным, ровным

почерком:

«Привет, меня зовут Тамара. Ты очень красиво рисуешь. Не подскажешь, где ты видела этих людей? Этот мальчик — мой ученик. Я ищу его».

Ева прочитала надпись. Её глаза на мгновение задержались на слове «ученик», а затем она снова взялась за карандаш. Ответ появился быстро:

«Они были в городе около недели назад. Кир попросил отдать ему камешек, который я нашла у колодца, а потом оставил мне эту табличку. Я не знаю, где он сейчас. Вы скучаете по нему?».

Тамара кивнула, не в силах сдержать грустную улыбку. Девочка была не просто свидетелем. Она была частью их истории. Ева перевернула страницу своего альбома и аккуратно вырвала лист с портретом Кира. Она протянула рисунок Тамаре.

Это был подарок. Маленький шедевр. Тамара приняла портрет с благодарностью. Она сняла с плеча свою сумку и порылась в ней. Достав небольшой тюбик с краской из толчёных ракушек и один серебряный реган, она протянула их девочке вместе с дощечкой.

«Эта серебряная монета — знак покровительства царской семьи», — написала Тамара. — *«Если ты захочешь учиться рисовать ещё лучше, ты можешь воспользоваться ею, когда повзрослеешь. Спасибо за портрет».*

Ева прочитала записку. Её глаза расширились от удивле-

ния и восторга. Она прижала к груди и краски, и монету, и табличку. Это было больше, чем она могла мечтать. Тамара поднялась на ноги, отряхивая подол сарафана. Она тепло улыбнулась девочке и помахала ей на прощание.

Они возвращались на постоялый двор в полном молчании. Каждый был погружён в свои мысли.

— Он был здесь, — наконец нарушила тишину Тамара. — Кир... он нашёл осколок.

— У девочки по имени Ева, — задумчиво добавил Аскольд.

— И оставил ей подарок, который может изменить её жизнь, — закончил Клэр.

В «Пьяном Быке» их уже ждал Матвей. Его лицо было серьёзным.

— Я узнал, — сказал он без предисловий. — Мой зять из стражи видел их записи. Алексей, Дмитрий и мальчик... они улетели на юг.

— На юг? — переспросила Тамара.

— Да. В сторону... — Матвей замялся, подбирая слова, — ...в сторону старых границ с городом Нут.

Это было всё, что им было нужно. Пора было прощаться с Вереном.

***

Следующее утро встретило их прохладой и запахом свежей выпечки. Постоялый двор почти опустел после праздника.

Перед тем как седлать грифонов, Тамара и Клэр подошли к Матвею, который провожал их у входа, и оба поклонились.

— Прекратите! — замахал он руками, краснея. — Чтобы Царевна и юный граф отвешивали поклоны простому трактирщику... Люди же смотрят...

Тамара выпрямилась после поклона и посмотрела ему прямо в глаза.

— Ваш младший брат был нам наставником, — твёрдо сказала она. — А теперь вы сами помогли нам. Приютили, накормили и подсказали, где искать нашего ученика. Это меньшая благодарность, которую мы можем выразить.

Матвей лишь смущённо кивнул.

Они взлетели на рассвете. Чёрная Хурма и серый Перл сделали круг над «Пьяным Быком», прощаясь с городом, который подарил им надежду и указал путь. Впереди лежала дорога на юг.

АКТ V: Юг. Глава 22: Нут

Воздух дрожал от жара, словно само небо превратилось в раскалённую сковороду. Зефир тяжело приземлился на голую, растрескавшуюся землю, подняв облако мелкой, колючей пыли. Кир поморщился, чувствуя, как горячий, сухой ветер мгновенно забивается под одежду, липнет к коже и сушит губы. После влажной свежести Верена это было похоже на удар в лицо.

Он спрыгнул со спины грифона, и его сапоги глухо стукнули о спекшуюся глину. Перед ними, насколько хватало глаз, простиралась выжженная степь, а в её центре, словно гнилой зуб в челюсти пустыни, возвышался город.

— Это Нут, — голос Дмитрия был тихим и хриплым, словно скрип несмазанных петель. Он спрыгнул на землю рядом с Киром и положил тяжёлую руку ему на плечо.

— Посмотри внимательней, Кир. Этот город — грех Тамары и Клэриса. И мой...

Город не стоял — он нависал. Здания, слепленные из самана и глины цвета охры, громоздились друг на друге без всякого порядка, словно гигантский муравейник, построенный безумцем. Они карабкались вверх ярусами, нависая над узкими улочками внизу тёмными, уродливыми выступами. К общему грязно-жёлтому цвету примешивались пятна копоти, въевшейся в стены, и обугленные остовы деревянных

надстроек. Ветер доносил запах гари, который не мог выветриться даже за прошедшие годы.

Когда очередной порыв сухого ветра утих, Кир увидел то, что скрывалось за фасадом. Город был сожжён. Не просто повреждён в бою — его жгли целенаправленно, дом за домом. Стены были испещрены чёрными языками пламени, навсегда застывшими в глине.

— Возьми мою руку и даже не думай отпускать, — велел Дмитрий. Его механическая рука сжала ладонь Кира с неожиданной для металла мягкостью.

Зефир, обычно гордый и величественный, вёл себя непривычно тихо. Он жался к людям, прижав уши и нервно подёргивая хвостом. Даже Герань, обычно любопытная, глубже зарылась в сумку Кира и не подавала признаков жизни. Хара высунул усатую морду из-под мантии ребёнка и тихо пискнул:

— Мне здесь не нравится.

— Так ты нас сюда и привёл, — ответил ему Алексей.

Они вошли в город через пролом в стене, который никто не потрудился заделать.

Нут был мёртв. Его труп гнил в этой степи, и в нём копошились черви — люди. Грязные люди с глубоко запавшими глазами провожали их взглядами, полными глухой ненависти и отчаяния. Их кожа была покрыта коростами и незаживающими язвами. Многие заходились в сухом, лающем кашле, сгибаясь пополам прямо на улице. Кир замер, его глаза

расширились от ужаса.

— Оленья оспа... — прошептал он.

Здесь не было ни лекарств, ни железной воли Тамары. Здесь никто не использовал спирт для дезинфекции и не объявлял строгий карантин. Здесь были только смерть и разложение. Над кучами мусора и телами, которые никто не убирал, гудели густые чёрные облака мух.

— Возьми мою руку! — рявкнул Дмитрий, дёргая Кира за собой.

Повсюду сновали вооружённые люди с лицами головорезов. Кто-то кого-то избивал в подворотне, вымогая последние монеты. На углу худая, как скелет, женщина с безумными глазами кричала во всё горло:

— Покупайте эликсир жизни! От всех хворей! От оспы! От тоски!

В тёмных проулках между домами Кир заметил людей со скрюченными телами. Они лежали на земле или сидели, привалившись к стенам. Они были неестественно худы и бледны, но при этом их лица искажала странная, блаженная улыбка. Они скалились в небо красными, кровоточащими дёснами.

— Опиумные зависимые, — глухо пояснил Алексей. Он шёл впереди, его механическая нога оставляла чёткие следы в пыли. — Опиум обычно применяют как обезболивающее при серьёзных ранениях.

— Когда Тамара стала генералом в войне в Южных зем-

лях... — голос Алексея дрогнул. — Зависимость от него уже процветала в войсках. Запрещать было нельзя — раненых было слишком много. Они с Клэрисом пытались ограничить поставки, ввести контроль... Но всё было тщетно. Военачальники чином пониже считали его «необходимым злом» и раздавали солдатам чуть ли не по партиям. Ими командовали дети, за спинами которых эти старики лишь посмеивались и везли новый свежий опиум. В итоге около двадцати процентов ветеранов к концу войны страдали от зависимости, — закончил Дмитрий. Глаза его смотрели прямо перед собой, но видел он, казалось, лишь призраков прошлого. — Это была тихая эпидемия. Медленная смерть.

Кир шёл молча, его маленькая рука крепко сжимала металлические пальцы Дмитрия. Он смотрел по сторонам, и каждый новый образ был страшнее предыдущего. Он видел не просто город. Он видел кладбище.

— Тамара не рассказывала про это, — тихо произнёс Кир. Его голос почти потерялся в шуме ветра и далёких криков. — Она говорила лишь, что он есть и что он не должен быть решением.

— Потому что это не решение, — горько усмехнулся Алексей. — Это отсрочка. А потом... становится только хуже. В Мале было также... Виктор казнил за распространение опиума. В Царьграде ещё при мне Царица Наташа открыла несколько госпиталей, чтобы помочь зависимым. Не думал, что в Войне на Юге это вновь повторится...

Кир поднял голову и посмотрел на крыши домов. На плоских глиняных поверхностях, словно пятна крови на мёртвом теле, алели маки. Кто-то раскидал их повсюду. Красные цветы на фоне серой, выжженной глины.

— Никто из нас не хочет говорить о своих промахах, — глухо сказал Алексей. Его голос был полон горечи. — Это моя вина. Если бы я вернулся в Царьград после атаки на Верен и помог им тогда... если бы я был рядом с ней...

— Я был рядом и не помог, — перебил его Дмитрий.

Он остановился. Алексей тоже замер. Они стояли посреди грязной улочки, окружённые смрадом и отчаянием, и смотрели друг на друга. В их взглядах не было былых обид, неприязни или соперничества. Только общая, всепоглощающая вина.

Кир видел это так ясно, словно они говорили вслух. Алексей винил себя за то, что его не было там, где он был нужен. Дмитрий винил себя за то, что он был там, но оказался бесполезен.

— Мы все ошибались, — наконец произнёс Алексей, нарушая тяжёлую тишину.

Они пошли дальше. Город становился всё гуще, улочки — всё уже и темнее. Воздух здесь был спёртым, пропитанным запахом нечистот, болезни и дешёвого опиума. Кир старался не смотреть на людей в подворотнях, но его взгляд то и дело цеплялся за их скрюченные фигуры.

Внезапно из-за угла вывернула группа мужчин в грязных

лохмотьях. Увидев грифона и странную компанию, они остановились. Их глаза заблестели недобрым огнём.

— Эй! — крикнул один из них, самый высокий и тощий, с лицом, изъеденным язвами.

— А ну-ка! Что это у нас тут? Грифон! И пацан! Слышь, мужик с железной рукой! Может, договоримся? Продай нам зверя? Или пацана?

Дмитрий шагнул вперёд, закрывая собой Кира.

— Идите своей дорогой, — его голос был низким и угрожающим.

Мужчины переглянулись и расхохотались хриплым, лающим смехом.

— А то что? Ты нас убьёшь? Ну, попробуй!

Зефир зарычал, низко и утробно, припадая к земле для прыжка.

— Придётся убить, — тихо произнёс Алексей, доставая меч из ножен.

Кир сделал шаг назад и крепче ухватился за поводья Зефира. Он уже понимал, что произойдет дальше. Он познакомился с этим чувством в Шу, когда своей спиной его закрыла Тамара. Дмитрий тоже достал меч. Кир смотрел на головорезов перед собой. Он думал о том, сколько жизней уже забрали эти руки, покрытые шрамами. Тогда в его голове всплыл ещё один вопрос. Сколько жизней забрали руки Клэра и Тамары? Он знал только их заботу и любовь все эти годы.

Кир отправлялся в путь из Леса Короля Фей, думая, что

хочет познать Истину Тамары. Истину, о которой она не говорила сама. Теперь он видел её. Эту страшную истину.

— Не смотри, — мягко велел ему Хара, выглянув из-под его мантии.

Кир послушно прикрыл глаза. Всё закончилось быстро. Мучительные крики, звон стали, звук разрезаемой плоти и предсмертные стоны. Когда всё стихло, Кир медленно открыл глаза. Головорезы лежали трупами на охристой земле. Они застыли в неестественных позах, глаза и были открыты. Алексей и Дмитрий убирали мечи обратно в ножны. Кир смотрел на всё это глазами своей наставницы, бесстрастными и анализирующими.

— Идём, -— Дмитрий положил руку на его плечо.

Но Кир не сдвинулся с места. Он медленно поднял руку, в воздухе расплылся яркий зелёный магический круг. Из тел головорезов проросли деревья. Они медленно раскинули ветви, поглотив мертвецов.

— Что ты делаешь? — спросил Алексей, наблюдая за этой картиной.

— Это похороны, — ответил Кир. — Этот город мёртв. И гниёт прямо по среди степи, потому что его не похоронили, как следовало. Просто бросать трупы на улицах негигиенично. Это может стать причиной болезни.

— Ты слишком мал, чтобы говорить такие слова, — Дмитрий крепче сжал плечо ребёнка.

Кир медленно опустил руку. С собой к него были только

семена тех самых горьких ранеток, поэтому на ветвях зацвели белые цветы этих деревьев. Их аромат наполнил улицу, затмевая запах разложения и смрад отходов.

— Почему Тамара и Клэр поступили так с этим городом? — спросил Кир. — Ради чего это было?

Рука Дмитрий безвольно опустилась. Кир поднял на него глаза, ожидая ответа.

— Когда наше войско подошло к Нуту, разведчики доложили нам — голос Дмитрия сорвался.

Он поднял свою механическую руку, указывая на самую вершину города.

— Посмотри туда, — произнёс он.

Кир перевёл взгляд со своего спутника на обрушенный шпиль. Его обломки раскинулись по всех западной части города.

— Это был алтарь, — объяснил Дмитрий. — Разведка доложила нам, что Дружинники Нута согнали туда всех мирных граждан. Детей, женщин и стариков, а затем подожгли его. Тогда по Южным землям уже разошлись слухи о том, что войска Рюлеля ведёт Кровавая Царевна Тамара, благословлённая Богом Войны Хара. Мы одерживали победу за победой. Клэрис из испуганного мальчишки за год войны стал смертоносным мечом. Он отказался от одноручного клинка, сменил его на кинжалы. Он был похож на жнеца смерти, что скакал по полю боя. У Нута это вызвало панику. Тогда они и пошли на этот отчаянный шаг. Они принесли

своих граждан в Жертву Хара.

Кир бросил взгляд на морскую свинку, что уселась на его плече.

— Не смотри на меня так! — фыркнул Хара. — Я не принимаю человеческих жертв. Даже не знаю, что за дурная мысль взбрела им в голову!

— Всё так, — продолжил Дмитрий. — Это был отчаянный шаг дружинников, развязавших войну ради привилегий и оказавшихся в своей же ловушке. Тамара тогда

Дмитрий замолчал на мгновение. Он смотрел на обрушенный шпиль.

— Она смотрела на горящую вершину Нута на горизонте, осознавая, что там горят люди. Думаю, просто до того момента в её голове хоть как-то укладывался смысл смерти. На войне люди умирали за что-то. За свою жадность, желания, верования или убеждения. За деньги За земли или за дом В любом случае, смерть эта была хоть по какой-то причине. Но тогда она смотрела на тот шпиль и понимала, что там происходит массовая бессмысленная смерть. Смерть одних по глупости других. Клэрис понял её желания без слов. Тогда она просто обрушила на город тысячи магических мечей, что падали на землю и взрывались пламенем. Это пламя отражалось в наших глазах. Клэрис сорвался с места и повёл за собой остальных. Мы устроили кровавую баню, как акт понятного только им двоим возмездия. Это продолжалось двое суток. Двое суток Нут горел и купался в крови.

Дмитрий дрожал. Его металлическая рука постукивала о ножны. В его глазах застыл ужас. Кир понял. Дмитрий тоже там был. Он был не свидетелем. Он был активным участником. Он тоже лил здесь кровь в этой каре Тамары. Он был гильотиной в её руках.

Кир ухватил Дмитрия за край черного плаща, и его дрожь в мгновение остановилась. Взгляд прояснился. Дмитрий вернулся в настоящее. Алексей смотрел на него с сочувствием и виной.

— Потом Тамара упала в обморок на три дня, — продолжил Дмитрий. — Потратила много маны. И пошёл дождь. В Нуте дожди идут редко. Но тогда ливень длился неделю, отчего наши войска не могли двигаться. Степь превратилась в глину. И Нут стал таким, какой он есть сейчас.

— Почему он остался таким? — требовательно спросил Кир. — Если тогда Тамара и Клэр уничтожили его, почему он стоит до сих пор? Кто все эти люди, что живут здесь.

Дмитрий пожал плечами, окинув взглядом труп города, к смерти которого приложил руку.

— Призраки, наверное, — ответил он. — Можно ли назвать их людьми. Опиумные зависимые, преступники и головорезы, которые прячутся здесь от закона.

— То есть, они все не коренные жители Нута? — Кир посмотрел на выращенные им деревья.

— Может, парочка и есть, — Дмитрий посмотрел в небо. — Но в основном, пришлые. Просто те, кто пришёл сюда

позже.

— То есть, это можно назвать естественным процессом? — Кир пытливо посмотрел на Дмитрия, будто пытаясь заставить его сделать выводы самостоятельно. — Может, Нут такой вовсе не из-за Тамара, Клэра или тебя? Может, это просто место? Место, где нет стражников. Нута уже и нет. Это просто гниющий труп Нута.

— Помнится, Царевна Кристина сюда приезжала, — Алексей похлопал Дмитрия по плечу.

— А, ну, да было дело — Дмитрий посмотрел вверх, пытаясь вспомнить. — Лет пять или шесть назад Вроде как, какая-то странствующая группа артистов проезжала здесь, а потом приехала в Царьград и стала кричать на каждом углу о страданиях города Нут. Тогда Царевна Кристина со своими последователями приехала сюда. Вроде как спела молитву на плодородие и исцелила больных.

Кир вновь бросил взгляд на город. Ему вспомнился разговор, начатый в Шу Закиром. Это было всего окало двух месяцев назад, а по ощущениям пронеслась уже целая жизнь.

— Сладкий яд веры, да? – усмехнулся Кир.

Ему стало интересно. А что бы сказала Тамара? Как бы она предложила решить проблему Нута, если бы вернулась сюда.

Воздух в Нуте был густым, вязким, пропитанным запахом гнили и отчаяния. Кир шёл, глядя прямо перед собой. Он видел трупы в подворотнях, видел людей с пустыми глазами,

но его взгляд больше не задерживался на них. Урок Тамары «не распыляй сочувствие» наконец-то укоренился в его сознании.

Его страдания — не его приоритет. Его цель — собрать сердце Виктора и вернуться домой.

И всё же... иногда его рука сама собой ныряла в карман, нащупывая горсть семян. Он не останавливался, не клал их на землю с церемонией. Он просто, проходя мимо особенно жуткого места или видя тело, которое никто не собирался убирать, незаметно бросал семечко. Ранетки. Их горькие плоды были ему хорошо знакомы.

Деревья прорастали прямо из потрескавшейся глины и булыжников, вызывая удивлённые возгласы редких прохожих. Но ни Кир, ни Алексей, ни Дмитрий не обращали на это внимания. Они были сосредоточены на другом. На плече Кира, вцепившись в мантию, сидел Хара. Божественный грызун выполнял роль живого компаса, его усы подрагивали, улавливая магические эманации осколка.

— Здесь, — пискнул Хара, указывая лапкой на приземистое, круглое здание в один этаж. Все окна были заколочены грубыми досками, а массивные двери выглядели так, будто их не открывали годами.

— Уверен? — Кир с сомнением посмотрел на морскую свинку. — Здесь?

— Точно так, — буркнул Хара. — Осколок внутри. И он... пульсирует. Как будто ему там не по себе.

Алексей и Дмитрий переглянулись. Без лишних слов они синхронно взялись за ржавые ручки огромных дверей и, навалившись всем весом, с натужным скрипом отворили их. Изнутри пахнуло не затхлостью и смертью, как ожидалось, а запахом множества немытых тел, сухой травы и чего-то съедобного, пригоревшего.

Внутри царил полумрак, разгоняемый лишь парой коптящих лучин. Но первое, что бросалось в глаза — это порядок.

На полу были расстелены ковры, грубо сплетённые из жгута. К стенам были придвинуты столы. Сами стены были превращены в многоярусные спальные места: к ним были приставлены лестницы, а на дощатых настилах лежали тощие матрасы. Здесь было множество детей. Они были худы, одежда на них висела лохмотьями, но они не выглядели больными. В их глазах, устремлённых на непрошеных гостей, читались не отчаяние или болезнь, а настороженность и готовность защищаться.

Из самого тёмного угла, из-за спин детей, выкатилась фигура на грубом деревянном кресле. Кресло было сколочено из кривых досок, а вместо ножек к нему были приделаны колёса от старой телеги. В нём сидел старик. Он был измождён до предела: кожа обтягивала кости, а под ней пульсировали синие жилки. Но самым страшным было то, что у него не было ног. Обрубки были аккуратно перевязаны грязными тряпками.

— Прошу вас, путники... — голос старика был тихим и

надтреснутым. Он смотрел на них снизу вверх, и в его взгляде не было надежды, только бесконечная усталость. — В этом доме только я и эти дети. У нас нечего красть.

Кир внимательно рассматривал старика. Он видел не нищего попрошайку. Он видел лидера. Вожака стайки бездомных собак.

Кир медленно отвернулся от старика и подошёл к Зефиру. Грифон лежал у входа, занимая почти всё свободное место. Кир отстегнул от седла одну из сумок с их припасами. Она была тяжёлой.

— Что ты делаешь? — голос Дмитрия был низким и настороженным.

— Покупаю информацию, — спокойно ответил Кир, возвращаясь к старику.

Он подошёл к катающемуся креслу и протянул сумку. Старик уставился на неё так, будто увидел чудо. Из сумки доносился запах свежего хлеба, вяленого мяса и молока — ароматы, которых в Нуте не было годами.

— Позвольте нам переночевать здесь, — голос Кира был твёрдым и уверенным, совсем как у Тамары, когда она вела переговоры с городничим Шу. — Мы за это поделимся припасами.

Старик молчал несколько долгих секунд. Его взгляд метался от сумки к лицу Кира и обратно.

Дети зашевелились. Из укромных уголков начали выползать всё новые и новые фигурки. Дети постарше, заметив чу-

жаков с едой, начали медленно подниматься на ноги. В руках у некоторых Кир заметил самодельные ножи из заточенных кусков металла.

Ловкая Лаза, почувствовав угрозу, юркнула наружу и молниеносно опутала одного из самых дерзких мальчишек, который сделал шаг вперёд с ножом наперевес.

— Не советую этого делать, — голос Кира прозвучал с неожиданной для его возраста властностью. Он посмотрел прямо в глаза мальчишке примерно своего возраста. — Я маг, а эти двое стариков — бывшие гвардейцы. Просто примите еду, которой с вами делятся, а сами поделитесь ночлегом.

За его спиной раздался смешок Алексея:

— Ты нас только что стариками назвал?

Дмитрий хмыкнул и прошептал Алексею:

— Может головушкой он и в Тамару пошёл... но языком точно в Клэриса.

Старик на кресле наконец-то улыбнулся. Это была слабая, вымученная улыбка человека, который давно забыл, как это делается.

— Оставайтесь... путники. Вы... вы странные люди для Нута.

Он развернул кресло к детям:

— А ну-ка! Помогите гостям! И несите котёл! У нас сегодня будет каша!

Прошло несколько часов. Убежище наполнилось арома-

тами, которые Кир уже почти забыл: запахом горячей каши, свежего (ну, относительно) хлеба и парного молока. Это был запах жизни, и для детей Нута он был слаще любых сладостей.

Дети ели жадно, но без жадности. Старшие следили, чтобы младшие получили свою долю. Сам старик, их молчаливый вожак, взял себе самую маленькую порцию, словно не желая обделять кого-то из своих подопечных.

Зефир, сытый и подобревший, позволял малышам гладить свой жёсткий клюв. Хара, которого дети уже перестали бояться, с громким хрустом грыз морковку, протянутую чумазой девочкой.

Алексей и Дмитрий сидели у костра, устало вытянув ноги. Кир же ел медленно, но его внимание было приковано не к еде. Он слушал. Старик, чьего имени они так и не узнали, начал говорить. Сначала тихо, потом всё увлечённее. Он рассказывал о временах, когда Нут процветал. О зелёных лугах за стеной, о стадах овец с курчавой шерстью, о ярмарках и песнях.

Кир слушал очень внимательно. Его взгляд скользил по шрамам на руках старика, по его осанке, по тому, как он держал ложку — привычным, уверенным хватом воина.

— А ты, значит, выживший дружинник из Нута? — голос Кира прозвучал в наступившей тишине так резко, что Алексей поперхнулся кашей. Дмитрий замер, не донеся ложку до рта.

Кир не кричал. Он просто отложил свою миску и посмотрел на старика прямым, изучающим взглядом.

Старик изменился в лице. Его глаза, тусклые и усталые мгновение назад, вдруг сверкнули в темноте костра недобрым огнём.

— Как ты понял? — его голос был хриплым, но в нём звучала не обида, а скорее интерес хищника, который встретил достойного противника.

— Я был в Шу, — спокойно ответил Кир. — Там у людей в основном смуглая кожа и тёмные волосы. В Нуте же все в основном пришлые чужаки, что поселились здесь уже после того, как Нут покарала армия Рюлеля. Их цвет кожи другой, и разрез глаз тоже. Даже эти дети... Вероятно, они просто случайно рождены плохими родителями в этом мёртвом городе и брошены.

Кир сделал паузу, давая словам осесть.

— Ты же выглядишь как полноценный житель Южных земель. Можно было бы сослаться на то, что ты родом из Шу или Геба... Но ты говоришь о Нуте как о своей родине. А ещё эти ковры. В книгах я видел работы здешних мастеров. Ковры эти новые. Ты научил детей их делать. В павшем Нуте мирного населения не осталось. А на твоих руках шрамы от порезов мечом. Очевидно, ты дружинник Нута. Недобитый Царевной Тамарой.

В убежище повисла гробовая тишина. Было слышно лишь, как потрескивают дрова в очаге да сопит один из ма-

лышей во сне. Алексей и Дмитрий шокировано переглянулись.

Старик рассмеялся. Это был сухой, лающий смех без капли веселья.

— Пытливый мальчик... Не то чтобы я в принципе пытался это скрыть.

— Старик, — Кир не сводил с него глаз. — Каково это было? Быть против Царевны Тамары и Клэриса Александриты?

— Почему спрашиваешь? — старик помешал кашу в деревянной миске. — Что тебе даст мой ответ?

— Точку зрения, — просто ответил Кир.

Старик снова рассмеялся.

— Точку зрения... говоришь... — он посмотрел прямо на Кира, и его взгляд стал пугающе ясным. — Вот тебе точка зрения. Я был в настоящем аду. С неба на нас обрушились тысячи мечей. Они тут же растворялись, как только пронзали кого-то или попадали в землю. Они распадались на ревущие столбы пламени. Я думал, что уже в аду. А повелительница этого ада... Царевна Тамара... возвышалась над нами, стоя в небесах на парящем алом магическом круге. Она была как посланница бога! Нет! Не как! Она **была** им! Крёстная дочь Хара, что пришла за нашими душами!

Он перевёл дыхание.

— И тогда из тени появился он... Город наполнился сотнями порталов. Он метался между ними как тень, а я бежал. Мы были стадом овец, которое резал волк. Когда он наконец

настиг меня... Когда я увидел Клэриса Александриту... Я понял всё... Я смотрел самой смерти в зелёные глаза, что горели огнём. Его кинжалы порезали мне ноги, чтобы я больше не смог бежать... А потом проткнули живот. Он стоял надо мной, готовясь забрать мою жизнь... Но она окликнула его... В этом хаосе Кровавая Царевна позвала его... Не знаю зачем. Может, из прихоти. Просто в этом аду прозвучало его имя. И тогда он забыл обо мне. Как кот, что мучил мышь, а потом его хозяйка позвала его посидеть у неё на коленях. Он бросил меня истекать кровью и исчез в своём портале.

Старик замолчал.

— Вот тебе точка зрения, малец.

— Понятно, — Кир спокойно вернулся к своей каше.

— Так интересно было послушать сказку про демонов? — с издёвкой спросил старик.

— Демонов? — Кир снова поднял на него взгляд. — Демоны обычно наказывают грешников, старик. Кажется, ты опустил самую главную деталь.

Дмитрий медленно повернул голову к старику. Его механическая рука тихо щёлкнула суставами.

— Знаешь, дедуль, я тут тоже недавно был в Шу... Там был такой же старик как ты. Дружинник из Нута. Орал на всю улицу про Кровавую Тамару.

Дмитрий смотрел на старика не моргая.

— Я задал ему вопрос... Не стыдно ли тому старику жить? А тебе, дедуль... жить не стыдно?

Старик повернулся к Дмитрию. В его глазах горело безумие пополам с отчаянием

— Стыдно до невозможности... Стыдно настолько, что еда в горло не лезет. Я загнал своих жену и дочь на алтарь, чтобы сжечь... А сам выжил просто по прихоти судьбы... Просто потому что моего палача отозвала обратно его госпожа! Но сдохнуть мне будет стыдно вдвойне! Я собираюсь волочить это мерзкое существование... искупая грехи каждый день... пока солнце встаёт и я могу дышать! Каждый день я жду, когда эти двое вернутся в Нут... чтобы наконец-то покарать меня! Но двенадцать лет они не приходят... Поэтому я просто жду тут! Кормлю этих детей и гнию заживо! Ног у меня уже нет! Потихоньку скоро останусь и без левой руки! Но пока что... я подожду...

— Ясно, — ответил Кир ровным голосом. — Мне была интересна твоя точка зрения.

— У тебя такие же глаза, как... у неё, — внезапно произнёс старик, и его голос сорвался на шёпот. Он смотрел на Кира так, будто увидел призрака.

— Неудивительно, — спокойно ответил Кир. Он доел последнюю ложку каши, аккуратно очистил миску коротким взмахом руки, убирая остатки еды магией, и отложил её в сторону. — Недавно я узнал, что Тамара — моя старшая сестра. Но я предпочитаю называть её своей наставницей. Как и Клэра. Того самого Клэриса из твоих кошмаров.

Старик выронил ложку. Она со стуком упала на деревян-

ный настил, но никто не обратил внимания. Алексей и Дмитрий застыли, словно каменные изваяния, переводя ошеломлённые взгляды с невозмутимого Кира на побледневшего старика.

Кир же смотрел на старика с едва заметной, понимающей улыбкой.

— Наверное, ты ждёшь не зря, — сказал он, и в его голосе не было ни злорадства, ни жалости. Лишь констатация факта. — Скоро мои наставники точно сюда явятся и будут про меня спрашивать. Если что, скажи Тамаре, что я в порядке. А Клэру... что я хорошо питаюсь.

Он сунул руку в карман и достал багровый, пульсирующий камень — осколок сердца Виктора. Камень тускло светился в полумраке убежища.

— Но вот что меня действительно интересует, — продолжил Кир, и его тон сменился на деловой. — Меня тут гоняют по одному поручению. И я точно знаю, что где-то тут у вас есть такой же камень. Могу ли я его обменять на что-нибудь?

Старик поражённо молчал, глядя то на камень в руке мальчика, то на очаг в центре комнаты.

Кир медленно поднял взгляд на очаг. Среди тлеющих углей лежал ещё один багровый осколок. Его использовали как огненный камень — он давал тепло, но его истинная суть была извращена бытовым применением.

Кир молча достал из сумки гладкий, отполированный магический огненный камень и бросил его в очаг. Пламя тут же

вспыхнуло ярче, принимая новую пищу. Затем он вытянул руку в сторону углей. Второй осколок сердца Виктора медленно поднялся в воздух, выплыл из огня и аккуратно лёг ему на ладонь.

— Это в качестве замены, — сказал Кир, убирая оба камня. — А теперь моя плата.

Он достал из сумки дюжину больших стеклянных пузырьков с алой жидкостью внутри.

— Это прививка от Оленьей оспы. Ею болеют в Нуте. Раздашь её детям, старик. И выпей сам. Никто из вас не заразится.

Затем Кир достал маленькую, плотно закрытую банку. Внутри виднелась влажная, рыхлая масса грибницы.

— А это... лекарство от Оленьей оспы. Эти грибы могут расти где угодно. Мы с наставницей вывели этот новый сорт. Просто нужно высадить их в землю, желательно там, где есть гнилое дерево. Этого добра у вас навалом. Следите, чтобы почва была влажной, и держите грибницу в тени. Через неделю она разрастётся. А через месяц грибов станет столько, что хватит вылечить весь Нут. Главное — не угробьте грибы и не ешьте их как еду, отравиться можно.

Он поставил банку на пол перед стариком.

— Хотите — продавайте лекарство. Хотите — раздавайте бесплатно. Можете вообще не делиться им и просто смотреть, как город вымирает. Исключительно ваше право.

Старик смотрел на пузырьки и банку так, будто ему про-

тянули ключи от Рая.

— Почему ты это делаешь? — хрипло спросил он.

— Что? — Кир посмотрел на него с искренним удивлением. — Я просто покупаю камень, который мне нужен. А как вы там будете разбираться со своей платой — меня не касается. Я не миссия. Я ученик Тамары.

Кир поднялся на ноги.

— Ну ладно, нам пора. Спасибо за еду и ночлег.

Алексей и Дмитрий встали следом за ним, всё ещё находясь под впечатлением от увиденного и услышанного.

Той же ночью они покинули Нут. Город-призрак остался позади, окутанный тьмой и запахом гари, но теперь где-то в его недрах теплилась крошечная искра надежды — банка с грибницей и дюжина пузырьков с алой жидкостью.

***

Весь полёт Тамара смотрела на звёзды. Это ей больше всего нравилось в Южных землях. Здесь в небе всегда хорошо были видны звёзды. Хурма приземлилась, подняв облако пыли и сухой травы. Следом за ней приземлился и Пёрл. Клэр устало спустился и придержал руку Тамары. Она ловко спрыгнула. Штанины её чёрных брюк все были в шерсти Хурмы. Она сняла капюшон своей красной мантии и устало выдохнула.

Воздух здесь был сухим. Тамара посмотрела на Нут. Среди старых полуразрушенных зданий виднелись костры.

— Здесь кто-то живёт? — спросила она у пустоты.

Клэр устало развернулся к городу.

— Как ты и говорила, надо было сровнять это место с землёй, — Клэр взялся за уздечку Хурмы.

— Что это вообще за место? — Аскольд потянулся, все его мышцы затекли в пути.

Тамара повернулась. Сухой степной ветер трепал её чёрные волосы. Слабый свет от редких костров и блеск луны делали её кожу странновато бледной. Она слегка улыбнулась.

— Это город Нут. Наш общий грех.

Тамара развернулась и направилась в сторону города. Аскольд и Клэр шагнули за ней. Не было здесь ни стражи на воротах, ни самих ворот. Только тёмные набитые живыми мертвецами улицы.

Тамара шла по улицам, и её взгляд был цепким. Она не отворачивалась. Она не делала вид, что не видит гниющие тела в канавах, не слышит сухой, лающий кашель опиумных зависимых или не чувствует смрад разложения, смешанный с запахом дешёвого пива. Она смотрела на результаты собственных трудов, и на её лице не дрогнул ни один мускул. Это был её грех. И она его принимала.

Клэр шёл рядом с ней в полном молчании, его присутствие было подобно стене — твёрдое и надёжное. Он видел то же самое: призраков прошлого и эхо криков. Наконец, он нарушил тишину, обращаясь к Аскольду, который с плохо скрываемым ужасом оглядывал город.

— После Нута мы должны были отправиться в Геб, — на-

чал он. Его голос был глухим, словно доносился из-под земли. Он обращался к Аскольду, но его взгляд был прикован к обрушенному шпилю вдалеке. — Если бы мы захватили город меньшими жертвами, части дружинников удалось бы сбежать. Они бы отправились в Геб, и их выводы были бы просты. Они бы принесли новость, что жертва Богу Войны была недостаточной. И сожжение людей Нута повторилось бы в Гебе.

Он сделал паузу, сглотнув.

— Тогда Тамара и я... превратили битву в возмездие. Мы превратили её в кару Бога Войны. Поэтому Геб вышел из войны почти целым. Мирное население было настроено сдаться, а не воевать. Только самые упёртые вожди вывели войска.

Аскольд слушал молча. Он смотрел на город с сочувствием, которое не пытался скрыть. Его взгляд упал на старуху у покосившегося забора. Она надтреснутым голосом предлагала «отвар из фей» за последнюю монету.

— Это было очередным уроком Тамары обществу, — наконец произнёс он с едва заметной улыбкой.

Тамара не слушала их разговор. Её внимание привлекло кое-что другое. По всему городу были разбросаны деревья. Невысокие, корявые от плохой почвы, но живые вопреки всему. Сейчас они цвели белыми цветами — странное пятно чистоты посреди охристой грязи и серой копоти.

Аскольд проследил за её взглядом и нахмурился, анали-

зируя.

— Они пророщены на трупах.

Тамара медленно перевела взгляд на ряд деревьев, которые словно выстраивались в линию по одной из улиц, уходя вглубь города.

— Кир оставил хлебные крошки... — прошептала она.

Её ученик был здесь. И он шёл тем же путём, что и они сейчас.

Клэр шёл впереди, его взгляд метался от одного дерева к другому, словно он читал карту, начертанную не на бумаге, а на самой плоти города.

Впереди, в сгущающихся сумерках, проступили очертания массивного круглого здания. Оно было приземистым, одноэтажным, и даже спустя годы не утратило своей монументальности. Заколоченные окна напоминали слепые глаза, а массивные двери были плотно закрыты.

Клэр остановился, глядя на строение. Он медленно провёл рукой по шершавой стене, и его пальцы нащупали глубокую борозду — след от удара мечом, который не смогли сгладить ни ветер, ни время.

— Это зал военных советов, да? — голос Клэра был тихим, почти благоговейным. Он копался в воспоминаниях, которые были острыми, как битое стекло. — Здесь собирались вожди перед атаками.

Тамара подошла и встала рядом. Она не стала касаться стены. Её взгляд был устремлён на заколоченные окна, за ко-

торыми теплилась жизнь.

— Мы оставили этот город слишком целым, — заключила она. В её голосе не было сожаления, только сухая констатация факта, словно она делала пометку в военном отчёте. — Все эти люди — не жители Нута.

Аскольд, который до этого молча шёл позади, поравнялся с ними. Он с интересом рассматривал здание.

— Что ты имеешь в виду?

— Они отбросы общества, которым не было места в Верене, Шу или Гебе, — продолжила Тамара, не отрывая взгляда от дверей. — В любом другом регионе Рюлеля их бы либо вылечили, либо повесили. Но здесь... для них нашлось место.

Она повернулась к спутникам. Свет полной луны падал на её лицо, делая его похожим на маску.

— Видимо, всё началось сразу после войны. Сюда хлынули опиумные зависимые, которые раньше были нашими солдатами. Те, кого списали со счетов. А с ними пришли и банды разбойников, убийц и насильников, пытавшихся избежать петли в других городах.

Она кивнула на здание перед ними.

— Так это место и обжилось. Они нашли здесь свой дом. Свое... дно.

Клэр молчал. Он смотрел на массивные двери, и в его памяти оживали другие картины: не горящие шпили, а карты на столе, голоса командиров, запах воска и пота. Зал советов. Место, где рождались планы. Теперь это было логово.

— Значит, мы не просто оставили город, — медленно произнёс он, и в его голосе прозвучала нотка горькой иронии. — Мы создали для них заповедник.

Тамара посмотрела на него, и на мгновение в её рубиновых глазах промелькнуло что-то похожее на тень.

— Да, — просто ответила она. — Мы создали новый мерзкий Нут.

Тамара не стала тратить время на разговоры. Она просто подняла руку, и магический круг, тускло светящийся багрянцем, лёг на массивные деревянные створки дверей. Замок с сухим щелчком рассыпался ржавой пылью, и двери со скрипом отворились внутрь, в душную тьму.

В лицо ударил густой, удушливый запах немытых тел, сырости, подгоревшей каши и чего-то сладковато-гнилого. Из полумрака на незваных гостей уставились десятки пар глаз. Испуганных. Ошарашенных. Обозлённых.

Внезапно из глубины зала раздался пронзительный, срывающийся крик. Со своего самодельного кресла с колёсами, стоявшего у дальней стены, упал старик. Он рухнул на пол с глухим стуком и, отталкиваясь руками, начал отползать в тень, не переставая кричать.

— Вы пришли за мной! — его голос срывался на визг, полный животного ужаса. — Наконец-то! Наконец-то вы пришли за моей гнилой душой!

Тамара и Клэр наблюдали за ним со смесью холодного презрения и бесконечной усталости. Они видели этот взгляд

раньше. Взгляд человека, который так долго ждал смерти, что она стала для него единственным избавлением.

Старик дополз до ног Клэра и, рыдая, вцепился в его ботинок. Он припал к земле, словно моля о последнем ударе.

— Выживший дружинник, — тихо вздохнул Клэр. В его голосе не было ни злости, ни удовлетворения. Только усталость родителя.

Тамара же не смотрела на старика. Её взгляд был прикован к детям. Они жались к стенам, вцепившись в свои самодельные ножи и заточки. В их глазах был не только страх, но и готовность защищаться до последнего.

— Самое мерзкое в отбросах то, что они способны порождать детей, — произнесла Тамара ровным голосом. В нём не было жалости, только сухой анализ биолога, изучающего опасный вид.

Её взгляд упал на мальчика-подростка лет тринадцати. Он стоял чуть впереди остальных, сжимая в руке грубый нож из заточенного куска металла. Она сделала шаг вперёд. Мальчик оскалился и замахнулся.

Движение Тамары было неуловимым. Она перехватила его запястье, и нож со звоном упал на каменный пол. Мальчик вскрикнул от боли — её хватка была стальной. Но Тамара не отпустила его. Она не смотрела ему в глаза. Её взгляд был прикован к его руке.

На предплечье, чуть выше локтя, зияла рваная рана. Укус человека.

— Аскольд, передай сумку, — спокойно попросила она.

Мальчик попытался вырваться, но это было всё равно что пытаться сдвинуть стену.

— Отпусти! — прохрипел он.

Тамара ловко открыла сумку одной рукой. В воздухе резко запахло спиртом. Не слушая криков мальчика, она щедро плеснула жидкостью прямо на открытую рану. Мальчик взвыл от боли и ужаса.

— От такого и умереть можно, — бесстрастно прокомментировала Тамара. — Вероятно, на тебя бросился один из опиумных зависимых. Обычно все думают, что укус человека не страшен. Но ты даже не представляешь, как ядовита человеческая слюна.

Мальчик был в шоке. Он перестал вырываться и смотрел на неё огромными глазами. Тамара же достала из сумки баночку с густой желтоватой мазью и чистый бинт. Она действовала быстро и профессионально: нанесла мазь на края раны и туго перебинтовала руку.

— Если вовремя не обработать подобную рану, ты можешь лишиться руки. А в таком месте не иметь руки подобно смертному приговору, — закончила она так же спокойно.

Она отпустила его. Мальчик отступил на шаг, прижимая к груди перевязанную конечность. В его взгляде страх смешался с чем-то похожим на благоговейный ужас.

Старик у ног Клэра продолжал рыдать. Клэр медленно присел. Старик немного отполз, смотря на него широко от-

крытыми глазами. Его лицо изрезали глубокие морщины и шрамы. Белки его глаз были желтоватыми, а большинство зубов отсутствовало.

Клэр перевёл взгляд на маленькую девочку, державшуюся за лохмотья старика, пытаясь оттащить его. Он мягко улыбнулся.

— Вы живёте здесь? — спросил Клэр.

Девочка застыла от ужаса. Её руки дрожали.

— Да, — пискнула она в ответ.

— Понятно, — Клэр перевёл взгляд на старика. — Ты видел здесь ребёнка? У него красные глаза и светлые волосы.

Старик прикрыл рукой девочку от глаз Клэра. Девочка продолжала держаться за него.

— Да, — ответил он. — Несколько дней назад здесь был ребёнок с двумя мужчинами. Они поделились с нами припасами, а затем я приготовил кашу, и мы вместе поели. Мальчишка понял кто я и назвался учеником Кровавой Царевны. Потом он забрал наш камень для розжига, обменяв его на лекарство от хвори.

Клэр кивнул, а затем поднялся. Старик испуганно отшатнулся.

— Значит, — Клэр смотрел на него уже без призрения. Теперь в его глазах осталась лишь усталость. – Ты накормил моего ребёнка кашей Спасибо.

Клэр развернулся, чтобы уйти.

— Почему ты не убьёшь меня?! — вдруг закричал он

вслед Клэру, который уже сделал шаг к выходу. — Я ждал тебя столько лет!

Клэр остановился. Медленно обернулся и посмотрел на старика сверху вниз.

— А зачем? — спросил он тихо. — Если лишаешь кого-то жизни, нужно осознавать зачем это делаешь. Лишение жизни – это дело хлопотное, знаешь ли.

Аскольд молча наблюдал за каждым движением Клэра, Тамара вышла вслед за ним. Дети и старик не спускали с них глаз.

Грифоны тихо заурчали при их приближении. Звёзды в ночном небе начали бледнеть. Они двинулись к выходу из города в полном молчании. Только когда стены Нута остались позади, а перед ними раскинулась тёмная степь под серо-розовым предрассветным небом, Тамара остановилась.

Она оглянулась на город — на скопление гниющих огней и руин. В её глазах не было ни гнева, ни жалости. Только едва уловимое решение.

— Это нужно исправить, — внезапно сказала она под шелест сухой травы на ветру.

Клэр удивлённо посмотрел на неё. Аскольд замер. Король фей обвёл руками город.

— Как? Разве эти люди не сами пришли к этому? – удивился он. – Просто посмотри на них! Они даже мёртвых не хоронят!

— Потому что такое место не должно существовать. Оно

как очаг болезни, что распространяется. Сейчас я не могу на это отвлекаться. Но когда мы найдём Кира и сердце моего отца... — На лице Тамары блеснули первые солнечные лучи. — Я хочу исправить всё, что здесь происходит. Такого места не должно существовать. Нужно изолировать опиумных больных и предать суду преступников. А детям дать достойный кров, пищу... и образование. Я хочу дать этому городу второй шанс. Если продумать в нём экономику... Точно, я ведь читала, что раньше на месте Нута был оазис! Если понять, отчего оазиса не стало и возрадить его, город обретёт гордость и желание жить.

Аскольд удивлённо вскинул брови, а затем махнул рукой, как бы давая им понять, что не собирается спорить или соглашаться, а затем запрыгнул на Перла и отъехал на нём в сторону. Клэр долго смотрел на Тамару молча. Затем он сделал шаг вперёд и мягко взял её за руку. Его пальцы переплелись с её.

— Почему ты вообще тогда последовал моему желанию? — спросила Тамара тихо, не глядя на него. Её голос дрогнул лишь на мгновение. — Я сделала из тебя чудовище. Ты ведь всё осознавал... почему помог мне?

Клэр не отвёл взгляда от города. И внезапно улыбнулся, искренне и счастливо. Когда он заговорил, его голос был тихим, но каждое слово звучало как высеченное в камне:

— Не спрашивай меня о таком. Я просто так сделал, потому что ты — это ты. Мне всё равно, захочешь ты спасти этот

мир или уничтожить. Я помогу. Захочешь стать Царицей — помогу тебе сесть на трон. Захочешь растить ребёнка в лесу — буду стирать пелёнки. Захочешь спать — полежу рядом с тобой на подушке, чтобы было спокойнее. Застегну корсет или вырежу армию. Если решишь, что нужно довести дело до конца — помогу сравнять Нут с землёй. Если дашь ему ещё один шанс — помогу построить его заново. Пусть меня хоть самой смертью называют... но именно так я хочу жить. Мне нравится жить именно так. Не мучиться в сомнениях, не плести интриги. Рядом с тобой я всегда осознаю себя. Я чувствую себя и понимаю себя.

Он повернулся к ней лицом.

— Я человек мышления довольно узкого и ценностей у меня немного. И желаний тоже. Просто хочу быть рядом с тобой. Это даёт мне ясность и форму.

Тамаре казалось, что сейчас Клэр сказал ей больше слов, чем за всё то время с исчезновения Кира. Она смотрела на него несколько долгих секунд, а затем шагнула вперёд и крепко обняла его. Он замер на мгновение от неожиданности, а потом неловко и немного скованно обнял её в ответ.

АКТ V: Юг. Глава 23: Имхотеп

Воздух над Зефиром был сырым и холодным, пропитанным запахом хвои и озона. Лес, окружавший их, был густым и темным. В отличие от широколиственных рощ Верена или выжженной пустоши Нута, здесь росли высоченные ели. Их кроны сплелись в плотный купол, почти не пропускавший тусклый свет пасмурного неба.

Кир плотнее закутался в плащ. Капли дождя, тяжелые и холодные, методично барабанили по ткани.

— Долго нам еще лететь? — крикнул он, пытаясь перекрыть шум ветра и дождя.

— Почти на месте! — отозвался Алексей, которому на вопрос ответила мокрая божественная свинка, сидевший впереди. Его единственный глаз щурился, вглядываясь в просветы между деревьями.

Дмитрий, чья металлическая рука блестела от влаги, положил тяжелую ладонь на плечо Кира.

— Слушай внимательно, — его голос был низким и хриплым, как всегда, когда он говорил о серьезных вещах. — Думаю, нашим следующим местом назначения будет Имхотеп.

— Имхотеп? — переспросил Кир. — Это тот, который... ну... который уничтожили вместе Шу и Нут?

— Он самый, — кивнул Дмитрий.

— Неужели, — Кир задумался, вспоминая последствия

уничтожения, которые он видел в Нуте. — Там будет также?

— Стал ли он городом призраком, как Нут? – закончил за него Дмитрий. — Имхотеп — не Нут, если ты это хотел знать.

— А что тогда? — Кир с любопытством посмотрел на сурового капитана. — Там тоже живут отбросы общества?

Дмитрий медленно покачал головой. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на жалость.

— Нет, Кир. Имхотеп заняли не люди.

Кир удивленно моргнул, не понимая.

— Тогда кто?.. Или что?

Дмитрий отвернулся, глядя на верхушки елей.

— Лучше увидеть самому.

***

Двенадцать лет назад тоже лил противный дождь. Он был не просто мокрым — он был ледяным, пробирающим до костей. Армия Рюлеля, измотанная и продрогшая после бойни в Нуте, двигалась через ельник к следующей цели. Воздух пах мокрой землей и смолой. Тамара стояла под магическим куполом, который она поддерживала над собой и Дмитрием. Капли дождя разбивались о невидимую преграду в сантиметрах от их лиц. Дмитрий выглядел мрачным; даже его механическая рука, тогда ещё совсем новая, казалось, поеживалась от холода.

Внезапно воздух рядом с ними задрожал и свернулся в черную воронку портала. Из нее шагнул Клэрис. Его черный

кожаный доспех был идеально сухим — магия перемещения защищала лучше любого зонта. Но его лицо было бледным, а губы сжаты в тонкую линию.

— Ну что там? — Дмитрий шагнул к нему, отбросив флягу с водой. — Докладывай.

Клэрис посмотрел на Тамару. В его зеленых глазах читалась усталость и что-то еще...

— Отвратительно, — выдохнул он.

Он не стал объяснять. Вместо этого он взмахнул рукой, открывая новый портал.

— Сам посмотри!

Тамара погасила свой купол и первой шагнула в темное марево портала, за ней последовали Дмитрий и Клэрис.

Они вышли на краю гигантского разлома. Лес остался позади, а перед ними разверзлась серая мокрая грязная яма.

Имхотепа больше не было. На месте города зияла огромная яма-кратер, уходящая вглубь земли. Две реки, которые раньше омывали стены города, теперь срывались с краев расщелины шумными водопадами и исчезали в темноте. Но самое страшное было не это.

Дно ямы и её стены были опутаны огромной сетью пульсирующих фиолетовых щупалец. Они были толстыми, как вековые деревья, и покрыты слизью. Они извивались медленно, лениво, реагируя на шум падающей воды или на эхо далеких раскатов грома. Это было похоже на чудовищный цветок или тело спящего морского создания, погребенного

под землей.

Дмитрий выругался сквозь зубы.

— Отвратительно... — повторил он слова Клэриса, но теперь в его голосе звучала не усталость, а брезгливость и гнев.

— И здесь не получится передохнуть, — заключила Тамара. Её голос прозвучал почти бесстрастно. Она смотрела на чудовищное зрелище без страха, лишь с глубокой сосредоточенностью.

— Что это вообще за мерзость? — Клэрис брезгливо поморщился, глядя на то, как одно из щупалец медленно сокращается, выпуская из пористой кожи струйки сизого пара.

Тамара ответила не сразу. Она медленно спустилась по скользкому склону на несколько метров вниз, чтобы лучше рассмотреть структуру щупалец.

— Магия, — наконец сказала она.

Клэрис непонимающе уставился на неё.

— Я не об этом! Я имею в виду... это же не может быть живым?

Тамара слегка улыбнулась его наивности и перевела взгляд на него. В её рубиновых глазах отражался фиолетовый свет от чудовища внизу.

— Это и есть магическая руда. Вся. До последней крупицы.

Она указала рукой на пульсирующую массу.

— Имхотеп рассматривался нами как стратегически важный объект именно из-за этого. Место добычи магической

руды. Той самой, из которой делают камни света для бедняков и камни розжига огня для армии. Магическая руда — это инструмент... костыль для тех, чья мана ничтожна, а знания скудны. У нас есть рудники в Мале и Центре, но южный источник позволил бы нам торговать через Геб и снабжать новоосвоенные территории без нагрузки на северные шахты.

Она сделала паузу, глядя на то, как щупальце лениво обвилось вокруг скального выступа.

— Но это теперь невозможно. Видишь ли... при атаке объединенных сил Нута и Шу была использована какая-то магия. Возможно, сам Имхотеп активировал защитный механизм города. Магия была грубой, дикой, но невероятно мощной. Она сработала как цепная реакция. Вся руда под городом... заразилась этой энергией. И она переродилась. Стала этим существом. Это похоже чем-то на птичек Дмитрия

— Не сравнивай моих птичек с этим, — перебил её Дмитрий.

— Может... стоит устранить угрозу? Просто убить эту тварь?

Тамара посмотрела на него с едва заметной теплой улыбкой.

— Я ценю твою храбрость, Клэрис. Но это бессмысленно.

— Почему? — не унимался он. — Мы можем...

— Мы можем потратить недели и потерять половину армии в попытках уничтожить это? Да. Но это ничего не даст. Эта зверюга и есть руда. Убив её, мы лишь уничтожим цен-

ный ресурс навсегда. Мы не вернем город и не получим шахты обратно. Это проклятие никуда отсюда не денется даже спустя десятилетие. Пусть просто само себя изживёт. Это лишь естественный процесс. Рано или поздно время сделает своё. Чудище умрет, а его тело начнёт разлагаться. Через несколько лет оно станет рудой. У нас будет южная жила. Просто чуть позже.

Она отвернулась от ямы и посмотрела на своих спутников. Дождь хлестал по их лицам.

— Пойдёмте. Наша реальная угроза сейчас — это не эта тварь внизу, а голод и пневмония, которые накроют армию из-за этого проклятого ливня, если мы не найдем место для стоянки в ближайшее время.

Клэр открыл портал обратно к армии Рюлеля. Им предстояло написать доклад о мёртвом Имхотепе.

***

Зефир тяжело приземлился на небольшую поляну, окружённую стеной тёмных елей. Грифон тут же сложил крылья и опустился на влажную землю, издав глухой, усталый стон. Даже его хвост безвольно распластался по траве.

— Кажется, наш транспорт выдохся, — констатировал Алексей, спрыгивая с седла и разминая затёкшую спину. Он посмотрел на серое небо, откуда всё так же монотонно лил дождь. — Нужно идти в город. До него осталось километров десять, не больше.

Дмитрий, который уже стоял на земле, отрицательно кач-

нул головой. Его механическая рука тихо щёлкнула суставами, когда он поправил плащ.

— Нет. В лес. Сначала отдохнём здесь.

Алексей удивлённо вскинул бровь. Он был человеком военным, привыкшим выполнять приказы, но сейчас в голосе обычно спокойного капитана звучала непривычная холодность.

— Ты чего? Промокнем до нитки. В лесу под ливнем — это верная простуда для пацана.

— Поверь мне, — отрезал Дмитрий, глядя Алексею прямо в единственный глаз. — Лучше нам сначала отдохнуть. Здесь.

Алексей открыл рот, чтобы возразить, но потом осознал: он просто не знает контекста. Для него этот лес — просто мокрые деревья. А для Дмитрия... Алексей вновь ощутил укол своего долгого отсутствия в мире живых.

— Ладно, — сдался Алексей. — Твоя взяла.

В этот момент из-под мантии Кира высунулась усатая мордочка Хара. Грызун дрожал всем тельцем, его шерстка промокла и прилипла к коже.

— Я никуда не пойду, пока не поем! — пискнул он возмущённо. — Тут холодно, сыро и пахнет еловыми иголками!

Кир вздохнул и присел на корточки рядом со Зефиром. Он положил ладонь на мокрую землю, и вокруг группы людей начал медленно формироваться знакомый магический купол. Полупрозрачная полусфера отсекла шум дождя, со-

здав внутри уютную тишину и сухость. Кир сделал жест точь-в-точь как Тамара, даже копируя её сосредоточенное выражение лица. Было лишь одно отличие. Цвет магии Кира был ярко-зелёным.

Дмитрий не выдержал и улыбнулся впервые за долгое время искренне и тепло. Алексей рассмеялся в голос, хлопнув себя по колену.

Лагерь разбили быстро и умело. Алексей достал из седельной сумки маленькую походную палатку, а Дмитрий помог установить её, используя свою металлическую руку как молоток, чтобы вбить колышки в каменистую почву. Внутри расстелили одеяла.

Сидя под защитой купола у входа в палатку, Кир вдруг почувствовал острый приступ ностальгии. Это было так похоже на посиделки у костра в Лесу Фей, когда они, выгнанные Тамарой и Геранью, с Клэром, Аскольдом и феями устраивали мальчишники, варили глинтвейн или грог и травили байки.

Герань впервые за долгое время высунулась из сумки Кира. Фея чихнула, подлетела ближе к костру и присела на край плаща Дмитрия. Было видно, что грозный капитан гвардии борется с желанием потискать её.

Кир окинул взглядом Алексея и Дмитрия:

— Иногда мы с Аскольдом и Клэром ходим в походы в Лесу Фей. Когда вернёмся домой, может, и вас позовём.

Дмитрий хмыкнул, подбрасывая ветку в небольшой костёр.

— Обязательно возьму выходной ради такого дела, — серьёзно кивнул он.

Алексей фыркнул, помешивая угли палкой.

— Как хорошо быть мертвецом, не надо ни перед кем отчитываться. График дежурств не нарушает.

Все трое рассмеялись. Кир вытянул руки над огнём, наслаждаясь теплом. Затем он перевёл взгляд на Хара, который свернулся клубком на его коленях и мелко дрожал.

— Я слышал, что морских свинок нельзя мочить, — внезапно подал голос Дмитрий. — Вроде как они от этого умирают.

Хара резко поднял голову. Его глаза-бусинки вспыхнули праведным гневом.

— Это кто тут умирает?! — взвизгнул он, брызжа слюной. — Да я тебя переживу, железнорукий ты увалень!

Кир расхохотался. Ситуация была настолько нелепой и домашней, что напряжение последних дней начало отпускать. Морская свинка, грозящая ветерану гвардии... Хара действительно напоминал ему Клэра в кошачьем обличье. Такой же ворчливый, важный и бесконечно преданный.

Смех стих. Кир смотрел на огонь и думал о доме. Интересно, что сейчас делают Тамара, Аскольд и Клэр? Нашли ли они хоть какой-нибудь след? Скучают ли по нему так же сильно, как он скучает по ним? От этих мыслей стало немного грустно, но тепло костра и компания суровых, но заботливых спутников не давали этому чувству перерасти в отча-

яние.

***

Хара, сидевший на плече у Кира, вёл их уверенно, настроенный на невидимую цель. Лес вокруг был живым. Он дышал, пах влажной хвоей и пробуждающейся после зимы землёй. Пели невидимые птицы, выводя сложные весенние трели. Иногда в ветвях елей мелькали рыжие хвосты белок, с любопытством провожавших путников. Звери здесь совсем не пугались людей, привычные к тому, что на них не ведут охоту. Герань иногда выглядывала из сумки Кира, чтобы рассмотреть пейзаж.

Но лес не был бесконечным. Он внезапно оборвался, словно отрезанный гигантским ножом.

Троица остановилась на краю каменистого обрыва. Внизу, в глубокой низине, раскинулся Имхотеп.

Кир инстинктивно отшатнулся назад, вцепившись пальцами во влажный мох. Картина внизу была ужасающей. Огромные, пульсирующие тёмно-фиолетовые щупальца, как в воспоминаниях Дмитрия, всё ещё оплетали руины города. Но за прошедшие годы всё изменилось. Щупальца больше не были просто паразитами на трупе города. Они срослись с ним, проросли сквозь камень и глину, став единым целым с фундаментом Имхотепа. Это было похоже на гигантский, гниющий изнутри плод, из которого прорастала чужеродная плоть.

— Ложитесь! — резким шёпотом скомандовал Алексей,

падая на живот и жестом приказывая остальным сделать то же самое.

Дмитрий и Кир тут же последовали его примеру. Алексей был хоть и отставным, но гвардейцем, и его инстинкты не подводили.

Внизу, среди переплетения каменных обломков и живых щупалец, происходило движение. Это были не люди. И уж точно не феи.

Странные создания, похожие на диких, кровожадных зверей. У них было человеческое телосложение, но серая, землистая кожа, натянутая на кости. Головы были гладкими — ни единого волоска. Но самыми пугающими были их лица: чуть заострённые уши и полное отсутствие глаз. Пустые глазницы смотрели в никуда.

Они были одеты в примитивные накидки из шкур каких-то подземных тварей. Они сосуществовали в этом аду: копошились у основания щупалец, что-то ели... но вдруг один из них с гортанным рыком набросился на другого, повалил на землю и впился зубами тому в плечо. Сородичи не вмешались — они лишь на мгновение отвлеклись от своих дел, чтобы убедиться, что жертва мертва, а затем вернулись к своим занятиям.

— А это ещё что за чертовщина? — выдохнул Дмитрий, его механическая рука непроизвольно сжалась в кулак.

— Хорошо, что ты заставил нас остаться в лесу и отдохнуть, — тихо произнёс Алексей, не отрывая взгляда от жут-

кой картины. — Я было чуть не повёл нас на верную смерть.

— Этого раньше не было, — глухо сказал Дмитрий. — Когда мы были здесь с Тамарой и Клэрисом... были только эти щупальца. Этих тварей здесь не было.

Кир смотрел на странных созданий с холодным аналитическим интересом учёного. Образы из уроков всплывали в его голове сами собой.

— Аскольд рассказывал мне... — прошептал Кир. — Об эльфах... Он говорил, что они были умным народом, но крайне горделивым. Их гордыня достигла пика настолько, что они отказались от естественного продолжения рода и начали искать способ воспроизводить себя с помощью магии. Как феи. Аскольд не говорил мне, чем это всё закончилось.

— Хочешь сказать... это эльфы? — с сомнением спросил Алексей.

— Несколько столетий назад эльфы оборвали связи с внешним миром и ушли в подземные города, — продолжил Кир, его голос был ровным и спокойным. — У этих созданий заострённые уши и нет глаз. Глаза под землёй не нужны. Эльфы были очень чувствительны к магии... Возможно, их привлёк магический взрыв в Имхотепе.

Внизу слепые твари закончили свою трапезу и, словно почуяв что-то, один за другим начали исчезать в зияющих провалах между камнями и щупальцами, уходя под землю.

— Там осколок сердца Виктора, — внезапно подал голос Хара с плеча Кира. Он говорил тихо, но все услышали. —

Хотите вы этого или нет... но нам придётся идти в Имхотеп. Или под него. Уж не знаю.

Кир медленно отстранился от края обрыва, его взгляд всё ещё был прикован к жуткой картине внизу. Он не чувствовал страха, только холодную, аналитическую сосредоточенность.

— Они ушли, как только солнце коснулось неба, — произнёс он тихо, но уверенно. — Вероятно, они стали ночными созданиями. Днём они предпочитают спать. Нам лучше выдвигаться, пока светло.

Дмитрий и Алексей переглянулись. Логика мальчика была безупречной. Алексей молча кивнул и начал спускаться по крутому склону первым, проверяя камни на прочность. Дмитрий замыкал шествие, его механическая рука помогала удерживать равновесие на осыпающихся камнях.

Они оставили Зефира и Герань в небольшой пещерке неподалёку, строго-настрого приказав грифону охранять фею и не лезть в пекло. Тот явно был разочарован тому, что не сможет быть полезным.

Оказавшись внизу, в тени гигантских щупалец, они двигались с предельной осторожностью. Алексей шёл впереди, беззвучно ступая по каменистой почве. Дмитрий следовал за ним, готовый в любой момент отразить атаку. Они инстинктивно старались не касаться пульсирующей фиолетовой плоти, обходя её по широкой дуге.

Но Кир остановился. Он смотрел на огромное щупальце, которое, словно поваленное дерево, лежало у него на пути.

Его души достигло странное понимание. Щупальце было всё изранено и искалечено. Рядом со старыми шрамами были совсем новые. От него отрывали куски. Резали, рубили и грызли. Оно страдало. Это порождение искажённой магии было живым, и оно мучилось. Он видел, как по его «коже» пробегают конвульсии боли, как оно медленно увядает под гнётом той самой руды, которой оно когда-то было. Эльфы-падальщики не просто жили здесь — они поедали его заживо, измываясь над его агонией.

Кир медленно поднял руку и осторожно, почти нежно, положил ладонь на шершавую, влажную поверхность щупальца.

Вокруг его пальцев тут же начал пробиваться зелёный свет. Прямо из фиолетовой плоти, рядом с его рукой, начал расти небольшой стручок, похожий на фасолевый. Он был гладким и упругим. Создание отзывалось на тепло его руки.

— Хочешь уйти отсюда? — тихо спросил Кир, обращаясь не к своим спутникам, а к существу под его ладонью.

В этот момент маленькая Лаза, его верная спутница из мира Фей, высунулась из-под его мантии. Она с любопытством уставилась на стручок. Кир замер. Он вдруг понял: Лаза и это щупальце были чем-то неуловимо похожи. Оба были порождениями магии, оба были связаны с природой и ростом. Он аккуратно сорвал стручок с семенами и спрятал его в сумку.

— Я найду для тебя более приятное место, — прошептал

он.

Внезапно он почувствовал лёгкий толчок в плечо. Дмитрий и Алексей стояли в нескольких шагах от него и яростно жестикулировали. Они нашли узкий проход под землю, замаскированный обломками каменной кладки. Алексей указывал на тёмный провал и делал знаки, призывая Кира поторопиться. Путь вниз был открыт.

Спуск под землю был похож на погружение в холодную могилу. Воздух здесь пах сыростью, плесенью и разложением. Кир вытянул руку вперёд, и на его ладони зажёгся маленький, тусклый зелёный огонёк — ровно настолько, чтобы видеть путь перед собой, но не выдать себя издалека.

— Осторожнее, — прошипел Хара с плеча мальчика. — Осколок... он пульсирует там, впереди. Чувствую его тепло даже сквозь толщу камня.

Алексей шёл первым, беззвучно ступая по каменистому полу, словно тень. Дмитрий вновь замыкал строй, его механическая рука то и дело касалась рукояти меча, готовая выхватить клинок при малейшем шорохе.

Темноту начали резать первые признаки жизни. Серовато пятна светящихся лишайников расползлись по влажным стенам тоннеля, придавая подземелью зловещий, потусторонний вид. Вскоре проходы стали более упорядоченными. Это уже были не просто природные пещеры. По бокам появились загоны, сколоченные из кривых досок и костей каких-то гигантских существ. Внутри что-то копошилось, щёл-

кая хитином, — подземные жуки, которых разводили деградировавшие эльфы. Рядом лепились друг к другу убогие хижины из глины и веток. Теперь кривая архитектура Шу и Нута по сравнению с этим казалась Киру воплощением изящества.

Тоннель внезапно оборвался, открываясь в огромный подземный грот. Зрелище было одновременно прекрасным и отвратительным.

Здесь тьму разгонял неоновый свет огромных полупрозрачных грибов. Их шляпки размером с колесо телеги росли прямо из пола, а грибница, словно сеть голубоватых вен, пронизывала потолок и стены, испуская мягкое сияние. Под ногами у Кира стелились странные травянистые растения; стоило им наступить, как те испускали облачка светящихся спор, оседавших на сапогах мерцающей пыльцой. Воздух был сырым и прохладным, густо пропитанный запахом пота, выделений и грибов.

В центре этого сюрреалистичного сада возвышался шпиль, образованный естественным нагромождением сталагмитов. А на его вершине, пульсируя багровым светом, торчал знакомый камень — осколок сердца Виктора.

Но внимание привлекало не это. Вокруг шпиля, подобно огромному клубку спящих змей, шевелилась масса серых тел. Эльфы. Десятки, может быть сотни. Они спали вповалку, прижимаясь друг к другу в поисках тепла, которое исходило от магического артефакта.

— Вот он! — прошипел Хара, указывая лапкой на вершину шпиля.

— Он излучает тепло, поэтому они все трутся рядом с ним, — тяжело вздохнул Кир, оценивая ситуацию. Спящие чудовища преграждали прямой путь. — Может, ты его заберёшь? Ты маленький и шуму точно не наделаешь.

Хара фыркнул и спрятал мордочку в складках мантии Кира.

— Эм... нет.

— Аргументы будут? — устало спросил мальчик.

— Я не хочу, чтобы меня сожрали, — пискнул грызун.

— Ты бог или крыса, а? – возмутился Кир.

Хара вместо ответа лишь отвернулся и хмыкнул, заставив Кира раздраженно сжать зубы.

Алексей и Дмитрий синхронно выдохнули, признавая раздражающую победу божественной свинки. Из-под плаща Кира робко высунулась маленькая Лоза. Она посмотрела на хозяина, затем повернулась в сторону пульсирующий вдали камень и уверенно указала на него своим гибким стеблем.

— Попробуй, — кивнул Кир, понимая её безмолвное предложение.

Лоза сорвалась с его плаща и бесшумной зелёной лентой скользнула между телами спящих эльфов. Она ловко ползла, используя любую тень, пока не достигла основания шпиля. Затем, цепляясь за малейшие выступы, она поползла вверх, опутала осколок и так же аккуратно двинулась обратно.

Кир подставил руки, и Лоза бережно опустила ему в ладони тёплый багровый камень.

И в этот момент один из эльфов дёрнулся во сне. Его пустые глазницы открылись, ноздри затрепетали, втягивая чужой запах. Он издал громкий звук — нечто среднее между рыком загнанного зверя и пронзительным криком боли.

— Пора сматываться, — процедил Дмитрий.

Сигнал тревоги мгновенно разбудил всю колонию. Эльфы срывались с мест, их движения были дерганными и хищными. Они хватали дубины и каменные топоры, и вся эта лавина серых тел бросилась за чужаками.

— Бегите! — рявкнул Алексей, разворачиваясь лицом к толпе, чтобы задержать первую волну.

Началась паническое бегство. Дмитрий схватил Кира за руку и потащил за собой, отбиваясь свободной рукой от самых настырных преследователей. Кир бежал, сжимая осколок и чувствуя, как позади нарастает утробный вой сотен голодных глоток. Эльфов вела лишь слепая ярость и жажда плоти, речи или разума в них больше не осталось.

Они почти добежали до выхода из грота, когда сверху раздался властный окрик:

— Тихо!

Голос был холодным, полным презрения, но при этом обладал такой внутренней силой и теплотой, что заставил всех замереть. Кир невольно сравнил его с голосом Аскольда — такая же спокойная уверенность короля.

По земляным ступеням, ведущим вниз со второго яруса грота, медленно спускался мужчина. Эльфы, ещё секунду назад бывшие воплощением хаоса, тут же, словно крысы, расползлись в стороны, издавая тихое шипение и склоняя головы в подобострастном поклоне.

У незнакомца были длинные белые волосы, ниспадающие на плечи, и острые уши, которые невозможно было спутать ни с чем другим. На голове его поблескивала изящная диадема, а тело укрывали прекрасные белые одежды, казавшиеся неуместными в этой грязной пещере.

Он подошёл прямо к группе пришельцев. Его взгляд — надменный и холодный — обежал Алексея, Дмитрия и остановился на Кире. Во взгляде читалось холодное гордое презрение высшего существа к низшим.

— Что вы, люди, забыли в нашем славном королевстве эльфов? — спросил он, и слова прозвучали скорее как обвинение, чем как вопрос.

— Просим прощения за вторжение, — немедленно ответил Алексей, делая шаг вперёд и прикрывая собой Кира. — Мы не хотели тревожить ваш покой.

«Так и знал, что они эльфы», — подумал про себя Кир, наблюдая за сценой.

— Мы лишь путники, что случайно забрели сюда. Мы немедленно покинем Ваш дом, — выступил вперёд Дмитрий, крепче сжимая руку Кира.

Мужчина едва заметно усмехнулся уголками губ.

— Вот как. Что ж, раз вы здесь, мы должны принять вас как гостей. Меня зовут Флексус. Я король эльфов. Прошу вас.

Он плавным жестом указал наверх. Только сейчас Кир заметил, что ступени ведут к небольшому каменному изящному изваянию, украшенному резьбой, золотом и драгоценными камнями. Они не увидели его сразу, потому что оно сливалось с потолком, скрытое мраком.

Кир незаметно бросил осколок сердца в сумку. Алексей краем глаза заметил это движение.

— Простите, но... — попытался отказаться Дмитрий.

— Идёмте же, — голос Флексуса стал непреклонным. Он даже не слушал возражений. — Негоже гостям стоять в грязи. Вы разделите с нами трапезу.

Флексус повёл их за собой, поднимаясь по высокой, витой лестнице, которая, казалось, росла прямо из стены грота. С каждым шагом Кир делал молчаливые выводы. То, что могущественный осколок сердца Виктора использовался лишь как примитивная грелка для толпы одичавших существ, говорило о многом. Флексус не так хорош в магии, как пытается казаться, или же у него не осталось методов и смыслов для его использования.

Они поднимались к изящному дворцу, прилепившемуся к стене пещеры, словно ласточкино гнездо. Когда они достигли вершины, лестница за их спинами с тихим шорохом камня о камень втянулась в стену и исчезла.

Кир сделал ещё один пугающий вывод. Флексус, их «король», боялся своих подданных. Он запер себя в этой башне не от людей, а от собственного народа. Чтобы не быть пожранным ими.

Они прошли внутрь. Дворец был небольшим, чуть меньше Дома Тамары, но контраст с убогими хижинами внизу был разителен. Здесь не было ни глины, ни кривого дерева. Стены были сложены из гладкого, отполированного мрамора, который слабо мерцал в полумраке, отражая свет грибов снаружи. Внутри оказалось всего две комнаты: приёмная-столовая и спальня, отделённая от неё изящными шёлковыми шторами. Обычно магию пространства используют, чтобы сделать маленькое снаружи большим внутри. Флексус же применял её, чтобы маленькое внутри казалось большим снаружи.

В центре столовой стоял прямоугольный каменный стол. Внезапно воздух над ним сгустился. Сами собой на столешницу легли сервировочные салфетки, расставились тарелки из тонкого фарфора, серебряные приборы и хрустальные бокалы. Еда появилась так же бесшумно: в центр стола опустились два салата из свежих овощей и трав, блюдо с жареным мясом и несколько спелых яблок. Высокий кувшин сам наклонился, наполняя бокалы чем-то похожим на яблочный сок.

— Это не мясо моих сородичей и не щупальца того создания, что живёт над нами, — произнёс Флексус, заметив

брезгливую реакцию гостей. — Это олень. Я поймал его вчера.

Алексей и Дмитрий переглянулись с опаской, но голод взял верх. Они осторожно приступили к еде. Кир же к своей тарелке даже не притронулся. Он внимательно смотрел на Флексуса, а тот, в свою очередь, изучал мальчика.

— На тебе магия леса Короля Фей Аскольда, — заметил Флексус. Его голос был задумчивым.

«Так он не совсем бездарь», — сделал вывод Кир. Он взял одну маленькую помидорку из салата и положил себе на тарелку, но есть не стал.

— Я жил в лесу фей много лет вместе со своими наставниками, — ответил Кир.

— Аскольд позволил людям войти в лес? — в глазах Флексуса на мгновение вспыхнуло живое любопытство, которое он тут же попытался скрыть под маской холодности.

— Только меня и двоих моих учителей, — ответил Кир, намеренно не называя имён.

— Вот как... — Флексус задумчиво повертел бокал с соком в руках.

Внезапно Кир задал вопрос, от которого Алексей поперхнулся, а Дмитрий посмотрел на мальчика с укором.

— Вы единственный настоящий эльф?

Флексус медленно поднял взгляд от своего бокала. На его губах появилась едва заметная усмешка.

— Я ведь не на допросе, — спокойно произнёс Кир в от-

вет на немой укор спутников. — У нас диалог. Я отвечаю на вопросы хозяина дома, а хозяин дома — на мои. Вроде так это устроено.

Флексус тихо рассмеялся. Это был первый искренний звук, который они от него услышали.

— Всё так. Здесь нет больше эльфов. Только я и эти несчастные создания внизу.

— Как вы дошли до такого? — спросил Кир.

Флексус откинулся на спинку своего каменного кресла.

— Когда я был юным принцем, мои матушка и отец решили увести наш народ под землю. То людское государство... Рюлель... оно начало разрастаться. Мы почувствовали угрозу нашей спокойной мудрости и решили отстраниться. Но нас и так было уже очень мало. Эльфы не питали страсти к продолжению рода... Мы занимались науками и искусствами. Людская похоть нам была неприятна. Тогда моя матушка вспомнила о том, как рождаются феи...

— А внизу результаты эксперимента, да? — сухо подметил Кир.

— Верно, — не стал отрицать Флексус. Его лицо помрачнело. — Матушка и отец истратили свои жизненные силы на создание новой жизни... и сгинули лет двести назад. Остальные последовали за ними. Теперь наш народ стал таким.

— Ясно, — просто ответил Кир и наконец отправил помидорку в рот. Прожевал и проглотил. — В общем-то всё понятно. Мы можем идти?

Алексей снова подавился. Дмитрий закрыл лицо рукой. Флексус снова рассмеялся.

— Интересное ты дитя. Кто ж тебя воспитал таким?

— Моя наставница — ведьма без сердца, её кот и Аскольд собственной персоной.

— Аскольд... — эхом повторил Флексус. — Он тоже твой учитель? — спросил король эльфов с лёгкой улыбкой.

— Учитель-мучитель, — ответил Кир. — Вечно учил созерцать то дуб, то водопад, но одному интересному заклинанию он меня всё же научил.

— Какому?

— Эльфийскому луку.

Флексус приподнял бровь.

— Не припоминаю, чтобы прям уж учил его.

— Вы близко знакомы с Аскольдом? — прищурился Кир.

— Мы разошлись во мнениях.

— Понятно. Ну, нам пора.

— Не хочешь поболтать со мной ещё? — в голосе Флексуса прозвучала нотка тоски.

— Неа, — беззаботно ответил Кир. — У меня тут поручение от Бога Войны. А моя наставница следует за мной, чтобы вернуть меня домой и хорошенько отругать.

— То есть ты привёл в моё королевство за собой ещё людей? — в голосе Флексуса послышалась сталь.

— И Аскольд с ними, — безжалостно добил Кир. — Подождите немного и с ним побеседуйте.

Флексус долго смотрел на мальчика, затем медленно встал из-за стола. Его лицо снова стало непроницаемой маской короля.

— Что ж... идите тем же путём, что и вошли.

Король эльфов проводил их к выходу из грота. Когда они спустились вниз по другой лестнице, которая появилась по его воле, их встретила толпа слепых тварей. Они скалились и облизывались, но стоило Флексусу сделать шаг вперёд и взглянуть на них своим холодным взором, как они с шипением расползлись в стороны.

Уже у самого выхода Кир остановился. Он достал из сумки большой магический огненный камень. Он был крупным, гладким и круглым. Это было не творением Кира. Его когда-то играючи создала Тамара и отдала ему, сказав, чтобы Кир кидал его в фавна, если тот объявится вновь. Он протянул его Флексусу.

— Возьмите.

Флексус посмотрел на камень с удивлением.

— Если что... его можно и взорвать, — сказал Кир на прощание. В его голосе не было ни злобы, ни угрозы. Лишь констатация факта. — Если всё наконец-то надоест.

Не дожидаясь ответа, Кир развернулся и пошёл прочь из этого проклятого места вместе с Алексеем и Дмитрием. Позади них осталась лишь тьма подземелья и одинокая фигура последнего эльфийского короля.

Воздух на поверхности показался Киру благословением

после сырой, гнилостной вони подземелья. Он сделал глубокий вдох, наполняя лёгкие запахом хвои. Зефир, увидев их, тихо курлыкнул и ткнулся клювом в плечо мальчика, словно проверяя, всё ли с ним в порядке.

Но Дмитрий не дал ему и секунды на передышку. Капитан резко схватил Кира за плечи, разворачивая к себе. Его взгляд пылал яростью и непониманием.

— Что это сейчас было, Кир? — прорычал он, сжав пальцы на плечах мальчика чуть сильнее, чем следовало. — Ты дал ему метод для самоубийства? Неужели, этому учила тебя Тамара?

Алексей, стоявший рядом, нахмурился и скрестил руки на груди, ожидая ответа. Он не вмешивался, но его молчание было красноречивее любых слов. Кир не стал вырываться. Он спокойно, не мигая, посмотрел в лицо Дмитрию. В его красных глазах не было ни страха, ни раскаяния.

— Я просто дал ему выбор, — тихо, но твёрдо ответил он.

Дмитрий встряхнул его.

— Выбор? Какой ещё выбор?!

— Он может просто дать этим созданиям новую грелку, — начал перечислять Кир ровным голосом. — Может погубить себя вместе с ними. Или... — Кир сделал паузу, и его взгляд на мгновение стал жёстким, как у Тамары. — Или просто уничтожить эту мерзкую яму с порождениями гордыни старых эльфов, а затем уйти самому. Начать заново.

Внезапно маска спокойствия на лице Кира треснула. Спо-

койствие сменилось яростью, которая полыхнула в его глазах зелёным магическим огнём. Он сам схватил Дмитрия за запястья и с неожиданной силой сжал их.

— Разве это нормально?! — выкрикнул он. — Посмотри на него! Ты видел его «королевство»? Среди этих созданий внизу нет... нет *детёныша*! Он не создавал новых! Не его решением было уйти под землю и жить с тварями, от которых приходится отгораживаться магией, чтобы они тебя во сне не сожрали! Это был выбор прежних эльфов!

Кир тяжело дышал, его грудь вздымалась. Он отпустил руки Дмитрия и отступил на шаг.

— Мне... нравится магия эльфов, — уже тише, с горечью произнёс он. — Мне грустно смотреть на то, во что они превратились. Тамара сказала бы, что это просто естественное следствие их гордыни. Но ведь Флексус здесь ни при чём. Он заложник.

Кир поднял взгляд на спутников. В его глазах стояли слёзы бессилия.

— Я бы хотел, чтобы он бросил это и возродил эльфов. Но я ведь не могу решать за него. Поэтому я просто дал ему этот камень. Пусть хоть что-то правильное я сегодня сделал.

В повисшей тишине было слышно лишь тяжёлое дыхание грифона. Дмитрий долго смотрел на мальчика. Ярость в его глазу медленно угасала, сменяясь чем-то похожим на стыд и безмерное уважение.

Он медленно разжал пальцы и опустил руки. А затем, на-

рушив все правила субординации и сурового образа капитана гвардии, Дмитрий мягко привлёк Кира к себе и погладил его по голове тяжёлой ладонью.

— Прости, — глухо сказал он в макушку мальчика. — Я совсем не понял тебя и обвинил.

Кир уткнулся лицом в его плащ и прошептал:

— Ничего...

Дмитрий отстранил его от себя и посмотрел в глаза.

— Отдохнём? — спросил он уже своим обычным, спокойным тоном.

Кир кивнул, вытирая рукавом предательскую влагу с глаз.

— Давайте лучше отправимся дальше. Я так хочу домой... — его голос дрогнул на последнем слове.

***

Воздух над Имхотепом был густым и неподвижным, пропитанным запахом сырой земли, хвои и перегноя. Тамара первой спрыгнула со спины Хурмы, её чёрные волосы мгновенно впитали влагу из воздуха. Клэр мягко придержал её за локоть, помогая удержать равновесие на скользкой каменистой почве. Аскольд, восседавший на Перле, лишь лениво потянулся, хрустнув суставами.

Хурма и Перл тут же навострили уши, их ноздри затрепетали. Они чуяли знакомый запах — след другого грифона. Зефир был здесь. И совсем недавно.

— Он жив, — тихо произнёс Клэр, его зелёные глаза обследовали разрушенный город. В них читалась не только тре-

вога, но и облегчение. — Но где он сам?

Тамара ничего не ответила, лишь сжала кулаки так, что побелели костяшки. Её молчание было тяжелее любых слов.

Аскольд, напротив, выглядел заинтересованным. Он спустился с Перла и подошёл к краю гигантской ямы, которая когда-то была городом. Его взгляд был прикован не к развалинам, а к пульсирующей сети фиолетовых щупалец, оплетавших всё вокруг.

— Какое... любопытное искажение, — пробормотал он себе под нос, проводя рукой по воздуху над бездной. — Магия пожрала саму себя и переродилась во что-то новое. Отвратительно, но гениально.

Его размышления прервало утробное рычание, раздавшееся из темноты полуразрушенного здания. На свет выбежала первая тварь — серая, безглазая, с оскаленной пастью. За ней последовали ещё десятки таких же созданий.

Тамара брезгливо поморщила нос, глядя на приближающуюся волну падальщиков.

— Мне кажется, что пока меня не было, мир просто сошёл с ума, — произнесла она холодным, звенящим от презрения голосом. — Сначала маги-артефакты, что жгут себя ради одного-единственного заклинания, теперь это... Это преступление против истины, магии и природы.

Клэр выхватил кинжалы, принимая боевую стойку. Одно из существ прыгнуло на него, но было встречено стальным веером ударов. Тело упало на землю, и остальные твари тут

же набросились на своего павшего сородича, разрывая плоть с диким урчанием.

— О чём ты? — спросил Клэр, отпинывая ногой особенно наглую тварь.

— Эти эльфы рождены искусственно, с помощью магии и алхимии, — ответил вместо неё Аскольд, уклоняясь от атаки с шутливой грацией. Он даже не атаковал в ответ, просто уходя от ударов. — Я слышал об этих экспериментах. Печальное зрелище.

— Эльфы? — удивлённо переспросил Клэр, перерезая горло очередному монстру.

Они начали спускаться вниз, в подземный грот. Битва была короткой и жестокой. Тамара сжигала тварей магическими мечами, которые появлялись из багровых кругов в воздухе, Клэр методично вырезал их, двигаясь как смертоносная тень. Аскольд продолжал избегать прямого столкновения, лишь иногда отталкивая самых назойливых противников ветвями и корнями.

Когда они достигли дна грота, бойня прекратилась так же внезапно, как и началась. Существа замерли, скалясь и шипя, но не смея приблизиться. По земляным ступеням, ведущим из ниши под потолком, медленно спускался Флексус. Его белая одежда сияла чистотой посреди всей этой грязи.

Он окинул взглядом мёртвых тварей у ног незваных гостей, и на его лице промелькнула тень сожаления.

— Аскольд? — обратился он к Королю Фей.

Тамара резко повернулась к старому другу.

— Знакомый? — спросила она.

— Да так, придурок один, — небрежно бросил Аскольд, отряхивая рукав.

Терпение Клэра лопнуло.

— Что это вообще за яма?! Эй ты! Сумасшедший! Где Кир?! Что вы с ним сделали?!

Флексус перевёл спокойный взгляд на Клэра, затем на Тамару и Аскольда. Его губы тронула лёгкая улыбка.

— Наверное, вы про того ребёнка, что приходил сюда пару дней назад. Он ушёл в целости и сохранности, оставив мне это.

Он указал длинным пальцем на вершину шпиля из сталагмитов, где покоился большой, идеально гладкий огненный камень.

— Твои родители всё-таки сделали это, — тихо сказал Аскольд, делая шаг вперёд. В его голосе не было удивления, только ужас осознания принятого кем-то решения.

— Аскольд, кто это вообще? — требовательно спросил Клэр.

— Когда я видел его в последний раз больше трёхсот лет назад, он был принцем эльфов, — ответил Аскольд, не отрывая взгляда от Флексуса. — Матушка его очень интересовалась феями, так как мы рождаемся из чистых скоплений природной маны. Она мечтала о том, чтобы и следующие эльфы появлялись также.

— Отвратительно, — бросила Тамара. Её волосы вспыхнули алыми искрами чистой ярости. Существа внизу зашипели громче, чувствуя её гнев, но боялись подойти ближе.

— Да, — кивнул Флексус Аскольду, словно не слыша остальных. — Матушка и отец увели наш народ и породили новых эльфов.

— Флексус, — Аскольд чуть улыбнулся. — Не называй этих тварей эльфами.

— И всё же, у нас получилось, — Флексус проигнорировал его слова и посмотрел прямо на Тамару. — Тебя сопровождает прекрасная дева, от которой веет духом войны.

— Я бы на твоём месте долго взгляд не задерживал, — язвительно протянул Аскольд. — Огонь жжётся, знаешь ли.

— Как же мерзко, — прошептала Тамара. Её голос дрожал от отвращения. — На это просто невозможно смотреть!

От неё начала расходиться тяжёлая, давящая энергия благословения Бога Войны.

Клэр вспомнил, как Тамара часами сидела в библиотеке, изучая изящные эльфийские трактаты по высшей магии. Для неё это падение было личным оскорблением.

— Ой-ой, — Аскольд покачал головой. — Сейчас что-то будет.

— То же мне, гордый эльфийский народ! Копаетесь как черви в трупе мёртвого города! — выкрикнула она.

Вокруг Флексуса вспыхнула ответная энергия — яркая, жёлтая, чуждая.

— А что нам оставалось? Размножаться в похоти, как людям или зверям?!

— Сам-то смотрю не от взмаха крыльев бабочки появился! — крикнула в ответ Тамара, срываясь с места.

Её рука метнулась к рукояти меча Алексея, висевшего на поясе. Клинок со свистом покинул ножны. Флексус парировал атаку мечом, сотканным из чистого света.

— Какая чистая энергия! Сила, подобная древним правителям! — восхищённо выдохнул Флексус, блокируя удары.

Он перешёл в наступление. Одним движением он оказался рядом с Тамарой и схватил её за руку, притягивая к себе, не обращая внимания на то, что её магия обжигает его кожу.

— С тобой я мог бы возродить эльфов! Стоит только сделать тебя своей! Мои дети от тебя будут новыми эльфами!

Тамара ошарашенно уставилась на него, в глазах короля плескалось безумие. Брезгливо отступив, она освободилась от хватки. В тот же миг из портала за спиной Флексуса выскочил Клэр. Ударом ноги он отбросил короля эльфов к стене пещеры.

Глаза Клэра пылали возмущением и первобытной ревностью.

— Что ты там сказал? Повтори.

С раненой руки Флексуса капала кровь. Твари внизу оживились, почуяв её запах. Один из них осмелел и попытался дотянуться до своего «короля», но получил удар сапогом.

— Не подходите! — испуганно рявкнул Флексус, тяжело

дыша.

Тамара опустила меч. Холодное выражение её лица сменилось ужасом внезапного прозрения.

— Они каннибалы... По сути свой и по природе. Не могли же все изначальные эльфы... которых король и королева увели под землю... просто исчезнуть. Эльфы живут веками...

Она посмотрела на Флексуса с нескрываемым ужасом.

— Твои родители... Это они научили этих тварей каннибализму... Они пытались придать им вид настоящих эльфов путём... поедания старого поколения.

— Матушка и отец называли это жертвой старого дерева, дающего почву новым цветам, — тихо произнёс Флексус, медленно поднимаясь на ноги и опираясь о стену. Тело подвело его, и он вновь рухнул.

Аскольд подошёл к нему вплотную.

— Но это не твоё мнение, верно?

— Посмотри на себя, тоже мне Король Фей, ходишь в людской одежде и ищешь человеческого мальчишку, — усмехнулся Флексус, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Да, видишь ли, это веселее, чем сидеть в пещере и плесенью обрастать, — спокойно ответил Аскольд. — Прекрати уже. Это не твоя воля. Это лишь глупая мечта твоей матушки.

— Это достойная мечта! Мы — Эльфы! Мы не должны порождать детей из похоти, что оскверняет наше существование! — упрямо прохрипел Флексус.

Клэр снова пнул его по раненой руке.

— А кто тут пару минут назад говорил про возрождение эльфов с Тамарой? А?

— Это ради высокой цели, — прорычал Флексус через боль.

— Да, конечно, — холодно ответил Клэр и вновь пнул Короля Эльфов.

— Клэр, иди сюда, — позвала Тамара.

Клэр моментально забыл про поверженного врага. Обратившись котом, он запрыгнул Тамаре на плечо и требовательно потерся головой о её подбородок. Тамара взяла кота на руки, успокаивающе поглаживая мягкую шерсть, и подошла ближе к Флексусу.

— Когда я была совсем ребёнком, я читала множество книг об эльфах и считала их мудрейшими существами, — сказала она, глядя на последнего представителя этого народа. — Я надеялась, что встречу хоть одного в будущем.

— Не разговаривай с ним, — проворчал кот-Клэр.

— Сказать, что я разочарована — ничего не сказать, — продолжила Тамара, игнорируя ревность спутника. — Мудрейшие существа, что называют любовь похотью. Вы словно дети.

— Что? — Флексус отшатнулся, словно его ударили.

— Ты и сам не лишён простого желания, — безжалостно продолжала она. — Говоришь тут про какие-то высокие цели, а на деле готов «возрождать эльфов» с первой женщиной,

которую увидел за сотни лет. Просто выйди наверх. Подбери себе жену из дриад, русалок, фей или даже людей. Случаи гибридов редки, так что добрая половина твоих детей будет эльфами. Тоже мне сложность.

— Предлагаешь мне просто уйти? И бросить свой народ? — горько усмехнулся Флексус.

— Народ? — Тамара окинула взглядом мерзких существ, жадно слизывавших с каменного пола пролитую кровь своего «короля». — Этим созданиям стоит вернуться к земле и переродиться в новой форме. Своим самобичеванием ты просто вынуждаешь их существовать в мучениях и грехе. Посмотри на них внимательней, Флексус. Это урок для тебя и будущих поколений. Отрицать законы природы из собственной гордыни не стоит даже прекрасным и сильным эльфам.

Тамара развернулась и посмотрела на огненный камень, оставленный Киром.

— Мой дорогой ученик подарил тебе выбор. Ты можешь продолжать гнить здесь вместе с грехом своего народа. Можешь просто бросить их и уйти самому. Рано или поздно время с ними сделает своё. Можешь уничтожить себя вместе с ними, чтобы оставить об эльфах только прекрасные сказки. А можешь... — она обернулась. — Проститься с грехом гордыни и построить новую жизнь.

Не дожидаясь ответа, Тамара с Клэром на плече и Аскольдом направилась к выходу. Их шаги гулким эхом отдавались

в тишине грота.

— Любой кризис — это урок для общества, — донесся её голос уже от лестницы. — Людского, фейского или даже эльфийского. Сильное общество усвоит урок и справится с кризисом, перейдя на новый виток развития. Слабое исчезнет.

Они поднялись на поверхность. Солнце уже садилось, окрашивая небо в багровые тона. Вновь след Кира исчез, они опоздали ровно на шаг. Фиолетовые щупальца, покрывавшие город, медленно угасали, теряя жизненные силы.

Тамара смотрела на умирающее существо.

— Аскольд, этому созданию ведь недолго осталось? — спросила она.

— Да, — кивнул Король Фей. — Но оно успело дать семена.

Он посмотрел на небольшой отросток, на котором ранее был стручок. Аскольд положил ладонь на влажную, пульсирующую плоть умирающего гиганта.

— Создание, — мягко заговорил он. — Мы ищем нашего дорогого ребёнка. Он часть нашей семьи. И он сорвал твои семена. Пожалуйста, подскажи нам, где искать его.

Щупальце, которое мгновение назад казалось безжизненным, тяжело дрогнуло. Оно напряглось и медленно, словно через силу, вытянулось и указало направление на юго-восток.

— Снова хлебные крошки, — с тёплой улыбкой произ-

несла Тамара.

Создание издало последний судорожный вздох и окончательно замерло.

— Аскольд, сделаешь это для него? В качестве благодарности за помощь? — спросила Тамара.

Аскольд молча кивнул. Он поднял руки, и по всему телу мёртвого чудовища, по всем его щупальцам, вдруг пробежала волна жизни. Вместо гниющей плоти на фиолетовой коже распускались тысячи маленьких полевых цветов, наполняя воздух сладким ароматом.

Клэр, будучи котом, сидел на плече Тамары и демонстративно супился, наблюдая за этим проявлением чужой магии.

— Тебе так сильно не понравился Король Эльфов? — с хитрой улыбкой спросила Тамара с улыбкой.

Клэр спрыгнул с её плеча и тут же обратился человеком. Он ловко перехватил поводья Хурмы и сел в седло, после чего галантно протянул руку Тамаре, помогая ей сесть перед собой.

— Не то чтобы... Его слова про... ну... — Клэр замялся.

— Про похоть и всё такое? — рассмеялась Тамара, чувствуя, как он прижимает её к себе. — Не вижу ничего плохого в том, чтобы чувствовать желание к человеку, которого любишь. Разве это не один из языков общения влюблённых?

— Кажется, ты сейчас ввела в ступор кое-кого, — хохотнул Аскольд, взлетая на Перле.

— Хватит уже, полетели, — буркнул смущённый Клэр,

пришпоривая Хурму.

Гордая чёрная Хурма была крайне возмущенно такому к ней отношению, поэтому в отместку хорошенько хлестанула хвостом Клэра по спине. Тамара рассмеялась, и грифоны взмыли в воздух. Влажный ветер бил в лицо, аромат полевых цветов сменился свежестью воздуха.

Стоило грифонам выровняется в полёте, как за их спинами раздался мощный взрыв. Столб пламени окутал тело чудища, хрупкие цветы и развалины Имхотепа, предавая это место долгожданному погребению.

Грифоны замедлили полёт, позволяя всадникам обернутся. Клэр отпустил поводья и невольно сжал запястье Тамары. Остатки пламени танцевали в его зрачках. Лицо его застыло в странном удивлении. Стекающие реки стремительно тушили пламя. В огненной яме.Тамара слегка улыбнулась этому зрелищу.

— Он сделал выбор, да? — спросил Аскольд глядя на неё.

— Вероятно, — ответила Тамара.

— Но какой?— – спросил Клэр. — Он сжёг себя вместе с теми созданиями? Или покинул то место?

— Возможно, когда-нибудь узнаем, — Тамара потрепала Хурму по голове, немного испуганную взрывом. — Мне бы тоже хотелось знать, но сейчас я очень хочу найти Кира.

Облака над Имхотепом начали сгущаться, вдалеке послышался раскат грома. Надвигалась гроза, а с ней и ливень, что потушит остатки пожара.

АКТ V: Юг. Глава 24: Геб

Поток облаков оборвался так же внезапно, как и начался, словно кто-то сдёрнул с неба серую простыню. В лицо Киру ударил тёплый, солёный морской бриз, пахнущий свободой и чем-то неуловимо сладким — то ли водорослями, то ли далёкими специями.

Им в лица бил не просто ветер, а само дыхание моря. Поток облаков под ними расступился, открывая невероятное зрелище, от которого у Кира перехватило дух.

Внизу, на берегу бескрайнего голубого залива, раскинулся город. Он был похож на россыпь жемчужин или на застывшую пену прибоя, выброшенную на берег. Прекрасные дома из ослепительно-белого известняка спускались по пологим склонам холмов прямо к воде. Здесь не было ни высоких крепостных стен Верена, ни угрюмой охры пустынь Шу и Нута, ни соснового леса Имхотепа. Город казался открытым, гостеприимным и абсолютно беззащитным перед величием моря. Его единственным щитом были лазурные волны, которые лениво лизали песчаный берег.

— Неужели это... — выдохнул Алексей рядом, его единственный глаз был широко распахнут от удивления и почти детской радости. Старый разведчик выглядел так, будто увидел чудо.

— Геб! — с грубоватым восторгом подтвердил Дмитрий,

перекрикивая шум ветра. На его обычно суровом лице появилась редкая улыбка. — Жемчужина Юга!

Зефир, почувствовав общее настроение, издал довольный клёкот и начал плавное снижение. Он выбрал для приземления широкую полосу белого песка недалеко от городской черты. Лапы могучего зверя глубоко увязли в мягком песке, подняв небольшое облачко пыли. Грифон сложил крылья и устало опустился на землю, всем своим видом показывая, что долгий перелёт окончен.

Кир не стал ждать. Он спрыгнул со спины Зефира первым, ноги по щиколотку утонули в тёплой, рассыпчатой массе. Восторг переполнял его. Он уже видел Восточное море, но там были крабы, галька и сырость, разве что могучий серый исполин кит тогда порадовал его взор. Здесь же море было ласковым и нежным. Оно облизывало песчаный берег, и его волны рассыпались белой пеной. Наклонившись, он зачерпнул ладонями пригоршню песка и позволил ему тонкой струйкой стекать между пальцами.

Песчинки были неправдоподобно мелкими и белыми, как толчёная слоновая кость.

— Почему он белый? — спросил Кир, не отрывая взгляда от песчаной струйки. Голос мальчика звучал тихо, почти благоговейно. — Из-за кварца?

Дмитрий тоже сошёл на землю, его металлическая рука глухо звякнула о седло.

— Нет, мелкий, — ответил он, разминая затёкшие плечи.

— Когда мы были здесь с Тамарой и Клэрисом, Тамара говорила что-то про каких-то рыб, которые едят кораллы, не помню зачем А! Точно! Они едят водоросли на кораллах! А с водорослями откусывают кусочки кораллов и перевариваю их в мелкую пудру. И эти рыбы как они там назывались В общем, одна такая рыба за год производит примерно тонну такого песка.

— То есть у меня в руках какашки рыб — Кир требовательно посмотрел на Дмитрия.

— Да! Всё верно! — с улыбкой ответил Дмитрий.

Кир с заметной брезгливостью оттряхнул руки от песка, вызвав эти действием рокот смеха Алексея и Дмитрия.

— Смешно, да? Ха-ха-ха, — передразнил их мальчик. — Я надеялся, что ты сейчас тут речь толкнёшь про то, что это части моллюсков, ракушек, костей рыб или ещё чего там. Что-то типа там про прах океана. А мы просто тут капаемся в рыбьих какашках!

— Разве наставница не учила тебя, что истина не всегда прекрасна? — с мягкой улыбкой спросил Алексей.

Дмитрий же продолжал хохотать во всё горло, сгибаясь пополам и хлопая себя по колену.

— У него такая же реакция как у Клэриса тогда! — гоготал он. — Надо было видеть его рожу! Он же у нас эстет!

Не прекращая смеяться, Дмитрий наклонился и начал расшнуровывать сапоги. Плащ полетел на песок следом.

— Решил побегать по какашкам? — с ехидной ухмылкой

поинтересовался Кир.

Герань, разбуженная шумом, сонно выползла из его сумки и перелетела на плечо к Алексею.

— Да плевать я хотел на то, как там этот песок появляется! — весело отозвался Дмитрий, стягивая второй сапог. — Ты просто посмотри вокруг! Это море! Разве это не шикарно!

С этими словами он сорвался с места и с гиканьем побежал к воде. Зефир, словно огромный пёс, радостно взвизгнул и помчался за ним, поднимая тучи песка.

Кир не стал долго думать. Он скинул ботинки, отбросил в сторону плащ, быстро закатал штаны и с восторженным воплем бросился вдогонку за капитаном.

Хара, вывалившийся из сумки во время суматохи, сел на песок и принялся отплёвываться, набрав полный рот этой самой «пудры».

— Уже обед? — сонно зевнула морская свинка, совершенно не разделяя общего веселья.

А в воде царил настоящий хаос. Дмитрий, забыв о своей металлической руке, нырнул в волну с грацией, неожиданной для его массивной фигуры. Он вынырнул, отфыркиваясь, как морж, и брызги, летящие от него, сверкали в лучах заходящего солнца расплавленным золотом.

— Давай, Алексей! — крикнул он, махнув рукой. — Водичка — как парное молоко!

Кир, визжа как обычный мальчишка, которого впервые в жизни пустили на море, пытался обрызгать грифона. Зефир,

забыв об усталости после долгого перелёта, с восторгом играл с ним. Он то отступал в воду по грудь, то делал вид, что хочет цапнуть Кира клювом, отчего мальчик с хохотом бросался наутёк по мелководью.

Алексей, стоя по колено в воде, смотрел на эту картину с тёплой улыбкой. Он чувствовал, как солёный ветер треплет его волосы, как тёплая волна ласково толкает в механическое колено. Это было странное, почти забытое чувство — быть живым.

— Идёшь плескаться? — сонно спросил Хара с берега, вытирая мордочку лапкой.

— Я снова будто жив, — тихо ответил Алексей, скорее себе, чем кому-то. Он перевёл взгляд на горизонт, где небо сливалось с морем в палитре из оранжевого, розового и багрового. — Не хватает только Тамары и Клэриса. И, пожалуй, Царя Виктора... чтобы он ворчал на нас за то, что мы устроили беспорядок.

Секунду спустя улыбка на его лице сменилась озорной ухмылкой. Он одним движением стянул с себя рубаху и сбросил штаны, оставшись в одних подштанниках. Его механические ноги и правая рука тускло блеснули на солнце.

— Ловите! — крикнул он и, разбежавшись, подпрыгнул и исполнил идеальную «бомбочку», рухнув в воду плашмя.

Взрыв от его падения был слышен, наверное, на другом конце пляжа. Огромная стена брызг окатила и Дмитрия, и Кира, и даже Зефира. Грифон возмущённо курлыкнул, но в

его голосе не было злости, только веселье.

На берегу Герань захихикала, прикрыв рот ладошкой, а Хара лишь философски заметил:

— Ну вот, теперь точно придётся мыться.

Двое мужчин, ребёнок и грифон продолжали резвиться в тёплых волнах, а закатное солнце окрашивало их смех и брызги в цвета чистого золота. Это был момент абсолютного покоя и счастья, редкий и оттого ещё более драгоценный подарок после всех ужасов, которые они видели. Малышка Герань и Хара наблюдали за ними с берега. Кричали морские чайки, и волны лизали берег.

Солнце уже почти коснулось горизонта, окрашивая небо в багряные тона, когда Дмитрий, наконец, вышел из воды. Он встряхнулся, словно огромный пёс, разбрызгивая вокруг себя капли морской воды, которые на мгновение вспыхнули в свете заката.

— Хорош плескаться! — крикнул он с улыбкой. — Нам пора найти место для ночлега. Скоро стемнеет.

Кир сушил их и свою одежду простейшим бытовым заклинанием, ткань исходила легким паром. Алексей кивнул, отстёгивая свои протезы и выливая из них воду.

— Идём искать постоялый двор? — предложил он, натягивая ещё тёплую от магии Кира рубаху.

— Никаких постоялых дворов! — тут же возмутился Дмитрий, энергично жестикулируя. — Мы в Гебе! Здесь нужно идти в гостиницу! С мягкими простынями, красивыми

подавальщицами в столовой и, конечно, с видом на море!

— Отлично придумал, — Кир закатил глаза, скептически глядя на спутника. — А деньги на это «великолепие» мы где возьмём?

Дмитрий молча достал из кармана промокшего камзола увесистый кожаный мешочек. Внутри глухо звякнуло золото.

— Ого! — удивлённо присвистнул Алексей, разглядывая мешок. — Зарплата капитана гвардии выросла с тех пор, как я им был!

— Просто в отличие от некоторых, я не трачу деньги на всякую ерунду, — невозмутимо парировал Дмитрий, бросив на Алексея насмешливый взгляд.

— Неплохо, конечно, но кто знает, сколько нам ещё бродить? Не стоит ли приберечь деньги? — рассудительно заметил Кир.

— Мы и не будем их тратить, — ответил Дмитрий. Порывшись в другом кармане, он протянул Алексею один из бумажных квадратиков. На нём красовалась внушительная царская печать Рюлеля, а сумма была выведена мерцающими золотыми магическими буквами. — Мы будем отдыхать за счёт Царя Виктора.

— Чеки с царской печатью! — воскликнул Алексей, мгновенно узнав лоскутки бумаги.

— А для тех, кто рос в Лесу Фей, будет пояснение? — подал голос Кир, заглядывая через плечо Алексея.

— Это чеки, которые можно обменять на деньги в любом

городском казначействе Рюлеля, — начал объяснять Дмитрий. — Не совсем практично, если честно, мелкие города не особо охотно их принимают... Обычно кто-то из городского совета потом обменивает их на монеты, обращаясь во дворец. Видишь ли, деньги — вещь массивная. Да и под ограбление попасть легко в путешествии. Если идёт армия, которую нужно содержать, проще выдать генералу заколдованные от воровства Царские чеки, чем везти мешки с золотом. Или если отправляешь кого-то на разведку в одиночку. В общем, вещь полезная.

— То есть, — Кир повернулся к Дмитрию, его глаза хитро блеснули, — ты собираешься разбазаривать Царскую казну?

— Нет, — спокойно ответил Дмитрий, убирая чеки обратно в карман. — Я выделяю из неё средства на сопровождение Царевича. К тому же, это из личного бюджета Царя Виктора.

— А, ну тогда можно, — тут же резко переменил мнение Кир, пожав плечами.

— А тебя долго не пришлось уговаривать? — усмехнулся Алексей, качая головой.

— Тамара говорила, что деньги — это лишь ресурс, которым нужно уметь пользоваться, — без тени сомнения заявил Кир, цитируя наставницу. — Так почему бы не использовать этот ресурс для комфортного отдыха «Царевича Руслана»?

Ночь уже вступила в свои права, окутав город бархатным южным сумраком, но Геб и не думал засыпать. В отличие от

вымерших руин Имхотепа или гнетущей тишины Нута, здесь жизнь била ключом. Из открытых дверей таверн лилась музыка — звон лютни смешивался со смехом и стуком кружек. По ширине узких улочек тускло светили фонари, насаженные на верёвку, растянутую между домами, превращая город в гирлянду из тёплых огоньков. Воздух пах жареным мясом, терпким вином и морской солью. С набережной доносились басовитые голоса моряков, травивших байки о дальних плаваниях.

Кир шёл по улице, вертя головой во все стороны. Он был в четырёх городах, знакомых с войной, но только сейчас понял, что никогда раньше не видел настоящей мирной жизни. Даже счастливый весенний Верен был окружён защитной стеной. Но не Геб. Он был открыт всему свету. Здесь жизнь она пульсировала в каждом камне, в каждой улыбке прохожего.

— Разве Геб не участвовал в войне? — спросил он у Дмитрия, нарушая весёлую суматоху вокруг. Его голос прозвучал тихо, почти робко.

— Участвовал, — кивнул Дмитрий, сворачивая в менее оживлённый переулок. — Но Геб не нападал на Имхотеп вместе с Нутом и Шу. Имхотеп был уничтожен дружинниками даже не ради магического камня. Так, пару мешков зерна да скот увели. И за это сожгли целый город... Местные жители не особо воинственные. Они выращивают виноград, разводят пчёл. Мёд из Геба самый лучший вообще-то. Раньше

освоили ремёсла, земледелие... Ткут прекрасные ткани. Их князь хотел войны с Рюлелем. Мы одолели его дружину за неделю. Жители встретили нас с опаской, но быстро приняли новые законы. Их устраивало, что их больше не грабят. Да и наше налогообложение оказалось куда более щадящим, чем поборы их совета вождей. Без войн и с поддержкой Рюлеля город начал развиваться. И теперь стал жемчужиной юга, где строят корабли и вино льётся рекой.

— Невероятно, — прошептал Кир, переваривая услышанное. — По пути сюда я думал, что вся война была лишь актом жестокости, но, оказывается, всё зависит лишь от позиции. Теперь мне кажется, что и Нут, и Шу страдали лишь по собственному выбору... Наверное, об этом и говорила Тамара...

Дмитрий ничего не ответил, лишь молча потрепал Кира по голове и повлёк его дальше по лабиринту белых улочек. Вскоре шум праздного города стих, уступив место умиротворённой тишине небольшой площади. Здесь было пусто и светло от лунного света, который выглянул из-за облаков, заливая белым сиянием высокий обелиск в центре.

Кир подошёл ближе. Обелиск казался простеньким, но изящным, его поверхность была испещрена тысячами тонких царапин. Лишь приглядевшись, он понял: это были не царапины. Это были имена. Тысячи имён, вырезанных, выскобленных, написанных неровным почерком.

— Это Клэрис придумал, — нарушил молчание Дмитрий. — Тамара просто хотела оставить наместника и поско-

рее вернуться, а Клэрис сказал, что войну нужно окончить правильно. Чтобы все могли проститься. Тогда мы решили оставить имена. Дали заказ местному ремесленнику, и тот из гипса отлил этот обелиск. Мы несколько часов писали на нём имена всех, кто погиб. А потом вместе с нами начали писать и местные жители. Сначала они боялись, но Клэрис сказал, что смерть — один и тот же итог для всех, поэтому пусть и имена тех, кто был против нас, тоже будут здесь. Имена сыновей, мужей и отцов...

Кир медленно провёл ладонью по холодной поверхности. Прошлое наставников перестало быть для него абстрактными историями. Оно было здесь, высечено в этом камне. Жестокое, но человечное. И этот гипсовый обелиск так походил на Клэра.

Алексей, стоявший рядом, тоже прикоснулся к обелиску и застыл. Из его единственного глаза скатилась слеза. Кир и Дмитрий посмотрели туда, куда смотрел Алексей.

На белой поверхности, освещённая луной, выделялась надпись ровным, каллиграфическим подчерком Тамары: «Алексей». А рядом с ней, кривыми, детскими буквами Клэра было нацарапано: «любимый наставник».

Алексей судорожно выдохнул и резко утер слезу рукавом.

— Им... сильно больно было? — хрипло спросил он, не отрывая взгляда от надписи.

— Когда я принёс твой меч из Верена, — глухо ответил Дмитрий, глядя в землю, — я упал перед ней на колени. Умо-

лял покарать меня за то, что не уберёг. А Тамара... просто обняла меня и поблагодарила за то, что я вернулся живым. Клэр с тех пор стал оберегать её с ещё большей яростью. Он обратил твой способ использования магии в идеальное оружие, а потом отказался от меча, заменив его на кинжалы, чтобы быть быстрее. Настолько было больно.

— Надо извиниться перед ними, — произнёс Алексей твёрдо. — Я бросил их. А теперь вместо того, чтобы получить заслуженные обвинения, практически украл их ученика.

— Тамара не злится, — внезапно подал голос Кир.

Алексей и Дмитрий одновременно повернули к нему головы. В лунном свете их лица казались бледными масками, на которых читалось одинаковое изумление.

— Клэр, наверное, тоже, — спокойно продолжил Кир, пожимая плечами. Его взгляд снова скользнул по бесконечным рядам имён на обелиске. — Думаю, они поймут тебя. К тому же виноват не ты... а он, — Кир опустил глаза и ткнул пальцем в сумку, откуда торчала усатая морда Хара.

— Я?!! — пискнула божественная свинка, высовываясь наружу. Его голос был полон праведного негодования.

— А кто нас сюда отправил? — с напускным спокойствием парировал Кир, скрестив руки на груди. — Если тебе так нужно было сердце Виктора, надо было просто попросить Тамару. И мы бы вместе его нашли! Надо же было устраивать такую заварушку...

— Нет, так бы не подошло, — фыркнул Хара, деловито отряхивая морду от крошек. Он выбрался из сумки полностью и встал на задние лапки, приняв важный вид. — Я хочу, чтобы наш с Лёль спор сдвинулся с мёртвой точки, понимаешь?

— Да что у вас за спор такой?! — Кир в отчаянии всплеснул руками и схватил Хара за шкирку, слегка встряхнув. Морская свинка беспомощно болтала лапками в воздухе. Кир перевёл требовательный взгляд на Алексея: — Ты знаешь?

Тот лишь молча пожал плечами, пряча улыбку.

— Наверняка какая-нибудь ерунда, — Кир принял напыщенный вид, пародируя кого-то важного. Голос его стал глубоким и раскатистым: — «Что важнее, любовь или сила? Нет, Лёль, сила важнее любви! Ха-ха!» — Он вернул себе обычный тон: — «Хара, ты не понимаешь! Любовь — она везде!»

Алексей не выдержал и расхохотался во весь голос, хватаясь за живот. Дмитрий, чья суровая маска давно дала трещину, тоже согнулся пополам от смеха, хлопая себя ладонью по колену. Даже маленькая Герань, выглянувшая из кармана Дмитрия, беззвучно затряслась от хихиканья.

— Эй, ты! Молокосос! Кто вообще спорит о таких расплывчатых вещах?! — возмутился Хара, красный от стыда и гнева.

— Тогда о чём вы там поспорили, а? О том, что вкуснее

— яблоки или груши?! — не унимался Кир, тряся грызуна чуть сильнее.

Возмущение Кира достигло своего пика. В конце концов, он был просто ребёнком, который устал, проголодался и отчаянно скучал по дому. Вся эта абсурдная ситуация требовала немедленного разрешения.

— О том, кто признается первым! — выпалил Хара со злости, но тут же осёкся и прикрыл морду лапками.

Воцарилась оглушительная тишина, которую нарушало только далёкое эхо музыки из города.

— Что? — хором спросили Алексей, Дмитрий и Кир.

Кир смотрел на морскую свинку с выражением крайнего шока и недоверия.

— Это ещё что за бред? — тихо произнёс он, глядя на Хара.

— Да какое тебе дело вообще! – возмутился Хара.

— Какое мне дело? А по чьей воле я тут, по-твоему? — Кир вновь встряхнул зверька за шкирку. — А ну! Отвечай! Пока я тебя не скормил Зефиру!

Он демонстративно поднёс его к пасти дремлющего неподалёку грифона.

— Ай! Ладно! Ладно! — заверещал Хара, прижимаясь к ладони Кира. — Спор был в том, кто признается первым! Клэрис или Тамара!

Кир медленно разжал пальцы, позволив морской свинке плюхнуться на брусчатку. Он выглядел так, будто его ударил

ли пыльным мешком по голове. Алексей и Дмитрий переглянулись с абсолютно одинаковым выражением лиц, которое можно было перевести как: «Серьёзно?».

— Серьёзно? — возмущённым эхом повторил Дмитрий, глядя на божественную свинку. — Мы здесь, рискуем жизнями, путешествуем по всему континенту... потому что эти двое всё никак не могут уже перейти на новый уровень отношений?!

— Да, — обречённо вздохнул Алексей, запрокидывая голову к небу. — Не так я себе представлял цель служения в Храме Бога Войны на протяжении тринадцати лет.

— То есть вы с Лёль поспорили на личную жизнь моих наставников? — уточнил Кир, подходя к Харе и нависая над ним.

— Ну, не совсем, — пробурчал Хара, отряхиваясь. Он сел на задние лапки и начал объяснять, словно это была самая логичная вещь на свете. — Когда я выбрал себе крестницу среди людей, я тут же поспешил показать её Лёль. Та заинтересовалась, но не Тамарой. Тогда шла война, и на поле боя с ней был Клэрис. Лёль сразу поняла, что у него есть чувства к Тамаре, и сказала мне об этом. Я ответил ей, что раз уж есть, то пусть подойдёт и признается, ведь моя крестница тоже, очевидно, к нему неравнодушна.

Дмитрий и Алексей слушали этот рассказ с каменными лицами, лишь иногда кивая, словно соглашаясь с аргументами.

— Да, согласен, справедливо, — серьёзно кивнул Дмитрий.

— Точно, Клэрис сам виноват, давно надо было признаться, — поддакнул Алексей.

— Вот! — продолжал тираду Хара. — А Лёль сказала, что Клэрис слишком нежен в душе, так что это Тамаре следует подойти придать ему уверенности, чтобы он мог ответить на её чувства. Меня возмутило, что моя крестница должна делать то, что противоречит её природе! Она тогда не осознавала своих чувств до конца из-за сложившихся обстоятельств в мире. Если бы Клэрис признался первым, то это бы дало ей понимание самой себя! Но Лёль не хотела уступать, я тоже! Тогда мы и заключили пари. Лёль поставила на то, что Тамара признается первой, а я на то, что первым признается Клэрис. Так и порешили. Но прошёл год, два, война закончилась, а эти двое не особо как-то собирались разрешать наш спор! Потом Тамаре вырвали сердце, и Виктор принёс его в мой храм. Я решил, что не буду навязывать крестнице возвращение сердца, пока она не отдохнёт немного и не примет необходимость сердца как части себя. А Клэрис в свою очередь явился в храм Лёль и начал молится лишь о том, чтобы быть рядом с Тамарой. Лёль, конечно же, откликнулась. Он всегда был её любимчиком, а в тот момент, она окончательно сделала Клэриса Крёстным сыном. Тамара и Клэрис снова были вместе, только вот загвоздочка... У неё нет сердца, а он притворяется котом! Вы представляете?!

— Да, просто кошмар, — поддержал его Алексей.

— Немыслимо, — согласился Дмитрий.

-— И вот значит, Лёль приходит ко мне и требует вернуть Тамаре сердце, дескать её Крёстный сын страдает в шкуре кота без возможности получить ответ на свои чувства, — продолжил рассказ Хара. — Просто представьте моё возмущение?! С чего это моя крестница должна страдать от тяжести сердца, чтобы её Крестник мог получить ответ на свои чувства?! Если страдает, пусть так и скажет!

— Всё верно! — кивнул Дмитрий.

— Да-да! — вторил ему Алексей.

— В итоге Лёль обиделась и сказала, что не желает меня видеть, пока наш спор не разрешится! А я-то тут вообще причём?! — закончил Хара свой рассказ трагическим голосом.

— Ужасно несправедливо! — с сочувствием сказал Дмитрий.

— Ох уж эти женщины! — философски заключил Алексей, качая головой.

Кир стоял посреди этого абсурда, переводя взгляд с одного взрослого мужчины, поддерживающего капризного бога, на другого. Воздух, казалось, звенел от нелепости происходящего.

— Невероятно, — наконец почти бесстрастно заключил Кир. Он посмотрел на обелиск, потом на Хара. — Мы здесь из-за какой-то очевидной ерунды. Почему-то мне кажется,

никто из вас двоих так и не выиграет. Но мы то здесь трое причём?! Какая разница как они там друг другу признаются?!

— Ты тут очень даже при чём! — Хара тыкнул в сторону Кира лапой. — Я думал наш с Лёль спор никогда не разрешится! И вот спустя одиннадцать лет! Одиннадцать! Тамара и Клэрис вдруг срываются с места! Клэрис перестаёт прикидываться котом, а Тамара хочет вернуть сердце. И всё из-за тебя!

— Меня? — Кир отступил на шаг.

— Да, тебя! — выкрикнул Хара. — Стоило тебе сбежать из дома, и эти двое тоже зашевелились!

— Меня теперь крайним выставляешь?! — Щёки Кира покраснели от возмущения. — Хочешь сказать, это из-за меня всё началось, и я виноват?!

— Не виноват ты, просто пока не мешай! Пусть они немного побудут в стрессе. Знаешь, он сближает, — Хара чуть успокоился, усевшись на брусчатке. — Если бы вы просто вернулись домой, всё бы осталось как есть. Но пока они ищут тебя по всему Рюлелю, они двигаются навстречу друг другу, ясно? Я просто очень устал! Я хочу попить чаю с Лёль! Понимаешь?

Кир со смесью усталости, раздражения и тенью смирения посмотрел на морскую свинку. Он наклонился, поднял Хара с брусчатки и аккуратно посадил обратно в сумку.

— Мои наставники поссорили богов и даже не подозре-

вают об этом, а я тут шатаюсь по миру, как дурак. Просто прекрасно, — тяжело вздохнул он. — А ведь ты мог просто извиниться перед Лёль, — напомнил он сумке.

Изнутри донеслось возмущённое:

— Нет.

Кир снова вздохнул, ещё глубже и обречённее.

— Ладно. Я хочу есть и спать. Пойдёмте искать гостиницу.

Гостиница превзошла все ожидания. Хозяин, увидев чек с царской печатью Рюлеля, засиял так, словно к нему пожаловал сам Царь Виктор. Их проводили в лучший номер — огромный, просторный, с тремя отдельными комнатами, где гулкие шаги по мраморному полу отдавались лёгким эхом.

Простота Геба была здесь во всём. Белые стены без единой картины, окна из чистейшего, идеально прозрачного стекла. Кир даже потрогал его пальцем, не веря, что оно настоящее. Он ещё не отошёл от бычьего пузыря в ратуше Шу. Повсюду были живые растения в глиняных горшках. Цветы сразу же откликнулись на магию Кира, их бутоны слегка повернулись в его сторону, наполняя воздух сладковатым ароматом. Его кровать была застелена голубыми шёлковыми простынями, прохладными и гладкими на ощупь.

— Красиво, — тихо произнёс Кир, проводя рукой по ткани. — Просто... красиво.

Геб был прекрасен своей античной, неброской роскошью. Здесь не было кричащей позолоты или россыпей драгоцен-

ных камней, которые так любили в столице. Вся красота заключалась в белом известняке, шуме далёкого моря, проникавшем сквозь открытое окно, и невероятном качестве простых тканей. Воздух был тёплым, нагретым за жаркий день, и пах солью, сладким мёдом и вином.

Из любопытства Кир заглянул в ванную комнату. В центре белокаменного помещения стояла огромная мраморная чаша ванны. Он уже привык к водопроводным трубам в Рюлеле и к магии воды в Лесу Фей, но здесь ничего подобного не было. Вместо этого рядом с ванной стояла плетёная корзина, доверху наполненная мерцающими кристаллами размером с кулак.

Кир замер. А затем его глаза расширились от восторга. Он схватил один из них — он оказался на удивление гладким и тёплым — и со скоростью ветра выскочил обратно в общую комнату.

— Это же! Это... — закричал мальчик, прыгая перед Дмитрием с зажатым в руке камнем.

— Что? — Дмитрий непонимающе нахмурился, отрываясь от осмотра своего механического протеза.

— Водные кристаллы! — визжал Кир, подпрыгивая всё выше. — Кристаллы, понимаешь?! Их могут создавать только русалки!

Алексей усмехнулся, глядя на этот детский порыв чистого счастья.

— Ты же рос в Лесу Короля Фей, — напомнил он. — Там

что, русалок не было?

— Были! — выдохнул Кир, размахивая руками. — Но! Есть отличие! В нашем лесу жили только пресноводные русалки! Их кристаллы прозрачные и совсем маленькие! А этот розовый! Розовый! Понимаешь?! Его создала морская русалка! Я никогда не видел морских русалок! Откуда они в Гебе?! Расскажи, расскажи, расскажи!

Он требовательно прилип к капитану, дёргая того за рукав. Дмитрий тяжело вздохнул, сдаваясь под напором детского энтузиазма.

— Ну, так их местные морские русалки и создают, — начал он объяснять. — Через года три после ухода Тамары из дворца русалки вышли на контакт с жителями Геба. Понемногу-помаленьку, и они начали обмениваться товарами. Жемчуг, кристаллы и кораллы продавали русалки. А жители Геба давали расчески, бусы, ткани и прочие земные штучки. Теперь эти кристаллы тут на каждом шагу. Даже от идеи с водопроводом, который ранее предлагал Царь Виктор, отказались. Воду отводить неудобно, только если в море сливать. А кто хочет в лишний раз в море отходы выкидывать?

Кир слушал, открыв рот, но вдруг остановился и с сомнением посмотрел на Дмитрия.

— Погоди-ка... И как русалки так просто на контакт вышли? Наши русалки даже Тамары и Клэриса побаиваются...

— Тамары и Клэриса кто угодно побаивается, мелкий, — невозмутимо парировал Дмитрий, возвращаясь к своему

протезу. — Я тут с русалками, знаешь ли, солидарен.

— Да глупости! — возмутился Кир. — Русалки не любят людей, потому что люди верят, что их мясо и кровь может подарить молодость и вечную жизнь!

— Ну, так брехня это всё, — Дмитрий пожал плечами. — Ничего их мясо вечную жизнь не даёт. Когда начались первые контакты, были пара смельчаков... Тогда правительница русалок вышла на берег, её встретила толпа. Она попросила привести к ней какого-нибудь старика. Старик быстро нашёлся. Она порезала себе руку, дала крови старику, и чуда, конечно, не случилось. Жители Геба подумали-подумали и решили, что сказки — это, конечно, хорошо, но водные кристаллы и украшения из жемчуга продаются лучше, чем истории о мясе русалок. Вот они сами и выступили на защиту русалок. В местной страже даже появился отдельный отряд. У них несколько кораблей, что патрулируют берег. Их задача — отлавливать всех безумцев, что на русалок охотятся. Поймают тебя — срок пожизненный, а если причинишь вред русалке, можно и на виселицу отправиться.

— Ого! — восхищённо прошептал Кир. — Девочкам-русалкам из нашего леса понравилось бы! Я хочу посмотреть на русалок!

— Иди помойся лучше, — буркнул Дмитрий. — От тебя эльфами и псиной воняет.

— Хочу поболтать с русалками! — не уступал Кир, пританцовывая на месте.

— Мыться, я сказал! — потеряв терпение, Дмитрий легко поднял ребёнка за шкирку, словно котёнка, и унёс обратно в ванную комнату, откуда тут же донёсся весёлый визг и плеск воды.

Алексей лишь покачал головой и улыбнулся, прислушиваясь к звукам детской радости. После Имхотепа этот мир казался ему почти забытым сном.

Утреннее солнце Геба было совсем не похоже на серую дымку Шу или промозглый холод Имхотепа. Оно ласково грело кожу, обещая ещё один жаркий день. Алексей и Дмитрий выглядели заметно помятыми после сна, но их настроение было под стать погоде — расслабленным и ленивым. Они сменили свои привычные плащи на более подходящую для юга одежду: свободные белые льняные рубашки, открывающие механические руки, левую Дмитрия и правую Алексея, бежевые лёгкие брюки и мягкие туфли.

Кир же был воплощением детской радости. Ему достались короткие коричневые шорты, мягкая рубашка без рукавов и такие же кожаные туфли. Свой зелёный плащ он оставил в гостинице, оставшись верным лишь своей огромной сумке да пластырю на щеке, скрывающему метку фавна. Он носился вокруг взрослых как маленький ураган, держа на руках сонно щурящуюся от яркого света морскую свинку.

Они устроились за столиком на летней веранде какой-то шумной таверны. Девушки Геба, облачённые в приталенные открытые платья из лёгкой ткани, сновали мимо с кувшина-

ми прохладных напитков, наполняя воздух ароматом цветов и моря.

— У нас там вроде какая-то миссия, да? — спросил Алексей, с хрустом потягиваясь и развалившись на стуле так, что тот жалобно скрипнул. Он подставил лицо солнцу, единственный глаз был прикрыт от удовольствия.

— Забудь, — лениво ответил Дмитрий, который сидел напротив, вытянув длинные ноги. Он тоже казался абсолютно умиротворённым. — Наша миссия — отвлекать ребёнка, пока «голубки» сближаются. Хара же вчера сказал.

Из домика, сложенного Дмитрием из салфеток, высунулась крошечная голова феи Герань.

— Дай ещё ту виноградинку, — тоненько попросила она, опасливо косясь на проходящих мимо людей.

Дмитрий молча взял с тарелки последнюю ягоду и положил рядом с её укрытием. Солнце приятно припекало. Кир, устав бегать, плюхнулся на свободный стул и принялся кормить Хара кусочками салата и помидоров со своей тарелки.

— Может, жениться... — вдруг задумчиво произнёс Дмитрий, провожая взглядом одну из подавальщиц. Его механическая рука крутила пустой бокал.

Алексей приоткрыл один глаз и скептически хмыкнул:

— Говорят, курортные романы недолговечны.

Дмитрий философски пожал плечами и снова откинулся на спинку стула, когда другая девушка принесла ему новый коктейль с долькой какого-то фрукта.

— Тогда как-нибудь в следующий раз, — заключил он, делая глоток и окончательно погружаясь в блаженную утреннюю дрему.

В этот момент Кир заметил группу девушек чуть старше него, которые, хихикая, проходили мимо веранды. Он тут же выпрямился, попытался пригладить торчащие волосы, принял важный вид... и громко чихнул прямо на морскую свинку. Девушки рассмеялись и пошли дальше.

Алексей тихо захрюкал от смеха в кулак. Дмитрий же сохранил каменное выражение лица, лишь уголки его губ предательски дрогнули в едва заметной улыбке.

Хара, объевшийся салата и помидоров, лежал на столике, растекшись по нему бесформенной пушистой лужицей. Морской свинке в жарком южном климате было откровенно неуютно. Он лишь недовольно дёргал усами, но стоило солнцу скрыться за облаком, принося мимолётную прохладу, как он тут же подскочил.

— Так! — рявкнул Хара так громко, что несколько прохожих с удивлением обернулись на их столик. — Это что вообще такое, а?! Какого вы тут себе отдых устроили?!

Алексей лениво повернул голову в его сторону, даже не открывая глаз от яркого света.

— Ну, так сам же вчера сказал, что Кира нам нужно просто поотвлекать, пока Тамара и Клэрис там наконец-то не разрешат ваш с богиней Лёль спор, — протянул он.

— Если от нас ничего особо не зависит, чего напрягать-

ся-то? — философски заметил Дмитрий, потягивая коктейль и щурясь на солнце.

Кир тем временем увлечённо ел третью порцию мороженого, пачкая губы сиропом.

— Так, не налегай там сильно, ещё ангины нам не хватало, — строго одёрнул его Дмитрий.

— Да вы смеётесь надо мной, что ли?! — возмущению Хара не было предела. Он встал на задние лапки и упёр передние в бока.

Дмитрий краем глаза заметил, как прохожие начали коситься на орущую морскую свинку, но решил, что тратить ресурс на маскировку или утихомиривание божества сейчас выше его сил.

— Вам поручена великая миссия! — Хара ловко вскарабкался на вершину тарелки с фруктами, цепляясь лапкой за деревянную шпажку для канапе. Его голос стал торжественным и гулким. — Найти сердце Царя! Собрать его осколки! И принести Рюлелю новое будущее! А вы тут что... коктейли пьёте?!

В порыве праведного гнева он выбил бумажную трубочку из расслабленно приоткрытого рта Алексея.

— Вот пристал, — вздохнул Дмитрий, закатывая глаза.

— Сиди и не мороси уже, — добавил Кир с набитым ртом.

— Дай отдохнуть нормально, — поддержал Алексей, сплюнув соломинку на стол.

Шпажка не выдержала накала страстей и переломилась

под лапами Хара. Сам он с тихим «ой!» свалился прямо внутрь тарелки с фруктами, забрызгав соком белоснежную льняную рубашку Дмитрия. Выбравшись наружу, он сел на задние лапы, тяжело дыша, и окинул взглядом ленивые лица своих спутников. Даже фея Герань, наевшаяся винограда до отвала, мирно дремала в своём домике из салфеток.

В глазах маленькой морской свинки пробежала странная, коварная искорка.

— Ну, раз так, то ладно, — произнёс он медленно, стряхивая с усов капельки фруктового сока. В его голосе появились сладкие, медовые нотки. — Я думал, кое-кому будет интересно побывать в граде морских русалок... Ведь осколок сердца Виктора именно там.

Ложка Кира замерла на полпути ко рту. В глазах мальчика, только что сонных и довольных, мгновенно проснулся живейший интерес.

— К тому же русалки крайне красивы и любвеобильны, — как бы невзначай добавил Хара, поправляя шерстку.

Алексей резко поднял голову. Его единственный глаз открылся полностью и теперь был сфокусирован на морской свинке.

— Да и Тамара с Клэрисом у нас на хвосте, вот шуму будет, если они догонят, — невинно закончил Хара, глядя куда-то вдаль.

От этих слов Дмитрий подавился своим коктейлем. Мощный приступ кашля сотряс его массивную фигуру, заставив

отставить бокал.

На веранде тяжёлая, жаркая тишина. Алексей задумчиво почесал подбородок. Кир облизал ложку. Дмитрий прокашлялся и посмотрел на них обоих тяжёлым взглядом.

— Что ж, — наконец произнёс капитан, поднимаясь со стула и бросая на стол монету за напитки. — Похоже, отпуск окончен.

***

Вечернее солнце, огромное и багровое, почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в цвета остывающего металла. Воздух стал прохладнее, но всё ещё хранил дневной зной. Алексей, Дмитрий и Кир, всё в той же лёгкой одежде, стояли на пристани. Разве что Кир накинул свой зелёный плащ, словно пытаясь скрыть нетерпение, которое буквально искрилось в его глазах.

— Так, — деловито начал Дмитрий, его механическая рука лежала на эфесе меча. — Наша главная задача — обойти береговую охрану. Нам нужно отследить, как они двигаются, найти брешь в их патрулировании и...

— У тебя есть орден капитана царской гвардии с собой? — лениво перебил его Алексей, широко зевая и прикрывая рот рукой.

Дмитрий осёкся на полуслове и непонимающе нахмурился.

— Да... Конечно

Алексей протянул раскрытую ладонь. Дмитрий, всё ещё

не понимая намерений друга, медленно отстегнул от пояса круглый серебряный значок с грифоном и вложил его ему в руку.

— Эй! Мужики! — неожиданно громко и бодро крикнул Алексей, подзывая к себе двух суровых стражников в кожаных доспехах, которые как раз проходили мимо.

Дмитрий и Кир ошарашенно переглянулись. Капитан планировал тайную операцию, а его товарищ, похоже, собирался устроить пикник.

— Хороша служба? — Алексей с дружелюбной улыбкой пожал подошедшим стражникам руки.

Завязался непринуждённый разговор. Они обменялись парой фраз о погоде и последних новостях Геба.

— Мы здесь немного по долгу, — непринуждённо вставил Алексей, демонстрируя серебряный значок. — Сопровождаем Царевича Руслана.

Кир и Дмитрий шокировано раскрыли рты. Стражники испуганно переглянулись, перевели взгляд на Кира и тут же неловко поклонились.

— Того самого?

— Да вы не напрягайтесь, мы тут вроде как инкогнито, все дела, — добродушно рассмеялся Алексей, махнув рукой. — Царевич только-только вернулся из... воспитательного путешествия. Сами понимаете, эти слухи про похищение — полный фарс. Наш Царь Виктор распорядился, чтобы мальчишку при дворе не заклевали!

Глаз Дмитрия нервно задергался, Кир просто продолжал стоять с открытым ртом.

— Ох уж эта знать... — сочувственно протянул один из стражников. — Помню, я тогда только в гарнизон поступил, когда Царевна Тамара Геб взяла. Царская кровь-то у нас железная, а знать совсем распустилась.

— Не то слово, — с готовностью поддержал Алексей.

— Так вы тут по какому делу-то? — спросил второй стражник.

— Царевна Тамара хочет наладить политические отношения с русалками, вот и отправила брата с посланием в нашем сопровождении. Царевич Руслан хорош в общении с магическими народами, — без запинки соврал Алексей.

— О! Вот оно как! — восхитился первый.

— Было бы хорошо! Достали уже эти браконьеры, напридумывали ерунды про мясо русалок и сами верят. Мало того что шороху наводят, так ещё и спасать их приходится, когда тонут.

— Давайте мы вас подкинем до пролива, там погрузиться проще будет, — предложил первый стражник. — Можем даже нашего мага одолжить. Всё равно пьёт только круглыми сутками. Пусть хоть поработает.

— Да не, не надо, наш Царевич и сам по себе отличный маг, — ответил Алексей.

— О! Неудивительно! Царевна Тамара ведь тоже маг! — восхищённо воскликнул стражник.

— Да-да! Настоящая нимфа войны, как тот бард поёт! — поддержал второй.

Внутри Кира что-то похолодело. Он замер, перестав дышать.

— Какой бард? — натянуто рассмеялся Алексей, пытаясь скрыть напряжение.

— Не слышали, что ли? По всему Рюлелю уже песни гремят! О том, как она на Соловьином острове покарала армию Графа Леонида. При этом ни капли крови не пролила! Сейчас народ собирает петицию, чтобы вообще запретить ему содержать армию.

Алексей натянуто улыбнулся, пытаясь поддержать разговор:

— А, вы про тот случай... Ну, Царевна у нас такая... не забалуешь.

— Какое счастье, что она наконец-то вернулась! — с искренним облегчением сказал один из стражников. — Теперь будущее Рюлеля точно в надёжных руках. А то моряки из армии всё чаще говорят, что видят разведывательные корабли Тарха. Ещё лет пять-десять мы точно в мире проживём, но всё же... С Царевной Тамарой как-то спокойней что ли...

Стражник неловко замолчал.

— Ну, заболтались мы. Садитесь в лодку, юный Царевич! Мы вас с ветерком домчим!

Ошарашенные красноречием Алексея (и его наглостью), Дмитрий и Кир молча последовали за ними. Их ждала

небольшая парусная лодка. Она управлялась с помощью одного деревянного руля и магического камня ветра, который послушно наполнял паруса при необходимости.

Отплывая от берега под мерный плеск волн, они ещё долго слышали болтовню стражников. Те обсуждали песни барда о Тамаре и Клэрисе. А один из них даже достал небольшую лютню и затянул балладу глубоким, хрипловатым голосом:

«И там, где ступала нога её,
Не росла трава от огня...
Но с ней рядом был верный воин,
Чьё имя боялись произносить...»

Кир сидел на дне лодки, бледный как полотно. Он смотрел на удаляющийся берег Геба и чувствовал лишь холод внутри. Он только что узнал из песни простого стражника то, о чём молчали его наставники. И чего стоил его побег.

— Перебирать мне гречку от риса до скончания веков, - внезапно произнёс он, вызвав этим недоумение Алексея.

Пока лодку несло по волнам голосистый стражник всё напевал баллады. И в них Тамара была уже не просто Царевной или Бессердечной ведьмой. Они с Клэром облачались музыкой во что-то божественное. Кир осознал ещё одну истину Тамары, что ранее ему была недосягаема. Тамара и Клэр, о которых говорил старик калека из Нута. Тамара, о которой пели барды. Прекрасная нимфа войны.

На море опустилась ночь, бархатная и глубокая. Алексей,

Дмитрий и Кир стояли на светящемся изумрудным светом магическом круге. Они махали рукой удаляющейся лодке береговой охраны.

— Мы здесь трижды в сутки проплываем! — донеслось с воды. — Если что, подберём на обратном пути!

Лодка развернулась и, подгоняемая магическим ветром, быстро превратилась в далёкую точку света, а затем и вовсе исчезла.

Кир, не теряя ни секунды, сделал сложный пасс руками. Вокруг них троих вырос огромный, переливающийся зелёный пузырь. Хара, до этого сонно выглядывавший из сумки, с интересом уставился на происходящее.

— Ну, веди, — велел Дмитрий морской свинке, поправляя воротник рубашки.

Хара усмехнулся и ткнул лапкой в сторону открытого моря. Магический пузырь дрогнул и начал плавно погружаться под воду.

Секунда — и они оказались в другом мире. Над головой сомкнулась тёмная толща океана. Мимо них, словно серебряные стрелы, пронеслась стайка серых рыб. Пузырь двигался плавно, следуя за указаниями Хара.

Вскоре они подплыли к коралловому рифу, который жил своей суетливой жизнью. Цветные плоские рыбки со ртами, похожими на маленькие клювы, деловито откусывали кусочки кораллов вместе с водорослями.

— О! — Дмитрий ткнул пальцем в стекло пузыря. — Вот

они! Те самые рыбы!

От одной из них отделилась маленькая струйка белых выделений, тут же растворившаяся в воде и смешавшаяся с песком на дне. Кир, вспомнив вчерашний разговор, брезгливо поморщился.

— Песок из какашек, — пробормотал он.

Алексей и Дмитрий переглянулись и тихо рассмеялись над его реакцией.

Пузырь нёс их всё глубже. Свет луны уже не проникал сюда. Мир вокруг стал таинственным и тёмным, но он не был мёртвым. Повсюду парили медузы, излучая тусклый розовый и голубой свет, словно живые фонарики. Кир смотрел на это всё с неприкрытым восторгом и восхищением, прижав ладони к стенке пузыря.

Впереди из темноты начало проступать нечто грандиозное. Это было огромное строение из кораллов. Сложно было назвать это отдельными домами. Это была гигантская скала, изъеденная множеством проходов, арок и подводных пещер, словно исполинский термитник.

— Залетай сверху, — скомандовал Хара.

Кир послушно направил магический транспорт. Они вплыли в широкое жерло этого кораллового изваяния. Внутри их встретили русалки. Они не плавали на открытом месте, а прятались среди укрытий, но их глаза с любопытством следили за непрошеными гостями.

Они были прекрасны и совершенно не похожи на знако-

мых Киру пресноводных подруг. Их кожа не была бледной; она отливала здоровьем и светом. Чешуя на мощных хвостах переливалась перламутром так ярко, что казалась почти драгоценной. Подруги Кира украшали себя цветами. Эти же морские девы были увешаны жемчугом, а в их длинных волосах блестели заколки из полированного коралла. Их груди были целомудренно прикрыты вуальными тканями, которые тянулись за ними в воде разноцветным, эфемерным шлейфом.

— Красавицы, — Алексей дружелюбно помахал рукой одной особенно любопытной русалке, которая подплыла чуть ближе.

Подводная дева в ответ лишь игриво улыбнулась, продемонстрировав идеальные зубки, и тут же скрылась за густыми водорослями. Дмитрий пихнул товарища в бок, пряча собственную усмешку.

В самом центре кораллового грота их путь завершился у небольшого, но изящного здания из белого камня, очень похожего на архитектуру Геба. Оно было увенчано круглыми окнами, которые светились мягким жёлтым светом.

— Нам туда! — властно велел Хара.

Кир направил пузырь прямо к зданию из белого камня. Вход в него перекрывала гладкая, слегка изогнутая стена, которая переливалась перламутром, словно живая раковина.

— Это барьер, — прошептал Кир, протягивая руку и касаясь поверхности. Она была твёрдой и прохладной.

Он сосредоточился, сплетая потоки маны, и мягко направил пузырь вперёд. На мгновение перламутровая стена пошла радужными кругами, а затем пузырь без сопротивления прошёл сквозь неё.

Но как только они оказались внутри, магическая оболочка с громким *«ПШШШШ!»* лопнула. Алексей, Дмитрий, Кир и Хара кубарем покатились по полу, образовав кучу-малу.

— Да чтоб вас всех! — пискнул Хара из-под груды наваленных на него тел. — Я же бог, а не подушка для битья!

Остальные со стонами поднялись на ноги, потирая ушибленные конечности. Внутри здание разительно отличалось от коралловых построек. Оно было отделано тёмным, отполированным деревом — строго, без излишков и вычурности. Бумажные межкомнатные двери были расписаны изящными подводными сюжетами. На деревянном полу лежали мягкие голубые ковры, гасящие шаги. Повсюду стояли аквариумы с мелкими светящимися рыбками и росли живые кораллы, а украшения из жемчуга свисали с потолка, словно сталактиты.

Кир, Алексей и Дмитрий прошли через приоткрытую раздвижную бумажную дверь. Здесь был воздух. И даже слабый, пьянящий аромат восточных благовоний, совершенно неуместный под водой, щекотал ноздри.

Перед ними открылся небольшой зал. В мягком кресле сидела женщина в ярких расписных одеждах, похожих на халат. Её длинные волосы бирюзового цвета были украшены

шпильками из кораллов. Длинные белые ноги выглядывали из-под её одежд. Но самым необычным были её глаза — абсолютно чёрные. Она перебирала свитки и рюлельские монеты.

Кир, Алексей и Дмитрий поражённо смотрели на женщину.

— Бюрократия даже под водой достанет, — обречённо вздохнул Дмитрий.

— Скукота да и только, — поддержал Кир.

Женщина подняла на них удивлённый взгляд. Моргнула несколько раз.

— Тала! — позвала она звонким голосом.

Из-за голубой шторы вышла другая девушка. В ней Кир, Алексей и Дмитрий узнали подводную деву, с которой заигрывал Алексей. Её красные волосы были ещё мокрыми. Она была одета в подобные одежды, что и женщина на троне.

— Да, Владычица Ока, — улыбнулась морская дева.

— Ты что? Пустила к нам чужаков? — строго спросила Владычица Ока.

— Они показались мне интересными, — беззаботно ответила Тала. Она подбежала к Киру и бесцеремонно потрепала его по щеке. — Только посмотрите на этого мальчика! У него такая чистая природная мана!

Владычица Ока тяжело вздохнула и отодвинула свитки в сторону. Она медленно встала и подошла ближе. Её строгий взгляд смягчился, а затем и вовсе расплылся в умилённой

улыбке.

— Какая прелесть! Какой милый человеческий малыш! — воскликнула она.

Обе русалки тут же принялись увлечённо тискать совершенно ошарашенного Кира. Алексей и Дмитрий стояли в стороне, глядя на эту сцену с полным шоком на лицах.

— А этих зачем притащила? — Владычица Ока понизила голос до шёпота и кивнула на мужчин. — Надо было их акуле скормить.

— Подумала, что они тоже ничего, — так же шёпотом ответила Тала.

— Вечно ты на всех подряд мужиков бросаешься, — театрально вздохнула Владычица Ока, картинно прикладывая руку ко лбу, а затем снова обратилась к Киру ласковым голосом: — Скажи-ка, малыш, откуда ты такой взялся? Я чувствую на тебе магию Леса Фей?

— Вы знакомы с Аскольдом? — спросил Кир, пытаясь увернуться от слишком крепких объятий.

— Нет, но мне бы очень хотелось, — мечтательно ответила Владычица. — Слышала, он родился в этих местах. Видишь ли, он мне очень интересен.

— О, вот как, — ответил Кир. — Ну, я рос в Лесу Фей, и Аскольд — один из моих учителей.

— Какая прелесть! Он даже детей любит! — в новом приступе восторга воскликнула Владычица Ока. — Тала! Подай что-нибудь к столу! Нужно накормить наших гостей!

Их проводили в столовую. Здесь не было стульев в привычном понимании — только низкий стол, выточенный из цельного куска светлого дерева, и горы мягких подушек, расшитых жемчугом. Тала, всё так же беззастенчиво улыбаясь, принялась расставлять на столе угощения: тонко нарезанную сырую рыбу, тушёные морские гребешки, нежное мясо краба и салат из водорослей, приправленный чем-то пряным.

Кир отнёсся к еде настороженно. Он с сомнением посмотрел на салат, затем на Талу, но голод взял своё. Взяв деревянную вилку, он осторожно попробовал. Лицо мальчика просветлело.

— Неплохо, — пробормотал он с набитым ртом.

Алексей и Дмитрий переглянулись и, последовав его примеру, тоже принялись за еду. Хара, наевшийся ещё наверху, остался сидеть на коленях у Кира, с интересом наблюдая за русалками.

— Так говоришь, ты ученик многоуважаемого Аскольда? — спросила Владычица Ока, изящно подхватывая кусочек рыбы.

— Не совсем, он один из моих учителей. А так я ученик Тамары, — честно ответил Кир.

— Ах, Тамара! — мечтательно вздохнула Тала. — Это же та самая человеческая девочка, Царевна, о которой сейчас поют моряки!

— Неужели? — удивилась Ока.

— Да! Её называют нимфой войны, музой, рождённой из

стали, крови и огня! А сама она — Крёстная дочь самого Хара! — с восторгом произнесла Тала.

— Ух ты! Так ты ученик такой удивительной девы? — глаза Оки загорелись ещё большим интересом.

— Да, — просто ответил Кир.

— И эта дева живёт с многоуважаемым Аскольдом? — в голосе Владычицы проскользнули ревнивые нотки.

— Да, — снова честно ответил Кир.

Владычица Ока мгновенно помрачнела. Дмитрий и Алексей это заметили. Алексей тут же решил вмешаться.

— Заверяем вас, они не в таких отношениях! — поспешно сказал он.

— Да! — кивнул Дмитрий. — У Тамары есть свой возлюбленный, если так можно сказать!

Ока удивлённо моргнула, а затем её лицо озарила понимающая улыбка.

— Ах! Вот как! Так они просто добрые соседи и друзья. Рада слышать!

— Наверное, её возлюбленный тот самый Клэрис из баллад, — вновь подала голос Тала.

— Как же мои наставники всё-таки знамениты, — с лёгкой иронией подметил Кир.

— Ой, ну что ты, просто мне очень нравится слушать байки моряков, — хихикнула Тала.

— Что же это за муж раз добился сердца Крёстной дочери бога войны? — с нескрываемым любопытством спросила

Ока.

— Моряки рассказывали, что он способен уничтожить целую армию по зову своей госпожи, — мечтательно произнесла Тала.

— Это так, малыш... — Ока снова обратилась к Киру.

— Меня зовут Кир. А мои спутники — Алексей и Дмитрий, — вежливо представился мальчик.

— Ох, простите! Мы, русалки, общество закрытое, знакомиться не привыкли, — извинилась Ока. — Так что же ты расскажешь о том прекрасном мужчине из баллад?

Кир представил Клэра: вот он ворчит над тазиком с вареньем... вот брюзжит на сорняки в огороде... а вот ластится к Тамаре. Он сглотнул.

— Эм... ну... это... Он... очень преданный! И сильный! А ещё... он умеет готовить... вот! — выпалил Кир.

Ока и Тала переглянулись.

— Ах, видимо, он покорил её своей заботой! — умилённо сказала Ока.

— Нет ничего лучше хозяйственного мужчины! — авторитетно кивнула Тала.

Владычица Ока вновь стала серьёзной.

— Малыш Кир, а можешь рассказать нам о Короле Фей?

Кир окончательно впал в ступор. Даже он понимал, что влюблённой русалке лучше не знать об истинной натуре Аскольда. Он посмотрел сначала на Алексея в поисках поддержки, тот лишь напряжённо улыбался, а затем на Дмитрия.

Дмитрий покачал головой, мол, не стоит.

— Мои наставники наверняка придут сюда скоро. Аскольд тоже. Может, вам лучше лично узнать? — дипломатично выкрутился он.

Глаза Оки расширились от восторга.

— Ох! Какое счастье! Неужели мне предстоит лично встретить Короля Фей Аскольда?!

— Да, — кивнул Кир.

Владычица тут же засуетилась:

— Может, мне поменять причёску? Или подвести глаза?

— Не стоит, — уверенно вмешался Алексей. Он понял правила игры и решил подыграть. — Вы и так прекрасны. Ни то что Король Фей, сам Бог бы отдал вам своё сердце.

Ока с новым интересом посмотрела на Алексея.

— Ладно, Тала. Ты была права. Они тоже ничего, — сказала она своей спутнице.

Воспользовавшись паузой, Кир обратился к русалке с вопросом:

— Я давно знаком с пресноводными русалками, но морских вижу впервые. Почему вы решили начать сотрудничать с жителями Геба?

Владычица Ока резко изменилась. Из игривой, мечтательной девицы она в одно мгновение превратилась в строгую, сосредоточенную правительницу. Она выпрямила спину, и её взгляд, до этого полный любопытства, стал тяжёлым и мудрым, словно толща воды над их головами. Она посмотре-

ла на Кира с холодным спокойствием и лёгкой, едва заметной гордостью повелительницы, готовой дать урок.

— Видишь ли, малыш... — её голос стал глубже, в нём зазвучали нотки вековой усталости. — Пресноводным русалкам куда легче укрыться. В Лесу Короля Фей для них найдётся убежище в каждом ручье, в каждой луже. На поверхности земли везде найдётся пресная вода. Нам, морским, не так просто найти другой дом. Море велико. Куда больше, чем все реки мира вместе взятые. Но на деле мы можем существовать в комфорте лишь в нескольких местах. Там, где нам подходит вода, климат и температура. Мы не можем просто вечно прятаться.

Она сделала паузу, обводя взглядом своих гостей.

— Люди — не плохие. А русалки — не идеальны. Люди сгубили множество наших сестёр, но и мы не считали всех тех моряков, что утащили под воду, и кораблей, что разбили о скалы. Каждый из наших народов боялся друг друга. Но нам нельзя существовать так вечно, верно?

Ока снова замолчала, и в тишине стало слышно лишь тихое бульканье воды в аквариумах.

— Поэтому, когда город на берегу стал спокойнее, я решила попытать удачу. Я предложила им кристаллы воды и прочие наши ресурсы в обмен на их товары и защиту. Они согласились. А когда люди попытались охотиться на нас... — её глаза на мгновение сверкнули сталью. — Я поднялась на поверхность. Я вышла к ним при свете дня и показала, что

даже моя кровь, кровь Владычицы Морской, не творит чудес. Она такая же красная, как и у них.

Она мягко улыбнулась.

— Конечно, глупцов всё ещё хватает. Но надолго ли? Может, ещё лет на двести. Ну и ладно. Я буду раз за разом показывать, что моя кровь ничуть не целебна. А за эти годы... мы построим прекрасный мир из сотрудничества и понимания.

— Невероятно... — выдохнул Кир, потрясённый её словами.

Он вспомнил свой недавний визит к эльфам.

— Недавно я познакомился с Королём Эльфов... — тихо добавил он.

— И как они сейчас? — спросила Ока почти буднично, словно речь шла о погоде.

— Ужасно, — честно ответил Кир, не желая погружаться в подробности про каннибализм и деградацию.

— Вот и ответ на твой вопрос «почему», — улыбнулась Ока. Её улыбка была одновременно мудрой и немного грустной.

Она вдруг подалась вперёд и посмотрела на Кира с искренним интересом.

— Слушай, Кир... каким ты видишь наш мир? Я не про море, а в целом?

Мальчик задумался. Он вспомнил китов в Восточном море, Шу, Нут, Имхотеп, Геб, белоснежный песок из рыбьих экскрементов и величие Тамары из баллад.

— Ну... если честно... — он пожал плечами. — Иногда он сказочный и удивительный, а потом оказывается, что белоснежный пляж — это какашки рыб...

Владычица Ока запрокинула голову и весело, искренне расхохоталась. Её смех был похож на трель птиц.

— Да! Именно такой мир и есть! Ты ведь путешествуешь сейчас, да? — спросила она.

— Если честно, я сбежал из дома, чтобы помочь наставнице. Вроде бы проблема решилась, но пока мне нельзя домой по велению Хара. Как-то так... — признался Кир.

— В общем, путешествуешь, — заключила она с улыбкой. — Посмотри на мир внимательно. На каждую его деталь. Какой он разный, отчего и замечательный... Ты ведь уже знаешь о Едином Боге соседней империи?

— Да, — кивнул Кир. — Он звучит как что-то величественное.

— Так ты думаешь? — загадочно улыбнулась Ока. — А мне наши Боги больше нравятся. Даже если они приходят в образе милых морских свинок.

Она кивнула на Хара.

— И давно ты поняла? — сварливо спросил Хара из-под стола.

— Да почти сразу, — ответила Ока с улыбкой. — Рада видеть вас в здравии, Хара.

Морская свинка фыркнула, но всё же подошла к Оке и утыкалась мокрым носом в рукав её наряда.

— Он там, — деловито произнёс Хара.

Владычица Ока удивлённо запустила руку в карман своих одежд и достала оттуда небольшой багровый камешек, который тускло светился в полумраке зала.

— Вы здесь за этим? — спросила она.

— Да, — просто ответил Кир.

Ока поднялась со своего места и подошла к мальчику. Она вложила осколок ему в ладонь.

— Тогда держи, малыш. Я нашла его лет семь назад на дне. Подумала, что лучше приберегу у себя. А то мало ли... Думала, может, заколку какую сделать...

Кир принял осколок. Он был тёплым и пульсировал лёгкой магией.

— Но что мне дать взамен? — спросил он.

Ока посмотрела на него с материнской нежностью.

— Ты ведь уже пообещал мне встречу с Королём Фей Аскольдом. Я принимаю этот дар взамен.

Она взглянула на игривых русалок за окном, что выплывали из своих укрытий.

— Скоро рассвет. Вам, наверное, пора.

Владычица Ока лично проводила их до самого выхода из своего дворца. Тала, не отставая ни на шаг, шла рядом, то и дело бросая любопытные взгляды на гостей, особенно на Дмитрия.

— Спасибо за гостеприимство, Владычица, — вежливо поклонился Кир. — И за осколок.

— Это тебе спасибо, малыш Кир, — тепло улыбнулась Ока. — За обещание о визите.

Тала вдруг сделала шаг вперёд. Она лукаво посмотрела на Дмитрия, который всё ещё стоял с ошарашенным видом после её предыдущего флирта, приподнялась на носочки и звонко чмокнула его прямо в щёку.

— Я буду ждать следующей встречи, красавчик! — промурлыкала она и тут же отскочила назад.

Дмитрий замер, словно статуя. Его механическая рука дёрнулась, но так и не поднялась. Алексей возмущённо открыл рот, собираясь что-то сказать, но лишь издал нечленораздельный звук.

Кир, пряча улыбку, уже сплетал потоки маны. Перед ними вырос знакомый зелёный пузырь.

— До свидания! — крикнул он русалкам.

Ока и Тала стояли у самой границы воды и махали им вслед, пока магический пузырь поднимался сквозь толщу океана к поверхности.

Им повезло. Когда пузырь вынырнул из воды, разбрызгивая капли в первых лучах рассвета, они увидели ту самую лодку береговой охраны, которая неспешно патрулировала прибрежные воды.

— О! А вот и наш транспорт! — весело воскликнул Алексей, первым выпрыгивая на деревянный борт.

Стражники, узнав Царевича, вновь приветствовали их уважительными кивками. Обратная дорога прошла под мер-

ный плеск воды и тихие разговоры моряков о ночной смене. Кир сидел на носу лодки, подставив лицо свежему ветру, и чувствовал невероятный душевный подъём. Небо на востоке уже окрасилось в нежно-розовые и золотые тона.

Лодка причалила к берегу Геба, когда город только начинал просыпаться. Белый песок был прохладным после ночи.

Кир сошёл на берег и огляделся. Он смотрел на этот песок и бескрайнее голубое море с искренней улыбкой. Ветер трепал полы его зелёного плаща. Рядом, радуясь их возвращению, резвились Зефир и Герань, которых благоразумно оставили на берегу.

Чуть поодаль Алексей и Дмитрий продолжали свой полушёпот-полугромкий спор.

— Ты вообще видел, как она меня облапала?! — шипел Дмитрий, его механическая рука непроизвольно сжималась в кулак.

— Да лучше бы тебя акуле скормили! — возмущался Алексей, закатывая единственный глаз.

Кир тихо рассмеялся, глядя на них. Хара выбрался из сумки и, вместо того чтобы ворчать, мирно уткнулся ему в ногу, ища тепла.

— Куда дальше полетим? — спросил Кир, поворачиваясь к грифону.

Хара задумчиво почесал себя за ухом.

— Навстречу новому, — изрёк он.

Кир скептически выгнул бровь и посмотрел вниз на боже-

ственную свинку.

— Это ты, чтоб пафос поддержать, ляпнул?

— Ну да, а что говорить-то надо было? — невозмутимо ответил Хара, не чувствуя иронии.

Кир снова рассмеялся, на этот раз громче. Он потрепал Зефира по шее и начал собирать вещи.

***

Море у берегов Геба неистовствовало. Чёрные волны, увенчанные пенными гребнями, с грохотом обрушивались на берег, словно пытаясь стереть город с лица земли. Небо расколола ослепительная вспышка молнии, и на землю обрушился ливень — сплошная стена воды, которая, казалось, могла смыть всё живое.

Но Геб был неуязвим. Над городом раскинулся огромный, переливающийся золотом магический купол. Он был похож на гигантский мыльный пузырь или на колпак из чистого света. Тысячи капель дождя с яростным звоном разбивались о его поверхность и стекали вниз прозрачными ручьями, не в силах проникнуть внутрь. Под куполом же царила совершенно иная погода — сухая и тёплая. Музыка из таверн звучала даже громче, соревнуясь с шумом бури снаружи.

Тамара, Клэр и Аскольд стояли у самой границы купола. Внутри. Они промокли до нитки. Волосы Клэра прилипли к лицу, его била мелкая дрожь. Аскольд выглядел не лучше — вода стекала с его камзола и плаща. Даже Тамара, обычно равнодушная к физическому дискомфорту, плотнее запах-

нула свой промокший красный плащ. Но их злость и усталость на мгновение отступили перед лицом чуда.

— Интересно, как это работает? — выдохнул Аскольд, запрокидывая голову. В золотых глазах отражалось такое же золотое сияние купола.

Тамара не ответила сразу. Она заворожённо смотрела, как потоки воды разбиваются о невидимую преграду. Это было одновременно красиво и пугающе — демонстрация мощи магии и человеческой изобретательности.

— Думаю, в центре города где-то сделан магический круг, — наконец произнесла она ровным, но слегка задумчивым голосом. — Кристаллы установлены как источники энергии и одновременно сенсорные считыватели. Идёт дождь — включается купол. Нет дождя — купол исчезает. Вероятно, технология из западных регионов.

— Эй! — рявкнул Клэр, его голос был хриплым от холода и злости. Он стоял чуть поодаль, обхватив себя руками. — Может, хватит там вдвоём занудствовать? Я хочу есть! И помыться! И переодеться во что-нибудь сухое! Холодно и мокро!

Тамара и Аскольд переглянулись с едва заметными улыбками и оторвались от созерцания купола.

Они пошли по главной улице Геба. Толпа перед ними расступалась. Люди оборачивались, провожая взглядами высокую фигуру в алом плаще и огромного чёрного грифона, сопровождающую её. Хурма недовольно фыркнула и встрях-

нула мокрыми перьями, разбрызгивая воду на своего сородича. Перл недовольно чихнул. Тамара накинула на голову капюшон, скрывая лицо.

Из дверей ближайшей таверны донеслась знакомая мелодия. Кто-то хриплым голосом затянул героический гимн:

«И там, где ступала нога её,

Не росла трава от огня...»

Тамара тяжело вздохнула и ускорила шаг.

— Вот надо же было мне — пробурчала она себе под нос и свернула в узкий, тёмный переулок.

Аскольд и Клэр последовали за ней. Шум главной улицы стих, сменившись мерным стуком дождя по золотому куполу над головой. Они вышли на небольшую площадь.

В центре площади стоял тот самый гипсовый обелиск. В сумерках и под дождём он казался призрачным памятником всем павшим.

— Зачем мы сюда пришли? — тихо спросил Аскольд, оглядываясь по сторонам.

— Дай цветов, — Тамара протянула к нему руку ладонью вверх.

Аскольд с недоумением посмотрел на её протянутую руку.

— Я тебе что? Ходячая клумба? – отозвался он.

Тамара продолжала требовательно протягивать руку. Аскольд молча прикрыл глаза на секунду. Воздух вокруг его ладони замерцал магией земли, и через мгновение в руке Тамары оказался букет из нежных алых анемонов.

Тамара подошла к обелиску первой. Клэр последовал за ней. Они возложили цветы к подножию памятника.

— Было бы странно, если бы мы не зашли сюда, да? — сказал Клэр. Его голос уже не был злым, в нём звучала лишь тихая грусть.

Он провёл рукой по надписи «Алексей», которую они когда-то оставили здесь вдвоём. Тамара посмотрела на его руку, а затем мягко накрыла её своей.

— Да, было бы странно, — ответила она. — Спасибо, Клэрис. Ты был прав тогда. Это место было нам необходимо.

Клэр вздрогнул от её прикосновения и внезапной мягкости в голосе. Он сжал её пальцы в ответ — крепко, но нежно.

— Надо будет хорошенько треснуть Алексею, когда найдём его, — сказал он, не отрывая взгляда от надписи.

Тамара слегка улыбнулась уголком губ.

— И получить от Дмитрия, — добавила она. В её голосе не было страха, лишь констатация факта. — Я много думала об этом в последнее время... Мы тогда ушли... Мы даже не сказали ему, где мы и что с нами.

— И воробьёв его я давил... — сокрушённо добавил Клэр себе под нос.

— Ты... что? — Тамара резко повернула голову и посмотрела на него с искренним изумлением.

Клэр осёкся и виновато посмотрел на неё из-под мокрой чёлки.

— Всё это время? — переспросила она уже мягче.

— Ну... я... просто... — Клэр тяжело выдохнул, признавая поражение. — Виноват...

— Если бы ты ответил на его письма, он бы попытался нас найти и вернуть, — закончила за него Тамара. В её голосе не было упрёка, только констатация факта и лёгкая, едва заметная улыбка. — Он может и наш учитель, но всё же капитан гвардии. Завёл бы речь про долг, ответственность и всё такое.

Клэр невольно усмехнулся, представив себе эту картину, но тут же снова помрачнел.

— И всё же... — он опустил голову, глядя на их сцепленные руки. — Я бы хотел поговорить с ним по душам. Объяснить. И с Алексеем тоже. Наверное, ему было нелегко эти тринадцать лет. Наверное, сейчас мне так спокойно несмотря на то, что Кир сейчас не с нами, только потому что Алексей и Дмитрий обязательно его защитят.

Тамара ничего не ответила, лишь слегка сжала его пальцы в ответ. Она понимала это чувство вины, смешанное с облегчением с толикой счастья.

Аскольд наблюдал за ними с теплой улыбкой. У него не было слов, которые бы могли им помочь в той части их жизни, о которой ему было слишком мало известно. Дождь колотил по золотому куполу над их головами, создавая мерный, убаюкивающий ритм.

Тамара и Клэр синхронно склонили головы в последнем, безмолвном поклоне обелиску и, неловко отпустив руки друг

друга, вернулись к ожидавшему их Аскольду.

— Надо найти гостиницу, — сказал Клэр, убирая с лица мокрые волосы. Его голос снова стал уставшим с ноткой раздражительности. — И горячую ванну. В таком порядке.

— Поддерживаю, — пробурчал Аскольд, плотнее запахивая свой плащ. — Грифона бы ещё накормить... Перл?

Грифон издал недовольный клёкот, который можно было перевести как: «Я бы предпочёл не мокнуть под дождём, а сразу оказаться в стойле с охапкой сена». Хурма же была слишком горделивой для подобных жестов, поэтому обошлась только суровым взглядом.

Они вышли из переулка обратно на шумную улицу. Купол над городом сиял золотом в сгущающихся сумерках, словно насмехаясь над непогодой снаружи. Тамара на ходу достала из поясной сумки небольшой кожаный мешочек.

— Отец дал мне Царских чеков, привязанных к его счету в казне. Должно хватить на лучший номер.

— Главное, чтобы там была ванна, — мечтательно протянул Клэр.

В этот момент из дверей таверны снова вырвалась музыка и громкий смех. Песня о Соловьином острове на мгновение стала громче, а затем дверь захлопнулась, отрезая звуки веселья.

Тамара инстинктивно поправила капюшон, пряча лицо в тени.

— И желательно номер с окнами во двор, — добавила она

тихо. — Не хотелось бы привлекать внимание.

Они свернули на другую улицу, уходя прочь от шумной набережной в более тихие кварталы в поисках пристанища. Три уставшие фигуры под золотым куполом города вечного праздника.

Найти гостиницу оказалось несложно. Трёхэтажное здание из белого известняка с аккуратной вывеской обещало «Тишину и комфорт». Хозяин, полный мужчина с добродушным лицом, поднял взгляд от конторской книги и... замер. Его глаза расширились, словно он увидел призраков.

— Вы случайно не... — прошептал он, нервно сглотнув. — Ох... Меня предупреждали!

Он с грохотом нырнул под стойку и принялся там копошиться, бормоча что-то себе под нос. Через несколько секунд он вынырнул, держа в руках два запечатанных конверта.

— Одно для господина Клэриса, — он протянул письмо, глядя на мокрого и злого Клэра с благоговейным трепетом. — А второе для Вас, Царевна.

Тамара и Клэр поражённо переглянулись. Они не называли своих имён. Тамара медленно, словно боясь спугнуть видение, приняла свой конверт. Клэр взял свой так, будто тот мог его укусить.

— Также для Вас подготовлен номер, — затараторил хозяин, вытирая руки о фартук. — Лучший в гостинице.

— Номер? — Тамара нахмурилась. — Кем?

— Мальчик и двое мужчин проживали у нас ранее, — охотно пояснил хозяин. — Оплатили на несколько дней, но уехали раньше, сказав, что сюда прибудут трое. Они попросили передать свой номер в пользование Вам. А мальчик оставил эти письма.

В холле повисла оглушительная тишина, нарушаемая лишь стуком дождя по куполу. Тамара и Клэр не отрывали глаз от писем в своих руках. «Кир», — одновременно подумали они.

— Прошу за мной, — хозяин подхватил связку ключей. — Я провожу вас.

Он провёл их в просторный номер на втором этаже. Внутри было тепло, пахло свежим бельём и фруктами. В соседнем помещении стояла та самая огромная ванна, о которой мечтал Клэр.

— Я так понимаю, ваше путешествие инкогнито, как и путешествие вашего младшего брата, Царевна Тамара, — сказал хозяин уже у двери, понизив голос до заговорщического шёпота. — Не переживайте, Вас здесь никто не побеспокоит во время вашего медового месяца.

— Какого месяца? — машинально переспросил Клэр, отрывая взгляд от письма.

Но хозяин уже выскользнул в коридор и закрыл за собой дверь, оставив их в полном недоумении.

— Да, конечно! А меня здесь как будто нет! — возмущённо фыркнул Аскольд, скидывая на пол мокрый плащ. Он

прошёл в комнату и театрально развёл руками. — Кто по их логике с собой в медовый месяц Короля Фей берёт? Я что, свадебный генерал?

— Я думаю, ты в данном случае очень практичный спутник, Аскольд, — рассмеялась Тамара. Её напряжение немного спало. Она посмотрела на письмо в своей руке. Снова хлебные крошки.

— Что ж, я первая в ванную, — заявила она, решительно направляясь к ширме для переодевания.

Клэр проводил её взглядом и заметно сник. Он так мечтал о горячей воде... Тамара, заметив его реакцию через плечо, лукаво улыбнулась.

— Хочешь со мной? — бросила она небрежно, словно речь шла о совместном чаепитии.

Клэр поперхнулся воздухом. Его лицо мгновенно стало пунцовым.

— Не шути так! — выпалил он громче, чем хотел.

Тамара рассмеялась и скрылась в ванной. Аскольд уронил свой дорожный мешок и согнулся пополам от хохота.

— О боги! Я должен это запомнить! Ты бы себя видел сейчас!

Ванная комната встретила Тамару тишиной и теплом, которое казалось почти нереальным после пронизывающего холода шторма. Она с удивлением осмотрелась. Здесь не было привычных медных кранов или труб водопровода, которые она видела в Рюлеле. Вместо этого на мраморном бор-

тике огромной ванны стояла изящная плетёная корзина, доверху наполненная мерцающими розовыми кристаллами.

«Морские русалки», — молча сделала вывод Тамара. Её губы тронула лёгкая улыбка при мысли о мальчике, который прыгал бы от радости, увидев это.

Она взяла один из кристаллов — гладкий, тёплый на ощупь, пульсирующий едва заметной магией — и небрежно бросила его в пустую чашу ванны. Хрупкий минерал со звоном разбился о мрамор, и в тот же миг ванна начала наполняться водой. Но это была не просто вода. Вместе с ней по комнате разлился тонкий аромат соли и каких-то экзотических масел, мгновенно наполняя воздух запахом моря и спокойствия.

Тамара скинула с себя мокрую, липнущую к телу одежду, оставшись совершенно нагой. Шагнув в ванну, она с тихим вздохом погрузилась в горячую воду по самый подбородок. Тёплая влага приятно расслабляла окоченевшие мышцы, смывая не только грязь путешествия, но и накопившуюся усталость последних недель. Напряжение медленно покидало её тело, стекая вместе с пеной.

Лишь полностью расслабившись, она вспомнила о письме. Развернув слегка подмокший конверт, она пробежала глазами по строчкам, выведенным знакомым, немного детским почерком Кира.

«Привет, Тамара!

Прости меня, пожалуйста, что я сейчас немного в бегах. Я

правда очень-очень хочу домой, но сначала мне нужно кое-что сделать. Пожалуйста, не переживайте за меня слишком сильно. Дмитрий и Алексей заботятся обо мне. Дмитрий следит, чтобы я не ел много сладкого, а Алексей понемногу учит меня фехтованию. Мы были в Верене, Нуте, Имхотепе. И вот теперь мы в Гебе. Я очень много понял и узнал за время этого путешествия. О тебе и Клэре. Я понял, как вам было нелегко, когда вы были младше. А ещё я понял, почему вы такие сильные. Я встретил многих, кто знал вас. Для меня было странно осознавать, что у вас была какая-то жизнь до меня, но я рад, что познакомился с ней...»

Её брови поднялись вверх. *Дмитрий следит за сладким? Алексей учит фехтованию?* Картинка была настолько абсурдной и умилительной одновременно, что она тихо хмыкнула.

Чтение продолжалось. По мере того, как она читала о том, что Кир понял об их прошлом, её лицо становилось серьёзнее. Он видел то, что они так тщательно скрывали за маской силы. Он увидел их боль и их историю чужими глазами.

«Я всё ещё очень вас люблю».

Тамара почувствовала странный ком в горле. Она перечитала последнюю строчку снова.

P.S.

«Пожалуйста, включи уже свои женские чары и заставь Клэра поскорее тебе признаться. Я ОЧЕНЬ хочу домой. Люблю.»

Щёки Тамары вспыхнули ярко-красным румянцем, который был заметен даже сквозь пар над водой. Она сжала бумагу в кулаке, а затем прижала письмо к груди.

— Ох, Кир... — выдохнула она, качая головой. На её губах играла смущённая, но счастливая улыбка. — Если бы это было так просто.

Она представила лицо Клэра, отраженное в зеркале. Сосредоточенное. Его руки застегивают её карсет.

— Твой воспитатель настоящий тугодум, — прошептала она в пустоту комнаты.

Внезапно тишину ванной нарушил осторожный стук в дверь.

— Тамара, всё в порядке? — раздался из-за двери голос Клэра, встревоженный и глухой.

Тамара усмехнулась. Вода мягко плескалась вокруг неё.

— Зайди и проверь, — предложила она, не повышая голоса, но достаточно громко, чтобы он услыша.

За дверью повисла пауза. Тамара откинулась затылком на край ванны, прикрыв глаза и ожидая. Пар клубился под потолком, смешиваясь с ароматом розовых кристаллов.

— Не. Шути. Так! – велел голос за дверью.

За дверью послышались удаляющиеся шаги. То ли дело было в сырости Геба, которую Клэр так сильно не любил, то ли в тягости путешествия, а, может, причина крылась совсем в другом, но в последние время Клэр стал чуть более раздражительным.

В комнате пахло солью и покоем. Тяжёлый, влажный воздух вчерашнего шторма сменился звенящей тишиной штиля. Из открытого окна доносился лишь мерный, убаюкивающий шёпот моря и редкие, пронзительные крики чаек.

Тамара лежала на кровати, закинув руки за голову. На ней был простой гостиничный халат, распущенные волосы влажными прядями лежали на плечах. Она не спала, но и не бодрствовала по-настоящему, находясь в том блаженном состоянии полудрёмы, когда тело наконец-то отдыхает после долгой дороги. Лёгкий бриз, залетавший в окно, играл с краем занавески.

Тук-тук. Стук в дверь был тихим, но в абсолютной тишине комнаты прозвучал резко и настойчиво. Тамара лениво приоткрыла один глаз. Тук-тук.

— Войди, — её голос был хриплым со сна.

Дверь приоткрылась, и в проёме показался Аскольд. Он уже успел переодеться в сухую одежду и выглядел на удивление отдохнувшим для того, кто часами летел на грифоне под ливнем.

— Попытка номер два, — произнёс он с лёгкой усмешкой и протянул ей аккуратный бумажный свёрток.

Тамара приподнялась на локтях и приняла подарок. Бумага была плотной и дорогой. Она неторопливо развернула её. Она утвердительно кивнула, если бы умела свистеть, то и присвистнула бы. В бумажном свертке лежал наряд из тончайшего шелка. Лёгкого, как туман и почти прозрачного.

— Меня начинает удивлять то, как ты хорош в выборе женской одежды, — сказала Тамара, проводя пальцами по гладкой ткани. В её голосе не было упрёка, лишь констатация факта с ноткой иронии.

— У меня был богатый опыт наблюдения, — парировал Аскольд, прислонившись плечом к дверному косяку. — И я знаю твой вкус. Практичность, но с изюминкой.

— Говоришь как настоящий развратник, — подметила Тамара, доставая платье.

— Удачи, — просто сказал он, и его усмешка исчезла.

Тамара встретилась с ним взглядом. В его мимике читалась искренняя поддержка.

— Она мне понадобится, — подметила Тамара. – Особенно если ветер подует.

— Не ной мне тут, — Аскольд отсалютовал ей двумя пальцами и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Тамара осталась одна. Она ещё несколько секунд смотрела на закрытую дверь, затем перевела взгляд на шёлковую ткань в своих руках.

Аскольд и Клэр уже собрались. На них были лёгкие льняные рубашки и свободные бежевые брюки — практичная одежда для южного климата. Клэр, однако, выглядел так, будто сражался со своим нарядом. Он мучился с пуговицами на манжете, тихо ругаясь себе под нос.

— Когда ты вообще успел одежду прикупить? — спросил он, не отрывая взгляда от упрямой пуговицы.

Аскольд оторвался от вида за окном и пожал плечами

— Решил, что странно будем выглядеть, если выйдем в город в дорожных плащах, пропахших нечистотами и эльфами, — ответил он. — К тому же, у меня глаз наметан. Я же Король Фей, в конце концов.

В этот момент дверь спальни Тамары со щелчком отворилась. В комнате повисла абсолютная тишина. Даже Аскольд на секунду потерял свою привычную ухмылку.

Тамара остановилась в дверном проёме. На ней было лёгкое приталенное шёлковое белое платье. Круглый вырез лишь слегка приоткрывал ключицы и декольте. Рукава-фонарики придавали образу хрупкость, а юбка была настолько лёгкой и струящейся, что при малейшем движении обрисовывала силуэт ног. Платье не кричало о себе, оно шептало, подчёркивая каждый изгиб её фигуры. Её чёрные волосы, подстриженные до подбородка, были аккуратно уложены, открывая изящную линию шеи.

— Нравится? — с абсолютно невинным видом спросил Аскольд, поворачиваясь к Клэру. — Это я выбирал.

Клэр медленно повернул голову, метнув ледяной взгляд в сторону Аскольда.

— Я убью тебя, — ответил Клэр на удивление спокойным, почти мёртвым голосом.

Тамара, сделав вид, что не замечает его реакции, подошла ближе. Она с лёгкой улыбкой посмотрела на его борьбу с пуговицей и, не дожидаясь разрешения, подняла его руку. Её

пальцы легко и быстро справились с непослушной застёжкой. Прикосновение было мимолётным, но Клэр вздрогнул.

— Так, — Тамара опустила его руку и отступила на шаг назад. — Сначала позавтракаем и соберём слухи в городе. Я видела в ванной кристаллы воды от русалок. Если узнаем, где их искать, то узнаем, и где Кир. Он бы точно заинтересовался морскими русалками.

— Ага... — выдохнул Клэр, всё ещё не в силах оторвать от неё взгляд. Он выглядел совершенно потерянным.

— Ну, идём? — Тамара направилась к двери.

— Ты так пойдёшь? — наконец выдавил из себя Клэр.

Тамара обернулась через плечо, её лицо никак не изменилось.

— Ну да. А что?

— Здесь так все ходят, Клэр, — сжалился над ним Аскольд. — Жарко же.

Он открыл дверь перед Тамарой.

— После вас!

Тамара вышла в коридор. Аскольд последовал за ней. Клэр остался один на один со своими мыслями.

— Это будет очень долгий день... — простонал он и поплёлся следом за ними.

Они устроились на открытой террасе на крыше уютного ресторанчика. Отсюда открывался захватывающий вид на бирюзовую бухту, белый песок пляжа и бескрайний горизонт, где море сливалось с небом. Внизу шумел город, но

здесь, наверху, царили покой и тёплый бриз.

Подавальщица, стройная девушка в платье из той же лёгкой ткани, что и у Тамары, с улыбкой поставила на стол их заказ: кувшин с холодным лимонадом, лёгкий салат из морепродуктов для Тамары и жареную рыбу для мужчин.

Тамара, не тратя времени на светские разговоры, одарила девушку своей самой располагающей улыбкой.

— У вас чудесное платье, — начала она. — Такая редкая ткань. Я не видела ничего подобного в столице.

— О, это всё русалки! Наши ткачи эту ткань именно для них придумали, но и местным девушкам тоже по вкусу пришлось! — тут же оживилась подавальщица, польщённая комплиментом. — Они приносят нам эти чудесные водные кристаллы. А мы меняем их на бусы и ткани. Теперь у нас весь город так ходит, удобно и не жарко! Русалки, кстати, тоже эту ткань просто обожают!

— Я слышала какие-то жуткие истории про русалок... — осторожно продолжила Тамара, отпивая лимонад. — Что-то про их мясо и вечную жизнь?

Девушка звонко рассмеялась.

— Ох, это всё глупые суеверия! Наша Владычица Ока однажды вышла на берег прямо перед толпой и доказала, что это чушь. Она дала свою кровь умирающему старику, но чуда не произошло. С тех пор у нас с ними мир и торговля. А тех, кто всё ещё верит в эти сказки про мясо русалок, стража теперь строго наказывает.

Девушка, довольная тем, что поделилась местными сплетнями, забрала пустые чашки из-под чая и ушла.

Тамара вернулась к своему салату, её взгляд был устремлён на морской горизонт. Она задумчиво жевала листик зелени.

— Вероятно, Кир отправился в море, чтобы расспросить русалок, — сделала она логичный вывод. — Это в его стиле.

— Значит, мы пойдём искать русалок, — заключил Клэр, без особого энтузиазма ковыряясь вилкой в куске жареной рыбы.

— Ты ведь не особый любитель морепродуктов, — заметила Тамара с лёгкой иронией в голосе.

— Здесь в меню только они, — тяжело вздохнул Клэр.

Аскольд, который всё это время с деловитым видом потягивал через стеклянную трубочку яркий коктейль, решил внести свою лепту в беседу.

— Глаза Тамары выше, Клэр, — с невинным видом подметил он.

В ответ под столом раздался резкий пинок, от которого Аскольд дёрнулся и чуть не подавился своим напитком.

— Попросим помощи у береговой стражи, — невозмутимо продолжила Тамара, делая вид, что не замечает их молчаливой перепалки. Она вытерла губы салфеткой. — Хоть какой-то толк от того, что я Царевна.

Она слегка улыбнулась, глядя на белый пляжный песок внизу. Несмотря на тревогу за Кира, момент был по-настоя-

щему приятным.

— Тепло здесь. И тихо... — добавила она почти шёпотом.

Ближе к вечеру, когда солнце начало клониться к горизонту, окрашивая небо в мягкие оранжевые тона, троица направилась к казармам береговой стражи. Здание представляло собой приземистую каменную крепость с широкой смотровой башней, откуда открывался вид на всю бухту.

Тамара не стала утруждать себя дипломатией или попытками остаться инкогнито. Она шагнула вперёд, и её белое платье, словно пену на морской волне, трепал ветер.

— Я Царевна Тамара Рюлель, — громко произнесла она, обращаясь к первому же офицеру у ворот. — Мне нужна информация. Не могли бы вы уделить время?

Реакция последовала мгновенно и ошеломила их всех. Стражники, которые ещё секунду назад выглядели уставшими после долгой смены, вытянулись по струнке. В их глазах вспыхнуло не просто уважение, а почти благоговение. Они засуетились, предлагая ей пройти внутрь, принести прохладительные напитки и позвать капитана.

Аскольд и Клэр переглянулись с лёгким удивлением. Клэр привык к такой реакции, но Аскольда забавляла эта внезапная перемена в поведении суровых воинов.

Один из молодых стражников, глядя на Тамару широко раскрытыми глазами, выпалил:

— Мы рады видеть вас! О ваших деяниях поют песни! Вы та самая нимфа войны, что присоединила Южные земли!

Другой, постарше, кивнул:

— И вы покарали графа Леонида на Соловьином острове! Говорят, ни капли крови не пролили, одной лишь магией обратили его армию в бегство.

— Да, да... — пробормотала Тамара, думая о том, что бы ей хотелось сделать с бардом, что написал все эти баллады.

На её лице промелькнуло лёгкое недоумение. Раньше её имя ассоциировалось с чем-то холодным, строгим и ужасным.

В этот момент двое других стражников, те самые, что вчера провожали Кира, узнали гостей.

— Так вы ищете своего брата? — спросил один из них. — Отважный молодой человек. Весь в сестру пошёл! Такой же решительный.

Услышав это, Тамара замерла. Её губы тронула кривая, почти издевательская усмешка.

— Ох, обычно такие похвалы слышит моя дорогая сестра Кристина, — сказала она, обводя взглядом присутствующих. — Святая Кристина, покровительница сирот и больных.

Стражники неловко переглянулись. Их энтузиазм немного угас.

Вперед выступил тот самый пожилой офицер, который встретил их первым. Он посмотрел на Тамару прямо и без тени раболепства.

— Простите, Царевна Тамара, — спокойно сказал он. — Но мы люди с Юга. Нам важны дела, а не святость.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Святость спасает души. Но именно ваша «война», ваше правосудие дали нам возможность жить так, как мы живём сейчас — свободно и без страха перед тиранами вроде графа Леонида. Для нас вы не святая. Вы — наша вера в силу.

В воздухе повисла тишина, разбиваемая шумом волн. Тамара смотрела на этого простого воина и чувствовала себя странно. Будто её щёлкнули по носу. Всю жизнь её призирали при дворе как тень, что отбрасывала царская кровь. А теперь оказалось, что для этих людей её собственная тьма была куда полезнее чужого света. Она ощутила странное тепло в груди, смешанное с горечью.

— Что ж, — наконец нарушила она молчание, возвращая себе привычный деловой тон. — Раз уж мы поняли друг друга... Расскажите мне подробнее о том, куда отправился мой учени брат. И предоставьте нам лодку Если можно. Я хочу лично поблагодарить наших морских союзников.

Лодка, предоставленная береговой стражей, была небольшой, но крепкой. Управлял ею всё тот же магический камень ветра, который послушно наполнял единственный парус. Тамару, Клэра и Аскольда сопровождали те же двое стражников, что провожали Кира днём ранее. Они с нескрываемым восторгом поглядывали на Царевну и её свиту.

Аскольд с чисто научным любопытством изучал устройство лодки, то и дело постукивая пальцем по борту и бормоча что-то о плотности древесины и скорости. Клэр же, напро-

тив, выглядел мрачнее тучи. Он сидел на носу, вцепившись в планширь так, что побелели костяшки пальцев, и смотрел на горизонт с видом человека, обречённого на казнь через утопление.

Один из стражников, видимо, решив скрасить путь, затянул уже изрядно надоевшую Тамаре балладу. Его хрипловатый голос разносился над водой:

— «И там, где ступала нога её,

Не росла трава от огня...»

Тамара сидела на самом краю бортика, свесив одну ногу над водой. Ветер трепал её волосы и тонкую ткань платья. Она выглядела абсолютно ошарашенной и немного раздражённой. Щёки горели румянцем, который не имел ничего общего с морским бризом.

Клэр заметил это состояние. Он тихо поднялся со своего места и, стараясь не привлекать внимания Аскольда, который был слишком занят изучением мачты, подошёл к ней и сел рядом на бортик.

— Ты как? — тихо спросил он, почти касаясь её плеча своим.

— Под землю хочется провалиться, — выдохнула Тамара, не глядя на него.

Клэр тихо усмехнулся.

— Не похоже на тебя.

— Просто странное ощущение, — с горечью сказала она. — Съязвила и сама же получила в лоб каким-то странным

восхищением. Скажи, мир с ума сошёл? Или как?

Она наконец повернула к нему лицо, и в её глазах читалась целая буря эмоций.

— Я одиннадцать лет сидела в лесу и старалась не отсвечивать. Меня всё устраивало. Я просто не подходила тому образу Царевны, который эти люди хотели видеть. Я накричала на отца... Мне было плохо от того, что все вокруг говорят какие-то странные вещи о том, что я «Кровавая Царевна», каждый напоминал мне о том, что я сожгла Нут и завоевала Юг. Все вокруг трепетали от ужаса.

Она перевела взгляд на свои руки.

— Я накричала на отца, потому что просто хотела услышать от него простое «ты поступила так, как того от тебя требовали», а не абстрактное «выбери себе мужа». Мне просто было обидно, вот я и сорвалась. А когда отец вырвал мне сердце... все эти эмоции отступили. И я поняла, что за ними стояло. Я просто устала. До глубины души я устала. Мне было шестнадцать.

Её голос стал тише, почти шепот.

— Мы с тобой вернулись из ада, где люди готовы сжечь своих детей и жён ради победы. Я думала именно об этом тогда. И я ушла. «Раз не подхожу, то и ладно с вами», — думала я. — «Умирайте от эпидемий и голода. Травите землю несистемным подходом. Мне-то какое дело, честное слово! Я же не Святая Царевна, чтобы вас тут спасать». Как будто мне делать нечего!

Она нервно рассмеялась.

— И вот я просто хочу вернуть своего ученика домой, а они тут сочиняют баллады и восхваляют меня за то, что презирали каких-то одиннадцать лет назад! У меня есть чувство, что меня снова пытаются заставить чему-то соответствовать. Только теперь не образу «милосердной царевны», а образу «нимфы войны», что придёт и всё решит. Но я-то не хочу! Я хочу просто обратно в Лес Фей. С Киром, Аскольдом и тобой.

Клэр слушал её молча, не перебивая. Когда она закончила, он улыбнулся — мягко и понимающе.

— Вот ты это и сказала, — произнёс он. — Я всегда это понимал, но так странно услышать это прямо от тебя.

Он неловко, словно боясь обжечься, накрыл её руку своей.

— Тамара... мы уже отдали этой стране все свои долги как аристократы. Пусть и дальше поют баллады. Если захочешь — поселимся в Рюлеле. Если захочешь — вернёмся домой в Лес Фей. Какая вообще разница, что они тут себе воспевают? Ты давно вышла за рамки их понимания.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Когда мы с тобой сожгли Нут... я чувствовал это. Мы будто стали проводниками высшего порядка, что неосязаемо человеческой моралью. Так же было и в той деревеньке с Киром. Или потом в Шу. Мои чувства рядом с тобой всегда были одни и те же — в крови или на кухне. Я на инстинктивном уровне ощущаю себя рядом с тобой как что-то сакраль-

но чистое от всех догм.

Он помолчал секунду.

— С того самого момента в саду, когда мы были детьми... и ты подарила мне горящую розу.

Клэр медленно повернулся к ней всем телом. В его глазах горела решимость, и в них отражалось закатное солнце.

— Я посвятил себя тебе с того самого момента. Кристина обвинила меня в том, что я не смотрел на неё... но как можно было видеть её, если я уже ощущал пепел на своих пальцах с той нашей встречи. Я уже тогда начал свой путь рядом с тобой, потому что этот путь казался мне единственно верным для меня.

Тамара смотрела на него, и лёгкая печаль в её взгляде сменялась чем-то другим — чем-то похожим на трепет и удивление. Она видела в его глазах не просто преданность, а отражение их общего прошлого, всех тех ужасов и чудес, через которые они прошли вместе.

— Иногда я думаю, что уничтожила тебя той розой, — прошептала она. — Я испачкала тебя пеплом, не то чтобы заставив сделать выбор, а лишив тебя его...

Клэр покачал головой, его пальцы чуть крепче сжали её руку.

— Я сам сделал выбор ещё до того, как мне его предоставили. Потому что для меня, лишённого возможности обрабатывать лишние примеси мира, он был единственно верным. Не понимаю, о чём ты говоришь. Ты вовсе не извраща-

ла мою суть. Думаю, я был таким с рождения. Ты лишь дала моей сути название.

Он поднёс её руку к своим губам и поцеловал костяшки пальцев — простой, но невероятно нежный жест.

— И эта суть сделала меня рядом с тобой мужчиной в самом древнем понимании этого слова. Мне не нужны похвалы и признания. Я просто хочу быть рядом с тобой, как проводник твоего взгляда на мир. Я хочу воспитывать Кира вместе с тобой. Учить его ставить палатки и готовить. Хочу защищать тебя, чтобы ты не отвлекалась от главной своей цели. Хочу сражаться с тобой и вместе смотреть, как этот мир меняется с каждым новым восходом и закатом под тяжестью твоих жестоких, но прекрасных в своей сути уроков.

Тамара молчала, глядя на него так, словно видела впервые. Ветер стих, и последние слова Клэра повисли в воздухе.

— И ты не хотел бы большего? — наконец спросила она с горькой усмешкой. — Если бы не пошёл за мной, смог бы уже быть Царём. Как жених Кристины.

Клэр посмотрел на неё, и в уголках его губ заиграла знакомая ей полуулыбка.

— Скукота какая, — просто отозвался он.

Он выпустил её руку. Воздух вокруг него на мгновение сгустился от чёрных искр магии трансформации. Миг — и на месте человека сидел большой чёрный кот. Он легко запрыгнул ей на колени. Тамара машинально опустила руку и начала почёсывать его за ухом. Кот тут же заурчал.

— Устал, мой хороший? — спросила Тамара.— Ненавижу воду, — отозвался Клэр, принимая ласки.

Они сидели так вдвоём на краю лодки, пока солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо и море в багряные и золотые тона. Баллада стражника давно стихла. Аскольд всё так же изучал парус, делая вид, что ничего не заметил.

Ночь окутала море. Тамара приподняла кота на руки. Клэр удивлённо открыл глаза.

— Спасибо тебе, Клэр, — Тамара слега улыбнулась и поцеловала его в нос.

Магический пузырь, созданный Тамарой, плавно скользил в тёмной толще воды. Сама Тамара заметно взбодрилась, с живым интересом разглядывая подводный мир. Клэр же, напротив, вжался в дальний угол пузыря, выглядя при этом крайне напряжённым.

— Я ощущаю потоки природной маны, позволь, — мягко сказал Аскольд и, не дожидаясь ответа, мягко перехватил у Тамары контроль над пузырём, заставив его двигаться более плавно и быстро.

— Помнится, ты родился здесь, да? — обратилась Тамара к Аскольду, не отрывая взгляда от проплывающей мимо стайки светящихся медуз.

— Да, — ответил он, в его золотых глазах проскользнула ностальгия. Он смотрел на приближающийся коралловый риф. — Но тогда всё было немного другим. Когда я появил-

ся в мире и сошёл на берег, города здесь не было. Да и много чего другого. И всё же... всё не сильно изменилось. Но, если честно, под водой я тогда не бывал. Я ведь родился из пены и солнечного света. И почти сразу направился в путь.

Они приплыли к гигантскому коралловому гроту. Тамара восхищённо выдохнула. Это было не просто нагромождение камней, а настоящее произведение искусства, созданное природой и укреплённое древней магией. Русалки с любопытством выглядывали из своих укрытий. Они плавали вокруг пузыря, но не подплывали слишком близко, словно соблюдая дистанцию.

Пузырь мягко приземлился на дно перед входом в главное строение — идеально круглым зданием из белого камня.

— Там их главный? — хрипло спросил Клэр, вглядываясь в темноту проёма.

— Морская владычица, — поправила его Тамара. Она говорила тихо, почти благоговейно. — Если честно, я об этом только в сказках читала. Но, если верить им, раз в тысячу лет на свет появляется очень могущественная морская русалка, которая ведёт за собой остальных. Ей подвластны течения и морские твари.

Клэр нервно поёжился при упоминании «морских тварей». Они вышли из пузыря и подошли к перламутровому барьеру. Тала, которая, видимо, дежурила у входа, стояла на пороге и удивлённо хлопала глазами. Увидев гостей, она открыла рот, но не издала ни звука. Тамара, Аскольд и Клэр

смотрели на неё с таким же ошарашенным видом.

— Здравствуйте, — Тамара осторожно сделала шаг вперёд. — Меня зовут...

— Госпожа Ока! — пронзительно взвизгнула Тала, не дав ей договорить.

Русалка с грохотом уронила на пол горшок с кораллами, развернулась на месте и, шлёпая босыми ногами по деревянному полу, умчалась в соседнюю комнату. За дверью послышалась возня и приглушённый шёпот.

— Не особо они нам рады, — философски заметил Аскольд.

— Ну, мы к ним домой ворвались без стука, я бы тоже от счастья не скакала, — пожала плечами Тамара.

Дверь внезапно распахнулась с такой силой, что чуть не слетела с петель. На пороге стояла сама Владычица Ока. Её волосы были идеально расчёсаны и уложены дорогими шпильками. Она быстрым, оценивающим взглядом окинула гостей, заметно задержавшись на Аскольде.

— Может, пойдём отсюда, пока нам пинка не дали? — шепнул Аскольд Тамаре.

— Рада приветствовать вас, Царевна Тамара! — Ока шагнула вперёд и уважительно поклонилась.

— Ох, не стоит! — Тамара поспешно поклонилась в ответ. — Простите за столь внезапный визит.

— Что вы! Мы рады принять вас у себя! — голос Оки звенел от восторга. — Неужели рядом с вами многоуважаемый

Король Фей Аскольд!

В её глазах вспыхнул такой яркий интерес, что его можно было разглядеть даже под толщей воды. Тамара и Клэр сконфуженно переглянулись.

— Странные они какие-то... — прошипел Аскольд Тамаре на ухо. — Пошли отсюда.

— Он самый, — игнорируя ворчание друга, с достоинством ответила Тамара.

Этого оказалось достаточно. Ока мгновенно потеряла всё своё величие. Она подбежала к Аскольду и схватила его за руки.

— О! Я так мечтала встретиться с вами! Наяву вы ещё прекраснее, чем в моих мечтах! — выпалила она на одном дыхании. — Вы должно быть устали в путешествии! Пройдёмте к столу! Расскажите мне о ваших странствиях! О вашем Королевстве! И... конечно... о вас!

Клэр не выдержал и ехидно улыбнулся. Он вспомнил всё: подшучивания, уколы и самое главное – минувшее утро!

— О да, Аскольд! Расскажи приветливой хозяйке всё! — с нескрываемым удовольствием произнёс он.

Аскольд бросил на него испепеляющий взгляд. Ока практически поволокла упирающегося Короля Фей в столовую. Аскольд умоляюще посмотрел на Тамару через плечо, но та лишь невинно пожала плечами и улыбнулась: «Сам выкручивайся».

В столовой с низким столом и подушками на полу Ока

усадила Аскольда рядом с собой. Тамара и Клэр расположились напротив. Тала уже суетилась у стола, расставляя угощения: икру, креветки, морскую капусту и тушёного краба. При виде этого изобилия Клэр заметно позеленел.

— Ох, какой стеснительный! — Тала решила попытать счастья и с ним, протянув руку к его лицу.

Клэр испуганно отшатнулся. Воздух вокруг него заискрился чёрной магией. Черех сгновение на подушке уже сидел большой чёрный кот. Он тут же запрыгнул на колени к Тамаре и прижался к ней боком.

— Ох! — только и смогла вымолвить Тала.

Клэр зашипел на русалку из-под руки Тамары.

— Нет ничего прекраснее в мужчине, чем преданность! — глубокомысленно подметила Тала, ничуть не обескураженная.

Тамара лишь улыбнулась ей в ответ и погладила кота по голове. Но в этой улыбке читалась скрытая угроза и обещание жутких кар за излишнее внимание к её «котику». Тала почувствовала, как по её чешуе пробегают мурашки. Она решила про себя, что лучше оставить этот флирт... пока её саму не пустили на рыбные палочки.

Ока, казалось, забыла обо всём на свете, кроме сидящего рядом с ней Аскольда. Она буквально засыпала его вопросами о Лесе Фей, не давая ему вставить и слова.

— Неужели, как говорят, в ваш Лес невозможно попасть без веления самого Короля? — Ока по-хозяйски приобняла

Аскольда за плечо, отчего тот заметно напрягся.

— Ну, не то чтобы... — промямлил он, бросая отчаянный взгляд на Тамару. — Тамара вот как-то попала, когда была подростком.

— Ох! Вы такой добрый! — мечтательно вздохнула русалка. — Неужели юная Царевна пришла к вам за мудрым советом?

— Ну, нет, она... — Аскольд запнулся, подбирая слова. — Она пришла помыться.

— Как прекрасно! — воскликнула Ока, совершенно не уловив контекста. — Видимо, в вашем Лесу можно смыть с себя всю усталость от внешнего мира. Ваша магия так прекрасна...

Тамара, сидя напротив, слегка улыбнулась уголками губ и отправила в рот рисовый шарик, посыпанный стружкой тунца. Вид неловко оправдывающегося Аскольда доставлял ей странное удовольствие.

— Царевна Тамара, расскажите же и вы о вашей встрече с господином Аскольдом! — попросила Ока, наконец ослабив свою хватку на плече Короля Фей.

— Он спросил, боюсь ли я его, а потом помог мне смыть кровь с лица, оторвав лоскут от собственного одеяния, — ответила Тамара с тёплой улыбкой, вспоминая прошлое.

— Как великодушно! Помочь юной деве в беде! Что вы скажете об уважаемом Аскольде как о вашем друге?

— Можете обращаться ко мне проще, — сказала Тамара,

с удовольствием пробуя очередное подводное угощение. — Он очень надёжен. И у него хороший вкус. Он часто помогает мне подбирать одежду.

— Неужели и это замечательное платье, что вам так идёт, тоже выбрал он? — удивилась Ока, окидывая наряд Тамары новым взглядом.

— Да, так и есть, — не стала скрывать Тамара.

Клэр, всё ещё сидевший у неё на коленях в облике кота, довольно прищурился и мурлыкнул, наблюдая за ступором Аскольда.

— Раз уж вы так искусны, господин Аскольд, может, и мне поможете в этом вопросе? — игриво спросила Ока, придвигаясь чуть ближе.

— К вашим прекрасным глазам подойдут серьги из черного жемчуга, — ответил Аскольд, пытаясь сохранить лицо профессионального советника, хотя его взгляд был прикован вовсе не к глазам Морской Владычицы.

— Глаза приветливой хозяйки выше, Аскольд, — ехидно промурлыкал Клэр, лениво подёргивая хвостом.

— Знаете, я тут подумал, что Вам, госпожа, пошло бы манто из чёрного кота, — рыкнул Аскольд, в сторону Клэра.

Ока мелодично рассмеялась.

— Вы так дружны!

— Мы?! — синхронно переспросили Клэр и Аскольд тоном, полным негодования.

Тамара и Ока рассмеялись уже вместе. Наконец, Влады-

чица выпустила Аскольда из своих объятий и посмотрела прямо на Тамару. Её игривость и флирт сменились лёгкой, немного мудрой и властной улыбкой правительницы.

— Как вам наша еда? — спросила она, обращаясь исключительно к Тамаре.

— Превосходно, — искренне ответила та. — И всё же, прошу, общайтесь со мной проще. В конце концов, вы старше меня.

— А тебя не обманешь, Крёстная дочь бога войны, — улыбнулась Ока. — Понравился наш Морской град?

— Это новая грань мира, которую я ранее не видела. Приятно, что я ещё могу удивляться чему-то новому. Как вам Геб? Мне кажется, он стал прекраснее с тех пор, как я бывала здесь в последний раз.

— Люди в нём живут размеренно, но весело, — сказала Ока, грациозным жестом разливая по керамическим чашкам без ручек ароматный травяной чай. — Желаете меня спросить о чём-то?

— О многом, — призналась Тамара, откладывая вилку. — Например, о том, как вам удаётся поддерживать весь этот грот, ведь он соткан из вашей маны.

— Его построила вовсе не я и даже не моя предшественница, — покачала головой русалка. — Я ведь довольно юна для Морской Владычицы. Мне всего-то четыреста лет.

— И всё же, хоть вы и юны в рамках своего долга, но вам многое удалось. Русалки процветают. Это восхищает.

— Приятно слышать похвалу от нимфы войны, — склонила голову Ока.

— Мне пока в новинку это прозвище, — тихо рассмеялась Тамара.

— А по-моему, оно тебе очень подходит, — возразила Ока. — Стоило увидеть тебя на пороге, эту силу и власть в одном лишь дыхании, как я сразу поняла, что все эти баллады — о тебе. Как же теперь твоё сердце?

— Бьётся, — просто ответила Тамара.

— Прекрасно, — кивнула Владычица. — Сердце на то и сердце, чтобы биться. Тебе больше подходит его наличие, чем отсутствие. Твоя магия пышет страстью и огнём.

— Жаль только, пока я не могу синхронизировать её со своим сердцем, — призналась Тамара, принимая чашку с чаем. — Мой Крёстный отец сказал, что сердце — тяжёлая ноша. Пока я не привыкла контролировать и чувства, и магию...

— Я уверена, вскоре они сольются в унисоне, — убеждённо заявила Ока.

— Я должна познать эту истину сама, — твёрдо сказала Тамара. — Чтобы передать это знание своему ученику.

— Кир — замечательный мальчик, — улыбнулась Ока. — Но ему ещё есть чему у тебя поучиться. Ему у нас понравилось. Кстати, я отдала ему осколок сердца твоего отца.

— Как он выглядит? — спросила Тамара, делая глоток чая.

— Как дитя, что вырвалось из-под опеки, а теперь боится собственного побега, — мудро ответила Владычица. — Но он здоров, весел, и с ним верные спутники. И сам Хара.

— Мне стыдно за своего Крёстного отца, — с досадой произнесла Тамара.

Ока снова рассмеялась, и её смех был похож на шум прибоя.

— Ему очень идёт эта форма!

— Чай вкусный, — заметила Тамара, делая ещё один глоток.

— На вкус, как что-то новое, — согласилась Ока, тоже отпивая из своей чашки. — Ведь его мы покупаем у людей. Если что, я не знаю, куда именно отправился твой ученик. Но мои русалки, что играют у пляжа, видели, как серый грифон полетел на северо-восток.

— Спасибо, — поблагодарила Тамара, и в её голосе прозвучала искренняя теплота.

Ока стояла на пороге своего подводного дворца, провожая гостей. Тала маячила за её спиной, всё ещё с опаской поглядывая на чёрного кота.

— Рада была познакомиться со всеми вами, — искренне сказала Владычица, переводя взгляд с Тамары на Клэра и наконец останавливаясь на Аскольде. На её губах играла лёгкая, игривая улыбка.

— Приятно иметь такую славную подругу в мире людей! — добавила она, обращаясь напрямую к Тамаре.

Тамара улыбнулась в ответ.

— Спасибо за гостеприимство, Ока. И за информацию, — кивнула она.

Тамара взмахнула рукой, создавая новый магический пузырь. Воздух вокруг них задрожал, формируя знакомую алую сферу. Клэр глубоко вздохнул, и его тело окутала чёрная дымка трансформации, возвращая ему человеческий облик. Ока послала Аскольду последний воздушный поцелуй, от чего Король Фей дёрнулся как ужаленный.

— Буду ждать нашей следующей встречи! — крикнула им вслед Владычица, прежде чем перламутровый барьер сомкнулся за их спинами.

Пузырь плавно поднялся из воды и вынес их на поверхность. Они вышли на пустынный берег Геба в тот час, когда серый рассвет только-только начинал окрашивать небо в бледные тона. Мир казался свежим и чистым после ночного шторма.

Тамара первой шагнула на песок. Она сбросила туфли, позволив прохладным, влажным крупинкам обнять её босые ступни. Какое простое, забытое удовольствие. Она была рада. Им удалось узнать главное — Кир жив, здоров и летит на Зефиром вместе Алексеем и Дмитрием.

Аскольд же, едва выйдя из пузыря, тяжело рухнул на песок, словно мешок с картошкой.

— Какая странная дамочка... — простонал он, закрывая лицо локтем.

Клэр, который выглядел немногим лучше, упал рядом с ним на спину и раскинул руки в стороны.

— О, Лёль, какая радость! Вода! Рыба! Всё позади! — патетически воскликнул он, глядя в серое утреннее небо.

Тамара посмотрела на эту картину: двое мужчин, распластавшиеся на песке, жалующиеся на жизнь. Её губы растянулись в широкой, искренней улыбе, и она рассмеялась — звонко и свободно. Ей вспомнилось нашествие жуков-караедов.

Перестав смеяться, она подошла и опустилась на песок рядом с ними. Волны с шумом разбивались о берег всего в нескольких метрах от них, оставляя на пляже пенистый след.

— Вы двое — самое нелепое зрелище во всех Южных землях, — с нежностью произнесла она.

— Я просто хочу лежать и ничего не делать, — отозвался Аскольд, не открывая глаз.

— Я бы съел что-нибудь, что не плавало, — мечтательно добавил Клэр.

Они сидели втроём на холодном песке, уставшие, голодные, но сплочённые. Впереди был долгий путь на север, но сейчас они могли позволить себе минуту покоя, слушая музыку моря и наблюдая за рождением нового дня.

Солнце поднималось выше, и песок под босыми ногами Тамары начал нагреваться, становясь приятно тёплым. Она глубоко вдохнула солёный воздух, чувствуя, как уходит напряжение последних дней. Мир казался спокойным и счаст-

ливым в этой игре солнца на морских волнах.

Она поднялась на ноги, поправляя юбку своего белого платья. Песчинки прилипли к влажной ткани.

— Ну что? Отправимся дальше? — спросила она, поворачиваясь к мужчинам.

Клэр и Аскольд начали неуклюже подниматься с песка, отряхивая одежду. Клэр поморщился, разминая затёкшую спину.

Внезапно мир взорвался.

Оглушительный грохот сотряс пляж. Ударная волна была такой силы, что Тамару подбросило в воздух и отбросило на несколько метров от Клэра и Аскольда. Время словно застыло. Она инстинктивно выставила щит из чистой алой магии, защищая себя от летящих во все стороны обломков и раскалённого песка. Её магический круг искрился от поврежденных взрывом рун.

Пляж скрылся в гигантском облаке из дыма, пыли и пара. В ушах стоял невыносимый звон, заглушающий все звуки. По лбу побежало что-то горячее и липкое. Кровь. Она провела рукой по лицу, глядя на красные разводы на пальцах.

— Клэр?! Аскольд?! — её собственный голос доносился до неё словно через толщу воды.

Вместо ответа рядом с ней в землю ударили ещё несколько взрывов. Песок забарабанил по её магическому щиту. Она прикрыла лицо рукавом, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь пыль. В большой воронке, дымясь, лежало тяжёлое

железное ядро.

Осознание пришло моментально. Атака шла с моря.

Чьи-то сильные руки грубо схватили её за талию и поволокли прочь от линии обстрела. Это был Клэр. Его лицо было перепачкано грязью и кровью из рассечённой брови.

— Держись! — крикнул он, проваливаясь в свой портал прямо у них под ногами.

Картина мира и разорванного на куски пляжа, сменилась небольшим холмом. Тамара обернулась. Аскольд, пошатываясь, стоял рядом. Его левая рука безвольно висела вдоль тела, рукав рубашки был разорван и быстро пропитывался кровью. Его задело осколком. Король Фей напряженно хмурился.

Тамара повернула голову в сторону белого известнякового города. Геб был накрыт золотым куполом, но теперь он не выглядел символом покоя. Под ним царил хаос: люди в панике бежали по улицам, стража пыталась организовать оборону, но была явно дезориентирована внезапностью нападения. Безжалостный град из железных ядер сыпался на золотой купол. Очередное ядро со звоном ударилось о его край, отскочило рикошетом и рухнуло в море. По золотому куполу пошла трещина.

— Нет — прошептала Тамара.

Она огляделась вокруг. Взгляд зацепился за Короля Фей.

— Аскольд! — крикнула Тамара, её голос прорезал шум боя.

Он среагировал моментально. По его телу прошли зелёные искры. Под ногами появилась сеть из магических кругов. Тамара вскинула руку, дополнив его заклинание. Зеркально заклятью Аскольда магические круги окружили Геб, и город окутал купол из корней и лиан, подсвеченных алой аурой Тамары. Град из ядер посыпался на плотную сеть, что окутала город. Аскольд скривился.

Тамара оттолкнулась от земли. Её магический круг вспыхнул под ногами, поднимая её в воздух. Она зависла над городом, её фигура чётко вырисовывалась на фоне утреннего неба. Платье развевалось на ветру, волосы растрепались, а по лбу всё ещё текла кровь, оставляя алую дорожку.

Как нимфа войны, что воспевали барды её именем, Тамара стояла перед городом. Она взмахнула рукой.

— Покажись! — её голос, усиленный магией, разнёсся над бухтой.

Из её рук вырвалась сплошная стена ревущего алой магии. Она ударила в воду, поднимая столб пара высотой с маяк. Но главное — она сбила маскировку врага. Море расступилось, открывая то, что скрывалось в дымке.

К Гебу подходил флот. Пять массивных военных кораблей, ощетинившихся чёрными жерлами пушек. На флагштоке центрального корабля реяло знамя соседней империи. Империя Тарха пришла нести семена своей Единой веры.

От массивных кораблей, словно рой насекомых, начали отделяться маленькие парусные лодки, набитые солдатами.

— Клэр! — крик Тамары был подобен удару хлыста.

Ему не нужны были слова. Воздух над морем замерцал, и в нём, словно разрывы в ткани реальности, открылись сотни порталов. Клэр исчез в одном и тут же появился в другом, на невообразимой скорости мчась между ними. Его кинжалы мелькали, как чёрные молнии, и десантные лодки одна за другой получали пробоины и шли ко дну, не успев добраться до берега.

Тамара на мгновение отвела взгляд от врага и бегло оценила состояние Аскольда. Он стоял на коленях, тяжело опираясь на здоровую руку, но его магический круг всё ещё держался.

Её взгляд вернулся к кораблям. Вокруг каждого из них в воздухе начали формироваться её магические круги. Они были огромными, зловеще нависая над палубами, как приговор.

Тамара медленно подняла правую руку и сжала её в кулак.

В тот же миг с неба обрушились пять столпов ослепительно-алой, кипящей маны. Они пронзили корпуса кораблей, обращая дерево, металл и плоть в мелкую щепу и пар. Четыре из пятимгигантов исчезли в огненных вспышках.

Но один остался. Его окутывал купол из чистой синей энергии, который без труда отразил атаку Тамары. Магия бессильно стекла по его поверхности.

Из воды вокруг уцелевшего корабля показались сотни русалок. Они двигались с пугающей синхронностью. Под ру-

ководством Владычицы Оки они набросились на оставшиеся десантные лодки, переворачивая их и утаскивая солдат на дно.

— Мы разберёмся с мелочёвкой! — крикнула Тала, обращаясь к Клэру. — Иди к Царевне!

Клэр не стал спорить. Он создал портал прямо под собой и спрыгнул уже на магический круг рядом с Тамарой.

Из моря рядом с ними поднялась сама Ока. Вода стекала с её волос и одеяния.

— Не успели расстаться, да? — с мрачной усмешкой крикнула она Тамаре.

— Спасибо! — ответила та.

— Я просто защищаю свой дом, незачем меня благодарить, — отмахнулась Ока.

В её руках из воды материализовался изящный трезубец, сияющий бирюзовым светом. Она подошла к Аскольду и без лишних слов положила руку ему на спину. Поток её маны хлынул в его истощённое тело. Аскольд резко выдохнул, его рана на руке начала затягиваться, а магические круги вокруг него вспыхнули с новой силой. Их магия — морская и природная — соединилась, сплетаясь в единую, нерушимую сеть обороны над городом.

Десантные лодки тонули одна за другой. Русалки безжалостно вгрызались в плоть пришельцев. Море окрасилось кровью. Лишь огромный корабль, окружённый непроницаемым синим щитом, уверенно продолжал движение к берегу.

Он даже не снизил скорость.

С борта корабля на синем магическом круге взлетела одинокая фигура. Мужчина. Его кудрявые каштановые волосы растрепал морской ветер. У него была смуглая кожа и простая, но элегантная одежда песочного цвета: шаровары, мешковатая блуза и длинная накидка, развевающаяся за спиной. Рядом с ним, поддерживая магический круг, в таких же белых шароварах и с обнажённым торсом сидел другой мужчина в устрашающей маске собаки.

Магический круг застыл в воздухе, держа на себе мужчин.

— Приветствую, Кровавая Царевна Тамара, — его голос был спокойным и звучным.

Его синие глаза сияли магической энергией, а по левой щеке ползла витиеватая синяя татуировка.

Тамара медленно вытянула из воздуха меч — тот самый, что достался ей от Алексея. Клинок загудел от наполнявшей его силы.

— Ты, нахрен, кто вообще такой? — спросила она с ледяной яростью, от которой воздух вокруг, казалось, начал замерзать.

Мужчина на мгновение опешил от такой прямоты. Между ними повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь шумом битвы позади.

Внезапно мужчина откинул голову назад и начал хохотать. Громко, искренне и заразительно.

— Неужели ты меня не помнишь? — спросил он, отсме-

явшись.

Тамара ничего ему не ответила. Её лицо было непроницаемой маской. Вторженец озадаченно почесал подбородок.

— Ну, я стал выше... и всё такое... — произнёс он с неловкой улыбкой. — А я смотрю, тот мальчишка всё ещё носится рядом с тобой.

Его взгляд скользнул по Клэру.

— Клэр, кто этот чудик? — Тамара повернула голову к своему спутнику, её бровь вопросительно изогнулась.— Да без понятия я, — пожал плечами тот, крепче сжимая кинжалы.

Мужчина в воздухе начал раздражаться.

— Слушай, серьёзно? — фыркнул он. — Я Шехзаде Измаил. Я приезжал в Царьград с отцом... на переговоры о мире. Лет пятнадцать назад. Мне тогда было... ну, четырнадцать?

Он выжидающе смотрел на неё. Клэр и Тамара переглянулись.

— Припоминаешь что-то? – спросил Клэр.

— Ну, было вроде что-то такое — Тамара крепче сжала рукоять меча. — Да зачем этих Шехзаде из Тархи запоминать, они же мрут как мухи. Морды свиней на скотобойне и то полезней помнить.

Лицо Измаила, до этого выражавшее лишь лёгкую растерянность, окаменело. Шок сменился ледяной яростью, а затем — чистой, незамутнённой обидой. Его синие глаза вспыхнули опасным светом.

— Ты меня что... только что со свиньёй сравнила? — его голос уже не был шутливым или звучным. Он звенел от едва сдерживаемого гнева.

Тамара не ответила. Она лишь крепче сжала рукоять меча Алексея, принимая низкую боевую стойку. Клинок в её руках загудел, напитываясь алой маной.

— Займись собакой, — коротко бросила она Клэру через плечо, не отрывая взгляда от противника.

Её слова стали спусковым крючком. Они сорвались с места одновременно. Это была не дуэль фехтовальщиков, а столкновение двух стихий. Измаил атаковал с яростью оскорбленного принца, вкладывая в каждый удар всю силу своего негодования. Тамара отвечала с холодной, расчётливой решимостью убийцы.

Его меч был длинным, изогнутым и зазубренным, похожим на хищный коготь пустынного зверя. Когда он скрестился с прямым клинком Тамары, воздух взорвался снопом ослепительно-белых искр. Ударная волна от их столкновения рассекла воздух.Измаил отошел первым, отпрыгнув на синий магический круг поменьше. На Тамару бросился его спутник в маске собаки, но Клэр одним уверенным ударом ноги отбросил его на палубу вражеского корабля и отправился вслед через портал. Их с Тамарой взгляды встретились, и в них было пожелание удачи друг другу.

— Как можно не помнить имя того, кого тебе сватали? — выкрикнул Измаил, парируя стремительный выпад Тамары.

В его голосе смешались злость и какая-то детская обида. Он явно ожидал другой реакции.

Тамара увернулась от ответного удара, проскользнув под его клинком. Её движения были экономичными и выверенными до миллиметра.

— Чего пристал? Комплексы? — выдохнула она, переходя из защиты в атаку. Её контрудар был молниеносным, заставляя Измаила отступить на шаг назад. Она уверенно держала меч, полностью контролируя ход боя, несмотря на ярость противника.

В стороне от основной схватки, на палубе вражеского корабля, где устроили кровавую бойню русалки, друг на против друга стояли мужчина в маске собаки и Клэр. Крики истерзанных матросов не привлекали их внимания.

Мужчина рычал на Клэра из-под своей маски из черного камня.

— Надеюсь, ты умеешь не только подвывать, — прошипел он и растворился во тьме нового портала, чтобы появиться за спиной у «собаки».

Воздух между ними сгустился от напряжения и разлитой в нём маны. Измаил больше не улыбался. Его красивое лицо исказила гримаса холодной ярости.

— Женщины этой страны совсем распустились, — процедил он сквозь зубы, его голос был слышен даже сквозь шум битвы внизу.

Тамара парировала удар его зазубренного меча, и воздух

снова взорвался искрами.

— Ну так вали в свою страну и радуйся своим покорным женщинам! Чего сюда притащился? — выкрикнула она в ответ, её алая мана вспыхнула ярче.

Это была уже не просто дуэль. Это было столкновение двух стихий, двух идеологий. Их бой поднялся высоко над землёй, зависнув на переплетении магических кругов. Небо над Гебом почернело, море внизу забурлило, переполняясь их силой.

Измаил вскинул свободную руку. С его пальцев сорвались ослепительные дуги синих молний, сплетаясь в сверкающую сеть, которая дополняла его яростные выпады мечом. Тамара отвечала стеной ревущего пламени и точными ударами клинка Алексея. Её огненная аура плавила песок на пляже далеко внизу.

— Ты осквернена нечистым богом и просто не знаешь, о чём говоришь! — прорычал Измаил, уклоняясь от огненного хлыста, вырвавшегося из меча Тамары. — Просто позволь Единому донести истину до тебя через меня!

Он атаковал вновь, но теперь его удары сопровождались градом синих магических копий, которые материализовались из воздуха и со свистом летели к ней.

Тамара не стала отступать. Она резко затормозила в воздухе, зависнув на созданном ею магическом круге. Сложив руки вместе, она начала формировать сложное заклинание — несколько концентрических сфер чистой разрушительной

энергии.

— Вот поэтому я и не люблю беседовать с твоим народом, — бросила она, глядя, как копья приближаются. — Я вам аргумент из логики, а вы мне бред в ответ.

Она выставила ладонь вперёд. Копья, почти достигшие цели, наткнулись на невидимую преграду прямо перед её лицом. Они задрожали, рассыпаясь на тысячи синих искр.

Воспользовавшись секундной паузой, Тамара исчезла в одной вспышке огня и появилась за спиной Измаила. Меч Алексея обрушился на него плашмя, окутывая принца волной испепеляющего жара. Удар обжёг ему спину, прожигая ткань костюма и оставляя глубокий ожог.

Измаил зарычал от боли и унижения, падая на свой магический круг.

Внизу, на палубе флагманского корабля, битва шла по иным правилам. Здесь не было места для благородных дуэлей или идеологических споров. Здесь царили инстинкты выживания.

Противник Клэра, мужчина в маске собаки, не пытался вступить в ближний бой. Он стоял неподвижно, разведя руки в стороны, и вся палуба вокруг него жила своей жизнью.

Мачта изгибалась под невозможным углом, пытаясь проткнуть Клэра, словно гигантское копьё. Верёвки, словно живые змеи, хлестали по воздуху, подбирая мечи и сабли убитых матросов и превращая их во вращающийся рой смертоносной стали.

Палуба вспучивалась, создавая стены и ямы, чтобы сбить его с ног. Клэр двигался как тень. Он использовал свои порталы не для атаки, а исключительно для уклонения, появляясь то на рее, то у самого борта, то на секунду ступая на воду. Чтобы сделать себя ещё более непредсказуемой целью, он постоянно трансформировался: из человека — в чёрного кота, из кота — обратно в человека, проскальзывая в щели, где не поместилось бы человеческое тело.

Его кинжалы ждали момента. Он кружил вокруг Маски, подбираясь всё ближе, ища брешь в его защите, пока палуба корчилась и плевалась обломками, пытаясь его достать. Это был молчаливый диалог смерти двух её жнецов на кладбище посреди кровавого хаоса, устроенного русалками.

— Еретичка ложного бога... — прошипел Измаил, приходя в себя. Его татуировка на щеке пульсировала синим светом, впитывая ману. Он создал перед собой купол из синей энергии, покрытый светящимися рунами, которых Тамара никогда раньше не видела.

Её сложная атака врезалась в щит. Раздался звук, похожий на звон разбитого стекла, и энергия рассеялась, не причинив вреда.

— Мы сотрём вашу ересь с лица земли, — выдохнул Измаил, собирая силы для новой атаки. — Во имя Единого!

Тамара лишь крепче сжала рукоять меча. В её глазах зажегся интерес. Битва только начиналась.

— Ну, попробуй, свинка, — усмехнулась она.

На палубе вражеского флагмана битва достигла своего пика. Клэр не стал играть в игры. Пока Собака стоял неподвижно, управляя кораблём как марионеткой, сам убийца превратился в саму скорость.

Клэр прыгнул на противника прямо в лоб, целясь кинжалами ему в горло. Маска инстинктивно дёрнулась, и палуба под ногами Клэра вздыбилась каменным шипом, пытаясь пронзить его. Но Клэр уже исчез. Он провалился в собственный портал за долю секунды до удара.

В спину Собаке, всё ещё дезориентированному внезапным исчезновением цели, полетели два кинжала. Один он успел отбить изогнутым лезвием, вынырнувшим из досок палубы, но второй вошёл ему точно между лопаток.

— В спину... как низко... — прохрипел голос из-под маски, булькая кровью.

Клэр вышел из портала и ловко приземлился на край борта, небрежно отряхивая рукав.

— О, так ты говорить умеешь? — с лёгким удивлением прокомментировал он. — Ну и ладно.

Он спрыгнул с борта, продолжая атаку. Теперь движения Собаки стали медленнее, его магия — менее точной. Рана кровоточила, отнимая силы. Клэр же был методичен и беспощаден, нанося удар за ударом, пока противник окончательно не рухнул на залитые кровью доски.

В небе над ними бой Тамары и Измаила превратился в яростный, ослепительный шторм. За их столкновением ста-

ло невозможно уследить глазами — лишь вспышки синей и алой магии смешивались в грохочущем хаосе.

Тамара пропустила несколько ударов. На её белом платье появились порезы, на бледной коже темнели синяки, но в глазах горел задор и холодная решимость. Она была ранена, но не побеждена.

Измаил же был взбешён до предела. Его удары были дикими, неконтролируемыми, продиктованными чистой яростью.

— Я донесу до тебя истину этого мира, Царевна Тамара! — проревел он сквозь грохот битвы.

— Да? — усмехнулась она, уворачиваясь от каскада молний. — Я в этом, знаешь ли, знаток. Расскажи, раз уж так не терпится.

— Смеёшься?! — он попытался нанести прямой колющий удар мечом, но Тамара прогнулась назад, пропуская клинок над собой, и ответила мощным потоком огня, который заставил принца отступить.

— Ты просто невыносима! — выкрикнул Измаил, прикрываясь искрящимся синим магическим кругом.

Именно в этот момент Тамара замерла. Её взгляд, полный холодной ярости, был устремлён не на лицо врага, а на руны, пульсирующие на его щите. Она внимательно изучала их структуру, их логику, пока они мелькали перед ней со скоростью света.

— Ваш пантеон несёт лишь раздор и разрушения! Ваши

боги легкомысленны и смешны! Им никогда не достичь величия Единого, что несёт порядок и просветление! Мы лишь хотим дать вам этот порядок! — кричал Измаил, вкладывая всю свою фанатичную веру в слова. — Наши боги выбирают лишь одного ребёнка! Мы же — все его дети! Он любит нас в равной степени!

— Или же он в равной степени к вам равнодушен, — парировала Тамара, её голос прозвучал неожиданно громко и чётко посреди бури. — Не кажется ли тебе, что это лишь две стороны одной медали?

Их окружала плотная стена магии. Они столкнулись подобно двум взрывам.

— Ты не знаешь, о чём говоришь! — фанатично заявил Измаил.

— Ой, да хватит тут в уши лить, — Тамара цокнула языком, и в этом жесте было больше презрения, чем во всех её атаках. — Для полноценного флота Тархи маловато. Вероятно, притащился сюда, чтобы перед папенькой-Султаном на фоне других Шехзаде высветиться. Вас же там просто целый муравейник из таких, как ты.

Лицо Измаила на мгновение дрогнуло. Он осёкся. И Тамара моментально считала эту реакцию.

— Ой, кажется, в цель попала, — хищно усмехнулась она.

Это промедление стоило ему всего. Краем глаза он заметил движение внизу: Клэр стоял над поверженным врагом. Ярость затмила остатки рассудка. Забыв об осторожности,

Измаил ринулся на Тамару в самоубийственной атаке.

Она прошла сквозь его заклинание, словно его и не было, и нанесла мечом точный, хладнокровный удар ему в бок. Измаил упал на колени в воздухе, глядя на неё с шоком. Из его рта пеной пошла кровь.

— Как?.. — выдохнул он, медленно повернув голову.

Тамара стряхнула с клинка кровь. Она стояла на своём алом магическом круге, её белое, истерзанное платье трепал ветер.

— Руны сложные, — спокойно сказала она, — Но в них постоянно повторяется одна и та же. Эта руна и есть твоя молния. А остальные — лишь направления. Я влила свою ману, чтобы изменить направление.

Под коленями Измаила синий круг начал моргать. Он рухнул вниз. Но в то же мгновение Собака, инстинкты которого оказались сильнее боли, сорвался с места. Клэр метнулся наперерез, но не успел. Собака свистнул — пронзительно и резко. Из открытого трюма корабля вырвалась огромная серая птица, похожая на буревестника. Птица подхватила Собаку мощными когтями, а затем, сделав крутой вираж, схватила падающего Измаила. Они взмыли в небо, оставляя поле боя.

Клэр раздосадованно цокнул языком, провожая их взглядом.

Тамара подняла руку. Буревестник парил неподалёку. Их взгляды с Измаилом встретились через разделяющее их рас-

стояние.

— Глупая женщина! Я принесу тебе истину Единого, как бы ты ни упиралась! — крикнул Измаил, кашляя кровью.

Небо над морем начало затягиваться зловещим алым светом. Выжившие матросы с кораблей Тархи в ужасе хватались за оружие. Русалки, завидев алые облака, под командой Талы направились ближе к берегу. В небе загорались сотни алых мечей.

— Прости уж, — устало, но твёрдо ответила Тамара, — Но, как по мне, твоя истина отдаёт фальшью.

И клинки обрушились на остатки войска огненным дождём. Серая птица-буревестник улетала прочь, сверкнув на прощание разрядом молнии. Красный магический круг под ногами Тамары предательски мигнул в последний раз и погас. Она начала падать с огромной высоты. Но Клэр выскочил из портала прямо под ней, подхватывая Тамару на руки, и исчез в следующем портале, появившись уже на безопасном берегу.

Они стояли на песке и смотрели на море. Вода была красной от крови, волны выносили на белый песок бездыханные тела захватчиков. Битва была окончена.

В городе золотой купол, мерцавший под ударами ядер, внезапно погас. Аскольд опустил руки, его лицо было бледным от истощения. Он тяжело опёрся на одно колено, но устоял. Защитная сеть из корней, сплетённая с магией Тамары, также рассыпалась, оставив город беззащитным... лишь

на мгновение.

Услышав тишину вместо грохота битвы, стража Геба, которая до этого была дезориентирована, наконец пришла в движение. Десятки вооружённых людей выбегали из переулков и казарм, спеша к берегу, чтобы оценить ущерб и оказать помощь.

— Всё кончено! — крикнула им Ока, стоя по пояс в воде и всё ещё сжимая свой трезубец. Она помахала им рукой. — Город цел!

Аскольд, тяжело дыша, повернулся к Тамаре, которую Клэр так и держал на руках. Её глаза были закрыты, она выглядела спящей, но её грудь едва заметно вздымалась.

— Вот скажи мне, Тамара, — хрипло произнёс Король Фей, пытаясь вернуть себе привычный язвительный тон. — Это какой балдой надо быть, чтобы не помнить ни имени, ни лица того, кто к тебе сватался?

Тамара приоткрыла один глаз. На её лице появилась усталая улыбка.

— Да в Тархе этих Шехзаде, как собак нерезаных, — пробормотала она, даже не потрудившись открыть оба глаза. — Мне что, каждого встречного-поперечного запоминать? У Султана гарем, от каждой жены у него по одному сыну как минимум. Вот и посчитай.

Из воды вышла Ока, вода ручьями стекала с её одежд. Она услышала их разговор и брезгливо скривилась.

— Это так пошло, — сказала Морская Владычица. — Го-

ворить о чём-то духовном, имея десятки женщин. Отвратительно. Это оскверняет саму суть любви.

— Кому как, — философски заметила Тамара, всё ещё лёжа на руках у Клэра. Она была истощена настолько, что не могла стоять самостоятельно.

— Мне лично без разницы, — добавила она после паузы. — Лишь бы сюда не лезли.

К ним уже подбегала толпа из городской стражи. Капитан, тот самый пожилой офицер, что встретил их днём ранее, остановился перед ними и низко поклонился, тяжело переводя дух.

— Царевна... — начал он.

— Слушайте внимательно, капитан, — голос Тамары, хоть и тихий, звучал властно и чётко. Она открыла глаза, и в них вернулся стальной блеск. Стражник выпрямился, ловя каждое слово. — Первое: нужно прочесать весь город. Ищите чужаков, шпионов, которых этот Измаил мог высадить заранее. Второе: оцените повреждения барьера и немедленно приступайте к восстановлению. Я хочу, чтобы через час защита работала хотя бы на треть мощности. Третье: отправьте самого быстрого гонца в Царьград. Нам нужны войска на южной границе. Немедленно.

Капитан кивнул, его лицо выражало смесь ужаса и решимости.

— Будет исполнено, Царевна.

Он развернулся и принялся раздавать отрывистые прика-

зы своим людям. Стража забегала, организовываясь.

Тамара снова закрыла глаза и бессильно положила голову на плечо Клэру.

— Ну вот, — прошептала она так тихо, что услышал только он. — Теперь можно и отдохнуть...

— Спи, я тебя донесу, — также тихо прошептал Клэр в ответ.

Над полем боя, усеянным обломками кораблей и телами захватчиков, кружили чайки.

АКТ V: Юг. Глава 25: Снова в Шу?!

Зефир издал протяжный, усталый клёкот и начал тяжело снижаться, широкими кругами спускаясь к земле. Его огромные крылья взмахивали всё медленнее, пока, наконец, с глухим стуком массивные лапы не коснулись травы. Грифон пошатнулся и рухнул на бок, распластавшись на изумрудном ковре.

Дмитрий со стоном сполз со спины грифона, разминая затёкшие ноги и поясницу. Алексей, более гибкий, просто перекинул ногу и мягко приземлился, хрустнув металлическими суставами.

Кир, всё ещё сжимая в руках недовольную морскую свинку, поднял голову. Внезапно резкий порыв ветра ударил ему в лицо. Воздух вокруг взорвался белоснежным вихрем. Лепестки цветущей дикой яблони-ранетки поднялись в воздух, словно внезапный снегопад. Кир инстинктивно прикрыл лицо ладонью.

Когда ветер стих и лепестки медленно опали на землю, он опустил руку и посмотрел вперёд. На него смотрели знакомые деревья. Он знал этот пейзаж. Именно здесь, на этой самой опушке, они с Тамарой когда-то вышли из тёмной чащи Леса Фей.

— Да ладно... — выдохнул Кир, и в его голосе прозвучала не усталость, а чистая, незамутнённая злость. Он сощурился

и бросил яростный взгляд на морскую свинку у себя в руках.
— Серьёзно?! Снова в Шу?!

Хара лениво зевнул, показав острые зубки.

— Да, ты угадал, — безразлично протянул бог войны, сворачиваясь поудобнее.

— Не хочу! — прорычал Кир, сжимая кулаки. Лепестки, застрявшие в его растрёпанных волосах, делали его похожим на разъярённого лесного духа. — Мне этот город не нравится, ясно?!

— Ой-ой, — Хара насмешливо цокнул языком. — Посмотрите на него. Будто ты много городов видал. То же мне, эксперт.

Кир лишь глухо зарычал от раздражения.

— Ладно вам ругаться, давайте просто уже пойдём в город, — примирительно сказал Дмитрий, подходя к мальчику и кладя тяжёлую руку ему на плечо.

— А что не так-то? — спросил Алексей, с любопытством оглядывая поля.

— У Кира тут несколько неприятных моментов было, — тихо шепнул ему Дмитрий.

Они пошли в сторону города. В Шу весна уже почти закончилась, уступая место душному, жаркому лету. На полях кипела работа: крестьяне в простых рубахах гнули спины под палящим солнцем. В стороне, методично подрывая корни сорняков, бродило стадо свиней.

Кир посмотрел на их работу и презрительно хмыкнул. По-

сле идеально выстроенной, почти математической в своей глобальности системы севооборота и ирригации в Верене, этот примитивный метод казался ему жалкой шуткой.

— И чего Тамара так восторгалась... — пробормотал он себе под нос, бросая почти высокомерный взгляд в сторону животных.

Одна из хрюшек подняла морду, увлечённо жуя клевер. Кир состроил ей рожицу и показал язык. Свинья его представления не оценила и вернулась к своему обеду.

Дмитрий, наблюдая за мальчиком, тихо рассмеялся, а затем потрепал ребёнка по волосам, взъерошив их ещё сильнее и стряхивая последние лепестки.

— Пойдём уже, знаток сельского хозяйства.

И они двинулись к стенам из охры и самана, где на воротах, как и раньше, лениво дремали знакомые стражники.

Дмитрий тяжело вздохнул и, протянув руку, попытался накинуть капюшон плаща на голову Киру. Мальчик с раздражением дёрнул плечом, сбрасывая его ладонь.

— Я не собираюсь прятаться! — заявил Кир, упрямо вздёрнув подбородок. Его взгляд был холоднее весеннего ветра, который всё ещё играл лепестками в его волосах. — Я же не преступник какой-то. Если им есть что сказать мне, пусть говорят.

Дмитрий устало потёр переносицу. Кир обычно был спокоен и рассудителен. В Шу мальчика будто подменили. Весь он стал колкий и раздражительный.

— Это может нас задержать, — выставил Дмитрий свой главный аргумент.

— Пусть, — неожиданно поддержал мальчика Алексей. Он шёл чуть позади, и его металлические суставы тихо поскрипывали при каждом шаге. — Я вот с ним согласен. Мои милые ученики защищали страну своими телами, проливали кровь на поле брани, а теперь прячутся, словно преступники. Так быть не должно. То, что они скрываются, лишь подтверждает лживые слухи о том, что они якобы изменники.

— Ты никогда не думал, что Тамара и Клэрис просто немного устали от всего внимания? Как позитивного, так и негативного? — мягко возразил Дмитрий, бросив на Алексея укоризненный взгляд. — Они просто хотели покоя.

— Они им наслаждались одиннадцать лет, — отрезал Алексей, и в его обычно тёплом голосе прозвучала несвойственная ему жёсткость. — Шила в мешке не утаишь. Одиннадцать лет Рюлель покрывался мерзкими слухами, как плесенью, но стоило им появиться, как Истина Тамары сожгла сплетни. Я не осуждаю их за желание отдохнуть. Я просто говорю о том, что отдых не может быть вечным.

Дмитрий ничего не ответил. Спорить с Алексеем, когда тот включал режим «старшего», было бесполезно. Они подошли к воротам Шу.

Стражники, лениво привалившиеся к нагретой солнцем стене из охры, казались спящими. Но стоило одному из них открыть глаза и увидеть компанию, как он резко пихнул лок-

тем своего напарника.

— Здрасте, — первым нарушил молчание Кир, глядя прямо на них. Голос мальчика звучал ровно, без тени страха. — Пройти дайте.

— Не хами тут с порога, — Дмитрий поспешно заслонил собой ребёнка, выставив вперёд руку. Он достал из-за пазухи свиток с печатью Царя. — Мы тут по делу от самого...

— Ох, а где же та дева, что сопровождала ребёнка? — перебил его первый стражник, во все глаза разглядывая Кира.

— Да-да, Свет... Нет! Царевна Тамара, так ведь её на самом деле зовут? — подхватил второй, нервно теребя ремень алебарды. — Мы бы хотели преподнести ей извинения и всё такое... Не хорошо как-то вышло тогда. Ты прости, малыш.

Кир даже не моргнул. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Проехали, — холодно бросил он. — Пройти дайте.

Он обошёл Дмитрия и зашагал дальше, не дожидаясь ответа. Стражники переглянулись и молча расступились, пропуская путников внутрь.

Алексей и Дмитрий остались стоять на месте пару секунд, глядя мальчику вслед. Их удивила не столько грубость, сколько ледяное равнодушие в его тоне.

— Они же вроде раскаялись, чего ты так? — спросил Алексей, догнав Кира уже на узкой улочке, ведущей к рынку.

— Да чего мне с их раскаяния, — фыркнул Кир, ускоряя шаг. — Я и так знал, что мнение они поменяли. Когда из

Леса ушёл, заходил в город. Просто бесит это и всё.

Дмитрий мягко улыбнулся, пытаясь сгладить резкость мальчика.

— Знаешь, полезно давать людям второй шанс, — сказал он.

Кир внезапно остановился так резко, что Хара в его руках недовольно пискнул. Мальчик поднял на Дмитрия холодный, совсем не детский взгляд.

— Когда я был малышом, мне очень нравилась одна сказка, — начал он тихо, но отчётливо. — Клэр не любил мне её читать, потому что она была очень жестокой, но Тамара мне разрешала. И когда я просил её почитать мне эту сказку, она всегда соглашалась. Сказка называется *«Волк и бархатцы»*. Знаешь сюжет?

— Не знаком, — честно признался Дмитрий.

— Она о девушке, что жила в глухой деревне. У неё были волосы необычного красного цвета. Она лечила людей травами и отварами. Спасала скот и всё такое. Но однажды в деревне завёлся оборотень. Сначала он резал овец и коров, а потом перешёл на людей. Однажды он убил целую семью, оставив в живых лишь одну старушку. И все деревенские подумали на девушку с красными волосами. Им казалось подозрительным всё: и то, что живёт она на краю деревни, и то, что травами лечит, и даже то, что старшему сыну той семьи она отказала в женитьбе. Деревенские схватили девушку и сожгли заживо на костре, а та до конца кричала, что ни в чём

не виновата. Наступила зима. Оборотень пропал. И все выдохнули. Да только скот начал колеть от заразы. Старушку, которую зверь ранее пожалел, нашли мёртвой в лесу, в домике, где жила сожжённая девушка. А оборотнем оказался тот самый парень, которому девушка отказала. Парень этот поел мяса волка, сражённого под полной луной, чтобы обрести силу и сбежать вместе с девушкой. Он сам убил свою семью, потому что те подыскали ему другую невесту, а старуха, его бабка, по чьей воле и была найдена подходящая невеста, просто спрятала его в погребе, чтобы того деревенские не убили. Девушка, что погибла, любила парня-волка, а отказала ему лишь для того, чтобы его семья не отреклась от него. В итоге парень, узнав о смерти любимой, бросился со скалы, где деревенские нашли мёртвого зверя. Скот весь умер от болезни, настал голод. И селяне, вспоминая доброту красноволосой девушки, что помогала им ранее, почувствовали стыд. Из чувства вины они сложили на месте сожжения алтарь, на котором высадили бархатцы. И плакали, не переставая, над алтарём три дня и три ночи.

— Вот видишь, раскаялись же, — тихо заметил Дмитрий, когда мальчик замолчал.

— А толку-то с их раскаяния?! — почти выкрикнул Кир, и в его глазах вспыхнула ярость. Холодная ярость. — Девушка-то от этого не ожила! Если бы семья парня-волка просто дала им пожениться, не было бы вообще всей этой истории! Да и какой толк рыдать над бархатцами, если жизнь уже от-

нята? Когда в детстве слушал эту сказку, мне было жалко деревенских. А сейчас я думаю, что им ещё мало досталось. Потому что сам я или Тамара, или Клэр могли оказаться на месте той девушки. Если бы Тамара не защитила меня, что бы со мной сделали? Я бы, возможно, умер! Что мне тогда толку было бы от их раскаяния? Раскаяние мёртвых не оживляет.

Он развернулся и быстрым шагом пошёл дальше по улице, в сторону рыночной площади, чтобы купить еды в дорогу. Алексей и Дмитрий смотрели ему вслед с невыразимой печалью.

Рынок Шу жил своей обычной, суетливой жизнью. Воздух пах сырой глиной, выпечкой, смолой привезённых торговцами досок, весенними цветами и свежей, срезанной травой. Последствия оленьей чумы здесь уже почти не ощущались: карантинный район, где всего полтора сезона назад царили смерть и запустение, был снесён до основания, и теперь на его месте местные жители, пыхтя и обливаясь потом, строили новые, более просторные лечебницы.

В углу рыночной площади, прислонившись к бочке с овсом, местный бард пьянчужка не особо умело терзал струны лютни, хриплым голосом выводя балладу о подвигах Тамары. Кир слушал его краем уха, односложно отвечая на робкие вопросы торговцев и соседей. Он был здесь чужой, и это его полностью устраивало.

Когда стайка детей, беззастенчиво тыча в него пальцами,

подбежала ближе, он даже не улыбнулся.

— Эй, ученик ведьмы! Давно не виделись! Где ты был? — спросил самый смелый из них. — Пойдём с нами играть!

— Не могу. Я занят, — холодно отрезал Кир, даже не повернув головы.

Дети, смутившись его тоном, отстали. Дмитрий и Алексей, наблюдавшие за этой сценой со стороны, переглянулись с печалью в глазах.

— Мы бы могли заночевать в городе, — предложил Алексей, меняя тему. — Отдохнём как следует.

— Да, и ты бы мог поиграть с друзьями, — подхватил Дмитрий, кивая в сторону удаляющихся детей.

— Не хочу, — так же холодно ответил Кир. — Мои друзья — это вы. А ещё Зефир и Герань. Другие феи тоже мои друзья. Русалки, Морская владычица Ока. Может, даже тот Король Эльфов мог бы стать мне другом. Но никак не эти дети.

— Не слишком ли это высокомерно? — мягко упрекнул его Дмитрий.

— Мы просто из разных миров. Вот и всё, — пожал плечами Кир. — Их не преследует фавн и им не приходится волноваться о капризах Бога Войны. А я вряд ли пойму их обычные беды. Мы не ниже и не выше друг друга. Мы просто существуем по-разному. Я — ученик Тамары, а они — крестьянские дети.

— Не кажется ли тебе, что Тамара отняла у тебя простые радости жизни? — хитро промурлыкал Хара из-под его пла-

ща.

— Тамара дала мне шанс прожить эту жизнь, — отрезал Кир. — Меня бы фавн сожрал, если бы она не решила по прихоти меня забрать.

Он подошёл к лавке с выпечкой, откуда доносился умопомрачительный аромат сдобы.

— Дай денег, — он требовательно протянул руку Дмитрию.

— Я тебе что, денежный мешок? — усмехнулся тот, но всё же протянул мальчику медную монету.

— Я бы назвал тебя ответственным за хранение бюджета, — невозмутимо поправил Кир.

Пышная румяная женщина за прилавком, увидев монету, расплылась в улыбке.

— Ох, спасибо вам! Спасибо за избавление от заразы! Да хранят вас боги! — затараторила она и вместо одной слойки с джемом протянула Киру целый холщовый мешочек со сладостями. — Возьмите-берите! Для Царевны и её ученика ничего не жалко!

Кир коротко кивнул в знак благодарности. Он запихнул одну слойку в рот целиком и, жуя на ходу, повернулся, чтобы пойти дальше... и буквально врезался в высокого статного мужчину в богатом кафтане городничего.

Мальчик и Закир коротко и холодно переглянулись. Кир без единого слова обошёл его и пошёл дальше.

— Кир! — окликнул его Закир.

— Кто это? — спросил Алексей у Дмитрия.

Кир прожевал слойку, прежде чем ответить. Он остановился и повысил голос так, чтобы его было слышно всем вокруг:

— Да так, один идиот. Напрашивался Тамаре в мужья и мне в отцы. А потом, как Тамара его отшила, устроил истерику с обвинениями.

По толпе пробежал удивлённый шёпот. Лицо Закира пошло красными пятнами. Он был заметно обескуражен такой публичной пощёчиной.

— Давай поговорим в тихом месте, — предложил городничий, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— О чём это мне с тобой говорить? — ответил ему Кир с нескрываемым презрением. — Просто живи себе дальше тихо и мирно и не ищи приключений на свою голову.

— Где твоя наставница? — не отступал Закир.

— Я подозреваю, что флиртует с моим воспитателем, — бросил Кир с ядовитой ухмылкой. — А вообще это не твоего ума дела!

— Так, прекратили! — Дмитрий быстро вклинился между ними и остановил мальчика, положив руку ему на плечо. Затем он обратился к городничему уже более спокойным тоном: — Мы в этом городе ненадолго, просто пополним запасы и пойдём дальше. Не нужно уделять нам так много внимания.

— Почему ты, могильщик, с этим мальчиком? Или мне

лучше называть тебя капитаном царской гвардии? — спросил Закир, вперив в Дмитрия тяжёлый взгляд.

Дмитрий на мгновение замер. В его глазах что-то промелькнуло.

— Сейчас мне больше подходит звание няньки, — усмехнулся он. — Но мальчик верно говорит. Не грузи свою голову лишними знаниями. Пойдёмте.

Дмитрий потянул Кира за руку, чтобы увести его прочь. И тогда Закир бросил им вслед слова, от которых Дмитрий окаменел:

— Клэрис Александрита убил всех гвардейцев, что ты тут оставил.

Дмитрий остановился как вкопанный и медленно обернулся. Его лицо было абсолютно бесстрастным.

— Что ты сказал?

— То, что слышал. Мы, жители Шу, сложили погребальный костёр и передали пепел в столицу с торговцами. Я своими глазами видел, как Клэрис Александрита убил твоих подчинённых.

Кир резко вывернулся из хватки Дмитрия.

— Клэр бы просто так это не сделал! — с жаром заявил он. Его щёки пылали от гнева и обиды за своего воспитателя. — Он по натуре ленив и в лишний раз, если это смысла не имеет, даже ухом не поведёт! Если Клэр это сделал, значит была причина!

— Была, — неожиданно легко согласился Закир. Он смот-

рел прямо на Дмитрия. — Гвардейцы собирались преследовать твою наставницу. Но, как по мне... хоть я и не согласен с их мнением... убивать столько людей лишь за намерение... это просто чудовищно. Что скажешь, капитан гвардии? С твоими подчинёнными жестоко расправились.

Дмитрий медленно повернулся к Закиру полностью. На его губах играла едва заметная улыбка.

— Лишь за намерение? — повторил он тихо. В его голосе не было гнева, только глубокая убеждённость. — Послушай меня внимательно, городничий Закир, — голос Дмитрия был тихим, но он прозвучал так весомо, что гомон рынка вокруг них, казалось, немного поутих. — Ты знаешь, что такое царская гвардия? Это не просто солдаты. Это сталь, присягнувшая на верность крови Царя. Наша единственная задача — оберегать Царскую семью. Идти за ними. Умирать за них.

Дмитрий сделал шаг вперёд, и Закир невольно отступил на полшага, словно на него надвигалась не живая плоть, а сама тень исинной власти.

— А эти... щенки, — в голосе Дмитрия впервые прорезался металл, холодный и острый, — посмели пойти против своей Царевны. Они замыслили предательство. Они нарушили клятву. В тот момент они перестали быть гвардейцами. Они стали просто изменниками.

Дмитрий смотрел Закиру прямо в глаза, и в его взгляде не было ни тени сомнения.

— Стоит поблагодарить Клэриса за то, что он смыл мой грех. Мой грех как капитана, который не уследил за своими людьми. Он сделал то, что должен был сделать я. Он защитил то, что мы все поклялись защищать.

Дмитрий замолчал. На лице Закира отразилась целая буря эмоций: шок от услышанного, попытка осмыслить эту логику и, наконец, горькое понимание. Он видел лишь жестокость убийцы, а Дмитрий видел исполнение священного долга.

Дмитрий мягко положил руку на плечо Кира, который всё это время стоял рядом, затаив дыхание.

— Пойдём, — сказал он тихо, но твёрдо. — Нам здесь больше нечего делать.

Он развернулся и, не оглядываясь на Закира, повёл Кира прочь с рыночной площади. Алексей молча последовал за ними. Кир шёл рядом с Дмитрием, сжимая в одной руке мешочек со сладостями, а другой вцепившись в рукав проводника. Он молчал, но его плечи были расправлены.

Закир остался стоять посреди рынка один. Вокруг него кипела жизнь, но он чувствовал лишь холод и пустоту. Он только что получил урок от призрака прошлого о том, что такое настоящая верность. И этот урок был страшнее любого виденного им убийства.

Кир, Алексей и Дмитрий в сопровождении полноценного зверинца из феи, грифона и морской свинки молча покинули рыночную площадь, направляясь к узким, тенистым за-

коулкам Шу. Тишину нарушало лишь недовольное сопение Кира и тихий хруст — он методично уничтожал содержимое холщового мешочка со сладостями.

— Ты будешь нас вести или нет? — наконец, не выдержав, буркнул Кир, обращаясь к комку шерсти у себя за пазухой.

Хара лениво зевнул.

— А уже можно? Ну, тогда... идите к воротам.

Кир, Дмитрий и Алексей резко остановились, словно наткнувшись на невидимую стену. Они медленно переглянулись, а затем одновременно повернули головы к морской свинке.

— Чего? — спросили они хором в синхронном недоумении.

— То есть нам в город не надо было?! — Кир резко выхватил Хару из-под плаща и, подняв на уровень глаз, яростно встряхнул. Морская свинка нелепо заболтала лапками в воздухе. — Я тебя точно скормлю Зефиру!

— Помогите-спасите! Насилие над священным животным! — тут же заверещал Хара, его голос сорвался на фальцет. — Я требую справедливого суда! Или хотя бы защитника-крысу!

Алексей, тихо посмеиваясь, аккуратно, но крепко обхватил Кира за плечи и оттащил его в сторону.

— Спокойно, мелкий. Давай не будем устраивать публичную казнь. По крайней мере, не здесь.

Дмитрий одной рукой перехватил у Кира извивающего-

ся грызуна и поднял его повыше, подальше от разъярённого мальчика.

— Тише, тише, ваше божественное хрюндельство. Давайте все успокоимся.

Зефир, который до этого мирно дремал на солнцепёке, услышав заветное слово «скормлю», приоткрыл один глаз. Увидев Дмитрия с Харой на вытянутой руке, грифон жадно облизнулся и издал тихий, утробный клёкот. Герань, сидевшая рядом, лишь философски фыркнула и продолжила поправлять волосы.

— Ты... — Кир ткнул пальцем в Хару, тяжело дыша от возмущения. — Ты... бесполезный комок меха! Мы из-за тебя весь день потеряли!

— А я тебе говорил в город идти?! — тут же нашёлся Хара, свесившись из ладони Дмитрия и пытаясь дотянуться до Кира. — Сам разнылся и поплёлся сюда!

Дмитрий вздохнул, глядя на эту перепалку.

— Так, всё. Алексей, бери Кира. Мы уходим отсюда. И да, Хара... спасибо за то, что сэкономил нам время в Шу.

— Всегда пожалуйста! — пискнул бог войны.

— ...И за то, что мы теперь точно знаем: в городе нам делать нечего.

Он развернулся и зашагал обратно к городским воротам, а за его спиной Зефир снова издал голодный клёкот, от которого Хара нервно икнул и попытался спрятаться в рукаве Дмитрия.

Хара, который теперь гордо восседал на спине Зефира, которому вновь объяснили, что хомяк-переросток не его еда, вёл их прочь от Шу, к изломанной линии Велесовых гор. Дорога стала каменистой, а воздух — прохладным и свежим, пахнущим влажной землёй и молодой травой.

Кир, отстав от старших на пару шагов, с остервенением размахивал длинной палкой, представляя на её месте настоящий меч. Его удары были резкими, но неуклюжими.

— Когда у меня уже будет настоящий меч? — в который раз за день заныл он, останавливаясь, чтобы отдышаться. — И вообще. Не хочу меч! Хочу что-то такое же пафосное и крутое, как кинжалы у Клэра!

Дмитрий, который шёл впереди, не оборачиваясь, лишь хмыкнул.

— Прежде чем Клэрис стал пользоваться кинжалами, он в совершенстве овладел мечом.

— Да, — поддержал Алексей, поправляя лямку своего походного мешка. — Тамара и Клэрис учились обращаться с мечом примерно в твоём возрасте. Так что орудуй палкой и не возмущайся. Владение мечом — это азы. Как и стрельба из лука.

— Клэр и Тамара умеют стрелять из лука? — тут же оживился Кир.

— Умеют, — кивнул Дмитрий. — Но ни у Тамары, ни у Клэра в этом особого таланта нет. Нельзя сказать, что они совсем не умеют, но до профи им далеко.

— Согласен, — с улыбкой добавил Алексей. — Ты с луком справляешься лучше, Кир.

Мальчик надулся от гордости и снова принялся колотить палкой по воздуху, на этот раз пытаясь изобразить что-то похожее на блок.

Когда они вошли в предгорья, солнце уже начало клониться к закату, окрашивая скалы в багровые тона. Здесь, вдали от людских глаз, Герань наконец почувствовала себя в безопасности. Фея бесшумно выпорхнула из своего укрытия в сумке и с радостным писком закружилась над поляной, которую Дмитрий выбрал для ночлега.

Лагерь разбили быстро и слаженно. Алексей ловко вбил колья для палатки, пока Дмитрий разводил костёр. Кир продолжал свои упражнения на краю поляны.

— Локоть ниже! — крикнул ему Алексей. — Ты открываешь правый бок!

— Ноги шире! Не заваливайся! — тут же добавил Дмитрий.

Но вот Кир сделал особенно удачный выпад, и Алексей одобрительно кивнул: — А вот это было хорошо! Видишь? У тебя получается.

Кир просиял от похвалы и с новыми силами принялся за дело.

Тем временем над котелком уже поднимался ароматный пар. Дмитрий помешивал варево большой деревянной ложкой.

— Что готовите? — спросил Кир, подходя к костру и с грохотом бросая палку на землю.

— Тушёное мясо с овощами и кореньями, — ответил Алексей. — Нужно будет завтра поохотиться. А то Зефир скоро съест наш пушистый компас с голодухи.

Кир заглянул в котелок и сморщил нос.

— Опять мясо... А сладкого больше не осталось?

Дмитрий усмехнулся и протянул ему последнюю слойку из Шу.

— Держи. Но это на десерт. Сначала нормальный ужин.

Кир схватил слойку и с довольным видом уселся на бревно рядом с костром. Герань тут же приземлилась ему на плечо и заинтересованно принюхалась к выпечке. Хара высунул мордочку из кармана Дмитрия, завистливо поглядывая на угощение.

Вокруг них сгущались сумерки Велесовых гор. Вдалеке послышался одинокий вой волка. Это был их первый спокойный вечер за долгое время. Просто компания путников, готовящих ужин у костра под звёздным небом.

Путь через Велесовы горы оказался странным. Время здесь текло не так, как в долинах. Казалось, они целую вечность петляли по узким, заросшим мхом ущельям, где каждый звук отдавался гулким эхом, а затем внезапно выходили на залитые солнцем поляны, усыпанные белыми ромашками, где тишина звенела в ушах. Хара, сидевший на плече Кира, лишь загадочно щурился и указывал лапкой то на ед-

ва заметную звериную тропу, то на просвет между кривыми берёзами и вековыми соснами.

Наконец, лес расступился, и их взору открылась широкая, бурная река. Вода с грохотом неслась по камням, разбиваясь о валуны и поднимая в воздух мелкую, холодную пыль. Шум стоял такой, что приходилось повышать голос.

Дмитрий, не раздеваясь, лишь закатав рукава, подошёл к самой кромке воды и с наслаждением плеснул ледяной водой в лицо, смывая дорожную пыль и усталость. Зефир тут же сунул клюв в поток и начал жадно пить, отфыркиваясь от брызг. Алексей методично наполнил фляги, внимательно следя, чтобы течение не вырвало их из рук.

Кир же остался стоять на месте. Он медленно прошёлся вдоль берега, рассматривая деревья. Его внимание привлекли знакомые корявые стволы и белые облака цветов.

— Ранетки... — прошептал он себе под нос. — Опять они.

Он подошёл к одному из деревьев и коснулся шершавой коры. Ветер донёс до него сладкий, с лёгкой горчинкой аромат цветения.

— Вряд ли ты помнишь это место, — внезапно раздался писклявый голос прямо над ухом.

Кир вздрогнул и посмотрел вниз. Хара сидел на болезненно изогнутом корне, выступающем из земли, и внимательно изучал мальчика своими чёрными бусинками глаз.

— А должен? — удивился Кир, выпрямляясь.

Хара ничего не ответил, лишь прищурился ещё сильнее,

словно оценивая что-то внутри самого Кира.

— Здесь Тамара нашла тебя, — наконец произнёс бог войны.

Слова прозвучали как гром среди ясного неба. Кир замер. Он снова оглядел поляну: шумную реку, цветущие деревья... И чувство, зародившееся где-то в груди, начало медленно расползаться холодом по всему телу. Оно было колючим, тянущимся, липким и пугающим. Это было узнавание. Не памяти разума, а памяти тела, духа и инстинктивного страха и одиночества, что когда-то он сам испытал, не зная названий этих ощущений.

Он перевёл взгляд на другой берег. Там, за бурным потоком, виднелись покосившиеся крыши небольших избушек. Забытая деревушка. Или то, что от неё осталось.

— А вот и мост! — крикнул Алексей с другого конца поляны. Он стоял у подгнившего бревна, перекинутого через реку. Бревно выглядело ненадёжным: скользкое от мха и влаги, оно опасно прогнулось под тяжестью Алексея, когда он на него наступил.

— Нам надо туда? — тихо спросил Кир у Хара. Его голос дрогнул.

— Не хочешь? — Хара склонил голову набок.

Кир сглотнул подступивший к горлу комок. Ему казалось, что если он сделает шаг к этому мосту, то прошлое схватит его за ноги и утянет на дно омута.

— Мне так страшно, — признался он, глядя на бурлящую

воду.

— Люди, что принесли тебя в жертву, уже давно мертвы. Нечего бояться, — философски заметил Хара и начал чесать за ухом задней лапкой.

— От этого и страшно, — выдохнул Кир.

Он сделал неуверенный шаг к мосту. Дерево под ногой Алексея предательски скрипнуло.

Дмитрий услышал их разговор и обернулся. Он вытер мокрое лицо рукавом и подошёл к Киру. Его огромная фигура заслонила солнце.

— Что случилось? — спросил он мягко.

Кир смотрел в землю, или скорее в никуда. В его красных глазах отражались лучи солнца, а волосы трепал лёгкий ветерок.

— Мне так страшно, что ноги подкашиваются, — тихо произнёс он. — Так хочется домой к Клэру и Тамаре. Хочу обнять её и сказать спасибо за то, что она не бросила меня. Плевать мне на то, что она забрала меня отсюда только из соображений логики. Я так рад, что она забрала меня

Дмитрий легонько потрепал Кира по волосам. Кир медленно поднял на него уставшие глаза, где горела тоска по дому и теплу дорогих наставников.

— Хочешь, я пойду первым? А ты за мной, — предложил Дмитрий с улыбкой.

Кир неловко кивнул в ответ и взял Дмитрия за руку. Алексей ловко проскочил по бревну. Зефир лишь фыркнул, при-

нюхавшись к трухлявому дереву, а затем ловко перепрыгнул через русло, держа на спине малышку Герань. Дмитрий первым шагнул на бревно. Кир крепче сжал его руку. Они осторожно двинулись к противоположному берегу. Шаг за шагом. Кир смотрел на широкую спину Дмитрия. Она казалось ему надежней великой Южной стены, что он видел в Верене. И эта спина так напоминала спину его воспитателя. Ещё один шаг, и Кир ощутил под ногами землю.

— Вот видишь, — Дмитрий улыбнулся ему, оглянувшись. — Не так уж и страшно.

— Угу, — кивнул Кир.

Впереди лежали заросли камыша, что зелёной стеной закрывали им путь к заброшенному селению.

Алексей и Дмитрий, не сговариваясь, достали мечи. Слаженными, экономичными движениями они начали прорубать путь через густую стену камыша. Стальные клинки со свистом рассекали толстые стебли, открывая узкую тропу. Зефир, которому заросли были по грудь, недовольно фыркал и пытался идти след в след за Дмитрием.

Когда они выбрались на небольшой пригорок, Кир замер. Деревня.

Она лежала внизу, в небольшой котловине у изгиба реки. За десять лет, прошедших с момента её гибели, природа безжалостно и в то же время бережно взяла своё. Большинство домов обвалились: их деревянные крыши и глинобитные стены смешались с почвой, став удобрением для новой

жизни. Сквозь настилы пола пробились тоненькие, но упрямые стволы молодых деревьев. Всё вокруг было усеяно ковром свежей зелени и полевых цветов. Воздух звенел от пения птиц.

Это было не кладбище. Это было место, где смерть переродилась в иную форму жизни.

Они спустились вниз и пошли меж останков жилищ. Внутри покосившихся срубов царил хаос: разбросанная кухонная утварь, глиняные черепки, ржавые гвозди. На заброшенных огородах теперь безраздельно властвовали сорняки и дикий чеснок. Упавшие ограды, словно древние руины, обвил плотный зелёный плющ. А там, где раньше были улицы или площади, теперь цвёл лиловый вереск.

Кир шёл медленно, почти бесшумно. Он пнул ногой ржавую мотыгу, лежавшую на пути. Дмитрий молча поднял с земли старый, погнутый серп и задумчиво повертел его в руках.

Внезапно Кир споткнулся. Его нога зацепилась за что-то твёрдое под слоем травы и земли. Он потерял равновесие и упал на колени прямо на небольшой холмик.

— Ты в порядке? — Алексей тут же оказался рядом и помог ему подняться, отряхивая с его штанов налипшую землю.

Кир не ответил. Он медленно поднялся на ноги и начал внимательнее оглядываться по сторонам. Вся поляна, на которой они стояли... она не была ровной. Вся она была покры-

та такими же небольшими пригорками.

— Это могилы, да? — тихо спросил он, не отрывая взгляда от земли. Его голос был хриплым. Он посмотрел на Дмитрия, ища подтверждения.

— Да, — так же тихо ответил капитан гвардии. Он отбросил серп в сторону. — Мы можем отдать им дань уважения, если тебе это поможет.

Кир вновь оглядел поле, усеянное холмиками. И его снова сковал тот леденящий ужас, что он испытал на берегу реки. Только теперь он был ещё глубже. Это был ужас не перед собственной смертью, а перед масштабом трагедии.

— В этой деревне был голод, — медленно произнёс Кир, словно собирая мысли воедино. — Но отчего он был? Тамара говорила мне, но всё же... Я хочу услышать третье мнение...

Дмитрий тяжело вздохнул и посмотрел на заходящее солнце. Алексей прекратил осматривать полуразвалившийся сарай и тоже прислушался.

— Помнится, восемь десятых деревень в окрестностях Шу и мёртвого Нута вымерли тогда от голода, — начал Дмитрий, глядя куда-то вдаль. — Царя Виктора такое не могло не заинтересовать. Ведь перед отходом с Южных земель Тамара передала отчёт о том, что здесь можно развить сельское хозяйство. Условия благоприятные... Препятствуют лишь текущий образ жизни южан и отсутствие нужных знаний.

Он сделал паузу.

— Когда Тамара ушла, Царь Виктор направил в Шу всё необходимое: семена из Верена, плуги с севера, скот и корма для него... И нескольких учёных с запада. Через год после окончания войны Шу и его окрестности понесли страшные потери от голода. Тогдашний городничий Шу и старосты деревень дали отчёты о том, что голод произошёл из-за неурожая.

Дмитрий усмехнулся, но в его усмешке не было веселья.

— Государственный инспектор же дал заключение иного рода. Он написал о том, что южане некорректно распорядились ресурсами. Они просто съели всё зерно вместо того, чтобы оставить часть на посевы. Надеялись на дальнейшее содержание за счёт Рюлеля. А когда повторных отправок продовольствия не последовало... обвинили во всём неурожай.

Кир слушал его молча, не отрывая взгляда от могил под ногами.

— Тогда я, пожалуй, обойдусь без поклонов мёртвым, — наконец сказал он твёрдо.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Алексей и Дмитрий начали разбивать лагерь на окраине деревни подальше от могил. Они развели костёр из сухих веток вереска.

Кир взял свою палку и отошёл на свободную площадку между двумя рухнувшими домами. Он методично повторял базовые удары и блоки, которые показывал ему Алексей.

Движения были резкими, злыми — выплеском того напряжения, что скопилось внутри после увиденного.

Доев свою порцию похлёбки с мясом, Кир подошёл к Хара. Морская свинка сидела у костра и с умным видом грызла какой-то корешок.

— И где осколок? — прямо спросил мальчик.

Хара лишь вновь лениво щурился на него из-под полуопущенных век.

— Он движется, — ответил божественный грызун с набитым ртом. — И скоро сам сюда придёт.

— Вот как, — ответил Кир ровным голосом.

Дмитрий и Алексей были увлечены беседой: они тихо обсуждали что-то своё у костра и не слышали этого короткого диалога.

Кир посмотрел на свои руки, затем перевёл взгляд на деревню-призрак вокруг них.

— Значит... мы будем ждать? — спросил он у Хара так же тихо.

Хара лишь кивнул своей усатой мордочкой и захрустел корешком громче прежнего.

В лагере, разбитом на окраине мёртвой деревни, мирно спали Алексей и Дмитрий. Их дыхание было единственным звуком, нарушавшим безмолвие руин.

Кир проснулся внезапно. Ему не снилось ничего конкретного, просто давящее чувство тревоги вытолкнуло его из сна. Он тихо выбрался из-под шерстяного одеяла, стараясь не

разбудить спутников.

— Не бродил бы ты один, — сонно пискнул Хара, который дремал у него в ногах. Морская свинка потянулась, смешно растопырив лапки, и деловито засеменила следом за мальчиком. — Ночью даже призракам бывает одиноко.

— А что будет-то? — беззлобно отмахнулся Кир, выходя из палатки в прохладную тьму.

Зефир спал на небольшой поляне неподалёку, свернувшись в огромный пушистый клубок. Его мощная грудь мерно вздымалась. Герань, видимо, пряталась где-то в его перьях.

Луна висела высоко, заливая деревню бледным, мертвенным светом. Всё вокруг казалось застывшим во времени: покосившиеся дома, заросшие плющом ограды, пустые глазницы окон. Кир медленно брёл по бывшей улице, чувствуя под ногами мягкую землю и пробивающуюся траву.

Он подошёл к старому колодцу, сложенному из замшелых камней. Цепь проржавела и скрипнула, когда он потянул за неё. Вместо ожидаемого плеска воды снизу донёсся громкий недовольный квакающий хор. Из тёмной глубины на него уставились десятки пар светящихся в темноте глаз-бусинок. Кир вздохнул и отпустил ведро. Лягушки снова затихли.

Внезапно со стороны полуразвалившегося сарая, стоявшего чуть поодаль, раздался глухой стук. Затем ещё один. Внутри кто-то был.

Хара замер на плече Кира, превратившись в неподвижный

меховой комочек. Сам Кир инстинктивно сделал шаг назад и поднял руку, готовясь сплести атакующее заклинание. Воздух вокруг его ладони начал слабо светиться зелёным.

Из темноты дверного проёма с треском вылетело что-то большое и тёмное. На мгновение оно зависло в воздухе, освещённое лунным светом, а затем приземлилось на четыре ноги и метнулось в сторону леса. Это был молодой олень. Животное испуганно посмотрело на две крошечные фигуры у колодца огромными блестящими глазами и скрылось в чаще.

Кир и Хара одновременно облегчённо выдохнули. Заинтересовавшись, Кир подошёл к распахнутой двери сарая. Внутри пахло пылью, сыростью и гнилым деревом. Ничего ценного здесь давно не осталось — лишь труха и обломки старых ящиков. Но внимание мальчика привлёк странный предмет, прислонённый к дальней стене. Он был накрыт полусгнившей мешковиной.

Кир осторожно откинул ткань. Под ней оказалось орудие, сделанное из дерева и тусклого металла, с длинным острым лезвием на конце, похожим на штык.

— Что это? — прошептал Кир, поднимая находку. Она оказалась неожиданно тяжёлой для своих размеров.

— О, не думал, что они остались ещё, — оживился Хара, перебираясь с плеча на пыльный приклад. Он с профессиональным интересом ощупывал механизм своими маленькими лапками. — Оп-оп... Дай-ка немного...

Из лапок бога войны вырвалась тонкая струйка маны. Она

окутала винтовку чёрно-красным пузырём, который тут же впитался в металл и дерево. Налёт ржавчины, грязь и вековая пыль осыпались на пол сухой трухой. Орудие предстало в своём первозданном виде: простое, функциональное и смертоносное.

— До того как Имхотеп пал, его населяли люди, — менторским тоном начал объяснять Хара, поглаживая очищенный ствол. — Они были умелыми кузнецами. Им не хватало знаний о металле, которые есть у вас сейчас, но вот в изобретательности жителям этого города было не занимать. Это орудие, которое может плеваться огнём. Его называли винтовкой.

— Почему же они тогда не воспользовались им для обороны? — скептически спросил мальчик, пытаясь понять принцип работы механизма. — Если оно такое грозное?

— Ну, как я понял, чтобы эти штуки огнём плевались, надо их заряжать маленькими такими шариками из свинца, — пояснил Хара. — А свинца в Имхотепе сильно не водилось. Вероятно, кто-то из жителей этой мёртвой деревни участвовал в набеге на Имхотеп, а эту штуку приволок в качестве трофея. Повезло, что порох отсырел или закончился.

— Недурно, — констатировал Кир, с уважением взвешивая оружие в руках. — Только как по мне, эффективней магией стрелять, а не шариками из свинца.

Он с новым интересом оглядел свою находку, представляя себе людей, которые держали её в руках много лет назад.

Оружие молчало, храня секреты погибшей цивилизации.

Кир аккуратно завернул очищенную Хара винтовку в кусок грубой ткани, который нашёл тут же, в сарае. Он решил, что заберёт её с собой — Алексей и Дмитрий наверняка будут заинтригованы находкой, а ему самому не терпелось изучить механизм.

— Твоя любознательность... она так напоминает Тамару, — задумчиво пискнул Хара, сидя на плече мальчика и наблюдая за его действиями. — Она тоже всегда хотела разобрать мир по винтикам, чтобы понять, как он работает.

— Говоришь как старик, — огрызнулся Кир, затягивая узел на свёртке.

Внезапно он замер. Волосы на затылке встали дыбом. Воздух в мёртвой деревне, до этого пахнущий сыростью и вереском, наполнился густым, животным смрадом. Кир медленно опустил руки и сглотнул. За его спиной раздалось тяжёлое, влажное дыхание.

Мальчик окаменел. Его красные глаза расширились от ужаса, глядя в пустоту перед собой. Он понял. По ту сторону спины стояло нечто, что не могло быть человеком. Слишком низко раздавался звук дыхания, слишком сильно дрожала земля.

Существо медленно склонило свою рогатую голову к плечу мальчика. Горячее, зловонное дыхание коснулось его уха, когда низкий, бархатный голос произнёс одно-единственное слово:

— Нашёл.

Паника взорвалась внутри Кира оглушительным звоном. Он рванулся вбок, пытаясь сорваться с места, но фавн был быстрее. Огромная когтистая лапа сомкнулась на его горле, поднимая мальчика в воздух, словно тряпичную куклу. Кир захрипел, царапая руку чудовища. Он знал эту хватку. Эту уродливую фигуру без правой руки. Это создание настигло его в Лесу Фей два года назад. Именно ему его должны были принести в жертву.

— Сколько с тобой не виделись? Года два? — промурлыкал фавн, разглядывая добычу. В его глазах горела древняя, ненасытная жажда крови. — Наконец-то я тебя сожру!

Хара, визжа от ярости, вынырнул из-под плаща Кира и со всей силы впился своими острыми зубами в волосатое запястье фавна. Тот взревел скорее от неожиданности, чем от боли, и инстинктивно разжал пальцы. Кир рухнул на землю, судорожно глотая воздух. Не теряя ни секунды, он схватил свёрток с винтовкой, подхватил Хара и бросился бежать сломя голову.

Он нёсся по узким улочкам мёртвой деревни, слыша за спиной тяжёлый топот копыт. Фавнне отставал. Кир понимал это по топоту его копыт. Он перепрыгивал через полуразвалившиеся заборы, сокращая путь, загоняя жертву туда, куда хотел.

Кир вылетел на открытое пространство поляны-могильника и резко затормозил. Он развернулся лицом к пресле-

дователю, тяжело дыша. Поднял руку, и магический круг вспыхнул у него под ногами зелёным пламенем. Он выстрелил заклинанием, не целясь, просто чтобы создать дистанцию. Волна магической энергии ударила фавна в грудь, отбросив его на несколько метров назад.

Существо медленно поднялось на ноги. По его густой шерсти пробегали зелёные искры магии Кира, причиняя боль. Мальчик стоял на поляне, освещённый лунным светом. Тень страха ещё была в его глазах, но теперь её сменила холодная, стальная уверенность. Он был готов сражаться.

— Ты!.. — начал фавн, но осёкся.

Дикий оскал хищника на его морде сменился хитрой, понимающей ухмылкой. Он указал уцелевшей рукой на захоронения.

— Просто посмотри на себя, дитя. Одна твоя жизнь. И сколько смертей. Каково это — ходить по свету, зная, что ты убил стольких своим существованием?

— Рот закрой, — ледяным тоном велел Кир, стараясь копировать Тамару, и атаковал заклинанием снова.

Фавн ловко отскочил в сторону, но атака подняла волну пыли и земли, создав завесу. Кир уже не стоял на месте. Он использовал этот момент, чтобы сократить дистанцию, атакуя штыком найденного оружия. В его голове не было лишних мыслей, только инстинкты, вбитые занятиями фехтованием Алексея и Дмитрия, и холодное спокойствие уроков Тамары и Клэра.

Фавн прикрылся от выпада, но маленькая Лоза — верный спутник Кира — молниеносно опутала козлиные ноги существа. Фавн потерял равновесие и грузно упал на землю. Кир набросился на него сверху, всем весом пытаясь пронзить штыком.

— Стал таким же монстром, как и Бессердечная ведьма Тамара! — рычал фавн, пытаясь сбросить противника, но в его голосе всё ещё звучала сладкая игривость подобная засахарившемуся на воздухе мёду.

— Ты меня убивать пришёл или языком чесать? — холодно ответил Кир, надавливая на оружие.

Собрав последние силы, фавн мощным толчком откинул мальчика. Кир пролетел несколько метров, больно ударившись о землю, но успел выставить зелёный магический щит, защитивший его от финального удара.

Фавн отскочил в сторону, тяжело дыша.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, ученик Кровавой Тамары! — лебезил он, пятясь. — Твоя жизнь стоит всех этих жизней?!

Кир остановился. Он немного устало прикрыл глаза. Под его ногами начала разгораться сложная сеть магических кругов, пульсируя ядовито-зелёным светом. Лес вокруг поляны ожил.

— Да, стоит, — спокойно, почти буднично ответил он, открывая глаза.

Фавн шокированно отпрянул, не найдя сладких слов. Из

магических кругов вырвались сотни лоз. Сама природа обратилась против фавна. Корни деревьев вылезали из земли, чтобы хлестнуть его, трава превращалась в частокол, сплетение плюща закрывало обзор. Магический ветер трепал волосы Кира. Флора истязала существо, корни маленькой берёзы безжалостно вырезали ему левый глаз.

Растительность расступилась так же внезапно, как и появилась. Перед Киром предстал фавн — израненный, ослепший на правый глаз, истекающий кровью. Он увидел своего врага. Мальчик стоял на фоне могильных холмиков, сжимая в руках оружие. Винтовка в его ладонях покрывалась зелёными эльфийскими рунами. Кир прицелился, положив палец на курок.

Фавн издал последний яростный вопль и бросился в последнюю атаку. Но Кир уже закончил зарядку. Зелёный огонь, концентрированная мана, пронзил тело существа насквозь. Фавн застыл в прыжке. Магия растеклась по его венам от дыры в груди, обращая плоть в камень. Он рухнул на землю безжизненной статуей.

— Говорил же магией стрелять эффективней, — выдохнул Кир, опуская оружие.

Его магия рассыпалась на мелкие осколки со звоном стекла.

Тяжело дыша, Кир подошёл к поверженному врагу. Он ткнул неподвижное тело штыком, проверяя на наличие жизни.

— Хара... он умер? — неуверенно спросил мальчик.

— Без понятия, — буркнула морская свинка, выглядывая из капюшона мальчика.

— Проверь, — шепотом потребовал Кир.

— Ага, щас! — фыркнул Хара.

— Мне страшно! Пожалуйста! — голос Кира дрогнул.

Морская свинка закатила глаза и спрыгнула на каменное тело. Она приложила крошечное ушко к тому месту, где должно было быть сердце.

— Мёртв! — громко объявил он и поспешно вернулась на плечо к мальчику.

На теле фавна начали распускаться цветы, в которые обратились миазмы от магии Кира. Мёртвая деревня принимала к себе и сражённое создание. Верная Лоза скользнула по телу Фавна и, порывшись в складках кожанного пояса, достала маленький багровый камешек.

— Так вот почему он до сих пор жив был, — фыркнул Хара. — В отличие от остальных, этот понимал силу осколка сердца Виктора.

Кир механически спрятал камешек в карман, а затем его колени подкосились. Он упал на траву, обхватил голову руками и закричал:

— Мне так страшно было! Думал, описаюсь! Просто кошмар!

— Ну, не обязательно во всех подробностях прям — Хара посмотрел на ребёнка с укором.

Со стороны лагеря уже бежали Алексей и Дмитрий. Они выскочили на поляну заспанные, встревоженные, с оружием наголо. Алексей первым добежал до мальчика и крепко схватил его за плечи, лихорадочно ощупывая на предмет ранений.

— Что случилось?! — рявкнул он.

Дмитрий также бросился к Киру, осматривая его лицо и шею.

— Не ребёнок, а наказание! Почему ушёл из лагеря?!

Кир безвольно обнял их обоих, уткнувшись лбом в мундирную рубашку Дмитрия, и тяжело выдохнул, чувствуя, как отпускает дикое напряжение.

— Я... нашёл осколок, — глухо сказал он, отстраняясь. — Пойдёмте спать.

Он поднялся на ноги. Дрожащей рукой Кир потянулся к щеке и резким движением сорвал пластырь, скрывавший метку фавна. Тот исчез в воздухе алыми искрами магии Тамары.

— Что ты делаешь?! — удивлённо воскликнул Дмитрий.

— Я носил его, чтобы скрыться от фавна, — тихо, но твёрдо ответил Кир. Он поднял глаза, но смотрел не на спутников, а на ряды могильных холмиков вокруг. — Теперь, когда фавн мёртв, нет смысла продолжать прятать метку.

— Разве... ты не боишься показывать её людям? — осторожно спросил Алексей.

Кир перевёл взгляд на своих спутников. В нём больше не

было страха. Лишь в уголках застыли слёзы, минувшего испуга.

— Нет, — уверенно ответил он. — Пусть хоть с вилами кидаются. Теперь, когда я даже с фавном справился, я знаю, что могу постоять за себя. Я отобьюсь. Я не могу прятаться вечно из-за чьих-то суеверий.

Кир тяжело выдохнул, будто пластырь всё это время сковывал его. Щеку мальчика обдал ночной ветер, и Кир прикрыл глаза. На него в одно мгновение рухнула вся усталость. В глазах потемнело. Голова закружилась. Как будто бы приглушенно он слышал взволнованные крики Алексея и Дмитрия.

«А Так вот что Тамара имела в виду, когда говорила про перерасход маны» — последней мыслью пронеслось в голове Кира. И он рухнул на влажную от росы траву.

***

Номер в гостинице Геба был воплощением южного спокойствия: ослепительно-белые стены, высокие потолки и большое зеркало в искусной золотой раме, которое отражало не только комнату, но и образ Тамары, немного уставший, но спокойный. Легкий бриз с моря трепал полупрозрачную занавеску, принося с собой запах соли и пороха.

Тамара сидела в глубоком кресле, одетая в местное платье из лёгкой, воздушной красной ткани. Цвет казался почти вызывающим на фоне белизны комнаты, но здесь, в Жемчужине Юга, Тамара, одетая в это красное платье, была будто

бы центром полотна, что написал юный влюблённый художник.

Она подняла лишь указательный палец правой руки, коснувшись гладкой поверхности зеркала. Золотая рама едва заметно засветилась, и гладь стекла пошла рябью, словно вода от брошенного камня. Отражение комнаты исказилось, а затем из глубины проступило другое лицо. Царь Виктор смотрел на неё из глади зеркала. Под его глазами залегли круги. Одет он был в простой серый камзол, застёгнутый на все пуговицы.

— Ты цела? — без предисловий спросил Виктор. Его голос звучал глухо, пробиваясь сквозь магическую связь. — Я получил твоё сообщение.

— Со мной всё в порядке, отец, — спокойно ответила Тамара. — Город пострадал, но не так сильно, как мог бы. Сейчас стража расчищает завалы. Шпионы Тархи пойманы, их допрашивают. Трупы врагов преданы огню, а обломки их флота уже изучают местные мастера с верфи. Говорят, что судна были технологичней наших, но рабочие обещаются построить корабли куда величественней не позднее начала следующей весны.

— Ты писала про шехзаде Измаила, кажется, — напомнил Виктор, его бровь вопросительно изогнулась. — Он что-то требовал?

— Да, он орал что-то там про верного бога, потом про ещё что-то. Я не особо запоминала. А! Точно! Он утверждал,

что мы якобы должны были быть помолвлены, — уголок губ Тамары слегка дрогнул в намеке на улыбку. — Не хочешь мне что-нибудь рассказать об этом?

Виктор нахмурился, пытаясь вспомнить детали многолетней давности.

— Ерунда, — небрежно махнул он рукой. — Султан Тархи явился ко мне, тебе лет двенадцать тогда было, и как давай петь о том, как прекрасно наши дети бы смотрелись... Благослови их союз Единый. Ты же вроде была в тронном зале, когда мы их принимали...

— У меня память на лица плохая, — небрежно отмахнулась Тамара.

Виктор замолчал, погружаясь в воспоминания.

— А, точно! Мне не хотелось, чтобы этот старый хряк засматривался на тебя, поэтому я приказал Алексею увести тебя под предлогом очень важных занятий.

— О, теперь и я припоминаю, — кивнула Тамара. — Тогда мы вроде ходили в поход к северным рубежам...

— Да, а потом я вежливо, но твердо отослал Султана Тархи обратно, — отрезал Виктор. В его голосе зазвучал металл. — Не было никаких серьёзных разговоров о браке. Я же не дурак, чтобы отдавать свою единственную дочь за какого-то щенка, каких у Султана целый выводок.

Тамара смотрела на отца через зеркало, и впервые за долгие годы она видела не строгого царя, а просто родителя. Холодные, но реальные жесты заботы, которые она раньше при-

нимала за должное или вовсе не замечала. На её лице играла лёгкая, тёплая улыбка.

— Что ж, это уже не так важно, — сказала она, возвращаясь к делам. — Думаю, открытой войны с Тархой ещё лет пять точно не будет. Флот был совсем мелким даже для разведки, ни то что для полномасштабного наступления. Вероятно, это была отчаянная попытка Шехзаде Измаила проявить себя перед отцом. И попытка провалилась. Не будь нас в Гебе, у него был бы шанс. Тогда Геб стал бы городом, где началась бы война. Но, к счастью, всё обошлось.

— Что ты думаешь об объединенных королевствах Зель? — сменил тему Виктор. — Один мой доверенный посол вернулся оттуда полгода назад с хорошими новостями.

— Тарха богата продовольствием, но у неё мало иных ресурсов, — тут же начала анализ Тамара. — Насколько мне известно, Тарха продаёт Зель продовольствие в обмен на магические кристаллы и прочие металлы.

— Я думал о том, чтобы переманить Зель на нашу сторону, — признался Виктор.

— Помнится, они поклоняются Триединой Матери, да и государство у них строится на наследовании престола от королевы к принцессе, — продолжила мысль Тамара. — Хоть Зель и поддерживает экономические отношения с Тархой, они не то чтобы пышут к ней доброжелательностью. Особенно королевская семья.

— Да, мой посол говорит, что королева Зель и наследная

принцесса обеспокоены ростом культа Единого, что привозят торговцы из Тархи, — подтвердил Виктор. — Юг наконец-то может содержать не только себя, но и производить излишки. Сейчас эти излишки идут на обеспечение Маль. Как бы мне не хотелось, но пока мне нечего предложить Зель.

— Как насчет Нута? — внезапно перебила его Тамара, подавшись чуть вперед в кресле. — Если наладить там систему орошения по веренскому образцу, он станет прекрасным местом для выращивания гречихи и злаковых. Мы сможем выращивать там больше, чем нужно всему Рюлелю.

— Нут? — Виктор заинтересованно склонил голову. Идея явно захватила его. — Думаешь, стоит вкладывать ресурсы в эту пустыню?

— Ресурсов уйдёт немало, но мне кажется, что это достойное поле для риска, — уверенно ответила Тамара. — Это долгосрочная инвестиция, которая лишит Тарху главного рычага давления.

Виктор молчал несколько долгих секунд, взвешивая слова дочери.

— В тебе говорит логика или вернувшееся сердце? — неожиданно спросил он, глядя ей прямо в глаза через зеркало.

Тамара на мгновение опустила взгляд. На её губах снова появилась та же легкая улыбка. Она вновь посмотрела прямо на отца.

— Мои сердце и логика неразрывны, отец, — тихо, но

твёрдо ответила она.

Царь Виктор медлил с ответом, переваривая услышанное.

— Я... подумаю об этом, — наконец сказал он.

— Пока тебе всё ещё нечего им предложить, кроме обещаний, — вздохнула Тамара, поправляя складку на красном платье. — Но, может, это и к лучшему. Если мы прямо заявимся к ним и скажем: «Вот наше зерно, больше не покупайте его у Тархи» — это лишь отпугнет Зель. Слишком прямолинейно.

Она встала и сделала плавный поворот, позволяя платью колыхнуться.

— Как тебе это платье, отец? — Тамара вновь рухнула в кресло.

Виктор непонимающе уставился на изображение.

— Ты в этом на улицу ходишь?

— Не будь таким ханжой, — Тамара цокнула языком. — Это ткань, созданная в Гебе. Здесь все ходят так. Просто подумай. Зель — жаркая островная страна. Начни с малого. Продай им эту ткань. Отправь в дар королеве и принцессе парочку таких платьев. Покажи уважение к их культуре. Затем предоложи поставку тканей, ну и ещё чего-нибудь... А через год-другой, когда эксперимент с Нутом даст плоды, предложи продовольствие.

— Неплохой вариант для первого шага, — согласился Виктор, и Тамара увидела, как напряжение покидает его плечи. — Очень неплохо.

Он замолчал. Атмосфера в зеркале изменилась, стала тяжелее.

— Тамара, — позвал он снова, но уже другим тоном. Более мягким, уязвимым. — Мне... Наверное, мне правда не хватает тебя.

Тамара слегка улыбнулась, и эта улыбка предназначалась только ему.

— Сначала я найду своего ученика, — сказала она, — а ты вернёшь себе сердце. Тогда мы и сможем поговорить об этом. А сейчас не забудь отправить в Геб дополнительные силы. Нам нужно выстроить оборону, чтобы припугнуть врага и показать Тархе, что юг неприступен.

Изображение в зеркале пошло последней волной ряби и исчезло, оставив после себя лишь чистую поверхность стекла. Тамара встала с кресла и подошла к окну. Улицы Геба заливал мягкий солнечный свет. Усиленные посты стражи патрулировали набережную. Все завалы были почти устранены. Город возвращался к своей приморской размеренной жизни, словно ничего и не случилось.

Внизу спорили о чём-то Аскольд и Клэр. У окна Перл и Хурма выжидающе поглядывали в сторону гостиницы. Настал момент прощаться с Гебом.

***

Хурма вновь первой приземлилась на мягкую зелёную траву, ведя за собой Перла. Оба грифона сложили крылья, оставив ворох перьев. Начиналась их весенняя линька. Та-

мара, Клэр и Аскольд оказались прямо у главных ворот Шу. Воздух здесь пах раскалённой глиной, потом и скошенной травой. Крестьяне на полях застыли, оторвавшись от работы.

— Можно поныть, что мы ходим кругами? — простонал Клэр, спрыгивая со спины Хурмы и с хрустом разминая затёкшую спину. — Я уже начинаю ненавидеть этот город.

— Я тебя в этом поддержу, — отозвалась Тамара, легко соскальзывая с седла. Её красный брючный костюм на фоне охристых стен города казался каплей крови. — Но нам не то, чтобы прям в Шу. Нам нужен был просто ориентир.

Она достала из поясной сумки небольшой золотой диск, испещрённый тончайшей гравировкой рун. Это то, что они получили срисовав траектории с миазмов разбитого сердца Виктора. Тамара провела над ним ладонью, и в центре диска зажёгся крошечный, едва тлеющий огонёк.

— Мы опоздали? Снова? — спросил Аскольд, заглядывая ей через плечо. Его золотые глаза отражали тусклый свет огонька.

— Да, — признала Тамара, хмурясь. — Задержка в Гебе нам много стоила. Я вижу миазм от осколка, но самого осколка след простыл. Он движется... или уже исчез.

— Вау, Тамара! Вот это каламбур! Растёшь на глазах! — саркастически восхитился Аскольд, театрально аплодируя. — Твоё чувство юмора так же смертоносно, как и твоя магия.

Пока они обсуждали своё прибытие, у ворот начала соби-

раться толпа. Стражники, до этого лениво дремавшие в тени, засуетились, пытаясь выстроить подобие оцепления. Горожане перешёптывались, вытягивая шеи.

— Неужели... это она?

— Ох, как нам быть-то?

— Просто держи лицо...

Аскольд оглядел растущую толпу и устало вздохнул, поправляя воротник своего камзола. В этот раз небесно голубого цвета.

— Ты не могла снова накинуть ту магию, как тогда в Царьграде? — краем глаза заметив суету, сказал он. — Чтобы все смотрели на нас и видели кого-нибудь другого? Например, трёх безобидных торговцев козьим сыром? Что-то мне сыра захотелось

— Не могла, — отрезала Тамара, не отрывая взгляда от карты. — Эта магия работает только если человек знает моё лицо где-то на задворках памяти. А благодаря тому, что какой-то «талант» распел мою шалость на Соловьином острове, моё имя у всех на слуху. Если сравнивать, заклинание работает, только если ты пытаешься скрыть точку на холсте. В нашем случае мы имеем дело не с точкой, а с огромным пятном на белом фоне.

— Плохая магия, — капризно протянул Аскольд. — Мне не нравится. Придумай другую!

Пока они перекидывались колкостями, из толпы за ворота вышел Закир. Он двигался с той напускной важностью, кото-

рая свойственна людям, пытающимся сохранить лицо в безвыходной ситуации. Он ошеломлённо посмотрел на Тамару, стоящую рядом с черным грифоном, затем перевёл взгляд на Клэра рядом с ней.

— Прошу вас, расступитесь! — громко обратился он к горожанам, хотя те и так стояли достаточно далеко. — Дайте дорогу!

— Это лишнее! — голос Тамары прозвучал звонко и холодно. — Конечно, вы можете броситься на меня с вилами и факелами. Но тогда вы лишь повторите судьбу Нута.

Тамара улыбнулась. В её улыбке и озорстве в глазах было больше угрозы, чем игривости. Закир опешил от такой прямоты

— Вы не так нас поняли! — поспешил объясниться он. — Мы вовсе не испытываем к вам ненависти! Наоборот, мы хотели бы извиниться за своё... за то недоразумение в прошлом!

Тамара его не слушала. Она и Клэр вновь оседлали Хурму, а Аскольд, издав протяжный стон, залез на Перла. Тамара небрежно развернула грифона и направила его в сторону видневшихся вдали Велесовых гор.

— Свет... Тамара? — неуверенно позвал Закир.

— Плевать мне, — бросила она через плечо. — Просто займитесь своими делами.

Но Закир не унимался. Он нагнал их и встал прямо перед мордами грифонов, загораживая путь. Хурма недоволь-

но фыркнула, Перл спрятался за подругу.

— Что за человек? Как ни намекай вежливо, всё никак не дойдёт... — вздохнула Тамара. Её голос стал опасно тихим. — Если ты думаешь, что у меня рука не поднимется убрать тебя с дороги магией... то ты дурак.

— У меня есть новости о вашем ученике! — внезапно выпалил Закир и тут же добавил тише: — Я мог бы вам всё рассказать... Наедине.

Клэр склонился над плечом Тамары, сидя за её спиной. Его дыхание щекотало ей шею, когда голос коснулся её уха:

— Звучит как подстава.

— Очевидно, что всё не так просто, — так же тихо согласилась Тамара.

Она вновь обратилась к Закиру:

— Чем вам неугодны мои спутники, господин городничий?

— Видите ли... я рад вам в этом городе... но не человеку рядом с вами, — ответил Закир, глядя прямо на Клэра.

— Ты что учудил? — Тамара повернулась к Клэру, так что их лица оказались в опасной близости друг от друга.

— Со старшим братом немного поругался, — Клэр цокнул языком и закатил глаза. — Ерунда. Это он про ту поляну и гвардейцев.

Тамара тяжело вздохнула. Она посмотрела несколько секунд на Закира и наконец ответила:

— Ладно. Но в город я заходить не буду.

Горожане начали расходиться по своим делам. Несколько любопытных зевак всё ещё глазели издали. Стражники пытались сделать вид, что заняты службой, но их уши были направлены в сторону разговора у стены.

Закир провёл её в пустующий караул у ворот.

— Где мой ученик? — прямо спросила Тамара, всем своим видом показывая нежелание задерживаться ни на секунду дольше необходимого.

— Он приходил в город пять дней назад. С ним был капитан гвардии Дмитрий, мужчина с протезами вместо ног и правой руки... и несколько зверей. Потом они направились в сторону Велесовых гор.

— Спасибо. Дальше мы разберёмся.

Тамара развернулась, чтобы уйти. Закир в отчаянии схватил её за запястье, чтобы остановить. Тамара даже не обернулась полностью. Она просто медленно опустила взгляд на его руку. Её аура начала сгущаться вокруг них чёрно-красным маревом. Закир почувствовал леденящий ужас всем нутром и машинально отпустил её, словно прикоснулся к раскалённому железу.

— Тамара... позволь мне... — сбивчиво начал он. — Послушай... этот человек рядом с тобой... я думаю, он нездоров душой.

— Ты про Клэра? — спросила Тамара с таким утомлением в голосе, будто ей приходилось объяснять правила арифметики неразумному ребёнку. В её глазах читалось абсолют-

ное безразличие к этой беседе. — Что же навело тебя на подобную мысль?

— Своими глазами я видел, как он убил весь отряд гвардии! — выпалил Закир. — Убил их без тени жалости! Тамара... прошу тебя... Тебе не стоит быть рядом с таким человеком! Возможно, сейчас тебе просто некуда пойти из-за ложных слухов о тебе... Но я мог бы

Тамара прервала его на полуслове. Её голос стал холодным и немного раздроженным:

— Когда ты уже отстанешь?

Слова застряли в горле Закира.

— Намекала. Проводила черту. А ты всё равно продолжаешь лезть, — продолжала она ровным тоном. — Даже грубо отшила. Клэрис показал тебе наглядно, что случается с теми, кто идёт против меня и досаждает мне... а ты так и не понял? Сместил фокус? Давай-ка я тебе кое-что разъясню раз и навсегда.

Она сделала шаг к нему, и он невольно отступил к стене.

— Посмотри на это с моей позиции, Закир. Ты предлагаешь мне защиту? Нет. Ты предлагаешь мне быть лишь женой городничего маленького городка. Штопать твои рубашки и решать проблемы твоего города... на который мне плевать. Я не спасала вас тут от оспы из милосердия. Я просто игралась с опасной болезнью, пытаясь решить интересную мне головоломку. Не нужно приписывать мне черты характера и мотивы, которые ты сам выдумал. Вот такой я человек, Закир.

Не надо воображать себе несчастных даму, сердце которой ты бы мог растопить.

Её голос начал приобретать глубину, словно густой массой растекаясь по воздуху, заполняя всё пространство караулки:

— Мне не нужна твоя жалкая защита. И помощь твоя конкретно мне не нужна. Чуть меньше недели назад я магией разнесла флот вражеского государства. А ты хочешь меня защитить? Что за вздор ты несёшь?! Думаешь, скажешь пару красивых мужественных слов о правильной семье, и я тут растаю? Закир Ты собственными глазами видел, как Клэр ради меня уничтожил целую армию. Он сделал это ради меня и моего ученика. Пошёл один против целой армии. Он любит меня подобно богине. Как жрец, что поклоняется лишь мне. Одиннадцать лет он был рядом со мной. Нет! С самого детства он был мне другом и опорой. Он даёт мне полное ощущение спокойствия одним своим присутствием. И ты предлагаешь мне отказаться от мужчины с такой преданностью ради тебя? Ради места жены городничего? Опомнись!

Она нависла над ним:

— Твоя выдуманная «правильная» любовь лишь пыль по сравнению с его страстью и преданностью. Даже не пытайся быть ему конкурентом. Просто тихо живи свою жизнь с достоинством. Найди себе подобающую статусу жену. Заведи детей. И не лезь туда... где от тебя и мокрого места не останется от одного моего шального заклинания, что я сотворю

из скуки.

Тамара смотрела на него с ледяным презрением. Вокруг неё клубилась чёрно-красная аура древней магии и гнева. В этот момент она действительно была подобна нимфе войны из баллад.

Наконец она развернулась и вышла из караулки обратно под палящее солнце Шу.

Закир остался стоять как вкопанный. В звенящей тишине его сознания вновь всплыли слова Кира:

«Ты для неё... лишь свинья на поле с клевером, за которой она наблюдает».

Слова ребёнка ударили его под дых с новой силой. Он бессильно сполз по стене и сел прямо на землю у ворот своего города.

Тамара вернулась к ожидавшим её Клэру и Аскольду. Клэр молча помог ей сесть обратно на грифона. Тамара сменилась в лице. Гнев уступил место полному спокойствию и еле уловимой нежности от прикосновения её спутника. Хурма недовольно фыркнула от запаха человеческого пота и пыли.

— О чём вы говорили? — спросил Клэр ровным голосом, но его пальцы чуть крепче сжали её талию при посадке.

— Господину городничему нужно было напомнить его место в жизни, — ответила Тамара. Она убрала прядь волос с лица и посмотрела в сторону Велесовых гор. — Он сказал, что Кир направился в сторону Велесовых гор пять дней назад. Нам пора в путь.

Клэр оглянулся в последний раз перед тем как отправиться в путь. Он увидел Закира. Городничий сидел у стены караулки, взъерошенный, жалкий человек с лицом, застывшим в ужасе и непонимании.

Клэр отвернулся и тронул поводья Хурмы. Черные перья вновь поймали потоки ветра.

— Поведём грифонов по земле, — бросил Клэр, отвернувшись от Закира. – Им нужен отдых.

В душе Клэра поселилось одно понимание. Надоедливого городничего он больше не встретит. И это понимание грело душу. За их спинами остался Шу. Горожане в нём продолжили жить свои жизни, а грифоны мерно ступали по неумело выложенной дороге. Их выпадающие перья кружились позади них, словно шлейф.

Они шли окало часа в сторону Велесовых гор. По обоим сторонам дороги раскинулись возделанные поля Шу, но вскоре пахотные земли сменились просторным пастбищем, огороженным простым деревянным забором. Стадо коз мирно щипало молодую травку под лучами полуденного солнца.

Однако Хурма вдруг насторожилась, фыркнула и остановилась как вкопанная. Перл тут же спрятался за свою подругу, нервно переступая с лапы на лапу. Грифоны отказывались идти дальше по дороге, тревожно косясь на стадо.

Тамара нахмурилась и переглянулась с Клэром.

— Что-то не так? — спросил Аскольд, погладив напряженного Перла.

— Тсс... Слышишь? — прошептала Тамара.

Среди мерного блеяния коз послышался почти безумный старческий весёлый смех. Он был звонким, заливистым и совершенно неуместным в этой идиллической картине. Тамаре и Клэру этот звук был более чем знаком. Они синхронно спешились.

Аскольд, тяжело вздохнув, тоже спрыгнул на землю.

— Ну что опять? Я только устроился...

Они подошли к краю деревянного ограждения. В центре стада один из молодых, самых резвых козлов носился по всему загону, совершая дикие прыжки, что не уступали даже резвым коням. А на его спине, крепко вцепившись в шерсть, восседал невысокий сухонький старичок в простой коричневой рясе. Его длинная седая борода развевалась по ветру, а лысина блестела на солнце. Старик хохотал во всё горло, явно получая огромное удовольствие от скачки

Козёл, словно почувствовав внимание зрителей, внезапно сделал последний мощный прыжок и резко остановился. Не ожидавший этого наездник кубарем полетел вперёд, совершив несколько оборотов в воздухе, и с громким «Ох!» приземлился прямо у ног незваных гостей, подняв облако пыли.

— Это ещё кто? — поражённо спросил Аскольд, глядя сверху вниз на странного старца.

— Велес, — спокойно ответил Клэр, присаживаясь на корточки рядом с упавшим богом. — Бог плодородия, урожая и скотоводства.

— Он то? — Аскольд уставился на старика с открытым ртом.

Велес тем временем поднялся на ноги, отряхивая свою рясу от пыли и сухих травинок. Заметив знакомые лица, он испуганно замер, а затем его лицо расплылось в широченной улыбке.

— Ой, да это же ребятишки Лёль и Хара! — радостно воскликнул он. — Только посмотрите на этих славных Крестников!

Прежде чем кто-либо успел среагировать, Велес проворно запрыгнул на ограждение, сгрёб в охапку сначала ошеломлённую Тамару, а затем и Клэра, и страстно расцеловал обоих в щёки.

— Как выросли! Посмотрите на себя! Ты, дочка царская, какая статная стала! А ты, доходяга! — он похлопал Клэра по плечам. — Только посмотрите на эти мышцы! А в детстве был таким худощавым, как тростинка!

Спрыгнув обратно на землю, он деловито оглядел всю компанию.

— Вы что, знакомы? — шепотом спросила Аскольд у Тамары, пока Велес придирчиво осматривал морду Перла. Грифон такому вниманию к своей персоне был не доволен, поэтому спрятался за крылом Хурмы. Та фыркнула на старика, вызвав этим только новый порыв смеха.

— Когда мы были подростками, Алексей и Дмитрий попросили нас привести лошадей для занятий, а в конюшне мы

нашли многоуважаемого Велеса, — ответила Тамара, улыбаясь, в её глазах плескались воспоминания. — Он всем лошадям наплёл косы и так увлёкся этим занятием, что умудрился уснуть прямо в стойле.

— А что мне зимой делать-то? — обиженно пробасил Велес, услышав её слова. — Да и интересно мне было во дворце побывать. Скучно одному в горах-то... Вы тут сами какими судьбами?

Тамара присела на корточки перед стариком, заглядывая ему в глаза.

— Дедушка Велес... Вы ведь знаток своих гор, великий покровитель стад. Помогите нам.

Велес задумчиво почесал бороду.

— Ну, чем смогу, помогу, малышка. Потеряли что-то?

— Да, — серьёзно кивнул Клэр, также опускаясь на уровень роста бога. — Наш ученик сбежал из дома, и мы его разыскиваем. Вы не видели здесь мальчика? Со светлыми волосами и красными глазами?

— Он одет в зелёный плащ и у него метка фавна на щеке, — добавила Тамара.

Велес хитро прищурился, вспоминая.

— Было здесь такое дитя. На грифоне сером пролетал, с двумя парнями постарше. По горам тут бродил один фавн... Племя я их создал в годы своей бурной молодости... — он мечтательно посмотрел вдаль.

— Это когда? Лет так тысяч семь назад? — саркастично

вставил Аскольд, наконец обретя дар речи.

— Да не помню я, когда точно, — добродушно рассмеялся Велес, не уловив нахальства Короля Фей. — Создал я их, чтобы помогали равновесие в природе держать. Но потом они пристрастились к человеческой плоти и стали использовать магию, что я им даровал, чтобы выменивать у людей младенцев. Сначала я взбесился по этому поводу, хотел всех извести... А потом подумал: нечестно это. Я их лишь породил, но никакое отцовство не даёт права лишать кого-то существования. Вот и прекратил над ними покровительство. Наверное, тебе, юный Король Фей, знакомы мои чувства, — Велес неожиданно серьёзно взглянул на Аскольда.

Саркастичная усмешка на лице Аскольда медленно исчезла. Перед его глазами встал город Имхотеп и его давний знакомый.

— Видимо, я просто до конца надеюсь, что они оставят этот образ жизни и одумаются... Так вот! Бродил тут по моим горам один фавн. Таскал с собой очень сильную вещичку. От Хара я узнал, что вещичка эта ничто иное, как осколок сердца твоего папеньки, малышка Тамара, — продолжил Велес, хитро прищурившись.

— Вот оно как, — кивнула Тамара, и в её глазах промелькнуло понимание. Она взглянула на свою руку, словно проверяя, бьётся ли её собственное сердце в такт с этой новостью.

— А то! Так фавн этот из неё силы тянул, чтобы копыта не откинуть. Бродил-бродил, а потом я почувствовал, что

не стало его. Пошёл проверить, а вот он! Лежит! Мёртвый лежит! — Велес хлопнул в ладоши, изображая падение. — Сразил его ваш ученик.

— Он не пострадал? — с тревогой в голосе спросила Тамара, выпрямляясь во весь рост.

— Нет, целёхонек твой ученик, — успокоил её Велес. — Я приглядывал. Парень он толковый и шустрый не по годам. Потом сели они на грифона и полетели. На восток, к предгорьям. Вот так.

— На восток, значит, — повторила Тамара, её взгляд стал сосредоточенным. Она убрала прядь волос с лица и посмотрела на своих спутников.

— Так оно и было! — подтвердил Велес и вдруг лукаво подмигнул. — А осколочек-то ваш теперь у него. Сильный мальчонка.

— Спасибо вам большое, дедушка, — искренне сказал Клэр.

— Да ладно вам, ребятишки, приятно видеть, как вы выросли! — Велес снова расплылся в добродушной улыбке. — Хорошо кушаете? Не болеете?

— Вашими стараниями, — тепло улыбнулась Тамара.

— Ну, тогда давайте! Забегу к вам как-нибудь в Лес Фей! Поболтаем! Посмотрю, как вы там устроились!

Махнув на прощание рукой, Велес развернулся и вприпрыжку побежал обратно к стаду. Он ловко запрыгнул на спину самого крупного козла, который покорно опустился

на колени, и с громким «Йехууу!» снова пустился вскачь по пастбищу.

Аскольд долго смотрел ему вслед, пока пыль от копыт не улеглась.

— Не так я его себе представлял, — наконец произнёс он, поправляя воротник камзола. — Думал, боги... ну... по крайней мере на козлах не скачут.

— А как по мне, он очень приятный, — возразил Клэр. — Простой и заботливый. Как... хороший дедушка.

Тамара лишь молча улыбнулась, глядя на удаляющуюся фигуру бога. Они вернулись к грифонам. Перл всё ещё нервно косился на коз, но Хурма уже успокоилась и нетерпеливо била хвостом по земле.

— Кир уничтожил фавна, — произнесла Тамара. — Неужели он настолько вырос?

Клэр сжал её руку.

— По крайне мере, теперь мы можем хоть об этом не переживать, — попытался он её успокоить Клэр.

— Я думаю, что фавн достаточно ослаб, — заметил Аскольд. — Когда мы столкнулись с ним в моём лесу, ты, котик, его неплохо потрепал. Да и от Тамары ему когда-то досталось. Думаю, с помощью осколка сердца Виктора он доживал свои последние годы. В конец одичал. Не просто так он больше не пытался пробраться в лес.

— И всё же — плечи Тамары опустились. — Кир всю жизнь жил со знанием, что фавн рано или поздно нагонит

его. Я никогда не скрывала от него сути его метки. И теперь, когда он свободен от этого преследования, я должна ощутить радость, но во мне появилось какое-то странное ощущение Мне грустно

Тамара приложила ладонь к груди, под которой ещё неуверенно билось её вернувшееся сердце.

— Будто бы я ему больше и не нужна, — закончила она.

— Это на так! — возразил Клэр. —— Мы нужны ему! Киру всего десять. Ему нужно научиться ещё многому прежде, чем стать взрослым.

— Он учится всему прямо сейчас, — заметила Тамара. –— Рядом с нашими учителями он познаёт мир.

— И всё же, — не отступал Клэр. — Нам пока рано отпускать его Я и сам немного задумался. О том, что, может, я чересчур опекал его всё это время. Он способен постоять за себя. Я думаю о том, что ему больше не нужна моя защита, но ведь это вовсе не так. Кир ещё дитя. Есть те, с кем он может справиться самостоятельно, но я хочу продолжить приглядывать за ним, чтобы спасти его в случае, если ему встретиться кто-то, кого ему не по силам одолеть. Так что прекрати. Мы всё ещё нужны ему. Тебе есть чему его научить, а мне есть от чего его оберегать. Так что отправляемся. Нам нужно найти его и вернуть домой.

— Вы прекратите там сопли лить?! — вмешался Аскольд, сидя на грифоне. — Давайте уже в путь. Сначала найдём этого мелкого непутёвого ученика, а потом заставим его пере-

бирать рис от гречки! Некогда тут разбираться!